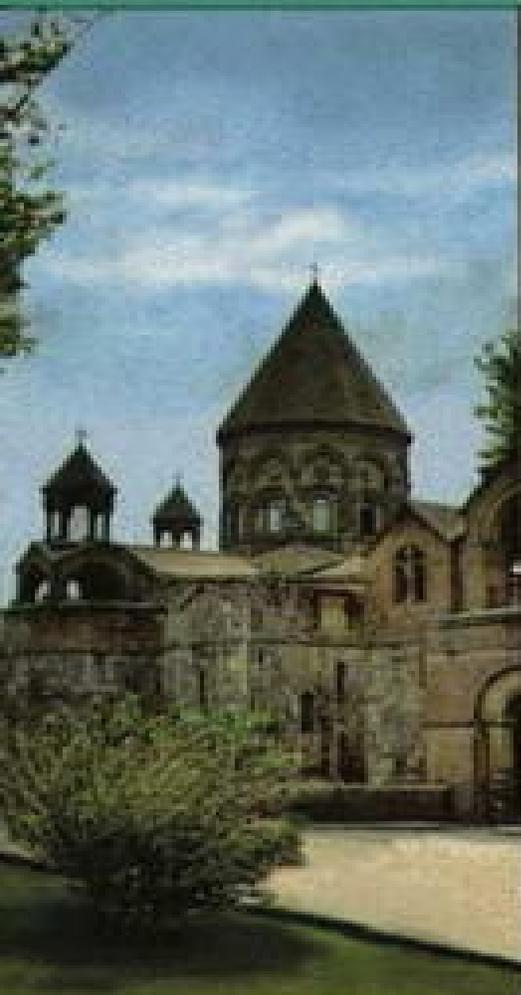

ЦИЦИАНОВ

Владимир
Лапин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Генерал от инфантерии князь Павел Дмитриевич Цицианов (1754—1806) принадлежит к числу тех, кого принято называть строителями Российской империи. Представитель древнего грузинского княжеского рода, он был горячим патриотом России и в буквальном смысле слова сложил голову, защищая интересы своего Отечества. Именно на его долю выпала реализация судьбоносного для двух стран манифеста императора Александра I о присоединении Грузии к России; ему же пришлось делать первые шаги в «умиротворении» Северного Кавказа и, одному из первых, осознать масштаб тех проблем, решение которых спустя несколько десятилетий после его гибели назвали Кавказской войной. О трагической судьбе князя П. Д. Цицианова и об истории вхождения Закавказья в состав Российской империи рассказывается в книге доктора исторических наук, специалиста по русской военной истории Владимира Викентьевича Лапина.

- [Владимир Лапин](#)
 -
 - [К ЧИТАТЕЛЮ](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Глава первая.](#)
 - [Глава вторая.](#)
 - [Глава третья.](#)
 - [Глава четвертая.](#)
 - [Глава пятая.](#)
 - [Глава шестая.](#)
 - [ЗАКЛЮЧЕНИЕ](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ П.Д. ЦИЦИАНОВА](#)
 - [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)

- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)

- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)

- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)

- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)

- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)

- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)

- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)

- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)

- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)

- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)

- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)

- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)

- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)

- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)

- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)

- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)

- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)

- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)

- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)
- [796](#)
- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)
- [810](#)
- [811](#)
- [812](#)
- [813](#)
- [814](#)
- [815](#)
- [816](#)
- [817](#)
- [818](#)
- [819](#)
- [820](#)
- [821](#)
- [822](#)
- [823](#)
- [824](#)

- [825](#)
- [826](#)
- [827](#)
- [828](#)
- [829](#)
- [830](#)
- [831](#)
- [832](#)
- [833](#)
- [834](#)
- [835](#)
- [836](#)
- [837](#)
- [838](#)
- [839](#)
- [840](#)
- [841](#)
- [842](#)
- [843](#)
- [844](#)
- [845](#)
- [846](#)
- [847](#)
- [848](#)
- [849](#)
- [850](#)
- [851](#)
- [852](#)
- [853](#)
- [854](#)
- [855](#)
- [856](#)
- [857](#)
- [858](#)
- [859](#)
- [860](#)
- [861](#)
- [862](#)
- [863](#)

- [864](#)
 - [865](#)
 - [866](#)
 - [867](#)
 - [868](#)
 - [869](#)
 - [870](#)
 - [871](#)
 - [872](#)
 - [873](#)
 - [874](#)
 - [875](#)
 - [876](#)
 - [877](#)
 - [878](#)
 - [879](#)
 - [880](#)
 - [881](#)
 - [882](#)
 - [883](#)
 - [884](#)
 - [885](#)
 - [886](#)
 - [887](#)
-

Владимир Лапин
ЦИЦИАНОВ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1538

(1338)

«Молодая гвардия», 2011

К ЧИТАТЕЛЮ

Написание книги начинается задолго до того, как автор берется за перо. Сначала возникает мысль о книге, а это, в свою очередь, становится возможным лишь в том случае, когда человек слышит и чувствует прошлое. Нет «инструментальных» доказательств того, что события былых веков унеслись в необратимую даль, а не остались в сегодняшнем мире, пребывая в особом состоянии — невидимом и неслышимом. Иногда кажется, что и наши предки находятся рядом с нами, терпеливо ожидая, когда потомки захотят и смогут услышать наконец их слова, разглядеть их образы, понять их поступки, оценить их подвиги. История — мост между этими двумя мирами, но пропуска на этот мост выдаются зачастую без должной справедливости, обеспечивая одним триумфальный проезд, а других заставляя терпеливо дожидаться своей очереди. Генерала от инфантерии князя Павла Дмитриевича Цицианова (1754— 1806) нельзя назвать забытой фигурой — в XIX столетии ему воздавали должное как военачальнику и государственному деятелю, но в веке XX память о нем потускнела. Наше время, день сегодняшний, заставляет вслушаться в голоса из былого, особенно если слова эти важны для понимания событий нынешних, проблем животрепещущих. На долю П.Д. Цицианова выпала реализация судьбоносного для России и Грузии манифеста императора Александра I 1801 года, которым эти государства с великой историей оказались политически связанными на два века, а исторически — навсегда. Россия помогла Грузии выстоять в борьбе с соседями, преодолеть внутреннюю смуту и политическую раздробленность. Грузия же внесла достойный вклад в экономическое и культурное развитие России, в укрепление ее военной мощи. Только в XVIII — начале XX века в списках императорской армии числилось более трехсот генералов-грузин. Два народа — грузинский и русский — за время проживания в общих границах обрели осознание общности и взаимного уважения, сохранили его даже в трагических для обеих сторон обстоятельствах. Оценка значимости исторических уз, связывающих два государства и два народа, невозможна без уважительного отношения к их общей истории.

Идея создания биографии П.Д. Цицианова принадлежит Александру Иосифовичу Ебралидзе — генеральному директору ОАО «Талион», учредителю Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский». Его живой интерес к истории и финансовая поддержка

позволили успешно завершить работу над книгой.

Я приношу благодарность коллегам-историкам за советы и замечания, и особенно Галине Георгиевне Лисициной, Евгению Викторовичу Анисимову, Якову Аркадьевичу Гордину, Павлу Владимировичу Рогозному.

Благодарю также сотрудников библиотеки Санкт-Петербургского института истории РАН и Российской национальной библиотеки, труд которых также вложен в эту книгу.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представитель знатного грузинского рода, генерал от инфантерии князь Павел Дмитриевич Цицианов (1754—1806) — один из строителей Российской империи. Заслуги этого человека перед державой оценены далеко не в полной мере. Командуя полком, он в офицерских чинах участвовал в Русско-турецкой войне 1787—1791 годов, закрепившей присоединение к России Крыма, Тамани и Новороссии. Уже в генеральском ранге он отличился в Польской кампании 1794 года, когда западная граница империи продвинулась за реку Вислу. В 1796 году Цицианов участвовал в Персидском походе корпуса В. Зубова, представлявшем собой очередную попытку закрепиться на западном побережье Каспия. Апогеем его службы стал пост главнокомандующего на Кавказе, где он пробыл неполных четыре года с декабря 1802-го по апрель 1806 года. На его долю выпала многотрудная реализация исторического манифеста Александра I о присоединении Грузии к России. Ему же пришлось делать первые шаги в «умиротворении» Северного Кавказа и осознать масштаб проблем, решение которых спустя несколько десятилетий назвали Кавказской войной. Он в буквальном смысле слова сложил голову, решая геополитические задачи, неумолимо поставленные перед Россией всем ходом исторического процесса.

Отсутствие памятника таким людям — явное упущение потомков. Имя каждого выдающегося государственного деятеля ассоциируется с эпохой в жизни страны, а биография его неминуемо становится частью описания и оценки произошедшего. Павлу Дмитриевичу Цицианову судьба повелела стать ключевой фигурой ключевого события в истории Кавказа — вхождения Грузии в состав Российской империи. Как не поверить в судьбу! Князь Паата Цицишвили покинул в 1725 году родной Тифлис вместе с царем-эмигрантом Вахтангом VI, а спустя восемь десятилетий его внук вернулся на свою родину, чтобы скрепить Грузию и Россию политически на два столетия, а исторически — навсегда.

В эпилоге «Кавказского пленника» А.С. Пушкин в поэтической форме так представил продвижение России на пространстве между Черным и Каспийским морями:

Так Муза, легкий друг Мечты,
К пределам Азии летала

И для венка себе срывала
Кавказа дикие цветы...
Быть может, повторит она
Преданья грозного Кавказа;
Расскажет повесть дальних стран,
Мстислава древний поединок,
Измены, гибель россиян
На лоне мстительных грузинок.
И воспою тот славный час,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующий Кавказ
Поднялся наш орел двуглавый;
Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов,
И в сече, с дерзостным челом
Явился пылкий Цицианов;
Тебя я воспою, герой,
О, Котляревский, бич Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой —
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...
Ты днесь покинул саблю мести,
Тебя не радует война;
Скучая миром, в язвах чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашних долов...
Но се — Восток подьмет вой!..
Поникни снежною главой,
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!
И смолкнул ярый крик войны:
Всё русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас наша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя,

Изменит прадедам Кавказ,
Забудет алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые.
К ущельям, где гнездились вы,
Подъедет путник без боязни,
И возвестят о вашей казни
Преданья темные молвы.

Отечественный читатель познакомился с поэмой в 1822 году, когда с южных границ империи приходили известия о покорности неукротимых черкесов, о торжестве русского оружия в загадочной Азии, о появлении нового национального героя — генерала Алексея Петровича Ермолова. Последние пятнадцать строк говорили о покорении Кавказа как о свершившемся факте. Но Пушкин обладал потрясающим историческим инстинктом: показательно, что о полном умиротворении горцев он писал в будущем времени («оставит стрелы боевые...»). Поэт не знал, разумеется, что до того, как в горах умолкнет «алчной брани глас», пройдет еще несколько десятилетий, а к некоторым ущельям путники так никогда и не смогут подъезжать «без боязни».

Пушкин «зарифмовал» уже сложившуюся картину включения Кавказа в состав империи. Россия с древних времен «присутствовала» в этом регионе, доказательством чего было легендарное Тмутараканское княжество, последние упоминания о котором в русских летописях относятся к XI веку. В дореволюционных научных трудах мы не найдем ясных определений интересов России в этом крае. Их авторы предпочитали оперировать выражениями неясными, но внушительными, например: «историческое предназначение». В 1835 году увидела свет двухтомная монография П. Зубова. В ней говорилось, что русские войска «...извлекли Грузию и сопредельные ей земли, подвластные Российскому скипетру за Кавказом, из страшного анархического состояния; создали их благоустройство, политическую свободу, неприкосновенность собственности; озарили просвещением и гражданственностью; дали способ России предвидеть важные выгоды от ее Закавказских владений и заставили Персию и Азиатскую Турцию трепетать Российского оружия»^[1]. Предложенная Зубовым схема с незначительными вариациями стала основой, и на ней строились сюжеты и идеологемы трудов, опубликованных в последней трети XIX — начале XX века^[2]. Р.А. Фадеев,

Н.Ф. Дубровин, В.А. Потто, А.Л. Зиссерман, Н.С. Дроздов, Н.В. Волконский, В.Е. Романовский и другие авторы не сомневались в том, что присоединение Кавказа отвечало государственным интересам России, было исполнением ее цивилизаторской миссии на Востоке. «Нам приходилось или остановиться у подножья Кавказского хребта, добровольно замыкая судьбы России в узкие границы Дона и Волги, или перешагнуть смело через те скалы, где носились лишь туманы, да цари-орлы... и тогда на нашем политическом горизонте открывался весь древний Восток», — писал В.А. Потто^[3]. По мнению Р.А. Фадеева, «...занятие Закавказских областей не было ни случайным, ни произвольным событием в русской истории. Оно готовилось веками, было вызвано великими государственными потребностями и исполнилось само собой»^[4]. «... России судьбой было предназначено стать властительницей этого края и положить предел тем смутам и повсеместной взаимной вражде, расшатанности всех государственных и общественных связей, которые довели богатый, цветущий, наделенный природой всеми благами Кавказ на край бездны» — слова внушительные и читателю российскому чрезвычайно приятные^[5]. Здесь уместно добавить, что отечественный образованный читатель второй половины XIX — начала XX века (а именно ему были адресованы эти строки) во многом отождествлял себя с государством, ощущал сладкое чувство сопричастности с его удачами — внешними и внутренними, а недружественные действия в отношении России воспринимал как личную обиду. Жителю Саратова, Можайска и уж тем более Москвы и Петербурга было очень лестно записывать себе в актив «пролитие света» в «темное» Закавказье. Он позиционировал себя как представитель Европы, тезис о превосходстве западной цивилизации казался ему в данном случае бесспорным. Последняя оговорка не случайна, поскольку попытки европейцев акцентировать внимание на их роли в просвещении самой России вызывали у россиян чувство острого раздражения. Согласно схеме, составленной историками империи, Петр Великий, выполняя «историческое предназначение», решил стать посредником между Западом и Востоком, оценил великое значение Каспийского моря как пути в центр Азии. Преемники царя не смогли продолжить его дело, и только при Екатерине II Россия вновь вернулась к выполнению своей исторической миссии. При этом акцент был сдвинут на помощь братьям-христианам. Присоединение Грузии привело к войне с горцами, которые постоянно нападали на новые владения империи, препятствовали их связи с европейской частью страны. Создается

впечатление, что именно эта «предначертанность» включения Кавказа в состав России негативно сказалась на внимании к людям, которые потратили на это свою жизнь.

Характерно, что Пушкин посчитал необходимым приложить комментарий к упоминанию о подвигах князя Мстислава Владимировича, который правил легендарным Тмутараканским княжеством. Судя по отсутствию других авторских примечаний, все остальное представлялось понятным тогдашней читающей публике. По преданию, когда Мстислав пошел войной на кочевавшее в кубанских степях племя касогов, их предводитель Редедя предложил ему не лить кровь дружинников, а решить исход боя в поединке. Долго боролись два богатыря, но, в конце концов, дав обет в случае победы построить церковь во имя Богородицы, Мстислав одолел Ре-дедю. Это событие было «обязательным сюжетом» в исторических сочинениях о древней Руси подобно рассказу о расправе княгини Ольги с древлянами или походу князя Игоря Новгородсеверского на половцев. Слова об изменах и гибели россиян «на ложе мстительных грузинок» — намек на судьбу князя Юрия, сына Андрея Боголюбского. Потерпев неудачу в междоусобицах, он скрывался в половецких становищах, откуда судьба его привела прямо в опочивальню грузинской царицы Тамар (Тамары). Юрий в 1185 году обвенчался с легендарной закавказской правительницей, возглавил ее войско и успешно бился с врагами своего нового отечества. Однако в пьяном виде он дерзал оскорблять царицу и вообще чинил всякие безобразия. Тамара расторгла брак и попыталась отправить князя в Константинополь, но тот вернулся в Грузию и поднял мятеж против своей бывшей супруги. У царицы оказалось больше сторонников, Юрий потерпел поражение, не успокоился, сделал еще одну попытку завладеть тронem — и опять неудачно.

Петр Степанович Котляревский стал в пушкинскую эпоху «лицом» войны с персами, подобно тому как фельдмаршал М.И. Кутузова превратился в один из символов Отечественной войны 1812 года. Котляревский довел до победного конца дело, начатое Цициановым. Важным также стало то, что он — первый российский военачальник, получивший всероссийскую известность за подвиги на Кавказе, «на Востоке». До того времени свои лавры полководцы добывали на полях европейских сражений. Четвертое лицо на пушкинском историческом полотне более чем узнаваемое — Алексей Петрович Ермолов. В национальной памяти именно он — покоритель Кавказа. Мы вернемся к этим генералам-кавказцам в конце книги, когда станем подводить итоги деятельности П.Д. Цицианова на фоне того, что произошло на

пространстве между Черным и Каспийским морями уже после его гибели. Таким образом, великий поэт «врезал» в историческую память россиян четыре имени, неотделимых от завоевания одной из важнейших частей империи.

В 1876 году вышел в свет первый том «Актов, собранных Кавказской Археографической комиссией». Собранные здесь материалы послужили документальным фундаментом официальной версии включения Кавказа в состав Российской империи. Ответственный за издание А.П. Берже, один из лучших знатоков истории, географии и этнографии края, дал такую характеристику нашему герою: «Вследствие жалоб и неудовольствий на слабое управление генерал-лейтенанта Кнорринга император Александр I назначил инспектором Кавказской линии, Астраханским военным губернатором и главноуправляющим в Грузии генерал-лейтенанта (впоследствии генерала от инфантерии) кн. Павла Дмитриевича Цицианова. Время его начальствования обнимает ровно 3 года и 5 месяцев и принадлежит к замечательнейшим, обильным событиями эпохам нашего владычества на Кавказе. Оно ознаменовалось столько же энергическими мерами к упрочению и развитию здесь благоустроенных порядков нашего гражданского управления, сколько и быстрым распространением власти и влияния России далеко за пределы Грузии, при всем том, что успехи нашего оружия иногда задерживались внешними политическими замешательствами и теми напряженными отношениями к Европейским державам, в каких Россия, как известно, находилась в первые годы правления императора Александра. Такой энергический образ управления может объяснить и то обилие материалов, какое накопилось в архиве за время пребывания здесь кн. Цицианова»^[6]. Сразу следует отметить, что в сохранении этих ценнейших документов немалую роль сыграл Алексей Петрович Ермолов. 20 октября 1818 года он писал Михаилу Семеновичу Воронцову: «...Я нашел здесь архив в бесчестном беспорядке, многие бумаги растеряны, сгнили, стравлены мышами. Трудолюбивый мой Наумов собрал, что осталось; теперь он в совершеннейшем устройстве, разобран по содержанию бумаг, по годам и все в переплете. Одного не достает, чтобы в сем виде он был тотчас после смерти Цицианова»^[7].

Вообще-то обилие документов — лишь косвенное свидетельство активности государственного мужа. Это скорее показатель трудолюбия канцеляристов и неисчерпаемых запасов бумаги. Однако в нашем случае дела из государственных архивов не только проливают свет на деятельность Цицианова, но и дают возможность раскрыть различные

стороны его характера. Образованность князя Цицианова, его навыки, можно даже сказать, привычка изложения собственных мыслей и чувств в письменном виде ставят его в тот довольно узкий круг людей начала XIX столетия, личность которых довольно явственно проглядывает сквозь строки деловых бумаг. Бюрократическая практика не предусматривала чтение начальником всех документов, которые подавались ему на подпись — даже на беглый просмотр ежедневной порции просто не хватало двадцати четырех часов. Александр Егорович Тимашев, министр внутренних дел при Александре II, известен был в частности тем, что, не глядя, черкал пером по документам, которые секретарь раскладывал веером на огромном столе. Глава важнейшего ведомства обегал стол по кругу и уезжал по своим делам. Не счесть таких примеров в истории государственных учреждений. Случай с Цициановым особый. Этот незаурядный человек, судя по всему, лично вырабатывал решения, и если не писал своей рукой, то по крайней мере диктовал послания и читал их перед отправкой адресату. Кроме официальных бумаг до нас дошло несколько десятков частных писем Цицианова близким друзьям — Ф.В. Ростопчину и Н.В. Зиновьеву, а также графам Александру Романовичу и Михаилу Семеновичу Воронцовым, которые опубликованы в нескольких исторических сборниках.

В историографии вообще и в биографии в особенности о результатах труда исторического лица принято судить по разного рода официальным источникам, о личности же его — по свидетельствам современников и прежде всего — по мемуарам. Сорок месяцев, которые Цицианов управлял Кавказом, отражены в огромном отдельном томе (более тысячи страниц!) «Актов Кавказской Археографической комиссии». А вот мемуар об этом периоде всего-навсего один. Написан он генералом Сергеем Алексеевичем Тучковым (1767—1839). Его записки представляют собой довольно яркий пример использования мемуаров для сведения счетов со своими соперниками или недругами. Так, описывая боевые действия против персов в 1804 году, Тучков явно намекает на то, что главнокомандующий не без умысла отдал расплывчатое распоряжение о продвижении вглубь неприятельской территории. В случае успешного развития событий лавры доставались князю, а неудача легко записывалась на счет неразумного подчиненного. Далее во всех сражениях самые правильные и решительные действия мемуарист приписывал себе, выставя Цицианова пассивным созерцателем происходящего. Это выглядит малоправдоподобным уже потому, что князь известен был своей горячностью и личной храбростью. Невозможно представить его безучастно наблюдающим за боем, после

которого он делает выговор подчиненным за излишнюю активность и присваивает лавры победителя^[8].

Воспоминания С.А. Тучкова, подобно большинству источников такого рода, представляют особую ценность для реконструкции событий и характеристики действующих лиц, поскольку отражают прошлое иначе, чем это делается в официальной документации. Иногда эти различия настолько велики, что создается впечатление, что речь идет о разных событиях и людях. Невозможно утверждать, что в воспоминаниях больше правды, чем в официальных рапортах, или наоборот, что субъективность мемуариста автоматически ставит его ниже составителя отчета. Авторы всех текстов связаны в своем творчестве законами жанра, они излагают собственную точку зрения на происходящее согласно уровню своей компетенции, литературным способностям, политическим взглядам, личным пристрастиям и т. д. И в личном дневнике, и в донесении императору человек писал так, как он мог и хотел, а не так, как это было на самом деле. Скрупулезный анализ исторических источников, сопоставление различных свидетельств, часто противоречащих друг другу, позволяют приблизиться к созданию картины прошлого, которая заслуживает названия правдоподобной. Абсолютно точной эта картина быть не может, потому что сам историк, так же как и авторы документов, пишет, как может и как хочет, даже если сам этого не осознает. Кроме того, следует помнить, что реальные люди, реальные события и предметы остались в невозвратимом прошлом, а в тексте мы имеем дело только с их словесными образами. Это в равной степени относится и к дошедшим до нас документам, и к научным исследованиям.

Любой официальный документ имеет более или менее установленную форму и не менее стандартизованную лексику, в которой заметное место занимают обороты речи, принятые для обозначения того или иного явления. В эти обороты втискивали подчас очень разные реалии, и лишь незначительные нюансы, видимые только тренированному глазу, нередко понятные только современнику или человеку, знакомому с контекстом, несут основную информацию о произошедшем событии. Словарь мемуариста по определению неизмеримо богаче словаря чиновника; мемуаристу дозволяется выплескивать с помощью чернил свои эмоции, фантазировать, морализировать и философствовать. Читатель слышит живую человеческую речь и поневоле проникается доверием к автору, тем более что авторитет последнего покоится на прочном фундаменте статуса очевидца или даже участника событий. Особо подкупают различные колоритные подробности, словесные портреты действующих лиц,

невозможные в источниках других видов. Российский читатель, воспитанный в недоверии к официальной информации, всегда склонялся к версии, предложенной мемуаристами. При этом как-то упускается из виду, что немало авторов воспоминаний являлись одновременно и составителями официальных бумаг, а их произведения, такие разные по жанру, не спорят между собой только потому, что лежат в разных архивных папках.

Мемуаристы часто побеждали чиновников тем, что имели перед последними огромное преимущество во времени. Рапорт составлялся вскоре после события, иногда даже когда оно еще не завершилось, у пишущего не было времени и возможности проверить донесения, лежащие в основе документа. Неизвестными оставались последствия события, их место в общей картине, реакция общества, начальства и т. д. Пишущий же воспоминания знал, что было «потом» и что об этом знали другие. Тучков писал свои записки в конце 1820-х годов, когда «время Цицианова» стало уже историей.

Наибольшее расхождение между официальными бумагами и воспоминаниями наблюдается при описании военных неудач: первые составлялись людьми, отвечавшими за произошедшее, и от того, как изображалось сражение, зависела их карьера. Вспоминали же с пером в руках те, кто такого груза на себе не нес, и потому перу давалась куда большая воля. Известно, что у победы много отцов, поражение же всегда сирота. Если сопоставить, например, записки участников Даргинской экспедиции 1845 года с рапортами, то совпадать будут разве что даты, фамилии и географические названия. Все остальное отличается разительно [\[9\]](#). И воспоминания, и официальные документы представляют собой не только некий резервуар сведений, из которого черпают историки, но и памятники своей эпохи. Человек всегда пишет о себе и своем времени. В официальном документе эти невольные откровения крайне редко пробиваются сквозь корку канцеляризма. В дневниках же и воспоминаниях гораздо больше свободы выражения мыслей и чувств, поэтому они больше говорят о времени своего создания.

Цицианову «не повезло» в отечественной мемуаристике уже потому, что ее расцвет относится к середине и второй половине XIX столетия. Библиографические справочники свидетельствуют о громадном разрыве в объемах и тематике воспоминаний времен «державинских» и времен «тургеневских». Этот жанр развивался по своим законам, главным из которых являлся ответ на интерес со стороны общества. В центре внимания читающей и думающей публики оказалась Отечественная война 1812 года, затмившая собой все кампании начала XIX века. Огромное значение имеет

и то, что Цицианов оказался в своеобразной исторической тени, образовавшейся при складывании традиционных хронологических рамок Кавказской войны и при разрастании образа А.П. Ермолова. Не слишком повезло Цицианову и в художественной литературе. Лавры «первооткрывателя» Кавказа для российского читателя принадлежат Александру Сергеевичу Пушкину, известная поэма которого действительно оказала определяющее влияние на формирование наших представлений об этой имперской окраине. Первое же масштабное прозаическое произведение принадлежит малоизвестному литератору Василию Трофимовичу Нарезному, который после учебы в Московском университете с 1801 по 1804 год служил в Грузии главой гражданского управления в Дорийском уезде, затем вернулся в Москву и в 1829 году опубликовал роман «Черный год, или Горские князья». Этот роман — предтеча современных «мыльных опер», спасение от скуки в жанре сатиры с перенесением действия в некую землю, напоминающую Кавказ. При чтении его возникают постоянные аллюзии с «Приключениями Гулливера» Д. Свифта^[10]. Автор прослужил в Грузии четыре года, из которых два пришлось на время Цицианова, но роман его никакого света на деятельность нашего героя не проливает.

О Цицианове счел нужным написать восторженные строки поэт В. Домонтович:

Помянем храбрых ветеранов,
Вождей Кавказа боевых,
Тебя, бесстрашный Цицианов,
Погибший от врагов своих...

Но сам В. Домонтович оказался в куда большем «забытии», чем прославляемый им генерал.

Одной из причин ухода фигуры Цицианова в своеобразную «историческую тень» является характер представления о феномене, получившем название «Кавказская война». В дореволюционных энциклопедических изданиях бытовало выражение «Кавказские войны», а расширение пределов России на пространстве между Черным и Каспийским морями рассматривалось как единый процесс. Само выражение «Кавказская война», обозначавшее комплекс конфликтов с горцами, появилось в научном и общественном лексиконе только в 1860-е годы, тогда как в предшествующее время использовались выражения

«покорение», «завоевание», «умиротворение», «установление владычества русских на Кавказе». Русские авторы исторических сочинений и мемуаристы называли действия горцев «восстаниями», «мятежами», «нашествиями», а собственные военные акции — «походами», «экспедициями», «действиями»^[11]. В советское же время наметилось сужение границ географических и хронологических, что окончательно было закреплено в 1973 году. Большая советская энциклопедия ограничила «Кавказскую войну» хронологически 1817—1864 годами, а географически — Чечней, Горным Дагестаном и Северо-Западным Кавказом^[12]. По нашему мнению, эти традиционные хронологические рамки Кавказской войны являются спорным конструктом, составленным из тезисов дореволюционной, советской и постсоветской историографии^[13]. Боевые действия, которые сопровождали процесс включения Северного Кавказа в состав Российской империи, растянулись на полтора столетия: от Персидского похода 1722—1723 годов до восстания в Чечне и Дагестане 1877—1878 годов. Кавказская война длилась не пятьдесят лет, а на целый век дольше! Принятое в отечественной историографии «сокращение» этого уникального военного конфликта, соответствующее коллективное историческое представление о нем и послужили причиной того, что период Цицианова и сам этот выдающийся государственный деятель оказались за рамками масштабной картины присоединения Кавказа к России.

Начало XXI столетия — время нового взгляда на историю нашего Отечества. Ушли в прошлое страхи, внедренные в сознание жесткими идеологическими установками советской эпохи. Развеялся угар «разоблачения» и «переписывания», характерный для первых десятилетий эпохи постсоветской. Всякого рода схемы и процессы перестают быть в центре внимания авторов исторических сочинений, все чаще и чаще это место занимает человек. В настоящей книге это — Павел Дмитриевич Цицианов.

Глава первая.

НАЧАЛО ВОЕННОЙ КАРЬЕРЫ

Не дожидаясь повеления вышней команды...

П.Д. Цицианов

Князь Павел Дмитриевич Цицианов родился 8 сентября 1754 года в Москве в семье чиновника Межевой конторы Дмитрия Павловича Цицианова. Свое имя он получил в честь деда, Паата (Павла) Цицишвили, который выехал из Грузии в составе свиты царя Вахтанга VI в 1725 году. В семилетнем возрасте герой нашей книги был внесен в списки лейб-гвардии Преображенского полка, что свидетельствует о достаточно высоком положении его родителей в российском обществе. Происхождение из древнего, знатного и богатого княжеского рода Цицишвили (груз. — *ციციშვილი*), известного в Карталинии и Кахетии, находившегося в родстве с грузинскими царями, являлось неплохой стартовой позицией. Сегодня трудно сказать, когда рука русского писаря впервые изменила эту грузинскую фамилию на русский манер. Это была обычная практика делопроизводства: французы, англичане, немцы, армяне, сербы, татары и все прочие иноземцы и инородцы при поступлении на службу «прописывались» в официальных бумагах с типичными русскими окончаниями «-ин» или «-ов».

В сборнике документов «Грузинские дворянские акты и родословные росписи. Материалы для истории Грузии», составленном и опубликованном А.С. Хахановым в 1893 году, говорится: «Князя Цицишвили — выходцы из Иудеи. Возвысились в Ахалцыхе при царице Тамаре, которая отдала им имение Панаскентское. Из панаскентцев отличился во время Тамерлана Заза, который переселился в Карталинию и оставил сына Цици, фамилия которого при царе Константине в 1488 г. возведена в княжеское достоинство». «Иностранное» происхождение многих дворянских родов (грузинских, русских, польских и т. д.) являлось важной частью фамильного мифа, проверить который чаще всего невозможно. При этом на веру принимались самые фантастические варианты. Князья Баратовы и Орбелиани, например, считались выходцами из... Китая^[14]. Столь же «достоверным» представляется и «иудейское»

происхождение князей Цицишвили.

В этом же сборнике приведен перевод с грузинского языка грамоты царя Теймураза, выданной в 1750 году одному из родственников главнокомандующего — князю Александру Цицианову: «Божьей милостью мы Богом вознесенный Богом постановленный коронованный Ессеев, Давидов, Соломонов, Багратован, карталинский и казах-борчальский владетель и обладатель царь царей государь, Патроп Теймураз и супруга наша царица цариц Аннаханума, первородный и любезный внук наш царевич Вахтанг сие милостивое на моуравство письмо и грамоту пожаловали вам весьма верному и заслуженному верхнему Цицианову Назаришвили Александру Сердарю нашего знамени в то время, когда вы приступили ко двору палаты нашего, прося пожаловать вам Триалетское моуравство, вняв просьбе и донесению вашему, пожаловали Триалетское моуравство над нашими казенными деревнями как царскими так царице и царевичам принадлежащими с тем, что какие выгоды за Триалетское моуравство определены были, чтоб и вам потому в установленный за моуравство пользоваться выгодами без изъятия имеешь стараться о приводе мужиков и населения деревень, не позволяя никому делать насилия и несправедливости, дай Бог иметь Вам в счастье и верной к нам службе, да не уничтожится ни от нас, ниже от последующих царей и владетелей. Повелеваю двора нашего векилям, везирям, секретарям и письмоводителям повеление сие в знак сего и вам также подтвердить не уничтожая кроме помощи и содействия. Написан генваря 15, рукой двора нашего секретаря и книжника Горджаспия Туманова 1750 года. Приложена печать царя Теймураза»^[15].

Судя по данным генеалогии, род Цициановых вел свое происхождение от жившего в XV веке князя Цици Панаскертели (Панаскетели), главы феодального рода Южной Грузии, упоминания о котором встречаются в древних документах. По его имени потомки стали называться Цицишвили. Сын Цици, Заза Цицишвили-Панаскертели, являлся первым носителем фамилии. Ему были пожалованы новые владения в Картли (у Мдзовретского ущелья). Впоследствии род разделился на несколько ветвей, в том числе на «верхних» и «нижних» Цицишвили. Они владели замком Панаскерт на берегу реки Бана-Панаскерт в области Тао, пожалованным царицей Тамарой (1184—1211) в награду за воинскую доблесть воеводе Закариа (Захария), от которого пошел род эриставов Тао (Панаскертели). Заза Цицишвили был родственником (племянником) грузинской царицы Ситихатун, супруги царя Вахтанга IV (1413—1446) и главнокомандующим грузинскими войсками в последнее десятилетие XV века. И позднее многие

из Цицишвили занимали в Грузии высокие административные должности, прославились на военном поприще, породнились с другими владетельными родами. Так, например, дочь Нодара Цицишвили была замужем за имеретинским царем Арчилом (XVII век). Князь Михаил Цицианов выполнял целый ряд важных поручений царя Ираклия II (1720—1798). Он сопровождал грузинского царя во время похода в Индию при Надир-шахе. Летом 1798 года его отправили с подарками к новому шаху Баба-хану (царствовавшему под именем Фетх-Али-шах) для того, чтобы персидский владыка отказался от нового похода на Тифлис. В 1799 году князь не смог порадовать царя известием о победе над эриванским ханом, захватившим провинцию Шурагель, издавна подчиненную Тифлису. Отряд наемников-лезгин во главе с царским тестем попытался восстановить статус-кво, но по неизвестным причинам горцы уклонились от решительного столкновения. В грузинской истории хорошо известен Сехни Цицишвили, который великодушно пожертвовал собой при нашествии персов, отдавшись в заложники и лишившись жизни по приказу вероломного шаха. Баграт Цицишвили после отъезда в Россию карталинского и кахетинского царя Вахтанга VI был назначен турками одним из трех собирателей дани в Карталинии. Ряд представителей разных грузинских ветвей рода Цицишвили (Цициановых) значатся в списке карталинских князей, приложенном к Георгиевскому трактату 1783 года в качестве свидетельства, подтверждающего их переход под покровительство Российской империи. Последний грузинский царь Георгий XII (1746—1800) был женат вторым браком на княжне Марии Георгиевне Цициановой (1769 — 31 марта 1850) и имел в этом браке шесть сыновей и две дочери. Отец царицы Марии, князь Георгий Отарович Цицианов (1729 — после 1802), был сердарем при правлении своего зятя и по смерти царя прибыл в Петербург и, получив пенсию в 1500 рублей в год, затем возвратился на родину. Его родственник, князь Давид Иванович Цицианов, был женат на дочери царя Ираклия II царевне Марии (или Мариамне, 1750—1829). Таким образом, при общении с грузинской знатью П.Д. Цицианов чувствовал себя вполне комфортно. История этой семьи демонстрирует, как иммигранты продвигались вверх по социальной лестнице, проявляя таланты и трудолюбие. Разумеется, требовалась еще и удача, но эта капризная дама чаще проявляла свои симпатии к тем, кто делал все возможное для встречи с нею. Дед Павла Дмитриевича князь Паата (Павел Евсеевич, или Захарьевич) Цицианов получил поместья в российских губерниях и стал основателем одной из наиболее известных ветвей «российских» Цициановых. Он выехал в 1725 году в составе свиты Вахтанга VI и подобно многим другим выходцам из

Закавказья служил капитаном в Грузинском гусарском полку. П. Цицианов погиб во время Русско-шведской войны 1741—1743 годов под Вильманстрандом.

Если первый из Цициановых на русской службе начал свою карьеру выслугой обер-офицерского чина в строю иррегулярного полка, то уже его сын Дмитрий (1722—1777) окончил Сухопутный шляхетный корпус^[16] и, кроме того, обучался в Военной коллегии «российскому канцелярскому штилю». Согласно выписке из аттестата кадетского корпуса, в 1739 году Д.П. Цицианов «обучал физику, юс натуре цивиле и криминале, и как сии науки, так и универсальную гисторию и географию, и такожде и арифметику, геометрию и практику, окончил весьма хорошо, по-немецки говорит и немецкие письма без диспозиции компонует, французского и латинского автора понимает, переводит и с сих обоих языков на русский и немецкий язык... весьма доброго и порядочного поведения, прилежен и к экспедициям в коллегиях способен...»^[17].

Шляхетный кадетский корпус — одно из трех военно-учебных заведений, существовавших тогда в России. Специальное образование, в том числе и военное, не являлось обязательным для поступления на службу. Подавляющее большинство офицеров армии до середины XIX столетия обучалось дома или на полковом дворе, постигая основы ратного ремесла на практике. Более важным последствием обучения в кадетских корпусах того времени было установление полезных связей, поскольку существовала прочная традиция протектировать «своим». Однако офицером Дмитрий Павлович Цицианов не стал и «секретарем капитанского чина» был выпущен в гражданскую службу.

Екатерина II назначила его председателем Верхнего земского суда в Смоленске. Перебравшись в Москву, Д.П. Цицианов несколько лет прослужил в Межевой палате. В 1757 году он издал весьма примечательную книгу — «Краткое математическое изъяснение землемерия межевого», ставшую основным пособием и инструкцией для землемеров XVIII века. Выражаясь современным языком, это было практическое пособие для проведения разграничений между землевладениями и составления поземельных планов и карт. Автор понимал, что его читатель в большинстве случаев не знает в этой области абсолютно ничего, и потому начинал с азов, обучая всем операциям шаг за шагом. В книге мы находим правила пользования компасом, объяснение геодезических и математических терминов, рекомендации по выбору красок и карандашей для рисования планов. Согласно нормам того

времени, Дмитрий Павлович Цицианов посвятил труд своему начальнику П.И. Шувалову — главноприсутствующему в Межевой канцелярии и одному из влиятельнейших людей в царствование Елизаветы Петровны.

Следующим местом его службы стала Юстицколлегия, где Д.П. Цицианов «приобрел лестное название нелицеприемного судьи и мудрого советника». Куратор Московского университета тайный советник Михаил Матвеевич Херасков пригласил его участвовать в издании «правил Русского Законоведения». Дмитрий Павлович читал лекции в Академии наук, занимался переводами иностранных сочинений. В частности, он перевел «Историю короля Генриха Великого, сочинение Гердцена Перефикса, перевод с французского» (в двух частях, Тамбов, 1789— 1790). В 1776 году возраст и болезни заставили его уйти в отставку. В 1777 году он скончался, оставив детям своим завещание-наставление, напечатанное спустя девять лет Павлом Дмитриевичем.

Публикация предварена его словами, обращенными к брату Дмитрию: «Любезный брат и друг князь Дмитрий Дмитриевич! Завещание, дражайший залог милостей горячности и любви покойного и любезнейшего нашего родителя к нам, брату князь Егору и мне, при отъезде нашем из Москвы, им пожалованное. Сие бесценное для нас сокровище! Сберегая от тленности, напечатал я для удобнейшего сохранения для наших потомков и каждому из вас сообщаю по экземпляру. Горячая его к нам любовь, во всю блаженную его жизнь, разделялась между нами на равные части, как вам известно: и потому оно к тебе столько ж принадлежит, столько ж относится к тебе, столько ж драгоценно конечно, сколько и нам, получившим оное. Прими его как дар приятнейшей душе твоей с должным ему благоговением и восхищением, а мне верь, что я с отменно искреннею привязанностью во всю мою жизнь буду Твой вернейший брат Павел». Сразу скажем: о действительно искренней привязанности будущего главнокомандующего к своим близким родственникам свидетельствует и то, что он передал им имения, полученные в награду за Польскую кампанию 1794 года.

Обращаясь к своим детям, Цицианов-старший писал: «...Богатства не нажил, но сколько ж обстоятельства дозволяли, вам бедности чувствовать не дал, ни в чем нужном, уповаю, признаться можете сами, оскудения не имели...» Далее отец завещал сыновьям твердо держаться канонів православия, напоминая, что «Писание велит предпочитать премудрость и разуму и злату и серебру и дорогим камням...». Второй завет касался правил службы: «Власть как высочайшую, так и поставленные от нее, должно почитать и являть то словом и делом; всегда и везде законам и

повелениям повиноваться; звание свое и должность наблюдать так, как только возможно, исправно, прилежно и ревностно, больших и старших себя почитать, разных лаской и учтивостью предупреждать, а нижним являть крайнее снисхождение». В отношении родственников сыновья должны были проявлять «благородную горячность и обязанность крови». Далее следовал завет барина «осьмнадцатого веку»: «Служителей так содержать, чтобы они тягостей рабства не чувствовали, почитали вас господами вкупе и отцами, и все должное исполняли с радостью». Завершалось завещание наставлением общего характера: «Вообще стараться должно, чтоб вседневно в радости и добродетели преуспевать, а от дикости, грубиянства, ссор и несогласия, от всех страстей и зла удалиться, и тем нажить имя доброго человека и истинного Христианина, полезного общества гражданина, и честного и благородного товарища, и храброго солдата, и любезного друга»^[18].

Цициановы породнились с Давыдовыми — одной из разветвленных дворянских фамилий также грузинского происхождения. Мать будущего генерала, Елизавета Михайловна Давыцова, была образованной женщиной. Культурная среда, в которой рос Павел Дмитриевич, привила ему любовь к чтению. По свидетельству людей, знавших его подростком, «книга Плутарха не выходила из его рук»^[19].

Примечательно, что в Русский биографический словарь попал и младший брат Павла Дмитриевича, Михаил, 1767 года рождения. Записанный, как положено дворянам того времени, в десятилетнем возрасте в Преображенский полк каптенармусом, он получил первый офицерский чин прапорщика в 1790 году и за пять лет вырос до поручика гвардии, после чего вышел в армию премьер-майором Софийского пехотного полка. В 1798 году получил заветный чин полковника и покомандовал некоторое время Кирасирским полком Неплюева (впоследствии Каменова), но 12 ноября 1799 года, как это случилось со многими офицерами в Павловское царствование, оказался в отставке. Осенью 1801 года, как и многие другие офицеры, оказавшиеся вне службы при Павле, он вернулся на гражданскую службу в Кремлевскую экспедицию Сената, а в 1806 году перевелся в Оружейную палату. В 1808 году М.Д. Цицианов стал статским генералом — действительным статским советником. В 1813 году он получил ответственный пост — директора экспедиции для строений в Москве. Это означало, что ему пришлось заниматься восстановлением казенных зданий в разоренном и сожженном городе. В 1814 году он вернулся на службу в Оружейную палату и

Кремлевскую экспедицию. В 1816 году последовало еще одно повышение в чине и статусе — Михаил Дмитриевич стал тайным советником и сенатором. При Николае I он тоже не был обойден царскими милостями: в 1826 году ему дали орден Святого Владимира 2-й степени — очень высокую награду, жалуемую только генералам. Кроме того, правительство сочло возможным сохранить ему после выхода в отставку все оклады жалованья, которые он получал по различным должностям. Умер М.Д. Цицианов 16 марта 1841 года в Москве и был похоронен в селе Всесвятском.

Дядя будущего главнокомандующего на Кавказе, Егор Павлович Цицианов, подполковник лейб-гвардии Преображенского полка, был довольно известным в свое время литератором, автором стихотворений «В день рождения Филлиды» (1791) и «Сирота», ряда рассказов-анекдотов, а также перевода басни «Смерть горлицы» (с французского языка)^[20].

Вся Москва знала князя Дмитрия Евсеевича Цицианова (1747—1835) — остролова, «русского Мюнхгаузена», одного из основателей и старшину Московского Английского клуба. Его сестра, княжна Екатерина Евсеевна Цицианова, в замужестве Лорер (около 1760 — до 1825) — мать декабриста Н.И. Лорера. Заметной фигурой в военной элите был Дмитрий Иванович Цицианов (1800—1851), племянник П.Д. и М.Д. Цициановых, офицер гвардейского Генерального штаба, состоявший по особым поручениям при Главном директоре кадетских корпусов великом князе Михаиле Павловиче. С 1832 года он служил правителем дел Военной академии, а затем, в чине полковника, был старшим адъютантом дежурного генерала Главного штаба. В 1842 году по неизвестным причинам был «переименован» в действительные статские советники и до своей отставки в 1850 году состоял при военном министре. Его брат — князь Павел Иванович Цицианов — офицер гвардии, был связан с декабристами, находился под следствием, но освобожден без наказания. Среди других известных родственников нашего героя — князь Дмитрий Иванович Цицианов, литератор, автор «Настоящего Ревизора», продолжения знаменитой комедии Н.В. Гоголя (СПб., 1836), написанной «по распоряжению Николая I как продолжение скандально нашумевшей пьесы, где власти искореняют описанные нарушения и наказывают прохвостов»^[21], а также князь Георгий Иванович Цицианов (1834—1897), генерал-майор, участник Крымской войны и Русско-турецкой войны 1877—1878 годов^[22].

Род князей Цициановых был записан в V часть родословных книг

Тифлисской и Московской губерний. Герб высочайше утвержден императором Павлом I 22 октября 1800 года (по ходатайству русской ветви этого рода) и внесен в Часть «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи» (Отдел 1. № 7)^[23]. Он представляет собой щит, рассеченный на четыре части. В первой из них на лазоревом поле, диагонально от правого верхнего к левому нижнему углу, изображено свернутое красное знамя и над ним скачущий на белом коне воин в латах с поднятым копьем. Во второй части гербового щита изображен на золотом поле щит. В третьей части в золотом поле помещена диагонально, в том же направлении, что и знамя, лазоревая полоса, посреди которой латинская литера S. В четвертой части на лазоревом поле изображен золотой рог изобилия, опущенный вниз отверстием, из которого сыплются цветы. Гербовый щит помещен на развернутой княжеской мантии и увенчан княжеской короной Российской империи.

*

За исключением тех редких случаев, когда человек уже с молодых лет заметно выделяется из своего окружения какими-то особыми талантами или поступками, исторические источники дают о нем довольно скудную информацию. Пока прославленный генерал был никому не известным капитаном, мало кому приходило в голову записывать для потомков его слова или действия. Если к тому же до следующих поколений не доходят письма или дневники этого человека, то ситуация становится прямо-таки критической. Однако отсутствие документов, касающихся конкретного лица, не исключает возможности создания исторического портрета. Сугубо личные черты и уникальные особенности характера действительно проявляются ярче всего в рукописях самого персонажа, а также в служебных документах, им самим созданных. Но каждый человек во многом «состоит из своей эпохи» — из ее представлений о времени и пространстве, из этических норм, из эстетических взглядов, из бытового уклада, из предрассудков и т. д. и т. п. Поэтому знание о социокультурной среде, в которой находился человек, является знанием и о нем самом. До назначения главнокомандующим в Грузии Павел Дмитриевич Цицианов был одним из тысяч офицеров и сотен генералов российской армии, ковавших победы в войнах империи, служивших не за страх, а за совесть, но так и не выслуживших себе места в первом ряду отечественного военного пантеона. Прямых свидетельств о его службе в 1770—1790 годах

немного, и потому его портрет этой поры — часть общей картины военного мира Екатерининской поры.

Но представлять нашего героя чем-то совсем «среднестатистическим» было бы совершенно несправедливо. Прежде всего, помимо принадлежности к древнему грузинскому роду, бросается в глаза его высокое образование. Первая печатная работа вышла в свет, когда будущему герою Кавказа исполнилось всего одиннадцать лет! Типография Московского университета выпустила переведенный им вместе с дядей Е.П. Цициановым с французского языка сборник высказываний некоего (очевидно, вымышленного) индийского мудреца. Егор и Павел Цициановы предварили перевод следующим вступлением:

«Благосклонный читатель! Великая сила, простота и чистота нравоучения является в сем древнем монументе премудрости восточной. А столь большего еще достойно удивления, что не только среди жестоких и ревнительнейших идолопоклонников, но и в архиве самого первейшего Ламы найдена сия редкая вещь. Учение поведения такого, которое святейшим правилам жизни и разумному мнению о Боге не противоречит: но больше согласуется и утверждает притом в красноречии первого, по философии славного и в сенаторах римских почтенного мужа речь: что нет такого дикого и грубого народа на свете, который не знал бы, что Бог есть. Что содержание книги сей драгоценно, полезно и нужно, то видно довольно из сказанного, почему мнится и в переводе труд не тщетный; а остается только просить вас, чтоб погрешности, если какие найдутся, извинить молодостью нашей и что сие есть первый опыт нашего во французском языке знания. Впрочем, желаем тебе, благосклонный читатель, при всяком благополучии наслаждаться плодами разумного и доброго поведения»^[24].

На обложке экземпляра, хранящегося в Российской национальной библиотеке, имеется любопытная пометка: «Читал сию книгу Белозерский 2-й гильдии купеческий сын Яков Васильев Шимов ноября 20-го 1863 [года] и скажу, что в старину сочиняли книги не глупцы, а едва ли не поумнее нынешних». Как видим, наш герой не только хорошо владел французским и русским языками, но и проявлял интерес к философии, изучение которой плохо вяжется с привычным образом дворянского недоросля середины XVIII столетия!

Нет возможности определить, в какой степени генерал Цицианов сам руководствовался в своей жизни теми наставлениями, которые он прочитал и счел нужным передать современникам, когда еще только числился на военной службе. «Тень познания делает из разума человеческого как бы

сон; он видит как во тьме и обманывается, — писал индийский мудрец. — Но премудрость божья есть как светило небесное; он не рассуждает, а его разум есть источник правды. Нескромный не обуздывает своего языка: он говорит наудачу и впадает как в сети от глупости своего разговору как человек, который с разбегу раздернувши завесу, может впасть в ров скрытый за нею; так равное приключение бывает тому, кто делает нечто, не рассудив о следствиях того. Слушай гласа рассуждения. Сии слова суть самой премудрости, и сии стези доведут тебя до намеренного предмета. Понеже прошедшее совершенно безвозвратно и ты не уверен видеть будущее: то не остается тебе, тленный человек, как только в пользу употребить настоящее, не жалуясь на время, которое прошло, ниже надеясь на будущее. Язвительная шутка бывает ядом дружбы; тот, кто не умеет укротить своего языка, должен себе ожидать великой досады. Упражняйся в своих собственных делах, а правление государственное оставь тем, на которых положено. Как верблюд сносит труд, зной, голод и жажду, проходя пустынями песчаными не ослабевая, так смелость человека сильного подкрепляет во всех его опасностях. Не говори себе: если б я был богат и силен или имел свободное время, то был бы я счастлив; знай, что всякое из сих преимуществ имеет свои неспособности для тех, кои ими владеют. Страх рождает несчастье, но тот, который отважится, помогает сам себе. Не делай ничего в гневе. На что пускаться в море во время жестокой бури? Мешай милости с выговорами и рассуждение с властью и так твои увещевания убедят его сердце и его должность к тебе сделается весельем»^[25]. Забегая вперед скажем, что некоторых правил наш герой придерживался, а о некоторых явно позабыл.

В двенадцать лет П.Д. Цицианов — опять-таки вместе с дядей — перевел с французского языка и издал специальное учебное пособие под названием «Полевой инженер, или Офицер, по случаю нужды строящий полевое укрепление». Здесь уже явно недоставало одного бойкого пера и свободного щебетания на чужом языке. Переводилась специальная литература, выражаясь современным языком — техническая, для чего требовалось основательное знание как фортификации, так и геометрии и геодезии. Знание последних Павел Дмитриевич, скорее всего, получил от своего отца.

Для эпитафия авторы взяли слова М.В. Ломоносова:

Крепит отечество любовь,
Сынов российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,

От грозного бодрится духу.

Причины, побудившие их перевести на русский язык работу французов, авторы объяснили так: «Благосклонный читатель! В потребном случае, как места по положению их и свойств земли по употребляемым военным по временам орудиям и в сходственность предпрятого по обстоятельствам намерения укреплять так, чтобы в оных поставленный гарнизон или войска превосходной нападающего воинства силе со всевозможной выгодностью и пользой долговременно противиться и храбро обороняться могло. А притом, чтоб неприятель непреодолимую трудность находил оное место занять и овладеть, показывает наука фортификационная, к тому нужно иметь искусных инженеров, приводит то в совершенство разумное храбрых и долговременными опытами военных действий умудренных генералов: надзирание и распоряжение»^[26]. Мы видим, что пером авторы владеют довольно еще неуклюже, текст очень мало похож на то яркое и ясное выражение мысли, которым отличались своеручные записи П.Д. Цицианова периода управления Грузией. Творения литераторов середины XVIII столетия вообще кажутся современному читателю тяжеловесными и трудными для понимания. Цициановы не пытались пустить пыль в глаза и открыто заявили, что они не претендуют на роль учителей по причине своей молодости, что трудов по фортификации уже напечатано немало, а они видят своей задачей помочь тем офицерам, которые приступают к укреплению позиций в отсутствие инженеров и опытных саперов.

Учебные пособия во все времена делились на две категории. К первой принадлежат те, чьи авторы демонстрируют глубокие и разносторонние знания. Школяр в таких работах на каждом шагу спотыкается о «непонятности», на которые сочинитель не обращает внимания, считая их чем-то общеизвестным. Для практического обучения такие опусы малопригодны. Вторая категория — настоящие самоучители, в которых весь материал «разжевывается», а все процедуры прописываются подробно и систематично — шаг за шагом. В «Полевом инженере» обучение начинается в буквальном смысле слова с азов, с проведения прямой линии: «Утвердив в двух пунктах два кола, привяжи к оным веревку и, натянувши по сим двум крайностям по длине оной, назначь линию киркой или железной лопаткой, что между оными данными пунктами и будет прямая линия. Но если линия больше веревки, то должно между данными пунктами вколотить, смотря по расстоянию, один или несколько кольев, так

что когда через колья а и в посмотреть, то б ни один из средних ни на какую сторону не выдавался». Для разметки и расчетов предлагалось использовать простейшие приспособления — веревку, колья, отвес. При разметке ночью места кольев следовало отмечать горящим фитилем или иным доступным способом. При отсутствии геодезических приборов для построения углов предлагалось использовать правило построения прямого треугольника со сторонами, кратными 3, 4 и 5 (квадрат гипотенузы = сумме квадратов катетов), а также другие приемы устройства сооружений прямоугольных, пятиугольных и т. д. Читатель узнавал, как строить простейшее укрепление — флеш (от фр. *fleche* — стрела), а также более сложное — редут, как нарезать и укладывать дерн (чтобы не осыпались рвы и валы), как изготавливать туры — большие плетеные корзины, наполненные землей. Отдельная глава была посвящена устройству искусственных препятствий — деревянных рогаток, палисадов, волчьих ям. Здесь также учитывались все мелочи — длина прутьев для плетения туров, порядок их установки, расположение рогаток и т. д. Не упущены были и вопросы организации работ — как расставлять землекопов, чтобы они не мешали друг другу, как оптимально перемещать грунт, в какой последовательности заниматься укреплением откосов. Офицер, прочитавший такую книгу, узнавал, как использовать для обороны уже имеющиеся строения (все каменные стенки предписывалось прикрыть земляными насыпями, чтобы осколки камня при попадании в них ядер не поражали солдат). Приступать к возведению укрепления следовало из расчета имеющихся людей и артиллерии: на каждого нижнего чина полагалось иметь один шаг — два фута (60 сантиметров), а на каждую пушку — пять шагов. После описания устройства амбразур имелось примечание:

«Если укрепление строится на вышине, можно обойтись без амбразуры и тогда палить с барбета, подняв батарею так, чтобы пушки опереться на барбет и стреляючи зажигать дерн не могли. Сей манер палить весьма вредительнее неприятелю для того, что пушку можно поворачивать по своему произволению»^[27]. Чтобы пехотный офицер не был озадачен незнакомым словом из лексикона фортификаторов, братья Цициановы давали русское название предметам, иногда придумывая понятное выражение. Так, барбет — часть насыпи, защищавшая солдат на уровне груди, в книге именуется нагрудником. (Позднее в военной среде закрепилось немецкое слово «бруствер»: от немецкого *Brust* — грудь и *Wehr* — защита.) Завершается книга описанием приемов составления так называемого «маршрутного плана» — документа, представляющего собой

простейшую карту движения отряда.

Следующая печатная работа Цицианова была издана в Москве в 1775 году, когда автору исполнился 21 год. По своему характеру и содержанию она предельно удалена от сферы профессиональных интересов П.Д. Цицианова. Это сентиментально-нравоучительный роман, переведенный с французского: «Юлия, или Щастливое раскаяние. Примечания исторические». В обращении к читателю сказано:

«Государь мой! Упражнение мое от скуки в праздное время, употребляя к услуге вашей, издаю сию перевода моего книжку, в которой сочинитель изобразил добродетель по многим искушениям, паки возвращающуюся в прежние свои силы и превосходное свое состояние. Я ж, наконец, желаю, чтоб сия книжка была вам полезной в скучные ваши часы и наградила б тем за труд, государь мой, вашего доброжелательного слугу К.П. Ц. (капитан Павел Цицианов. — В. Л.)». Назидательность книги заключалась в мысли, что порок всегда будет наказан, что родители должны оберегать своих детей от тлетворного влияния безнравственных людей. Сюжет романа следующий: благородное семейство проживало в глухой французской провинции. Единственный сын поступил на военную службу, а единственная дочь-красавица была неосторожно отдана на попечение родственницы-парижанки госпожи Соваль, которая вела, мягко говоря, беспорядочную жизнь в столице. Что случилось далее — легко догадаться: «Племянница с великой радостью поспешила открыть первые движения сердца своему другу; ибо все общества приемлют в глазах юношества вид дружбы: чувствительность сих лет не бывает укреплена опытами, и нужда любить не малою причиной их погрешностей и несчастий. Может быть, спросят, для чего госпожа Соваль не довольствовалась общим к ней презрением и желала делить свой стыд и дурную славу с молодой девушкой, которая еще была привязана к добродетели. Надобно испытать сердце злобных; можно в оном приметить с ужасом, что их мерзкое утешение, чтоб распространять успехи зла и умножить число своих сообщников. Сии суть зараженные люди, кои прежде последнего издыхания вкушают адское увеселение из сообщения своего яду и из того, что взирают на падающих с собой»^[28]. Наивная Юлия поддалась ухаживаниям злодея маркиза Жермиоля и стала его любовницей, всячески скрывая от родителей свой образ жизни. С ней познакомился молодой и приличный офицер Домаль, признавшийся ей в любви и во время этого признания узнавший, что видит перед собой родную сестру. Читатели просто обязаны рыдать в голос над этими страницами, равно как и над многими последующими, где говорится о раскаянии, примирении и

прощении. Брат и сестра возвратились домой и успели застать в живых отца, который получил утешение перед кончиной. Госпожа Соваль тем временем заболела и умерла в страшных мучениях, раскаиваясь в содеянном. Похоронив отца, Юлия ушла в монастырь, где приняла добровольно самые тяжелые испытания — питалась одним черствым хлебом, носила самую грубую одежду и спала в гробу.

Забегая вперед скажем, что последним литературным трудом Цицианова стал перевод книги Фридриха Великого «Дух кавалера Фоларда из его толкований на Полибиеву историю». Судя по некоторым данным, князь занимался переводом во время службы в Финляндии в 1790—1794 годах, но издал его только в 1804 году.

*

В 1772 году, после одиннадцати лет «заочной службы» в гвардии, Павел Дмитриевич Цицианов получил, наконец, первый обер-офицерский чин. То, что родители смогли «пристроить» его в Преображенский полк, где в списках значились все царствующие особы, свидетельствовало о том, что Цициановы занимали прочные позиции в российской элите. В самой привилегированной пехотной гвардейской части Цицианов дослужился до чина капитан-поручика. По обычной для того времени схеме (служба в гвардии как подготовка к занятию командной должности в армии) 7 января 1778 года он был переведен подполковником в Тобольский пехотный полк, располагавшийся в Выборге. Командиром части был его родной дядя — князь Михаил Михайлович Давыдов, который «усмотря его (Цицианова. — В. Л.) способности, доставил ему случай управлением полка усовершенствовать себя в полевой службе. Будучи еще подполковником, был употреблен по многим особенным делам, в которых требовалась великая осторожность и благоразумие. Все таковые поручения исполнял он с совершенной похвалою, чем приобрел особенное уважение и внимание генералов, Финляндской дивизией командовавших, и снискал их любовь и дружество. Счастливая связь молодого человека с почтенными и опытными мужами еще более образовала его военные дарования»^[29].

Французский социолог П. Бурдьё сравнил генеалогическое древо с географической картой, а родственные связи — с тропинками и дорогами, проложенными людьми, которые пользуются этими путями с интенсивностью, эквивалентной интенсивности личных контактов между родственниками. То же самое можно сказать о связях корпоративных и

дружеских. Когда у человека возникает какая-то проблема, разрешение которой требует содействия других лиц, он обращается в первую очередь к родным, друзьям и знакомым. Куда послал своего сына Петрушу Гринева Андрей Петрович Гринева в пушкинской «Капитанской дочке»? В дальний гарнизон на степную границу, но с письмом к генералу Андрею Карловичу Р., «старинному товарищу и другу». В условиях неразвитой правовой системы использование неформальных связей являлось гораздо более перспективной стратегией, нежели многодневное обивание порогов канцелярий. Отец Цицианова Дмитрий Павлович учился в военно-сухопутном корпусе одновременно с П.И. Румянцевым-Задунайским, А.А. Вяземским, П.Н. Мелиссино, А.П. Сумароковым и другими влиятельными людьми Екатерининского царствования. У нас нет прямых доказательств того, что кто-то из этих людей не оставил без внимания сына их «однокашника», но практика протектирования «века осмнадцатого» была универсальной: А.С. Пушкин это знал хорошо. Дворяне записывали своих чад в зависимости от влиятельности тех, кто «хлопотал», капралами, унтер-офицерами и сержантами; не имевшие протекции записывали недорослями. В Преображенском полку в 1770-е годы одних сержантов состояло более тысячи и недорослей — без счету^[30]. Определение офицера на службу «под крыло» к родственнику было делом совершенно обычным для военного быта XVIII — начала XIX века. Сами опекаемые не стеснялись упоминать об этом в своих воспоминаниях^[31].

О службе Цицианова в гвардии практически ничего не известно. Скорее всего, она ничем особым не отличалась от быта офицеров столичного гарнизона. 12 февраля 1786 года по обычной практике того времени Павла Дмитриевича «переименовали» из капитан-поручиков гвардии в армейские полковники и назначили командиром Санкт-Петербургского гренадерского полка. Но это был уже совершенно иной уровень. В вооруженных силах командир роты (капитан) и полковник (командир полка или артиллерийской бригады) являлся больше чем строевым командиром. Эти части были не только тактическими единицами, но и хозяйственными структурами. Шефом полка являлся один из влиятельнейших людей второй половины екатерининского царствования фельдмаршал Иван Петрович Салтыков. По словам П. Зубова, этот человек питал к Цицианову полное доверие. После Русско-турецкой войны 1787—1791 годов полк был разделен на два «летучих» гренадерских полка, и Цицианову в 1790 году поручили сформировать «новый» Санкт-Петербургский гренадерский полк. Это была трудная задача, о которой наш

герой писал одному из своих друзей: «Полк, в котором я написан сверх комплекта, совершенно разоренным сделали. Дали бригадиру, который им командовал и которому велено сформировать Сибирский гренадерский полк, ордер — взять из старого своего полка все, что захочет. Он начал с того, что 22 офицера взял, музыку, мастеровых и унтер-офицеров множество, а солдатами, я чай, окончит. Я знаю, что расстроенный полк взять и его исправить — чести больше, и по самолюбию надеялся бы успеть в том; но кто спасибо скажет, и кто уважит, если покровителя нет?.. Точно жить без жалования тяжело приходится, весь в долгу, ничем не обзавелся и маленькой суммой исправиться не могу, да и полковником будучи, вижу, что не в состоянии исправиться. Надобно красть, а красть свойства не имею; кражу называть, по обыкновению, экономией приучиться не могу; без экономии жалованием жить полковнику не можно. Чтобы иметь хороший полк, надобно иметь хороших офицеров; чтобы иметь, надлежит всегда с ними обращаться; обращаться всегда надобно для них иметь стол, а сие требует денег. Все сие соображая, видя за плечами долг, по моим доходам неоплатный, ужасаюсь по чести»^[32]. В одном из писем своему другу и бывшему сослуживцу В.Н. Зиновьеву Цицианов рассказывает о мерах по укреплению дисциплины во вверенной ему части: «Важнейшее зло в полку, что солдат не знает ничему срока, ничто до него вовремя не доходит, или лучше сказать, иное совсем. Ротные командиры избалованы, считают роту за деревню, а солдаты мужиков, у которых стоят, почитают за оброчных крестьян. Я одного солдата уже принужден был в страх другим прогнать сквозь строй за то, что он мужика, принудя везти себя в роту, да еще на дороге избил его, а сам уехал. Мужик пришел прямо ко мне, я ему обещал все отыскать, отыскал и велел ему быть при экзекуции; после, позвав его, спросил: "Доволен ли он?" Он, бедный, так был этим тронут, что говорил мне, что он если бы это знал, то лучше бы у него лошадь пропала. Теперь суди: каковы здесь мужики, и каковы мои гренадеры!.. Я только и твержу офицерам, чтобы до солдат все доходило. Вообрази, что иные несколько третей жалования не получали (деньги выдавались три раза в год. — В.Л.), а я велел каждому в руки раздать, и приставил майора, а то, бывало, отдадут ротному командиру, а он их причтет к своим деньгам...» «Офицеры привыкли видеть Вадковского (прежнего командира. — В.Л.), что он из горницы не выходит, дивятся моему дон-кишотству, которое я делаю, без всякого чувствования беспокойства. Ездил по всем ротам осматривать для того, что полк очень обширно стоит, а к себе приводить — это было бы им (т. е. ротам) мученье. И так, объезжая их, около 500 верст сделал в одной кибитке, в шляпе и

мундире без постели, а мороз градусов 16 наверное был»^[33].

Формирование полка было непростым делом. Обычно для таких целей выделялись офицеры и нижние чины из нескольких уже существовавших частей, что позволяло во многих случаях вести «родословную» полка с почетных времен Петра Великого, а то и еще более ранних. Однако среди этого контингента, как правило, оказывался большой процент тех, от кого командиры нашли наконец-то способ избавиться под благовидным предлогом. Переводы часто сопровождалось разного рода «неудовольствиями» в отношении назначения на должности и чинопроизводства. Надо было в кратчайшие сроки спаять командный состав и нацелить его на решение задач боевой подготовки. До штатной численности новый полк доводили за счет рекрутов, требовавших длительного и умелого обучения. Следующей задачей было обеспечить две тысячи человек провиантом, обмундированием, кровом, вооружением и множеством нужных мелочей (инструментами для полковых ремесленников, медикаментами для лазарета, упряжью для обоза и т. д.). Формально все это было заботой интендантов, но в жизни — головной болью полкового командира. Создание новой части являлось рискованным делом, но успех в нем гарантировал награду и продвижение по службе, поскольку равнялся сдаче очень жесткого экзамена на военно-административную состоятельность. Люди, с честью прошедшие такие испытания, приобретали широкую известность. Так что формирование Санкт-Петербургского полка, называвшегося в конце XIX века 3-м гренадерским Санкт-Петербургским короля Фридриха-Вильгельма III полком, стало важной вехой в жизни Цицианова.

По достижении чина полковника человек оказывался на пороге особого мира, именовавшегося генералитетом. Чин полковника в наибольшей степени был связан с совершенно определенной должностью — командованием полком. Поскольку же эти части в России конца XVIII — начала XIX века были «считаными», их руководители оказывались на виду у самого императора. Уходя в отставку, полковник, если он не запирался в своем имении, мог рассчитывать на солидный пост в гражданской администрации. Человек в этом чине становился вершителем судеб многих людей — прежде всего своих подчиненных, поскольку именно он подписывал документы о продвижении по службе и о наградах. Конечно, упиваться властью может и деревенский пастух, тираня мальчишку-подпаска, но в нашем случае речь идет о власти настоящей, завораживающей, многих мгновенно оглуляющей, безжалостно представляющей достоинства и пороки на всеобщее обозрение. Кроме

наслаждения властью, чин полковника доставлял и удовольствие, имеющее вполне определенное измерение, — деньги. Жалованье командира полка, хотя и было гораздо выше жалованья командира роты, не являлось основным его доходом. Гораздо большую роль играли разного рода «экономии» и прибыль от хозяйственной деятельности. Екатерина II удивилась прошению одного генерала об оказании ему материальной помощи: «Как это у него нет денег?! Он же несколько лет командовал кавалерийским полком!» Но в обмен на честь и возможность поправить свое благосостояние государство немало и требовало от военачальника. На нем лежала забота буквально обо всем, что связано с повседневной жизнью и боевой подготовкой вверенной части. Прежде всего полковнику следовало обеспечить своих подчиненных жильем. В год, когда Павел Дмитриевич Цицианов стал полковником, ни одна часть русской регулярной армии не имела казарм. Солдаты и офицеры жили «от травы до травы» в домах обывателей на основании постоянной повинности. В летние лагеря они уходили одновременно с началом выпаса скота и возвращались, когда скот загоняли осенью в хлев. Практически до начала XIX века взаимоотношения между домохозяевами и постояльцами регулировались именным указом Анны Иоанновны от 11 декабря 1738 года. Постой ставили уравнительно по числу покоев, включая в это число бани и поварни. Если домовладелец не желал жить под одной крышей с постояльцами, он мог построить отдельный флигель из расчета четыре квадратных метра на человека и к нему чулан, сени и нужник, обеспечить его мебелью, домашней утварью, дровами и свечами. Членам солдатских семей полагалось по одному квадратному метру на душу^[34]. Особые неудобства испытывали жители тех сел и городов, где размещались штабы, поскольку в таком случае кроме квартир для 25 офицеров и 620 солдат требовались лазарет на 84 места, аптека, две кухни, две пекарни, прачечная, две бани, цейхгауз, пороховой погреб, квартира для тридцати двух человек так называемой «слабосильной» команды, пять комнат для канцелярии, две комнаты для гауптвахты, помещения для четырех школ (полковая, горнистов, музыкантов, барабанщиков), для пяти мастерских (сапожная, ложечная, оружейная, швальня, плотничья), для кузницы, конюшня на 75 лошадей, сарай на 60 обозных повозок, сенной сарай, склады для сбрауи, манеж и даже ледник. По существовавшему обычаю вместе со штабом полка размещался 1-й батальон, что увеличивало число постояльцев еще примерно на тысячу человек и, разумеется, требовало дополнительных площадей для их проживания. Взаимоотношения домовладельцев и военных нередко напоминали взаимоотношения оккупантов и

побежденных. «Солдат, помещенный... у крестьянина, мог бы сделаться его другом, мог бы помогать ему в его работах и взамен этого пользоваться от него хорошей пищей... — писал С. Ланжерон, — и это иногда случается, в особенности в Великороссии, где крестьяне горды и смелы, как солдаты, которые, не смея слишком дурно обращаться с ними, находят для себя более выгодным жить с ними в ладу. Но в Малороссии, в завоеванных областях (Литве, Белоруссии, Польше. — В. Л.)... русский солдат является бичом своего хозяина: он распутствует с его женой, бесчестит его дочь, выгоняет хозяина из его постели и иногда даже дома, ест его цыплят, его скотину, отнимает у него деньги и бьет его непрестанно... Солдат должен кормиться тем, что отпускает ему казна, но обычай удержал верх, и крестьянин кормит солдата вместе с собой и позволяет ему его муку продавать или получать деньгами. Если ему отказывают в этом и если это случается в Великороссии, где солдат не смеет употреблять насилие, то последний придумывает тысячи ухищрений, чтобы склонить его на это: он производит по ночам учение, днем командует, беспрестанно кричит, и в конце концов крестьянин, утомленный докучливостью солдата, кормит его даром при условии, что он не будет с таким усердием относиться к службе... Каждый месяц перед выходом из мест квартирования должны собирать крестьян, опрашивать их о претензиях и отбирать у них подписи. Если они довольны, что бывает редко, то они выдают их вполне охотно... и солдатские провиантские деньги частью поступают в артель, а частью в карманы полкового и ротного командиров. Если же крестьяне недовольны, то их поят вином, напаявают их, ласкают, и они подписывают. Если же несмотря и на все это они отказываются подписывать, то им угрожают, и они кончают тем, что умолкают и подписывают. Если же жалобы таковы, что их невозможно затушить, то входят в соглашение с помещиком или капитан-исправником: этот последний должен быть защитником крестьян, но он всегда держит сторону полковых командиров, которые или платят ему, или делают подарки...»^[35] В 1797 году из городка Григориополя бежало за границу (к туркам!) 15 армянских семейств, замученных постоем егерского полка^[36]. Постоянная повинность в XVIII — первой половине XIX века считалась главным препятствием на пути развития городских поселений. Нередкими были случаи, когда горожане боялись строить большие дома, поскольку резко увеличивалась вероятность того, что в нем всю зиму будет жить какой-нибудь воинский начальник^[37]. П.Д. Цицианов хорошо понимал, что установление добрососедских отношений с обывателями не только является залогом сытной «зимовки», но и

уменьшает вероятность того, что население окажет поддержку мятежникам, если таковые появятся на горизонте. Особенное значение это имело в национальных районах, где русским следовало добиться расположения местных жителей, подозрительно относившихся к пришельцам. Цицианов строго следил за тем, чтобы солдаты вели себя «прилично» в Литве и Финляндии, требовал суровых мер к нарушителям дисциплины и в Закавказье. Забегая вперед скажем, что его преемник И.В. Гудович явно недооценил политическое значение борьбы с «шалунами» в военной форме. Мемуарист-грузин писал об этом: «Жестокое самоуправство некоторых полков по смерти князя Цицианова доводило до крайнего разорения жителей не только тех деревень, в коих те полки были расположены, но и окрестных, жители которых также не были уверены, что располагают какой-либо собственностью. Домашние птицы, вина, огороды, лошади, подводы, все их имущество находилось в полном распоряжении солдат; заборы от виноградников обыкновенно употреблялись на топку казарм; и все это делалось явно, без всякого воспрещения, без взыскания и жалоб со стороны хозяев, которые в ответ ничего не могли ожидать кроме угроз и наказаний. Многие дворяне, избегая притеснений, а еще более личных обид, оставили свои имения и удалились в Персию к царевичу Александру»^[38]. И это вовсе не клевета. Само командование признавало, что солдаты полков, расквартированных в начале XIX века в Грузии, грабили и притесняли местное население, отягощали подводной повинностью, «опустошали сады и огороды и, вынимая вино из кувшинов, врытых по обыкновению здешнему в землю, от безрассудной шалости наполняли их землей...»^[39].

Бесцеремонное отношение войск к чужому имуществу на стоянках нередко превращалось в настоящий грабеж во время маршей. Если при стационарном положении частей обиженный обыватель имел хотя бы возможность найти обидчика, пропавшую вещь, пожаловаться офицеру, то при движении больших соединений комментарий к любому такому инциденту был один: «ищи-свищи!» При отсутствии технических средств связи догнать вора было делом практически невозможным, особенно если таковым оказывался кавалерист. Со времен петровских самыми строгими выражениями предписывалось ограждать население от своеволия служивых, за мародерство грозили самыми суровыми карами, но зло оказывалось неискоренимо.

Заботой полкового командира являлось также обеспечение своих подчиненных продовольствием и обмундированием, а полковых лошадей

— фуражом и упряжью. Формально все выглядело просто: чиновники провиантского департамента и их собраты из департамента комиссариатского в полном соответствии с законодательно установленными нормами и сроками поставляли в войска все необходимое. Командиру и его помощникам по хозяйственной части оставалось только все принять, распределить по ротам и отчитаться. На практике же без активных самостоятельных действий полковника полк обрекался на превращение в толпу оборванцев, а затем — на смерть от голода. В воспоминаниях А.П. Ермолова описан смотр одной из дивизий в 1807 году в условиях крайнего «некомплекта» в обмундировании: «Выбрав в полках людей менее голых, пополнили с других одежду и показали их под ружьем. Обнаженных спрятали в лесу и расположили на одной удаленной высоте в виде аванпоста. Тут увидел я удобный способ представлять войска и как уверяют государя, что они ни в чем не имеют недостатка»^[40]. Подобным примерам нет числа. Если бы русский полк, по выражению одного иностранца, не представлял собой подвижной город, в котором трудились ремесленники трех десятков специальностей, если бы не заработки солдат, не разного рода вольности самого командира с казенными суммами, армия просто перестала бы существовать.

Главный доход полковника составляла разница между так называемыми справочными и реальными ценами. Казна выдавала ему на руки деньги на закупку чего бы то ни было по «справкам», составленным местной администрацией, которая за «свой процент» обычно указывала фантастическую стоимость муки или сена. Об этих финансовых фокусах (официально именуемых «экономией») прекрасно знали все — от императора до рядового, но решительных мер не предпринималось, поскольку, во-первых, реальных средств для борьбы с этим явлением не имелось, а во-вторых, это было освящено традицией и являлось средством адаптации неповоротливого административного механизма к жизненным реальностям, проявлением конфликта жизненных реалий и «штатно-табельной» системы снабжения военнослужащих. Все предметы и вещи, оплачиваемые из казны, имели определенный срок службы. Поскольку устав по определению не делает различий между предметами одушевленными и неодушевленными, последним предписывалось служить строго нормированное время. Им фактически запрещалось раньше положенного срока портиться, теряться и становиться добычей вора. Шинель выдавалась на три года, панталоны и мундиры — на два года, рубахи и сапоги — на год и т. д. Металлические предметы униформы считались бессрочными и находились на особом учете. При составлении

описания беглых солдат в особой графе «Не сделал ли при побеге какого злодеяния» у егерей-«эриванцев», покинувших часть в 1842 году, указано: «...при побеге снесли с собой казенные вещи с полным числом медных пуговиц»^[41]. При описании походов в Дагестане 1830-х годов солдат-мемуарист бесстрастно вспоминал, как у выбившегося из сил служивого забирали ружье, срезали пуговицы с шинели, а самого оставляли на произвол судьбы. Бабы еще солдат народят, а за «железки» начальство строго спросит! В военное время потерянное, сожженное по неосторожности у походного костра и даже пропитое легко списывалось. После одной боевой операции на Кавказе при Ермолове был представлен внушительный реестр материальных потерь, породивший обоснованные подозрения в том, что это был просто способ объяснить вскрывшуюся недостачу «амуничных вещей». В мирное время «списание в расход» казенного имущества оказывалось делом гораздо более сложным, приходилось «исхитряться». Отчасти проблему решала солдатская артель, представлявшая собой кооперативную организацию. Но и в этом случае приходилось ловчить, поскольку тратить артельные деньги официально разрешалось только на улучшение пищи нижних чинов и на наем подвод для перевозки ротного имущества во время похода. В принципе полковник мог подать рапорт с обоснованием необходимости выделения экстраординарной суммы, затеяв тем самым утомительную переписку, чрезвычайно раздражавшую начальство, но далеко не всегда приносившую желаемый результат. Гораздо проще было завысить цену на приобретаемый товар, а образовавшуюся разницу пустить на нужное дело, не предусмотренное «табелью». Так, известный мореплаватель М.П. Лазарев во время кругосветного плавания в 1822—1825 годах хотел перед приходом в заграничный порт покрасить свой корабль лишний раз и для того предложил в финансовой ведомости указать, что закупленный в Англии ром стоил в два раза дороже, чем это было в действительности.

Начальство не принимало никаких объяснений неприглядного вида солдат. Какое кому дело, что они побывали под проливным дождем, что мундиры полиняли, а новых ждать еще целый год? Где деньги найти? Думай, командир, на то ты и полковник! Захворали обозные лошади, поставщик подсунул прелую упряжь, два офицера проигрались «в пух» и задолжали всем трактирщикам и портным в округе, музыканты пропили кларнет и валторну — все это обратная сторона счастья видеть на собственных плечах эполеты полковника! В отечественной историографии об огромном числе военных, занимавших административные должности в дореволюционной России, говорится с явным негативным оттенком.

Действительно, генералы и полковники вносили в канцелярии соответствующий стиль управления, но представлять их людьми не подготовленными к управлению городами, губерниями и даже ведомствами было бы неверно. Армия оказывалась школой для администраторов. Плохой или хорошей — другой вопрос, перед постановкой которого следует подумать: а была ли вообще другая школа для управленцев? В 1813 году Александр I доверил генерал-майору князю Николаю Григорьевичу Репнину временно управлять целым королевством — Саксонией, и тот справился. Десятилетие в должности помощника командира полка, затем командира полка, бригады и дивизии сделали из П.Д. Цицианова человека, вполне подготовленного к самостоятельному управлению губернией или иной территориально-административной единицей.

*

То, что Павел Дмитриевич Цицианов, человек с грузинскими корнями, стал полковником, а затем и генералом российской армии, — достаточно типично для империи Романовых XVIII—XIX веков. «...Нет другой страны, где расы, нравы, верования и умы разнились бы так сильно, как в России. Многообразие лежит в глубине — одинаковость на поверхности: единство наше только кажущееся. Вот, извольте взглянуть, неподалеку от нас стоят двадцать офицеров; из них только двое первых русские, за ними трое из верных нам поляков, другие частью немцы; даже киргизские ханы, случается, доставляют ко мне сыновей, чтобы те воспитывались среди моих кадетов...» — говорил Николай I в 1839 году французскому путешественнику маркизу Астольфу де Кюстину^[42]. Вооруженные силы являлись одним из важнейших институтов, скреплявших многонациональную и многоконфессиональную Российскую империю. Военный мундир становился для туземной знати наиболее надежным пропуском в состав государственной элиты, проверенным инструментом для реализации честолюбивых замыслов и оправдания надежд на повышение благосостояния. При доминирующем значении всего государственного (интересов, символов и т. д.) даже временное превращение человека в частичку государства автоматически поднимало его общественный статус. Блистательные военные и бюрократические карьеры иноземцев, инородцев и иноверцев в России XVIII — начала XX века позволяют говорить об отсутствии видимой связи между этнической и вероисповедной принадлежностью государственного человека и темпами

его продвижения по служебной лестнице. Более того, есть все основания подозревать административную машину России в протекции «не коренным русским». По крайней мере представительство народов в эшелонах власти было далеко не пропорциональным их численности. Генерал А.П. Ермолов, известный своим острым языком, на вопрос Александра I, какую награду он хотел бы получить, сказал: «Сделайте меня немцем!» В этой реплике сконцентрировалась глубокая обида русских офицеров по поводу «немецкого засилья» в командном составе армии и флота, которое проявлялось в том, что процент выходцев из германского мира заметно повышался по мере продвижения в чинах. Если остзейцы-поручики еще «растворялись» в общей массе обер-офицеров, то в генералитете знаменитая приставка «фон» встречалась очень часто. Одной из главных претензий к «нерусским» было протезирование «своим». В мемуарах К.К. Жерве описан такой случай: в начале XIX века по традиции все награждения производились на Пасху. Кроме орденов и чинов в качестве награды нередко выступали денежные суммы (оклады, аренды и т. д.). Главный командир Свеаборгского порта граф Л.П. Гейден осчастливил таким образом нескольких немцев-остзейцев и шведов. Потом он похристовался с полковником Абрютиним, «обремененным огромным семейством», и сообщил, что денег тот не получит. Полковник при всем народе упал на колени, перекрестился и воскликнул: «Господи милосердный и всемогущий! Перекрести меня хоть в какого-нибудь Шванценштрема — авось тогда помилуют!» Мемуарист, наблюдавший эту картину, отметил, что «граф очень сконфузился». Может быть, он действительно заметил свой промах, а может, испугался перспективы заполучить подчиненного с фамилией, которая для германо-шведского уха звучит грубовато. *Schwartz* — в прямом литературном переводе — хвост, а на всем понятном арго — другой орган, к хвосту довольно близко расположенный^[43]. Список офицеров Грузинского гренадерского полка на 1900 год — лучшая иллюстрация многонационального состава армии империи. Этническая принадлежность в документах не указана, и потому ее можно «угадать» по характерным фамилиям и именам. Командовал частью поляк, его заместителем был грузин. Из пяти батальонных командиров русским был только один (и тот, вероятно, украинец — Юркевич); остальные — два грузина, польский татарин и поляк. В списке обер-офицеров также немало грузинских, армянских, польских и немецких фамилий^[44]. Н.Н. Муравьев, прибывший в 1820 году на Кавказ, обратил внимание, что в 7-м егерском полку офицеры были «грузины, армяне,

поляки и большей частью малороссияне»^[45]. В энциклопедическом словаре «Генералитет Российской империи» едва ли не каждая четвертая фамилия звучит не вполне по-русски^[46].

В советской историографии империя Романовых уподоблялась таким «классическим» государственным образованиям, как Британская или Французская империи, где мононациональная метрополия нещадно эксплуатировала колонии, отличавшиеся от имперского ядра этническим составом населения, социально-экономическим укладом, нравами и бытом. Туземная знать при этом выглядела не более чем привилегированной прислугой коронной администрации, которая относилась к ней с позиций культурного превосходства. В России роль метрополии играла имперская элита, космополитичная по своему составу и вектору культурного развития, а роль колоний — вся территория страны, жители которой были одинаково бесправны. Для курского или вологодского крестьянина расширение границ державы означало только то, что его односельчанин, забранный в рекруты, находил свою смерть в кавказских ущельях, туркестанских песках или финляндских болотах. Все народы вошли в состав Российской империи в результате войн разного масштаба, все испытали культурную «унификацию», часто именуемую русификацией. У всех народов национальная знать без особых проблем находила применение своим талантам и амбициям в офицерских чинах, тогда как на туземных простолюдинов по разным причинам оказывалось не так-то просто надеть солдатскую шинель. Весьма характерно, что финны, армяне, грузины, мусульмане в целом подозревались властью в недостатке лояльности, но при этом представители национальных элит не только не встречали препятствий при определении на службу, но зачастую получали преимущества перед «коренными русскими». До конца имперского периода правительство не решалось призывать на службу азербайджанцев и горцев Северного Кавказа «по политическим соображениям», но это не помешало стать генералами А.М. Алиханову-Аварскому или Гуссейн-хану Нахичеванскому.

Всего в списках императорской армии состояло более трехсот генералов грузинского происхождения. В это число включены как представители туземной элиты — уроженцы Кавказа, обучавшиеся русскому языку уже в зрелом возрасте и упокоенные, невзирая на место смерти, в родной грузинской земле, так и лица, родившиеся в России, воспитанные в русской культурной среде. Обычной практикой являлось награждение генеральским чином лиц, принадлежавших к владетельным

домам Закавказья: таким образом, в списках высшего командного состава императорской армии оказались Леван, Давид, Григорий и Николай Дадиани (последний с титулом светлейшего князя и приставкой — Мингрельский), а также Мамия Гуриели (владелец Гурии), Михаил Ширвашидзе (владелец Абхазии), Иоанн и Ираклий Багратионы, Бакар, Георгий и Давид Багратионы-Грузинские, Константин Багратион-Имеретинский, Константин Багратион-Мухранский — члены династии, правившей в Грузии до ее присоединения к России^[47].

Самая сильная волна грузинской эмиграции — приезд в Россию Вахтанга VI с его свитой в 1724 году. Вместе с царской семьей пришлось покинуть родину более чем тысяче князей, дворян, священнослужителей и «людей разных званий». После смерти в 1737 году царя Вахтанга VI императрица Анна Иоанновна отдала распоряжение собрать сведения о свите умершего грузинского монарха для привлечения желающих на русскую службу с офицерским чином и правами дворянства. (Это послужило прецедентом для других выходцев из Грузии, которые претендовали на такой же прием. Однако правительство не нашло оснований для столь широких льгот. По указу от 4 октября 1760 года грузины благородного происхождения обязывались начинать службу солдатами в гвардии, как и русские дворяне^[48].) По указу от 25 марта 1738 года было сформировано девять грузинских рот, кроме того, было предложено сформировать отдельную грузинскую гусарскую роту общей численностью 83 человека. Князьям при этом дали в собственность по тридцать, а дворянам — по десять дворов на Украине^[49]. Командиром гусарской роты назначили капитана М.И. Багратиона-Мухранского. В 1741 году роту переформировали в Грузинский гусарский полк^[50], но людей для поддержания штатной численности не хватало, и остатки этой части в 1769 году влились в Московский легион, укомплектованный авантюристами всех национальностей и упраздненный в 1775 году^[51]. В 1768 году Артиллерийский шляхетный корпус окончили братья Леван и Владимир Яшвили, направленные на обучение военному делу в Россию и дослужившиеся до генеральских чинов. Портрет генерала от артиллерии Л.М. Яшвили (Яшвиля) находится в Военной галерее Зимнего дворца среди других образов героев 1812 года. Царь Георгий XII послал в Петербург сыновей Давида, Марианна и Иоанна, которых Павел I принял очень благосклонно; их всех произвели в генерал-майоры и назначили командирами пехотных полков. Старший из них, Давид, был шефом лейб-гвардии Преображенского полка^[52].

В России находили убежище и жертвы междоусобиц более позднего времени. Как явствует из всеподданнейшего прошения князя Давида Эривова Рачинского от 20 апреля 1803 года, его дядя Ростом управлял огромным владением в Имеретин (около 10 тысяч семей), но потерпел поражение, подняв мятеж против царя Соломона Великого. Ему выкололи глаза и конфисковали всю недвижимость. Часть ее правитель Имеретии раздал верным князьям, а часть присоединил к своим родовым владениям. Д. Эривов, повзрослев, сам принял участие в междоусобицах, но попал в плен и, будучи отпущенным на волю, перебрался в 1792 году в Россию. Екатерина II определила ему на первый год пенсион в 1500 рублей, который в последующие годы снизился до 240 рублей. Эривов поселился в Кизляре и обратился с просьбой повысить ему пособие^[53].

Выходцам «разного звания» из турецких и персидских владений в XVIII веке платили довольно высокое жалованье. Из них формировались национальные части — грузинские, молдавские, сербские, венгерские, существовавшие «на правах казачьих». Делалось это по ряду причин. Во-первых, казачья военная организация оказалась пригодной для социального «обустройства» иммигрантов, не имевших специальных профессиональных навыков или возможности поступления на службу на правах дворянства^[54]. Так пытались ставить под административный контроль разношерстную и склонную к асоциальному поведению массу. Генерал С.С. Пишчевич, серб по национальности, так характеризовал нравы своих сослуживцев: «...Все то было строптиво, развращено, пьяно, и всякий день происходили между ними и обывателями драки и ссоры... и бывало иногда как напившись пьяные между собой подерутся, то со страху обыватели из села вон бегут...»^[55] В России XVIII — первой половины XIX века мало кто жил «сам по себе»: крестьяне и мещане объединялись в общины, купцы — в гильдии, ремесленники — в цехи, дворяне — в уездные и губернские собрания, чиновники — в ведомства, казаки — в войска, церковники — в епархии. Корпус иммигрантов постепенно раслаивался на сословия, из которых и состояло тогдашнее российское общество. Кто-то выслуживал (или подтверждал) дворянство, кто-то пополнял ряды купечества, кто-то, устав от приключений, доживал свой век скромным мещанином. Когда в 1780-е годы приток выходцев уменьшился, национальные гусарские (казачьи) полки были переименованы в Ольвиопольский, Александрийский, Херсонский, Константиноградский и Таврический легкоконные полки. Затем после ряда реформирований и переименований они стали основой для нескольких гусарских полков,

комплектовавшихся русскими на основании рекрутской повинности^[56]. Во-вторых, у правительства под рукой оказывались, как тогда говорили, «кадры» для создания более многочисленных формирований. Уже в 1703 году, за два десятилетия до Персидского похода, велась подготовка по комплектованию в Астрахани армянского полка, который мог служить передовым отрядом российского корпуса в Закавказье, учебным центром для командного состава христианских ополчений, а в последующем — стать ядром будущей армянской национальной армии^[57]. В-третьих, само существование таких частей имело большое символическое значение. В 1774 году во время торжеств по случаю заключения Кючук-Кайнарджийского мира в состав специально сформированного эскорта Екатерины II вошли представители из уже упоминавшихся гусарских полков, где служили бывшие турецкие подданные-эмигранты. Это был один из ярких знаков притязаний России на покровительство всем христианам Балкан и Кавказа. В 1811 году Александр I пожелал иметь в составе гвардейского корпуса конную сотню, составленную из грузинской знати. 18 мая 1811 года командующий Грузинским корпусом Паулуччи направил письмо исполнявшему должность правителя Грузии генерал-майору К.Ф. Сталю с просьбой немедленно приступить к формированию такой части. К осени число желающих служить в гвардии достигло 54 человек, но затем, по неизвестным причинам, комплектование грузинской сотни было прекращено^[58]. В-четвертых, чины национальных формирований рассматривались правительством как «кадровый резерв» местной администрации. Армия играла важную роль в подготовке лиц, занимавших посты в системе государственного управления. Служба в милиции и тем более в регулярных войсках давала представителям местной элиты великолепные шансы получить ответственную, почетную и (чего греха таить!) доходную должность.

Российская схема управления, сама административная философия, система повинностей и налогов, правила государственной службы — буквально всё покоилось на представлениях о сословном делении общества. Каждый человек принадлежал либо к разряду служилых (дворяне личные и потомственные, духовенство, нижние чины вооруженных сил, казаки), либо к разряду тяглых (крестьяне, мещане, купцы и т. д.). Первые не облагались налогами, не несли повинностей, но обязывались служить. Вторых можно было призвать только в ополчение при чрезвычайных ситуациях. Их главное предназначение — пополнять налогами казну, производить материальные ценности, выполнять разного

рода бесплатные казенные работы (ремонт дорог и мостов, доставка грузов, заготовка дров для государственных нужд и пр.). Соответствующим образом строилась и нормативная база: прав не имел никто, но положение в обществе определялось видом и количеством привилегий. Каждое сословие, или, как было принято говорить в XIX веке, «состояние», наделялось рядом идентифицирующих признаков, позволявших не путать дворянского сына с попovichем. Но в процессе присоединения национальных окраин правительство столкнулось с тем, что местная социальная структура не соответствовала той, которая сложилась во внутренних губерниях. Часто тот, кто по местным меркам являлся знатью, недотягивал до статуса «благородного сословия» по стандартам, принятым в России. Положение администраторов, прибывших на Кавказ, в этой ситуации можно уподобить тому, в которое попадает механик, когда выясняет, что весь его инструмент предназначен для работы с деталями, изготовленными в метрической системе, а все детали настраиваемой машины измеряются в дюймах. Ни один ключ не подходит, каждое измерение надо пересчитывать. Одной из важных проблем, с которой сталкивалось военное начальство, было установление прав дворянства для представителей национальных элит. Именно принадлежность к первенствующему сословию позволяла вступить в ряды офицерского корпуса.

В состав российского дворянства были включены остзейское рыцарство, польские магнаты и шляхта, украинская казачья старшина, бессарабские бояре, грузинские тавады и азнауры, финляндские дворяне, мусульманские князья, ханы, беки, агалары и другие категории национальной знати^[59]. Это было не одномоментное событие. Остзейцы и финляндцы получили соответствующие права сразу после присоединения Прибалтики и Финляндии к России, на Украине этот процесс растянулся на несколько лет^[60]. В Польше и Литве права потомственного дворянства получили магнаты, а многочисленной шляхте пришлось выдержать многолетнюю борьбу за свои привилегии. Вплоть до начала XX века правовое положение значительной части грузинской знати оставалось неопределенным, несмотря на то что еще в 1827 году указом от 24 марта Николай I уравнивал ее с российским дворянством. В Кахетии, Имеретии и Гурии необходимые мероприятия были проведены еще в первой половине XIX столетия, в Мингрелии этот процесс затянулся и не был завершен к 1917 году. При определении на службу грузинских дворян власти столкнулись с отлаженным подпольным производством дворянских грамот,

различавшихся уровнем изготовления: от грубейших подделок, когда имена царей не соответствовали годам их правления, до шедевров, практически неотличимых от подлинников^[61]. До 1917 года не была уравнена в правах с потомственным дворянством и кавказская мусульманская знать, хотя фактически с самого момента присоединения этого края к России туземная элита пользовалась правами дворянства при поступлении на государственную службу. В таком же положении находились калмыцкие нойоны и осетинская знать — бадилаты, алдары, таубии^[62]. Это говорит о том, что картина правового поля определения на военную службу была довольно пестрой. Несмотря на отсутствие полной определенности в правах, туземное дворянство могло поступать на военную службу на правах дворянства. Другое дело, что оно далеко не всегда таким правом пользовалось. Особенно это касается мусульман — согласно переписи 1897 года ислам исповедовало около пяти процентов потомственных дворян. В составе же офицерского корпуса мусульман насчитывались буквально единицы. Исключение составляли азербайджанские ханы и беки, которые охотно шли в армию и зачастую делали блестящую карьеру.

Местная знать сохраняла значительное влияние на соотечественников, и ее привязанность к короне присягой, карьерой, жалованьем и дополнительным авторитетом, который приобретал каждый обладатель мундира, была очень значима для сохранения спокойствия. Не меньшее, а во многих регионах и большее значение имело то обстоятельство, что социальная иерархия являлась производной от традиционной военной организации, и пожалование офицерских чинов, прохождение службы в милиции, казачьих или даже в регулярных войсках означало усиление контроля за жизнью тех обществ, лояльность которых вызывала опасения. В начале XX века надежными слугами престола на Кавказе считались те представители грузинской элиты, которые служили в армии — «разные отставные капитаны, прапорщички милиции со знаком военного ордена в петлице...»^[63]. Это не было поколеблено даже тем, что в течение предшествовавшего, XIX столетия было немало примеров того, как лица, заслужившие чины и ордена, оказывались в рядах борцов с правительством. Так, подстрекателями беспорядков в 1829 году в Грузии в связи со слухами о введении там рекрутчины были офицеры русской службы, некие подполковник Аслан, капитан Луарсаб, поручик лейб-гвардии Казачьего полка Мамука, прапорщик Кайхосро, прапорщик Д. Цицианов, майор Н. Тарханов^[64]. Правительство четко делило жителей Кавказа по принципу «надежности». Грузины и армяне даже при

«сомнительных» документах об их принадлежности к дворянству мргли поступать в полки юнкерами и выслуживать за несколько месяцев обер-офицерский чин подобно тому, как это делали их русские собратья по сословию. Для мусульман, и особенно для горцев, дорога к чину прапорщика была гораздо более трудной. Впрочем, офицерская среда отличалась не только этнической, но и религиозной толерантностью. Отчасти это объяснялось тем, что корпоративная культура офицерского корпуса ставила боевое и полковое товарищество выше всех других установок, отчасти — отсутствием особой религиозности в командном составе. Стойким предрассудком в офицерской среде был антисемитизм, но за полным отсутствием иудеев в офицерском корпусе он не влиял на взаимоотношения.

При настороженном отношении властей к формированию национальных частей перед представителями туземной знати были открыты двери как воинских частей, так и военно-учебных заведений. Это объяснялось космополитическими традициями формирования имперского офицерского корпуса, а также тем обстоятельством, что сами войсковые части оставались главными центрами военного обучения. В 1800 году Павел I повелел принять в полк Лазарева, находившийся в Тифлисе, десять юношей из знатных грузинских фамилий юнкерами и одного подпоручиком^[65]. 21 марта 1805 года Александр I разрешил принимать детей грузинских дворян в кадетские корпуса на общих основаниях^[66]. В то же время в 1829 году Паскевич отклонил предложение об основании Тифлисского кадетского корпуса из-за дороговизны, отсутствия учителей и мастеров для строительства. Главной же причиной несогласия главнокомандующего с идеей открытия на Кавказе военно-учебного заведения было опасение того, что кадеты-туземцы будут оставаться в привычной культурной среде и недостаточно «русифицироваться». По мнению Паскевича, детей местной знати целесообразно обучать и воспитывать в российских губерниях. После этого им следовало еще шесть лет служить там и только потом возвращаться в родные края^[67].

Повышенное внимание властей к воинским традициям Кавказа во многом объяснялось тем, что местное население панически боялось введения рекрутской повинности, и даже слухи о ее введении порождали серьезные волнения^[68]. Почву же для таких слухов нередко готовили сами власти своими неуклюжими действиями. В мае 1827 года по приказу И.Ф. Паскевича началось формирование нескольких грузинских и армянских батальонов по 945 человек в каждом^[69]. Инструкции были составлены на

основе рекрутских уставов (нормы мобилизации, порядок медицинского освидетельствования, комплектования частей, назначения командиров, обучения и т. д.). Многим грузинским дворянам было отказано по возрастным и медицинским нормам. Нарушение многовековой традиции (грузины служат, а армяне финансируют) усилило подозрение по поводу рекрутчины, поскольку в Персии именно армяне составляли пехотные и гарнизонные части. Предложение служить в пехоте грузинское дворянство расценило как намеренное оскорбление. Все эти новшества поставили Закавказье на грань мятежа, который удалось избежать, вообще отказавшись от комплектования национальных частей.

Военная организация на инородческих окраинах была теснейшим образом связана с организацией социальной, с экономическим укладом и бытом. Новшества в схеме набора рядового и командного состава болезненно воспринимались именно потому, что являлись или по меньшей мере выглядели в глазах туземного населения покушением на основы их бытия. Кроме того, в военном деле заметную роль играет образ врага, поскольку ратная мифология — обязательная часть системы морального воспитания солдат и офицеров. Поскольку почти все национальные окраины были присоединены силой оружия или угрозой его применения, тамошнее население видело в русском войске вчерашних противников, и с этим обстоятельством Петербургу тоже приходилось считаться. Практически на всех национальных окраинах России местные воинские культуры, хорошо приспособленные к тамошним условиям, являлись серьезным препятствием на пути включения их в общероссийскую систему отбывания воинской повинности.

Разного рода льготы по отбыванию воинской повинности также оказывали влияние на этнический состав армии. Освобождение от рекрутчины пожизненно или на определенный срок, замена натуральной повинности денежным взносом являлись важными льготами, которыми пользовались иммигранты^[70]. В 1799 году от рекрутчины во всех видах освобождались армяне Дербента, Григориополя и Старого Крыма^[71]. «Вольные люди», поселившиеся в Курляндии, большей частью выходцы из различных европейских стран, освобождались от натуральной воинской повинности с обязательством платить по 500 рублей за рекрута^[72]. Разного рода льготы фактически принимали «национальный» характер в тех случаях, когда они относились к территории, где проживало однородное в этническом смысле население. Широко была распространена практика льгот для территорий, включаемых в состав империи для того, чтобы

привлечь симпатии новых подданных или по крайней мере снизить напряженность во вновь завоеванных областях. Так, например, введение рекрутчины в Литве началось с того, что жителям края разрешили выставлять наемников, которые обязывались служить только восемь лет^[73]. В 1783 году от рекрутского набора были освобождены прибалтийские и белорусские губернии^[74]. Правительство не решилось ввести рекрутчину в Финляндии, хотя вопрос об этом неоднократно поднимался в первой половине XIX века^[75]. «Уравнение» финнов с остальными подданными Российской империи в этом отношении «отбрасывало» их на полтора столетия назад, когда они сумели добиться введения особой системы комплектования — так называемой индальты. О распределении уроженцев края по русским частям не могло быть и речи, а формирование национально однородных регулярных частей представлялось опасным делом. На территориях, доставшихся России после разделов Польши, оказалось много людей, не имевших права на поступление в полк юнкером (как дворянин), но в то же время и не подлежащих рекрутчине. Выход отчасти был найден в вольной вербовке уланских и гусарских полков. Наборы не проводились и в 100-верстной приграничной полосе, поскольку ее уроженцы считались особо склонными к дезертирству. В Закавказье ситуация осложнялась тем, что здесь часто имели место переселения добровольные и насильственные.

Судя по публицистике, мемуарам и военно-географическим сочинениям, в военной среде России в XIX столетии сложились некоторые устойчивые представления о «природных» качествах различных народов. Качества эти рассматривались через призму пригодности для воинской службы в рамках армейской субкультуры своего времени. Во внимание принимались физические кондиции и «характер», воинские традиции, политическая благонадежность и «уровень культуры». При всей расплывчатости последней формулировки несомненным является то, что за точку отсчета этого самого уровня принимался некий «европейский» стандарт (тоже четко не обозначенный). Наиболее «культурными» назывались поляки, немцы-остзейцы и латыши, наименее — кочевые народы Сибири, Казахстана и Средней Азии. В наиболее концентрированном виде эта точка зрения представлена в работе полковника Генерального штаба А.Ф. Риттиха «Племенной состав контингентов Русской армии и мужского населения Европейской России», изданной в 1875 году. Аналогичный подход мы видим в трудах военных географов и статистиков XIX века^[76]. Грузины считались хорошими

воинами за природную храбрость, любовь к оружию и прочные воинские традиции. Риттих особенно выделял сванов, называя их народом «переносливым и упорным в обороне»^[77].

Специфические условия Кавказского театра военных действий также стимулировали мобилизацию местных контингентов. Полковник Краевич в «Военном обзоре Рионского края» считал целесообразным привлекать грузин к службе в иррегулярных частях: «Способность к аванпостной службе и действиям малой войны, воинственный дух, привычка и умение обращаться с оружием, знание и привычка к горной местности делают из милиции превосходное войско для выполнения всех действий до решительной встречи с неприятелем и при столкновении в открытом бою; по крайней мере, с турками, милиция, несмотря на неправильность строя, отсутствие военного образования, малое знакомство с требованиями дисциплины и вообще, несмотря на свой главный характер как войска иррегулярного, одерживала блистательные победы. Нужно воспользоваться военными способностями населения, которое еще не отвыкло от оружия и радостно откликается на военный призыв»^[78]. Мысли о необходимости использовать местные кавказские ресурсы для пополнения армии приходили в голову начальства в связи с высокой смертностью солдат, непривычных к климату Грузии и Азербайджана^[79]. О том же писал и известный публицист В. Величко: «В армии русские... теснее всего сходятся с грузинами... Генералы из грузин популярны среди русских солдат, как люди с надлежащей осанкой и мужественные»^[80]. Сказанное, скорее всего, соответствует действительности. Офицер-дворянин, независимо от своего происхождения, был «барином», социокультурным чужаком для солдата, выходца из крестьянства. И не так уж важно, говорил ли он чисто по-русски или с акцентом. Все равно это был не народный русский язык. Доверие и популярность среди солдат начальник завоевывал своей храбростью и «удачливостью», к какой бы национальности он ни принадлежал.

Можно смело говорить, что в правительственных кругах имела место своего рода «грузинофилия». «Неурядицы» начала XIX века, потребовавшие депортации правящей фамилии за пределы края, участие многих князей в разного рода мятежах, восстание 1812 года в Кахетии, восстание 1821 года в Гурии, заговор князей 1825 года, сотрудничество представителей мингрельской и имеретинской знати с противником в 1854 — 1855 годах^[81] — все это не поколебало доверие Петербурга к грузинам. И это на фоне сомнений в лояльности других народов, дававших для того

куда меньше поводов. Оставим за скобками поляков — старые счеты (1612 и 1812 годы), восстания 1831 и 1863 годов давали правительству веские основания для применения к ним дискриминационных мер. Финны в своем движении к независимости не только не вступали в схватку с правительственными войсками, но и не выходили за рамки, очерченные законом. Тем не менее власти с большой тревогой смотрели на Северо-Запад, хотя и воздерживались здесь от дискриминационных мер. Не встречали препятствий для успешной карьеры и немцы-остзейцы, хотя бытовой «антигерманизм» был довольно заметен в российском обществе. Не было примеров у правительства и «ненадежности» бурят, но в 1838 году генерал-губернатор Восточной Сибири В.Я. Руперт настаивал на ликвидации бурятских и тунгусских иррегулярных полков, называя их «опасными по единоверию с заграничными монголами»^[82].

Грузины же оставались вне всяких подозрений. Член комиссии по составлению «Проекта по управлению Кавказом» Р. Фадеев считал, что «для русского государя грузины такие же православные подданные, как кровные русские, и на войне их можно ставить под ружье всех поголовно, даже с их собственными офицерами»^[83]. Правительственные чиновники сходились в высокой оценке преданности жителей Западной Грузии (имеретин, гурийцев и мингрелов)^[84]. Православие грузин не позволяло вводить против них какие-либо ограничения. К тому же в «иерархии верности» инородцев грузины стояли на первом месте. Массовым явлением были браки русских офицеров с местными жительницами, в результате чего в некоторых полках Кавказского округа в жилах половины штаб-офицеров текла туземная кровь^[85].

*

Таким образом, нерусские корни Павла Дмитриевича Цицианова нисколько не мешали ему делать военную карьеру. Все зависело от его личных данных и, разумеется, от благосклонности фортуны.

Впервые понюхать пороху Цицианову довелось в 1788 году в ходе шестой по счету Русско-турецкой войны (1787—1792). Первые две состоялись еще в XVII столетии: в 1670-е годы стрельцы и янычары впервые сошлись друг с другом в боях на Украине. В 1695—1696 годах Петр Великий прорубил если не окно, то довольно большую «форточку» на восток своими Азовскими походами, основал Таганрог, построил флот, но в

1711 году потерпел сокрушительное поражение в Прутском походе и лишился практически всех плодов прежних побед. В 1735—1739 годах русские полки под командованием Миниха выиграли несколько сражений, но последовавшие затем территориальные приращения не имели особого значения для изменения военно-стратегической ситуации в Причерноморье. В ходе же следующей войны 1769—1774 годов победы Румянцева и Потемкина, разгром турецкого флота при Чесме (1770) обозначили радикальный перелом в соотношении сил двух империй. Русская граница продвинулась до реки Прут; Крым и Кабарда объявлялись независимыми, что предопределило в самом скором будущем включение этих территорий в состав империи Романовых. Так и случилось. Присоединение Крыма и Тамани к России в 1783 году привело Стамбул в ярость, а европейские дворы — в большое смятение. Путешествие Екатерины II на берега Черного моря в 1787 году сопровождалось рядом символических действий (закладка новых городов, спуск на воду военных кораблей в Херсоне, смотры войск и т. д.). Все говорило о том, что императрица действительно собирается продолжать дело Петра Великого, который начал завоевание выходов к южным морям, но не закончил его. Иностранцы, участвовавшие в этой поездке, отметили, с каким удовольствием проехала царица под аркой с надписью «Путь на Царьград». Во времена, когда поездки были сопряжены с массой неудобств, подобные «смотры» владений являлись событием исключительной важности. Султан принял вызов, и вечером 19 августа 1787 года русские корабли, стоявшие на рейде у крепости Кинбурн, были атакованы турецкими галерами.

Полк Цицианова принял участие в осаде Хотина. Взятие этого города для русской армии было делом чести, поскольку в предшествующей войне с турками, впервые в истории, русские войска сняли осаду без попытки штурма и без сражения, что до крайности уязвило самолюбие военачальников.

В начале войны Украинская армия Румянцева занимала Подолию, прикрывая российские и польские рубежи. Екатеринославская армия Потемкина действовала в районе Очакова. Полк Цицианова оказался в армии П.А. Румянцева, в составе 4-й дивизии генерал-аншефа М.Ф. Каменского. В 1787 году кроме боя на Кинбурнской косе, принесшего славу А.В. Суворову, ничего существенного на суше не происходило. Кампания 1788 года ознаменовалась тем, что в войну вступила Австрия. Но попытки союзников под командованием принца Кобургского взять Хотин поначалу выглядели почти безнадежными. Обнаружилось, что у принца нет осадной артиллерии, а его пехотные полки состоят в основном из солдат-стариков и

необученных рекрутов. Многочисленная же конница для штурма не годилась вовсе. Кроме того, опасаясь вылазок, австрийцы расположились на таком удалении от бастионов крепости, что осажденные беспрепятственно пасли свой скот. Более того, караульная служба была поставлена плохо, в результате чего турки смогли доставить осажденным припасы и подкрепления, поэтому Хотинский паша не торопился выбрасывать белый флаг. Русское командование не желало оставлять у себя в тылу важный пункт, из которого турки могли совершать чувствительные диверсии на коммуникационных линиях армии, действовавшей в Молдавии. Румянцев приказал помочь незадачливым союзникам, и к крепости подошел корпус, в состав которого входил и Санкт-Петербургский гренадерский полк во главе с Цициановым. Эта часть двинулась в район боевых действий еще осенью 1787 года, но была остановлена в пути из-за того, что в Молдавии и на Украине стояла невиданная для этих мест стужа. По свидетельству майора Черниговского полка Р. Каульбарса, дорога от Кременчуга до Очакова была усеяна трупами лошадей и людей, погибших от холода. Из роты Ингерманландского полка, стоявшей на постое в версте от города Яссы и вызванной туда по тревоге, до городской заставы добрались всего несколько человек. Остальные погибли, не справившись с метелью и морозом. Командира роты, замерзшего прямо в санях, привезла к заставе обледеневшая лошадь^[86].

С прибытием летом 1788 года русских частей кольцо окружения сжалось до расстояния ружейного выстрела от стен. Сам город располагался на высоком холме, прижимаясь одной стороной к берегу реки Днестр. Потеряв выпасы, турки были вынуждены перерезать скот, а поскольку в те времена морозильных камер не существовало, уже через пару дней гарнизон стал сначала испытывать нехватку продовольствия, а затем и настоящий голод. Несмотря на это, турки сдались только 18 (29) сентября 1788 года, поскольку каждый день ожидали деблокады^[87]. Самому Павлу Дмитриевичу пришлось лично участвовать в сражении 31 июля 1788 года при отражении сильной вылазки турок из Хотина.

В следующем, 1789 году Цицианов участвовал в поражении Гассан-паши при реке Сальге, в «вогнании» его в Измаил и в действиях под крепостью, которую в тот год взять не смогли из-за отсутствия артиллерии. В октябре 1789 года он «состоял» при осаде крепости Бендеры — важного опорного пункта Турции в Молдавии. Бендеры окружали несколько бастионов, полностью соответствовавших фортификационным

требованиям XVIII столетия. Следующим рубежом обороны являлась старинная крепость, не способная выдержать огонь тяжелой артиллерии. Однако из-за особенностей рельефа местности и выдвинутых бастионов осаждавшим было трудно вести действенный обстрел стен и башен. Наконец, имелась цитадель, приспособленная для длительного сопротивления. В пользу русских сработала память о прежних победах: гарнизон крепости не решился повторить сценарий двадцатилетней давности, когда русские войска в течение трех месяцев осаждали город и затем взяли его в результате жестокого штурма. Как только русские начали устраивать батареи, турки выбросили белый флаг. После сдачи крепости 18 сентября войска расположились по зимним квартирам в Молдавии, а затем перешли в Подольскую губернию.

*

В полной мере свои ратные дарования Павел Дмитриевич Цицианов смог проявить в ходе польских кампаний 1792 и 1794 годов. Конфликт этот назревал давно. Пользуясь своим влиянием в Польше, Россия еще в 1764 году добилась избрания на польский престол своего ставленника Станислава Августа Понятовского, на правление которого пришлась ликвидация польской государственности. В 1791 году Станислав Август добился принятия новой конституции, которая была встречена в штыки польской элитой. Собравшиеся в местечке Тарговицы магнаты и шляхта образовали так называемую конфедерацию для борьбы с королем. Екатерина II взяла конфедератов под свое крыло и приказала русским войскам вступить в Польшу и Литву. Западную границу Речи Посполитой перешли пруссаки. Сторонники короля оказали упорное сопротивление, но силы были слишком неравные. Победители продиктовали условия мира, еще более ущемлявшие интересы Варшавы. Это вызвало массовое недовольство поляков. Согласно повелению Екатерины II от 6 мая 1793 года польские полки должны были принять новую присягу и получить новые названия. При этом всем служившим в них присваивались соответствующие их рангу и должности русские чины. Объявлялась амнистия всем беглым русским солдатам, обнаруженным в польских частях. Обидное название «новопокорившиеся войска» специальным распоряжением заменялось другим — «нововступившие в подданство наше». Поляков, служивших в упраздняемых частях, приглашали перейти в русскую армию с выплатой подъемных. После двенадцати лет службы им

обещали отставку и наделение землей. Однако «обаять» поляков не получилось. Генерал Салтыков писал в Петербург: «Бывшие польские войска, показавшие уже опыт беспокойства, обращают на себя особенное внимание, так что и теперь большая часть верноподданных войск Вашего императорского величества устремлена на удержание их в покое». Многие части подняли открытый мятеж и перешли на сторону противника, остальные таяли на глазах от массового дезертирства. При попытке удержать в повиновении Волынскую и Брацлавскую кавалерийские бригады пришлось даже применить оружие^[88].

В кампанию 1792 года Цицианов вступил, будучи командиром Санкт-Петербургского гренадерского полка, который входил в дивизию («отделение») генерал-поручика С. Косаковского. Эта дивизия состояла в армии генерала от инфантерии М.Н. Кречетникова, предназначенной для действий в Литве. Численное преимущество было явно на русской стороне: на 15-тысячное польское войско, имевшее очень слабую артиллерию, надвигалась 32-тысячная армия при 58 полевых орудиях. Кроме того, почти все русские полки имели опыт боев с турками и шведами, тогда как большинство польских солдат никогда боевых выстрелов не слышали. Но у поляков были и свои преимущества: высокий боевой дух (каждый знал, что он сражается за свободу своей родины), помощь со стороны населения и возможность вести так называемую малую войну, пользуясь лесистой местностью края и наличием хорошей легкой конницы. Некоторые шансы на сопротивление давало и то, что русские дивизии наступали четырьмя колоннами с разных направлений. Будь во главе польской армии решительный и инициативный командующий, он мог бы доставить немало неприятностей своим разобщенным противникам. Хотя в кампании 1792 года русская армия имела подавляющее преимущество перед армией польской, именно это едва не привело к конфузу. Командовавший авангардом Молдавской армии генерал И.И. Морков слишком самоуверенно оторвался от главных сил, и только своевременный подход подкреплений спас его в бою с корпусом Т. Костюшко под Мурахвой от поражения^[89]. Более масштабное столкновение у местечка Мир 31 мая 1792 года завершилось полной победой русских, захвативших много пленных и трофеев. 7 июня без боя сдалась крепость Несвиж. Это был очень большой успех, поскольку там хранились значительные запасы провианта, в котором дивизия Кречетникова испытывала острую нужду. Польские войска откатились к Гродно, но не удержали и этот город, считавшийся второй столицей Литвы. 7 июля в сражении при Дубенке

русское оружие вновь взяло верх. Спустя несколько дней русскому главнокомандующему было передано сообщение противной стороны о готовности заключить перемирие^[90].

22 августа генерал П.С. Потемкин, которому А.В. Суворов поручил командование корпусом, приказал своим подчиненным строго выполнять инструкции, составленные этим прославленным военачальником. Прежде всего он обратил внимание на умелое и дерзкое поведение неприятельской легкой кавалерии, в связи с чем «...должен вагенмейстер сделать опыт всем обозам к построению вагенбурга, расчислить повозки и назначить каждому место, дабы люди свыкли, как проворно и без замешательства распределить по каждому фасу вагенбург нестроевыми чинами по равной доле». Далее следовало распоряжение о пресечении мародерства: «...внушить и толковать нижним чинам и рядовым, чтоб нигде при переходе местечек, деревень и корчмам ни малейшего разорения не делать. К продовольствию съестное будет брато по учреждению и ежели выше сего сказано, чтоб мстительно наказывать военных поляков и вооруженных обывателей, то напротив того, пребывающих спокойно щадить и нимало не обидеть, дабы не ожесточить сердца народа и не заслужить порочного названия грабителей»^[91].

Начало кампании 1794 года также оказалось тревожным для русского командования. Польский генерал Магдалинский «взбунтовал» свою кавалерийскую бригаду. Он разгромил русский полк и захватил его казну, разбил прусский эскадрон и двинулся к Кракову, где 16 марта 1794 года Костюшко был провозглашен диктатором республики. Не оценив в полной мере масштаб событий, русское командование двинуло против «мятежников» отряды под командованием Денисова и Торماسова, которые потерпели поражение 24 марта под Рославицами. Известие об этом привело к общему восстанию. Весной 1794 года жители Литвы и Польши с волнением читали воззвание нового героя польской нации: «Тадеуш Костюшко, начальник вооруженной народной силы. Сим открытым повелением вообще всем предписываю, чтобы по прочтении оногo все воеводские генералы, командующие войсками республики польской, выступив в поход, соединились и составили корпус. В походе, ежели можно, атаковать неприятеля и о состоянии своем меня уведомить. Подтверждаю при том вооруженный народ принять, а других преклонять к вооружению и чтоб соединялись с вами. Духовенству внушать о побуждении народа к защищению Отечества, а желающих брать с собою»^[92]. В ночь с 22 на 23 апреля 1794 года польские войска вместе с

«вооруженными обывателями» напали на городскую гауптвахту в Вильно, арестовали находившихся там русских офицеров, генерал-майора Н.Д. Арсеньева, генерал-поручика С.Д. Косаковского, провозглашенного великим гетманом Литовским. Косаковского, обвиненного в предательстве интересов польского народа, повесили на городской площади. Были забиты до смерти и несколько солдат, оказавших сопротивление. Пехотный батальон и казачий полк, стоявшие недалеко от Вильно, двинулись было на помощь попавшим в беду товарищам, но поляки испортили паромную переправу через реку Вилию^[93].

Когда налицо были уже все признаки надвигающегося восстания, командование решило не выводить войска из Варшавы, поскольку тем самым инсургентам фактически передавался богатый арсенал.^[94] Кроме того, в столице Польши находилась королевская семья; нельзя было оставить на растерзание и многочисленных сторонников России. Сил для удержания Варшавы, казалось бы, хватало: 9 батальонов пехоты, 6 эскадронов, 3 сотни казаков и 12 пушек. Но 6 апреля 1794 года восставшие сумели изолировать русские части друг от друга, в первые же часы было убито или взято в плен много офицеров. В довершение ко всему командовавший войсками генерал Арсеньев проявил удивительную беспечность, находясь «под влиянием» красавицы-полячки пани Володкевичевой, и сам оказался под арестом. Два пехотных полка, Нарвский и Псковский, сложили оружие, остальные части с большими потерями, бросив все имущество, выбрались из города^[95].

То, что в Варшаве повстанцы без особых усилий захватили власть и обезоружили гарнизон, не может не вызвать удивление, поскольку само по себе «возмущение» ни для кого не являлось тайной, о нем судачили на всех углах. Русский торговец А. Павлов, приехавший в марте 1794 года по делам в Гродно, узнал от местных жителей о предстоящих событиях. Поляки рассчитывали, что две роты Ревельского пехотного полка, составлявшие тогда Гродненский гарнизон, не смогут оказать серьезного сопротивления, и были крайне огорчены, когда в город вступил эскадрон Ингерманландского карабинерного полка. Торговец перевез свои товары в надежное место и сообщил о настроениях горожан командиру эскадрона, а тот, вероятно, — Цицианову, который, как мы увидим, внимательно следил за событиями. 25 апреля полковник Дистрело сообщил Н. Репнину о том, что практически все население северной части Великого княжества Литовского склоняется к бунту^[96].

Еще в сентябре 1793 года Павел Дмитриевич Цицианов получил чин

генерал-майора, означавший безоговорочное включение его в состав отечественной элиты. Это — поворотное событие в его военной и государственной карьере. Лица, пребывавшие в «предшествующих» чинах, рисковали затеряться в реляциях. Удача в какой-либо военной операции становилась удачей прежде всего начальника того соединения, которое в ней участвовало. Чаще всего победу приносили своевременные распоряжения полковников, или, как тогда говорили, «частных командиров», но в представлениях высших эшелонов власти героем все равно признавался генерал. Другими словами, отобрать лавры победителя у генерала было гораздо труднее, чем у полковника.

В конце XVIII столетия генералов было так немного, что служилый народ знал их в лицо, а неслужилый издали определял их высокий статус по количеству и суетливости сопровождавших лиц. Другим важным признаком «особы первых четырех классов» являлся размер так называемого «поезда» — количества экипажей, ибо одним из наиболее важных преимуществ являлось право иметь более значительный обоз. Вблизи генералов узнавали по орденам: если видели «Анну» 1-й степени, то это точно был «их превосходительство», поскольку полковникам полагались знаки отличия рангом пониже. Генеральский мундир отличался от офицерского золотым шитьем в виде гирлянд лавровых листьев. Различались чины по ширине и количеству гирлянд: генерал-майору полагалась одна гирлянда, генерал-лейтенанту — две, генерал-аншефу и генерал-фельдмаршалу — по две с половиной. Чтобы чины первых двух классов «сияли» во все стороны, у них имелось дополнительное шитье по швам рукавов и спины. Правда, в 1796 году шитье отменили, из-за чего различие между генеральскими и офицерскими мундирами стало менее заметным. Утешением стало введение витого золоченого эполета на правом плече.

Надо сказать, что русское командование всех уровней в целом оказалось не готовым к столь неблагоприятному развитию польских событий. Воинские части были разбросаны по городкам и местечкам; сделано это было «для удобства продовольствования»: не требовалось организовывать перевозку провианта и фуража, у интендантов не болела голова по поводу сбора, учета и хранения запасов. Концентрация войск в Литве и Польше затруднялась еще тем обстоятельством, что в 1793 году край охватила сильнейшая засуха и следующей весной ощущался дефицит продовольствия, а с сеном была просто беда. Однако в условиях мятежа поротное или даже повзводное деление полков могло иметь катастрофические последствия. Во-первых, из-за отсутствия технических

средств связи собрать все силы в один кулак оказывалось очень непросто.

Во-вторых, солдаты и офицеры рисковали быть перебитыми или плененными превосходящим по численности противником. Беспечность проявили и командиры некоторых частей, что позволило восставшим в первые дни добиться заметных успехов. Но концентрация войск — альфа и омега в «правильной» войне — не являлась бесспорным преимуществом, когда речь шла о народном восстании. Сбор взводов и рот под полковые знамена означал, что десятки пунктов, где ранее находился ясно видимый и грозный символ коронной власти — воинский отряд, оказывались вне зоны правительственного контроля и потому легко становились «гнездами мятежников». Кроме того, каждое передвижение войск народная молва превращала в паническое бегство, что способствовало поднятию духа повстанцев. Именно этими соображениями руководствовался, например, полковник Деев — командир пехотного батальона, располагавшегося недалеко от Вильно. В своем рапорте он указал, что не двинулся навстречу двум карабинерным полкам, шедшим из Риги, чтобы его уход не был воспринят как отступление и бунт не разросся бы до невероятных размеров^[97]. Впрочем, настроения в польском обществе тогда были различны. Если шляхтичи, представители духовного сословия были воодушевлены идеей восстановления независимой Польши, то большая часть крестьянства не особо рвалась в бой. Имеется свидетельство жителя местечка Сморгонь о том, как формировалось тамошнее ополчение. Представители революционного правительства приказали всем мещанам и селянам изготовить пики и выйти с таким вооружением навстречу русским полкам. Для того чтобы не было ослушников, в центре местечка поставили виселицу. Однако, когда правительственные войска появились, ополченцы бросали пики в огонь и разошлись по домам^[98].

Цицианов оказался едва ли не единственным из генералов, не оплошавших в начале Польского восстания. На этот счет сложилось прочное мнение даже в глухой провинции. В первых числах июня 1794 года графу А.Р. Воронцову писал его знакомый Н.А. Львов из Вышнего Волочка: «В Варшаве сделался бунт; ночью по выстрелу пушки солдаты и мещанство бросились резать наших без исключения. Игельстром, Апраксин, Зубов и еще кой-кто ушли в Пруссию и спаслись с 500 человеками. В Варшаве солдат и людей барских (сторонников так называемой конфедерации, собранной в городе Баре. — В. Л.) перерезано более 3000. Фан Сухтелен и Боур взяты в полон; вся наша артиллерия, деньги и бумаги; о Бюлере и об Аше, так как и о всем министерстве

(российском посольстве. — В.Л.) и слуху нет. На другой день генерал-провиантмейстер Новицкий, собрав наши войска, около города стоявшие, вошел в Варшаву, отбил 20 наших пушек и несколько денег. В тот же день в Вильне поляки окружили живущих в городе генералов, штаб-и обер-офицеров взяли в полон (сии все посажены в монастыре в Вильне), перерезав караул в 220 человек состоявший. Тут взяты генерал-майор Арсеньев, подполковник Языков, других не помню; а когда собрались на помощь войска из уезда, то нашли, что все паромы обрезаны. В Гродне генерал-майор Цицианов лучше всех сделал: он окружил город, сказал им, что видит в оном некоторое возмущение; что если против Костюшки они ополчаются, он идет с ними; но до приближения неприятеля должны они сложить оружие, или он их сожжет. И они все сдались...»^[99]

Имеются и другие свидетельства, дающие основания полагать, что Цицианов в первые дни восстания был одним из немногих, кто сохранил бодрость духа. Главнокомандующий же князь Репнин, напротив, явно растерялся. Это видно из его письма И.П. Салтыкову после известия о пленении Арсеньева: «Теперь вы уже о всех, наших несчастиях известны несомненно; они, так сказать, не несчетны. Вы все еще рассчитываете на наши войска в Литве и мне пишете, что я назначен ими командовать; но их уже нет ни клочка: может быть, только куда не есть укроются, а куда — того и придумать нельзя; следовательно и распоряжаться нечем и даже выручать некого. Никто еще такой армии в команду не принимал, в которой даже знать нельзя, где и самому быть»^[100]. Однако постепенно Репнин успокоился и стал отдавать разумные распоряжения. Он справедливо полагал, что для борьбы с польскими инсургентами обычная тактика малопригодна. На «малую» войну, развернутую поляками, по его мнению, следовало отвечать быстрыми действиями, а не сложными эволюциями, обычными для «правильных» сражений. «Господа тактисты (тактики. — В. Л.) почитают делать свою войну против взбалмошенных поляков так, как против регулярных войск она делается; их из этих мыслей выбить нельзя. Здесь же не войска, а ветер, и должно без всяких мудростей: где ближе скопище случится — то и бить, глядя только, чтобы коммуникацию свою сберечь, а за дальними отнюдь не гоняться»^[101]. Еще одну меру предосторожности в борьбе с неприятелем предложил Цицианов. Он старался избавиться от тех частей, где служило много поляков. Особенно это касалось легкой кавалерии. Павел Дмитриевич писал Репнину: «Мне их употреблять нельзя как подозрительных и опасных людей; почему лучше желаю иметь меньше у себя людей, нежели водить с собой предателей или,

по крайней мере, беглецов, которые о всей внутренности нашей, перебегая, неприятелю рассказывать станут»^[102]. Накопленный боевой опыт и природные воинские дарования позволили Цицианову избежать плена. Один из польских офицеров Гродненского гарнизона в своем письме к жене, находившейся в Варшаве, неосторожно расхвастался будущими победами над москалями. Как только нашему герою доложили о подготовке мятежа, он, не дожидаясь ничьих распоряжений, приказал всех поляков-офицеров взять под стражу^[103].

19 апреля 1794 года Екатерина II именным указом объяснила генерал-поручику Т.И. Тутолмину основные принципы действия в Польше. Императрица предписывала строго поступать с «закоснелыми изменниками... в страх другим» и одновременно «ободрять благонамеренных». Всех уличенных в заговоре следовало лишать недвижимости и передавать ее «явившим несомненные опыты верности и усердия». В Литве и Белоруссии предлагалось опереться на православное крестьянство, которое ненавидит своих господ-католиков^[104]. 22 апреля в своем наставлении главнокомандующему Н.В. Репнину императрица обратила внимание на две первостепенные задачи: концентрацию войск, разбросанных на большой территории, и «обеспечение пределов наших, очистя тыл войск наших от злодейских толп, в Литве имеющих, и учредя надежное с границами нашими сообщение...». Особо императрица выделяла необходимость установления прочного контроля над районами Гродно, Вильно и Ковно^[105]. Об этих распоряжениях Екатерины II следует помнить при оценке карьерных успехов Цицианова. Правители и начальники всех рангов — живые люди; они несказанно радуются, когда их предначертания оказываются удачными. Высокие награды ожидали подчиненных, выполнивших эти предначертания или действовавших по своему усмотрению, но добившихся тех же результатов, на которые были нацелены «высочайшие» планы. Цицианов обеспечил контроль над Гродно — одним из важнейших пунктов Литвы, то есть сделал именно то, что предписывала императрица.

Генерал-поручик Б.Ф. Кнорринг в рапорте Салтыкову от 29 апреля 1794 года указывал на рискованное поведение Цицианова, который не уходил из-под Гродно, «где более опасности подвержен, нежели как бы к Вильне или к войскам здешним он прежде себя приблизил»^[106]. 11 мая сам Павел Дмитриевич рапортовал Репнину: «...по первому слуху, дошедшему до меня от поляков о несчастном жребии, коему подпали наши войска в Варшаве, *не дожидаясь повеления вышней команды* (курсив наш. — В. Л.),

выступил под Гродно в лагерь, выбрав местоположение такое, чтобы держать город в страхе, считая притом, что тыл моего лагеря закрыт виленским корпусом и ковенским деташментом (отрядом. — В. Л.), и в ту же минуту послал к господину генерал-майору и кавалеру Арсеньеву о Варшаве известие, уведомляя его о моем выступлении в лагерь и спрашивая, не нужно ли с ним соединиться. Но курьер мой проехать уже не мог и привез слух о подобном несчастье, в Вильне случившемся. Тогда не видя иного средства к спасению войск, в Литве расположенных, как соединение всех малых деташментов, рассеянных и отделенных от бывшей гродненской части, а именно в Новогродке и Слониме, разослал я курьеров, переряжая их и посылая ордера запряганными в сапоги, поелику уже в шести милях от Гродно в Соколке собралось до шести полков, кои удобно могли отрезать Слонимский деташмент, а в Шавли собравшиеся войска могли легко то же сделать с ковенским, прикрыл их соединение своими войсками и выслал в Меречь к остаткам виленского резервного корпуса, спасенного храбрым, расторопным и мужественным капитаном артиллерии Тучковым и соединившимся с ним потом Нарвского полка премьер-майором Раутенштерном, сильное прикрытие для изготовления ему перевоза через реку и для снабжения его провиантом и фуражом, которого они не имели, так как и палаток.

Наконец, 21 апреля, день для России знаменитый в честь отправления молебного служения на горе, остаток виленского резервного корпуса вступил ко мне в лагерь, а ковенский деташмент при совершенной безопасности в один переход от меня имел ночлежный лагерь. По собрании всех сих войск, снабдя виленские войска всем нужным, построив им 100 палаток из дламского полотна, находящегося в амуниции, везомой в Сибирский гренадерский полк и остановленной мною в Гродно, по небеспечности, правда, обложил я город и взял контрибуцию (о чем шлю ведомость) в наказание, потому что все письма и все печатные известия описывали злое намерение и сего города против наших войск. Окончив сие, пошел я со всеми войсками к новой российской границе на Новогородок. Во время сего похода знаменитого ничего не произошло. Были две стычки у казаков, и в одной убили у нас казака и ранили одного, да отхватили двух фурыеров, а в другой нашими убито 4 да 3 захвачено в плен.

Дошед до Мира и расположась там лагерем, ожидал повелений его превосходительства господина генерал майора и кавалера Тимофея Ивановича Тутолмина, коего распоряжениями велено мне следовать по ордеру его превосходительства, господина генерал майора и разных орденов кавалера Осипа Андреевича барона Игельсторома. Между тем,

лишась сообщения с сим последним и не имея к кому отнести, счел я необходимым отправить все репорты, здесь приложенные, прямо в государственную военную коллегияю.

Потом, следуя наставлению его превосходительства Тимофея Ивановича Тутолмина, основанному на повелении Вашего сиятельства, потянулся я было через Николаев к Олыианам, чтобы схватиться руками с войсками бригадира Бенигсена. Авангард мой же в Николаеве занимается строением моста через Неман и, построив его, поставит твердую ногу на правом берегу реки, посунув его и разъезды вправо до Бакши, чтоб овладеть мостом через Березину и тем с detachmentом подполковника Сакена иметь сообщение влево до Лепнишек, где, говорят, есть несколько польской конницы. Теперь же по слухам, дошедшим до Несвижа, что Беляк (польский генерал. — *В. Л.*) прибыл в Слоним с войсками, остановился я здесь до вернейшего познания о том, так как и о намерениях его впасть в границу. Продовольствие войск со стороны провианта и фуража было до сих пор от земли образом контрибуции и безобидное, но теперь, час от часа делаясь труднее, приводит меня в отчаяние»^[107].

О том, что произошло у Гродно в 1794 году, мы можем прочитать в записках Л.Н. Энгельгардта: «Артиллерии капитан Сергей Алексеевич Тучков, к счастью, по первому удару в набат, вскоре ушел к своим двум ротам артиллерии, стоявшим на Погулянке, и нашел всю свою команду готовую у орудий. К нему мало-помалу стали прибегать от сказанных полков некоторые офицеры и нижние чины, и собралось их до 700 человек. Он подступил к городу и стал оный канонировать; поляки хотели было атаковать его, но видя устройство его войск, опасались. Поляки потребовали от Арсеньева (генерала, захваченного поляками в плен. — *В.Л.*), чтобы он приказал Тучкову остановить канонаду, но тот отказался, а принудили полковника Языкова, чтоб он от имени генерала послал таковое приказание. Тучков, получа сие предписание, отвечал, что пока генерала лично не увидит, то приказа не послушает, и требовал, чтоб ему его выдали. Но как начало рассветать, и он увидел, что польские полки собрались и вывезли из своего арсенала артиллерию, то, по малому числу своих войск, ретировался он к Гродне и прибыл туда благополучно, без малейшей потери, хотя при начале жарко был преследуем. В Гродне командовал генерал-майор князь Дмитрий Павлович Цицианов. Как человек разумный и с воинскими особливими дарованиями, он был осторожен и содержал войска в должном порядке, и потому тотчас по дошедшей молве принял свои меры: дождавшись Тучкова, взял с Гродны

контрибуцию, занял крепкую позицию и оставался там до времени»^[108].

Обратим внимание читателя на то, что в 1794 году впервые пересеклись пути Цицианова и Тучкова, который в своих записках не скупится на черную краску при характеристике личности и деятельности князя. Очень вероятно, что вспыльчивый генерал чем-то обидел подчиненного ему капитана, хотя награждение Тучкова орденом Святого Георгия 4-й степени должно было оставить у будущего мемуариста самые теплые воспоминания о кампании 1794 года.

Тем временем война в Литве разгоралась. 26 апреля 1794 года произошел бой отряда под командованием полковника Деева под Полянками с большим корпусом польских войск, который насчитывал шесть полков пехоты, две бригады так называемой «народовой кавалерии» и полк татарской конницы, общей численностью около шести тысяч человек. Кроме того, к месту сражения подтянулось еще пять тысяч польских ополченцев. Несмотря на значительное преимущество противника в силах, полковник Деев одержал полную победу: повстанцы бежали в сторону Вильно, бросив шесть пушек. Обе стороны действовали с особым ожесточением: в официальном рапорте малое число пленных объяснялось тем, что «...солдаты наши так раздражены были, что не давали пардону, но и они (поляки. — *В.Л.*) так отчаянны были, что раненые оборонялись». Потери русских войск также были значительны: 173 убитых и 322 тяжелораненых^[109].

В том же 1794 году Цицианову было дано весьма деликатное поручение. Видимо, он уже имел реноме человека, способного не только к решительным, но и к тонким действиям. Российское командование обратилось к польскому генералу Беляку с предложением покинуть ряды повстанцев в обмен на амнистию, сохранение чинов и имущества. В послании к мятежному генералу указывалось на то, что до сих пор русские войска воздерживались от разорения его поместий. В том случае, если бы Беляк выразил готовность к сотрудничеству, переговоры о деталях должен был вести Цицианов^[110].

В середине августа 1794 года большой переполох произвел рейд отряда под командованием С. Грабовского в Минскую губернию. Три тысячи пехотинцев и всадников при двух пушках сами по себе не представляли большой угрозы, но появление противника в глубоком тылу наносило тяжкий урон престижу России. При этом моральным ущербом дело не ограничивалось. Рейд Грабовского мог сыграть роль запала, способного взорвать всю Белоруссию, где имелось немало горючего

материала в лице католических священников, шляхты и вообще всех, кто мечтал о восстановлении Речи Посполитой «от моря до моря». Поляки, сражавшиеся в других районах, воодушевлялись известиями о том, что их товарищи успешно действуют на вражеской территории. Репнин писал Салтыкову по этому поводу 19 августа: «Дерзостное стремление сих мятежников, пустившихся в глубину наших границ, непонятно. Оно доказывает согласие с ними здешних обывателей, понеже те мятежники никаких с собой повозок не имеют, и, следственно, пропитание находят готовое у обывателей... Здешние жители еще не бунтуют, то едино от страха, а сколь скоро войск наших не увидят, столь немедленно уже и готовы приступить к бунту. Отделение наших войск от границы к Виль-не — причина сего дерзостного покушения»^[111]. Командование было очень обеспокоено рейдом Грабовского, как о том можно судить из письма Репнина канцлеру Безбородко от 21 августа 1794 года^[112]. Ситуация создавалась критическая. В Минске было всего две роты пехоты, две пушки, несколько десятков выздоравливающих солдат в местном госпитале и 300 рекрутов, застрявших в городе из-за бездорожья. Но принять командование даже над этими скромными силами было некому: по стечению обстоятельств в городе не оказалось ни одного штаб-офицера^[113]. Даже если бы повстанцы овладели Минском, в стратегическом отношении это мало что значило, однако известие об этом могло «воспламенить» тысячи колеблющихся, и тогда в глубоком тылу правительственных войск, сжимавших кольцо вокруг Варшавы, могло вспыхнуть масштабное «возмущение».

Отражение рейда Грабовского было поручено П.Д. Цицианову. Погоня по пятам была изнурительна и малопродуктивна. Поляки ломали после себя мосты и гати, устраивали завалы на лесных дорогах. Поэтому Цицианов решил не преследовать противника, а идти ему наперерез^[114]. Такой план оказался разумным. Уже 21 августа отряд под командованием премьер-майора Баркляя де Толли (племянника героя 1812 года) нанес чувствительный удар польским партизанам под Глуском и заставил их в беспорядке отступить^[115]. А через три дня под Любанью рейд Грабовского закончился. Вот как выглядели события в подробном отчете Цицианова Репнину от 29 августа:

«Видя крайнее изнурение войск моего начальства от одиннадцатидневного непрерывного марша, сделав более восьмидесяти миль в течение оных, принужден будучи взять с половины дороги для облегчения себе в марш и за недостатком подвод под пехоту с собой только

шесть эскадронов карабинер, один батальон гренадер на подводах и четыре орудия полевой артиллерии малого калибра, терял я всю надежду в успехе моего преследования за неприятелем, тем паче, что он, забирая подводы и хлеб предо мною, сжигая и разоряя мосты за собою на каждом шагу, так сказать, меня останавливал. Но кой час я услышал, что он от стычки с моим авангардом под начальством отличного в военном искусстве Санкт-Петербургского гренадерского полка премьер-майора и кавалера Барклай-де-Толли под Глуском, потеряв там около ста человек в убитых, раненых и пленных, кинулся по Слуцкой дороге и с оной своротил от деревни Осевцы влево к переправе чрез реку Орезу при Любани, зная, что переправа его задержит по причине непомерной широты той реки в том месте, зная также, что он окружен непроходимыми там болотами, и получа известие от авангарда, что он еще в лесу за собою чрез топкое болото сжег весьма долгий мост, вознамерился я, твердо уповая на помощь Божью, переправясь поспешно при корчме Орезе на пароме, спущенном ими и паки возвращенном, а частью вплавь, перерезать ему путь, стараясь захватить его так, чтоб еще не все войско его успело перебраться на правый берег и малосильным своим отрядом потеснить его.

В ночь переправы моей я Вашему сиятельству имел честь донести из сказанной корчмы, отколь, оконча переправу в шесть часов утра, пошел я чрез Уречье к Погосту, но получа известие, что авангард мой пошел к Еремовичам, что неприятельская пехота уже на правом берегу и что готова выступить в марш к Погосту, тотчас отрядил эскадрон карабинер и роту пехоты с полковой пушкой к дефиле и к тому мосту, в лесу, что неприятель сжег, чтоб запереть их среди тех болот. Сам же с местечка Уречье своротил я к деревне Еремевичи, в трех милях еще отстоящей. Тут то видел я усердие войск наших, целую ночь переправлявшихся и две мили уже до Уречья сделавших. Три мили конница и артиллерия, несмотря на усталость лошадей, ехала в рысь, и бесподобные гренадеры, из коих только третья часть имела утомленные подводы (подводы, на которых по очереди ехали уставшие солдаты. — *В.Л.*), не отстали от конницы и бежали через целые три мили.

Едва из леса малая моя колонна показалась для соединения с авангардом, я же, опередя колонну, хотел осмотреть местоположение, как неприятельская колонна по дороге, ведущей из Люблин к Еремевичам уже появилась и, увидя часть нашей конницы, стала поспешно выстраиваться. А потому не осталось мне, как выбрать возвышение для батареи, при установлении которой неприятель уже открыл свою. Гренадеры, бежа частями из леса и растянувшись от подвод, едва построились за батареею.

Левое крыло моей позиции было прикрыто непроходимым болотом, правое — лесом и болотом же. Скоро по открытии нашей батареи отличный, усердный и храбрый капитан артиллерии Юматов заставил неприятельскую молчать и отступить, обрета в бездействие их орудия, ни имевшие ни запасных колес, ни лафетов к ним.

Неприятель погнулся и начал отступать своей пехотой. Конница же моя не могла удачно ударить от усталости лошадей и оттого, что неприятель, проходя лес, засадил против нее стрелцов в оной. Тут тотчас послал я охотников с сержантом Санкт-Петербургского гренадерского батальона Никитой Валеевым, который, оправдав мой выбор, выгнал неприятельских стрелков из леса. Три раза неприятель отступал и три раза, останавливаясь, выстраивался. Но в последний раз конница ударила при отступлении, то есть два эскадрона карабинер при полковнике и кавалере Бардакове, эскадрон Санкт-Петербургского драгунского полка при беспримерно храбром секунд-майоре Плеханове и казаки при полковнике Вершинине... после чего неприятель ретировался в Любань и выслал майора Нелепца просить пощады, сдаваясь на мою дискрецию.

Я принял то предложение, и начальник полковник Грабовский со всеми штаб-и обер-офицерами и всем войском сдался военнопленным. Тут я из великодушия, свойственного российскому непобедимому войску, возвратил штаб-и обер-офицерам их шпаги, оставя при них их экипажи, предоставляя, разумеется, власть возвращать то, что по дороге было забрано. Все военные действия остановлены, пехота обезоружена. Конница же на левом берегу, не получа еще известия о сдаче, по моему отряду сделал несколько выстрелов, тоже сдалась. Сия знаменитая победа доставила нам пять пушек и казну хотя небольшую, состоящую только в 2242 рублях, в 61 человеках штаб-и обер-офицерах и 1003 человеках пленных во всем их оружии, лошадях от конницы и артиллерии и всего того, что было казенное. Убитых с их стороны было боле двухсот, да столько же погребли себя в реке Орезе. Раненых до ста человек»^[116].

Разгром Грабовского ставил Цицианова в щекотливое положение. С одной стороны, он пресек попытку «поджечь» Белоруссию и тем самым спас репутацию своего непосредственного начальника князя Репнина, который «проморгал» рейд этого дерзкого мятежника. С другой стороны, такая услуга могла выйти боком ее исполнителю. Если военачальники побеждали, находясь в непосредственном (пусть даже номинальном) подчинении вышестоящей фигуре, то слава делилась пропорционально чину. Но самостоятельные подвиги, во главе отдельного отряда, были своеобразным вызовом. Облагодетельствованный шеф мог болезненно

пережить удачу подчиненного, особенно если ему об этом намекнут недоброжелатели. История знает тому немало примеров (один из самых известных — ссора наполеоновского маршала Нея с начальником своего штаба полковником Г. Жомини). К счастью, для Цицианова все кончилось благополучно.

Однако победы в сражениях не гарантировали покорности населения. В этой связи главнокомандующий Н. Репнин 21 августа 1794 года писал П. Зубову о необходимости соблюдать осторожность в передвижениях войск: «...Не против армии здесь война, но против общего народного бунта всего шляхетства и черни, всех явно и потаенно вооруженных, и которых, следственно, выгнать перед собой нельзя, а всегда они будут оставаться в спине войска, выдавая себя за спокойных обывателей, отчего всегда тыл наш будет захвачен при отдалении войск наших от нашей границы...»^[117] Беспokoйством по поводу возможных новых вспышек проникнуты и последующие действия русского командования.

Кампания 1794 года представляла собой столкновения разного масштаба в различных точках Польши и Литвы. Объяснялось это тем, что русские войска частями подходили на театр военных действий, а у польской стороны единое командование фактически отсутствовало, и командиры отдельных крупных отрядов предпочитали действовать на свой страх и риск. При этом полякам не удалось навязать своим недругам так называемую малую войну. Румянцев сумел включить в состав своей армии несколько полков донцов, которые достойно встречали лихих польских конников. 4 октября 1794 года Суворов рапортовал Румянцеву о том, что казачий отряд секунд-майора П. Попова в нескольких стычках взял в плен около 50 человек, несколько знамен и полностью дезорганизовал деятельность тыловых служб одного из корпусов польской армии^[118]. Закончилась эта кампания штурмом Праги — предместья польской столицы — 24 сентября 1794 года. 13 ноября 1794 года Суворов отправил П.А. Румянцеву рапорт об окончании Польской кампании: «Огромное ополчение польских войск и всего народа возмущившегося низложены до конца. Сия дерзновенная рать, противоборствовавшая целое лето с шумом важности, ныне победоносными Ее императорского величества войсками, мне вверенными, разрушена, обезоружена, обращена в ничто. Блистательное взятие Праги и истребление тут при штурме и на баталии знатнейших мятежников армии потрясло до основания всеми их силами. Покорение Варшавы привело их в несостояние противляться победителям. Неутомимая погоня вслед им отправленных войск довершила последнее их

уничтожение...»^[119]

Память о боях 1794 года за Прагу — одна из болезненных точек в отношениях между русскими и поляками. И это не случайно. Русский офицер, участник тех событий, писал:

«Чтобы вообразить картину ужаса штурма по окончании оногo, надoбно быть очевидным свидетелем. До самой Вислы на каждом шагу видны были всякого звания умерщвленные, а на берегу оной были навалены груды тел, убитых и умирающих: воинов, жителей, жидов, монахов, женщин и ребят. При виде всего того сердце человека замирает, а взоры мерзятся таковым позорищем. Во время сражения человек не только не приходит в сожаление, но остервеняется; а после убийства делается отвратительно». Только на самих укреплениях было убито около 13 тысяч человек, «умерщвленных жителей было несчетно»^[120].

Хотя вооруженное сопротивление поляков было сломлено, правительство не обольщалось на предмет установления спокойствия. Принимались меры, чтобы «с корнем» вырвать крамолу. Традиционным рассадником таковой считались учебные заведения. Репнин поручил их проверку Цицианову как человеку не только решительному, но и высокообразованному: «Предлагаю вашему сиятельству обратить внимание ваше на воспитание юношества по возможности сего, дабы впредь основывалось оное на повиновении Божьему и гражданскому законам; а как известно, что виленская академия, а паче школы пиаристов неистовыми, богопротивными и для всего рода человеческого пагубными влияниями литовское юношество заражали, то с глубочайшей прозорливостью испытать те училища вредные и проистекающее из них зло в самом его источнике иссякать и по возможности искоренять, к чему всякие способы и старания употребить». Цицианову было поручено составить списки преподавателей с указанием их национальности и вероисповедания, списки учащихся, а также списки мест расположения школ, учебных программ и т. д.

Для того чтобы лишить поляков одного из возможных «знамен», вокруг которых они могли объединиться, было принято решение перевести в Санкт-Петербург короля Станислава Понятовского. Этот последний коронованный правитель Речи Посполитой был в сильном подозрении у русского правительства. Об этом ясно говорит его характеристика, данная главнокомандующим Репниным в инструкции генерал-майору И.А. Безбородко от 9 декабря 1794 года: «Многие опыты уже нас удостоверили, что сей государь всегда был вопреки польз наших; ибо ни единое не

свершалось в Польше противное видам нашего высочайшего двора событие, в котором он бы не нашелся главой, или участником, или соревнователем...»^[121] Цицианов, как командующий войсками в районе Гродно, также получил 9 декабря инструкцию об организации проезда Станислава Понятовского: «Как его величество король польский немедленно из Варшавы в здешний город прибудет, то для его приезда изволите ваше сиятельство отсель без потерянния времени отправить с надлежащим прокормлением на каждую станцию из полковых и артиллерийских по 80-ти лошадей с упряжью и извозчиками в Кузницы, Соколку и Букштель, а при том для его величества по одному эскадрону драгун при штаб-офицерах и человек по 30-ти казаков в Кузницу и Соколку. Для караула в Соколку сверх того пошлите две роты гренадер со знаменем и две полковые пушки; дом же в Соколках прикажите вычистить и топить на тот случай, если бы его величеству там ночевать заблагорассудилось. Поручите в Соколках как надзирание за всем тем, так и команду особо надежному штаб-офицеру, дабы никакого беспорядка там произойти не могло. А караул тому дому королевскому прикажите — роту гренадер со знаменем и чести ему отдавать все, следующие государю. А другая рота гренадер чтобы стояла с пушкой на карауле в городе для удержания в оном порядка. В дороге конвою его величества ехать следующим образом: перед самой его каретой — казаки, за самую же той — драгун эскадрон, а штаб-офицер, оным командующий, и еще один обер-офицер чтобы ехали по сторонам кареты, отдавая ему всю надлежащую честь и имея к нему все надлежащее уважение, сохраняя его от всякого приключения и притом готовыми чтобы были на всякое ему пособие, надзирая накрепчайшее, чтобы его величество доведен был сохранно и предупреждая всемерно всякий случай тому противный. С дороги прикажите, чтобы командиры конвойные как скорее присылали сюда рапорты о приезде и выезде его величества в назначенные места. При приезде его величества сюда, должно выстрелить из парка (артиллерийского. — В. Л.) сто один выстрел холостыми зарядами, а войско, как гренадеры, так и драгуны, пешком на проезде его в пристойных местах чтобы были поставлены под ружьем, отдавая ему честь как следует государю с барабанным боем и уклонением знамен. На карауле у него здесь во дворце должна быть рота с белым знаменем и 30 человек драгун с литаврами, которые должны быть и конвойные, когда его величество выезжать станет...»^[122]

Когда король был уже в дороге, Цицианов получил еще одно,

секретное предписание от Репнина. Командующему войсками в Гродно требовалось следить за тем, чтобы «...его величество сам и никто из окружающих его особ не мог иметь с иностранными которыми-либо дворами и их министерствами (посольствами. — В.Л.) переписки». Для этого всю входящую и исходящую корреспонденцию следовало предоставлять на просмотр Репнину^[123]. Кроме того, «для лучшего успеха в открытии приверженных королю самому или его свите особ здешнего места жителей, надлежит прилежное смотрение, наблюдение и примечание иметь за теми всякого звания людьми, кои необыкновенно часто во дворец въезжать и входить будут, надзирая — к кому в покои кто ходит и под каким предлогом, а особливо, чтобы из торгующих здесь ни с какими товарами как во дворец, так и из оною без строгого примечания впускаемы и без возможного обозрения выпускаемы не были. Для присмотра же за всем вышесказанным, который должен быть неприметен, иметь, сверх караульных, двух расторопных дежурных и надежных офицеров, которые бы, ведя дневную записку все во дворец приезжающим и выходящим, при вечернем рапорте вашему сиятельству представляли бы, а вы изволите для сведения моего оные представлять ко мне...». Наибольшее внимание предписывалось обращать на духовенство.

Вместе с королем в Гродно прибыло более 150 человек свиты и челяди. Главным распорядителем являлся Репнин, но Цицианов, как верховный воинский начальник в этом городе, нес персональную ответственность за все происходящее^[124]. О значимости Цицианова в круге лиц, составлявших охрану короля Станислава Августа, говорит тот факт, что он лично подписывал все пропуска, позволявшие как чиновникам, так и «партикулярным лицам» появляться в королевской резиденции. Генерал также присутствовал на обедах последнего польского монарха, а также на акте отречения его от престола, состоявшемся 14 (25) ноября 1795 года. Примечательно, что отбыл Цицианов из Гродно через две недели после этого знаменательного события, поставившего точку в многовековом споре России и Польши за гегемонию в Восточной Европе.

Несмотря на то что Станислав Август своим поведением не подавал повода для беспокойства, надзор за ним был довольно строгим. Когда он выезжал на прогулку верхом, его сопровождал взвод драгун (34 человека) с офицером. Когда же заскучавший король решил переехать через Неман на «польскую» сторону реки, ему перечить не стали, но на всякий случай усилили конвой казачьей командой. Только во второй половине сентября сопровождение во время его прогулок уменьшили наполовину — до 18

драгун. К тому времени власти убедились: ни сам почетный арестант, ни его сторонники не помышляют об организации побега или иного действия, направленного против «видов правительства». Однако как только был замечен лакей, долго разговаривавший с русским часовым, последнего тотчас сменили и допросили. «По расспросу оказалось, что помянутый лакей рассказывал много лишнего и дерзкого часовому; по донесении о том Главнокомандующему препоручено было господину генерал-майору князю Цицианову сказать господину Брестовскому (дворецкому. — В. Л.), дабы наказан был реченый слуга за лишнюю дерзость»^[125].

Если есть королевский двор, то должны быть и придворные партии, активно интригующие друг против друга. Гродно не стало исключением. Во главе одной группировки стояли Н.П. Панин и Лобанов-Ростовский, а во главе другой — Цицианов и И.А. Безбородко. Если бы то был не век Екатерины II, то можно было бы утверждать: вторая партия должна взять верх, поскольку один из ее руководителей являлся военным комендантом Гродно и контролировал передвижение всех лиц, в этом городе находящихся, а другой вел специальный журнал, служивший официальным отчетом о ситуации в королевской резиденции. Но обычной практикой государственного управления являлось и является создание «альтернативного» центра если не власти, то влияния. Другими словами, наряду с чиновником, облеченным всей полнотой власти, в ведомстве или в регионе присутствовал человек, который наблюдал за действиями министра или губернатора и сообщал обо всем в Петербург.

Изучать придворные или ведомственные интриги — дело неблагодарное, поскольку источники в большинстве случаев либо отсутствуют, либо туманны и крайне противоречивы. Достоверен лишь очевидный исход «подковерной» борьбы — утрата кем-либо из участников прежнего влияния (или даже отставка) и «вознесение» на новую административную высоту другого «борца». Иногда результаты такой борьбы проявлялись позднее, уже в следующее царствование. Так, Никита Петрович Панин в павловское время был в фаворе (вице-канцлер, посол в Берлине, действительный тайный советник), а с восшествием на престол Александра I оказался не у дел и остаток своих дней (36 лет!) провел в отставке. А вот его соратник князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский, наоборот, в 1797 году при Павле I «вылетел» с поста архангельского губернатора и вернулся на службу при его сыне, причем занимал ответственные должности. Илья Андреевич Безбородко был родным братом «всесильного» при Екатерине II канцлера Александра Андреевича. По нашему мнению, гродненский период жизни Цицианова

был ознаменован еще одним важным событием: он познакомился с Адамом Чарторыйским, одним из самых влиятельных людей начала царствования Александра I, заместителем министра иностранных дел, а затем и главой внешнеполитического ведомства в те годы, когда наш герой служил в Закавказье.

Военный успех имел свои измерения. Главными и наиболее осязаемыми являлись трофеи, поскольку в отличие от «побитых» противников их можно было предъявить высокому начальству, а буде при армии окажется сам монарх — то и ему. Главы государств — люди не кровожадные, и созерцание сотен истерзанных и окровавленных тел — отнюдь не самое любимое их занятие. Одно дело — цифра в рапорте, другое — то, что она обозначает на самом деле. Наиболее почетными трофеями неодушевленными считались пушки и знамена, а одушевленными — плененные неприятельские солдаты, офицеры и генералы. Всё это были именно символы виктории. Использование вражеских орудий было довольно редким явлением, поскольку даже для обслуживания собственных обычно не хватало канониров (прислуги) и упряжных лошадей. Зато пушки являлись неоспоримым признаком удачи, а их потеря в подавляющем большинстве случаев объяснялась неорганизованным отступлением (бегством), не дававшим возможности своевременно отвести батареи в безопасное место. Знамена (штандарты, значки, бунчуки и т. п.) также годились только для удовлетворения самолюбия, ибо каждый такой предмет означал победу над частью, для которой он ранее служил символом ее воинского достоинства и вообще существования. (Отсюда традиция расформировывать полки, утратившие свои знамена.) Взятие русскими войсками Варшавы сопровождалось захватом огромного арсенала — 518 орудий различного калибра, о чем с восторгом рапортовал А.В. Суворов П.А. Румянцеву 12 февраля 1795 года. Кроме того, победителям досталось большое количество снаряжения, боеприпасов и вооружения: ядер 7000, бомб 120, ружей годных 7179, ружей «неспособных» 2711, охотничьих ружей годных 549, «неспособных» 2138; карабинов 900, сабель 4012, пистолетов 1115, стволов ружейных 2603, пистолетных 160, тесаков 1111, штыков 2237, клинков железных 3332, пик годных 2030, кос годных 3789, музыкальные инструменты, шанцевый инструмент, 100 седел, 60 мундштуков и 28 недоузdkов. Армия получила также 499 лошадей^[126]. Успехи русской армии в Польше произвели сильное впечатление на турок. Коллежский асессор Макарескуль сообщал из Молдавии о том, что турки «не оставляют прежних своих замыслов (то есть надеются на реванш за поражение в 1787—1791 годах. — В. Л.), коим

противится только страх российского оружия, толико успешно польские мятежи превратившего»^[127].

Нелишним будет заметить, что на войне зарабатывались не только чины и ордена. По свидетельству Л.Н. Энгельгардта, один из участников польских кампаний 1792—1794 годов, полковник Древич, был пожалован населенными имениями, и, «кроме того, он чрезвычайно обогатился во время своих действий в Польше»^[128]. Это вовсе не означает, что офицеры грабили дома в городах после штурма. Просто они за бесценок скупали то, что приносили в лагерь их подчиненные, и это не считалось чем-то зазорным. Участник Русско-турецкой войны 1787—1791 годов писал в своих воспоминаниях, как после неожиданной стычки казаков с неприятельской конницей «убитые турки раздеты были донага, и у нас в пехотном авангарде сделалась ярмарка: оружие разного рода, конские богатые уборы и лошади продавались за ничто»^[129].

Польская кампания 1794 года стала звездным часом Цицианова. Для военного человека неоспоримым признаком такового являются боевые награды и известность. За несколько месяцев Павел Дмитриевич получил ордена Святого Владимира 2-й степени, Святого Георгия 3-й степени, золотую саблю с алмазами и надписью «За храбрость». Все эти три награды тогда были новыми и потому считались «модными». Орден Святого равноапостольного князя Владимира, разделенный на четыре степени, Екатерина II учредила в 1782 году. В начале своего существования орден был особо желанной наградой. Еще в начале XIX века обладателей золотого креста, покрытого красной финифтью с черной каймой по краям, знали поименно; он составлял достойную конкуренцию по «почетности» Святому Георгию. Звезда была восьмиконечной с золотыми и серебряными лучами. В середине ее на черном круглом поле имелись крест и буквы С.Р. К.В. («Святой равноапостольный князь Владимир»). В списке орденов по старшинству (от низшего «Станислава» 3-й степени до высшего «Андрея») эта награда занимала высокое седьмое место из семнадцати. Военный орден Святого великомученика и победоносца Георгия также учредила Екатерина II специально для награждения чинов армии и флота за боевые заслуги. Но поскольку «не всегда верному сыну отечества такие открываются случаи, где его ревность и храбрость блистать может», к этой награде (4-й степени) могли представить за 25 лет беспорочной службы в полевых войсках или за 18 морских кампаний. Орденским знаком стал крест из белой эмали с изображением святого Георгия на коне в центре, крепившийся на ленте из трех черных и двух оранжевых полос,

символизировавших огонь и пороховой дым. Крест 3-й степени носили на шее, а 4-й — в петлице или на левой стороне груди. О весомости этой награды говорит тот факт, что ее, например, получил контр-адмирал Л.П. Гейден, командовавший русской эскадрой в сражении при Наварине в 1827 году. В царствование Екатерины II за боевые заслуги стали также награждать золотым оружием (саблей) с надписью «За храбрость» с темляком из георгиевской ленты. Дополнительным «генеральским» украшением сабли являлись бриллианты.

По обычаям того времени успешных полководцев наделяли земельными угодьями и населенными поместьями. За Польскую войну генерал-майоры получили по пятьсот душ крепостных, а генерал-поручики — по тысяче. Награда Цицианову оказалась просто-таки исключительной: ему пожаловали полторы тысячи крестьян в Минской губернии. Это означало, что Павел Дмитриевич превратился в настоящего магната. Владельцы более пятисот душ считались крупными помещиками. Произошло пожалование будто бы таким образом: рассматривая список награждаемых военачальников, императрица поставила единицу перед цифрой 500 напротив фамилии Цицианова, сказав при этом: «Он служил лучше многих генерал-поручиков»^[130]. Произносила ли в действительности Екатерина II эти слова при награждении Цицианова, или они приписаны ей молвой — сказать точно не возьмется никто. Однако факт особого выделения заслуг нашего героя налицо. А.А. Безбородко в письме С.Р. Воронцову о пожаловании имений отличившимся при подавлении Польского восстания сообщает, что Цицианову дали 1224 души, больше, чем другим лицам в том же чине (И.И. Моркову была пожалована 1000 душ, В.С. Попову — 1175, Ю.И. Поливанову — 653, И.П. Горичу — 1000, И.И. Исаеву — 800, В.И. Милашевичу — 853, А.И. Хрущову — 716, Л.Л. Беннигсену — 1075, П.С. Ланскому — 900, А.А. Воеводскому — 395, Слизову — 389). Действительно, Цицианов получил больше, чем некоторые генерал-лейтенанты (А.П. Денисов, П.А. Исленьев и И.Г. Шевич — по 1000 душ, П.И. Турчанинов — 974)^[131]. Впрочем, владел огромным поместьем бездетный и неженатый Цицианов недолго. Получив впоследствии назначение на Кавказ, он продал недвижимость, рассчитался с кредиторами (иметь долги, в том числе и немалые, считалось для дворян того времени делом обычным, если не обязательным). Оставшуюся солидную сумму он отдал своим братьям.

Щедрые награждения после Польской войны во многом объяснялись тем, что Екатерина II придавала огромное значение решению «польского

вопроса». Взятие Варшавы и последовавшая затем ликвидация самого королевства, некогда боровшегося с Московией за гегемонию в Восточной Европе, считались тогда событием не менее великим, чем завоевание Восточной Прибалтики Петром I в начале XVIII столетия. Это была «последняя точка» в процессе «собирания русских земель», начатого еще при московских князьях. А.В. Суворова императрица произвела в фельдмаршалы, причем «обойденными» в чине оказались сразу девять генерал-аншефов, в том числе такие тогдашние знаменитости, как И.П. Салтыков, Н.И. Салтыков, Н.В. Репнин, Ю.В. Долгорукий, А.А. Прозоровский, М.Ф. Каменский^[132].

Еще более важным результатом Польской кампании было признание Цицианова в обществе. В 1794 году его отметил сам великий Суворов, написавший в одном из своих приказов перед штурмом Варшавы: «... сражаться решительно, как князь Цицианов». Дорогую стоила и оценка действий Цицианова всесильным тогда канцлером Александром Андреевичем Безбородко, писавшим князю С.Р. Воронцову о впечатлении, которое произвел разгром отряда Грабовского. При этом фаворит императрицы особо отметил, что была разбита не толпа вооруженных мужиков, а регулярная армейская часть^[133]. Петр Васильевич Завадовский, очень влиятельная персона эпохи Екатерины II, фаворит императрицы, подвергшийся опале при Павле I и приближенный ко двору после воцарения Александра I, министр народного просвещения в 1802—1810 годах, писал князю С.Р. Воронцову 2 сентября 1794 года: «Знавал ли ты князя Цицианова, который теперь генерал-майор? Он в теперешней Польской войне многими победами отличается»^[134]. Таким образом, будущий герой Кавказа не только стал обладателем сказочных богатств, но прочно попал в историю, ибо внимание великих людей и их запоминающиеся фразы производят поистине волшебный эффект — образ человека в глазах современников и потомков приобретает оттенок бронзы. Газеты в те времена еще не стали главным средством распространения информации. С этими задачами успешно справлялась устная и письменная молва, выражавшая общественное мнение, в котором Цицианов выглядел храбрым военачальником, не терявшимся в трудную минуту. Можно смело сказать: о князе с нерусской фамилией узнала вся Россия!

Польская кампания обогатила Цицианова боевым опытом, выдвинула его в первые ряды отечественной военной элиты. Он получил своеобразный «мастер-класс» от полководцев, многое повидавших на своем веку. Хорошей школой для будущего главнокомандующего на

Кавказе стало общение с Н.В. Репниным. Во-первых, это был один из опытных администраторов екатерининского царствования, сумевший сделать карьеру, оставшись незапятнанным разного рода «неприличиями». Во-вторых, он всегда проявлял заботу о войсках, даже если таковая и мешала «блистать» рапортами о быстрых маршах и решительных победах. Историки отмечали «присущую ему организаторскую способность, которая проглядывается в самых незначительных его распоряжениях. Сбережение людей, заботы об их продовольствии, об удовлетворении их жалованием, амуницией и т. п. не дают ему ни минуты покоя...». Несмотря на успешные действия как на поле брани, так и на дипломатическом поприще, «князь Репнин не пользовался особенным благоволением императрицы, впрочем, щедро его награждавшей; в век фаворитов, случаев, человек, достойный по правам рождения и образования играть одну из первых ролей, естественно должен был стоять несколько в тени, хотя это и был век Екатерины. Причины неособенного расположения императрицы к Репнину, кажется, лежали в основе его характера и в складе его образования. Твердый и решительный там, где облакался полномочием, Репнин являлся другим человеком при дворе, в Петербурге в сношениях с людьми случая и фавора: такому сильному уму, каков был у Екатерины, не могла нравиться такая уклончивость, признак натуры слишком мягкой. Князь Репнин в совершенстве владел французским, немецким и итальянским языками; многократно и подолгу бывал в Западной Европе... приобрел ту общительность и приветливость, коими он резко отличался от своих русских современников...»^[135].

Но, несмотря на блестящее развитие карьеры, солнце не всегда сияло над головой Цицианова. Судя по высказыванию Ф.В. Ростопчина, хорошо знавшего нашего героя еще по службе в Преображенском полку, в «докавказский» период жизни Цицианова был какой-то критический момент, способный изменить его карьеру в худшую сторону. 12 июня 1804 года, поздравляя его с боевыми успехами, Ростопчин писал: «Драгоценна та минута, в кою прозорливая Екатерина, следуя собственному своему движению, откинула гнусное представление славного шельмы С. Но верь, что сия гнусная тварь не первую теперь играет роль в мерзостях и уступает место не одному, а многим»^[136]. Остается гадать, кого имел в виду автор письма и что за «представление» было сделано императрице. Более всего на роль «шельмы» подходит граф Иван Петрович Салтыков, тогдашний московский генерал-губернатор. Но не исключено, что таким «титолом» в письме желчного Ростопчина назван князь Николай Иванович Салтыков,

тогдашний глава Военной коллегии. Первый вариант все-таки выглядит предпочтительнее, поскольку в 1790-е годы И.П. Салтыков был начальником над Цициановым как в Финляндии, так и в Польше.

Хотя восстание в Польше и Литве было подавлено, Россия не торопилась выводить оттуда войска. Летом 1795 года разногласия между Берлином и Петербургом в вопросах разграничения доставшихся им польских земель достигли предельной остроты, и фельдмаршал Н.В. Репнин обсуждал с тогдашним фаворитом П.А. Зубовым планы возможной военной кампании. По его мнению, войск в Литве было достаточно для взятия Кенигсберга и оккупации всей Восточной Пруссии. Основные силы под командой А.В. Суворова должны были в случае войны двигаться в направлении на Торн (современный Торунь). В это время Цицианов был назначен командиром корпуса, располагавшегося в окрестностях Гродно. Корпус включал в себя Санкт-Петербургский гренадерский полк, Псковский пехотный полк, Санкт-Петербургский драгунский полк, два батальона Эстонского егерского корпуса, два батальона, составленные из гренадерских рот Ростовского и Нарвского полков, полк донских казаков и 13 орудий^[137]. Да и в полное успокоение на землях прежней Речи Посполитой верили далеко не все. 30 апреля 1796 года Н.В. Репнин сообщал Н.С. Ланскому о том, что в Гродно и в Варшаве были раскрыты заговоры и проведены аресты. В этой связи осторожный генерал, несмотря на холода, решил вывести войска из городов и деревень в лагерь: «Стыдно нам будет предварительно не истребить сии злобные замыслы, а еще бы стыднее было, чтоб нас в постели застали, как в прошедшее бунтование»^[138].

*

Успехи Цицианова в Польской кампании были настолько заметны, что включение его в состав корпуса, предназначенного для похода в Персию в 1796 году, выглядело вполне естественным.

Разорение в 1795 году Тифлиса персами под предводительством Ага-Магомет-хана, сопровождавшееся вандализмом, грабежами и массовыми убийствами жителей, требовало отмщения. Кроме того, к России с просьбой о помощи обратились напуганные закавказские владельцы. Генерал И.В. Гудович получил приказание взять под защиту шамхальство Тарковское, Каракайтаг и Дербент. На Кавказской линии и в Астрахани

стали концентрироваться войска для предстоящей операции. Силы «назначались» в этот поход весьма внушительные: 6 гренадерских, 12 мушкетерских, 7 егерских батальонов, 28 драгунских эскадронов и 13 эскадронов легкой кавалерии, 4500 казаков, 500 калмыков, 100 орудий разных калибров. Вместе с командами Каспийской флотилии, поддерживавшей корпус с моря, набиралось около 40 тысяч человек. Сбор такой мощной группировки свидетельствовал о масштабных замыслах Петербурга, поскольку для защиты дагестанских союзников требовалось гораздо меньше войск. Общее командование экспедиционным корпусом было поручено Валериану Александровичу Зубову — брату всесильного тогда царского фаворита Платона Зубова. Екатерина II, постоянно демонстрировавшая свой статус продолжательницы дел Петра Великого, одобрила план повторного завоевания Каспийского побережья и исполнения «предположений» своего державного предшественника об освобождении грузинских и армянских христиан от иноземного владычества. Сначала предполагалось занять Дербент и Баку с их удобными гаванями в качестве баз для снабжения войск, действующих в Закавказье. Дербент избрали в качестве первоочередной цели не только потому, что это были ворота из Северного Кавказа в Закавказье. Это был город-символ. Полковник Бурнашев писал по этому поводу: «О Дербенте принятое предубеждение не только во всей Персии, но в турецких пределах распространилось за истинное пророчество, что когда Дербент будет взят христианами, разрушение власти и веры Магометовой будет неминуемо»^[139]. Астрахань, как речной и морской порт, оставалась местом сбора грузов, поступающих по Волге.

На втором этапе операции войска должны были продолжить движение на юг до реки Араке, которая становилась пограничной между Россией и Персией. Обращает на себя внимание тот факт, что императрица отказалась от захвата южного побережья Каспия, как это сделал Петр I в 1723 году. Семь десятилетий спустя в Петербурге имели уже более ясное представление о географии региона и о невозможности проложить здесь русскую дорогу в Индию. Кроме того, владение южным берегом сулило малоприятную перспективу быть втянутыми в войны Персии с ее восточными соседями, а также в междоусобицы этого политически нестабильного государства. Наконец, опыт первой половины XVIII века показал, что при господстве Персии или Турции на остальной части Восточного Закавказья, здешние владения России, вытянувшиеся узкой полосой по берегу моря, будут постоянно находиться в опасности. Связь же по морю выглядела ненадежной из-за трудных навигационных условий

Каспия в осенне-зимний период.

Третьим этапом войны должно было стать оказание военной помощи грузинскому царю Ираклию для того, чтобы он смог приструнить своих своевольных вассалов, а также добиться повиновения соседних земель, и в том числе тех, которые считались его законными владениями. Предусматривалась поддержка армянских меликов и других «благонамеренных» ханов. Предполагалось создание на Кавказе сильного христианского государства или союза государств (Грузия, Армения, Имеретия), который мог бы своими силами противостоять давлению со стороны Персии и Турции. В Прикаспийских областях собирались утвердить тех персидских владык, которые видели бы в России надежного союзника и гаранта своего положения. Взамен Петербург получал выгодные позиции для установления транзитного коридора, по которому индийские товары хлынули бы в Европу, а европейские — в Индию^[140]. Для поддержания царя Ираклия предполагалось послать в Грузию четыре батальона пехоты, 12 эскадронов легкой конницы, два полка донских казаков и восемь орудий. Командиру этого корпуса предписывалось соблюдать особую осторожность, чтобы не возбудить подозрение Турции по поводу посягательств на ее владения в Закавказье.

Поскольку правительство не было уверено в преданности своих местных союзников, главнокомандующий получил повеление брать на русскую службу представителей туземной знати от грузинских царевичей до аульных старшин, которые служили одновременно и заложниками^[141]. Примечательно, что власти пытались сохранить мир с горцами Северного Кавказа. В специальном наказе командиру корпуса говорилось: «В обращении войск наших в Дагестане накрепчайше наблюдай, чтоб лезгинцы и другие хищные горские народы удерживаемы были от нападений, в чем наилучше преуспеть можете, воздерживая войска легкие ваши от всякого их озлобления, ибо, касаясь прав и собственности их, легко возбуждаются они к отмщению, а паче, не занимаясь покорением народов, оружием неукротимых и от сотворения мира не признававших ничьей власти. Хан аварский возможет удерживать их, и по сей причине благорасположение и верность его весьма полезна быть может. Неважные грабежи их презирать, против которых полезнее умножать собственные предосторожности и оными наказывать дерзающих, чем отмщать целому народу за грабежи нескольких злодеев и возбудить против себя взаимно отмщение целого народа, и трудными походами в ущельях терять людей напрасно, тратить время и одерживать победы бесполезные»^[142].

Сбор войск в XVIII — первой половине XIX века (до развития пароходного и железнодорожного сообщения) был нелегким делом. Для лучшего обеспечения провиантом и фуражом, для облегчения постоянной повинности населения части стояли «вразброс». Склады с продовольствием редко оказывались в местах сосредоточения армии или на маршрутах ее движения. Таким образом, каждое перемещение значительных по численности группировок являлось чрезвычайной мерой, требовавшей огромных организационных усилий. Перевод полка из пункта А в пункт Б без значительного числа больных и беглых, с опозданием, исчисляемым днями, а не неделями, перевод в состоянии, когда полк после небольшого отдыха и приведения амуниции в порядок мог выполнять боевые задачи, считался показателем высочайшего профессионализма его командира. И если маршруты в Финляндию, Польшу или Молдавию были многократно проверены и не являлись новостью для русских генералов, то концентрация сил на Северном Кавказе происходила впервые после похода Петра Великого в 1722 году. Все это вместе взятое являлось причиной того, что к назначенному сроку — началу марта — собрались не все войска, а тыловые службы только начали «организовываться». Ждать между тем было нельзя, так как операции следовало завершить до наступления знойного лета. Поэтому основные силы под личным командованием графа Валериана Александровича Зубова выступили из Кизляра 18 апреля, тогда как Цицианов остался в Кизляре для подготовки остальных войск к походу. Несмотря на понукания и грозные приказы подкрепления подходили медленно и в «расстроеном» состоянии. До середины июля Павлу Дмитриевичу удалось отправить в Дагестан только два казачьих полка и одну казачью команду. Наконец 23 июля он двинулся в путь с Павлоградским драгунским полком, полком донских казаков и батальоном егерей^[143].

Авангард под командованием генерал-майора И.Д. Савельева пересек границу еще в феврале 1796 года. В шамхальстве Тарковском его встретили с энтузиазмом, местные ополчение и ханская дружина готовились к совместным боям против общего противника. Но правитель Дербента 18-летний Шейх-Али-хан передумал переходить под власть России и не впустил русских в город. Не убедила его и «предупредительная» бомбардировка. Он прислал парламентеров, желая протянуть время до подхода помощи со стороны Персии. Савельев видел эту уловку, но и для него перемирие было выгодно, поскольку требовалось время для устройства осадных батарей, приведения в порядок лагеря. Возобновившаяся бомбардировка показала, что русские полевые орудия не

наносят существенного ущерба каменным городским постройкам, а земляные крыши делают неэффективными бомбы и брандскугели: пожаров, вынуждавших защитников крепостей выбрасывать белый флаг, устроить не удалось. Решили брать твердыню измором. Для этого нужно было отрезать город от остального Дагестана. Отряд капитана Симановича отправился на поиск дороги через область Табасарань, чтобы окружить город с южной стороны. Ему пришлось испытать огромные трудности при движении по лесистым ущельям. Иногда, чтобы поднять или спустить с кручи обычную 12-фунтовую полевую пушку, за канаты одновременно бралось по 200 солдат. В этот момент пришел приказ не предпринимать никаких действий до подхода основных сил ^[144].

Хотя, судя по рапортам, «полки и батальон находились в полном комплекте здоровых и наличных людей и снабжены всем полною рукой» ^[145], дербентский хан, воодушевленный неудачей генерала Савельева и обещанием помощи со стороны некоторых азербайджанских и дагестанских правителей, решил продолжать сопротивление. Начало осады оправдало его ожидания: неподготовленная атака одного из укреплений привела к значительным и, главное, бесполезным потерям нападавших. О том, что эта кавказская твердыня действительно была «крепким орешком», свидетельствует «План осады города Дербента Российскими императорскими войсками под командой генерал-поручика графа Валериана Зубова 1796-го года мая от 2-го по 8-е число», хранящийся в Российском государственном военно-историческом архиве. На этой карте город выглядит прямоугольником, вытянутым от вершины горы, где расположен укрепленный ханский замок, до кромки воды Каспийского моря. Ниже замка лежали собственно городские кварталы, окруженные прочной каменной стеной с многочисленными башнями. Третью часть Дербента составлял район Дубари — пустое пространство между двумя рядами стен, запиравшими проход вдоль Каспия. К югу от города расположился отряд генерал-майора С.А. Булгакова (Хоперский казачий полк, две роты гренадер Владимирского мушкетерского полка, Таганрогский драгунский полк, терские и семейные казаки, батальон Кубанского егерского полка, два батальона Кавказского гренадерского полка, Астраханский драгунский полк). Задачей этого отряда было отвлечение сил защитников и недопущение удара извне. Основные силы заняли позиции с севера. Левый фланг (генерал-майор Л.Л. Беннигсен) составили Нижегородский и Владимирский драгунские полки. В центре, который доверили генерал-майору И.Д. Савельеву, стоял 4-й батальон

Кавказского егерского корпуса, батальон, составленный из гренадерских рот Казанского и Московского полков, батальон Казанского мушкетерского полка, батальон Московского мушкетерского полка, 6 орудий полевой артиллерии. Правый фланг (генерал-майор А.М. Римский-Корсаков) занимал батальон Воронежского мушкетерского полка, батальон, составленный из гренадерских рот Кабардинского и Воронежского полков, Тифлисский мушкетерский полк и два эскадрона линейных казаков. По существовавшим тактическим представлениям того времени (не потерявшими свое значение и поныне), между войсками, составлявшими центр и фланги, должна была существовать так называемая операционная линия, по которой в случае надобности перебрасывались резервы. Охрану этой важной линии доверили Гребенскому казачьему войску. В виноградных садах между городом и основными силами на случай неожиданной вылазки выставили Моздокский и Волгский казачьи полки, которым помогали 250 калмыков. С тыла от всяких неприятных неожиданностей корпус Зубова прикрывали многочисленные казачьи пикеты. Главной целью должен был стать замок, напротив которого и располагались четыре батареи, прикрытые егерскими ротами. Они были вооружены девятью 12-фунтовыми пушками, шестью единорогами и мортирой.

Следует заметить, что по артиллерийской части осада Дербента была обеспечена очень слабо. До начала штурма города надо было овладеть башней, отстоявшей от замка на 200 метров, из которой простреливались все подступы^[146]. Первая попытка взять башню, являющуюся ключом к укреплениям Дербента, оказалась неудачной. Атакующие выбили дверь, но встретили за ней ожесточенное сопротивление. В тесноте и темноте закрытого помещения преимущества регулярной армии исчезали, а кинжалы дагестанцев оказывались более действенным оружием, чем русский штык, грозный в полевых сражениях. Кроме того, наступающие не могли в таких условиях использовать свое численное превосходство, топтались возле высоких стен и падали под пулями стрелков, бивших на выбор со второго яруса. Командовавший штурмовым отрядом полковник Кривцов был убит, за ним выбыли из строя и остальные офицеры, один за другим падали подстреленные солдаты. Пришлось трубить отступление. Пять дней бомбардировки тоже не дали видимых результатов — толстые стены башни не поддавались ядрам полевых орудий, а осадных монстров, способных вдребезги разнести любые преграды, в корпусе Зубова не имелось. Русским артиллеристам удалось повредить только кровлю, и командирам пришлось в голову использовать это обстоятельство. 7 мая 1796

года по высоким лестницам штурмующая группа взобралась на башню и подавила сопротивление ее защитников сверху, разбирая межэтажные перекрытия. Теперь неприятельские стрелки не мешали осадным работам и батареи смогли беспрепятственно бомбардировать весь город. Полная блокада с моря и суши, жестокий обстрел, утрата ключевых укреплений вынудили хана 10 мая выйти из крепости с саблей, висящей на шее в знак сдачи на милость победителя. Ключи же от Дербента Зубову принес 120-летний старец, уже подносящий их Петру I в 1722 году. За взятие крепости корпус Зубова заплатил жизнями 11 офицеров и 107 солдат. В числе трофеев оказалось 28 орудий.

Падение Дербента потрясло соседей. Тем временем отдельный отряд, совершив тяжелейший марш по горам, обошел Дербент и появился в окрестностях Баку. Сильное впечатление на жителей Закавказья произвело форсирование русскими войсками реки Сулак, полноводной во время таяния горных снегов. После непродолжительных колебаний 13 июня 1796 года местный владыка сдал крепость. Почти одновременно генерал Булгаков занял Кубинское ханство, а главные силы — Шемаху. Императрица распорядилась для награждения особо отличившихся обер-офицеров выделить «на усмотрение» командующего корпусом 12 орденов Святого Георгия и Святого Владимира 4-й степени. Всем солдатам — участникам взятия Дербента — выдали по рублю^[147].

Вскоре бывший дербентский правитель Шейх-Али-хан, скрывшийся из русского стана, сумел поднять восстание в Кубинском ханстве. Сначала побег Шейх-Али-хана выглядел досадным промахом караульных и очередным доказательством «ветрености» юного владельца Дербента. Однако уже через несколько недель стало ясно: появился серьезный противник. Беглец укрылся в труднодоступных ущельях по течению реки Самур и «преклонил» на свою сторону Сурхай-хана Казикумыкского, который пользовался большим влиянием на акушинцев — одно из самых крупных объединений вольных племен Дагестана. Правитель Кубинской провинции Вали-бек, всячески демонстрировавший свою преданность русским, на самом деле тайно помогал их врагам, сообщая о передвижениях войск и о намерениях командования. Операция по поимке Шейх-Али-хана с треском провалилась. Прежде всего была выбрана абсурдная схема действий: чтобы захватить врасплох ослушника, отправили отряд численностью почти в тысячу человек. Подготовка в тайне движения такой массы людей — непосильная задача. Кроме того, в проводники выбрали сторонников беглого правителя, которые, скорее всего, предупредили его об опасности. Когда русский отряд подошел к

месту назначения, там уже никого не оказалось. Далее события развивались еще печальнее. Получив известие о том, что Омар-хан Аварский и Сурхай-хан Казикумыкский собирают ополчение, Зубов поручил Булгакову занять позиции на берегу Самура и в случае появления противника атаковать его на равнине. Для преследования же врага предписывалось использовать только конницу союзника — Кубинского хана. Однако разумные инструкции оказались забытыми. 30 сентября 1796 года дагестанцы угнали волов, оставив обоз отряда без тяглового скота. Рота капитана Семенова отправилась в погоню, догнала похитителей, но оказалась в окружении. Ротный командир не растерялся: занял «крепкую позицию» и послал за помощью. Таковад, подоспела в виде отряда подполковника Бакунина (400 человек), который увлекся преследованием противника и 1 октября 1796 года оказался запертым в глубоком ущелье возле аула Алпаны. Первая пуля наповал сразила Бакунина, артиллеристы не выручили, поскольку узкая тропа не дала возможности развернуть пушки. Противник атаковал сверху, прыгая с утесов буквально на головы растерявшихся солдат. Когда лишившиеся офицеров нижние чины сумели организовать оборону, в живых осталось чуть более ста человек. Их спас от верной смерти подоспевший на выручку Углицкий пехотный полк. Один из немногих уцелевших в этой резне — Дмитрий Тихонович Лисаневич, как писал автор истории Эриванского полка, «впоследствии уже в чине полковника явился в Дагестан грозным мстителем гибели своих товарищей» [\[148\]](#).

Боевые действия затихли. Войска растянулись на протяжении двухсот верст, что могло привести к тяжелым последствиям, если бы местные владетели предприняли какие-либо решительные действия. Этого, к счастью, не произошло, хотя ханы оставались у Зубова «в сильном подозрении». До столкновения с персидской армией дело так и не дошло, поскольку Ага-Магомет-хан был отвлечен делами в других местах. По мере того как ослабевала угроза персидского нашествия, уменьшалась и готовность правителей Дагестана и Азербайджана выполнять союзнические обязательства. Они отказывались поставлять провиант и фураж, не выставляли вспомогательные отряды. Аварский хан вел переговоры о принятии российского подданства, но затем их прервал в одностороннем порядке. Сохраняли прорусскую ориентацию из-за опасности персидских нападений только ближайшие к границе гянджинский и эриванский ханы, причем первый таким образом надеялся избежать подчинения Грузии, цари которой считали эту территорию своей. Неудача полковника Бакунина, превращенная слухами чуть ли не в полное уничтожение всего русского экспедиционного корпуса, еще более

воодушевила противников России. Дело дошло до того, что пришлось заменить правителя шамхальства Тарковского его более лояльным родственником. Как и при Петре Великом, в краю, о сказочных богатствах которого ходили легенды, войска испытывали серьезные проблемы с продовольствием. В Грузии находился двухтысячный отряд под командованием полковника Сырохнева, также время от времени голодавший.

Отсутствие фамилии Цицианова на планах осады Дербента объясняется тем, что он прибыл в Закавказье только в начале октября 1796 года с пополнением в составе егерского батальона, двух полков кавалерии и артиллерийской батареи. Это усиление позволило приступить ко второму этапу похода — движению в сторону Грузии по долине реки Куры для занятия Гянджинского ханства. 13 декабря 1796 года отряд под командованием генерала Римского-Корсакова подошел к Гяндже. Правитель города Джават-хан без сопротивления открыл ворота и впустил русский гарнизон. Появление здесь русских гарнизонов означало мощное военное и психологическое давление на соседние Шушинское и Эриванское ханства. Поскольку долина Куры была главной дорогой для персидских полчищ, двигавшихся на Тифлис, контроль над Гянджей гарантировал безопасность Грузии от нового вторжения Ага-Магомет-хана. Тем самым Ираклий II лишился оснований для обращения за помощью к туркам. П.Д. Цицианов был назначен на пост коменданта Баку. Здесь ему удалось в полную силу проявить свои организационные способности. Цицианов не сумел отличиться в боях во время Персидского похода 1796 года, но сумел спасти сотни солдатских жизней тем, что решительно выступил за немедленное оставление острова Сары недалеко от Баку. «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним — ходить...» — эти знаменитые строки песни, написанной Л. Толстым по поводу незадачливых штабных офицеров, как нельзя лучше подходят к ситуации с устройством опорного пункта на побережье Каспийского моря. На карте остров Сары выглядел идеально — удобные стоянки для кораблей, небольшое расстояние до азербайджанского берега позволяли создать базу, где провиант и прочие запасы, привозимые из Астрахани, могли бы храниться в полной безопасности от налетов неприятельской конницы. Однако остров оказался гибельным местом. Летом многочисленные озера, образующиеся из-за высокого уровня грунтовых вод, загнивали, распространяя вокруг нестерпимое зловоние. В тамошних колодцах вода также была отвратительного качества, и ее приходилось возить в бочках с берега, с трудом соблюдая гигиенические требования. Эпидемии не заставили себя ждать. Похоронные дроги не

успевали вывозить умерших солдат и казаков. Смерть не обходила и командиров: от желудочных болезней скончались контр-адмирал Н.С. Федоров, бригадир граф Апраксин, начальствовавший над черноморскими казаками полковник Головатов. Санитарные потери выглядели чрезмерными даже на фоне того, сколько человек обычно хоронили в этих местах. Цицианов, которого Зубов отправил для изучения вопроса, приказал всем войскам немедленно эвакуироваться на полуостров Ленкорань ^[149].

Возвращение Гянджинского и Эриванского ханств под скипетр Ираклия II после установления контроля над прикаспийскими областями становилось делом вполне возможным. Но в тот момент скипетр этот представлял собой нечто совершенно символическое, поскольку почти устранившийся от дел царь раздал страну в управление членам своей фамилии, которые почти открыто враждовали друг с другом. Присоединение еще двух территорий означало появление еще двух уделов с новыми внутривосточными осложнениями.

Осенью 1796 года владельцы Дагестана и Азербайджана пытались найти оптимальный политический курс, в основе которого лежал страх как перед пришедшими русскими, так и перед персами, грозившими наказанием за сотрудничество с гяурами. Кроме того, на позицию ханов влияли их желание использовать момент для решения своих политических проблем (захвата спорных территорий, мести за прежние обиды), а также стремление добиться большей независимости как от шаха, так и от царя. В результате в ход пошли разного рода уловки, восточные хитрости и витиеватое красноречие, усыплявшее внимание русского командования. Правители Шемахинского и Шекинского ханств, заявлявшие о своем подчинении России, уклонялись от личных свиданий с П. Зубовым и не оказывали реальной поддержки его корпусу. Ибрагим-хан, правитель Шушинского ханства, мечтал с помощью русских штыков овладеть соседним Гянджинским ханством, где правил Джават-хан, боявшийся не только Ибрагим-хана, но и царя Ираклия, который также претендовал на его земли. Эриванский Мамат-хан склонялся на сторону России потому, что только русские могли изгнать турецкий гарнизон из его столицы и восстановить его полноправное правление. Откровенно враждебную позицию занимали правители Кубинского и Казикумыкского ханств. Наиболее же надежными выглядели тальшинский, бакинский и дербентский ханы, владельцы Каракайтага и Табасарани, а также шамхал Тарковский. Аварский Омар-хан дал слово вступить в российское подданство, но от подписания присяги, с которой к нему отправилась

специальная миссия, отказывался под разными предлогами. Сам царь Ираклий II, не получив из России ни денег (он просил у Екатерины II миллион рублей), ни значительных воинских контингентов, завязал переписку с турецким правительством на предмет покровительства со стороны Стамбула.

Как писал один из знатоков этого периода истории Кавказа П.Г. Бутков, одной из главных проблем лета и осени 1796 года было «согласить уверенность христиан со спокойствием господ их магометан». Екатерина II открыто провозглашала себя защитницей первых, и вторые с тревогой ожидали дальнейших действий северной правительницы. В.А. Зубов писал духовному лидеру армян патриарху Эчмиадзинскому, чтобы тот призывал свою паству «пребывать спокойно под своими настоящими властями». Генералу Римскому-Корсакову было отдано распоряжение «оказывать наружное равнодушие к христианам, впредь до достижения благоприятнейшей цели к их восстановлению, ради беспокойной заботливости магометан. Но дабы при том и христиане не потеряли чрез то бодрственной на нас надежды и не истребили бы имеемого к нам усердия, то, к примирению сих двух противностей, отправлен в Кавказский корпус армянский архиепископ Иосиф с таким наставлением, чтоб он, открывая сокровенные наши в пользу христиан намерения карабагским меликам и прочим христианам, успокаивал бы их и на счет причин нашего относительно христиан настоящего бездействия»^[150].

Когда военная фаза Персидского похода фактически завершилась, началось закрепление присоединенных территорий. В районе впадения Аракса в Куру решили основать крепость Екатериносрд (соединение имени императрицы и персидского слова «серд» — «владение») по принципу древнеримских колоний. Там собирались поселить две тысячи русских солдат и женить их на армянках и грузинках. Это войско можно было двинуть в любом направлении, поскольку Екатериносрд стоял на пересечении дорог, ведущих в Гянджу, Баку, Тифлис, Сальяны и Шемаху. Торговым же центром Каспийского региона решено было сделать Баку. Во-первых, тамошняя бухта оказалась самой удобной для устройства порта. Во-вторых, от Баку до самого Персидского залива протянулся путь, оборудованный постоянными дворами, огороженными караван-сараями и колодцами. В-третьих, российское правительство рассчитывало устроить возле Баку место паломничества индийских огнепоклонников и с их помощью переориентировать часть восточной торговли на Астрахань. Г.Р. Державин в оде «На возвращение из Персии графа В.А. Зубова» писал:

О, юный вождь, сверша походы,
Прошел ты с воинством Кавказ,
Зрел ужасы, красы природы:
Как, с ребр там страшных гор таясь,
Ревут в мрак бездн сердиты реки;
Как с чел их с грохотом снега
Падут, лежавши целы веки;
Как серны, вниз склоня рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденье молний и громов... [\[151\]](#)

Осенью 1796 года русский корпус нашел подходящее место для зимних квартир. В окрестностях города Шемахи были построены землянки, запасен провиант, солдаты и офицеры вволю ели мясо и рыбу. Весной 1797 года должны были начаться масштабные строительные работы по возведению Екатериносерда и других крепостей. Но все планы перечеркнула кончина Екатерины II. Известие о ее смерти добиралось от Петербурга до Дербента ровно месяц. Вслед за тем прибыл курьер с приказом Павла I вернуть войска за Терек. Второе явление России Восточному Закавказью оказалось еще короче первого [\[152\]](#).

События стали развиваться странно, как и многое другое в период правления Павла I. Каждый полковой командир получил персональный указ нового императора вернуться с вверенной частью в Россию, сберегая при этом своих солдат. Но либо государю Павлу Петровичу некогда было взглянуть на календарь, либо он полагал, что юг — это всегда тепло, зелено и сытно. Зимний переход в район Кизляра выглядел очень трудной задачей: на пути следования не имелось запасов провианта, устройство складов на побережье затруднялось штормами на Каспии, большинство обозных волов и лошадей пало от болезней и бескормицы. Поэтому мука, доставленная к тому времени в Баку, пропала. Ослабевшие строевые лошади драгунских и казачьих полков также вряд ли выдержали долгие переходы, поскольку не было ни фуража, ни травы. Большую опасность представляло отсутствие единоначалия: Зубов фактически был отстранен от дел, равно как и генералы, командовавшие отдельными группировками. Руководить выводом корпуса поручили И.В. Гудовичу, который организационными способностями не блистал. Большинство командиров решили оставаться на Куре до весны 1797 года и двигаться в Россию, когда появится трава, но начальники четырех драгунских полков немедля стали выполнять царский

приказ. Над дезорганизованными и деморализованными войсками нависла угроза нападения горцев, воодушевившихся известием об отступлении неверных. Генерал-майор Савельев, оставшийся в Дербенте с одним пехотным батальоном, забил тревогу. Удержать город такими малыми силами в случае назревавшего мятежа не представлялось возможным, а в случае захвата противником единственной дороги из Закавказья весь русский корпус оказывался в мышеловке. Повторный штурм или осада Дербента были невозможны из-за отсутствия припасов, а обходной марш по зимним горам выглядел совершенной авантюрой. Кое-какое военное имущество все-таки удалось с большими трудностями вывезти на судах в Астрахань. Но провиант, с таким трудом заготовленный в Баку и Дербенте, продали за копейки. Общие потери армии убитыми, умершими и пропавшими без вести составили около шести тысяч человек, из них только в Грузии осталось более 300 человек дезертиров. Денежные расходы составили огромную по тем временам сумму в один миллион 640 тысяч рублей^[153]. О трудностях обратного похода автор истории Эриванского полка выразился следующим образом: «...наши кавалеристы возвратились в свои границы пешими и в крайне расстроенном состоянии»^[154]. На деле это означало, что от боевой конницы фактически ничего не осталось.

После ухода русских войск бакинский хан опять признал своим верховным владыкой персидского шаха и в доказательство верности приказал умертвить нескольких русских купцов. В 1800 году к городу пришел русский военный корабль. Несколько ядер, прилетевших в город, убедили Гуссейн-хана в необходимости вновь признать себя российским подданным. Но как только фрегат под Андреевским флагом скрылся за горизонтом, в Бакинском ханстве нашел приют грузинский царевич Александр, который являлся в те годы знаменем борьбы против России.

Всем владетелям, принявшим присягу, объявили, что они по своему желанию могут перебраться на постоянное жительство в Россию. Из всего населения края этим приглашением воспользовалось только 500 армянских семейств, получивших по 30 десятин земли, освобождение от рекрутчины и льготы по налогам и податям. Слово «отчаяние» не может передать то состояние, в котором оказались в начале 1797 года все, кто сотрудничал с русскими. Сам царь Ираклий, многие князья и дворяне считали новое нашествие персов неминуемым. Они готовили себе убежища в труднодоступных местностях, не помышляя об организации отпора. Немногим лучше чувствовали себя дагестанские и азербайджанские владетели, узнавшие, что Ага-Магомет-хан намеревается переселить их

подданных внутрь Персии, а все аулы стереть с лица земли. И действительно, шах-изувер начал планомерно претворять в жизнь свое намерение. Первой жертвой стал шушинский хан — его замучили до смерти. Хан Эриванский избежал гибели, но его отправили вместе с семьей на афганскую границу. Правителей Гянджи и Баку бросили в темницу в ожидании казни. Тальшский Мир-Мустафа-хан перебрался на малопригодный для обитания остров Сары под защиту пушек русских военных кораблей и наблюдал за тем, как персы и их союзники разоряют его владения. Скорее всего, весной 1797 года Закавказье действительно ждало новое катастрофическое нашествие, но Ага-Магомет-хан был убит заговорщиками.

Персидский поход — очень важное событие в биографии Цицианова. Князь приобрел неоценимый опыт походов в Закавказье. Можно считать справедливыми слова П. Зубова о роли Персидского похода в жизни князя: «Если война сия не присовокупила блеску к победоносным лаврам его, по крайней мере новые средства приумножили его опытность, предприимчивость и мужество, и впоследствии служили ему великой помощью в трудных обстоятельствах». Цицианов увидел, что для «склонения» местных владетелей на присягу верности требуется не так уж и много усилий, но для удержания их в этой самой верности надо немало потрудиться. Главным же следствием Персидского похода 1796 года стала возросшая неуверенность местных владык в «вечности» российского присутствия. Азербайджанцы, армяне, грузины и дагестанцы видели, как императорские войска уходили, не проявляя особых забот о тех, кто с ними сотрудничал. Более того, не мог чувствовать себя в безопасности даже тот, кто не проявил себя борцом с гяурами. На Кавказе помнили, что русские полки два раза приходили в Грузию и два раза уходили восвояси. Не исключено, что до этого региона докатились известия о том, что и на Балканах после окончания Русско-турецких войн граница между Россией и Портой проходила вовсе не там, где останавливались русские войска, и все, кто с ними сотрудничал, испытали на себе тяжкое возмездие турецких властей. Знали на Восточном Кавказе и то, что крепость Анапа, взятая в 1791 году И.В. Гудовичем, была возвращена под власть султана. Эти обстоятельства надо постоянно помнить при оценке положения Цицианова на Кавказе позднее, в 1802—1806 годах. Да, генерал был красноречив и храбр, да, боги войны были к нему благосклонны, да, русские солдаты явно действовали лучше персидских сарбазов. Но эти самые солдаты неоднократно исчезали как мираж. Почему бы им было не исчезнуть еще раз?

К концу царствования Екатерины II положение князя Павла Дмитриевича Цицианова вполне можно было назвать блестящим: генеральский чин в 40 лет, два ордена Святого Георгия, золотая сабля, особая похвала Суворова, особое благоволение императрицы, и все это — не за придворное шарканье или какие-либо еще более сомнительные действия, а за ратный труд, за проявление несомненных военных и административных дарований. Но все эти несомненные достоинства в один день не просто померкли, но даже стали похожими на недостатки. В 1796 году к власти пришел Павел I, с крайним подозрением относившийся к любимцам своей матери и, соответственно, к их заслугам. В нашем распоряжении нет документов, позволяющих подробно исследовать жизнь Цицианова в этот период. 29 ноября 1796 года Павел I назначил его шефом состоявшего в Кавказской инспекции Суздальского мушкетерского полка, но любимцам Екатерины II было трудно при ее сыне, и 13 октября 1797 года под благовидным предлогом (состояние здоровья) Павел Дмитриевич вышел в отставку. Он был исключен из службы одним приказом Павла I вместе с П.В. Чичаговым, А.П. Ермоловым, М.И. Платовым и И.И. Завалишиным (последний был назван «партизаном» Суворова — в тогдашнем значении слова: «сторонником партии» — за то, что откровенно объяснил причины поражения русских войск в Швейцарии и Голландии в 1799 году увлечением парадной частью^[155]). И только 7 мая 1801 года Александр I вернул Цицианова на службу в канцелярию Государственного совета экспедитором по военной части, а 15 сентября 1801 года производством в генерал-лейтенанты со старшинством, исчисляемым с 1793 года, уравнивал его с теми его сверстниками, которые «не теряли время» в отставке при Павле I.^[156]

Этого и следовало ожидать. Историк М.Ф. Де-Пуле, написавший книгу о восстании в Польше и Литве в 1792—1794 годах, дал нашему герою краткую, но яркую характеристику: «Цицианова мы видим во всех местах, где нужны отвага и решительность»^[157]. В таких генералах Россия весьма нуждалась.

Глава вторая.

РОССИЯ И ГРУЗИЯ К 1803 ГОДУ

*...Народ, жаждущий быть под законами
всероссийской империи...*

П.Д. Цицианов

В начале декабря 1802 года Павел Дмитриевич Цицианов вновь, во второй раз в своей жизни, подъезжал к предгорьям Кавказа. На этот раз ему была уготована роль главноначальствующего в Грузии с самыми широкими полномочиями. Ему подчинялись все войска Кавказской линии и Каспийская флотилия. По существовавшей тогда традиции он был одновременно и астраханским военным губернатором. Но не одно это волновало князя. Он ехал на родину, о которой ранее знал только понаслышке от приезжавших в Москву грузин, о которой слышал даже не рассказы, а пересказы своего отца, выросшего в России и только в раннем детстве дышавшего воздухом отчизны. Это были сказки и легенды, повествования о подвигах предков, о горах, покрытых снеговыми шапками, о долинах, где в изобилии растут виноград и персики — удивительные плоды, которые в России были диковинкой. И чем ближе подъезжал генерал к Владикавказу, тем чаще во сне являлись ему удивительные картины Грузии — страны, о которой он столько слышал, о которой столько думал, но которой еще никогда не видел.

Что из этих видений совпало с реальностью? Как эти картины повлияли на практическую деятельность Цицианова? Этого мы не знаем. Но мы уверены в том, что его шаги на посту главнокомандующего во многом определялись реалиями края, взглядами правительства на присоединенную территорию, на опыт, накопленный обеими сторонами в результате многовековых контактов. Цицианов должен был столкнуться с проблемами, не одно десятилетие копившимися на Кавказе. Ему первому из российских государственных деятелей пришлось заниматься инкорпорацией в состав империи неевропейского политического образования. К тому времени в состав России вошли четыре осколка Золотой Орды — Казанское, Астраханское, Сибирское и Крымское ханства. Последнее было вассалом Турции, имело специфическую политическую

организацию, ликвидация которой не вызывала никакого смущения в Петербурге. Покорение других ханств являлось делом давно минувших дней и происходило в XVI веке при Иване Грозном и его сыне Федоре Ивановиче. Русские стяги над Казанью и Астраханью взвились как символы реванша, исторической мести за трехсотлетнее ордынское «иго». Да и происходило все это в России допетровской, что в имперском сознании начала XIX столетия означало все равно что «до потопа». В последней трети XVIII столетия Россия разделила с Австрией и Пруссией Речь Посполитую, что стало финальным актом соперничества двух восточноевропейских держав, завершением «собирания русских земель», отложенной исторической мести за провозглашение русским царем польского королевича Владислава в 1613 году. Екатерина II отобрала корону у последнего польского короля Станислава Августа Понятовского, но ведь именно по воле императрицы он и надел эту корону на свою голову. В конце XVIII столетия причин взаимной польско-российской неприязни было столько и она имела столь глубокие корни, что мало кто задумывался о самой причине ее существования. За Кавказом никаких исторических долгов не числилось, а память о Тмутаракани могла служить разве что намеком на ранее существовавшие связи. В данном случае Российская империя поглощала государство с тысячелетней историей и самобытной культурой, страну, появившуюся на политической карте несколькими веками раньше Киевской Руси, Польши или Золотой Орды. По легенде, в Грузии находили себе убежище многие, в том числе беглецы из Сирии и Иерусалима после его захвата Навуходоносором. Во времена Античности на территории Грузии получила развитие высокая культура, в которую вносили свою лепту и восток, и запад. Уже в III—IV веках здесь стало распространяться христианство, а в 337 году эта религия приняла статус государственной. Считается, что христианство в Грузию принес сам апостол Андрей Первозванный, а наибольшую известность получила проповедь Святой Нины, пользовавшейся крестом из обрезков виноградной лозы. В VII веке Грузия подверглась разрушительным нашествиям хазаров и арабов, в X веке началось возрождение государства под управлением династии Багратидов, столетие спустя этот процесс был прерван турками.

При Георгии III (1156-1184) и царице Тамаре (1184-1213) Грузия стала одним из сильнейших государств тогдашнего мира. Затем наступила катастрофа: цветущая страна подверглась сначала безжалостному разгрому монголов, а затем войск Тимура. В последний раз объединенная Грузия существовала при царе Александре (1413—1442), который разделил царство между сыновьями, в результате чего образовались три царства —

Имеретия, Карталиния (Картли) и Кахетия и пять княжеств — Мингрельское, Гурийское, Абхазское, Сванетское и Самцхетское. Далее страна стала ареной соперничества Турции и Персии. Особенно разорительными оказались походы шаха Аббаса I в первой четверти XVII века. По словам историка В.Е. Романовского, «вся прошлая жизнь Грузии с древнейших времен и до присоединения ее к России представляет непрерывный ряд опустошительных нашествий, и историю Грузии некоторые исследователи справедливо называют мартирологией грузинского народа»^[158].

Но разрушения и прочие бедствия — только одна сторона медали. Пришельцы приносили и элементы своей культуры. В древней и средневековой Грузии повсюду видны признаки египетского, финикийского, греческого, иранского, римского влияния. Принятие христианства многократно усилило культурное влияние Запада и прежде всего Византии. Уже в IX веке стало чем-то обыкновенным посылать молодых людей на обучение в Константинополь, развивались грузинская литература и образование. Неоспоримый знак восприятия высокой арабской культуры — устройство астрономической лаборатории в Тифлисе. Нашествия восточных народов не разорвали окончательно отношения с христианским миром. От генуэзцев, живших в городах-колониях черноморского побережья, перенимались приемы строительства и архитектурные решения. В Риме печатались книги на грузинском языке — молитвенник, грамматика. Католические миссионеры открывали в Грузии школы, их ученики занимались переводами на родной язык текстов европейских авторов. Влияние Рима было так велико, что даже католикос Антоний I признал главенство папы, за что в 1755 году лишился сана, который ему возвратили только после покаяния. Прожив несколько лет в России, Антоний стал ревностным поборником и проводником русского влияния. Вернувшись в 1762 году в Грузию, этот церковный деятель открыл семинарии в Телави и Тифлисе по образцу московской Славяно-греко-латинской академии, занимался переводами церковных текстов на грузинский язык^[159].

После торжества ислама в Передней Азии христианские государства Закавказья оказались под сильнейшим прессом.

Однако историю грузино-персидских и грузино-турецких отношений нельзя представлять только как упорное и прямолинейное сопротивление иноземному давлению. Времена жестоких погромов чередовались с периодами сравнительно мирного сосуществования. (В XVI столетии царь

Кахетии Александр, страстный охотник, даже пошутил, что плотное народонаселение лишило его дичи, согнанной крестьянами из мест привычного обитания.) Отношения Грузии и Персии отличались внутренней противоречивостью. С одной стороны, для шаха это была иноверческая страна, «предназначенная» для нещадной эксплуатации; с другой — Персия нуждалась в Грузии, ибо приходившие оттуда отряды составляли лучшую часть шахского войска. Широко известно, что царь Вахтанг VI в 1722 году стал союзником Петра Великого. Гораздо менее известно, что его брат Ростом сражался во главе грузинской дружины на стороне шаха против афганцев и погиб в битве с ними 8 марта того же 1722 года при Гульнабаде. Шах взывал к чувству мести: кроме Ростом от рук афганцев пали дядя грузинского царя Георгий и еще один его брат, Кайхосро. Но когда правитель Грузии решительно отказался помогать шаху, правитель Персии разрешил действовать против него кахетинскому царю Константину, именовавшемуся после принятия ислама Ма-мед-Кули-ханом, и Тифлис был разграблен кахетино-лезгинским войском^[160]. Вообще, время с 1632 по 1723 год в истории Грузии называли эпохой царей-мусульман. Принимая ислам (даже совершенно неискренне), грузинские цари были вынуждены получать и новое, мусульманское имя. Так Вахтанг V, правивший в 1658—1676 годах, стал Шах-Наозом, Ростом (1634-1658) — Хосро-Мирзой, Симон II (1619-1629) — Симон-ханом, Баграт V (1616—1619) — Баграт-Мирзой, Давид (1569-1578) — Даут-ханом, Георгий II (1676-1688) — Гурген-ханом, Ираклий I (1709—1711) — Назарали-ханом^[161]. Цари выговаривали право жениться на христианках и крестить своих детей. В 1737 году Надир-шах перед походом на Афганистан захватил «первейших» людей Карталинии и самого царя Теймураза, включил их в состав своего войска. Грузинское ополчение отличилось при штурме Кандагара. Ираклий II участвовал в походе Надир-шаха в Индию в роли почетного заложника и, по преданию, даже заслужил особое благоволение этого свирепого владыки за решение проблемы «каменного столпа». Персидскому войску встретился монумент, надпись на котором грозила проклятием каждому, кто переступит отмеченную им границу. Суеверное воинство наотрез отказалось идти далее, несмотря на щедрые посулы и страшные кары. Ираклий предложил погрузить монумент на слонов и везти впереди колонны: таким образом, подданные шаха выполняли приказы командования, не нарушая при этом заклатья^[162]. 6 октября 1735 года население Тифлиса с восторгом встречало персидские войска во главе с Надир-шахом, который нанес поражение туркам, чей гнет

казался нестерпимым^[163].

Иноземное влияние не осталось бесследным, «персидские мотивы» проникали в политическую культуру и нравы грузинской элиты^[164]. Поэтому неоднократные гневные высказывания Цицианова о «персидских повадках» грузинских князей — не только проявление его горячего характера, но и печальная реальность.

Настойчивое повторение тезиса о необходимости поддержки Грузии в отражении внешней агрессии создает представление о полной беспомощности христиан Закавказья. Это не так. Ираклий II, воспользовавшись ослаблением Персии после убийства в 1747 году Надиршаха, сумел собрать достаточные силы, чтобы напомнить соседям о военной доблести грузин. В 1750 году он разгромил лезгин на реке Иори, а несколько месяцев спустя уничтожил 18-тысячное ополчение Азат-хана возле Эривани. В 1752 году Ираклий разбил войска турецкого военачальника Аджи-Челеби, в 1754 году принудил к бегству отряды Нурсал-бека. Одним из организаторов сопротивления иноземцам был князь Гиви Амилахвари, возглавивший лигу князей Верхней Кахетии. Этот талантливый авантюрист, дитя своего века, на турецкие деньги нанимал отряды дагестанцев и поддерживал самозванцев на персидский трон (Порта надеялась вытеснить Иран из Грузии)^[165]. Он сумел добиться того, что персы отказались от идеи перестроить Сионский собор в Тифлисе в мечеть. В 1779 году Ираклий II взял штурмом Эривань, доказывая, что это ханство — собственность короны Багратидов. Не выглядели безответными жертвами и правители Западной Грузии. В 1733 году мингрелы нанесли тяжелое поражение туркам в районе Поты. В 1758 году в битве при Хресили ополчения под предводительством имеретинского царя Соломона I одержали верх в ожесточенной битве с турками. При этом неприятельские военачальники были взяты в плен и обезглавлены. В 1759—1768 годах османы еще несколько раз терпели серьезные военные неудачи в попытках взять реванш. В 1770 году была одержана крупная победа грузин над войсками ахалцыхского паши, причем в живых оставлено всего несколько турок — для того чтобы донести печальную весть о разгроме. В 1774 году в Чхерских теснинах Соломон I перебил четырехтысячный отряд дагестанцев и турок. В 1780 году этот же царь и его союзник, мингрельский князь Дадиани, взяли верх над турками и их союзниками в Рухской битве на реке Ингури. В 1784 году имеретинцы и гурийцы разгромили турок в районе Озургети, в 1785 году перебили полуторатысячный отряд в районе Рачи. Однако все эти военные успехи не меняли военно-стратегического

баланса в регионе: мощь Стамбула и Тегерана одолеть в одиночку не представлялась возможным. Восточная Грузия могла выставить 18 тысяч армянского и грузинского ополчения и 5 тысяч всадников из мусульманских провинций, принадлежавших Тифлису^[166]. Воевавшие под знаменами царя «татары» (азербайджанцы) признавались великолепными воинами, но верность их приходилось гарантировать выдачей заложников-аманатов. При Ираклии II было построено около 160 укрепленных пунктов, но они не решали проблему горских набегов, поскольку крестьяне не могли постоянно сидеть за стенами и частоколами: надо было работать в поле. В 1774 году была предпринята попытка создать некое подобие регулярной армии — «мориге джари». Каждый годный к воинской службе мужчина должен был один месяц в году явиться на сборный пункт со своим оружием. В первые годы собиралось одновременно до пяти тысяч воинов. В случае военной угрозы объявлялась поголовная мобилизация. Во главе «мориге» стоял сын царя Ираклия — царевич Леван. Но после его смерти в 1781 году численность ополчения стала сокращаться, и вскоре новая форма воинской повинности была отставлена. Первым, кто подал плохой пример, стал царевич Георгий, не явившийся на службу в положенное время. Небольшие доходы казны ограничивали возможность вербовки наемников.

Артиллерийский парк грузинского владыки составляли 12 полевых орудий невысокого качества, заряжаемых плохим порохом. Войско возглавлял сам царь, ему помогали три командующих — сардаря, представители трех знатных княжеских родов — Челокаевых, Амилахвари и Орбелиани. Им подчинялись тысячники, старшие и младшие царские адъютанты, сотники. Слабым местом грузинской армии были дисциплина и организация тыла. «...Хотя все сии чины существуют, не бывают никогда на своих местах, но всегда толпятся в походе при царе, — писал осведомленный современник. — Подчиненные их на походе бродят по своей воле и становятся без всякого порядка. Стан их подобен съезду на торжище крестьян, передовых отрядов и отводных караулов не имеют, а оттого нет такой ночи, чтоб лошадей, а иногда и людей не похищали неприятели из среди лагеря, равно как и они у неприятелей своих то же делают. Провиант не приготавливается, каждый идущий на войну берет с собой сколько может, а оттого часто претерпевают голод, иногда бывает подвоз из Тифлиса, но редко, а потому на походе берут хлеб и прочее для пропитания из селений без разбора и без назначения; недостаток в продовольствии бывает неизбежной причиной, что царь не может войско свое содержать долго в поле; строгости воинской и подчинения вовсе нет, а потому собственным землям пребывание и проход войск от наглости

крайне разорителен, добыча и ограбление есть единое награждение всем, кто находится в войсках». В стране имелось несколько крепостей, но только одна (Горисцихе) годилась для размещения в ней гарнизона из чинов регулярной армии^[167]. Хорошо знавший Грузию генерал Лазарев также рисовал довольно мрачную картину состояния местного ополчения: «Жалования никакой чин не имеет, а всякий должен кормиться от своего места, и от того еще больше терпит и купец, и мещанин, и поселянин, и, одним словом, всякий... Из князей, которые составляют конницу, есть многие хорошие наездники и довольно храбрые; пехота же их, составленная из мужиков, никуда не годится, исключая тушинцев, пшавов и хевсуров, живущих в горах, но все сии войска так застращены, что без подкрепления даже с самым слабым неприятелем дела иметь не могут...»^[168] В конце 1770-х годов, после личного знакомства с действиями русских батальонов, Ираклий II задумал сформировать новую армию. Как писал один из наблюдателей, подданные грузинского царя, «по привычке их к сумасбродной своей вольности, хотя науку воинскую и дисциплину весьма не любят, но видимая от оной польза и собственная их в том необходимая нужда призывает их к регулярной службе охотниками себя показывать»^[169]. Однако для создания «с нуля» принципиально новой военной организации одного царского желания было недостаточно. Требовались новая система административного управления, налоговая реформа, радикальные социальные перемены, форсированное развитие промышленности, способной обеспечить потребности вооруженных сил. Надо было сделать то, что сделал Петр I в начале XVIII столетия в России, а для этого у Ираклия II не было никаких ресурсов. Персы могли отправить в поход 60—80 тысяч человек. Не меньшими силами располагали и турки. Таким образом, устоять перед массивированным нашествием Грузия в одиночку не могла.

Ираклий II, взошедший на престол в 1744 году, прилагал все усилия для объединения и возвышения страны. В 1761 году ему удалось покончить с разделением Карталинии и Кахетии. Он был, бесспорно, самый крупный государственный деятель Закавказья в XVIII столетии. Проявленные им уже в молодом возрасте качества полководца принесли ему популярность в народе. В 1745 году Ираклий разбил лезгин, принявших самозванца, собиравшегося опереться на Турцию в своих претензиях на шахский престол (турки тогда казались более тяжелыми правителями, чем персы)^[170]. Однако такая важная услуга осталась неоплаченной. В конце своего правления Надир-шах превратился в скаредного садиста, одолеваемого

подозрительностью. Его охватила страсть накопления богатств, он по доносам без разбирательства казнил множество людей. Жертвой его жестокости стал его собственный сын. Посланники Грузии, явившиеся со смиренной просьбой уменьшить налоговый гнет, были изуродованы — лишились носов, глаз и ушей^[171].

Смерть Надир-шаха в 1747 году и последовавшие затем смуты в Персии позволили Ираклию II проводить более независимую политику. Прежде всего, проявив военное мужество и дипломатическое мастерство, он подавил мятежи князей и претендентов на престол, вернув «управляемость» своему царству. В 1753 году ошеломляющий удар получили лезгины. Обычно грузины пытались воспрепятствовать набегу горцев, что было трудной задачей. Ираклий поступил иначе. Он занял горные проходы и преградил дагестанцам путь на родину, справедливо полагая, что противник, отягощенный добычей, постарается избежать столкновения. Расчет оказался верным. Дагестанское ополчение стало пробираться окольными путями, неся при этом большие потери от стужи и голода^[172]. Ираклий заставил эриванского и гянджинского ханов признать себя вассалами, причем в 1754 году разгромил под Эриванью персидское войско, пришедшее для того, чтобы восстановить гегемонию Ирана в этом регионе. Победа пятитысячного грузинского ополчения над сорокатысячной армией шаха сделала царя самой влиятельной фигурой в Закавказье. В 1755 году он нанес еще один удар лезгинам, освободив Грузию от уплаты тяжелой дани. В 1773 году соединенное грузино-имеретинское войско разорило приграничные турецкие провинции, но успешно начатые операции пришлось свернуть: как доносил русский представитель, войска грузин «стали приметно уменьшаться, потому что многие партии, получа добычу, с оною самовольно домой к себе возвращались, а как в здешней стороне военная дисциплина и почти всякий порядок весьма мало наблюдается, то не оставалось никаких средств к пресечению такого неустройства»^[173]. В следующем году турки попытались взять реванш, но грузины опять наголову разбили неприятеля. При оценке ситуации в Закавказье следует согласиться с грузинским историком начала XX века З. Аваловым, объяснявшим сложное социально-экономическое и административно-политическое положение Грузии тем, что ее царям приходилось сосредоточиваться на борьбе за выживание государства и нации: они просто не могли заниматься подготовкой и проведением необходимых реформ^[174].

Заметными оказались успехи царя и в обуздании феодальной

вольницы. При подавлении княжеских мятежей в 1750-е годы Ираклий проявил нехарактерную для Закавказья милость к их участникам, что, по-видимому, было воспринято как слабость монарха. В 1767 году его противники объединились вокруг царевича Александра Бакаровича (внука царя Вахтанга VI), которого уволили из Измайловского полка и выслали из России за приверженность Петру III. Сначала царевич искал поддержки в Персии, а затем в Турции. Мятежники собрались в Гори, куда нагрянул Ираклий. На этот раз царь был страшен в своем гневе: зачинщикам рубили головы, сжигали живьем на кострах, калечили всякими изуверскими способами. Князья угомонились надолго^[175].

Однако, несмотря на успехи на внешнеполитической арене, последние два десятилетия правления Ираклия II заслуженно считаются временем упадка Грузии. Тяжесть податей оказалась такова, что нередкими стали случаи уничтожения налогооблагаемых садов и виноградников и даже продажи детей^[176]. Страну раздирали княжеские междоусобицы, мятежи знати, конфликты представителей правящей династии. При этом обычной практикой стало приглашение отрядов иноземцев — персов, турок, дагестанцев^[177]. Чтобы обеспечить лояльность князей и дворян, практиковалась раздача населенных земель, что сокращало число налогоплательщиков и, соответственно, поступлений в казну. В то же время рост дворянского землевладения не сопровождался заметным увеличением дворянских ополчений. В результате приходилось нанимать дагестанцев, которым задержки жалованья давали повод для бесчинств. Последней каплей стало непродуманное разделение Грузии на уделы, фактически означавшее ее дробление не просто на независимые, но на враждующие между собой части^[178]. Страну захлестнула анархия. Помещики отбирали у селян всё, что им хотелось. В некоторых уездах доведенные до отчаяния крестьяне предпочитали сотрудничать с дагестанцами, нежели со своими хозяевами. Имеются сведения, что у купцов вымогали деньги варварским способом: их сажали в корзину и опускали в ледяную воду реки Куры^[179].

При объяснении причин присоединения Грузии к России кроме вторжения иноземцев называют внутреннюю смуту. Но и она во многом являлась следствием нажима со стороны агрессивных соседей. В XVII—XVIII столетиях христианские государства Закавказья жили в условиях практически не прекращавшейся войны. Традиционное представление об объединяющей роли внешней угрозы не универсально: оно верно только в том случае, когда эта угроза одинакова для всех, когда речь идет о завоевании как таковом. На Кавказе основная форма войны — не тотальное

завоевание, а грабительский набег, опасность которого уменьшается по мере удаления от границы. Пограничному князю нередко оказывалось выгоднее и безопаснее быть независимым от своего сюзерена: он мог договориться с беспокойным соседом или нанести ему упреждающий удар, не дожидаясь царской санкции, связывавшей его по рукам и ногам. Кроме того, осознание национальной общности — явление неизвестное в эпоху феодальной раздробленности. Перманентная война рождала героев, которые редко ладили между собой. Наградой за боевые заслуги являлись не ордена и титулы, а увеличение политического веса, получение земельных пожалований и возвышение при дворе, что вызывало жгучую зависть соперников, нередко не менее заслуженных. Для междоусобицы или мятежа в такой обстановке было достаточно любого пустяка. Дополнительным фактором династических и межродовых распрей являлись усилия соседей по поиску возможных союзников из числа недовольных, обиженных и обделенных. Но феодальная вольница нередко играла и положительную роль в судьбе Грузии: строптивые, никому не подчинявшиеся князья, укрывавшиеся в неприступных замках или недоступных урочищах, не позволяли ни персам, ни туркам окончательно и бесповоротно захватить страну. Здесь уместно процитировать того же Авалова: «Крестоносная Грузия, Грузия храбрых царей, доблестных иерархов, монахов ученых и благочестивых, рыцарей, не имевших себе равных на поле брани, Грузия земледельцев, защищавших родные долины до последнего издыхания, — это не вся Грузия, это одна (хотя и лучшая) из стихий ее исторической жизни. Есть и другая Грузия, не менее, если не более действительная, чем та, первая: Грузия царей-вероотступников, льстецов шаха, пастырей-волков, князей-работорговцев, военной челяди с инстинктами грабителей. Эти две Грузии живут бок о бок, никогда одна не растворяется в другой, но часто одна из них выступает на первый план, а другая остается в тени»^[180]. Таким образом, несмотря на все внешние угрозы и внутренние неурядицы, государство Багратидов являлось живым политическим телом. При этом огромное число ее жителей, как, впрочем и жителей любого другого государства, с трудом поднималось над поглощавшей их повседневностью и не было способно оценить ближайшие и дальние перспективы. Результат этой близорукости — наличие большого числа консервативно настроенных людей, не только предпочитающих, чтобы все оставалось «по-старому», но и активно сопротивляющихся любым новшествам. Переломить же настроения зачастую оказывалось гораздо труднее, чем одолеть в сражении неприятельское войско. Это в полной мере оценил Павел Дмитриевич Цицианов.

Что же представлял собой Кавказский регион к тому моменту, когда в Тифлис прибыл Цицианов? Этническая карта Дагестана XVIII — первой половины XIX века в целом соответствовала нынешней: равнинные и предгорные районы за Терекком населяли кумыки; южнее жили аварцы, даргинцы, табасаранцы, лезгины и лакцы. Кроме названных народов, в Дагестане проживали и другие, меньшие по численности. Каждый этнос разделялся на несколько родоплеменных образований, находившихся в состоянии перманентного соперничества, часто переходившего в открытую вражду. Равнинные и предгорные районы края делили между собой несколько ханств — Аварское, Мехтулинское, Кайтагское, Дербентское, Кюринское, Казикумухское, Елисуйское, Тарковское. На территории горного Дагестана существовало около 80 так называемых «вольных» обществ, причем некоторые объединялись в «федерации». Это были особые этно-территориально-политические объединения свободных общинников, управлявшихся по принципам военной демократии. Наиболее крупными из них считались Салаватия, Гумбет, Анди, Койсубу, Андалал, Гидатль, Дидо^[181]. К западу от земель кумыков и аварцев проживала вайнахская этническая общность, включавшая в себя чеченцев, карабулаков, аккинцев и ингушей. Соседями последних были осетины. Западный Кавказ населяли абазины и адыгейские племена, обычно именуемые в российской дореволюционной литературе черкесами. Восточной частью адыгейского этноса являются кабардинцы. На территории нынешней Армении и Азербайджана находились Гянджинское, Эриванское, Карабахское, Нухинское, Дербентское, Шекинское, Ширванское и Бакинское ханства, этническая карта которых во многих случаях оказывалась не менее пестрой, чем карта Дагестана. В районах, примыкавших к Каспийскому морю, население было почти сплошь азербайджанское, тогда как в окрестностях озера Севан преобладали армяне. В ряде мест наблюдалась национальная чересполосица. Талышское ханство получило название по своей титульной нации — талышам.

Карталино-Кахетинское царство (Восточная Грузия) занимало площадь около 30 тысяч квадратных километров. (Для примера: площадь Республики Грузия в границах 2007 года — 70 тысяч квадратных километров.) Население насчитывало около 160 тысяч душ, из которых только половину составляли этнические грузины, около 20 процентов —

армяне и чуть менее 30 процентов — азербайджанцы («татары») и осетины^[182]. Существовали еще четыре независимых грузинских государства: Имеретия, Гурия, Сванетия и Мингрелия, многие территории которых только номинально подчинялись своим верховным правителям. В ряде случаев подданство подменялось данничеством. Этнические группы грузин, жившие в высокогорных районах (хевсуры, тушеты, пшавы и сваны), были фактически независимы и руководствовались нормами военной демократии. Хотя Абхазия со времен Средневековья также считалась единым государством, реальная власть ее владетелей редко распространялась далее окрестностей Сухума из-за «своеволия» местных князей.

Практически все политические структуры Кавказа отличались отсутствием внутренней стабильностью, поскольку феодальная и общинная вольница вкупе с институтом кровной мести давали поистине взрывоопасную смесь, детонировавшую при каждом потрясении (внешняя агрессия, династические конфликты и пр.). Многое зависело от личности правителя: сильные фигуры, не стесняясь в средствах, подавляли своевольных вассалов, концентрировали в своих руках огромную власть и, как правило, расширяли владения за счет соседей. Если на престоле оказывался человек слабый, то его влияние ограничивалось дворцом, где он мог оказаться в положении почетного пленника, а границы его владений начинали терзать соседи, почуявшие легкую добычу. Пограничные зоны государств и родоплеменных организаций постоянно являлись зонами конфликтов. Практически у всех политических образований на Кавказе очертания границ — дело довольно условное. Земли и их население переходили из рук в руки, то теряли независимость, то ее восстанавливали. Владения дробились или соединялись в зависимости от ситуации в династических спорах, которые являлись одной из важнейших составляющих внутренней политики в этом крае. Наличие многочисленного потомства, часто различного по своему статусу, масса взрослых и влиятельных родственников создавали конфликтную ситуацию при наследовании престола^[183]. Практика выделения территорий для «кормления» членам правящей фамилии приводила к тому, что местные жители считали этих людей своими владыками и нередко поддерживали их во время мятежей и династических распрей. Об этой особенности политической географии края писал полковник С.Д. Бурнашев, получивший от П.С. Потемкина задание составить описание Кавказа:

«Границу земель Дербентских по положению своему как к Дагестану

прилежащих и вдоль Каспийского моря, так и внутрь земли к стороне гор Кавказских, равно и округ к городу Баку и Сальяну определить нельзя по причине беспрестанной у дербентцев с соседями войны, и они распространяются и уменьшаются по удачам... О разделении Адребиджана (Азербайджана. — В.Л.) сказать должно, что настоящее состояние владельцев, границ их земель, связь между собой, союзы и война и расположение к соседям не постоянно и переменяется по беспокойному их духу; вероломному и коварному их свойству и беспрестанным междоусобиям почти ежегодно, равно и в других главных частях Персии ханы и их владения таким же переменам подвержены»^[184].

В ханствах Восточного Кавказа законов не существовало даже в азиатском понимании этого слова. Торговля жестоко страдала от непомерных и произвольно взимаемых пошлин и грабежей, в которых нередко принимали участие и ханские дружинники. Экипажи судов, идущих вдоль берега, не могли себя чувствовать в безопасности. Местное население было уверено в том, что имеет полное право на имущество тех, кто потерпел крушение (такое право им якобы дал еще Петр Великий в 1722 году!). При этом законной добычей считался и корабль, вытащенный на берег, чтобы переждать шторм^[185]. Все мусульманские владельцы Закавказья занимали единую настороженную позицию в отношении России, поскольку не без оснований боялись лишиться «своевольства», и, по мнению того же Бурнашева, «сия воображаемая опасность вовлекает их в соглашение с турками». Они желали видеть в России мощного союзника, но не собирались терять статус полноправных правителей. Грузия была заинтересована в сохранении добрых отношений со своими мусульманскими соседями, поскольку почти каждый конфликт с ними сопровождался мятежом или волнениями в «татарских дистанциях»^[186].

Этот этногеографический очерк представлен не для повышения эрудиции читателя, а для акцента его внимания на сложности задач, стоявших перед человеком, облеченным практически всей полнотой политической власти в регионе. Цицианову пришлось иметь дело не с одним-двумя политическими партнерами, а с гораздо большим числом суверенов, обладавших неясными и противоречивыми сведениями о границах собственных владений, не желавших, а во многих случаях и не способных принимать те «правила игры», которые намеревался придерживаться главнокомандующий.

Основой экономики Северного Кавказа и Закавказья в XVIII — первой половине XIX века было сельское хозяйство.

Его развитие определялось природно-климатическими условиями региона, а также другими факторами, среди которых особое место занимала опасность набегов. В горных долинах и на равнинах предгорий плодородные земли позволяли получать высокие урожаи зерновых и овощных культур, во многих районах существовали благоприятные условия для садоводства и виноградарства. В местах, где летом выпадало мало осадков, земледелие оказывалось возможным только при условии искусственного орошения. В горном Дагестане посевная площадь недотягивала до одной десятины на двор. Но даже в таких условиях горцы выращивали ячмень, просо, бобы, кукурузу и чечевицу, часто используя метод террасирования склонов^[187]. На равнинах сеяли пшеницу, а в районах с жарким климатом (Азербайджан) получали высокие урожаи риса и хлопка. Здесь же было налажено производство шелка. В лесных и степных районах основной системой была перелого: в течение четырех—шести лет после сведения и выжигания леса выращивали зерновые, а затем в течение четырнадцати-пятнадцати лет землю использовали как пастбище или просто забрасывали. Народные селекционеры вывели сорта, хорошо адаптированные к местным условиям, и, если не случалось природных катаклизмов, горцы и жители Закавказья получали высокие урожаи.

Парк сельскохозяйственных орудий жителей Кавказа в целом не имел принципиальных отличий от того, каким располагали в те времена крестьяне других стран. Наибольшую часть поголовья домашнего скота составляли овцы и козы, которые хорошо использовали горные пастбища, выдерживали дальние перегоны и резкие перемены погоды, обычные для этого региона. Коровы местных пород были мелкими, имели небольшие удои при высокой жирности молока. Волы были тягловым скотом, поскольку лошадей использовали под седло и под вьюк. Черкесия и некоторые районы Закавказья славились своими лошадьми верховых пород. В начале XIX века только в Адыгее существовало более двадцати конных заводов, причем некоторые лошади стоили целое состояние. Слава черкесских скакунов была настолько велика, что их покупка являлась самым надежным прикрытием для лазутчиков, объяснявших свое появление поиском хорошего коня^[188]. По самым скромным меркам, поголовье овец только на Западном Кавказе превышало 6 миллионов голов. В порты Черного моря в середине XVIII века горцы доставили 500 тысяч овечьих шкур, тысячу тонн мытой шерсти и 100 тысяч кусков сукна домашней выделки. Заметным подспорьем во многих местах были пчеловодство и охота. Потребности населения в ремесленных изделиях в

основном удовлетворялись местными мастерами — кузнецами, оружейниками, гончарами и медниками. В Закавказье города представляли собой типичные средневековые ремесленно-торговые центры, а на Северном Кавказе их роль играли некоторые аулы, жители которых специализировались на производстве определенного вида изделий.

И этот рассказ об экономическом укладе края — не для повышения эрудиции читателя. Для успешного административного и хозяйственного обустройства Цицианову требовались деньги, и деньги немалые. И Павел I, и Александр I настаивали на том, чтобы потребности Грузии в финансах покрывались в основном за счет местных ресурсов. Но господство натурального или полунатурального хозяйства создавало большие проблемы при организации налогообложения. Сбор зерна, продукции животноводства и ремесленных изделий затруднялся плохими коммуникациями, трудностями определения качества, хранения и реализации. Перевод податей в денежную форму многократно усиливал гнет крестьян: купцы беззастенчиво пользовались безвыходным положением селян, вынужденных для уплаты налогов за бесценок отдавать свою продукцию. Хан или другой владелец отдавал определенную территорию в управление своему человеку, позволяя «кормиться» с этой территории. Коронная администрация выплачивала чиновнику фиксированное жалованье в звонкой монете, но ее надо было собрать с подведомственной волости или уезда. Для уплаты нужной суммы селянам зачастую приходилось продавать за гроши гораздо больше зерна, шкур и тому подобного, чем это требовалось для прокормления самого жадного наместника «старого закала». И как это совместить с возвращением симпатий простого народа к новой власти?

На территории Восточной Грузии, Имеретии, Гурии и Мингрелии торжествовал феодальный строй со всеми его атрибутами. На Северо-Восточном Кавказе развитие феодальных отношений сдерживалось мощным влиянием родовой организации, выполнявшей хозяйственные, управленческие и военные функции. Военная составляющая в жизни горского общества замедляла процесс выделения частной собственности. Дагестанские «владельцы», например аварские ханы, не были феодалами по образу немецких графов или русских помещиков. В 1828 году из 211 аулов, считавшихся в их владениях, только 7 платили подати за пользование землями, принадлежавшими этим ханам. Остальные платили дань как вассалы. Правитель Кайтага, уцмий, избирался народным собранием из представителей одного и того же рода и был сильно ограничен в своих административных действиях. Основой власти уцмия было руководство

ополчением^[189]. Осетинская знать так мало соответствовала великорусским представлениям о дворянстве, что потребовались специальные указы о поступлении детей тамошних старшин на военную службу на правах благородного сословия. На Западном Кавказе все племена делились на «аристократические» и «демократические». У первых существовала иерархическая социальная лестница — князья, служившие им дворяне разных «классов», свободные общинники и несколько категорий феодально-зависимого населения. Вторые поддерживали равенство в своих родах, не чураясь при этом патриархального рабства (все невольники — иноземцы). В «аристократических» племенах феодальная эксплуатация не сопровождалась явным насилием: крестьянин делал «подарки» князю, кормил его и свиту «как гостя», «из уважения» пас его отару. Князь, в свою очередь, оберегал своих подданных от нападений и соблюдал необходимые приличия в общении с ними. Своеволие знати ограничивалось влиянием совета старейшин, а также обычаями, ставившими серьезные барьеры на пути превращения князя в восточного деспота, распорядившегося по своему капризу имуществом и жизнью подданных. В конце XVIII века на Западном Кавказе произошла своеобразная феодальная революция: свободные общинники нескольких «аристократических» племен при поддержке «демократических» соседей фактически ликвидировали зависимость от своих князей. В 1793 году депутация адыгских дворян даже обратилась к Екатерине II с просьбой помочь в укрощении «черни». Царица отдала приказ командующему Кавказской линией поддержать князей, несмотря на то, что именно они организовывали набеги на русские земли. В 1796 году произошла историческая Бзиюкская битва, самая масштабная в истории края: многотысячное ополчение шапсугов, абадзехов и натухайцев сражалось против дворянского войска и ставшего на сторону князей племени бжедугов. Хотя победа досталась князьям, они сохранили свои социальные позиции только в Кабарде. Из Западной Адыгеи князья бежали, а те, что остались, утратили почти все прежние привилегии^[190].

В Закавказье местные обычаи создавали широкий диапазон в отношениях крестьянства и феодальной знати — от тех, которые описаны выше, до полной деспотии, когда владетель делал со своими подданными все, что ему заблагорассудится. На территории Армении господствующий класс составляли мусульмане-феодалы, эксплуатировавшие земледельцев-христиан. До присоединения Азербайджана к России здесь существовало несколько категорий служилого населения, которые при всех различиях объединялись одним важным признаком: беки, агалары, маафы, намнаузы и

военные нукеры в мусульманских провинциях были свободны от податей и повинностей (или имели значительные льготы) в обмен на военную службу. В мирное время они обеспечивали себе пропитание ремеслами, земледелием, торговлей, службой в ханской дружине, разбоем, доходами от пожалованных ханами имений, а в большинстве случаев — комбинацией всего перечисленного^[191]. Главным же стимулом их участия в походах являлась военная добыча.

Социальная организация Кавказа, так же как и этнополитическая карта, отличалась пестротой и неопределенностью (разумеется, в европейском понимании этого слова, когда права каждого сословия с большей или меньшей четкостью закреплялись в письменных законах и других нормативных актах). Это был регион, где торжествовал обычай, аккумулировавший в себе многовековую юридическую практику населявших его народов. Но этот опыт во многих случаях расходился с «видами правительства», которые должен был претворять в жизнь опять же главный представитель императора — Павел Дмитриевич Цицианов.

В России в начале XIX века всякое организованное насилие считалось абсолютной монополией государства. Но социокультурные реалии Кавказа, особенно северной его части, не позволяли положиться на государство как на защитника жизни и имущества. Это приходилось делать самим «обывателям», поскольку структуры, обеспечивавшие их безопасность (полиция тайная и явная, суды, жандармерия и т. д.), отсутствовали. Кровная месть являлась краеугольным камнем правовой системы. Поэтому каждый полноценный в социальном отношении мужчина должен был быть воином. Набег играл важную роль в социализации горского общества и потому не мог быть «отменен» чьим бы то ни было указом. Но именно набег, или, как его часто называли в официальных документах, «хищничество», с точки зрения российских властей был самым нетерпимым явлением. Борьба с ним объявлялась приоритетным направлением деятельности всех главнокомандующих. Однако за «обузданием», которое не могло быть иначе как силовым, вставал грозный силуэт нескончаемого конфликта, получившего впоследствии наименование Кавказской войны. Цицианов столкнулся с этим одним из первых и одним из первых осознал масштаб предстоящих задач.

*

В отечественной историографии история российско-кавказских

отношений подается под «соусом» некой предопределенности, в виде некоего постоянного поступательного движения, имевшего своим результатом накопление исключительно позитивного опыта. Но при внимательном рассмотрении картина выглядит не столь радужной. Для характеристики отношений между Грузинским царством и Россией лучше всего подходит модное ныне выражение «неоднозначные». Еще в 1586 году кахетинский царь Александр II предложил царю Федору Ивановичу подписать договор о союзе и подданстве. В титуле московских правителей появились слова «государь Иверские земли и Грузинских царей». Платой за такой важный, хотя и символический акт стали рейды русских отрядов в 1589—1591 годах во владения «шевкала» — шамхала Тарковского. Но это не спасло восточные уезды Кахетии от набегов, о чем грузинский царь пенял в своих посланиях. Тогда для исполнения союзнических обязанностей в 1594 году был организован крупномасштабный поход князя Андрея Ивановича Хворостинина, закончившийся катастрофой. Поначалу ничего не предвещало беды. Стрельцы и казаки легко взяли верх над местным ополчением, заняли город Тарки и стали ждать союзников-грузин, которые так и не явились. Однако дагестанцы не спешили заключать мир и заперли Хворостинина в его лагере, лишив возможности получать провиант и подкрепления. При попытке прорваться обратно в Россию русская рать потерпела сокрушительное поражение: «воеводы ж утекли не со многими людьми»^[192]. Теперь настала пора выступить с обвинениями русской стороне: грузины не прислали обещанную помощь — царевича Юрия и своего свата «Крым-шевкала», который должен был стать новым правителем в Тарковском ханстве^[193]. В 1602 году Александр II повторил свою просьбу о подданстве уже Борису Годунову, велись переговоры о скреплении союза династическими браками. Были получены согласие на женитьбу племянника главы грузинского престола на русской великой княжне и обещание выдать дочь Александра II за сына Бориса Годунова по достижении ее совершеннолетия. В 1605 году в знак выполнения договоренностей Москва послала в Дагестан воеводу Ивана Михайловича Бутурлина и Осипа Тимофеевича Плещеева. Вновь русские легко одолели противника в открытом бою, легко заняли важнейшие пункты — и вновь оказались в западне. Грузинская рать опять не явилась. На этот раз воеводы попытались найти компромисс: они выговорили возможность беспрепятственного ухода восвояси в обмен на клятвенное обещание впредь не появляться во владениях шамхала Тарковского. Однако на первом же привале отступающий отряд подвергся внезапной и

безжалостной резне. Более семи тысяч ратников погибло или попало в плен. Это подорвало престиж России в регионе.

Изменили даже старые союзники^[194]. Тем не менее в 1639 году царь Кахетии Теймураз признал верховное покровительство Москвы и получил очередные заверения в помощи, однако, когда в 1658 году приехал получать обещанное, остался ни с чем. В 1652 году царь Имеретинский Александр III присягнул царю Алексею Михайловичу и опять же получил обещание военной помощи, которое, впрочем, так и осталось обещанием.

Эти примеры рисуют портрет безответственной и даже коварной Московии, отказывающейся выполнять свои союзные обязательства. Но такой взгляд справедлив только при формальной оценке событий. Поведение грузинской стороны также нельзя назвать безукоризненным. Предложения владетелей Кахетии, Имеретии и Карталинии перейти в подданство и согласие державных обитателей Кремля взять их под свое крыло являлись исключительно символическими актами, формой политического давления на соседей и на внутреннюю оппозицию. Россия не располагала в XVI—XVII веках ресурсами для активных действий на Кавказе, для противостояния мощным мусульманским государствам — Турции и Персии. Какой урок извлекли дагестанцы из всех этих событий, догадаться нетрудно: враг силен, но побеждать его можно. Следует помнить, что у народов Кавказа существовала и существует прочная традиция устных преданий, в центре которых — боевые подвиги предков. Всякого рода неизбежные искажения (преувеличения) только усиливали значимость этих текстов.

Новое наступление на Кавказ началось расширением имперских границ при Петре Великом. Уже вскоре после торжеств по поводу взятия турецкой крепости Азов в 1696 году выяснилось, что до прорыва к южным морям на этом направлении, тем более до установления креста на Святой Софии — «дистанция огромного размера». Османская империя тогда еще была достаточно сильна, чтобы отстаивать свои позиции в Причерноморье, что и доказала в 1711 году, вынудив Петра I после поражения на реке Прут скрыть крепости в Приазовье и уничтожить флот. Но Россию омывало еще одно теплое море — Каспийское, берега которого для русских были тогда диковинными «полуденными» странами, но странами достигаемыми по своей географической близости, а после приобретения уверенности в силе своего оружия (Полтава, Гангут) еще и доступными русскому штыку. Кроме того, Персия на рубеже XVII—XVIII веков находилась в состоянии глубокого кризиса, что повышало шансы на захват части ее территории.

Петр I повелел готовиться к походу, и только война со Швецией связывала ему руки. Как только в 1721 году был подписан Ништадтский мир, проверенные в боях полки отправились в район Астрахани, где формировался экспедиционный корпус. Повод для войны искать было не нужно. В 1712 году Сурхай-хан Казикумыкский разгромил торговый город Шемаху; десятки российских купцов и приказчиков были убиты, а имущество их разграблено. В 1720 году этот дагестанский правитель повторил погром Шемахи. На этот раз ситуация осложнялась тем, что Сурхай-хан и его соратник Дауд-бек, опасаясь наказания со стороны шаха, обратились за помощью к туркам, враждовавшим с персами по политическим и религиозным мотивам. Установление власти Порты над Дагестаном могло надолго остановить продвижение России в южном направлении. Поэтому 15 июня 1722 года в Астрахани царь выпустил манифест, разъяснявший причины появления русских войск: «Как в 1712 году владелец лезгинский Дауд-Бег и владелец казикумыкский Сурхай, взбунтовавшись против шаха, государя своего, город Шемаху приступом взяли и русских людей, там торговавших, порубили, и имущества их на четыре миллиона похитили, и по требованию сатисфакции на сих бунтовщиков от шаха не дано, по недостатку его сил; потому мы сами, почитая российское государство весьма обиженным в имениях и чести, решились наказать сих бунтовщиков, обеим сторонам вредным...» Далее объявлялось, что мирным обывателям вне зависимости от их подданства следует пребывать в спокойствии на предмет сохранности их жизни и имущества^[195].

При подготовке похода велись переговоры с грузинским царем Вахтангом VI и армянскими лидерами, поскольку Петр I намеревался помочь христианам Закавказья избавиться от ига иноземцев. Поход начался 22 августа 1722 года. Первое серьезное столкновение в Дагестане произошло в окрестностях аула Эндери, или, как его часто называли в документах того времени, «Андреевой деревни». Результат: местное ополчение рассеяно и «3 тысячи дворов... выжгли без остатку». Без боя были заняты Тарки и Буйнаки, 19 августа 1722 года на реке Инчке-Аус разбито местное ополчение, 23 августа без единого выстрела занят Дербент. Однако на пути русских воинов встал самый жестокий противник — природа. В это время стояла небывалая жара, угнетавшая даже местных жителей. Кавалерия, пострадавшая еще во время перехода по безводным степям от Астрахани и Дона, потеряла последних лошадей. Проблемы возникли даже с комплектованием артиллерийских упряжек. Сильнейший шторм уничтожил флот и большую часть провианта. Царь приказал отвести экспедиционный корпус в район Астрахани, оставив сильные гарнизоны в

Дербенте и в «новопостроенных» крепостях Аграхань и Святого Креста. В ноябре 1722 года два пехотных батальона совершили тяжелейший переход от Астрахани до Решта, а в апреле 1723 года с открытием навигации им на помощь было переброшено еще две тысячи человек. 17 июля 1723 года русские корабли вошли в Бакинский залив, и через одиннадцать дней после бомбардировки с моря и суши эта крепость сдалась. До конца 1723 года в одиннадцати пунктах от Астрахани до Энезели было размещено около 21 тысячи солдат^[196]. Афганцы тем временем заняли персидскую столицу и захватили в плен самого шаха. Его сын Тахмасп обосновался в северных районах и заключил союзный договор с Россией, согласно которому Персия уступала своему соседу прикаспийские провинции в обмен на помощь в борьбе против афганцев и турок^[197]. Масштабных боевых действий русским войскам, согласно условиям договора, вести не пришлось, но их присутствие обеспечило Тахмаспу надежный тыл и способствовало его победе.

Ослабление внешней угрозы резко изменило позицию Персии, которая отказалась ратифицировать договор 1723 года. В это время главными действующими лицами на Кавказе оставались Россия и Турция, и результаты Персидского похода оказались закреплены в договоре 1724 года между этими странами. Фактически обе империи поделили между собой Закавказье: за Россией осталось южное и западное побережья Каспийского моря шириной от 50 до 120 километров, а вся остальная территория к западу от этой полосы признавалась сферой турецких интересов. Таким образом, владение прибрежными районами Дагестана и Азербайджана было куплено Россией ценой временного отказа от притязаний на роль защитника христиан Закавказья.

В оценках грузинских историков звучит горький упрек: «В Персидском походе Петра Великого Вахтангу и грузинам пришлось сыграть роль вспомогательного орудия русской политики, брошенного на произвол судьбы, лишь только в нем миновала надобность»^[198]. Но такой вывод слишком категоричен. Существующие источники не дают ясной картины взаимодействия двух христианских монархов, но общие контуры таковы: оба действовали нерешительно, оба ждали, что другой примет на себя основную тяжесть войны, оба просчитались^[199].

Поход 1722—1723 годов имел важные последствия. Во-первых, продвижение на Кавказ стало «завещанием Петра», и уже одно это являлось для российских властей достаточным резонансом для проявления активности в регионе. Во-вторых, на глазах местных жителей и правителей

русские пришли и ушли. А это значит — могут уйти и еще раз.

Турция, чрезвычайно обеспокоенная усилением позиций России на Кавказе и попытками грузин и армян восстановить свою независимость, двинула в Грузию свои войска. Турки разбили армию царя Вахтанга VI и разорили Тифлис. Правителю Грузии пришлось уехать в Россию. Екатерина I и ее окружение «унаследовали» идею Петра Великого заселить южные приграничные уезды христианами, выходцами из турецких владений. Были предложения сделать крепость Святого Креста в устье Терека резиденцией Вахтанга VI. Предполагалось, что вокруг царя-эмигранта соберутся силы, достаточные для того, чтобы впоследствии привести к покорности жителей Дагестана и Азербайджана. Но грузинского царя отнюдь не радовала перспектива поселения в нездоровой местности с неопределенным статусом, в опасной близости от персидской границы, в окружении враждебных северокавказских владетелей. Его переговоры с Екатериной I иначе как трудными не назовешь. Верховный тайный совет настойчиво требовал от Вахтанга, чтобы он агитировал армян и грузин бороться с персами и турками, не обещая при этом реальной военной помощи и ограничиваясь уверениями, что, по сведениям из дипломатических источников, Стамбул и Тегеран не в состоянии совершить вторжение в Закавказье^[200].

При следующей императрице, Анне Иоанновне, позиция правительства в «грузинском вопросе» не изменилась. Удручающее впечатление на всех сторонников России произвело возвращение Прикаспийских провинций Персии в 1735 году. В самом Петербурге эйфория по поводу приобретения «богатой земли» улетучилась под воздействием огромных жертв, людских и финансовых. За 12 лет пребывания в Закавказье (1722—1735) русская армия потеряла около 200 тысяч человек, причем в основном это были санитарные потери^[201]. Все доходы от «персидских провинций» покрывали не более 25 процентов текущих расходов на них^[202]. О компенсации за дорогостоящие военные операции вообще не было речи. Такой высокой ценой купленная покорность местных владетелей также оказалась условной. В 1723 году правитель провинции Сальяны наиб Гуссейн-бек первым принял присягу верности, но вскоре изменил ей. Дело приняло следующий оборот: «Наиб с Зембулатовым (командиром батальона. — *В. Л.*) обходился сперва весьма учтиво, ходил к нему часто в гости и приглашал его к себе. Когда он думал, что довольно возбудил к себе уверение, то позвал он Зембулатова со всеми его офицерами к себе на обед. Зембулатов, не опасаясь никакого коварства,

пошел к нему с офицерами, не взявши с собой солдат для прикрытия... Из офицеров остался в лагере один больной прапорщик. Когда Зембулатов с офицерами за столом развеселился, то наиб дал знак войти немалому числу сильнейших своих людей с обнаженными саблями и кинжалами, которые, напав на офицеров, всех до одного умертвили бесчеловечно многими ранами; да и унтер-офицеры, денщики, гребцы, словом, все на одной стороне реки бывшие, равное несчастье потерпели. Убийцы гнались за некоторыми до шлюпок и там жалостно смерти их предавали. Сие видя, оставшиеся в лагере солдаты, опасаясь равномерного неприятельского нападения, которому без предводительства офицеров противиться не надеялись, признали за лучшее, чтоб с больным прапорщиком возвратиться на судах, на которых пришли, чрез море в Баку»^[203]. Шамхал Тарковский, оказывавший столько знаков преданности Петру I во время пребывания того в Дагестане, счел большой для себя обидой основание крепости Святого Креста и весной 1725 года внезапно напал на нее. Ответом стала карательная экспедиция под командой генерал-майора Г.С. Кропотова. М.В. Ломоносов в оде «На день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны» писал:

Сидит и ноги простирает
На степь, где хинов отделяет
Пространная стена от нас,
Веселый взор свой обращает
И вокруг довольства исчисляет,
Возлеги локтем на Кавказ^[204].

Что хотел сказать последней строкой самый известный отечественный ученый — остается загадкой, но то, что нога этой русской правительницы не ступала на пространстве между Черным и Каспийским морями, — чистая правда. Центром внешнеполитической доктрины Елизаветы Петровны являлось «сдерживание» Пруссии, пусть даже ценой ослабления внимания к таким традиционным направлениям, как польское и турецкое. В марте 1754 года императрица утвердила доклад канцлера Бестужева-Рюмина, в котором говорилось: «...интересы здешней империи (России. — В.Л.) того требуют, что самым делом в защищение грузинцев и в сопряженные с тем персидские дела отнюдь не вступать и не мешаться сколь долго турецкий двор в таком же молчании об оных пребудет. И понеже всякий повод к подозрению отнимать надобно, которое турки

возыметь могли бы в том, что российский императорский двор с грузинскими царями сношение имеет и в тамошние дела вступается. Того ради не надлежит на прошения их... что-либо письменно ответствовать, ибо такая письменная пересылка у них грузинцев не токмо скрытна быть не может, но тем они еще и похваляться станут»^[205]. В 1760 году правительство делало все возможное, чтобы отговорить царя Теймураза приехать в Россию, а когда это не удалось, то Петербург всячески демонстрировал свое дружелюбие по отношению к Стамбулу и старался смягчить впечатление от приезда грузинского правителя в Северную столицу^[206].

В 1774 году в плену у владетеля Каракайтагского умер известный ученый С.Г. Гмелин. В ответ отряд под начальством генерал-поручика И.Ф. Медема по распоряжению Екатерины II разорил земли хана. Если отбросить всякого рода прилагательные, необходимые для характеристики этого события, и оставить только существительные и глаголы, то получается: русские пришли, разорили аулы и ушли. В течение всей второй половины XVIII века горцы систематически совершали набеги на русские земли, ответом на которые были жестокие карательные экспедиции. Справедливости ради следует сказать, что и царские подданные на Кавказе тоже не выглядели безобидными овечками. Об этом свидетельствует, например, наказ, данный одному из русских посольств в середине XVIII века для «разрешения» конфликтов между служилыми людьми и местным населением: «...Ивана Левонтиева люди убили до смерти двух жонок да мужика — и за то дати по триста рублей, за человека по сто рублей; да Ивановы же люди с терскими казаками в Шувайтезе поймали у мужика жену, да свели в лес, да ее насильничали, и та женка от их насильств умерла, и за то дать по сто рублей же; а что в Загеме разных земель торговых людей грабили, платье и деньги имали сильно, и жен тутошних людей бесчестили, шапки с голов срывали, и на кабаках пропивали, и за то дать сто рублей же»^[207].

Когда мы будем говорить о деятельности П.Д. Цицианова на Кавказе, то должны принимать во внимание то, что против него «работала» также память о неудаче экспедиции адмирала М.И. Войновича. Осознав трудности в установлении контроля над западным побережьем Каспия, русское правительство обратило внимание на восточный, «туркестанский» берег моря. В XVIII веке туда несколько раз отправлялись из Астрахани группы военных и топографов для определения того, можно ли проложить здесь дорогу для азиатской торговли. 8 июля 1781 года из устья Волги

вышла флотилия в составе трех 20-пушечных фрегатов, 10-пушечного бомбардирского корабля и двух ботов. Эта экспедиция готовилась в строжайшей тайне, и благодаря этому вокруг нее сложилась такая атмосфера, что все, кто мечтал о воинской славе, стремились в нее попасть. Ходили слухи, что приказа об отправке в Астрахань нетерпеливо ждал сам А.В. Суворов. Однако командование было поручено уроженцу Далмации адмиралу М.И. Войновичу, который в 1770 году поступил волонтером на Средиземноморскую эскадру графа А.Г. Орлова. Несмотря на важность предприятия, корабли были построены из рук вон плохо, и плавание на них стало настоящим мучением для экипажей. Первым был осмотрен остров Огуречный у туркменского побережья, но он оказался непригодным для устройства базы из-за отсутствия пресной воды и топлива. Флотилия продолжила свой путь и через несколько дней подошла к Астрабаду — портовому городу на южном (персидском) берегу. Здешняя гавань была лучшей из того, что видели русские моряки. Сносным оказался и местный климат, обычно губительный для северян.

В это время Персия погрузилась в очередную смуту, осложненную борьбой с афганскими племенами. Войнович вступил в переговоры с местными властями о предоставлении права устроить в районе Астрабада укрепленную «станцию» и получил разрешение возвести редут. Крепость была названа «Мелиссоподем» (в переводе с греческого — «Пчелиный город»). Вскоре работы были завершены, на земляном валу стояло несколько орудий, свезенных с кораблей. Местные власти и население вели себя радушно. Скорее всего, они рассчитывали найти в русских моряках помощников в борьбе со своими противниками. Вскоре, однако, ситуация изменилась, и чужеземцы стали ненужными и опасными гостями. Правитель провинции пригласил Войновича и офицеров к себе на пир, а когда ничего не подозревавшие гости прибыли, приказал их посадить в темницу, предварительно надев деревянные колодки. Команды кораблей, оказавшись без единого офицера, растерялись. Ситуацию усугубило то, что в тот же день 60 матросов, занятых заготовкой дров, были изменнически схвачены вооруженными персами. Видя, каково настроение местного населения, пленники ежеминутно ждали мучительной смерти. Однако персидские власти не решились расправиться с моряками, опасаясь, очевидно, карательных мер со стороны России. Сначала отпустили матросов, заставив их предварительно до основания скрыть укрепление возле Астрабада, а потом дали лошадей Войновичу с товарищами, которые, не веря в свое спасение, мчались к родным кораблям «без памяти и отдыха». Как писал в 1901 году автор книги «Присоединение Грузии к

России», «Войнович не шутя приступил к основанию "Мелиссополя"*, но увы! Пчелы, которых он там искал, вместо меда познакомили его со своим жалом»^[208].

Таким образом, «наследие», которое получил Цицианов, скорее препятствовало, чем способствовало достижению целей, им самим или перед ним поставленных. Капитал, накопленный Россией в Восточном Закавказье, то есть там, где сосредоточил свои усилия герой нашей книги, явно не давал ему возможности «жить на проценты». При оценке результатов действий России в этом регионе к началу XIX столетия «минусов» приходится выставлять значительно больше, чем плюсов.

*

Каким же был капитал, нажитый в западной части Кавказа, приобретенный в Русско-турецких войнах 1768—1774 и 1787-1791 годов?

В отечественном историческом сознании закрепилось представление о том, что решительные победы русского оружия радикально изменили геополитическую ситуацию в Причерноморье. Действительно, когда в 1768 году вспыхнула новая война с Портой, Россия решила воспользоваться поддержкой многомиллионного христианского населения Оттоманской империи, жаждавшего освобождения от национального и религиозного гнета. Было решено отправить эмиссаров на Балканы, в Грецию и Закавказье с призывом к восстанию и подкрепить этот призыв военными экспедициями. Из Кронштадта в Средиземное море двинулась эскадра графа А.Г. Орлова, а из Владикавказа в Грузию — отряд генерала Тотлебена. Этому походу предшествовали переговоры с царем Имеретии Соломоном I и царем Восточной Грузии Ираклием II, которые надеялись с помощью русских войск не только избавиться от турецкого владычества, но и приструнить своих мятежных князей. Оба этих мотива звучали во время российско-грузинских переговоров. Еще Вахтанг VI, обсуждая в 1721 году с русским послом А. Волынским условия участия Грузии в будущем Персидском походе, видел в размещении русских гарнизонов средство для обуздания княжеской вольницы^[209]. Александр V Имеретинский предлагал высадить большой десант на черноморском побережье^[210], а в период правления Анны Иоанновны русские военачальники строили «предположения» о действиях со стороны Кавказа против Турции, причем силами не русских войск, а грузинских и армянских ополчений^[211].

Закавказские правители обещали собрать ополчение в 20—40 тысяч человек и просили прислать 5—7 пехотных полков. Однако в Петербурге решили действовать осторожно, поскольку сомневались в способности новых союзников обеспечить всем необходимым большой экспедиционный корпус. Не вполне ясной была и общая обстановка. Кроме того, российское правительство опасалось, что в случае неудачи войска окажутся в западне, а вынужденное отступление подорвет авторитет России в этом регионе и подставит Имеретию под карающий удар османов. Поэтому в Закавказье отправился отряд, составленный из Томского пехотного полка, четырех эскадронов регулярной кавалерии, 200 донских казаков и 300 калмыков при 12 орудиях. Командовал им генерал-майор граф Готлиб Курт Генрих Тотлебен, биография которого могла бы стать сюжетом авантюрного романа. Сначала он служил при курфюрсте Саксонии, бежал от суда за злоупотребления в Голландию, попал там в скандальную историю с опекаемой сиротой, бежал в Пруссию. В Берлине этот проходимец тоже что-то натворил и скрывался уже в Саксонии и Голландии. Некоторое время носил французский мундир, который во время Семилетней войны поменял на русский. Тотлебен сумел очаровать императрицу Елизавету Петровну представленным планом войны с Фридрихом Великим. Получил чин генерал-майора, храбро воевал, был ранен, получил орден Святого Александра Невского и в 1760 году вошел в Берлин. Из-за самовольной публикации репортажа об этом событии (в которой все заслуги он приписал себе) Тотлебен нажил влиятельных врагов. В 1762 году военный суд признал его виновным в измене и приговорил к расстрелу, но пришедшая к власти Екатерина II заменила казнь высылкой из России. В 1768 году авантюрист сумел вернуть доверие императрицы, ордена и генеральский чин.

В сентябре 1769 года, пройдя по долине Терека, русский отряд вышел на границу с Имеретией. Тут выяснилось, что осторожность военной коллегии оказалась обоснованной. Под знаменами царя Соломона собралось всего 200 воинов, а разоренная страна, находящаяся в состоянии полной анархии, не могла обеспечить русские войска провиантом. Все, что удалось получить, — трехдневный хлебный «рацион» и пять быков. Далее предлагалось обеспечить себя с помощью реквизиций, что таило сразу три опасности. Во-первых, многие районы оказались так разорены, что взять там было просто нечего, во-вторых, реквизиции сразу обостряли отношения с местным населением и, в-третьих, подобное самообеспечение быстро превращало регулярную армию в неуправляемую орду мародеров. Более серьезным партнером оказался царь Грузии Ираклий, семитысячное

ополчение которого совместно с русским отрядом в марте 1770 года двинулось к турецкой крепости Ахалцых. Но вскоре Тотлебен, отличавшийся ужасным характером, вступил в конфликт с грузинским царем и уклонился от продолжения боевых действий под предлогом малочисленности отряда. Командир-немец совершенно не знал русского языка и в общении с грузинами пользовался сразу двумя переводчиками, что приводило к многочисленным недоразумениям. По выдуманному обвинению в предательстве Тотлебен потребовал удалить из корпуса всех офицеров-грузин, чем вызвал возмущение их русских сослуживцев.

Однако подход подкреплений подтолкнул генерала к активности. Почти без боя в июне 1770 года был взят Кутаис, обороняемый сильным турецким гарнизоном, после чего последовала бестолковая и безуспешная осада крепости Поты. Офицер Чоглоков писал в Петербург: «...Тотлебен или с ума сошел, или какую-нибудь измену замышляет, поступая во всем против интересов русского двора: тамошних царей между собой ссорил, с князьями обходился дурно, многих из них бил, других в оковах держал, деревни разорял, безденежно брал скот и хлеб, вступал в переписку с ахалцыхским пашой, назначил для отсылки в Россию 12 лучших русских офицеров, не оставляя никого, кроме немцев и самых негодных по поведению русских»^[212]. Согласия в действиях союзников достичь было непросто: обе стороны не верили друг другу, обе соревновались в спесивости. Военно-стратегические цели русских и грузин тоже оказались разными: первых интересовал Поты как опорный пункт на побережье Черного моря, а вторых — крепость Ахалцых, овладение которой позволяло надеяться на отвоевание других приграничных территорий. Чтобы разобраться в происходящем, в сентябре 1770 года был прислан капитан Языков. Вместе с поверенным России в Грузии капитаном Львовым он попытался примирить Ираклия и Тотлебена. О командире российского экспедиционного корпуса Языков писал: «Пребывание его здесь ни на что иное, как только, чтоб достать себе добычу, что довольно уже и достал и для того точно отгоняет от себя здешних царей и один хочет города брать»^[213]. Видя поведение Тотлебена, к нему потянулись противники Соломона и Ираклия — князья Дадиани, Гуриели и Шервашидзе, которые вели двойную игру^[214].

Незадачливого военачальника, много сделавшего для подрыва авторитета России в Закавказье, заменил генерал А.Н. Сухотин, получивший следующую инструкцию: «Наше намерение было и есть самих грузинцев на диверсию против неприятеля употреблять, при

подкреплении только с нашей стороны таким числом войска, какое уже в Грузии находится, а непосредственную в том краю войну не производить, к чему требовалось бы и множество людей и великое иждивение, а для будущего времени ни малой однако ж прочности не обещало бы. По сему *не ищется присовокупить грузинских земель*, как отдаленных и совсем неподручных, к нашей империи, но представляется в воздаяния услуг их владетелей, какую они в общую всего христианства пользу окажут в войне настоящей, о поправлении их жребия и о приведении земель их в безопасность от дальновидных турецких покушений при заключении с Портой мира стараться». Однако и новый командир военными талантами не блеснул: летом 1771 года, вопреки советам царя Соломона, он снова повел экспедиционный отряд к Пота, крепость не взял, но похоронил в окружающих ее болотах 800 человек, умерших от лихорадки. 5 мая 1772 года русские войска покинули Кутаис и двинулись на родину. Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 года предусматривал для Турции амнистию всем воевавшим на стороне России, освобождение Имеретии от обязанности платить дань невольниками, запрещение вводить турецкие гарнизоны в грузинские крепости, защиту религиозной свободы христиан ^[215]. Но, подписывая с Турцией договор 1774 года, Россия фактически устранилась от покровительства христианам Мингрелии, Гурии и Имеретии: «Как помянутые народы находятся подданными блистательной Порты, то Российская империя не имеет впредь совсем в оные вмешиваться, ниже притеснять их» ^[216].

Грузинский историк Г. Вешапели справедливо заметил: пролитая в этой Русско-турецкой войне грузинская кровь не была оплачена ^[217]. Ираклий попытался найти помощь в Европе. Наиболее вероятным виделся союз с Австрией, поскольку для Вены Стамбул являлся стратегическим противником на Балканах. Грузинский царь писал австрийскому императору: «...Мы не имеем таких способов, чтоб учредить у себя по европейскому манеру военный порядок... Прошу пожаловать денег на содержание нескольких полков по представлению моему, дабы европейским государям был я в состоянии с областями моими оказать услуги по возможности» ^[218]. Но правивший в то время император Иосиф II не стал торопиться с заключением договора. Грузия находилась слишком далеко, ее военный потенциал даже в случае преобразования армии был невелик. Последствия же могли оказаться тяжелыми: во-первых, возникали неизбежные трения с Россией, уже считавшей Кавказ сферой своих интересов, во-вторых, осложнялись отношения с Турцией без видимых

политических дивидендов. Петербург явно был взволнован этим шагом Ираклия II. Екатерина II предписала Потемкину, ведавшему кавказскими делами, «отклонить всякое (грузинских царей. — В.Л.) знакомство с императором Римским и с другими христианскими державами, сказав, что они имеют условие не мешаться в дела, до азиатских наших соседей касающиеся»^[219].

Турция приняла меры для закрепления своих позиций на Кавказе руками вассалов и союзников. В 1780 году войско, составленное из абхазов, горцев и крымских татар, возглавляемое владетельными князьями Абхазии Зурабом и Келеш-беем Шервашидзе, двинулось на Мингрелию. В сражении у крепости Рухи имеретинско-мингрельское ополчение взяло верх. Тогда Турция стала увеличивать гарнизоны в прибрежных крепостях Поти, Сухуми, Анаклии. Встревоженные этим Соломон I и князь Дадиани несколько раз обращались к Екатерине II с просьбой о помощи, но императрица не была готова к новому открытому столкновению с Портой и ограничилась дипломатическими шагами в защиту закавказских христиан. Во время следующей войны с Турцией 1787—1791 годов боевые действия в Закавказье не велись, поскольку русские войска были из Грузии выведены. Тем не менее и этот конфликт не способствовал повышению авторитета России в регионе. В начале 1789 года генерал-поручик Ю.Б. Бибиков затеял безумное дело: решил без подготовки взять Анапу. Войскам пришлось идти по колено в талой воде, поскольку в это время началось таяние снегов. Измученный отряд без продовольствия, без достаточного количества боеприпасов, без осадной артиллерии дошел до турецкой крепости и повернул назад. После тяжелейших маршей, ежедневно вступая в бой с черкесами, русские войска оказались прижатыми к разлившейся Кубани и перебирались через нее с помощью подручных средств, что не решались делать даже самые отчаянные горцы. Домой из похода вернулась лишь половина отряда — и это можно считать удачей. Генерал, встретивший остатки отряда, написал в рапорте, что увидел солдат «в такой жалости, которая выше всякого изъяснения»^[220]. В 1790 году турки предприняли последнюю попытку силой восстановить свою гегемонию на Северном Кавказе. Тридцатитысячная турецко-черкесская армия двинулась от Анапы через Кабарду на Кизляр, но была разгромлена и рассеяна^[221]. При этом отступавшие турецкие части «...терпели от горцев крайние жестокости». В 1791 году состоялся второй, более успешный поход русских войск на Анапу. Крепость была взята штурмом, поскольку осаду вести было невозможно: горцы постоянно нападали на фуражиров и обозы.

Известие о падении Анапы и уничтожении большей части ее гарнизона потрясло защитников другого турецкого укрепления, Суджук-Кале, и они покинули его, взорвав бастионы^[222]. За взятие крепости генерал И.В. Гудович получил первый на Кавказе орден Святого Георгия 2-й степени, но после заключения мира Анапа опять стала турецкой. Ее взяли еще раз в 1808 году, но вновь вернули в 1812-м. Русский флаг остался навсегда над ее бастионами только после третьего штурма в 1829 году. Таким образом, и на Западном Кавказе Россия также продемонстрировала: ее армия очень сильна, она без особых усилий побеждает в войнах, но легко расстается с результатами побед, не считаясь с интересами союзников.

Тем не менее в 1783 году полномочными представителями России и Грузии в городе Георгиевске был подписан трактат, который навсегда связал два государства. 18 июля после длительного и сложного процесса подготовки договора и согласования его с Ираклием II грузинское посольство в составе князей И.К. Багратиони, Г.Р. Чавчавадзе, архимандрита Гайоса (ректора семинарии в Телави) и еще 21 человека прибыло в Георгиевскую крепость и на следующий день приступило к переговорам. Российскую делегацию возглавил командующий Кавказской линией генерал-поручик П.С. Потемкин. Г.Р. Чавчавадзе сообщил, что ему поручено объявить: царство Картли-Кахети будет «подчиняться» всероссийскому престолу. Георгиевский трактат принципиально отличался от всех существовавших до того российско-грузинских документов. Прежде грузинские цари подписывали «крестоцеловальные записи», а русские цари посылали «жалованные грамоты», но ни те ни другие не определяли взаимные обязательства и точное разделение прав владетелей. На этот раз все было по-другому.

Первый пункт Георгиевского трактата гласил: «Его светлость царь Карталинский и Кахетинский именем своим, наследников и преемников своих торжественно навсегда отрицается от всякого вассальства или под каким бы то ни было от всякой зависимости от Персии или иной державы; и сим объявляет перед лицом всего света, что не признает над собою и преемниками иного самодержавия, кроме верховной власти и покровительства Ее императорского величества и ее высоких наследников престола всероссийского императорского, обещая тому престолу верность и готовность пособствовать пользе государства во всяком случае, где от него требуется». Договор ограничивал самостоятельность грузинских царей в области внешней политики: «Без предварительного соглашения с главным пограничным начальником и министром Ее императорского величества, при нем аккредитованным, не иметь сношения

с окрестными владетелями. А когда от них приедут посланцы, или присланы будут письма, оные принимая, советовать с главным пограничным начальником и с министром Ее императорского величества о возвращении таких посланцев и надлежащей их владельцам отповеди...» Договор оставлял царям Картли-Кахетии все полномочия в сфере внутреннего управления страной, в области суда и наказаний, а также в сборе налогов. Поскольку вид денежных знаков имел большое символическое значение, поначалу была достигнута договоренность о том, что на грузинской монете, которая по номиналу уравнивалась с российской, на одной стороне изображалось «лицо императорской особы», а на другой — «герб грузинский или что царь заблагорассудит». Однако дополнительным артикулом от 30 сентября 1783 года было решено, что на грузинских деньгах появится только двуглавый орел, расположившийся над гербом царства Карталинского и Кахетинского «...в знак покровительства и верховной власти всероссийских императоров над сими владетелями»^[223].

Наибольшие прения вызвали положения о том, чтобы наследники грузинского престола получали царскую инвеституру из рук императора. В уже упоминавшемся дополнительном артикуле утверждалось право царей короноваться по их древнему обычаю. Немалые сложности вызвал вопрос о титуле Карталинских и Кахетинских царей. Ираклий II и его представители на переговорах усмотрели в замене выражения «высочество» на выражение «светлость» признак принижения его статуса: так называли всех владетельных князей, а цари имели все основания считать себя выше таковых. Российское правительство объясняло свою неуступчивость в этом вопросе тем, что «высочеством» официально называли великих князей — членов императорской фамилии. Выход был найден в использовании выражения «царская светлость». На первый взгляд трата времени на подобные вещи не достойна государственных мужей, на самом же деле подобные игры дипломатов имели большое значение, поскольку часто «тянули» за собой целую вереницу гораздо более серьезных вопросов. Спор возник и вокруг титулования католикоса — главы Грузинской церкви, который становился «в ранге» одного из восьми архиереев России, хотя, по уверениям представителей Ираклия II, ранее «имел от вселенских патриархов самовластие». Потемкин заявил, что католикос «сохранит все свои прежние преимущества, чинопочинание и власть внутри царства Грузинского», но в силу того, что Грузия входит в состав России и признает главенство императорской власти, «католикос Грузинский, составляя часть по духовной степени всего царства, купно с царством подчиняется России». Архимандрит Гайос имел все основания подозревать, что Екатерина II,

отобрав имущество у российской церкви, готовится проделать то же самое и в Закавказье. Еще больше опасений вызывала перспектива упразднения автокефалии Грузинской церкви. Сомнения у грузинской стороны вызывала и 7-я статья договора, по которой Ираклий II обязывался «...быть всегда готовым на службу Ее величества с войсками своими; с начальниками российскими обращаясь во всегдашнем сношении по всем делам, до службы Ее императорского величества касающимся, удовлетворять их требованиям и подданных Ее величества охранять от всяких обид и притеснений; в определении людей к местам и возвышению их в чины отменное оказывать уважение на заслуги пред Всероссийской империей, от покровительства которой зависит спокойствие и благоденствие царства Карталинского и Кахетинского». Опыт общения с российскими офицерами и генералами не мог не вызывать опасения, что они сами кого угодно обидят и притеснят. Хотя по 9-й статье всем грузинским князьям и дворянам гарантировались «все те преимущества и выгоды, кои российским благородным присвоены», обязанность прислать в Санкт-Петербург списки дворянских родов, «дабы по оным можно было знать в точности, кому какое отличное право принадлежит», могла быть расценена как присвоение российской герольдии функций некой инстанции по «утверждению» дворянского достоинства грузинских благородных фамилий.

Георгиевский трактат имел четыре «сепаратных артикула», которые не публиковались. Первым Ираклий обязывался избегать конфликтов с другими христианскими государствами Закавказья. Здесь можно усмотреть желание Петербурга создать из Грузии, Иметерии, Гурии и Мингрелии действенный союз, направленный против персов и турок. Согласно второму пункту Россия обязывалась держать в Грузии два пехотных батальона при четырех пушках, а местные власти обеспечивали войска провиантом и фуражом «за положенную в штатах цену», то есть по той цене, которая соответствовала армейским нормативам. По третьей секретной статье часть войск Грузии могла быть применена за ее пределами при условии того, что они будут получать «полное содержание противу прочих войск Ее величества». Четвертый артикул предусматривал, что Россия всеми имеющимися в ее распоряжении военными и дипломатическими средствами будет способствовать «возвращению земель и мест, издавна к царству Карталинскому и Кахетинскому принадлежащих»^[224].

В Петербурге Георгиевскому трактату придавалось огромное значение. В 1784 году известный французский мастер Жак-Доменик Рашетт получил заказ на изготовление парадного фарфорового сервиза, в котором

отразились представления о главнейших достоинствах и деяниях екатерининского царствования. Настольные украшения сервиза включали в себя семь фигур: «Подножие Ее величества», «Военная сила», «Морская сила», «Великодушие», «Правление», «Крым, или Таврис, под державою Екатерины II», «Грузия под покровительством России». Скульптору поручалось в аллегорической форме представить значение Георгиевского трактата 1783 года, занявшего столь видное место (одна из семи позиций!) среди деяний императрицы в день двадцатилетия ее правления. В результате родилось следующее произведение: круглая старинная крепостная башня, увитая цветочными гирляндами, означала древность Грузии и ее благоприятный климат. На вершине башни развевается флаг, на одной стороне которого — вензель грузинского царя Ираклия II, на другой — вензель Екатерины II. Грузия изображена в виде коронованной женщины в национальном одеянии, со скипетром в руке, опирающейся на щит с императорским гербом и «привязывающей себя к нему охотно» гирляндами цветов; такой же венок лежит у щита. Ногами Грузия попирает символ минувшего рабства: турецкое знамя, секиру и цепи. Небольшой щит с гербом Грузии прислонен к сиденью.

Противоположная фигура изображает Россию в виде «Героини» в лавровом венке и короне; левой протянутой рукой с лавровой ветвью и щитом она прикрывает короны, крест и Евангелие, лежащие на двух подушках, а правой готова бросить перуны «в гонителей христианских государей». У подножия пьедестала с одной стороны: скипетр и сабля, «подаренные Императрицей Екатериной II царю Ираклию», пальмовая ветвь и щит с вензелем императрицы; все предметы перевиты цветочной гирляндой. На противоположной стороне: колчан, лук и меч, перевязанные грузинским поясом. Надпись: «Грузия Соучаствующая во Славе и Благоденствии России. 24 июля 1783 года»^[225]. Аллегии акцентировали внимание на добровольном и взаимовыгодном характере союза двух держав. Это особенно заметно при сравнении с украшением «Крым, или Таврис, под державою Екатерины II». Там фигура татарского князя представляет несколько иной характер присоединения полуострова: сабля и шапка князя лежат на земле, в одной руке он держит императорское знамя, а другой делает жест, «выражающий покорность Российской империи». При этом крымский татарин попирает ногами бунчук и разбитое ярмо, что символизировало освобождение ханства от турецкой зависимости. Желание императрицы благодетельствовать своих новых подданных посредством установления милостивого правления, а также развития торговли и сельского хозяйства изображено оливковой ветвью, корзиной, наполненной

плодами, и фасциями без секиры. Этой же цели служат предметы, расположенные у пьедестала скульптуры: трезубец Нептуна (мореплавание), шапка и жезл Меркурия (торговля), рог изобилия, часть плуга и сноп. Окончательно все вопросы снимала надпись: «Царству Таврическому Возвращены Тишина и Благоденствие под Скипетром Екатерины II, 8 апреля 1783 года»^[226].

В историографии заключение Георгиевского трактата справедливо считается одной из важнейших вех на пути включения Грузии в состав Российской империи. Однако в процессе подготовки этого акта и особенно в процессе его реализации имели место события, которые отягощали историческую память обеих сторон. В трактате грузинский царь титуловался: «наследственный государь и владетель Ираклий Второй, Божьей милостью и благоволением Ея императорского величества царь Карталинский, царь Кахетинский, наследственный владетель Самцхе-Саатабагский, владетельный князь Казахский, Борчалинский, Шамшадильский, Какский, Шакийский, Ширванский, владетель и повелитель Ганджи и Эривани». Только часть из названных территорий на то время означала его действительные владения. Другую часть правильнее было бы назвать притязаниями, с далекоидущими последствиями для тех, кто эти притязания поддерживал или наследовал. Мусульманские провинции (Казахи, Ворчала, Шамшадиль) хотя и частенько бунтовали, но в целом предпочитали оставаться под властью Тифлиса. Ханы Гянджи, Ширвана и Эривани считали себя самостоятельными владыками и в своей политике ориентировались на Персию. Область же Самцхе представляла собой не что иное, как Ахалцыхский пашалык — одну из административно-территориальных единиц Блистательной Порты. После 1801 года Россия использовала для дальнейшего расширения своих границ на Кавказе статус правопреемника Грузинского царства.

Одним из сложных и спорных вопросов являлось значение так называемого «высочайшего подтверждения» вступления грузинских царей на трон, так называемая инвеститура. Что это было: неоспоримый признак подчиненного положения Грузии, правитель которой без получения из Петербурга специальных знаков (грамота, знамя с гербом, сабля, повелительный жезл и горностаевая мантия) не являлся «настоящим» монархом, или мало что значащий ритуальный прием, тешивший самолюбие императора? Самую взвешенную оценку дал историк З. Авалов: грузинский царь занимал престол, как положено наследственному монарху, «Божьей милостью»; инвеститура же гарантировала право на

преимущества и выгоды, даваемые российским покровительством^[227].

В соответствии с договором в Грузию вступили русские войска. Памятуя об огромных трудностях с продовольствием корпуса Тотлебена, командование проявило осторожность и послало всего два батальона пехоты при двух пушках. Опасения в целом оправдались: провиант опять запасен не был, отсутствовали казармы; несмотря на договоренности, фактически никаких улучшений на трассе между Моздоком и Тифлисом не было сделано. Войскам в течение шести недель пришлось пробивать себе путь через Дарьяльское ущелье.

Положение Грузии после заключения трактата не только не улучшилось, но стало просто отчаянным. Мусульмане Казахской и Шамшадильской провинций, выставлявшие очень важную часть царского ополчения, переселились в соседние ханства или просто вышли из повиновения. Большое число торговцев и ремесленников перебралось в более безопасные Моздок и Кизляр. Разбойничество приняло такие масштабы, что движение купеческих караванов практически остановилось. Множество крестьян бежало из равнин в горные районы, где они могли хоть как-то надеяться на сохранение жизни. Ханы, ранее находившиеся в вассальных отношениях от грузинского царя, демонстративно заявляли о своей независимости. В Азербайджане, Турции и Персии грузинских купцов стали грабить, убивать или продавать в рабство. С огромным трудом удалось собрать пятитысячное ополчение, боеспособность которого была ниже всякой критики. Не помогали самые крутые меры, вроде отрезания ушей у дезертиров. В результате отряды дагестанского владетеля Омар-хана почти беспрепятственно разоряли страну. Были разгромлены серебряные заводы, и царь остался вообще без всяких средств^[228]. Содержать войско оказалось не на что, нечем было откупаться от соседей. Дело дошло до того, что П. Потемкин сам «подарил» Омар-хану в ноябре 1785 года тысячу червонцев и дорогую табакерку, чтобы «удержать его новое стремление на Грузию»^[229]. Необходимость такого шага объяснялась неспособностью защитить Грузию имевшимися силами. Местное ополчение было деморализовано, а двух пехотных батальонов явно не хватало для решительных действий. Это показала неудачная стычка с лезгинами на реке Алазани 14 октября 1785 года. Сражение в изложении его участника выглядело следующим образом: русские «повстречались с четырьмястами наиотчаяннейших лезгинцев. Принц Гессен-Рейнсфельдский послан был с двумястами егерей начать бой и вытеснить неприятеля, засевавшего в лесу. Наступление наших было жестоко, оборона

лезгинская отчаянна. Самойлов въехал в лес, чтобы ободрить своих, приказав мне с моей командой, оставя царя при его войске, быть в его прикрытии, но после я долженствовал спешить драгун для умножения егерского огня. В сие время принц Гессен-Рейнсфельдский был тяжело ранен, которого из лесу вынесли, а г-н Самойлов приказал ударить сбор, дабы вызвать своих из оногo, видя, что урон наших и грузин, которые тоже в огонь вмешались, уже был довольно замечателен, а пользы не предвиделось. Противолежащий берег был весь, так сказать, усеян лезгинцами, собравшимися в один миг из ближайших своих деревень, следственно в глазах их переход чрез сию реку был бы не без великой потери, тем более что Алазань от сильных дождей вышла из берегов, а мы, не имея понтонов и ниже лодок, не могли оную перейти... Сим предприятием на Алазани не сделав лезгинцев смирнее, лишь их раздражили, но должно и то сказать, что встреча с 400 лезгинцев... послужила нам к лучшему, ибо, если бы вошли в их землю гористую, лесом и ущельями преисполненную и притом обороняемую отчаянным народом, нас была горсть, ибо на пособие грузин надеяться было нельзя, — то бы из нас может быть и одна душа не спаслась»^[230]. Стратегического результата это сражение тоже не дало: «...лезгины и вообще дагестанцы оным действием только вздражены были»^[231]. Ничтожная численность войск в Закавказье и неопределенность в политике по отношению к Грузии заставляли русское командование впоследствии воздерживаться от активных действий против дагестанцев. Страх перед ними был столь велик, что это мешало организовать разведку: люди боялись выбираться за стены укреплений. Пользуясь этим, противник огнем и мечом прошел всю страну и удалился, уводя за собой сотни пленников^[232].

Второе пришествие русских в Закавказье продлилось неполных четыре года: поздней осенью 1783 года два пехотных батальона пришли в Тифлис, а летом 1787 года командовавший ими полковник Бурнашев получил приказ вернуться в Моздок. Этот шаг российское правительство объясняло следующим образом: во-первых, не было «предположений» воевать с турками в Закавказье; во-вторых, казалось, что Ираклию в отсутствие русских войск легче будет найти общий язык со своими соседями; в-третьих, войска, посылаемые в Грузию, терпели голод^[233]. Особого внимания заслуживает тот факт, что русские войска ушли в самом начале новой русско-турецкой войны, когда, казалось бы, наступало самое время заставить противника воевать на два фронта. Есть все основания полагать, что появление батальонов Бурнашева являлось со стороны

России не столько выполнением договорных обязательств, сколько реакцией на забрезжившую возможность «бескровно» получить Эриванское, Карабахское и Нахичеванское ханства. Дело в том, что Али-Мурат-хан, тогдашний претендент на персидский престол, готов был пожертвовать этими провинциями в обмен на помощь России^[234]. Потемкин, приказывая 29 августа 1787 года полковнику Бурнашеву вывести войска из Грузии, приписал следующее: «Под рукой же объявите его высочеству, чтоб он поладил с Ахалцыхским пашой»^[235].

По-видимому, в Петербурге с удовлетворением приняли мнение полковника Бурнашева, командовавшего русскими батальонами в Грузии, о том, что уход войск не приведет к катастрофическим последствиям. Бурнашев считал, что соседние с Грузией ханы не представляли серьезную угрозу из-за неспособности составить коалицию (по причине непреодолимой взаимной враждебности). По его мнению, не следовало опасаться и вторжения турецких войск, несмотря на явные признаки приближающегося разрыва между Стамбулом и Петербургом. Султан не был заинтересован в отвлечении своих войск с молдавского театра военных действий. Главным же гарантом спокойствия являлся ахалцыхский паша, которого в целом устраивало существовавшее положение вещей и который становился агрессивен только из-за появления в Грузии русских войск^[236].

Судя по всему, российское правительство понимало щекотливость ситуации. Один из русских офицеров, прибывших из Закавказья, поделился впечатлениями о своей встрече с П.С. Потемкиным: «Между разговором спрашивал меня о Грузии только поверхностно, но и то весьма мало. Я, приметя неохоту к знанию, удержал себя далее уведомлять о том, чего не хотят ведать, а все верные имеют сведения обстоятельно о Грузии, но будто не знают, а короче сказать, что и не хотят знать. И так посудите, милостивый государь, чего впредь ожидать можно будет, нимало воззрений не имеют. А лучше сказать: ежели б можно было предать забвению, то б скоро исполнено было сие»^[237].

Была еще одна причина, по которой Россия с большой осторожностью относилась к идее послать в Закавказье значительные силы. В 1785 году шейх Мансур сумел сплотить вокруг себя значительное число своих приверженцев и нанести чувствительные удары по русским войскам на Кавказской линии. Хотя в конечном итоге отряды шейха были разбиты, а сам он был вынужден укрываться, командование оценило возможную угрозу и противилось распылению сил. Русские войска были не только защитой Грузии от внешней опасности. Они служили опорой монарха и

ограничивали феодальную вольницу, что многим князьям оказалось явно не по вкусу. Страну раздирала борьба двух враждующих группировок, царила анархия. П.С. Потемкин, побывавший в Тифлисе в сентябре 1784 года, вынес следующее впечатление: «Вообще неустройство царства Грузинского и тогда уже превосходило всякое понятие».

Исполнению Россией условий Георгиевского трактата мешали недостаточные и зачастую превратные представления о Кавказе. На медали, выбитой в честь присоединения Крыма к России, изображение новоприобретенных земель не ограничивалось самим полуостровом. Вместе с ним мы видим Тамань и надпись, поясняющую, что именно эта территория стала российской в 1783 году. С присоединением Крыма Россия сделала еще один важный шаг на Кавказ. Об этом ясно писал П.С. Потемкин: «Сии обстоятельства, по-видимому, развяжут, так сказать, руки на простертие оных в Закавказский край, и потому нужно, чтоб положение оных знать короче». В Петербурге также сделали выводы из похода Тотлебена: для того чтобы вести осмысленную политику в Закавказье, необходимо иметь больше информации об этом крае. Представитель России при Ираклии II Степан Данилович Бурнашев получил задание собрать как можно больше сведений о самой Грузии и о сопредельных с ней странах. В нашем распоряжении нет подробных инструкций, которые ему дали, но, произведя «обратный отсчет» от того, какие статистические, справочно-аналитические и картографические данные собирал и отправлял в Петербург Бурнашев, можно сделать вполне определенный вывод: в столице империи знали о Кавказе до удивления мало. Даже П.С. Потемкин, человек «ближайший» к этому региону, в поручении русскому резиденту среди прочего писал: «Я уповаю, что не упустите вы разведать о намерениях Ибрагим-хана Шушинского, о состоянии ханов Хойского, Инзюрюмского и Ериванского, все сии четыре владетеля Адрибеджанских окружают и составляют Армению, о коих двор наш попечение приемлет, и подробное сведение о их расположении, их силах...»^[238]

Ираклию II посоветовали «обезопасить себя через возобновление прежних своих союзов, разрушившихся единственно пребыванием в стране его российских войск». Тут мы позволим себе воскликнуть вместе с грузинским историком З. Аваловым: «...Это зрелище сюзерена, взявшего на себя заботу о внешней безопасности вассала и предлагающего стране, находящейся под его протекторатом, выпутываться самостоятельной дипломатией из затруднений, к которым привел этот протекторат, — это зрелище разительное, чрезвычайное!»^[239] Но, как это ни странно, в тот

момент благодаря стечению обстоятельств и дипломатическому искусству Ираклия II катастрофы действительно удалось избежать. Самый опасный враг, ахалцыхский паша, на протяжении всей войны 1787—1791 годов не проявлял никакой активности: прямой угрозы его владениям со стороны России теперь не было, а Грузия войны Турции не объявляла. Более того, пограничный паша лелеял надежду стать независимым правителем под покровительством России. Но положение становилось угрожающим по мере усиления Персии и повышения агрессивности Порты. Ираклий II писал по этому поводу Панину: «И соседи неверные радуются уходу русского войска и смеются: на кого мы имели упование, тех лишили вовсе».

В 1792 году Ираклий вновь обратился за помощью в Петербург, но вновь получил отказ. Грузинский посол князь Гарсеван Чавчавадзе использовал все возможности, чтобы склонить русское правительство снова направить войска в Закавказье. В конце концов такой приказ был отдан, но с трагическим опозданием. 4 сентября 1794 года Екатерина подписала распоряжение о марше в Тифлис двух батальонов, 1 октября пакет был доставлен командующему Кавказской линией генералу И.В. Гудовичу, а за три недели до того, 12 сентября, персы разорили Тифлис. Описание того, что творилось в городе, в его окрестностях и вообще повсюду, куда проникли отряды Ага-Магомет-хана, леденит кровь. Теперь уже ни у кого не мог повернуться язык, чтобы повторить слова о том, что без присутствия русских войск Грузии станет лучше.

Такое исполнение обязательств, вытекавших из протектората со стороны России, равнялось их неисполнению, и Грузия могла бы считать себя свободной от всех обязательств в отношении России. (Между прочим, на тех же основаниях Нидерланды дезавуировали договор с Германской империей, когда та не оказала им положенную помощь в войне с Испанией.) Нет ничего удивительного, что одним из первых шагов царя Георгия XII, вступившего на престол в январе 1798 года, стала отправка послов в Стамбул в поисках покровительства и в Тегеран — с признанием протектората. Посланный к персидскому правителю Баба-хану родственник Павла Дмитриевича Цицианова князь Михаил Цицианов проявил разумную инициативу: узнав, что дела Баба-хана обстоят неважно, он решил повременить с вручением «просительной» ноты. Посланного же в Турцию представителя вернули с полдороги, так как из Петербурга прибыл царевич Давид с известием о готовности императора Павла I оказать действенную помощь южному соседу.

При всем том принижать значение Георгиевского трактата было бы

явной несправедливостью. Несмотря на его фактическое неисполнение, он не был дезавуирован и сохранял силу до 1801 года. Георгиевский трактат сразу повысил авторитет Ираклия II в Закавказье. Важным следствием его стало заключение договора о союзе всех христианских правителей этого региона («Иверских царей и самовладетельных князей союзный трактат», изданный в Тифлисе в 1790 году). В нем грузинские цари и владетельные князья обязались оказывать друг другу военную помощь: «Карталинии, Кахетии, Имеретин, Одиши или Мингрелии, Гурии и всея верхние и нижние Иверия обладатели, мы, будучи единокровный народ, глаголящий единым языком и сыны единые Кафолитической восточной церкви, благоумыслили водворить в отечестве нашем вожделенный мир, распространять исповедуемую в оном религию и восстановить любовь, к каковой приглашает нас христианский закон и тесный союз родства...» Царь Грузии и Кахетии обещал остальным правителям «...верховное попечение о вас и чадах ваших таковое, каковое прилично отцу попечительному»; правитель же Имеретии отвечал ему: «Обязываюсь иметь о благоденствии Вашего величества такое попечение, каковое приличествует мне, внуку Вашего величества и брату в рассуждении светлейших чад Ваших, и признаю верховную власть Вашего величества отцепопечительную». Князья Григорий Мингрельский и Симеон Гурийский также признавали верховную власть Ираклия II.^[240] Но реализации договора мешало очень многое. Между Тифлисом и Кутаисом имелось немало противоречий. Еще более сложными были отношения между Имеретией и Мингрелией. Невысокая цена этого соглашения проявилась в 1795 году во время вторжения Ага-Магомет-хана: на подмогу Ираклию II пришли только имеретинцы, которые, однако, отказались сражаться с персами и вдобавок ко всему на обратном пути разграбили грузинские села^[241].

Очень непростой была ситуация и в западной части Закавказья. Здесь межгосударственные столкновения также переплетались с междоусобицами и династическими конфликтами. В 1784 году имеретинский царь Давид «ополчился» против турок, а его родственник, князь Абашидзе, предложил туркам себя в качестве претендента на престол с обещанием платить хорошую дань. Давид дважды разбил мятежного князя, который бежал к горцам, откуда продолжал свои козни^[242]. В Ахалцыхском пашалыке, образованном из княжества, отторгнутого от Грузии, должность правителя была наследственной, причем пашой становился один из грузинских ренегатов (князей, принявших ислам). Их

давней мечтой было создание независимого государства, и во второй половине XVIII века они были уже недалеко от цели. Появление русских войск в Грузии ставило жирный крест на их чаяниях, поскольку Тифлис получал мощную поддержку в своих намерениях вернуть утраченные земли, а Стамбул, обеспокоенный таким развитием событий, усилил внимание к этой окраине со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому ахалцыхские паши стали самыми злейшими врагами Грузии. В 1784 году русским войскам совместно с грузинскими пришлось дважды сражаться с лезгинско-турецкими отрядами на границе с пашалыком^[243].

При оценке ситуации, в которой оказался П.Д. Цицианов, следует учитывать и то обстоятельство, что к моменту его приезда в Тифлис в городе еще живы были воспоминания о погроме, учиненном Ага-Магомет-ханом. Генерал Тучков, прибывший в Тифлис спустя пять лет после разгрома города, нашел там только две проезжие улицы: остальные еще не были расчищены от развалин домов. От царского дворца остались только ворота^[244]. Нашествие Ага-Магомет-хана было сильнейшим потрясением для всего Закавказья. Неслыханная жестокость этого владыки надолго деморализовала жителей края. Каждый слух о движении персидских войск порождал панику, гасить которую оказывалось крайне трудно. О психологической травме 1795 года красноречиво свидетельствует то, что пять лет спустя появление на границе Грузии ничтожного по местным меркам персидского отряда (6—10 тысяч человек без артиллерии) привело к такой панике в Тифлисе и его окрестностях, что потребовались чрезвычайные меры для успокоения обезумевшего от страха населения^[245]. В 1804 году ситуация повторилась. Даже русские чиновники, поддавшись общему порыву, принялись прятать документы из присутственных мест. Цицианов отнесся к такому поступку с пониманием, которого трудно было ждать от тех, кто не представлял изощренных зверств воинства под предводительством шаха-садиота.

Итог политики Екатерины II в отношении Грузии можно определить следующим образом: обещания защиты от внешней угрозы не выполнялись с трагическими последствиями для христиан Закавказья. Разумеется, это не было проявлением чьей-то злой воли. Империя переоценила свои возможности и явно недооценила трудности на пути претворения в жизнь грандиозных геополитических планов.

Павел I занял более решительную и последовательную позицию в отношении Грузии, хотя до самого начала 1798 года находившийся в Петербурге князь Чавчавадзе не мог получить внятного ответа на просьбу

решить вопрос о дальнейших отношениях двух государств. 31 декабря 1797 года после нескольких месяцев ожиданий Чавчавадзе написал императору: «Угодно ли тебе, великий государь, сдержать оный трактат по прежнему в своей силе и угодно ли будет дать царю моему, приведенному обязательствами того трактата в теснейшие обстоятельства, обещанную оным помощь? Или до времени по каким ни есть причинам того сделать не можно? Удостой расторгнуть недоумение мое и ожидание всей Грузии, дабы царь мой и народ его, оставаясь в недоумении, обетами того священного трактата не были доведены до совершенной гибели».

В инструкции послам, отправленным в Петербург осенью 1799 года, Георгий XII соглашался на то, чтобы Грузия утратила статус самостоятельного государства: «Царство и владение мое отдайте непреложно и по христианской правде и поставьте его не под покровительство Императорского Всероссийского престола, но отдайте в полную его власть и на полное его попечение, так чтобы царство Грузинское было бы в Империи Российской на том же положении, каким пользуются прочие провинции России». Георгий просил, чтобы Павел I «обнадежил» его письменным обязательством, «что достоинство царское не будет отнято у дома моего, но что оно будет передаваться из рода в род, как при предках моих». Это положение можно трактовать как желание главы Грузии быть наследственным наместником в новом владении Романовых или как стремление гарантировать всему своему роду материальное обеспечение и подобающие почести. По некоторым сведениям, Павел I собирался сделать Грузию местом пребывания кавалеров Мальтийского ордена и назначить царевича Давида гроссмейстером ордена^[246].

Русские войска в третий раз двинулись в Грузию по призыву ее правителей. В Тифлис в роли полномочного представителя русского двора (тогда говорили — министра) отправился действительный статский советник П.И. Коваленский. Главнокомандующим в Грузии назначили генерал-лейтенанта Карла Федоровича фон Кнорринга. Тучков в своих воспоминаниях писал о подготовке к этому походу. Получив приказ о походе в Грузию, он поехал к Кноррингу, «чтоб объяснить ему... что он лучший полк своего войска расстраивает походом через Кавказский хребет, сыпучими снегами покрытый, и притом в середине зимы, когда вовсе нет никакого сообщения... Генерал Кнорринг упредил мое намерение, сказав мне, что крайне сожалеет о том, что полк мой должен будет много претерпеть от столь трудного похода, что он, дабы отложить поход до весны, о том, все что мог, писал к императору Павлу I, и вот что получил в ответ. Тут показал он мне его рескрипт. Государь пишет к нему следующие

слова: "Вы говорите мне о невозможностях, я их знаю; но измеряю оные усердием войск моих ко мне, а они должны измерять свои заслуги по мере моей признательности и щедрот. Генерал Раstopчин объяснит вам о том подробнее". Отношение генерала Раstopчина содержало именем государя обещание наград за этот трудный поход как для высших чинов, так и для нижних. Награды разделены были на степени и для высших чиновников состояли в недвижимом имении, чинах и орденах с указанием количества имения, степени чинов и орденов. Для генералов были определены все сии три награды, о которых по справедливости можно было сказать, что они были в полной мере достойны не только щедрого, но даже расточительного характера императора Павла I»^[247].

Тем временем командир Тифлисского пехотного полка А.А. Леонтьев остановился во Владикавказе и согласился вести свою часть через горы только при условии, что на него не возложат «ответственность убытков и расстройств, каковые чрез такой поход вверенный ему полк претерпеть может»^[248]. Полк Лазарева прошел в Грузию из Моздока за 36 дней. В некоторых местах, чтобы при спуске в ущелья не переломать конечности, солдаты сбрасывали в одну огромную кучу шинели, а потом прыгали на нее.

Русские войска с восторгом были встречены в Тифлисе. Коваленский сообщал об этом: «Квартиры отведены лучшие в городе, и, дабы подать пример вельможам здешним, царь предлагал каждому из штаб-офицеров собственное жилище. Лазарет — весьма изрядный, с каминами, вычищен и снабжен соломой, а теперь и кровати делаются, на что лес отпущен. Дрова и свечи полку отпускаются достаточно, хотя лес нелегко здесь достается. На построение в каждой кампании (роте. — В. Л.) печи царь приказал брать кирпич из прежнего своего дворца и снабдить каждую печь квашней. На другой день прихода пожаловано от него нижним чинам более 150 ведер вина виноградного и 800 рыб-балыков. Словом, усердие и готовность искренняя, доставляя всевозможное к выгоде войск, со стороны царя и народа неописанная, но способы их, к разорению бывшему, слабы»^[249]. Впрочем, российский посол приукрашивал ситуацию. Находившемуся в Грузии отряду ежедневно требовалось около тысячи килограммов печеного хлеба и около 700 килограммов крупы согласно нормам довольствия того времени. Оказалось, что государственный аппарат Грузии не в состоянии организовать регулярное снабжение этими незамысловатыми продуктами^[250].

Появление русских войск в Грузии коренным образом изменило

ситуацию в стране. Гарнизоны были поставлены в важнейших пунктах края — укреплениях Гори, Цхинвал, Сурам, Душет, Сигнах, Карагач, Мцхет. Они прикрывали страну от нападений извне и охлаждали пыл мятежных князей.

*

Процесс присоединения Грузии был крайне осложнен конфликтом в царской семье. Ираклий II оставил тяжелое династическое наследство. По обычаям его преемником должен был стать старший сын Георгий от первого брака. Однако вторая жена Ираклия II, царица Дарья, имевшая массу амбициозных родственников, заставила больного царя подписать акт о престолонаследии, согласно которому корона переходила к ее сыну Иулону (Юлону). Напряженность между членами царского дома была такова, что царевич Георгий, объявивший себя новым царем после кончины Ираклия II 11 января 1798 года, уклонился от участия в погребальной церемонии и только несколько минут присутствовал при отпевании отца. Его сводный брат царевич Александр, не без оснований опасаясь нападения, вообще тайно приезжал отдать последние почести усопшему родителю. Георгий XII был человеком слабохарактерным, ленивым, малообразованным и не очень умным. Он не любил военное дело, охоту, то есть именно те занятия, которые в феодальном обществе считались единственно достойными для мужчины. Много времени, подобно монаху, он проводил в молитвах и церковных церемониях, но в то же время любил вкусно поесть, понежиться в бане. Не сумел он завоевать и симпатии простого народа. Однако природная лень и склонность к комфорту выручили Георгия в критическую минуту. Царица Дарья, жена Ираклия II, рассчитывая на собственную популярность и популярность своего клана, намеревалась прибрать власть к рукам после кончины супруга, которую ждали со дня на день. Она уговорила своего политического соперника уехать из Телави в Тифлис, где ему не на кого было опереться. Царица не учла одного: Георгий выступил в путь и двигался, не торопясь, останавливаясь для молебнов, неторопливо и обильно кушая, отдыхая после трапез. В результате известие о смерти отца застало его не в Тифлисе, а на земле той «мусульманской дистанции», население которой считало его своим повелителем. Опираясь на верную ему мусульманскую конницу, Георгий сначала заставил присягнуть ему сановников, составлявших свиту, а затем и растерявшихся сторонников вдовствующей

царицы Дарьи^[251]. Георгию удалось привести к присяге колебавшихся подданных ценой компромисса: он становился царем, но после своей смерти передавал трон не сыну, а сводному брату Иулону, потомки которого в дальнейшем наследовали престол. Однако, взяв бразды правления страной в свои руки, Георгий XII стал притеснять родственников, плативших ему изменой и интригами. Царь редко покидал дворец. Судя по описаниям, он был чрезмерно тучен, имел целый «букет» заболеваний, связанных с ожирением. Все дела он поручал сановникам, нещадно злоупотреблявшим царским доверием. Сам он не мог ни приказать, ни отказать, проявлял подозрительность и непоследовательность. Мало того что отбирались имения у одних дворян и отдавались другим, Георгий распорядился огласить многие указы после своей смерти. В результате дела запутывались до крайности, а число его противников постоянно возрастало. Все члены правящей фамилии получали «в кормление» различные районы страны, где становились единоличными правителями и даже затевали междоусобицы. Так, например, хевсуры, подвластные царевичу Давиду, совершали набеги в долину Арагвы — вотчину враждовавшего с ним царевича Вахтанга.

Неурядицы в царской фамилии не могли оставить в спокойствии князей. Это объясняется тем, что «обделенные» дети Ираклия II состояли в родстве с влиятельными грузинскими родами. Иулон был женат на княжне Соломоне Амилахвари, Вахтанг — на княжне Марии Андрониковой, Парнаоз — на княжне Анне Эристовой, дочь Мария была замужем за Давидом Цициановым, Кетеван — за князем Багратионом-Мухранским, Анастасия — за князем Ревазом Эристовым, Екатерина — за князем Егором Челокаевым, Фекла — за князем Вахтангом Орбелиани, Елена — за князем Захарием Андрониковым. Дочь Ираклия II от его первого брака Тамара родила от князя Давида Орбелианова шесть дочерей, которые стали женами князей из родов Эристовых, Андрониковых, Тархановых, Амилахвари и Цициановых. Но и Георгий XII не подкачал, произведя на свет девять детей от первого брака и семь — от второго. Семеро его взрослых детей связали свою судьбу с родами Абамеликовых, Церетели, Челокаевых, Амилахвари, Андрониковых, Тархановых и Дадиани. Но даже при таком обилии лиц «царской крови» генерал Лазарев, которого трудно заподозрить в отсутствии адекватных представлений о внутривнутриполитической ситуации, в специальной записке «Рассуждение всех современных обстоятельств в Грузии», признал невозможность найти в царской фамилии человека, который мог бы стать российским ставленником. Царевич Давид Георгиевич шокировал грузинских князей женитьбой на армянке.

Отличался он и бесцеремонным отношением к чужой собственности. Когда по распоряжению Цицианова было проведено расследование его «художеств», выяснилось, что сын царя обобрал более полусотни дворян. В списке присвоенного — в основном крестьяне, доходные уголья; у помещика Чхеидзе Давид не постеснялся взять дорогую икону и крест^[252]. Без малейшего смущения он нарушал клятвы, отрекался от ранее сказанного и сделанного. Слишком много времени он проводил в пирах, вел себя «неподобающим образом». Гораздо солиднее в глазах местной элиты выглядел царевич Иоанн. Однако и этот сын Георгия XII всю свою энергию направил на приобретение имений, «коих старается елико возможно более присовокупить, хотя бы то и было с обидой для ближнего». Царевичи Баграт, Теймураз, Иулон и Вахтанг негативно относились ко всему русскому. Если у двух первых это, по мнению Лазарева, объяснялось юношеским максимализмом, то Иулон и Вахтанг уже «укрепились» в своих антирусских настроениях. Разница между ними заключалась только в том, что пылкий Иулон не скрывал своих чувств и мыслей, а Вахтанг действовал исподтишка, не стесняясь публично восхвалять действия Кнорринга и Коваленского. Подающим надежды выглядел царевич Михаил Георгиевич. Он собрал из малолеток роту егерей и обучал их на манер потешных, как в свое время делал Петр Великий. Однако этому отпрыску дома Багратионов было всего 16 лет, и он не мог действовать против своих старших братьев. Главной же «занозой» являлся царевич Александр Ираклиевич — самый умный, самый воинственный, самый уважаемый в Грузии и за ее пределами и одновременно наиболее враждебно настроенный против России^[253]. При разделе собственности он оказался и наиболее обделенным. Александр мало-помалу стал знаменем всех, кто был недоволен политикой Георгия XII. В июне 1799 года он бежал за границу и был радостно принят и персами, и турками, прекрасно понимавшими, что в его лице они приобрели мощный инструмент воздействия на северного соседа.

Переписка российских начальствующих в Грузии лиц и царевичей показывает, что обе стороны совершенно обоснованно не доверяли друг другу. Одно из перехваченных писем царевича Давида почти целиком состояло из враждебных России и лично генералу Лазареву слухов, в нем прямо слышится клокочущая ярость царевича по поводу невозможности стать царем^[254]. В свою очередь, Лазарев так отзывался о родственниках Георгия XII: «...томясь неприличной жадностью к самоначалию, [они] собирали вокруг себя партию недовольных правительством, направляя их к

мятежу, буйству и беспорядку...»^[255]

Внутриполитическая обстановка в Грузии резко обострилась, когда Павел I утвердил Давида, сына Георгия XII, наследником престола. Дарья, вдова Ираклия II, и до того активно интриговавшая против пасынка, развязала против него настоящую войну. Ее старший сын царевич Иулон, к которому по завещанию Ираклия должен был перейти трон, был слабохарактерным пьяницей и находился под сильным влиянием братьев Парнаоза и Александра. Оба последних чувствовали себя обделенными и оскорбленными, поскольку не получили полагавшихся им уделов. Парнаозу отдали земли, принадлежавшие другому царевичу — Мириану, чем поссорили их навек. В июле 1799 года в окрестности Тифлиса прибыли Вахтанг, Иулон и Парнаоз в сопровождении трехтысячной вооруженной свиты. Они готовили побег царицы Дарьи в Персию. Такое развитие событий никак не устраивало ни Георгия XII, ни представителей России. Лазарев писал Кноррингу по поводу царицы: «Если бы она ушла, то наделала бы каши: тогда бы Имеретия, Персия и внутренний бунт — всё восстало бы на бедную Грузию». Уговорами и угрозами удалось удержать царевичей и вдовствующую царицу от такого поступка. Дарья и ее сыновья соглашались «помириться» с Георгием и его сторонниками при условии гарантии «собрания знатнейших чинов государства» — то есть представителей самых влиятельных княжеских родов. Однако такого «съезда» не желали ни грузинский царь (который боялся разговора о престолонаследии), ни русский резидент Коваленский (который боялся встретить консолидированное мнение местной знати, занимавшей все более и более антироссийские позиции). Противостояние двух ветвей царской фамилии продолжалось, принимая время от времени крайне острые формы. Князь Отар Амилахвари, пожаловавшийся на грабеж со стороны вооруженных слуг царевича Парнаоза, получил такой ответ от царя: «Парнаозовых людей не щади никаким образом: имеешь право не жалеть для них ни палок, ни дубины, ни камня, ни оружия, ни ружья, ни шашки, ни пистолета, ничего против них не жалеть и не пускать их. Если их схватишь и арестованными прилешь к нам, то это было бы лучше...»^[256]

Свою каплю масла в огонь грузинской междоусобицы подлили и русские власти. Игнорируя особенности политической культуры Закавказья (или не ведая о таковых), имперское правительство сделало несколько неловких шагов. Павел I лучшим вариантом устройства Грузии считал учреждение там генерал-губернаторства во главе с кем-нибудь из

Багратионов, «поставленных под начало» командующего на Кавказской линии. Первой кандидатурой на этот пост оказался царевич Иоанн, уже отличившийся своими воинскими дарованиями и преданностью России. Однако удачным такой ход назвать трудно, поскольку обиженными оказывались оба главных соперничавших между собой претендента на престол — царевичи Иулон Ираклиевич и Давид Георгиевич. В результате вместо двух враждующих группировок образовалось бы три. В Петербурге одумались и решили во главе страны поставить генерал-майора князя Дмитрия Захаровича Орбелиани. При всем уважении к представителю этой древней фамилии, такое решение тоже трудно назвать административной удачей. Другие, не менее знатные роды сразу почувствовали себя обиженными со всеми вытекающими из этого последствиями. Неоднозначную реакцию вызвало и то, что Кнорринг включил в состав делегации, подтверждавшей готовность «всей Грузии» войти в состав России, сыновей Георгия XII — Георгия, Михаила, Иоанна и Баграта. В глазах генерала-эстляндца поездка в Петербург, прием у императора являлись высокой честью, фактическим признанием первенства «Георгиевичей» перед «Ираклиевичами». Но исторический опыт грузинской элиты формировался в основном на персидской «платформе». Пребывание при дворе шаха означало не только обретение милостей и высоких должностей, но и положение заложника, хотя и почетного. Можно было, вызвав неудовольствие правителя, оставаться на чужбине долгие годы и даже подвергнуться суровому наказанию. Кроме того, долгое отсутствие нарушало семейно-клановые связи, важные для поддержания статуса родов и других социальных структур. Поэтому долгое и дальнейшее путешествие царевичей породило в Грузии множество толков и никак не способствовало успокоению умов.

Тем временем ситуация накалялась. В январе 1801 года Иулон собрал сильный отряд и принялся разорять всех, кто сомневался в его праве занять престол. После некоторых колебаний к нему присоединился Парнаоз. Царевичи Вахтанг и Мириам, обосновавшиеся в Душете, сажали под арест всех грузин, ехавших из России в Грузию. Подвластные царевичу Вахтангу осетины разрушили пять мостов на Военно-Грузинской дороге и были готовы в любой момент отрезать Закавказье от России. К мятежу примкнули и многие князья. Тамаз Орбелиани укрепился в крепости Чапалы и агитировал народ за уход русских войск^[257]. Кноррингу не оставалось ничего иного, как арестовать некоторых князей, в том числе и главу знатного рода князя Отара Амилахвари. 29 января 1801 года главнокомандующий дал секретное предписание Лазареву вести

разъяснительную работу для прекращения беспорядков, подвергая аресту самых упорных «с наблюдением при том того уважения, которого кто по чину и достоинству заслуживает». Опыт показывал, что регулярные войска в тесноте города не могут продемонстрировать свои преимущества перед ополченцами. Поэтому исполнявший должность тифлисского полицмейстера Лазарев приказал вывести гарнизон из Тифлиса и расположить его в предместьях. Полк Тучкова, по его собственным словам, «не имел ни одной ночи покоя: тревоги, фальшивые атаки передовых постов, даже ружейные выстрелы с ближайших гор, производимые в самый лагерь неизвестными людьми, заставили нас не спать целые ночи и беспрестанно посылать партии в разные места для открытия неприятеля. Наконец пресечено нам было всякое сообщение с Россией и главнокомандующим»^[258]. В июле 1802 года грузинские князья вновь «возмутились» под лозунгом возвращения престола Иулону, которому присягали на основании завещания царя Ираклия^[259]. Кровапролития во многом удалось избежать благодаря хладнокровию генерала Лазарева и его способности не видеть в действиях местных жителей того криминала, какой усматривали чиновники, не знакомые с нравами края. В частности, он доложил Кноррингу в рапорте от 11 августа 1802 года, что почти все князья, участвовавшие в мятеже, были к тому подвигнуты слухами, будто их переселят в Россию, отобрав моуравства из-за конфликтов с исправниками. Лазарев провел следствие по рапорту подполковника Солениуса, сообщившего о том, что некоторые князья при встрече целились в него из ружей. Оказалось, что русский офицер говорит чистую правду, но никаких репрессий не последовало: Лазарев ограничился объяснением грузинским дворянам «новых правил игры», при которых такая «ветренность» (а именно так объяснили свой поступок обвиняемые) может привести их напрямиком в Сибирь^[260].

В отечественной исторической литературе все противники присоединения Грузии к России представлены людьми, занимавшими антипатриотическую, антинародную позицию. Иногда жесткие характеристики, им выдаваемые, несколько смягчаются словами о том, что их действия были спровоцированы царскими чиновниками. При этом всякого рода проиранские настроения рассматриваются как предательство национальных интересов. Однако без внимания остается то, что при всей жестокости персов и прочих иноземцев, тиранивших Грузию, они не посягали на саму грузинскую государственность, не пытались навязать свое видение мира, не внедряли принципиально иную юридическую

систему. Русские не рубили головы налево и направо, не выкалывали глаза, не сжигали городам селения. Однако они требовали принятие новых правил жизни. Это видно из «Обращения» кахетинского дворянства к генералу Гулякову, относящегося к 1802 году. Вот что в нем написано: «Мы, грузины, составляем одну маленькую землю. С нами воевал султан, который есть великий государь; с нами воевал шах, и мы бывали ему подвластны; с нами воевал Дагестан — тоже большая земля, но ни одному из них мы не покорились. Хотя они делали нам насилия, иногда и забирали нас, но мы ни одному не сдались, ибо они были язычники. Когда они нас покоряли, ни тогда, ни после того они не отменяли у нас царского звания, не отменяли архиерейства, не отменяли княжества, не отменяли крестьянства — что видят ваши собственные глаза. Не имея покоя от столь сильных врагов, мы неоднократно оборонялись от них и шашкой, и словом, то правым, то ложным, и уплатой дани Дагестану удаляли его от себя. Будучи в таком стеснении, наши цари умоляли всемилостивейшего государя, чтобы он ради христианства сделал милость, принял нас под покровительство России, дабы и царям нашим прибавилось чести и славы, и церквам, архиереям, князьям, крестьянам и пребывали бы мы в безопасности»^[261]. Грузины не без оснований опасались, что новая власть «все отменит».

Павел I поначалу был откровенным противником вмешательства в кавказские дела. Он считал возможным одними дипломатическими мерами удерживать ханов от нападения на Грузию. При этом исключались значительные расходы на подкуп местных владык и посылка крупных воинских контингентов «с толикими неудобствами по отдаленности края сопряженная»^[262]. Фактически Павел I пытался реанимировать Георгиевский трактат 1783 года, суть которого заключалась в сохранении суверенной Грузии под покровительством России. В инструкции, данной Коваленскому 16 апреля 1799 года, отдельным пунктом предписывалось всячески подталкивать Георгия XII к укреплению грузинских национальных вооруженных сил. О том, что русское командование искренне надеялось на это, свидетельствует переписка Лазарева и Кнорринга^[263]. 8 сентября 1800 года генералу Лазареву поручалось «дать приметить царю (Георгию XII. — В.Л.), что если высочайше назначенные войска и вступили в Грузию, но не на всегдашнее пребывание и не на содержание гарнизонов, а только временно, по случаю опасностей, угрожающих Грузии, и потому усилия царя в мерах собственного воинского вооружения не должны ослабевать»^[264]. Но Георгий

практически ничего не сделал в этом направлении. Причин тому было три: во-первых, сам глава государства, мягко говоря, не отличался организаторскими способностями; во-вторых, он не располагал необходимыми для того материальными и административными ресурсами, а в-третьих, при крайне низкой его популярности в народе руководство новой армией легко могло перейти к его политическим противникам.

Несмотря на миролюбивые заявления Петербурга, новый правитель Персии Баба-хан демонстрировал воинственные намерения. Лазутчики в один голос сообщали о сборе войск и других явных признаках скорого наступления. Персидский владыка открыл боевые действия против ханов, попытавшихся занять независимую позицию. Нервозность повышал и беглый царевич Александр, регулярно извещавший своих сторонников в Грузии, что он вот-вот вернется во главе огромного войска, данного ему Баба-ханом. Напряженность в отношениях между Персией и Грузией нарастала еще и по той причине, что царь Георгий XII обязывался вести международные переговоры только через русского «министра». Из-за этого условия он два года не посылал писем в Тегеран, чем вызвал там крайнее неудовольствие. Ссылки же на русско-грузинские соглашения ситуацию не облегчали, поскольку Баба-хан считал для себя оскорбительным общаться не с равной себе царственной особой, а с чиновником, пусть даже самым высокопоставленным.

Ситуация в 1800 году действительно сложилась критическая. Ожидалось нападение на Грузию сразу с трех сторон: на западных границах стояло имеретинское войско Соломона II, которого поддерживал ахалцыхский паша. С востока надвигалось десятитысячное ополчение Омар-хана Аварского. С юго-востока через долину Куры должен был нанести удар царевич Александр во главе персидских отрядов. Слухи о готовящемся вторжении породили в Грузии панику: все, кто мог, бежали в безопасные места, прекратился регулярный подвоз провианта в столицу. Георгий XII умолял императора прислать дополнительные силы, поскольку собственных сил для отражения агрессии у него не было. Как ни хотели в Петербурге уклониться от прямого участия в войне на Кавказе, но приказали подготовить к походу десять эскадронов драгун, девять батальонов пехоты и несколько батарей. Лазарев, уже хорошо знавший особенности местного театра боевых действий, сообщал о том, что регулярную кавалерию следует заменить казаками. К тому же обеспечение войск провиантом оставалось под вопросом. Грузинские чиновники, несмотря на свои заверения, не доставили в магазины ни одного зерна. Командир единственного полка, уже стоявшего в Тифлисе, сам организовал

закупку хлеба для своих подчиненных на местных базарах. Лазарев, Кнорринг и Коваленский пытались убедить Георгия XII в необходимости мобилизации внутренних ресурсов страны, но царь упорно твердил, что единственная надежда его лично и всей Грузии — русские штыки. Собранное ополчение легко могло встать под знамена царевича Александра при восторженных криках населения, поскольку такой вариант развития событий спасал страну от разорительного набега персов.

Если угроза со стороны Персии осенью 1800 года оказалась явно преувеличенной, то сведения о подготовке нападения дагестанцев подтверждались. Омар-хан Аварский собрал многотысячное ополчение и перешел реку Алазань, считавшуюся границей между Джаро-Белоканской областью и Кахетией.

Поскольку русское командование располагало ничтожными силами, генерал Лазарев попытался сначала уладить конфликт путем переговоров и направил Омар-хану вежливое, но «решительное» письмо, в котором предложил покинуть Грузию. Дагестанский правитель ответил, что его о помощи попросил Александр и что если удовлетворят требования царевича, считавшегося законным претендентом на престол, то и он будет удовлетворен. Тем временем Лазареву удалось собрать отряд численностью около 1200 человек, и он уже в ультимативной форме потребовал от хана убраться подобру-поздорову^[265].

Что произошло дальше, видно из рапорта Лазарева Кноррингу от 8 ноября 1800 года: «...По всем стараниям моим, преодолев многие в походе трудности, едва успел я наконец настигнуть прорвавшегося ущельями внутрь владений здешних вероломного Омар-хана, сопутствуемого и подущаемого внушениями заблужденного царевича Александра, с конными, так и с пешими его войсками, всего по последним слухам тысяч до двенадцати простиравшимися, по сближению моего с ним на самой речке Иори (которая впадает в Алазань с правой стороны) первое мое было ударить в них двумя кареями; неприятель, который находился по ту сторону речки, коль скоро почувствовал приближение наших сил, то вдруг возвратя отряд, посланный для завладения ближайшими деревнями, сделал на нас атаку, переправя силы свои через речку с большой поспешностью, и окружил сперва правый наш фланг, на котором находился егерский батальон под командой моей. Выстрелы из пушек, попеременно действуя на толпы конницы их, вскоре заставили его, минуя наш фланг, напасть на грузинскую конницу, которая при деятельном нашем подкреплении не теряла нимало своей отважности; батальон же мушкетерский под начальством генерал-майора Гулякова, идя левым флангом и доставая

выстрелами в самую толпу подоспевшей между тем неприятельской пехоты, причинял оной страшное поражение, в то самое время, когда егерский батальон с помощью двух орудий перехватывал выстрелами устремлявшегося полуциркулем на грузинскую конницу неприятеля. Грузины, видя столь знатное для себя подкрепление, со своей стороны старались отражать нападение с похвальной смелостью. Сражение продолжалось около трех часов и кончилось с совершенной с нашей стороны победой; неприятель принужден был спасаться бегством, оставя на месте одними убитыми до полутора тысяч, как о том от посланных нарочно грузин мне стало известно; число раненых неизвестно, кроме того, что в числе сих последних находится и царевич Александр; под конец сего сражения были привезены головы Дженгутая и Александра, главного сердаря Омар-хана; все сражавшиеся грузины были столь ожесточены, что не щадили нимало даже не единого лезгина и по той причине взяли в плен очень мало, и то уже на другой день; казаки же наши были в прикрытии обозов, кои остались позади. Неприятель столь сильно был утрашен, что, спасаясь без памяти бегством, в ту же ночь оставил весь свой стан со всеми съестными припасами на месте и ретировался по вероятным слухам к Шуше, чего конечно бы не успел он сделать, когда бы настигшая ночь, а при том неудобное для дальнейшего преследования неприятеля местоположение по причине камышей, частого терновника и небольшого леса, вдоль по левому берегу Йоры произрастающих, его не увлекло, а нас от преследования за ним не удержало. С нашей стороны обошлось почти без всякого почти вреда, ибо при следовании мушкетерского батальона из полуразваленной башенки засевший лезгин убил одного мушкетера, да в самой сшибке ранен один мушкетер же, а в егерском батальоне контузией в ногу один офицер — поручик Голованев, да сверх того один егерь легко и несколько подъемных лошадей в обоих батальонах; сверх же того взято у неприятеля несколько знамен, которые подбираемы были большей частью грузинскими конными воинами. Не могу довольно изъяснить пред вашим превосходительством, с каковою храбростью, деятельностью, рвением и неустрашимостью с нашей стороны все военные чины оказали себя в этом деле...»^[266]

Главную роль в разгроме дагестанцев сыграли батальоны Лазарева. Из всего грузинского войска в сражении при Иори 27 ноября 1800 года участвовало только трехтысячное ополчение царевича Иоанна. В канун столетия со дня битвы офицеры 13-го гренадерского Эриванского и 80-го Кабардинского полков решили установить памятник на том месте, где сражались части, ставшие основой для формирования названных полков. 1

октября 1901 года на берегу Иори появился пятиметровый обелиск из серого камня, увенчанный крестом, попирающим полумесяц^[267].

Разгром Омар-хана имел важные последствия. Разом присмирили все внутренние и внешние враги Георгия XII: царевич Александр «передумал» идти на Тифлис, Соломон II сделал вид, что никогда и не помышлял о войне, князья — противники присоединения к России — также умерили свой пыл. 9 ноября, сразу после получения известий о разгроме дагестанцев на Иори, царевичи Вахтанг и Мириан прислали Кноррингу письмо, в котором уверяли в своей преданности, в отсутствии враждебных замыслов, в отказе даже от мыслей бежать в Персию и т. д.^[268] Но в то же время сражение на Иори окончательно подорвало надежду грузинского царя на собственные силы. Он как будто не слышал советов укреплять национальное войско, твердя как заклинание просьбу о присылке дополнительных полков из России^[269].

Определяя в рескрипте Кноррингу от 20 января 1801 года «генеральный курс» его политики в Грузии, император явно не утруждал себя составлением какого-то черновика. Грузию он велел сделать губернией, с тем условием, чтобы губернатором был «кто-либо из царской крови, но под вами, и будет шеф гусарского тамошнего полка». Через три дня в следующем рескрипте император так развивал свою мысль: «Старайтесь Грузию утвердить на том основании, как уже к вам писано, не ищите иных приобретений делать, как те, которые добровольно будут искать Моего покровительства; лучше иметь союзников заинтересованных в союзе, нежели подданных ненадежных; левая ваша сторона обеспечена таковыми, не наводите туркам страха, тогда и правая сторона будет надежна; ищите Армении интересоваться к сближению для торга, и торгом соблюдайте привилегии, но установите наш порядок; комплекуйте старые полки нашими рекрутами, но полков мало по пространству, и так сочитесь, не можете ли умножать тамошними жителями и доходами тамошними, ищите руд всякого рода и промыслов, также и таможни перенесите на границу, займитесь теперь не завоеванием, а приобретением добровольным соглашением Армении. Вот мои мысли. Вам благосклонный Павел. Чтоб все прибавки и заведения не превышали доходов тамошних»^[270]. Последний «постскрипtum» очень показателен: в Петербурге опасались превращения новых владений в прореху, через которую будут утекать казенные деньги. Военная коллегия с ужасом предвидела вымирание русских гарнизонов в Грузии. Даже в обжитом Кизляре в 1797 году в гарнизоне численностью около 800 человек умерло

238 человек, в 1798 году — 381, в 1799 году — 273 солдата и офицера.

Павел I беспокоился по поводу прочности позиций сторонников присоединения в самой Грузии. Поэтому он повелел Кноррингу обеспечить приезд в Петербург влиятельных князей и представителей царской фамилии, «дабы явно было свету, что точно Грузии есть общий произвол быть в Моем подданстве, а не то, чтобы покорство их происходило единственно от желания двух или трех»^[271]. В списке сторонников России значились Игнатий Туманов, Дарчи Бебутов, Соломон Аргутинский-Долгоруков, князь Иосиф Бебутов, князь Соломон Авалов, князь Евгений Абашидзе, князь Георгий Амилахвари, Иван Орбелиани, Георгий Цицианов, Александр Макашвили, Захарий Баратов, Сулхан Туманов, Шанше Эристов, Александр Чавчавадзе^[272]. Император рассчитывал и на создание из владетелей Дагестана и Азербайджана антииранской коалиции. В августе 1800 года Павел I отправил Магомет-хану Эриванскому грамоту с предложением совместного отражения персидских войск. Такие же письма получили правители Тарковского, Карабахского, Гянджинского, Дербентского, Каракайтагского, Табасаранского ханств^[273]. Тем самым признавалось политическое равенство партнеров. Но позднее тон в переговорах с ними изменился, и весьма резко, что выглядело неубедительным и даже странным. Это также следует внести в «отягощения», с которыми столкнулся П.Д. Цицианов.

Грузинское посольство 23 ноября 1800 года представило «Условия принятия Грузии под власть Российского императора». Эти «Условия» состояли из шестнадцати пунктов. Всероссийский император признавался «за своего природного государя и самодержца... единожды и навсегда». При этом Георгий XII и его наследники оставались на престоле «с титулом царей... и иметь им, царям, главное в своем царстве правление по тем законам, кои от Всевысочайшего двора даны быть имеют. От себя же им без особого повеления никаких узаконений не вводить». Иными словами, Багратионы становились наследственными «губернаторами» Грузии, управлявшими ею по законам, принятым в Петербурге. Финансы передавались под контроль центральной власти, а содержание фамилии осуществлялось за счет установленного жалованья и (или) пожалованной недвижимости в России. При этом на монетах ставились два герба. Для укрепления обороноспособности Грузии выделялся шеститысячный корпус, в крепостях, модернизированных с помощью русских фортификаторов, располагались русские гарнизоны. Предполагалось постепенно принимать грузин на военную службу и, «дабы их на первый

раз по непривычке ободрить, — объявить, что обмундирование их будет национальное». Все сословия уравнивались в правах с аналогичными «состояниями» в Великороссии. Договор предусматривал также поддержку эриванского и гянджинского ханов, которые раньше были в орбите Грузии и получали от нее военную помощь. Россия должна была «надавить» на Турцию, чтобы та приняла меры против использования ее территории для дагестанских отрядов, совершавших набеги на приграничные земли. В этом проекте был один пункт, который не мог не беспокоить военных. Провиант и фураж для войск предлагалось закупать по «вольным» ценам, что на практике означало отказ от поставок хлеба и сена^[274].

С этого момента в развитии российско-грузинских отношений наступил перелом. Последовала череда действий, о последствиях которых ни одна из сторон либо не задумывалась, либо эти самые последствия недооценивала, либо вообще вкладывала в них иной смысл. В ноябре 1799 года в Тифлис были доставлены инвеститурные знаки в полном соответствии с положениями трактата 1783 года и посланием царя Георгия. Но в последнем документе содержалась просьба царя не только утвердить его на престоле, но и признать царевича Давида законным наследником, хотя сам Георгий занял трон, не спрашивая разрешения из Петербурга. В договоре же вмешательство России в вопрос о наследнике грузинского престола вообще не упоминалось! Понятно, что царь желал заручиться поддержкой императора в неминуемой борьбе за престолонаследие, но Павел I, давший на то согласие (не удосужившись заглянуть в Георгиевский трактат), автоматически поставил Россию в двусмысленное положение, гарантировал ей участие в грядущих междоусобицах. Опять дадим слово историку З. Авалову: «Теперь события развиваются с силой урагана; эта связь царства и империи, веками томительных бесплодных сношений, дошла до десятилетий покровительства, приносившего несчастья, и, наконец, маховое колесо истории довело дело до разрушительного конца, не пощадив хрупких, запоздавших желаний грузинского народа. Но рушилось то, чему при данных условиях уже не было места на этой земле; зато суждено было водворяться порядку там, где самая смелая мысль о нем давно утратилась»^[275].

Для правильного понимания событий следует обращать особое внимание на их дату. 17 ноября 1800 года в Петербурге от имени Георгия XII князем Г. Чавчавадзе были поданы 16 «просительных пунктов», являвшихся условиями включения Грузии в состав Российской империи. 19 ноября эти «пункты» были одобрены Павлом I, а 23 ноября через

столичную заставу проследовали князя Г. Авалов и Е. Палавандов, везущие в Тифлис известие об этом. Эти же посланники должны были вернуться в Петербург с утвержденными грузинской стороной «пунктами» (пока на них имелась только подпись императора), а также со специальной «благодарительной» грамотой. Кроме того, перед отправлением в Петербург представители Георгия XII должны были получить официальное звание «послов от царя и всего царства». Последнее очень важно: на берегах Невы были осведомлены о непростой ситуации в правящей династии и хотели бы получить правовые основания для заключения договора. Отечественные дипломаты уже знали, что на Кавказе политическая культура позволяет признавать ничтожным документ, подписанный свергнутым правителем, даже если на момент подписания он имел всю полноту власти.

Завершалась вся эта дипломатическая драма заключением «обоюдного императорского акта», оформлявшего присоединение добровольное и по сути, и по форме. Фактически по этим пунктам грузинские цари становились наследственными наместниками в своем некогда независимом государстве. Все выглядело стройно и прозрачно, и Павел I, исповедовавший принципы рыцарства и строгой законности, проявлял даже щепетильность в процедуре приятия под свой скипетр страдающей христианской державы. Но на самом деле эта стройность и прозрачность были кажущимися. За два дня до получения «пунктов», 15 ноября 1800 года, в рескрипте Кноррингу император инструктирует своего представителя на случай кончины Георгия XII, чтобы «до получения от нас соизволения даже не было приступаемо к назначению преемника на царство Грузинское». Это явное вмешательство в дела суверенного государства, не предусмотренное договором 1783 года, но вытекающее из послания самого царя от 1799 года с прошением поддержать Давида в борьбе за престол. Далее ситуация развивается еще более стремительно и труднообъяснимо.

В ноябре 1800 года всем стало ясно, что дни тяжелобольного Георгия XII сочтены. Его сын Давид без особых церемоний распоряжался так, будто корона уже была у него на голове. В свою очередь, другие потомки Ираклия II делали все возможное, чтобы этого не случилось: писали в Петербург, собирали вооруженные отряды, вербовали сторонников среди местной знати. Начавшиеся междоусобицы местами принимали характер настоящей феодальной войны. Вакханалия насилия захватила страну: грабеж под «политическим» предлогом стал обыденностью даже в Тифлисе. Все трезвомыслящие грузины и трезвомыслящие русские

прекрасно понимали, что воцарение Давида не покончит со смутой, а, наоборот, придаст ей новый виток, поскольку налицо были все признаки раздора официального наследника не только с «партией Ираклия», но и с родными братьями-«Георгиевичами». Однако в правительственных кругах возобладало мнение о том, что следует назначить Давида генерал-губернатором Грузии, сохранив ему царский титул, поскольку Грузию предполагалось присоединить под названием Царства Грузинского. Также предполагалось предоставить грузинам широчайшую внутреннюю автономию. Павел I настаивал только на том, чтобы в Тифлис был отправлен чиновник для «установления порядка и наблюдения за правосудием». Князья Г. Авалов и Е. Палавандов повезли Георгию XII письмо с условиями вступления Грузии в российское подданство, но Павел I «поторопился» и отправил Кноррингу манифест о присоединении, не дожидаясь возвращения послов. На Кавказской линии и по трассе Военно-Грузинской дороги велись приготовления для переброски в Закавказье воинских пополнений. Слухи об этом взбудоражили обе противоборствующие партии. Сыновья Ираклия II собрались вместе со своими сторонниками в деревне Чалы, где объявили о смерти царя и переходе трона к Иулону. В свою очередь, царевич Давид через своих людей распустил слух о том, что 22 декабря Георгий XII будет приводить всех к присяге в Сионском соборе. Когда же собралась огромная толпа, выяснилось, что вместо присяги состоится церковная церемония. Вскоре после этого Лазарев получил петицию от жителей Кахетии, в которой говорилось, что они не желают видеть своим царем никого, кроме Давида.

Просьбу об утверждении царевича Давида наследником престола можно было бы рассматривать как продолжение династической борьбы двух ветвей Багратионов, если не учитывать одну важную черту Георгия XII — его глубинную религиозность. Да, он был слабым царем, который не смог бы, подобно своим великим предкам, вернуть Грузии прежнее величие, используя удачную внешнеполитическую конъюнктуру и опираясь на внутренние ресурсы. Некоторым оправданием его неуспешности в роли главы государства служит доставшееся ему тяжкое наследство. Но при всех своих недостатках как администратора последний грузинский царь скорбел о судьбе своего народа, которому внутренние неурядицы и внешние угрозы сулили погибель. Это чувство обострилось в предвидении скорой смерти. Благочестивый христианский правитель готовился дать ответ в своих деяниях перед Всевышним. Поэтому в поиске покровительства России Георгий XII уже не думал ни о себе, ни о своих сыновьях и внуках. Он думал о своей измученной стране, о своем многострадальном народе.

Известно, что в последние часы жизни он постоянно обращался к генералу Лазареву с вопросом: скоро ли возвратятся отправленные им в Петербург послы? «...И как я видел, что его утешает скорое прибытие послов, то всегда докладывал, что очень скоро приедут. Царь всегда отвечал на это: "Тогда я умру спокойно"»^[276]. Следует согласиться с историком А.П. Берже: будь у царя «войско или сгруппировавшееся городское сословие, которое помогло европейским королям справиться с феодальным порядком, или будь хотя внешний союзник, интересы которого были бы связаны с существованием Грузии, может быть, последний грузинский царь сделал бы попытку задушить противодействие своей семьи и спасти царство от гибели. Но ничего такого не было у него под рукой, и он осужден был безмолвно присутствовать при уничтожении основ государственного порядка и всех производительных сил народа... Кого бы он ни назначил наследником — Иулону Ираклиевича или Давида Георгиевича — междоусобие между дядьями и племянниками было во всяком случае неотразимо. Такие руководители, как царица Марья или царица Дарья, не остановились бы на полдороге, не стремясь к взаимному истреблению с помощью лезгин, персиян и турок; они окончательно истребили бы и самую Грузию»^[277].

Ни о каком широком обсуждении вопроса об условиях принятия покровительства или подданства России, о каком-либо «земском соборе» или «референдуме» не могло быть и речи. Кнорринг писал по этому поводу Александру I в рапорте от 28 июля 1801 года: «Из страха, чтобы его намерение преждевременно не обнаружилось его соседям, которые не упустили бы своих усилий отклонить его от сего вредного пользам их подвига, и из опасности, чтобы царевичи-братья и вдовствующая царица, мать их, сведав о сем предприятии, противном безмерному желанию их царствовать, не изыскали бы каких-либо препон, Георгий XII приступил к сему (переговорам. — *В.Л.*) тайно, по совещании с немногими высшими, ему преданными чинами царства, и уполномочил посланника своего князя Чавчавадзе и князей Авалова и Палавандова искать непосредственного подданства российского монарха»^[278]. И здесь совершенно прав А.П. Берже: «Георгий XII не мог совещаться со своим народом не только в силу основ деспотической власти, но и вследствие современного ему состояния грузинского царства... Если Георгий XII не мог открыто совещаться даже с высшими ему преданными чинами царства, то, конечно, о совещании с черным народом не могло быть и мысли. Желание этого черного народа поступить в подданство России мы видим из тяжелого, невыносимого его

положения, требовавшего перемены к лучшему; из той общей готовности, радости и содействия, какие народ обнаружил при объявлении ему покровительства России, прекращения престолонаследия царей, при удалении членов царствовавшей династии и содействии водворению русской власти на месте отжившей династии»^[279].

*

28 декабря 1800 года скончался Георгий XII. Собравшимся князьям и высшему грузинскому духовенству было прочитано повеление Павла I не назначать преемника грузинского престола. Но до того, как переводчик открыл рот, присутствовавший на собрании князь Леонидзе, хорошо говоривший по-русски, громогласно заявил, что это было поздравление Давида с восшествием на престол. Лазарев столь же громогласно опроверг слова буйного князя, а позднее, когда тот стал ездить по Тифлису с самодельным манифестом о коронации Давида, даже взял его под арест. Все это произвело сильное «смущение» в народе. После погребения царя обе партии стали готовиться к схватке за власть, мобилизуя своих сторонников и ведя психологическую войну, используя разного рода слухи и интриги и стараясь склонить на свою сторону русское командование, препятствовавшее открытому столкновению.

В Петербурге рассчитывали, что Георгий XII успеет подписать условия подданства и, что самое главное, объявит их народу, минимизируя возможность разного рода спекуляций противоборствующих партий. В новой обстановке расчет был сделан на то, что удастся заручиться согласием всех сословий Грузии на переход под российский скипетр. Павел I собирался привязать тамошнюю знать щедрыми награждениями: титулами графов и баронов, званиями камергеров, орденами Святого Андрея Первозванного и т. д. Для задабривания простого народа предлагалось освободить всех крестьян и горожан на три года от всяких податей. Здесь мы видим своего рода «горный туман» — отсутствие у правительства России адекватных представлений о закавказских реалиях. В Петербурге не могли предположить, что грузинскому князю, посевшему в боях с горцами, персами и беспокойными соотечественниками, присвоение звания камергера будет казаться таким же странным, как награждение саблей или бунчуком академика-ботаника. Генерал Лазарев писал по этому поводу со своей обычной прямоотой: «Все здешние дворяне несколько не лучше наших однодворцев. Кого же сделать графами и

баронами? К этому надо еще прибавить, что в некоторых семействах один брат предан нам, а другой находится в числе мятежников. При дворе никто из них не может служить, потому что все они не получили никакого воспитания: трудно различить здешнего царевича от простого мужика»^[280]. Не только официальные лица обращали внимание на то, что представители закавказской знати не вполне соответствуют европейским представлениям о таковой. Генерал А. Пишчевич в своих мемуарах красочно описал, как сопровождавшие его князья не постеснялись украсть у пастуха овцу, а затем продать за бесценок^[281].

Братья покойного монарха Иулон, Парнаоз, Вахтанг и Мириан отказались приехать в Тифлис на общее собрание сословий, а вместо того отправились в Кахетию, где привели население к какой-то «своей» присяге, старательно скрывая от населения содержание высочайшей грамоты. Во-первых, они не без оснований опасались коварства со стороны Давида, а во-вторых, у них не было возможности привести в Тифлис всех своих сторонников, и они оказывались в меньшинстве. Царевичам пришлось бы или отказываться от присяги (что было опасно), или идти на явное ее нарушение. В подобном случае сыновья Ираклия уравнивались с Давидом — сыном клятвopеступника Георгия XII, обещавшего после смерти передать корону детям своего брата. Царевичи, правда, соглашались на компромисс — отказаться в праве наследования и Давиду, и Иулону. Однако русское правительство понимало, что за этим последует новый виток междоусобиц, и удовольствовалося тем, что получило подписи сторонников присоединения к России, собравшихся в Тифлисе. Но борьба двух ветвей Багратидов все равно разгорелась с новой силой. Иулон и Парнаоз разъезжали во главе отрядов и разоряли имения сторонников Давида. Они заковали в кандалы княгиню Амилахвари за то, что ее муж уехал в Тифлис для подписания грамоты Павлу I. То же пришлось испытать княгине Тумановой (Туманишвили) и княгине Орбелиани. Кнорринг по прибытии в Тифлис в резкой форме дезавуировал распоряжения царевича Давида относительно имущества дворян и князей. Был создан совет, в который вошли знатные люди — З. Баратов, И. Туманов, И. Челокаев, С. Туманов и Д. Бебутов; в их ведении оказались вопросы, с которыми ранее обращались к царю. Важные уголовные дела разбирал сам Кнорринг. Удаленный от дел Давид из ярого сторонника России превратился в ее столь же яростного противника. Он стал распространять различные ложные слухи, проявляя при этом немалую изобретательность. Население волновалось, несколько тысяч мусульманских подданных из Бамбакской

провинции предпочли даже переселиться в соседние ханства. Видя, что уговоры не действуют на распоясавшихся царевичей, Лазарев приказал использовать силу для прекращения беспорядков. Царевичи Иулон, Парнаоз и Александр бежали в Имеретию; Теймураз и Вахтанг, на словах выражая покорность, затаились в Гори и в Душети. Страну захлестнула анархия. Помещики отбирали у селян всё, что им хотелось. В некоторых уездах доведенные до отчаяния крестьяне предпочитали сотрудничать с дагестанцами, чем со своими хозяевами.

Манифест Павла I «О присоединении Грузинского Царства к России» от 18 января 1801 года гласил: «С давних времен Грузинское Царство, угнетаемое иноверными соседями, истощало силы свои непрестанным ратованием в собственную оборону, чувствуя неизбежные следствия войны, почти всегда несчастливой. К сим присовокупились несогласия в доме Царском, угрожающие довершить падение Царства сего, возродя в нем междоусобную войну. Царь Георгий Ираклиевич, видя приближающуюся кончину дней его, знатные чины и сам народ Грузинский прибегли ныне к покрову нашему и, не предвидя иного спасения от конечной гибели и покорения врагам их, просили чрез присланных полномочных о принятии областей Грузинскому Царству подвластных в непосредственное подданство Императорскому Всероссийскому Престолу. Внимая прошению сему по сродному нам ко всем единоверцам Нашим милосердию и по всегдашнему Нашему пользе Грузинского народа попечению, определили Мы исполнить Царя Георгия Ираклиевича и Грузинского народа желание и для того повелели, сколько для удержания внутреннего в земле устройства, столько для ограждения оной от внешних нападений ввести войска Наши в области Грузинские. И сим объявляем Императорским Нашим Словом, что по присоединении Царства Грузинского на вечные времена под Державу Нашу, не только предоставлены и в целости соблюдены будут Нам любезноверным новым подданным Нашим Царства Грузинского и всех оному подвластных областей, все права, преимущества и собственности законно каждому принадлежащие, но что от сего времени каждое состояние народное вышеозначенных областей имеет пользоваться и всеми теми правами, вольностями, выгодами и преимуществами, каковыми древние подданные Российские по милости наших Предков и Нашей наслаждаются под покровом Нашим. В прочем пребудем удостоверены, что сии новые подданные Наши и их потомки сохранением непоколебимой верности Нам и Преемникам Нашим и усердием к пользе Империи Нашей, коей по всеблагому промыслу Всевышнего учинились они ныне сочленами, потщатся заслуживать Монаршее благоволение Наше»^[282].

16—17 февраля 1801 года в Сионском соборе и в Армянской церкви этот манифест был прочитан народу. Затем этот же документ читали на улицах города на грузинском, армянском и татарском (азербайджанском) языках. Тем временем царевич Давид повел себя совсем не так, как надеялось русское правительство. Он стал бесцеремонно раздавать своим приверженцам недвижимость, принадлежавшую его политическим противникам, подбивал их составлять петиции на имя императора с просьбой об избрании Давида царем. Кроме того, он окружил себя разного рода проходимцами, проводившими время в буйстве, пьянстве и разврате, из-за чего быстро терял уважение в народе. Однако его притязания на власть были спровоцированы неуклюжими действиями российского правительства, о которых мы уже говорили. Грузинские послы Авалов и Палавандов, прибывшие в Тифлис, разумеется, ничего не знали об инструкции императора «повременить» с передачей короны царевичу Давиду и вручили тому грамоту Павла I. 15 января 1801 года Давид опубликовал воззвание к грузинскому народу, в котором среди прочего говорилось: «Высочайше повелено мне торжественно приблизиться к трону Грузии по наследству, в звании правителя оной. И так как необходимо было объявить о сем всем моим народам, то сим и извещаем о принятии нами управления наследственным престолом». 18 января 1801 года, в тот же день, когда Давид на правах царя отправил в Петербург Авалова и Палавандова с грамотой от себя «и от всех слоев Грузии», Павел I подписал еще один манифест, с еще большей определенностью закрепляющий эту часть Закавказья за Россией. Послы прибыли в столицу империи 12 марта 1801 года, когда адресат уже покоился в гробу.

Новый император Александр I оказался в довольно щекотливой ситуации. Хотя Грузия формально уже была присоединена и манифест о том опубликован, нового царя (по понятиям Петербурга) не имелось. Император сомневался в правомерности акта, на основании которого присоединение было совершено. Поэтому, несмотря на множество нерешенных проблем, грузинский вопрос был вынесен на обсуждение только что созданного Государственного совета. 11 апреля 1801 года после чтения бумаг вельможи пришли к выводу, что причиной случившегося стала просьба посланников Георгия XII спасти Грузию от губительных раздоров путем принятия ее в подданство. Другой причиной, толкнувшей покойного императора Павла на этот шаг, стали настойчивые уверения графа А.А. Мусина-Пушкина в богатстве кавказских недр. Тут ясно видна рука «екатерининских старцев», занимавших ключевые позиции в Государственном совете. Их спрашивали, справедливо ли присоединение, а

они говорили о выгодах: избавлении Грузинского царства от междоусобий, сохранении собственного достоинства России, спокойствии ее границ и возможности продолжения «дела 1796 года», то есть завоевания западного побережья Каспийского моря. Александр I не удовлетворился результатом обсуждения. 15 апреля 1801 года генерал-прокурор Беклешев сообщил «о крайнем отвращении Государя к принятию Грузии в подданство России», поскольку он «почитает несправедливым присвоение чужой земли». Однако члены Совета остались при прежнем мнении. Более того, они фактически предъявили Александру I ультиматум, отвергая любые варианты действий, кроме фактического подтверждения манифестов его отца. Суть их «мнения» была такова: «Покровительство, какое доселе Россия давала Грузии, имеет взаимных неудобств столько, что между совершенным оставлением последней и принятием ее в подданство первой — нет середины»^[283]. Аргументы приводились бесспорно весомые: содержание войск, достаточных для обороны новых владений, полностью ляжет на казну, и без того опустошенную. Опыт предыдущих военных экспедиций в Закавказье показал, что всякие надежды на обеспечение войск за счет местных ресурсов следует оставить. Не годился и вариант с отправкой в нужный момент полков с Кавказской линии: им даже в благоприятных условиях требовалось на переход из Моздока в Тифлис более двух недель, тогда как персы или турки могли добраться до грузинской столицы за два-три дня. Зимой же дорога через Дарьяльское ущелье вообще была непроходима. В то же время оставление Грузии на произвол судьбы грозило тем, что весь Кавказ мог оказаться под властью Турции. Дополнительную запутанность вопросу доставили прошение царицы Дарьи оставить Грузию «на положении» 1783 года и прошения Давида о сохранении ему наследства на царство Грузинское. В конце концов Совет отложил решение до приезда Кнорринга, которому было поручено разобраться в ситуации на месте. Приверженцы царевича Иулона, имевшего права на престол согласно завещанию Ираклия II, в глазах российских властей выглядели бунтовщиками, как о том свидетельствовало письмо генерала Лазарева. Давида объявляли высочайше утвержденным наследником, но не позволяли провозглашать себя царем. Манифест Павла I читали в церквях, но грузин к присяге Александру I не приводили, когда это делали русские войска, и это породило у населения уверенность в неизбежности их ухода.

Сразу оговоримся, большинство грузин этого не хотели. О благожелательном отношении крестьян и горожан к принятию российского подданства имеются многочисленные свидетельства. Граф А.А. Мусин-

Пушкин писал: «Простой народ никак в заговоре (кахетинских князей. — В.Л.) участвовать не хотел, с присланными письменными объявлениями уверял в верности своей и просил единственно о защите от мятежников». Генерал Леонтьев рапортовал о ситуации в районе селения Манав в 1802 году: «Все манавские князья всякий день ездят на гору, ожидают царевича Александра с большим войском и заставляют жителей идти с ними. Манавские же жители никак на сие непреклонны и хотят вместе с русскими защищаться». Подполковник Солениус, преследуя отряды мятежных дворян, получал заверения от крестьян, что они, «приняв присягу императору российскому, нарушить оную не согласятся несмотря ни на какие угрозы князей»^[284]. Грузинское крестьянство действительно в массе своей считало русских защитниками и благодетелями. Ничтожное число солдат, имевшихся в распоряжении Кнорринга, а затем и Цицианова, вынуждало дробить полки на роты и команды по несколько десятков человек. Ни о каких казармах в деревнях и помину не было; служивые ночевали в крестьянских хижинах. Какую бы храбрость ни являл кавказский солдат на поле боя, прирезать его сонного было легче легкого. Такие инциденты неизбежны в условиях враждебности населения, но их в те годы не наблюдалось. (А между тем солдаты были поведения отнюдь не ангельского, о чем свидетельствует один из приказов генерал-майора Лазарева, относящийся к началу 1802 года: «Многие из жителей грузинских входят ко мне с жалобами, что военные начальники, даже и квартирующие с малыми частями по селениям, вмешиваются во внутренние дела обывателей, самовольно делают наряды подвод и лошадей — меньше по надобностям службы, как и по прихотям своим, берут самовольно и подводы и лошадей без всякого от начальства письменных видов и позволений для переездов с одного места на другие, не платя ни копейки и тем отвлекая земледельцев от упражнений домашних, приводят к расстройству их хозяйство, да и вообще допускают подчиненных своих к причинению разных личных обид жителям и к похищению у них скота, живности, плодов и прочего; опустошают их сады и огороды и, вынимая вино из кувшинов, врытых по обыкновению их в землю, от безрассудной шалости наполняют их землей. Все сие ничего иного не представляет как ослабление дисциплины — души военной службы. Уже в прошедшем году я требовал циркулярным приказом истребить зло сие, а ныне убеждаюсь строжайше предписать, что ежели на кого-либо из воинских чинов получится мною жалоба, офицер будет арестован и потерпит все неприятные следствия своего наказания, а нижние чины будут гоняемы сквозь строй без малейшего послабления. Теперь открыто в Грузии

гражданское правительство, следственно и наряды подвод и другие обывательские обязанности зависят от единственного распоряжения властей, на то поставленных, и следственно всякие покушения военнослужащих во вред жителей грузинских будут доходить ко мне новыми стезями. Надобно же, напротив того, обывателей здешних не только не обижать, но ласкать, дабы управление народами здешними именем и властью Его императорского величества ограждало их от прежних бедствий и приводило их к люблению установленного порядка...»^[285])

24 июля 1801 года Александр I получил всеподданнейший доклад о Грузии, составленный графом А.Р. Воронцовым и графом В.П. Кочубеем. Вельможи напоминали царю о заявленной им самим главной цели его политики — достижении внутреннего благоустройства, а не расширении и без того больших пределов государства. Воронцов и Кочубей считали, что после присоединения Крыма и заключения Ясского трактата кавказская граница вполне обеспечена, а покровительство Грузии может послужить укреплению влияния России в этой части Азии. Вельможи уверяли царя, что Павел I сначала действовал осторожно, но потом решил присоединить Грузию «вследствие, как кажется, разных неосновательных сведений и происков, увеличивших до крайности важность приобретения сего». Покойного императора будто бы ввели в заблуждение докладом Коллегии иностранных дел, где говорилось о 800-тысячном населении Грузии (тогда как не насчитывалось и 160 тысяч), об общем желании народа (опять искажение действительности), о доходности восточной торговли (на самом деле прибыль от нее падает, нет ни купцов, ни капиталов для ее развития). Авторы доклада резонно указывали на усиление турецкой и персидской угрозы в случае присоединения Грузии, поскольку обе державы сочтут это ущемлением своих государственных интересов. Пользоваться же природными ресурсами края ничего не мешает и без его политического присоединения. Воронцов и Кочубей решительно опровергали мнения своих оппонентов из Государственного совета о существовании каких-то государственных выгод для России в Закавказье. Они также дали ясный ответ на вопрос, от которого члены Госсовета старательно увиливали: прочна ли правовая основа присоединения? Молодые друзья императора безапелляционно заявляли: нет никакой! Распутать уже имеющийся клубок предлагалось фактически путем возвращения к положениям Георгиевского трактата, с той разницей от уже «испытанного», что предлагали действительно защищать ее от внешних угроз. Для прекращения внутренних смут предлагалось после избрания на престол одного из

царевичей удалить всех остальных претендентов в Россию, обеспечив им здесь «приличное» содержание. Для решения этих задач считалось достаточным присутствие в Грузии нескольких батальонов с артиллерией во главе с «беспристрастным военным начальником». Этот доклад нельзя не назвать лукавым. Как на практике собирались избавить избранного грузинского царя от соперников, его составители не уточняли. Станным выглядит и утверждение, что несколько батальонов могут гарантировать безопасность грузинских границ.

Спустя четыре дня, 28 июля 1801 года, Александр I получил доклад Кнорринга, а 8 августа состоялось новое заседание Государственного совета, уже третье по счету. На нем, по словам З. Авалова, «столкнулись два мировоззрения, две политические концепции, различие которых можно наблюдать во всех крупных политических обществах. Какая из этих концепций восторжествует в данный момент в России — от этого зависело многое в грядущих судьбах Азии и Европы. Против империализма екатерининских орлов, не щадивших ни денег, ни людей для достижения порой необходимых, порой только величественных политических замыслов, здесь выступает столь характерное для первого десятилетия царствования императора Александра культурно-гражданское направление. Тогда как сторонники присоединения Грузии ставят в связи с ее присоединением дальнейшее распространительное движение на Восток, противники присоединения относятся отрицательно к замыслам на Переднюю Азию; ссылаясь на политическую экономию, они говорят, что такие страны, как Россия, не богатеют от заморских спекуляций; персидские походы напоминают нам не о недобытых лаврах, а о массе жертв, походами этими поглощенных; ссылаясь на общие политические принципы императора Александра, они указывают, что присоединение Грузии свидетельствует о таком течении, которое не вяжется с задачами культурного обновления России»^[286].

Если на предыдущих заседаниях в центре внимания были вопросы «государственных интересов» и «правомерности» присоединения Грузии, то на этот раз главным стал вопрос о государственном престиже. Совет заявил, что «в интересах *достоинства России* (курсив наш. — В. Л.)» необходимо не отступать от сделанного уже приобретения, известного не только сопредельным Грузии странам, но и всей Азии и всей Европе. Видимо, авторы этой формулировки хорошо знали молодого императора: достоинство державы являлось для него предметом священным. Но за этими красивыми словами скрывался и грубый, как солдатское сукно, прагматизм. В 1801 году в составе империи имелось немало территорий,

приобретение которых в глазах соседей не являлось окончательным. Попытным движением в Закавказье можно было подать нежелательный сигнал о возможности и других откатов. Мы не располагаем данными о знакомстве Цицианова с бумагами Государственного совета, но во многих документах, как будет видно далее, генерал настойчиво продвигал эту идею: ни при каких обстоятельствах не отдавать земли, приобретенные оружием или иным способом.

Несмотря на то что «молодые друзья» императора — Воронцов, Кочубей и Чарторыйский — по-прежнему противились положительному решению вопроса, император решительно склонился на сторону тех, кто выступал за включение Картли-Кахетии в состав империи. Огромную роль в этом сыграл отчет Кнорринга, датированный 28 июля 1801 года. Вероятно, Кнорринг несколько сгустил краски, характеризуя состояние Грузии, но в целом нарисованная им картина соответствовала действительности. Прежде всего главнокомандующий подтвердил свое мнение, что Картли-Кахетия не в состоянии отражать как нашествия персов, так и набеги горцев. Главными причинами фактической утраты обороноспособности Грузии он называл внутренние неурядицы, феодальную анархию, которая охватила страну. Ираклий II в поисках средств для содержания своего многочисленного семейства роздал детям множество поместий, в том числе и конфискованных у князей. Если прежде князья по тревоге являлись со своими ополчениями, то сыновья и зятья царя не торопились со сбором дружин. В результате в 1795 году удалось собрать только пятитысячное войско, а «в последнее впадение в Кахетию многочисленного скопа, аварским Омар-ханом предводительствуемого (1800 год. — *В.Л.*), не взирая на усиленные требования царя Георгия Ираклиевича, царевичи братья его, не только из уделов своих не выслали ни единого человека на оборону отечества, извиняясь в том, по счастливом поражении неприятеля войсками российскими, самыми неосновательными причинами; но в тайне, согласно с намерением царевича Александра, в войсках лезгинских бывшего, готовили Грузии еще удар...». Разрушив фактически своими руками систему сбора дворянского ополчения, Ираклий стал нанимать отряды дагестанцев по 5—10 тысяч человек, но они совмещали службу с грабежом защищаемого населения. Более того, имели место случаи, когда эти самые «защитники» выполняли роль проводников для отрядов, совершавших набеги на внутренние районы страны. Грузинский царь знал обо всем, но «казался равнодушным и не смел наказывать дерзких, боясь бед вящих». Его наследник продолжил эту порочную практику, «но не для защиты уже царства от внешних

неприятелей, а единственно для устрашения своих братьев, которые неповиновением и своеволиями более первых ему угрожали». При Георгии XII дело дошло до выплаты дани аварскому хану, которая оказалась тяжелым бременем для населения, но плохой гарантией безопасности, поскольку дагестанский правитель даже при желании не мог укротить своих буйных соплеменников.

Увеличение податей превысило критический «порог». Началась экономическая деградация. Обедневшее податное население, несмотря на драконовские меры по выколачиванию недоимок, не могло выплачивать требуемые суммы. Поскольку легальные и традиционные средства фиска себя исчерпали, члены царской фамилии стали практиковать конфискацию чужого имущества, что окончательно деморализовало общество. Началось бегство крестьян, для которых жизнь на родине становилась менее спокойной и сытной, чем на чужбине. Обезлюдели многие деревни, поступления в казну почти полностью прекратились. Немалое число княжеских и дворянских семей оказалось на грани полного разорения.

Что касается внешней угрозы, то Кнорринг обратил внимание на крайне невыгодную для Грузии военно-стратегическую ситуацию, сложившуюся в Закавказье. Если с севера угроза нападения была минимальной, то восточные и южные рубежи требовали постоянной защиты. Главную опасность, по мнению главнокомандующего, представляли жители Дагестана, которые «...будучи многолюдны, питаюсь грабежом и разбоем, занимаясь беспрестанно войной или по найму, или по надежде получить добычи, вторгаются... многочисленными скопами в Грузию, коей границы открыты, а нутр (внутренние районы. — В.Л.) наполнен гор и лесов, и производят злодеяния тем удачнее, что Грузия не содержит войск готовых, и поселяне должны сами отражать нападения, не имея нужных даже к тому орудий; тем дерзновеннее, что природа щедро оградила жилища их от возмездий». Со стороны Гянджинского ханства «Грузия тоже не представляет препон, ни искусственных, ни натуральных, всегда отверзтый путь для персиян, так что в одни сутки является под стенами Тифлиса персидская от Ганджи конница, и ганжийский хан, первый который бывает ее путеводителем, стараясь об обессилении Грузии для вящего отчуждения себя от ее зависимости».

В конце XVIII века Турция не проявляла агрессивных намерений, но на территории приграничных пашалыков находили себе убежище отряды дагестанцев, с которыми тамошние паши предпочитали не ссориться, так как использовали их для держания в узде местного населения. Наемники пользовались их попустительством и грабили приграничные грузинские

земли. По поводу консолидации сил христианских государств Закавказья Кнорринг писал: «В защите своей могла бы Грузия полагаться на единую помощь одноплеменцев своих имеретинцев, но союз сих обеих держав не так тесен, чтобы благом одной занималась другая. Ибо известно, что и в приближении к Грузии Ага-Магомет-хана имеретинский царь с войском своим, хотя и был соединен с войсками грузинскими и вообще с царем Ираклием Теймуразовичем готовился отразить сего неприятеля; однако же, по появлении оногo, имеретинцы и сам царь не только грузин оставили, но еще рассыпавшись по всей Карталинии, причинили ей не меньше вреда, как персы, грабя народ, в горах от последних тогда укрывавшийся». Главнокомандующий считал, что примирение двух противоборствующих партий невозможно, тем более что группировка, возглавляемая царицей Дарьей, имела тогда гораздо больше шансов на победу: во-первых, она была многочисленнее, во-вторых, опиралась на завещание царя Ираклия, по которому престол должен был достаться его детям от первого брака, а не детям Георгия XII. В-третьих, эта партия, являясь противницей соглашения с Россией, могла рассчитывать на щедрую финансовую помощь от персов и турок. Наконец, царевич Давид пользовался меньшей поддержкой со стороны населения, поскольку, «вопреки древних предков его обычаев, сочетался браком с женщиной армянской нации». Дополнительным аргументом в пользу Иулona могла стать поддержка со стороны Имеретии, царь которой был связан родственными узами с царицей Дарьей и настороженно относился к переходу Грузии под российский скипетр. Без прямого вмешательства России, по мнению Кнорринга, «...царевич Давид, с потерей способов достичь престола, ежели и ускользнет от насильственных бедствий, негде искать будет с братьями и с прочими сообщниками своими пристанища, как, следуя примерам предков своих, под благотворным покровом Вашего императорского величества». Другими словами, он, как Арчил Имеретинский и Вахтанг VI Грузинский, мог найти поддержку только у своего могучего северного соседа. Наличие «правительства в эмиграции» на территории России было ценным приобретением только в случае политической активности на Кавказе. В противном случае царевич, мечтающий о реванше, мог создать массу неудобств Министерству иностранных дел, став к тому же заметной обузой для казны.

В своем отчете Кнорринг еще раз ответил на вопрос, поставленный императором: «На собственном ли убеждении необходимости и отечественной пользы основано было преклонение царства грузинского под российскую державу и единодушно ли все высшие состояния и народ

признали поступок сей себе во спасение»? Ответ был положительным. Намерение царя Ираклия «предать Грузию под законы российские» не смогли поколебать никакие усилия противников этого политического действия. Царь пытался организовать в 1795 году встречу с командовавшим Кавказской линией генералом Гудовичем, но этому помешало вторжение Ага-Магомет-хана. Георгий XII также хотел продолжить линию отца, но действовал тайно. Он дал распоряжение своему послу в Петербурге договариваться о переходе Грузии в подданство России «...с тем же однако, чтобы он, и по нем наследники его, оставаясь при титуле царей грузинских, управляли областями оной по законам, кои императорскому величеству благоугодно было бы для нее начертать». Спасая свою страну от действительно губительной феодальной анархии, царь обеспечивал одновременно свою победу в борьбе с «партией» царевича Иулона. Далее Кнорринг откровенно заявлял, что только половина местного дворянства, «ведая внутреннее и внешнее состояние отечества своего, зная сколь нетвердо достояние каждого в таком правлении, в коем нет ни твердых оснований, ни способов к содержанию устройства, рассуждая, что лучше уступить часть из этих преимуществ и быть под сенью незыблемого благополучия, нежели, находясь в ежеминутном страхе, ожидать потери и жизни и собственности или от внутренних волнений, или от хищных соседей, совокупно со всеми прочими состояниями грузинского народа искренне желает быть в подданстве Вашему императорскому величеству». Другую же половину благородного сословия следует считать противниками присоединения Грузии к России. Что же касается простого народа, то он, по уверениям Кнорринга, встречал его восторженными толпами на всей дороге от границы Грузии до Тифлиса, решив, что он едет осуществлять решение Павла I. Общий вывод был таков: «...Ежели части недоброхотов своему отечеству, разумея некоторых царевичей и дворян, противопоставить другую, лучше о пользах своих и своего отечества рассуждающую, и к сей присовокупить весь народ, жаждущий быть под законами Всероссийской империи, то сердечное желание сих несчастных людей, возлагающих свое упование на великодушные Вашего императорского величества, и уже оружием российским неоднократно от крайних бед спасенных, заслуживает уважения»^[287].

12 сентября Александр I подписал указ «Об учреждении внутреннего в Грузии управления с приложением Манифеста к Грузинскому народу, постановления внутреннего управления Грузии и штата»^[288]. «Покровительство и верховная власть Российской империи над царством

Грузинским всегда налагали на монархов российских и долг защиты, — говорилось в Манифесте. — В 1796 году против сильного к вам впадения Аги Магомет Хана в бозе почивающая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна послала часть войск своих. Столь успешное тогда спасение царства Грузинского, но и счастливое покорение всех областей и народов от берегов Каспийского моря до реки Куры и Аракса ограждали вас от всяких опасностей; оставалось токмо внутренним благоустройством благоденствие ваше утвердить навеки. Но внезапное и скоропостижное отступление войск Российских из Персии, Армении и из пределов ваших испровергло справедливое ожидание ваше. Все потом претерпенные вами бедствия, нашествия неверных и иноплеменных народов, разорение городов и селений, порабощение и увлечение в плен отцов, матерей, жен и детей ваших, наконец раздор Царской фамилии и разделение народа между разными искателями Царского достоинства влекли вас в междоусобные брани. Окружающие вас хищные народы готовы были напасть на Царство ваше и ненаказуемо растерзать его остатки. Соединением сих всех зол не токмо народ, но даже и имя народа Грузинского, храбростью прежде столь славного во всей Азии, потребил ось бы от лица земли. Стоя в бездне сей, неоднократно призывали вы покровительство российское. Вступление войск наших и поражение Омар хана Аварского приостановило гибель вашу, устранив всех хищников, наполняющих горы Кавказские и тех, кои раздирают Область Персии и Великой Армении; затихли крамолы посреди вас, и все вы единодушно и торжественно воззвали власть Российскую управлять вами непосредственно. Мы, вступя на всероссийский престол, обрели Царство Грузинское присоединенное к России, о чем и Манифест в 18 день января 1801 издан был уже во всенародное известие. Вникая в положение ваше и видя, что посредство и присутствие войск российских в Грузии и донныне одно удерживает пролитие крови Нам единоверных и конечную гибель, уготованную от хищных и неверных сопредельных вам народов, желали Мы испытать еще, нет ли возможности восстановить первое правление под покровительством Нашим и сохранить вас в спокойствии и безопасности. Но ближайшие по сему исследования убедили Нас, что разные части народа Грузинского, равно драгоценные Нам по человечеству, праведно страшатся гонениям и мести того, кто из искателей достоинства Царского мог бы достигнуть его власти. Поелику против всех их в народе большая часть себя обнаружила. Одно сомнение и страх сих сомнений возродив беспокойство, неминуемо были бы источником междоусобия и кровопролития; сверх того, бывшее даже правление в Царстве Царя Ираклия, который духом и достоинством своим соединил

все под власть свою, не могло утвердить ни внешней, ни внутренней безопасности, напротив столь кратно вовлекало вас в бездну зол, на краю коей и ныне вы стоите и в которую по всем соображениям должны вы низвергнуться, если мощная рука справедливой власти от падения сего вас не удержит. Сила обстоятельств сих, общее по сему чувство ваше и глас Грузинского народа преклонили Нас не оставить и не предать на жертву бедствия язык единоверный, вручивший жребий свой великодушной защите России. Возбужденная надежда ваша сей раз обманута не будет. Не для приращения сил, не для корысти, не для распространения пределов и без того уже обширнейшей в свете империи приемлем Мы на себя бремя управления Царства Грузинского. Единое достоинство, единая честь и человечество налагают на Нас священный долг, вняв молению страждущих в отвращение их скорбей, учредить в Грузии Правление, которое могло бы утвердить правосудие, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона».

Далее в Манифесте говорилось, что первым лицом в Грузии становится главнокомандующий Кнорринг, который будет привлекать к управлению «избранных по достоинствам». Все собираемые налоги направлялись на нужды края, сохранялись все сословные права и свобода вероисповедания. Всем царевичам обещали сохранить их уделы и даже отсутствующим (читай — эмигрировавшим) давали денежное содержание, «лишь бы сохраняли долг присяги».

Заканчивался Манифест следующими словами: «Наконец да и познаете вы цену доброго Правления, да водворится между вами мир, правосудие, уверенность как личная, так и имущественная, да пресекутся самоуправства и лютые истязания, да обратится каждый к лучшим пользам своим и общественным, свободно и невозбранно упражняясь в земледелии, промыслах, торговле, рукоделиях под сенью законов всех равно покровительствующих. Избытки и благоденствие ваше будет приятнейшей и единой для Нас наградой».

Манифестом была поставлена точка в юридическом оформлении включения Грузии в состав Российской империи. По нашему мнению, формулировка историка начала XX века З. Авалова точно определяет характер этого процесса: «Идея присоединения принадлежит Грузии, ее царям; но как она будет присоединена, на это дала ответ Россия»^[289]. Запутанная история процесса присоединения Грузии к России, особенно в период от смерти Ираклия II до издания Манифеста 12 сентября 1801 года, не могла не иметь долговременных последствий. Да, запутанный клубок был разрублен императорским указом. Однако клубок этот составляли не

мертвые нити, а жизненно важные сосуды сложнейшего организма, именуемого обществом. Боль от этой операции ощущалась правительством еще многие годы. Особенно чувствительной она была для чиновников, в чьих жилах текла грузинская кровь. Это была и боль Цицианова.

*

Наследство Цицианова как правителя Грузии отягощалось еще и тем, что к моменту его назначения авторитет коронной власти в Закавказье сильно пострадал от неразумных действий его предшественников. Наибольший урон имиджу России нанес статский советник Коваленский, назначенный послом при Георгии XII. Император Александр I пришел в бешенство, когда ознакомился с секретным донесением коллежского советника Соколова государственному канцлеру А.Р. Воронцову о поведении «министра» в Грузии. Создается впечатление, что Коваленский начитался книг о жизни британцев в Индии или о европейских торговцах в тропической Африке. Может быть, он «умозрительно» сочинил для себя правила общения представителя европейской державы с восточными владыками. Как бы то ни было, вел он себя как спесивый болван. Сначала Коваленский почему-то отослал обратно в Тифлис вельмож, встречавших его на российской границе. Приехав в Тифлис, он без видимых причин откладывал свою аудиенцию у Георгия, несмотря на знаки внимания со стороны монарха. Вероятно, наслышавшись от кого-то, что «на востоке» сидят на полу, Коваленский потребовал приготовить для себя кресла. Дальше больше: «Министр прибыл и к царю вошел в особенном наряде — в шубе, в теплых сапогах и в дорожной шапке. Вошед в аудиенц-зал и не довольствуясь тем, что кресла, для него изготовленные, стояли на приличном месте, придвинул он их пред самого царя и сел в оные так, чтобы касаться ногами своими ног царских. В разговорах своих с царем умеренность министр соблюдал весьма мало, напоминая ему часто о себе, что он — лицо Государя. По окончании аудиенции у царя был он у царицы, супруги царской, в том же самом наряде, но роль свою украсил еще особенной выдумкой. Стоя против царицы и посмотрев на часы, сказал ее величеству, что по обыкновению Российскому полдень называется адмиральским часом и что время пить водку. Царица приказала подать водку, и аудиенция министра тем кончилась... В назначенный день для поднесения царю инвеституры царь со своим двором ожидал министра около трех часов, и в сем случае министр царя предварил о креслах. Царь

приглашал его в один день к себе обедать, но он отговорился нездоровьем. Когда же обеденный час настал, тогда министр вместо себя отправил в дом царский всех своих слуг, а сам инкогнито забрался на галерею, где сидят за решеткой у азиатцев женщины, и во все время, пока стол продолжался, министр через решетку глядел, по окончанию же обеда отправился домой»^[290].

По всей вероятности, автор не сильно сгустил краски. Пренебрежительное отношение русских чиновников вызывало понятное раздражение и обиду грузин, национальное сознание которых было наполнено героическими символами и связью со знаковыми историческими и мифическими фигурами, а также с персонажами Священного Писания (легендарным персидским царем Дарием, внуком Ноя Картлосом, давшим имя всем грузинам-картвелам, и т. д.). Большинство грузинских княжеских фамилий, по расхожему представлению, происходили от двухсот итальянцев (римлян?), оставленных в Закавказье Александром Македонским^[291]. Российский дипломат своими неуклюжими действиями подогревал антироссийские настроения в Грузии, поскольку игнорировал менталитет местной элиты, тамошние представления о правилах поведения.

В октябре 1802 года четыре князя, Дмитрий и Адам Андрониковы, Луарсаб Вачнадзе и Росеб Джандиеров, приехали в Тифлис и «не представились начальству». Согласно бюрократическому этикету того времени, каждое «значительное» лицо во время первого своего приезда в губернский или уездный центр должно было явиться к главе местной администрации. Уклонение от такового поступка для служащих грозило дисциплинарными взысканиями, а для неслужащих — обвинением в опасном вольнодумстве. Коваленский призвал их исправить промах и принести извинения, но в ответ получил только грубость, после чего князья были арестованы. Судя по всему, грузины действительно дали волю своим чувствам, но их можно понять. Иноземец принуждал выполнять непонятный и, с их точки зрения, бессмысленный ритуал. Было бы понятно, если знаков внимания требовал генерал, но распинаться в почтительности перед гражданским?! Сам Коваленский чувствовал, что перегнул палку, и потому намекал на причастность князей к «возмущению» в Кахетии^[292]. В представлении Кочубею от 27 февраля 1803 года по этому поводу Цицианов проявил понимание предмета: «...не оправдывая сих четырех князей в дикости нравов их, в грубостях и, может быть, в ненависти, которую питали они к Коваленскому за претерпенные прежде от

него гонения по так называемому Кахетинскому возмущению, должен сказать, что из дел и по многим справкам моим словесным не вижу другой причины, как личное неучтивство, оказанное ими пред Коваленским... Я также имею многих людей в замечании, но если безрассудно приводить догадки свои в доказательство там, где идет дело о чести, то еще безрассуднее было бы употреблять сие само по себе несправедливое правило в Грузии, где по новости нашего правления и по легковерию народа удобно очернить невиннейшего человека красками измены и принудить его даже сделаться преступником. Для вашего сиятельства, проникнувшего в изгибы пламенного азиатского умоначертания, сие необыкновенное заключение мое не имеет нужды дальнейшего объяснения, но в самом существе развязка и сего притязания Коваленского состоит в личной вражде против князя Чавчавадзе, который в бытность первого еще министром при последнем царе Георгии с ним поссорился, и с тех пор не переставали они вредить друг другу разными способами»^[293].

По мнению историка Н.Дубровина, Коваленский был очень честолюбив и не хотел ни с кем делиться своим влиянием в Грузии. Его соперником оказался генерал Лазарев, командовавший русскими войсками в Закавказье. Коваленский, не имевший никакого опыта в военном деле, представил на высочайшее имя проект «Об учреждении в Грузии регулярного войска и о восстановлении там устройства военного дела вообще». Согласно этому проекту, наличие собственных боеспособных национальных сил делало ненужным отправление русского контингента, и в Закавказье не оказывалось генералов, по отечественной традиции питавших мало уважения к гражданской власти. Коваленский предлагал решить проблему присвоением ему военного чина, что позволяло без проблем соединить в одних руках всю полноту власти. Для того чтобы продемонстрировать собственные ратные дарования, он рьяно взялся за укрепление Тифлиса. По его приказу вокруг города выкопали ров, который в оборонительном отношении не мог сыграть никакой роли. Напротив, последствия этой любительской фортификации оказались ужасными. Коваленский пренебрег предостережениями местных жителей, указывавших на опасность земляных работ в местах, где многие годы зарывали умерших животных и разного рода нечистоты. Результат не заставил себя ждать: по городу прокатилась волна заразных заболеваний^[294].

Кнорринг в большинстве случаев смотрел на ситуацию глазами Коваленского. Во всеподданнейшем рапорте от 10 августа 1800 года он

сообщал, что «столица тамошняя (Тифлис. — В.Л.) находится в изрядном оборонительном состоянии»^[295]. А всего за неделю до этого генерал Лазарев критиковал мероприятия по укреплению Тифлиса: «...вырыли большой ров, который по крутым его берегам больше может называться шанцами, чем защитой города... ворота не укреплены, и их прежде нельзя защитить, как пушки поставя на улицах, а оные отворить, что весьма неудобно и противно всем правилам... во многих местах нужны батареи и траверзы, но об них и не думают»^[296]. Несмотря на угрозу персидского вторжения, Коваленский не оставлял своих интриг, на что с солдатской прямоотой указывал Лазарев. Уверения своего недруга в отсутствии необходимости присылать подкрепления он объяснял его желанием избежать высокого влияния воинского начальника. И в самом деле, если с командиром полка действительный статский советник мог держать себя как ровня, то с начальником дивизии (генерал-лейтенантом) ему было бы не совладать. Еще больший рост группировки мог привести к появлению в Тифлисе так называемого «полного генерала», который занял бы безусловно доминирующее положение. Лазарев был солидарен со своим соперником только в том, что наращивание сил следует проводить постепенно, по мере создания условий для обеспечения войск продовольствием^[297].

Конфликт между Коваленским и Лазаревым уходит корнями в намерение Павла I создать на Кавказе зависимое от России государство, способное самостоятельно решать проблемы охраны собственной территории. Таким образом, Коваленский, как опытный бюрократ, стремился к тому, чтобы основные положения его программных документов настолько же соответствовали «видам» монарха, насколько вода соответствует форме содержащего ее сосуда. Увидев, что проект его не принят, он попытался соединить в своих руках всю полноту военной и гражданской власти, предложив «переименовать» себя в полковники. Однако такой ход показался Павлу I странным. Неудивительно, что по прибытии в Тифлис Лазарев стал для Коваленского главным врагом. Этому способствовал и характер генерала — старательного служаки, типичного отца-командира, не желавшего и не умевшего вести себя «политично».

Назначение генерал-лейтенанта Карла Федоровича фон Кнорринга на должность главнокомандующего в Грузии также оказалось явной кадровой ошибкой императора Павла I. В исторической литературе Кнорринг выглядит личностью совершенно бесцветной. По нашему мнению, такое отношение к нему несправедливо. Выходец из разветвленного эстляндского

баронского рода, который дал императорской армии 14 генералов, он имел много боевых заслуг. Кнорринг начал службу в 1758 году в Сухопутном шляхетном корпусе, а в 1764 году был произведен в корнеты Астраханского карабинерного полка. За спиной его было командование полками, участие в Русско-турецких войнах 1768—1774 и 1787—1791 годов; среди прочих наград он получил орден Святого Георгия 4-й степени. То, что переход от командования войсками к управлению Грузией ему явно не удался, следует записать на счет крайне сложной обстановки, сложившейся в этом крае на рубеже XVIII—XIX веков. По свидетельству генерала С.А. Тучкова, Кнорринг «был человек весьма добрых свойств, кроме того, что по новости своей в управлении столь важным постом руководствовался он иногда советом своих окружающих. Пристрастие же этих лиц простиралось только по большей части до награждения тех, которые с ним хорошо жили. Ничего не значащие военные действия против черкес поручались их приятелям, которые придавали сим действиям важность и получали награды»^[298]. Более чем вероятно, что если бы Кноррингу была поручена какая-нибудь «обычная» губерния или даже целое генерал-губернаторство, то он оправдал бы царское доверие. Попади рассудительный и грамотный эстляндец на уже обустроенную национальную окраину (Польшу, Прибалтику, Финляндию), как это было с заурядными бюрократами высокого ранга во второй половине XIX — начале XX века, он тоже сохранил бы реноме толкового чиновника. Но генерал не понимал Кавказа и не очень старался в этом преуспеть. Как уже говорилось, с мятежниками действительными и мнимыми, будь то люди чужие или родственники, местные правители поступали в зависимости от своего нрава и гнева. Иногда их прощали, но чаще наказывали, не чураясь совершенно изуверских методов. Простое отрубание головы в таких случаях выглядело приступом милосердия. На таком «политическом фоне» письмо Кнорринга царевичу Вахтангу, который собирал отряды для восстановления на престоле своего брата и организовывал блокаду Военно-Грузинской дороги, нельзя не признать просто смешным: «Меня беспокоят разные доходящие до меня из Грузии известия. Я начинаю колебаться даже и в особах, в коих обретал доселе правила чести и добрую совесть. Жаль, ежели я приведуся к той необходимости, что должен буду представить к Высочайшему двору предприятия к вредным покушениям таких особ, коих пред тем тщился я рекомендовать в монаршию милость. Ваша светлость, конечно, изволите знать, о ком я говорю. Просил бы вас всепокорнейше дать добрый совет тем, до кого это касается, дабы не постиг их гнев Государя императора паче ожидания их; но неизвестно мне, расположены

ли вы, милостивый государь мой, к принятию моих о сем утруждений» (29 июля 1802 года)^[299].

К концу своего управления краем Кнорринг, кажется, начал разбираться в происходящем. Об этом свидетельствует его письмо Цицианову от 4 декабря 1802 года, которым он вводил своего преемника в курс дел. Первая часть — «Обстоятельства внутри Грузии» — посвящена в основном объяснению массового недовольства действиями власти. Никакой вины за собой и за своими подчиненными генерал-эстляндец не признавал. Назывались три причины: ограничения княжеского произвола в отношениях с крестьянами, неразбериха в определении собственников некоторых поместий, сокращение так называемых «фамильных» должностей. Кроме того, указывалось на неблагонамеренность князя Герсевана Чавчавадзе и царевича Иоанна Георгиевича, которые будто бы из Петербурга (!) организовывали нападения дагестанцев, чтобы «привести народ в уныние и недоверчивость к правительству». Главным же смутьяном назывался царевич Вахтанг, которому удалось собрать вокруг себя только 30 человек. Кнорринг подчеркивал, что простой народ оказался равнодушным к призывам князей, хотя его пугали массовыми переселениями в Россию, поголовной записью в казачество и разовой выплатой двухлетней подати^[300]. Раздел «Обстоятельства вне Грузии» посвящался отношениям с ближайшими соседями. Прежде всего, сообщалось, что имеретинский царь Соломон заявил о существовании спорных приграничных земель и о своей готовности вступить в российское подданство. Правитель Ахалцыха Шериф-паша сместил с поста своего брата Сабид-пашу, а когда тот бежал в Имеретию, то уговорил царя и царевича Александра лишить опасного эмигранта жизни. Шериф-паша держал отряд дагестанцев, которые «от скуки» грабили приграничные грузинские села, после чего скрывались за границей. Неоднократные жалобы русских послов в Стамбуле никаких последствий не имели. Султан приказал карсскому паше наказать за своеволие пашу Ахалцыхского, причем против Шерифа-паши выступил в тот момент и Селим-ага Кипиани с ополчением аджарцев, которые формально являлись подчиненными ахалцыхского паши. В июле 1802 года русские войска, расположенные в Грузии, оказали содействие войскам карсского паши в отражении набега Нахичеванского Келб-Али-хана. Правитель Эривани Магомет-хан, опасаясь персидского Баба-хана, объявил о готовности принять российское подданство, но когда угроза персидского нашествия миновала, отказался. Главным недоброжелателем Кнорринг называл правителя Гянджи Джавад-

хана. Лезгины, к которым было отправлено «убеждение» отказаться от набегов на Грузию, отвечали, что «им несвойственно вступать в договоры с начальником войск столь сильной державы».

Генерал проявил удивительную проницательность, объясняя преемнику, что можно надеяться на благонамеренность горцев (осетин), «коли поступать без нарушения обычаев и прав, веками между ними утвержденных»^[301]. Что же касается финансовых злоупотреблений, то нет ни прямых, ни косвенных свидетельств того, что Кнорринг был «в доле» и потому покрывал финансовые махинации Коваленского. Скорее всего, генерал самоустранился от практических действий по управлению Грузией, поскольку почти все время проживал в Моздоке или Кизляре.

Судьба забросила Кнорринга в край, который требовал не просто управления. Сначала надо было привести этот край в состояние, которое это самое управление позволило бы осуществить. Для того чтобы создать нечто похожее на административный порядок в российском понимании, первое лицо должно было уподобиться творцу всего сущего: образно выражаясь, отделить свет от тьмы, твердь от воды и т. д. Но для свершения подобных титанических дел требовалась личность с титаническим же потенциалом. Историки-профессионалы, недипломированные знатоки и любители старины бывают чрезмерно придирчивы к фигурам из прошлого, забывая о том, что укор в отсутствии гениальности трудно назвать корректным. Да, этот барон-служака оказался не самой яркой звездой на административном небосклоне тогдашней России. Но чувство справедливости требует выделить личную заслугу этого человека в том, что Грузия была включена в состав империи в 1801 году. Именно на основе его доклада 8 августа 1801 года Государственный совет высказался за присоединение Грузии к России. Но, приложив усилия к присоединению владений Багратидов к России, Кнорринг оказался недостаточно сильной фигурой для деятельности в сложной политической и военной обстановке. Антинемецкие (точнее — антиостзейские) настроения в отечественной мемуаристике стали основой формирования не слишком симпатичного образа выходца из Прибалтийских провинций. Вероятно, среди эстляндцев и курляндцев действительно было больше сухих педантов, чем среди псковичей или костромичей. Но то, что в баронов с молодых лет вколачивалось понятие чести и долга, — это тоже правда. Достаточно ли адекватно оценил ситуацию в Грузии прибывший туда с инспекцией Кнорринг — большой вопрос. Судя по словам С.А. Тучкова, Кнорринг считал некорректной саму поставленную перед ним задачу: выяснить, будут ли доходы от присоединяемой территории соразмерны расходам на ее

защиту. Генерал считал, что «постыдно для монарха российского из скудости отказаться от защиты древнего рода, который предки его старались привлечь под свое покровительство и который желает быть в подданстве России». И он сделал все, «чтоб отклонить государя от сего неприличного державе российской поступка»^[302].

При составлении своего рапорта Кнорринг сделал «ту же ошибку, что и многие другие официальные наблюдатели, — писал З. Авалов. — Их глаз, привыкший к порядкам плац-парада и канцелярии, видел в Грузии один хаос и беспорядок. Однако "иррегулярность" еще не означала отсутствия жизнеспособности. Живописное сочетание варварства, патриархальности и патриотизма, вся картина жизни Грузии, таившая в себе веками не решенную политическую проблему, оскорбляла хорошо выдрессированных служаков, военных и гражданских». От Кнорринга «нельзя было ожидать соображений, основанных на более свободной оценке вещей, более широких политических взглядов. Во что бы то ни стало и как бы то ни было, насадить благочиние — вот к чему сводился для этих людей вопрос о Грузии. Он не мог не заметить, как радовалось население его приезду, видя в этом залог того, что войск не уведут. Но он сделал отсюда тот вывод, что необходимо принять в подданство полное и безусловное; вывод этот, в конце концов, получил и высочайшее утверждение, но смуты ближайших лет показали, что это было не так, что подданства искали, но не такого»^[303].

30 апреля 1806 года коллежский асессор Лофицкий, прослуживший к тому времени четыре года в Закавказье, подписал всеподданнейшее прошение принять на рассмотрение его записку, озаглавленную «Замечания о Грузии», которую он написал, по его словам, «не в виде доноса», поскольку не питал «вражды на начальников, бывших некоторым образом причиной тамошних непорядков». К тому моменту и Коваленский, и Кнорринг, и Цицианов уже не являлись участниками служебного конфликта. Лофицкий надеялся, что его труд поможет в решении проблем обустройства этой имперской окраины. Записка состояла из двух частей. Первая называлась «Причины народного ропота и мятежей, препятствовавших утверждению благопоставляемого там порядка». Лофицкий признал, что Коваленского так увлекла борьба с Лазаревым, что у него не осталось времени для появления в присутственных местах. Жители Грузии, не имея возможности обратиться к первому лицу коронной власти в крае, «возвращались в дома свои с мрачным впечатлением и сомнением в благоденствии, коего ожидали от российского правительства».

Этим в полной мере воспользовалась царица Дарья, твердившая о том, что при прежней власти такого не было. С одной стороны, грузинских дворян пугали действия капитан-исправников, ограничивавших их произвол, с другой — мятежные князья-эмигранты обещали прежнюю волю — знать склонялась на их сторону. Народ был в нерешительности. Для подавления возмущения в Кахетии отправили войска, но до столкновений не дошло. Уговоры и решительность начальников сделали свое дело. По мнению Лофицкого, главные лица российского управления, вместо того чтобы заниматься обустройством края, погнались «за собственной славой». «Все силы ума напряжены были о преклонении ханов Эриванского, Ганджинского, Нухинского, Шушинского, Шемахинского и Бакинского к сдаче крепостей их провинций; но владельцы сии, не видев ни благоденствия грузинского, ни войска на победу их или на защиту от Бабахана потребного, и что Грузия не может обеспечить русские войска потребностями, для войны необходимыми, единством красноречия тому не убедились, а безвременные угрозы за сие благовременно вооружили всех соседей Грузии на отражение тамошних сил Российских»^[304]. Последнее очень важно для понимания того, почему Цицианов в обращении с владельцами Кавказа так акцентировал внимание на твердость своего слова.

Когда главнокомандующий извергал грома на головы увертливых ханов, он фактически расплачивался за издержки предыдущих политиков. Здесь не обойтись без трафаретного образа «закладки фундамента». Цицианов действительно был первым, кто начал совершать коренной поворот в сознании жителей Закавказья, в привитии мысли о том, что русские пришли в этот край навсегда. Такая задача для него была одновременно и особенно трудной, и заманчивой. Ведь он сам в 1797 году вместе с корпусом Зубова по раскисшим от зимних дождей дорогам пробирался от Баку к Тереку, преисполненный досадой на столь бесславный и бессмысленный конец эпохального военного предприятия, способного стать достойным завершением блистательного века Екатерины II. В период своего управления Грузией Цицианов неоднократно и пылко говорил о том, что земля, однажды попавшая под скипетр императора Всероссийского, ни при каких обстоятельствах не может из-под этого скипетра уйти. Во многом это объясняется горькой памятью о 1796 годе. Эта память, вероятно, объясняет его нетерпимость к отступлению, даже в самых крайних случаях. Верил ли он в магическую силу цифры «три» или нет, но то, что в случае третьего ухода за Терек четвертое возвращение в Закавказье станет чем-то немислимо трудным, он знал точно.

Глава третья.

ЦИЦИАНОВ И «ОБУСТРОЙСТВО» КАВКАЗА

...произвести самые благотворные для грузинского народа действия, приучая оный к порядку и повиновению...

П.Д. Цицианов

...Вам должно народу сему дать почувствовать, что ни отдаленность его, ни трудность сношений не воспрепятствуют ему участвовать в благости Российского управления и что никогда не будет он иметь причин раскаиваться, вверив судьбу свою России

Император Александр I

Указом Александра I от 11 сентября 1802 года Павел Дмитриевич Цицианов был назначен главнокомандующим в Грузии. Не удалось найти сведений о том, как рождалась и укреплялась идея назначить именно его на этот пост. Надо сказать, что история кадровых решений — вообще предмет крайне туманный, поскольку главные ее составляющие — обсуждения кандидатур — проводились почти всегда в режиме келейно-кулуарном, без протоколов и каких-либо прочих следов на бумаге. О ходе этих обсуждений историки узнают в основном из мемуарных источников, большинство которых — отголосок борьбы на тех самых переговорах. Но тем не менее интерес к истории выдвижения человека на ответственную должность — не праздное любопытство, поскольку здесь во многом кроются мотивы многих его поступков. В те времена прочность позиций при дворе, наличие серьезных покровителей и серьезных недругов играли важную роль в положении чиновника, оказывали большое влияние на его поведение. По «анкетным» данным, Цицианов действительно являлся идеальной фигурой. Во-первых, это был генерал со всеми необходимыми формальными и неформальными знаками боевых заслуг (участием в кампаниях, командованием отдельным соединением и победой, одержанной в этой

должности, орденами Святого Георгия и Святого Владимира, золотым оружием, личной похвалой Суворова и личной похвалой Екатерины II). Во-вторых, он был участником Персидского похода 1796 года и в ходе его проявил знание края и незаурядные организационные способности; в-третьих, он был человеком, доказавшим свои хозяйственно-административные дарования при комплектовании полка. Принимая во внимание социокультурные и экономические условия России, успешное выполнение такого задания означало сдачу экзамена на право занять пост губернатора. В-четвертых, о генералах, отмеченных особыми милостями Екатерины II и оказавшихся в отставке при Павле I, вспоминали в начале царствования Александра I в первую очередь. Наконец, в-пятых, должность в Государственном совете, на которую определили Цицианова в 1801 году, явно ему не подходила: представить нашего героя безвылазно сидящим в столичной канцелярии невозможно — не тот характер, не тот масштаб личности.

Однако генералов с подобными данными в распоряжении царя в то время было не менее десятка. К тому же в России действительные заслуги далеко не всегда гарантируют продвижение по карьерной лестнице. В назначении Павла Дмитриевича на пост главнокомандующего в Грузии, скорее всего, главную роль сыграло то, что взвешивается «на аптекарских весах», — разного рода связи в верхах. Доверительный и даже порой интимный характер его писем Василию Николаевичу Зиновьеву позволяет называть последнего самым близким другом главнокомандующего. Их переписка началась в 1780-е годы, когда будущий герой Кавказа был еще обычным гвардейским офицером, а последнее известное письмо датировано концом 1805 года. Из этой переписки следует, что уже в 1780-е годы Цицианов являлся человеком клана Воронцовых^[305]. В посланиях нашего героя мы видим типичный образец письменного общения образованных россиян XVIII столетия. Сообщения о семейных событиях «переслоены» информацией о жизни столичного общества и «философскими» рассуждениями. Заметное место в письмах занимают сообщения о наградах, производствах в чин, назначениях и т. п. В 1786 году в одном из писем — может быть, в шутку — Цицианов, тогда серьезно болевший, пообещал после выздоровления приискать «бедненькую, умненькую и верненькую девочку» и жениться на ней^[306]. Впрочем, как известно, он так и остался холостяком. Зиновьеву же адресовано и одно из последних писем генерала, в котором тот словно предчувствовал свою скорую гибель: «Помолись, чтобы я цел выехал или жив. Я выведу тебе

славную лошадь под именем "Зеид-хан", росту большого, езды прекрасной, и тебе по завещанию назначена, хотя бы я здесь умер или убит был...»^[307] Сам Зиновьев — фигура загадочная. Пик его карьеры (пост главы Медицинской коллегии) — должность весьма скромная, по крайней мере не предоставлявшая действенных рычагов для продвижения друзей на вершины власти. К тому же с 1800 года он находился в отставке и до самой смерти проживал в своем поместье. Тем не менее мы находим его имя в Русском биографическом словаре и еще в ряде справочных изданий, попадание в которые требовалось заслужить. Зиновьев не чурался изящной словесности, но и литературные его успехи не позволяли рассчитывать на бессмертие. В энциклопедии этот человек попал как известный масон, член Ложи Елизаветы и Добродетели^[308]. Масонами были и другие влиятельные покровители Цицианова — А.А. Чарторыйский, С.Р. Воронцов, А.Р. Воронцов, В.П. Кочубей. Сам Павел Дмитриевич также значится в энциклопедическом словаре «Русское масонство. 1731— 2000», но напротив его фамилии стоит вопросительный знак, означающий сомнения автора в принадлежности генерала к этой тайной организации. Обращает на себя внимание и тот факт, что другой ближайший друг Цицианова — Федор Васильевич Ростопчин масоном не был, а вот один из его ярых недругов, граф Иван Васильевич Гудович, в одной из лож состоял. Таким образом, в поисках столичных сторонников главнокомандующего «масонская линия» хотя имеет право на существование, но не обещает однозначного ответа на вопрос.

Неизмеримо большее значение имеют явные связи генерала. Напомним, что он был близко знаком с Адамом Адамовичем Чарторыйским (1770—1861) — влиятельнейшим человеком в окружении Александра I, составлявшим вместе с графом Строгановым и Кочубеем кружок так называемых «молодых друзей» императора. Чарторыйский происходил из семьи польских магнатов, обеспечившей ему образование, воспитание и богатство. Участие Чарторыйских в борьбе за независимость Речи Посполитой в конце XVIII века повлекло за собой эмиграцию и конфискацию имений. Заступничество со стороны австрийского императора несколько облегчило его участь, а встреча с Александром I, очаровавшим молодого поляка своим либерализмом, стала для него судьбоносной. В 1796 году он стал адъютантом наследника престола, но в 1799 году, по капризу Павла I, отправился послом в Сардинию, что по сути являлось почетной ссылкой. Сразу после смерти Павла I Чарторыйского вызвали в столицу, где он стал одним из влиятельнейших людей, заняв 8

сентября 1802 года пост товарища министра иностранных дел, а в 1804 году возглавив внешнеполитическое ведомство.

В определении круга лиц, на которых мог опереться Цицианов, не следует забывать о «гродненской истории», когда генерал решительно встал на сторону И.А. Безбородко — племянника канцлера Александра Андреевича Безбородко. Последний начал свою военную и административную карьеру в окружении П.А. Румянцева-Задунайского, который и рекомендовал его Екатерине II. Императрица назначила его принимать челобитные на ее имя, что открыло ранее никому не известному и неродовитому человеку огромные возможности для установления связей в российской элите. Безбородко «владел слогом», делал толковые доклады по различным «частям» государственного управления, сопровождал царицу во всех поездках, фактически руководил деятельностью российского Министерства иностранных дел. Не оказался он в опале и при Павле I, который буквально осыпал Безбородко наградами. Цицианов поддерживал и другой племянник канцлера — Виктор Павлович Кочубей. С 1786 года он состоял при императрице Екатерине II; в 1792 году получил пост посла в Турции. При Павле I периоды его фавора чередовались с опалами. С восшествием на престол Александра I Кочубей стал одним из главных действующих лиц в правительстве. Вес в обществе ему придавали не только близость к императору, не только пост министра внутренних дел, но и связь по линии жены с родами графов Васильчиковых и Разумовских, а по личным контактам — с графами Александром Романовичем и Семеном Романовичем Воронцовыми, братьями Екатерины Романовны Дашковой. Именно эти два видных государственных мужа, иногда именуемые «екатерининскими орлами», стали главной опорой Цицианова. Семен Романович Воронцов после нескольких лет успешной военной карьеры в 1783 году стал послом в Венеции, а затем в течение двадцати лет представлял Россию в Лондоне (1785—1806). Как Кочубей при Павле I, он был то в милости, то в немилости императора. В начале 1801 года вышел указ о его отставке, но Александр I вернул его на службу. Его младший брат Александр Романович служил послом в Австрии, руководил Коммерцколлегией, но не считался влиятельной фигурой при дворе. В 1791 году он вообще вышел в отставку. 1802 год, когда его назначили государственным канцлером, называли временем торжества Воронцовых. Хотя в 1804 году Воронцов по состоянию здоровья вышел в отставку, к мнению этого государственного деятеля «в верхах» прислушивались до самой его смерти.

Таким образом, Цицианов был человеком одной из влиятельных

придворных партий. Это со всей очевидностью показывает переписка А.Р. Воронцова, получавшего персонально письма от главнокомандующего на Кавказе и отправлявшего ему частные послания. 21 июня 1805 года он выразил удовлетворение по поводу награждения князя орденом Святого Александра Невского с алмазными знаками и солидной арендой. В послании от 8 июня 1805 года своему племяннику Михайлу Семеновичу Воронцову (будущему главнокомандующему на Кавказе в 1845—1854 годах) он сетовал на то, что в столице многие настроены против Цицианова, добавляя: «...это не делает чести общественному мнению, которое господствует в Петербурге». Влиятельный царедворец также выразил надежду на то, что Цицианов останется в Грузии, где он приносит так много пользы. О незаменимости своего протеже на этом посту Воронцов повторял неоднократно в письмах своим друзьям и родственникам. Более того, в его письмах выражалось недоумение по поводу малой активности других сторонников князя, способных повлиять на его имидж^[309].

В 1804 году перед Цициановым встала сложная задача, ошибка в решении которой могла сильно повредить его репутации. На Кавказ в погоне за чинами и орденами приехал Михаил Семенович Воронцов. Приводим целиком письмо, которое получил главнокомандующий по этому поводу:

«Поелику нигде, кроме края, где вы командуете, нет военных действий, где бы молодому офицеру усовершенствоваться можно было в воинском искусстве, да и к тому присовокупляя, что под начальством вашим несомненно можно более в том успеть, нежели во всяком другом месте, то по сим самым уважениям, как я, так и брат мой, согласились на желание графа Михаила Семеновича служить волонтером в корпусе, находящемся в Грузии. На дружеский вопрос вашего сиятельства по гвардейскому ли чину его употреблять, имею вам ответить с такою же откровенностью, что чин его гвардейский нимало кажется не будет препятствовать к употреблению его, если взять то, что он служить будет у вас не при полку, а генерально при корпусе волонтером; а потому от распоряжения вашего зависеть будет, при случае, поручить ему в команду detachment (отдельный отряд. — В.Л.), чему многие мы имели примеры и в других войнах. Сие как я, так и брат мой, примем знаком дружбы вашей; токмо прошу вас не иначе то учинить, как поколику позволяют вам нынешней воинской службы постановления. В предложении вашем отправить сюда племянника моего при радостном каком событии вижу я охотливость вашу сделать мне приятное. Благодаря вас всемерно за оную,

скажу вам, что как таковые посылаются единственно для доставления им чина, то по сей самой причине ни я, ни брат мой того не желаем. Граф Михаил Семенович, будучи еще довольно молод, может успеть заслужить чины прямым путем, чем мы более будем довольны; к тому же отправление это противно установлению фельдъегерей для посылок учрежденных, да и вообще мне кажется, что если бы посылали офицеров с радостными известиями, то сие право более принадлежит тем, кои в деле отличили себя и сим заслуживают награду. Ко всему этому остается мне повторить то, что я и прежде писал вашему сиятельству, что он у нас один и что мы желаем, чтоб он был полезен отечеству своему и для того, чтоб усовершенствовался во всем, к тому относящемся. Полагаясь на дружбу вашу и будучи уверены, что не оставите его своими наставлениями и доставлением таких случаев, где он может себя образовать и достигнуть цели нашей, мы отдали его, так сказать, в полную вашу благосклонную попечительность, не сомневаясь нимало, что будем иметь причину быть довольными сею посылкой»^[310].

Слова о «радостном событии» объяснялись просто. Для Цицианова самым простым выходом из положения было бы проведение сравнительно удачной военной демонстрации с участием молодого гвардейца, умелое составление «трескучего» рапорта, превращавшего эту демонстрацию в серьезное военное предприятие и дававшего право представить к наградам наиболее отличившихся участников, разумеется, включая заезжего столичного искателя приключений. Потом можно было придержать его где-нибудь в штабе до «настоящего» ратного успеха и, наконец, отправить в Петербург с донесением о таковом. Поскольку существовала традиция награждать добрых вестников чином или орденом (масштаб зависел от радости монарха), схема выглядела безупречной. Однако здесь она, как мы видим, не годилась. Во-первых, сами старшие Воронцовы не желали такой «дармовой» награды, которая, по правде сказать, компрометировала человека в глазах военного сообщества. Да и сам Михаил Семенович был в числе тех, кто желал, кроме вождеденного Георгиевского креста, получить еще и реноме «рубаки». Во-вторых, Цицианов, щепетильно относившийся к солдатской чести, скорее всего, только из вежливости и осторожности предложил «бескровный» вариант. Осторожность его была более чем обоснованной. На войне того времени, а тем более на войне кавказской, командир имел даже больше шансов сложить голову, чем простой солдат. Неприятельские стрелки, среди которых имелись настоящие виртуозы своего дела, старались выбить человека в офицерском мундире. Гибель молодого и знатного князя, единственного на тот момент продолжателя знаменитого рода, могла произвести сильнейшее впечатление в обществе.

Представление о потерях — вещь крайне субъективная. Во время Аустерлицкого сражения в 1805 году, например, ряды Кавалергардского полка поредели не более, чем ряды многих других частей. Но в нем служили люди, которых знал «весь Петербург», и потому их гибель или ранения воспринимались как вселенская катастрофа. Если бы в горах Кавказа сложил голову никому, кроме родных, не ведомый армейский поручик, это было бы только увеличением цифры в графе «убито», а вот известие о смерти князя Воронцова усилило бы в столичных кабинетах и гостиных мнение людей, сомневавшихся в полководческих способностях Цицианова. Этим во многом и объясняется тон письма главнокомандующего М.С. Воронцову от 8 января 1804 года из Гянджи:

«Не можете вообразить вы, любезный граф, с каким нетерпением я жду о ваших делах известия, дрожа собственно за вас и, спасши вас от вернейшей пули, на штурме могущей быть, боюсь, чтобы там вас не нашла. На Бога во всем пространстве положись, то цел и здоров будешь. Я завтра отсель уезжаю. Плену взято обоюга пола более 17 тысяч: кусок благородный! Письма, вчера доставленные, высылаю. Дядюшка ваш не соглашается посылать вас курьером, твердит только, чтоб вас беречь. Кой час кончится дело, приезжайте в Тифлис. Я в Имеретию, может быть, пойду... А мне прошу верить, что душой и сердцем вам преданный князь Цицианов. Почтенному товарищу Василию Семеновичу (Гулякову. — В.Л.) мое почтение прошу сказать и желание успеха».

Цицианов приложил немало усилий, чтобы М.С. Воронцов получил, кроме чина, еще и вождеденный орден Святого Георгия Победоносца. Главнокомандующий сам откровенно писал об этом своему протезе 28 октября 1804 года. Он сообщал, что трижды беспокоил по этому поводу князя А. Чарторыйского (еще одно свидетельство, что именно этот царедворец был ходатаем за него перед императором). Чтобы доказать свои усилия, к письму даже приложена выписка из реляций о боях с персами: «Не могу особенно не рекомендовать при мне находящегося за бригадир-майора несменяющегося лейб-гвардии Преображенского полка поручика графа Воронцова, который, деятельностью своей заменяя мою дряхлость, большою мне служил помощью и достоин быть сравнен с его сверстниками господами Васильчиковыми, переименованными из камергеров вышними против его чинами. О сем дерзаю всеподданнейше представлять, зная священные правила справедливости Вашего императорского величества, по строгости коих служба и рвение сего молодого офицера, обещающего многое для пользы службы, заслуживает всеконечно всемиловитвейшего Вашего императорского величества внимания к ободрению его».

Обнадеживающе выглядела ссылка на Федора Исаевича Ахвердова, будто бы слышавшего о включении Воронцова в списки награжденных этим почетнейшим орденом. Полковник с грузинскими корнями, командовавший понтонными ротами в Петербурге, Ф.И. Ахвердов имел брата Николая Исаевича Ахвердова, генерал-майора, служившего с 1799 года воспитателем великих князей Михаила Павловича и Николая Павловича и потому бывшего в курсе всех придворных новостей. Когда же пришло известие о награждении молодого Воронцова крестом на оранжево-черной ленте, генерал от инфантерии лично поздравил капитана. Вряд ли кто-то еще из офицеров Грузинского корпуса удостаивался такой чести. Но отношения в «обществе» имеют свои правила. Подобные поздравления являлись своеобразным напоминанием клану Воронцовых о необходимости защищать имя главнокомандующего в коридорах власти. Не случайно в следующем письме Цицианов просил узнать ситуацию в столице: «Буде можешь узнать, скоро ли думают меня отпустить...»^[311] Разумеется, свои связи генерал использовал не только в «личных целях». В одном из писем М.С. Воронцову он просил его помочь в назначении пенсии жене пехотного поручика, умершего в Тифлисе от лихорадки и оставившего семью без средств к существованию^[312]. Впрочем, кавказская боевая романтика молодому графу М.С. Воронцову довольно быстро надоела, и 30 декабря 1804 года он писал Арсеньеву, который в то время отправился воевать в Италию: «Весьма я желал быть с вами и, быв уже два года в сих диких варварских местах, увидеть войну и в тех местах, где климат, места, люди и всё уменьшает неприятности оной, в тех местах, где случится в воскресенье быть в сражении, в понедельник на бале, а во вторник в театре...»^[313]

Сотрудничество с Воронцовыми было взаимовыгодным. Цицианов принял отпрыска знатного рода «ласково», дал ему возможность отличиться, в донесениях о боевых действиях всячески превозносил заслуги молодого князя. В данном случае кривить душой ему не приходилось: Михаил Семенович действительно доказал свою храбрость в боях и на Кавказе, и в Отечественной войне 1812 года. Чин капитана, ордена Святого Владимира 4-й степени и Святого Георгия 4-й степени, заслуженные им в походах на Белоканы и Эривань, не являлись дармовым украшением, как это нередко было в случаях с другими «фазанами» (так насмешливо называли офицеров-гвардейцев, прилетавших на Кавказ для «ловли счастья и чинов»). В свою очередь, в своих частных письмах сын одного канцлера и племянник другого в самом выгодном свете выставлял

деятельность своего покровителя. А письма эти, между прочим, попадали в руки самого императора^[314]. О доверительности отношений А.Р. Воронцова и П.Д. Цицианова красноречиво говорит тот факт, что первый советовал своему племяннику сообщить главнокомандующему о беспорядках на карантинном посту в Моздоке (через который М.С. Воронцов проезжал по пути в Тифлис) и даже взять займы у генерала солидную сумму, поскольку курьер с денежным переводом застрял на Военно-Грузинской дороге^[315].

Есть основания полагать, что у Цицианова имелись связи и в кругах, кои в просторечии именовались «немецкими». Речь идет о выходцах из прибалтийских губерний, занимавших значительные посты в правительственном аппарате империи.

В одном из писем М.С. Воронцову в 1804 году главнокомандующий просил передать «почтение» Александру Христофоровичу Бенкендорфу — тогда еще 22-летнему офицеру Семеновского полка и будущему шефу жандармов и начальнику печально известного Третьего отделения. Скорее всего, здесь мы видим проявление внимания к его отцу — генералу от инфантерии Христофору Ивановичу Бенкендорфу — отставному рижскому военному губернатору. С симпатией к Цицианову относился и П.В. Завадовский, отметивший его ратные успехи еще в Польской кампании. Этот влиятельный вельможа в письме тому же Воронцову от 16 сентября 1803 года высказывался по поводу ситуации в Закавказье так: «Дела брани там (в Грузии. — *В.Л.*) быть могут, а начальник князь Цицианов — в ремесле военном с отличным талантом и духа непреодолимо го»^[316]. Даже случившаяся под Эриванью неудача не изменила отношения Завадовского к Цицианову. В письме Воронцову от 9 ноября 1804 года так комментируются события в Закавказье: «Князь Цицианов, принужденный не силой неприятеля, а не деятельностью своего помощника оставить Эривань, располагает опять его добывать, что нужно непременно, дабы тамошние народы, возбодрившись неудачей, не вышли из страха и не подняли ушей. Войска, как я слышу, усилены, начальнику полным образом развязаны руки, и князь Волконский отзывается. Итак, собственные амбиции привязывают князя Цицианова к предмету, чтобы оный одолеть; да я считаю, он в том успеет зимой, поелику персидские войска от суровой погоды разбредутся от сего поста»^[317]. Здесь следует сказать, что противники в Петербурге у Цицианова тоже были не слабые, и к царскому уху очень даже приближенные. Одним из главных недругов Цицианова в столице был генерал-лейтенант Дмитрий Михайлович Волконский (1770—

1835), некоторое время безуспешно командовавший войсками в Грузии^[318]. Он состоял в близком родстве с тогдашним генерал-интендантом Д.П. Волконским. Не следует сбрасывать со счетов и генерал-аншефа Н.С. Волконского, который хотя и был к тому времени в отставке, но имел огромное влияние в московском обществе. В фаворе был и 26-летний генерал-майор П.М. Волконский, будущий министр императорского двора при Николае I.

В числе друзей Цицианова мы видим и Федора Васильевича Ростопчина, того самого, который в 1812 году «сжег Москву». Родоначальником Ростопчиных считался прямой потомок Чингисхана, выехавший из Крымской орды в начале XIV века. Молодому гвардейскому офицеру (он служил в Преображенском полку одновременно с Цициановым) покровительствовали Воронцовы, а затем граф С.П. Румянцев. Однако ему не удалось занять достойного положения при дворе Екатерины II, называвшей его за экстравагантность «сумасшедшим Федькой». Ростопчин попытался сделать карьеру при дворе наследника Павла Петровича, оказался рядом с ним в день кончины императрицы и в 1796—1800 годах стал одним из главнейших лиц в государстве. Его считали фактическим конструктором внешней политики России в конце XVIII столетия. Генеральная идея Ростопчина — раздел Турции, по которому Петербургу доставались Румыния, Болгария и Молдавия, а Греция становилась независимой республикой под протекторатом России. Будучи уволенным в отставку незадолго до убийства Павла I, Ростопчин вернулся на службу только в 1812 году и занял пост московского главнокомандующего. Важно отметить то, что Ростопчин был сторонником присоединения Грузии и всячески подталкивал императора к этому шагу.

Таким образом, у Павла Дмитриевича Цицианова были очень влиятельные покровители в самых верхних эшелонах власти. При этом наш герой сумел заручиться поддержкой как молодых друзей императора (Кочубей, Чарторыйский), так и «екатерининских орлов» (братья Воронцовы, Завадовский).

Еще одной причиной того, что выбор остановился на Цицианове, стало то, что в Петербурге помнили о твердости и деликатности, проявленных генералом в процессе лишения престола последнего польского короля Станислава Августа Понятовского. В 1802 году император уже был убежден в необходимости депортации членов грузинского царствующего дома, и для выполнения подобной операции лучше всего подходил человек, обладавший таким уникальным опытом. Наконец, по своей крови и духу Павел Дмитриевич был самой подходящей фигурой на тот момент. Грузинские корни, родство с царствующей

династией позволяли ему не чувствовать себя чужаком в Закавказье. Об этом еще раз напомнил состав грузинской депутации, подтверждавшей желание Картли-Кахетии войти в состав России: малолетнего царевича Михаила Георгиевича сопровождал в числе прочих князь Цицианов^[319].

8 сентября 1802 года Александр I подписал рескрипт, адресованный Цицианову. Этот документ можно назвать наставлением для нового главнокомандующего, краткой программой его действий на ближайшие месяцы и даже годы. Суть действий, по мысли императора, заключалась в том, чтобы «...народу сему дать почувствовать, что ни отдаленность его, ни трудность сношений не воспрепятствуют ему участвовать в благодати Российского управления и что никогда не будет он иметь причин раскаиваться, вверив судьбу свою России».

В практическом отношении первостепенным было удаление из Грузии царицы Дарьи, вдовы царя Ираклия. Пребывание в Тифлисе активной противницы присоединения Грузии к России являло собой постоянную угрозу мятежа под лозунгом восстановления национальной независимости и династии Багратидов. Сначала надлежало уговаривать царицу уехать добровольно, а в случае упорства предписывалось употребить силу. Следующим шагом должна была стать разработка действенных мер по обороне края от внешних врагов. При этом Александр I советовал учесть «Мнение графа Валериана Александровича Зубова о занятии Сальян и Баку». Екатерининский любимец, бывший начальник Цицианова в Персидском походе 1796 года, на своем опыте убедился, что походы в Закавказье — вовсе не легкая прогулка. В вышеупомянутой записке он фактически уклонился от определенного ответа по поводу целесообразности военных планов, предложенных Цициановым, и посоветовал обратить внимание прежде всего на «устройство» самой Грузии, поскольку только наличие прочного тыла создавало условия для военных предприятий. Примечательно, что Зубов ни слова не сказал ни о «прибыльности» присоединяемых территорий, ни о «несении просвещения во тьму варварства». Он акцентировал внимание на политическом значении будущего похода, в успехе которого не сомневался. Взятие Дербента, по его мнению, имело не столько экономические, сколько военно-политические последствия. Этот город с хорошей гаванью должен был стать опорным пунктом для последующих территориальных «приращений». Кроме того, Зубов указывал на то, что Александру I выпала возможность продолжить дело Петра Великого и Екатерины Великой: «Ничто столько не делает впечатления в народе, как счастливая война, ежели она ему не изнурительна. Победы и приобретения возвышают понятия его о

Правительстве, усиливают доверие к его мудрости и покоряют ему разумы силой удивления. Сколь нужно сделать такое впечатление в России, нет нужды здесь доказывать. Благотворные намерения Ваши в ее пользу тогда только с успехом могут совершиться, когда все силы народной приверженности, любви, а особливо удивления будут соединены в руках Ваших. Одни просвещенные люди могут хвалить Ваши учреждения. Народ должен им удивляться, верить и идти к счастью. Первым дозволено видеть в Вас Государя мудрого, кроткого и благонамеренного. Последний, объятый Вашей славой, должен на Вас взирать как на силу чрезестественную, самым небом руководимую. Тщетны здесь все метафизические идеи о просвещении народа. Свежие бедствия Государства сильного (намек на революцию во Франции. — *В.Л.*) научают нас между прочим и тому, сколь не основательно желать управлять народ истинами отвлеченными. Между тем и в России начинают умствовать. Всякое новое установление Правительства рождает толки и встречает противоречия. Люди, не постигшие еще обязанностей своих, рассуждают уже о правах своих. Таким образом, правительство во всех благотворных своих видах найдет затруднение или по крайней мере охладелость в исполнении. Из сего видно, сколь нужно усилить доверие к нему в народе. Война отваленная (завершенная. — *В.Л.*), победы быстрые, торжество бескровное, приобретения важные, слава издали всегда более оглушающая, что может более сего возвысить мудрость и силу Правительства в очах народных. Победрами и славой наилучшие законодатели пролагали в сердцах народа путь законам. Сию истину чувствовали и Петр Великий, и Екатерина II. Поход Персидский считали они венцом своей славы. И как судьба Вам предоставила совершить то, что тщетно они предпринимали, то и нужно, чтоб экспедиция сия была соразмерна славе и величию России».

Слова о законодателях и законах в контексте завоеваний в Закавказье совсем не случайны. В начале царствования Александр I остро нуждался в упрочении своих позиций в связи с предполагаемой программой политических преобразований. Зубов предложил составить подробный план операции, в разработке которого кроме самого Цицианова должен был участвовать еще кто-то, облеченный доверием императора. Что стоит за этим явно акцентированным пунктом, сказать сложно — недружелюбие ли к человеку, бывшему явно «на подъеме», или «подстилка соломки» на тот случай, если затеваемая экспедиция потерпит фиаско (в таком случае автор записки мог бы заявить: «Я предупреждал о необходимости тщательной подготовки!»).

Поскольку идеальным вариантом обеспечения безопасности Грузии

было использование местного военного потенциала, третьим пунктом в рескрипте императора значилось привлечение мусульманских ханов к борьбе с Персией. Кроме того, царю казалось весьма полезным, «чтобы Грузия могла иметь собственное свое военное ополчение вроде милиции или другом образе и чтобы внимание обращено было к установлению поелику возможно непрерывного сообщения дорог между линией Кавказской и Грузией». По поводу жалоб на то, что значительное число войск постоянно отвлекается на пресечение нападений горцев, в рескрипте говорилось: «Если свойственно горским народам покушаться на всякие хищничества, то, с другой стороны, по сведениям, довольно достоверным, нельзя оправдать, кажется, и поступков с ними разных чиновников или жителей наших, позволявших себе нередко отгонять их скот и, делая им и другие притеснения, отвлекавших их от нас и истреблявших всякую доверенность, которая, установясь, может произвести сношения по взаимным надобностям и хищничества если не прекратить, то по крайней мере учинить не столь частыми». В Петербурге прекрасно знали о том, что с русской стороны на Кавказской линии также было немало людей, для которых «война — мать родна». Чтобы ослабить давление горцев на линию, правительство предлагало более активно применять на практике принцип «разделяй и властвуй»: «...едва ли не лучшей или не коренной политикой нашей существовать должно, дабы отвращать между ними всякое единомыслие, в чем по местным вашим усмотрениям вы наиудобнее распорядиться конечно не оставите»^[320].

Даже через год после официального включения Грузии в состав империи в Петербурге еще явно не осознавали масштабность задач, которые необходимо решить, чтобы «обустроить» эту страну. Поэтому Цицианова не освободили от забот о Кавказской линии и Астраханской губернии. Правда, в рескрипте от 8 сентября 1802 года царь отметил, что две последние административные структуры находятся в относительном порядке, и потому главное внимание следует уделить Грузии, причем новый главнокомандующий наделялся теми же полномочиями и получал те же основные наставления, что и его предшественник Кнорринг. Царь акцентировал внимание на необходимости «...успокоить народ, мятежами внутренними и внешними обуреваемый, издавна России преданный и древнюю свою приверженностью особенное ее участие заслуживший». Александр I еще раз напомнил, что присоединение края «не было шагом к его завладению, но следствием того рассуждения, что удобнее для России защищать край благоустроенный и постоянно управляемый, нежели по внезапным только случаям и единственно на вопль усилившихся его

бедствий временно приходиться на помощь ему и с большими издержками доставлять ему внешним действием минутные меры поправления, всегда готовые разрушиться, как скоро сила, их поддерживающая, оставит их»^[321].

Главные ориентиры на пути обустройства Грузии были выбраны правильно: упорядочение финансовой системы и прекращение внутренних раздоров. По поводу первого царь писал совершенно откровенно: «...хотя устройство этого народа сделалось предметом общего попечения правительства, но я никак не желал бы, чтобы тяжесть управления его пала единственно на Россию...»^[322] В начале XIX века Россия уже начала ощущать «имперское бремя», тяготы финансового, административного и военного характера, порожденные расширением ее границ. В коллективном сознании благодаря усилиям либеральных историков и публицистов утвердилась следующая схема: европейские державы захватывали колонии, выкачивали оттуда ресурсы и на том богатели. При внимательном рассмотрении картина оказывается более сложной. Доходы от заморских владений действительно были немалыми, но и расходы на содержание «имперского хозяйства» тоже впечатляют. Следует помнить, что к тому времени богатейшие земли Причерноморья еще только начали осваиваться. Потоки таврической пшеницы еще не хлынули в южные порты. Территории, присоединенные во второй половине XVIII столетия, не приносили ожидаемых доходов. Наоборот, их развитие, административная адаптация к российским нормам требовали постоянных денежных вливаний. В этих условиях делать еще одну прореху в государственном бюджете было неразумно. Второй же пункт «программы стабилизации» предусматривал депортацию из Грузии царской фамилии, которая, по мнению Петербурга, являлась главным гнездом раздоров: «...внутренние крамолы паче, нежели внешние нападения, довели царство сие до такой слабости, в коей нашло его Российское правительство»^[323].

Если в стратегических установках особых изъянов не обнаруживается, то в области тактики правительство позволяло себе много несбыточных фантазий. Неадекватное восприятие кавказских реальностей в столице выливалось в две формы. Во-первых, правительство часто предлагало пути решения проблем, никак не вязавшиеся с реальными. Во-вторых, даже при разумном планировании допускались просчеты, выражавшиеся в многократной недооценке требующихся финансовых средств, военной силы и, главное, времени. А.Р. Воронцов и В.П. Кочубей в 1801 году намеревались обеспечить безопасность Грузии несколькими батальонами;

А.П. Ермолов в 1820 году собирался за несколько месяцев сломить сопротивление горцев двумя дивизиями; И.Ф. Паскевич предложил покорить весь Северный Кавказ с помощью войск, «освободившихся» после заключения мира с Турцией и Персией в 1829 году. Вместо того чтобы идти из Армении прямо в Россию, предлагалось «по пути» за три-четыре месяца умиротворить Дагестан, Чечню и Адыгею. Николаю I в 1844 году показались абсурдными требования очередного кавказского главнокомандующего прислать дополнительные подкрепления, а еще через пару лет ему пришлось отправить в Дагестан почти вдвое больший корпус. Есть основания полагать, что злую шутку с имперским правительством и высшим военным руководством сыграли тогдашние «картографические» представления о пространстве. Протяженность Грузинского царства с запада на восток не превышала 130 верст, с севера на юг — 100 верст. Это было меньше, чем Санкт-Петербургская губерния! Да и весь непокорный Кавказ был просто пятнышком на огромной карте империи, раскинувшейся от Польши до Аляски! На бумаге маршрут от Баку до Тифлиса составлял чуть более 400 верст. Что это за даль такая для русского солдата, ходившего от Выборга до Кишинева или от Москвы до Берлина? Там-то было пять раз по столько! В Петербурге до середины XIX века никак не могли понять, что платить за кавказский «золотник» придется куда как большую цену, чем это представлялось в 1801 году.

Отсутствие в высших эшелонах российской власти идей обустройства Кавказа, которые можно было бы с успехом применить на практике, объясняется не скудоумием обитателей столичных канцелярий, а спецификой опыта управления национальными окраинами империи. К 1801 году столичные чиновники уже кое-что понимали в финляндских, прибалтийских и польских делах, но на западных рубежах ситуация была совершенно иной. Внешнеполитическая доктрина России к XVIII веку была ориентирована в основном на запад. Собрание русских земель в XVI—XVII веках выглядело как возвращение под сень двуглавого орла прежде всего территорий с православным населением, находившихся во владении польско-литовских государей, а также отвоевание новгородских уездов, уступленных Швеции в период Смуты. Включение России в число великих держав при Петре Великом только усилило европейскую ориентацию страны. Люди, принимавшие в Санкт-Петербурге важные политические решения, знали о западном мире гораздо больше, чем о мире восточном. Это понятно — и трон российский окружали многие выходцы из Европы, и на самом троне таковые сживали. Для многих представителей российской политической элиты немецкий и французский языки были родными. А кто

в Зимнем дворце говорил по-грузински? По-армянски? По-турецки? На запад Россия двигалась с открытыми глазами, на восток — на ощупь. Очень смутные представления о Кавказе были и у глав государства, и у глав ведомств. Немногим лучше обстояло дело с компетентностью лиц, назначаемых на руководящие должности в этом крае. Это было движение в неком тумане, который так и просится, чтобы его назвали «горным».

Поскольку в столице России не расставались с надеждой переориентировать восточную торговлю на трассу Волга—Нева, Александр I поручил Цицианову приложить все усилия к скорейшему закреплению за Россией Баку и устройству нового торгового пути, соединяющего Каспийское море с Черным. Однако свои предначертания самодержец не подкрепил отправкой дополнительных воинских контингентов, хотя Цицианов ясно указал, что для удержания под контролем Имеретии и Мингрелии необходимо как минимум два пехотных полка. Поскольку приоритетным для главнокомандующего был поход на Гянджу, прибывшие из России 15-й егерский и Севастопольский мушкетерский полки были посланы на восток.

*

Принятие принципиального решения о включении Грузии в состав Российской империи сопровождалось не менее принципиальным решением о том, что правящая династия отстраняется от управления государством. Любой другой вариант автоматически создавал предпосылки для кровавой междоусобицы, поскольку, как уже было сказано в предыдущей главе, и сыновья Ираклия II, и сыновья Георгия XII имели равные права на престол. Вскоре правительство убедилось, что требуется удаление всех членов царской семьи, поскольку они если даже не вели активной подрывной деятельности, то служили мятежникам живыми символами борьбы за восстановление независимости. И эта трудная работа легла на плечи Цицианова. При оценке его деятельности в 1802—1806 годах упускается из виду то важное обстоятельство, что этому человеку пришлось перестраивать управленческий аппарат суверенной монархии в бюрократический механизм территориально-административной структуры губернского типа. Прежде всего речь шла о том, чтобы без лишних потрясений пресечь притязания царской фамилии на властные функции. К моменту присоединения Грузии к России фамилия Багратионов-Грузинских разделилась на две ветви. К первой принадлежали вдова Ираклия II Дарья и

ее сыновья Иулон, Александр, Вахтанг, Мириан и Парнаоз; ко второй — вдова Георгия XII Мария и ее сыновья Давид, Иоанн, Баграт, Теймураз, Михаил, Гавриил, Илья, Ираклий и Окропир. Еще в 1801 году для «удостоверения» в искренности желания грузин присоединиться к России в Петербург сначала уехали Баграт, Иоанн и Михаил Георгиевичи, а затем и Мириан Ираклиевич. Цицианов получил предписание «для успокоения народа употребить все меры убеждения, настояния и, наконец, самого принуждения к вывозу в Россию царевичей, а особливо царицы Дарьи, вдовы царя Ираклия»^[324].

26 августа 1802 года император в ответ на просьбу царевичей Баграта, Иоанна и Михаила о возвращении на родину отдал следующее распоряжение: «...Вновь полученные из Грузии известия, что некоторые члены Царского дома, продолжая прежние несогласия, подстреканиями и внушениями препятствуют успешному введению в страну сию предположенного порядка и благоустройства, решили Его императорское величество, в отвращение сих препятствий и для успокоения того края, не только находящихся здесь членов Царского дома оставить в России, но и прочих сюда же вызвать». Члены бывшей правящей династии могли выбрать себе любое место для проживания в России, «исключая С.-Петербург по дороговизне его и по несходствию климата». Содержание каждого члена фамилии Багратионов в России определялось по 10 тысяч рублей в год на каждого, тогда как в Грузии эта сумма не превышала трех тысяч рублей^[325].

Довольно сложной задачей стала высылка царевича Вахтанга Ираклиевича, одного из главных действующих лиц «возмущения» 1801 года. Первая попытка его ареста сорвалась, поскольку для русских офицеров большой неожиданностью оказалась система тайных ходов в замках, принадлежавших царевичу, по которым он и ушел в безопасное место. Тучкову потребовалось немало потрудиться, чтобы угрозами и уговорами вернуть его в Тифлис. После этого в Грузии стало спокойнее^[326]. Вскоре затем его и царевича Баграта вывезли в Россию под сильным конвоем^[327]. В 1803 году удалось уговорить выехать в Россию Давида Георгиевича. Детей царицы Марии Илью и Гавриила отдали в 1-й кадетский корпус, установив им, так же как и малолетнему Окропиру, ежегодный пенсион в 3050 рублей.

Самым драматичным событием в истории удаления из Грузии бывшей царствующей фамилии стала депортация вдовы Георгия XII Марии с двумя дочерьми и малолетним сыном. В записках С.А. Тучкова это изображено

следующим образом: «...Князь Цицианов посылал неоднократно генерала Лазарева, чтобы уговорить ее ехать в Россию. Она никак на то не соглашалась, отговариваясь слабостью здоровья, тем более, что приходилось ехать верхом до самой границы, что почти необходимо. Генерал Лазарев показал ей один раз небольшие русские дрожки, на которых можно было проехать по сей дороге. Но она отвечала, что никогда не ездила на таком экипаже и что никак не согласится сесть на оный. Тогда он велел сделать довольно спокойные и хорошо выбранные носилки, или портшез, по-грузински трахтереван называемые, — экипаж, употребляемый в Грузии пожилыми женщинами. Лазарев сам встал в оные и велел себя носить мимо ее окон, останавливаясь перед оными и хваля пред ней спокойность сего экипажа. Все предложения генерала Лазарева делаемы были царице с некоторого рода насмешкой и недовольным уважением. Она жаловалась на то князю Цицианову и не получила никакого удовлетворения; отговорка же ее ехать заставила их принудить ее к тому силой. Итак, генерал Лазарев, окружив ночью дом ее батальоном егерей, сказал ей, что до рассвета должна она будет непременно выехать, что он объявляет ей сие именем князя Цицианова, действующего по повелению императора Александра. На сие отвечала она ему: "Князь Цицианов был некогда мой подданный; а император российский, не знаю, какое право имеет со мной так поступать: я не пленница, не преступница, притом слабость здоровья моего, как вы то сами видите, не позволяет мне предпринять столь далекий путь"... С рассветом вместе со многими офицерами вошел он в ее комнату и нашел ее сидящей на прешироком и низком диване или софе, каковые употребительны в Азии... Генерал Лазарев начал принуждать ее к отъезду, а она представляла ему прежние отговорки. Тогда генерал Лазарев, выйдя на галерею, окружающую дом, сказал своим офицерам: "Берите ее и с тюфяками, на которых она сидит". Едва они коснулись дивана, как у царицы, ее дочери и у всех бывших тут женщин появились в руках кинжалы. Офицеры отступили, а двое из них выбежали на галерею: один кричал генералу Лазареву: "Дерутся кинжалами", а другой солдатам "Егери, сюда!" Генерал, услышав сие, сказал последнему: "На что егерей?" С сим словом вошел он в комнату, в которой по причине раннего утра недовольно было еще светло, да и занавесы у окна были опущены... Царица, увидев генерала Лазарева, сказала: "Как вы немилосердно со мной поступаете! Посмотрите, как я больна. Какой у меня жар?", и при этом она подала ему левую руку. Но лишь только взял он ее за руку, как правой ударила она его в бок кинжалом, повернула кинжал и в то же мгновение выдернула из тела. Говорят, якобы

она за несколько дней перед тем брала уроки у одного известного лезгинского разбойника, оставившего свой промысел, как действовать сим оружием. Она пробила его насквозь... Генерал-майор Лазарев едва мог дойти до дверей, упал и кончил жизнь.

При сем смятении тотчас дали знать князю Цицианову, генералу князю Орбелианову, коменданту и полицмейстеру Князь Орбелианов начал говорить царице, чтоб бросила кинжал, но она ничего ему не отвечала и ничего не делала. Тогда полицмейстер армянин, бывший еще при последнем царе в сей должности, носивший грузинское платье, взяв в руки теплую свою шапку, ухватил ею кинжал царицы и, выдернув из руки, причинил ей тем еще несколько ран на ладони. После этого она упала без чувств; а вступившие егери обезоружили прочих женщин, с осторожностью оборотив ружья прикладами и прижимая их оными к стенам покоя. Тот же час начали они отправлять их в путь, причем приказали осмотреть, не имеют ли они спрятанного под одеждой оружия. Молодая царевна, сидя на дрожках и увидя сие, вынула из кармана маленький перочинный ножичек, бросила егерям и сказала с усмешкой: "Возьмите, может быть, и это для вас опасно"».

На месте Лазарева вполне мог оказаться сам Цицианов. Кинжал и яд были в большом ходу не только на востоке. К тому же на Кавказе оказалось много людей, как русских, так и не русских, не стеснявшихся в средствах, чтобы отправить на тот свет вслед за Лазаревым и самого главнокомандующего. Поэтому совет Ф.В. Ростопчина, высказанный в письме Цицианову от 21 мая 1803 года, выглядит вполне резонным: «...Ты должен взять меры для собственной своей предосторожности: они еще охотнее употребляют яд, чем железо, и хотя благородно-мыслящему человеку и трудно решиться оказывать подозрение, но надобно однако же себя уверить и в том, что мы редко живем с честными людьми, а всегда почти с дурными»^[328].

Под усиленным конвоем царицу и ее окружение повезли через Дарьяльское ущелье. Два гренадерских батальона и сотня терских казаков оказались не лишними — на всем протяжении пути отряду пришлось отбивать налеты горцев, которым царица Мария, по ее собственному признанию, заплатила за свое освобождение^[329]. В рескрипте от 15 мая 1803 года Александр I сообщил, что «царица Мария и дочь ее, на жизнь Тифлисского полицмейстера посягнувшие, препровождены будут из Воронежа в один из монастырей южных губерний, где, имея приличное содержание, могут они покаянием церковным и укоризною совести

наказаны быть за их преступление. Что касается до царевичей, сыновей ее, они останутся в Москве, где по удобности жилищ в праздных дворцах и по дешевизне содержания как они, так и все другие члены царского дома с пристойностью и выгодами водворены быть могут»^[330]. Царица Мария провела семь лет в Воронеже, в Белгородском женском монастыре, затем ей разрешили переехать в Москву, где она умерла в 1850 году восьмидесяти лет от роду. К тому времени в возможность восстановления независимой Грузии уже мало кто верил, и правительство не возражало против погребения покойной царицы на родине, не опасаясь того, что похороны станут демонстрацией сторонников независимости^[331].

Отъезд большей части царской фамилии в Россию в 1803 году вызвал недовольство среди грузинских дворян. Царица Дарья, которую оставили временно в Тифлисе из-за болезни, перебралась под предлогом спасения от чумы в селение Мухран, где развернула «подрывную деятельность». Она распускала слухи, будоражившие народ (будто бы персидский шах послал к Тифлису огромное войско, царевичи Иулон и Парнаоз стоят на границе с многочисленными ратями, сильный отряд лезгин готов ее освободить и т. д.). Командиру Нарвского драгунского полка, расквартированного неподалеку от Мухрана, было поручено «присматривать» за беспокойной дамой. Вскоре были получены сведения, что она состоит в переписке с мятежными царевичами Иулоном и Парнаозом, что князья устраивают «съезды», на которых звучат неблагонамеренные речи. Когда Цицианов убедился, что никакие уговоры на Дарью не действуют, он приказал генерал-майору князю Орбелианову отправить ее в Россию, соблюдая все предосторожности, «...дабы не подвергнуть себя какому-нибудь несчастью, подобного тому, какое случилось с покойным Лазаревым»^[332]. Предосторожности действительно были не лишними. В Мухране находилось много родственников и слуг царицы — было кому оказать сопротивление. Однако две роты егерей, окруживших резиденцию Дарьи 25 октября 1803 года, сразу сняли вопрос о каком-либо слушании. Шесть унтеров под командой капитана убедились, что царица и ее окружение безоружны, после чего в ее покои явились офицеры с переводчиком и объявили ей «волю императора Александра I». Не мешкая под усиленным конвоем царицу отправили в Москву через Моздок, не считаясь с затратами на многочисленную свиту и капризы путешественницы поневоле. Избавление от этого «очага напряженности» обошлось казне недешево — в 10 тысяч рублей (напомним, что все таможенные сборы Грузии составляли тогда 45 тысяч рублей в год). Следует согласиться с мнением историка А.П.

Берже о том, что удаление из Грузии всей царской фамилии было необходимо: «Из многочисленной семьи царевичей и их родственников не нашлось ни одного, кто бы стал за интересы народа; ни одного, кто показал бы что-нибудь кроме гнусного, мелкого своекорыстия и полного пренебрежения к бедствиям народа, пользуясь легкомыслием и невежеством которого каждый из высших лиц вербовал себе шайку почитателей и пособников для грабежа несчастного грузинского крестьянства»^[333].

Самым опасным противником России считался царевич Александр, который по своей природной храбрости и способностям полководца пользовался уважением как среди грузинского дворянства, так и со стороны персидского шаха. Цицианов хорошо понимал необходимость его нейтрализации. В том же 1803 году он пригласил царевича вернуться на родину и обещал принять его с должным уважением. Одновременно всем дворянам-эмигрантам была обещана полная амнистия, но только в том случае, если они возвратятся из-за границы немедленно. Но тогда Александр отказался от предложения. Позднее, после нескольких лет участия в войне на стороне Персии, царевич увидел бесперспективность сопротивления и дал знать русским властям о своей готовности вернуться, но при условии проживания в Грузии. Ответ ему был передан через генерал-майора Несветаева: император решительно отказывал царевичу в возвращении на родину. 9 сентября 1806 года Несветаев получил письмо из Персии от знатного изгнанника: «Казахский моурав князь Иосиф Бебутов отправил ко мне письмо вашего высокошествия, и я его получил. В нем вы объявляете, что я нашел весьма хорошую мысль и что от всемилостивейшего государя получу великую милость и покровительство. Будьте уверены, что если я буду на моей родной земле, то это составит мое успокоение, благоденствие и великую государеву милость; а если не буду в моей отчизне, то не успокоюсь. Если вы меня оставите на моей родине — куда как хорошо; ежели вызовете в Россию, то сколько бы сокровищ вы мне ни посулили — зачем они мне? Не то, чтоб милостей Иранского государя не доставало как мне, так и находящимся со мной князьям; но если нас не будет в родной стране — каким бы богатством я ни обладал — не хочу. Вторая ваша мысль состоит в том, что если-де возвращусь, всемилостивый государь предаст забвению всё, что мы сделали и все вины наши простит как мне, так и состоящим при нас князьям, дворянам и прочим. Я против всемилостивейшего государя ни в чем не провинился и не имею никакой вины, да и не возьму ее на свою шею, потому что и я, и все находящиеся при мне князья дворяне и другие желаем жить в нашей родной отчизне.

Теперь мое последнее слово таково: какой государь позволит мне жить в моей родной стране, тому я и буду обязанным рабом и служителем даже до последней капли крови. Прошу вас исходатайствовать мне одно повеление всемилостивейшего государя, дабы я пребывал в Грузии и тем успокоил бы свое сердце; а если вам так будет не угодно, то напишите мне одно верное письмо, чтоб я удостоверился, что мой человек получит доступ к высокому Двору, тогда бы я подал всемилостивейшему государю прошение через моего человека, и если государь обратит свой слух на мою просьбу, то это будет великою милостью. Из того, что я написал, если хоть одно исполнится и мой человек доставит мне от всемилостивейшего государя ответ на мое прошение по моему желанию, тогда я и в Грузию прибуду и всемилостивейшему государю служить буду так, как святые мученики служили Христу, проливая за него кровь, подобно сему и я долг имею за государя пролить кровь и служить. Это есть мое полное и истинное слово, а там — воля ваша»^[334]. Судя по заключительным словам, царевич Александр добивался личной встречи с императором, поскольку сомневался, что «посредники» адекватно рисуют главе России картину происходящего. Кроме того, такая встреча или связь через собственного представителя значительно поднимали статус самого царевича. Однако правительство России ни под каким видом не соглашалось на проживание Александра в Грузии. Этот незаурядный человек так и умер за пределами своей родины.

Такова же была судьба и других его братьев. По делу сторонников царевича Парнаоза во время осады Эривани было арестовано 73 человека. Следственная комиссия, составленная из трех человек, начала работать 2 апреля 1805 года. Поскольку в целях сохранения секретности для оформления протоколов не использовались канцелярские служители, дела рассматривались очень медленно. Процесс носил откровенно политический характер, контроль над ним осуществлял сам Цицианов, который постоянно был в походах. Фактически следствие зашло в тупик, так как оказалось, что для допроса надо арестовать чуть ли не всех грузинских князей. Чтобы как-то разрядить ситуацию, всех подозреваемых разделили на три категории: 1) явные мятежники, находившиеся на службе и «старавшиеся» изменить; 2) захваченные с оружием в руках вместе с царевичами, но покинувшие их и арестованные уже в своих домах; 3) те, которые не приносили присяги и потому свободны от обвинений в ее нарушении. В конце концов дело пришлось, как говорится, спустить на тормозах, после того как «в политических видах» получили прощение царевичи Иулон, Парнаоз и один из самых активных заговорщиков князь

Чавчавадзе. После этого вести следствие против рядовых участников возмущения было уже нелепо^[335].

Лишив представителей грузинской царской фамилии права проживания в Грузии, Александр I и его наследники озаботились тем, чтобы Багратиды были материально обеспечены и «обласканы» чинами, высокими должностями и наградами. Губернаторам Тулы и Воронежа было предписано строго следить за сосланными туда царевичами Иулоном и Парнаозом: не стеснять их свободы, но не разрешать отлучаться из города, каждые две недели докладывать о поведении. На содержание «эмигрантов по принуждению» на первых порах выделялось по 300 рублей в месяц^[336]. На эти деньги в российской провинции можно было жить если не по-царски, то уж точно по-барски. Затем царевичи могли проживать где угодно, кроме Грузии. В 1800 году царская семья насчитывала 66 человек, причем грузинский двор отнюдь не блистал роскошью^[337]. До 1803 года члены царской фамилии получали доходы от своих уделов; после переезда в Россию эти доходы были заменены пенсиями. Сделано это было не столько для «удобства» царевичей, сколько для того, чтобы разорвать связь между ними и поместьями, в которых они являлись не только полновластными хозяевами, но и правителями. Материальная выгода царевичам была налицо: суммарный доход от недвижимости составлял около 35 тысяч рублей в год, а сумма пенсий — 91 тысячу рублей. Но оборотной стороной этой императорской щедрости стала жизнь вдали от родины. Чтобы «укоренить» царевичей и их потомков в России, по указу от 22 августа 1804 года Давиду Георгиевичу «как ближайшему к праву бывшего Грузинского наследства и опытами верности его к России известному» были выделены средства для приобретения двух тысяч крепостных. Его братья Вахтанг, Мириан, Иоанн, Багра́т получали возможность купить по тысяче крепостных; Гавриил, Илья, Окропир, Ираклий — по 600 крепостных. Яростная противница России царица Дарья получала пенсию в 27 375 рублей, а убийца генерала Лазарева царица Мария — 13 790 рублей. По 10 тысяч рублей «подъемных» и средства на имение в тысячу душ получили даже укрывавшиеся до 1805 года в Персии Иулон, Теймураз и Парнаоз. В 1834 году в Россию приехала с сыном Ираклием Мария Исаакиевна — жена самого беспокойного царевича, Александра Ираклиевича, оставшегося в Персии. Несмотря на это, ей был устроен достойный прием. Мальчика определили в Александровский кадетский корпус, дали пенсию три тысячи рублей и 75 тысяч рублей на приобретение недвижимости. Солидные пенсии стали получать и

подросшие внуки Ираклия II — Луарсаб и Дмитрий Иулонович. Чтобы царевичей не обманули продавцы имений, саму процедуру доверили специальным опытным комиссионерам и, несмотря на выдачу средств, продлили выплату пенсий на пять лет. Не были обижены и представители имеретинского царствующего дома — Анна Матвеевна (вдова царевича Дмитрия Георгиевича), царевич Константин Давидович. Обеспечили приличным содержанием даже супругу Соломона II Марию Кациевну, яростную противницу России. Ее, правда, сначала посадили под домашний арест в Воронеже, но вскоре освободили и купили ей дом в Москве, выплачивая пожизненно 24 тысячи рублей пенсии в год. Впрочем, несмотря на щедрые выплаты и патронаж, грузинские царевичи не преуспели в «водворении», выделенные им средства использовали нерационально, докучая при этом властям прошениями о дополнительных выплатах и льготах. Дело дошло до учреждения особой должности Главного грузинского пристава, которому поручалось вести дела потомков Ираклия II и Георгия XII. Специальная комиссия Министерства внутренних дел в 1837 году предложила отказаться от идеи сделать из царевичей успешных помещиков и установить им фиксированные пожизненные пенсии по 6 тысяч рублей в год. Следующее поколение (царские внуки) могло рассчитывать на половину этой суммы. При изучении вопроса комиссия суммировала все выплаты Багратионам с начала XIX столетия. Сумма получилась впечатляющая. Государственный совет счел мнение комиссии обоснованным и постановил «положить конец домогательствам и просьбам, которыми они (царевичи. — *В.Л.*) обременяли высшее правительство». И впоследствии, при упразднении владетельных домов Гурии (1829 год), Сванетии (1853 год), Мингрелии (1867 год), правительство не давало повода обвинить себя в скаредности. Ликвидация уделов Багратидов позволила восстановить справедливость в отношении ряда грузинских князей, лишенных по царскому произволу значительных населенных имений. Так, роду Эристовых была возвращена отобранная у них еще в 1777 году Ксанская волость. Несмотря на всю откровенную грузинофилию российского правительства и знаки внимания к членам фамилии Багратидов, в 1826 году сформировалось тайное общество, ставившее своей целью восстановление независимости Грузии и восстановление династии. В 1832 году заговор, у истоков которого стояли царевичи Окропир и Дмитрий, был раскрыт, причем наказание всем его родовитым участникам назначили очень мягкое, особенно на фоне того, что страна жила под впечатлением расправы над участниками восстания декабристов.

После удаления фамилии Багратионов из Грузии на плечи российского имперского правительства легла вся тяжесть управления этой страной и теми закавказскими «провинциями», которые включались в состав империи после 1801 года. Прежде всего требовалось выработать основные административные принципы.

Цицианов был сторонником жесткого стиля. В докладе на высочайшее имя от 13 февраля 1804 года он писал: «Природа, определившая азиатские народы к неограниченной единоначальной власти, оставила на них неизгладимую печать свою. Против необузданности и упорства нужны способы сильные и решительные. Кротость российского правления почитают они слабостью и разными пронырствами укрываются от гонения законов, хвастают ненаказанностью порока... Слово закон не имеет для них никакого смысла и что они стыдятся повиноваться капитан-исправнику родом и чином не знатному. Для них все ново, для нас все странно; недостаток переводчиков усугубляет затруднение; судья и проситель не понимают друг друга, и оба остаются недовольными»^[338]. Он предложил занять пост губернатора Тучкову, а когда тот отказался под предлогом несклонности к гражданской службе, объяснил: «...Грузины — народ военный, и обстоятельства и положение сей земли требуют, чтоб управляющий оной был человек военный...»^[339] В то же время Цицианов вовсе не полагался на одну грубую силу. Он осознавал важность символов. Так, например, в 1805 году он лично составил церемониал представления императорской грамоты о принятии в подданство Шекинского ханства. Возглавлять шествия должен был «один почетный бек, и за ним 50 человек татар и армян по 2 в ряд». Далее шел взвод солдат, потом — четыре офицера и за ними — главный русский воинский начальник в ханстве — майор Тифлисского мушкетерского полка Ребиндер. Саму грамоту нес батальонный адъютант, а замыкал кортеж взвод пехоты. На пути движения кортежа устанавливались «боковые патрули из егерей от середины на 20 шагов и друг за другом в 8 шагах». «Когда сей кортеж будет подходить за 50 сажень к Нухе, тогда из крепости холостыми картузами из всякого орудия сделать по 10 выстрелов для салютации весьма редко; на воротах города играть городской музыке на трубах и в литавры бить до тех пор, как войдет в диван-ханэ майор Ребиндер с грамотой». Грамота и рескрипт императора должны были публично зачитываться на русском и арабском языках, после чего документы торжественно вручались Селим-хану. Во всех мечетях

города должны были совершиться пять молитв «за здравие Его императорского величества всемилостивейшего Государя Императора Александра Павловича и всего Императорского дома». После окончания церемонии кортеж в обратном порядке возвращался к месту расквартирования войск^[340].

Важной чертой Цицианова как администратора являлось то, что он трезво оценивал возможность проведения той или иной административной реформы. Ему было понятно: нельзя внедрить новую правовую систему одним росчерком пера, даже пера царского. Он открыто заявил Александру I, что «законы должны изгибаться по нравам, ибо сии последние едиными веками, а не насильственными способами преломляются»^[341]. Здесь мы сталкиваемся с явлением, довольно распространенным в административной практике России: более или менее выраженным противостоянием центральной и местной власти при решении вопросов управления или законодательства. Чиновники в Петербурге склонялись к «теоретизированию», составлению стройных схем без четкой связи с местными реалиями. Их коллеги на имперских окраинах, не отрицая основных принципов предлагаемых реформ, видели нереализуемость многих положений. Н.Дубровин, изучавший процесс внедрения российских процессуальных норм в Закавказье, имел все основания писать: «Судопроизводство со всей форменностью русского законоположения было дико для грузинского народа, не вселяло к себе никакой его доверенности, и все обитатели искали суда и расправы у одного только главноуправляющего, т. е. у верховного лица, сообразно прежнему обычаю. Закоренелые предрассудки заставляли жителей всех мест Грузии стекаться в Тифлис, и хотя главнокомандующий, резолюцией на прощении, отсылал просителя в суд, но тот вовсе не являясь туда, вторично обращался к главнокомандующему с той же просьбой и довольствовался его решением, даже и тогда, если бы оно заключалось в двух словах: прав он или виновен»^[342].

11 июля 1805 года Чарторыйский высказал мнение в пользу того, чтобы разрешить дагестанским и закавказским ханам приезжать в Санкт-Петербург или направлять депутатов с подношением дани. Таким образом в столице надеялись достичь «большого к себе расположения» восточных владык. Цицианов же увидел в этом серьезную опасность «умиротворения» края, поскольку поднаторевшие в интригах ханы и их приближенные, пользуясь медлительностью почтового сообщения между Кавказом и Петербургом, могли запутывать дела до крайней степени. Хан мог в любой

момент сослаться на мнимое или неосторожное распоряжение столичных чиновников, а главнокомандующему пришлось бы вступать в каждом таком случае в долгую и утомительную переписку. Не стоит и говорить о неизбежном потоке жалоб, который обрушился бы на представителей коронной власти на Кавказе и который потребовал бы соответствующей реакции. Цицианов ответил Чарторыйскому «разочаровывающим» письмом: «Сближение новопокоряющихся народов с нравами российскими не может совершиться от позволения ежегодно возить дань в Санкт-Петербург потому, что нравы и обычаи так легко не приобретаются и не переменяются, и шестимесячное пребывание персиянина в Санкт-Петербурге недостаточно переменит в нем склонность к неправильному стяжанию имения, не может поселить в него любовь к ближнему и истребить в нем самолюбия, коему он приносит в жертву не только пользу общественную или пользу ближнего, но и нередко и самую жизнь сего последнего, буде он его слабее, ни о чем так не заботясь, как о собственной своей пользе и прибытке. Разность веры много препятствует магометанину подражать нашему обычаю и нраву; и будучи воспитан в правилах своей веры, он приучается от мягких ногтей презирать все то, что идет от христиан, почитая нас врагами своей религии, а у врага непросвещенный человек никогда перенимать не станет». Далее главнокомандующий уверял главу внешнеполитического ведомства, что прорусская ориентация тамошних владык объясняется не их симпатией к России, а исключительно страхом перед персами^[343]. О своих политических партнерах генерал был самого невысокого мнения: «Кто может исчислить *персидские обманы* (курсив наш. — В. Л.), бесстыдство, коварство и самую измену, о грудным молоком в ханов здешних вливаемые?! Требуя шелком приношение от Селим-хана (текинского. — В.Л.), можно, наверное, ожидать и слышать от него предложения невзноса онога неурожай, дождливое лето, вредное для червей, стужу, повредившую тутовые деревья, и прочее. Какое же из сего обмана истекает затруднительное последствие? С одной стороны, исследование и изобличение ханов несовместное с достоинством империи; наказание же, хотя и выговором, еще менее прилично; с другой стороны, он в обмане укореняется и кичится персидской хитростью; они сим называют обман, почитая, что всегда могут обмануть европейца этой неизученной хитростью персидской...»^[344]

Прочитавшему эти строки легко понять, почему Цицианов постоянно напоминал ханам об их неравноправном положении, причем делал это без особой деликатности. Так, он отказал уцмию Каракайтагскому Али-хану в

отправке посла в Санкт-Петербург, присовокупив, что он сам облечен достаточными полномочиями для того, чтобы вести дела с местными владыками^[345]. Цицианов понимал, что военных ресурсов у него явно недостаточно для того, чтобы своевременно реагировать хотя бы на наиболее опасные случаи проявления своеволия владетелей, уже принявших подданство, или на дерзкие, с его точки зрения, поступки независимых ханов. Поэтому он старательно и последовательно внушал Кавказу мысль о тождественности его слов и дел. Всякий, вызвавший гнев главнокомандующего, должен был понимать, что письмо с угрозами — не только и не столько документ, сколько передовой отряд войска, которое уже движется, чтобы сурово и неотвратно покарать ослушника. Единственный способ не допустить кровопролития — постараться как можно скорее выполнить все требования. В послании Шерим-беку, правителю Самуха (на северо-западе Азербайджана), Цицианов потребовал немедленно выдать бежавших из Гянджи сыновей Джавад-хана: «...Им худа не будет сделано. Если бы отец их послушался меня и отдал бы мне крепость, то он остался бы здесь ханом навеки. Оставьте все персидские обманы и знайте, что вам меня не обмануть. Приезжайте тотчас с покорностью ко мне и привезите детей ханских, тогда я приведу вас к присяге и приведу в подданные Его величества. А если вы замедлите, то я вас на земле и в воде найду. Вспомните только то, что я слово свое держать умею; сказал, что царскую провинцию сокрушу, и сокрушил; сказал, что царскую фамилию, раздирающую Грузию, из Грузии вывезу, и вывез; сказал, что Ганжу возьму, и взял...»^[346] Шерим-бек поспешил выполнить все требования главнокомандующего. Такую позицию Цицианова поддерживал и император Александр I. В рескрипте от 26 октября 1803 года он писал: «... для утверждения в тех краях должного уважения к Российской империи попускать не надобно, чтобы тамошние владельцы дерзали играть принятыми с нами обязанностями... С занятием Баку и Сальян жребий прочих ближайших к России прибрежных мест на Каспийском море уже в руках наших находится будет»^[347].

Несмотря на явную ставку на силу, Цицианов, как человек с государственным мышлением и широким кругозором, прекрасно понимал значение экономических факторов. Он видел, например, что без разрыва торговых связей Западной Грузии с Турцией будет очень сложно ослабить влияние южного соседа в Закавказье. Цицианов запретил продажу хлеба за границу (именно им грузились турецкие суда), а чтобы местное население не страдало от этих ограничений, испросил царское повеление о

бесплатной раздаче соли (главной статьи турецкого экспорта), а также стимулировал поставки дешевого русского железа. Имеретия и Мингрелия разом перестали видеть в османах незаменимого торгового партнера. Кроме того, переориентация потоков товарного зерна внутрь Грузии способствовала решению еще одной важной проблемы — наполнения военных магазинов.

Провозглашать принципы легко, а претворять их в жизнь трудно. Поскольку не могло быть и речи о замене грузинских чиновников русскими, перед Цициановым встала сложнейшая задача максимально адаптировать существовавшую административную систему к новым политическим и бюрократическим реалиям. Следствием внутренних грузинских неурядиц конца XVIII столетия была запутанность вопросов о денежном довольствии должностных лиц. Еще при Кнорринге из Петербурга пришло распоряжение представить «соображения о вознаграждении здешнего дворянства, пользовавшегося наследственными правами на чины придворные, гражданские или на пенсии». Существовавшая в Грузии система «кормления» человека должностью, которую тот занимал, признавалась недопустимой. Каждому чиновнику определялось фиксированное жалованье. Кроме ликвидации очага разного рода злоупотреблений властью, это был важный шаг в социальной организации местного благородного сословия и одновременно инструмент воздействия на князей и дворян. 17 ноября 1803 года Цицианов отправил рапорт на высочайшее имя с приложением двух списков. В первом стояли имена представителей знати (75 человек), имевших документальные свидетельства о своих заслугах и жаловании. Во втором значились те, «которых собственные показания против грамот не имеют надлежащей ясности»^[348]. Указывались прежняя служба и доходы; жалованье, желаемое самим претендентом; мнение Цицианова по этому поводу и сумма, которую он считал обоснованной. Главнокомандующий, хорошо знавший изнутри политическую кухню, решительно урезал чрезмерные аппетиты. «Сардарь авангардный грузинского войска» (то есть командующий передовым полком) князь И. Орбелиани, например, показал свои годовые доходы в размере 8 тысяч рублей и заявил о желании иметь особое высочайше пожалованное знамя. Мнение главнокомандующего было следующее: «Судя по числу сардарей и по назначению их во фронте боевого порядка сардаря почитать должно генерал-лейтенантом; в сравнение же с чинами имперской службы, оставя без уважения нелепую просьбу о знамени, можно, как кажется, наградить чином генерал-майора и в вознаграждение за доходы дать генерал-майорское жалование без рационов или с

рационами. И так как в Грузии предпочитаем был всем сардарям, потому что был авангардный, при том всегда усердствовал России, то нужно, кажется мне, отличить его орденом Св. Анны 1-го класса». Жалованье же предложено урезать вчетверо — до 2100 рублей в год.

Таблица ясно показывает, что верность и заслуги ценились достаточно высоко, а разного рода прегрешения, наоборот, являлись основанием для «наказания рублем». Князь Заза Амiredжиби был замечен в связях с царевичем Иулоном, за что ему дали лишь половину просимого (225 рублей вместо 450), а вот князь Луарсаб Орбелиани, уже произведенный в майоры за участие в деле против белоканских лезгин, получил поощрение: вместо 450 стал получать 510 рублей в год. П.Д. Цицианов соблюдал справедливость и при обращении с собственными родственниками. Князь Георгий Цицианов претендовал на 4400 рублей годового дохода, не считая 50 пудов меди, получаемых от заводов, которыми он заведовал. Главнокомандующий же посчитал, что достаточно будет ему и 1200-рублевого пенсионера и уже упоминавшейся меди. Объяснялось это тем, что князь, «лишен будучи всякого почтения и уважения от народа, будучи тестем царя Георгия, притеснением многих стяжал имение». Надворный советник Иван Кобулов представил две грамоты на 300 и 180 рублей. Первую «подтвердили», а по второй, «поелику в грамоте число денег подскоблено», решительно отвергли. Князь Манучар Туманов заявил, что при Ираклии он получал 830 рублей. Цицианов повелел дать только 120, «не уважая на наглое показание к получению без трудов и службы толико важных сумм к бесполезному расходу малых грузинских доходов». Князь Оман Херхеулидзе разозлил генерала голословной претензией на 532-рублевого содержание до такой степени, что в ведомости есть слова о желательности «за наглые показания лишить всего жалования». Окончательная сумма была определена в 220 рублей — князя спасла нечасто встречающаяся среди дворян грамотность («в уважение того, что он определен был в письменные дела»). Князь Иосиф Чавчавадзе, не представив никаких документов, заявил, тем не менее, что получал при Георгии XII 467 рублей. В получении пенсионера ему было решительно отказано. Князь Кайхосро Челокаев неосторожно показал размер своих прежних доходов в рублях и копейках. В результате появилась следующая резолюция: «Нелепость показаний с помещением и копеек в счет, никогда в Грузии не существовавших, доказывает ложность оногo». Пенсия составила треть от запрошенной суммы. Приветствовалась скромность. Князь Георгий Нодаров не в пример остальным указал, что имел 230 рублей в год. Несмотря на то что и у него не было никаких

подтверждающих бумаг, последовала резолюция: «По столь умеренному показанию, в мзду бескорыстия, не позволившего ему облыжно писать по примеру других, по мнению моему, следует назначить всё сполна». Одному дворянину решили платить менее трети от просимого только после того, как «следственное и постыдное по мужеложеству дело кончится к его оправданию». Мелик Дарчи Бебутов не назвал суммы доходов, «предавая милосердию Вашего императорского величества высочайшее вознаграждение». Расчет на высокую оценку скромности не сработал. Главнокомандующий указал, что скромник «давно пользовался выгодным управлением Тифлисского купечества, не следует ему иметь более 600 рублей». Всего заявители надеялись получить в совокупности 60 815 рублей в год, но князь решил, что казна не выдержит выплаты более чем в 16 990 рублей; таким образом, претенденты получили менее трети (28 процентов) желаемого^[349]. На такое урезание appetитов чиновников Цицианов решился, поскольку понимал правила игры. Просители и не рассчитывали на полное удовлетворение собственных запросов и формировали таковые с солидным «запасом».

В целом действия главнокомандующего были направлены на укрепление доверия грузинской знати к российскому правительству. Князьям Эристовым была возвращена Ксанская волость, отобранная у них еще в 1777 году при обвинении в измене. Следствие показало, что никаких документальных подтверждений их вины не обнаружено, а по свидетельствам других дворян, эта волость по меньшей мере два века являлась их родовым поместьем^[350]. Той же цели — улучшению отношений с грузинской элитой — служило и образование правительства (мдиван-беки) из членов знатных и влиятельных семей. В него вошли Багратион Мухранский, Евстратий Цицианов, Александр Макашвили, Иван Челокаев, Давид Абашидзе, Кайхосро Челокаев, Заал Баратов, Игнатий Туманов и Оман Херхеулидзе. Заседателями уездных судов также стали Тумановы, Цициановы, Бектабеги и другие известные стране фамилии^[351]. Одновременно была сделана попытка исподволь лишить местную знать чрезмерного влияния на население. Это выразилось в постепенном уничтожении института моуравов — наследственных правителей казенных сел, которым полагалась десятая часть урожая. Главным недостатком такой системы являлось превращение управляющих в полновластных хозяев, имевших привычку драть с крестьян три шкуры произвольными поборами. Для начала к моуравам «для наблюдения» приставили русских помощников, которые сразу рассорились со своими

непосредственными начальниками. Обе стороны стали десятками строчить жалобы друг на друга. Чтобы разрешить конфликт, главнокомандующий предложил передать «надзорные» функции командирам воинских частей, расквартированных в этих местностях, снабдив их переводчиками для контактов с моуравами. Мусульмане «татарских дистанций» остались под руководством своих старшин и моуравом. Этим убивались сразу два зайца. Постоянно готовое к мятежу мусульманское население не получало сильного раздражающего импульса, а грузинские князья не лишались привычного источника доходов. Судя по фамилиям, приставы являлись представителями местной знати (поручик Мирабов, поручик Махвилов и др.).

Сохраняя традиционные формы управления, Цицианов фактически саботировал прямое указание Александра I одним махом упразднить институт моуравов. Точно так же в Закавказье фактически были отменены телесные наказания, а ссылка заменена каторжными работами на медеплавильных заводах. По мере возможности Цицианов противился и безумному использованию в Закавказье непривычных форм продажи описанного по суду имущества^[352]. Для избавления исполнительной власти на местах от давления со стороны князей главнокомандующий предложил отменить выборность полицмейстеров (нацвалов). Поскольку главным предметом недовольства грузин была непонятная им процедура прохождения дел в судах, Цицианов выступал за всемерное упрощение существовавших «обрядов»: за разрешение предоставлять документы на грузинском языке и не «по форме», за отмену гербового сбора и т. д.^[353] Даже заметное желание «переиначить» многое предпринятое Кноррингом не могло заставить Цицианова решиться на ломку принятых форм управления. Он прекрасно понимал скудость своих административных ресурсов и терпимо относился к деятельности так называемых мдиванбеков, к которым грузины привыкли при царе Ираклии^[354].

Установление добрых отношений с местной знатью давало возможность Цицианову использовать грузинских дворян как авторитетных посредников при разрешении различных конфликтов. Так, в ноябре 1804 года он предложил князьям Зазе и Ревазу Мачабели объяснить осетинам, что они могут избежать жестокого наказания, если вернут пленных и имущество, захваченное при разгроме казачьего полка. Поскольку упорство осетин во многом объяснялось их надеждой на помощь со стороны царевича Парнаоза, главнокомандующий предлагал отправить доверенных людей в Тифлис, чтобы те воочию убедились, что Парнаоз сидит под

арестом. Князья, которые по каким-то причинам не могли обуздать своих беспокойных подданных, получали строгие выговоры с угрозами отправиться в ссылку. Так, в мае 1805 года князь Реваз Мачабели был предупрежден, что, если осетины, проживающие в его владениях, не прекратят «шалости», он сам поедет в Сибирь вместе со своими людьми^[355].

Знание местных обычаев и менталитета позволило Цицианову разобраться в непростой и неформализованной системе «знатности» грузинского благородного сословия. Здешние князья имели разное происхождение. Одни принадлежали к знати с «незапамятных времен», другие получили титул за особые заслуги перед царями или персидским шахом, третьи стали князьями как крупные земельные собственники. Каждый княжеский род выставлял свою дружину, владел деревнями, а во время нашествий иноземцев или при междоусобицах запирался в собственных крепостях. Все значительные государственные должности занимали представители только этого сословия, причем передавались посты по наследству. Доходы от недвижимости поступали в распоряжение главы рода, который «по справедливости» содержал многочисленную родню. Эта особенность социальной организации грузинского дворянства ставила перед русской администрацией ряд проблем, когда приходилось принимать меры в связи с участием главы какого-то княжеского рода в «мятеже»: арест такого человека ставил под удар всех членов его рода. К высшему классу принадлежали правящие князья шести знатнейших родов — Эристов Арагвский, Эристов Ксанский, сардарь (воевода) Амилахвари, сардарь Орбелиани, Цицианов (Цицишвили) и мелик Сомхетский. Все прочие члены тех же шести родов считались князьями 2-го класса, князья других родов относились к 3-му классу^[356]. Всего на 1783 год насчитывалось 38 карталинских и 24 кахетинских княжеских фамилий. Особую значимость князьям придавало наличие у них подвластных дворян. Здесь первое место занимали Цициановы, которые имели 34 вассала. С ними соперничали Джамбакуриан-Орбелиани — во время войны под их знаменами собирались 28 дворянских отрядов. У рода Абашидзе их было 19, у рода Эристовых — 18, у рода Амилахвари — 12. Так же как и князья, «простые» дворяне (317 фамилий) сильно различались древностью своих родов — от нескольких веков до нескольких лет. Те дворяне, которые являлись непосредственными слугами царей, занимали более высокое положение в феодальной иерархии. Остальные тоже делились на три группы в зависимости от богатства и заслуг. Служилое положение дворян

подчеркивалось тем, что они, владея землей потомственно, теряли право на недвижимость, если уходили от своих господ. Промежуточное положение между простолюдинами и благородными занимали мсахури, выполнявшие роль телохранителей, привилегированных слуг. В случае жизненной удачи они могли рассчитывать на вступление в ряды дворянства.

Войны и стихийные бедствия были причиной того, что у многих представителей грузинской знати не имелось никаких документов, подтверждающих их особый статус. В ряде случаев таких документов вообще не существовало, поскольку пожалование титула происходило без письменной волокиты. Как следствие, в Грузии «установилось своеобразное требование приличия: ни в личном, ни в письменном обращении к кому бы то ни было из высшего сословия нельзя было назвать его князем или дворянином, не возбуждая в нем вопроса: "Кому это кажется новостью, что я — князь, или что я — дворянин? И кто же этого не знает?" Поэтому о письменных доказательствах дворянского звания в нашей стране никогда и не должно было возникать речи, в особенности, когда все дворянские роды были признаны таким актом, как трактат», — писал один из представителей грузинского высшего сословия. Однако при Николае I местному дворянству объявили о необходимости представить доказательства своего права под угрозой «переписи» в податное сословие. В 1844 году даже пришлось издать специальный указ, который пресекал фальсификацию, расцветшую махровым цветом. Оказалось, что доказать свое княжеское достоинство не могут Эристовы, Амилахвари, Абашидзе, Андрониковы и прочие знатные роды, «благородство» которых ни у кого не вызывало сомнения. Ставший в 1845 году наместником на Кавказе М.Н. Воронцов добился отмены процедуры «доказательства», противоречившей местным реалиям^[357].

Цицианов как представитель коронной власти обязан был выступать в роли защитника интересов грузинского дворянства, помогать держать в повиновении крестьян, находившихся в феодальной зависимости. Но, как свидетельствуют документы, в ряде случаев для этого приходилось либо поступаться справедливостью, либо становиться на сторону эксплуатируемых. Как, например, должна была реагировать власть на «Показание осетин Ксанского ущелья», арестованных в 1803 году за убийство князя, после прочтения следующих строк: «Шанше Эристов отдал нас Каланбегиру Халимбегову, коему... служили и несли все повинности; потом захотел он взять у нас дочь, которая была невеста; хотя нам было весьма неприятно, но он, несмотря на нас, вытащил из дома насильно; жених ее, узнавши о сем, наложил на нас кровавой штраф (стал

кровником. — В.Л.), а потом, напав ночью с командой, увел у нас двух дочерей и угнал 100 волов, да еще после отнял у нас 30 волов... Когда же достались мы Багратионам, взял он у нас 4-х человек и 15 волов и до крайности нас разорил; мы его за сие убили и переселились оттуда. Потом царь Георгий, вызвав нас к себе, помирил нас с ними, и мы по приказанию царя, отдавши им 5 волов и 1 лошадь, совершенно помирились и друг другу дали порук, но они не устояли в своем слове — напав на нас, двоих из нас убили, 1 ранили и 24 человека, поймав, отвели в Кизик, откуда мы сами бежали, а семейства наши остались там... Царь давал им другое место, но они по самовольству своему не принимали, отчего и сделалось с нашей стороны смертоубийство...»^[358]

Несмотря на то что Цицианов приехал в Грузию уже немолодым человеком, гены, как сейчас модно говорить, не раз подсказывали ему выход из сложного положения. Грузин, выросший в России, он хорошо понимал душу своего народа и неформально подходил к различным явлениям тогдашней действительности. 26 февраля 1803 года Цицианов всеподданнейшим рапортом доносил о ситуации в Кахетии, успокаивая императора, обеспокоенного дошедшей до него информацией о бунте, зреющем в этом крае. Хотя главнокомандующему было выгодно представлять дело в самых мрачных красках, дабы очернить своего предшественника, он уклонился от придания действиям местных князей характера государственного преступления, не стал изображать всеобщий заговор и уверять царя в необходимости крутых мер. Несмотря на все уверения в том, что он «душу русскую имеет», генерал не мог бесстрастно и бездумно лить грузинскую кровь, отправлять дворян в ссылку, добиваться их насильственной эмиграции и лишения имущества. Еще 15 января 1803 года он получил тревожное письмо от генерала Лазарева, сообщавшего о широком распространении среди грузинских князей идеи восстановления на троне династии Багратионов. Вероятно, главнокомандующий знал от полковника Ф.Ф. Симановича, что его родственники, князь Иван Цицианов с братьями, подозреваются в организации доставки писем мятежного царевича Александра и даже в намерении отравить солдат роты, расквартированной в селе Кварели (почему командир этой части распорядился не принимать в дар никаких продуктов)^[359]. Комбинации из «угрожающих» передвижений войск и переговоров с наиболее влиятельными князьями оказалось достаточно, чтобы от угрозы мятежа не осталось и следа. В отличие от «равномерно-прямолинейного» Кнорринга, Цицианов понимал, что грозные заявления дворян, их шумные собрания —

одна из сторон грузинской повседневности, а не действительная подготовка к восстанию. В таком случае любые полицейские акции только подливают масла в огонь. В рапорте на высочайшее имя Цицианов, сообщая о бегстве нескольких князей за границу, назвал их «необузданными ветрениками». Поскольку, по его мнению, «отъездом царицы Дарьи все несбыточные их замыслы разрушились преждевременно», он «оставил всё оное (побеги и заговоры. — В. Л.) без гласного уважения и разыскания и ожидал, что при бдительном надзоре они, увидя свое бессилие, войдут мало-помалу в границы благоразумия». Одновременно Цицианов предложил налагать арест на имущество тех, кто не воспользовался высочайшим прощением в установленный срок. «Таковая строгая справедливость, сделавшись правилом, и на будущее время могла бы воздержать необузданных ветреников, отвратя их от злоумышления к нарушению общего спокойствия». Такую же благоразумную мягкость проявил Цицианов и при определении наказания участникам восстания 1804 года. Он выбрал всего 25 «зачинщиков», а остальным объявил от имени царя полное прощение.

То же сочувствие к соплеменникам просматривается и в деле князя Александра Чавчавадзе, примкнувшего к мятежникам и схваченного вместе с царевичем Парнаозом^[360]. В рескрипте на имя Цицианова от 14 апреля 1805 года император Александр I писал: «Министр внутренних дел представил мне сообщенное от вас письмо действительного статского советника Чавчавадзе, к вам писаное, относительно сына его, к царевичу Парнаозу присоединившегося и с ним вместе пойманного. Снисходя, с одной стороны, на просьбу отца, по прежним заслугам его отличенного, а с другой, полагая, что преступление сына произошло более от молодости, нежели от умышленной неблагонамеренности, я признал за благо ограничить наказание его трехлетним содержанием в Тамбове под присмотром с тем, чтобы по истечении сего срока, возобновя присягу на верность, явился он сюда на службу и, загладив добрым поведением и ревностью поступок свой, мог приобрести в оной новые выгоды. Вследствие чего я поручаю вам, объявив действительному статскому советнику князю Чавчавадзе о таком расположении моем, выслать немедленно сына его под присмотром в Тамбов, приказав ему по прибытии туда явиться у гражданского губернатора, коему вместе с сим даны будут надлежащие предписания».

Только через восемь месяцев после получения высочайшего распоряжения Александр Чавчавадзе отправился в ссылку. Такую дерзкую неторопливость в осуществлении царской воли можно объяснить тем, что в это время предпринимались меры для еще большего смягчения наказания.

Александр I был в Австрийском походе, и судьба его тезки решалась на полях сражений. Победа над Наполеоном наполнила бы сердце царя таким ликованием, что всякого рода милости посыпались бы как из рога изобилия. Но мы знаем, что русская армия потерпела сокрушительное поражение, после которого мало кто старался без особой нужды показываться на глаза огорченному монарху. Высылку князя-мятежника затягивать больше не стали, на послабления рассчитывать не приходилось. Чтобы горячий отпрыск знаменитого рода не совершил очередного необдуманного поступка, главнокомандующий предписал доставить арестанта до места ссылки под усиленным конвоем: «...по оному тракту конвоевать его неослабно от станции к станции по одному исправному офицеру и по два конно-вооруженных казаков, кои бы во время ночлега или дневки имели его под своим караулом; а сверх того, препровождавшему онаго камер-пажа (А. Чавчавадзе. — В.Л.) Севастопольского мушкетерского полка штабс-капитану Жлецову дано от меня предписание, чтоб во время ночлега или дневки, где случатся регулярные команды, то требовать караул при надежном унтер-офицере по 12 человек рядовых»^[361]. После ссылки А. Чавчавадзе вернулся на службу, за отличие в боях и походах 1812—1813 годов был награжден золотой саблей, в 1821—1822 годах командовал элитными частями Отдельного Кавказского корпуса — Нижегородским драгунским и Кавказским гренадерским полками, в 1826-м получил чин генерал-майора. В 1830 году вышел в отставку и занялся разведением чая в своем имении Цинандали. В его доме гостили А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, В.К. Кюхельбекер, художник Гагарин. Дочь его вышла замуж за А.С. Грибоедова. Несмотря на кровь, пролитую за империю, князь сочувствовал тем, кто пытался восстановить грузинскую государственность. Поэтому он был арестован в связи с заговором 1832 года и сослан в уже знакомый ему Тамбов. В 1838 году Николай I его простил, назначил членом совета при главнокомандующем Кавказской армией, в 1841-м произвел в генерал-лейтенанты и поручил руководить почтовой службой Закавказского края. «Дважды опальный князь» считается родоначальником романтического направления в грузинской поэзии. Он перевел на грузинский язык многие произведения мировой литературы и написал «Краткий очерк истории Грузии 1801—1831 годов».

Стремление Цицианова по возможности смягчить наказание Чавчавадзе можно объяснить его желанием сохранить для края хотя и «беспокойного», но незаурядного человека, способного играть важную роль посредника между двумя народами и двумя культурами. Здесь особо следует отметить позицию А. Чавчавадзе в 1832 году. Он симпатизировал

идеям возрождения Грузинского царства, но считал это невыполнимым делом, открыто заявляя о том заговорщикам, но скрывая их замыслы от правительства.

*

Вторым после дворянства по влиянию сословием в Грузии было духовенство. Разумеется, Цицианов осознавал необходимость установления с ним добрых отношений, а также использования авторитета священнослужителей для поддержки мер правительства. Задача эта оказалась не из простых. Некоторые пастыри по своим нравам мало чем уступали буйным князьям. Вот например: «...При совершении обряда погребения архиепископа Самтаварского и Цилкианского Иоанна по случаю спора за место между протоиереем Соломоном, церкви ведомства католикоса, и протоиереем же первого здешнего собора, Сион именуемого, — когда митрополит Арсений, первенство обряда сем занимавший, настаивал, чтобы первый уступил место последнему, то от сего произошла ссора, сопровождаемая дракой между митрополитом и протоиереем Соломоном, который, не могши удержать своего места, ушел из собора. По возвращении же из церкви митрополита Арсения несколько вооруженных людей разбойнически напали на него дорогой и ранили его и нескольких его служителей, и что по замечанию его, люди сии должны быть дети помянутого протоиерея Соломона и служители католикоса и обеих цариц...»^[362] В царствование Александра I такая скандальная хроника попадала в рапорты на высочайшее имя только в тех случаях, когда до царя доходили известия о чем-то вопиющем и монарх желал узнать подробности для определения меры наказания. Цицианов же отправил рапорт 10 февраля 1803 года без запроса из столицы. Можно предположить, что главнокомандующий готовил почву для вмешательства в дела Грузинской церкви: коронная власть не могла оставить без внимания то, что видные посты в ней занимали люди, не стеснявшиеся устраивать потасовку прямо в церкви, да еще во время службы. Нападение же на митрополита Арсения вообще выходило за всякие рамки.

Одной из бед Грузинской церкви была ее бедность. Недостаток средств на содержание храмов и даже на пропитание испытывали не только сельские священники, но и главы епархий. В этой связи еще в 1801 году Александр I выступил за уменьшение числа «высоких духовных званий». Одним из шагов на этом пути было слияние малолюдных епархий. Однако

после смерти главы Цилкианской епархии католикос Антоний не упразднил ее, не слил с соседней епархией, а передал в управление своему родственнику. Рассыпая в письме католикосу почтительные слова, Цицианов одновременно в жесткой форме потребовал беспрекословного выполнения царской воли^[363]. Для того чтобы улучшить состояние церковных зданий, обогатить их убранство, Цицианов 18 февраля 1804 года потребовал от католикоса Антония обратить на это доходы от продажи восковых свечей, ранее являвшиеся доходом священнослужителей, и запретить с 1 апреля торговлю свечами вне церкви.

Вскоре после своего прибытия в Грузию Цицианов приказал произвести ревизию собственности местной церкви. Но даже по прошествии восьми месяцев он не смог получить нужных сведений. Католикос и его подчиненные всячески затягивали дело. Правительство также занимал вопрос о пополнении рядов черного и белого духовенства. По существовавшим в Грузии законам любой крестьянин, даже крепостной, при желании мог уйти в монастырь или стать священником. С точки зрения российского дворянина, это выглядело совершенным вольтерьянством. Не существовало никаких штатов церковнослужителей, правительство не контролировало посвящения в сан, что также было совершенно нетерпимо в «регулярном государстве». Главнокомандующий занимал в этих вопросах совершенно определенную позицию. Это видно из его письма католикосу Антонию от 23 марта 1804 года: «8 месяцев не достигнув переписи духовных имений... до сего часа желая вседушно не навлечь справедливого гнева на вас от Его императорского величества... не имел счастья всеподданнейше донести Его императорскому величеству о таком постыдном промедлении... Всякий архиепископ и епископ посвящает как в священники, так и других служителей должности, а архимандриты в монахи постригают без всякого разбора, по воле своей, не взирая ни на лета, ни на звание, ни на состояние человека, так что и крепостных людей вольны постригать в монашеский чин невозбранно от помещика. Таковые правила, злоупотреблением рожденные и корыстью поддерживаемые, заставляют меня опасаться, чтоб одна половина Грузии не обратилась в иноческий сан, а другая — в белое духовенство... Известно, сколь бедны здешние церкви и монастыри, пребывая в постыдном для христианства состоянии как нелепием своим, так и священнослужителями, едва читать умеющими; умножением же священников и монахов отъемлетя от церквей и монастырей доход, могущий быть обращен на снабжение церквей и монастырей необходимой и соответствующей храму Божьему утварью и священнослужителями,

достойными святыни, к коей прикасаются как по сердцу, так и по уму, научаясь в семинарии... Есть церкви, не имеющие дохода... и имеющие 14 священников. Покорнейше прошу приостановить как пострижение в монахи, так и посвящение в священники, дьяконы, подьяконы и дьячки, доколе собраны сведения о духовном имении буду иметь счастье представить Его императорскому величеству... и испросить штата как церквям приходским, так и монастырям...» Через две недели католикос сообщил, что всякое посвящение в сан и пострижение в монахи приостановлены до утверждения штатов монастырей и приходов^[364].

В общении с католикосом Антонием князь Цицианов удивительным образом сочетал почтительность с такими выражениями, которые при самом снисходительном отношении к ним не могли трактоваться иначе как оскорбительные. Внимательное чтение их переписки позволяет прийти к заключению, что главнокомандующий разделял три объекта: собственно первое лицо Грузинской церкви, личность католикоса и порядки, царившие в церкви. Если Антоний-католикос пользовался безусловным уважением, то Антоний-человек уже мог почувствовать уколы в свой адрес, а слова в адрес местных церковных порядков генерал явно не выбирал. Характерным является ответ Цицианова на просьбу главы грузинских христиан продлить оплату архимандриту Герасиму и его брату, которые обучали священников церковному пению: «Почтеннейшее письмо ваше... имел честь получить и спешу почтеннейше донести вашему святейшеству, что, сколько бы жадно я ни желал выполнить волю вашу, но как принято за правило вознаграждать по грамотам последнего царя Георгия XII, то я и приступить к ходатайству не смею. Между тем, не могу по преданности своей не изъяснить вашему святейшеству, что успех в научении пению церковному не отвечал ожиданиям, потому что, сколько я ни слышал одного в церквах здешних, все похоже на бляения козлы, и буде бы ваше святейшеству благоугодно было приказать учить Киевской ноте, переведя все окти на русский язык, то церкви пастырства вашего святейшества украшены были бы вящце ко славе о вашем попечении. Изложу преданнейшую мою мысль, имею честь при испрашивании архипастырского своего благословения...»^[365] Через две недели Цицианов вновь рассыпается в почтительных выражениях в письме по поводу судьбы никозского епископа Афанасия, но завершает письмо угрозой донести свое мнение по этому вопросу до сведения императора, «...не скрывая неустройств здешнего духовенства и небрежения оным пользы церковной»^[366].

25 апреля 1804 года Цицианов обратился к обер-прокурору Синода

А.Н. Голицыну с просьбой напечатать на грузинском языке 200 экземпляров самых необходимых книг для церковных церемоний, в том числе тексты с провозглашением здравия живущим членам царской фамилии и вечной памяти усопшим. Заканчивает свое письмо главнокомандующий следующими словами: «За все сие церковь грузинская будет вашей светлости вечною благодарностью, а меня изволите избавить неудовольствия ссориться со здешним духовенством и при всякой церемонии заботиться, чтоб возглашения были не вздорно произносимые». В Петербурге, судя по всему, учитывали решительность Цицианова. Это заметно по тональности и содержанию ответов на его предложения. Одобряя в целом меры по сокращению числа епархий, министр внутренних дел Кочубей в своем отношении от 9 сентября 1804 года высказал пожелание царя, чтобы дело это «производимо было мало помалу, нечувствительным, так сказать, образом... дабы крупными какими-либо в столь щекотливом деле оборотами не оскорбить предрассудков легкомысленного и непросвещенного народа и не подать ему повода к недоразумениям и неправым толкованиям».

Священная могила, некрополь являются важным элементом сакрализации политических конструкций и служат укреплению символической связи поколений, примирению соперничающих религиозных и политических течений. Цицианов понимал, что общее кладбище для грузин и русских — одно из средств сближения двух народов. Потому-то таким гневным оказалось его письмо митрополиту Бодбельскому от 31 января 1804 года, написанное вскоре после гибели в сражении с лезгинами генерала Гулякова: «К крайнему моему удивлению известился я, что ваше высокопреосвященство не позволили похоронить в церкви Святой Нины тело покойного генерал-майора Гулякова, убитого в сражении в защиту Грузии. Который целый год стоя в лагерях, лишен был совершенно спокойствия для того только, чтобы охранить от неприятеля всю Кахетию и жилища ваши, который в удивление всех слышащих в один год одержал столько много знаменитых побед, чем прославил себя, оставив память свою навеки, а целой Карталинии и Кахетии доставил спокойствие и тишину; вся Грузия, питаясь плодами его подвигов, обязана вечной благодарностью толь храброму генералу. Хотя я не могу поверить совершенно, чтобы ваше преосвященство употребили таковой поступок против покойного и мученически подвизавшегося за Грузию генерала, но если правда, то прошу без всякой медленности уведомить меня, какое вы на то имели право? И что бы могло воспрепятствовать похоронить тело генерала, увенчавшего всю Грузию счастьем, уверяя при том ваше

высокопреосвященство, что за подобные поступки весьма легко можете быть лишены епархии и места своего»^[367].

В Закавказье Цицианов мог найти серьезную поддержку со стороны айсоров, народа, некогда составлявшего основу населения древней Ассирии. В начале XIX века их насчитывалось около миллиона человек. Будучи христианами, они постоянно испытывали гонения со стороны мусульманского окружения. Монголы, арабы, персы, турки, курды неоднократно устраивали массовые избиения ненавистных им иноверцев, которые в культурном отношении были заметно выше своих угнетателей. Поскольку айсоры (ассирийцы) проживали несколькими компактными группами на территории турецкой Армении и персидского Азербайджана, защитить их там русскими штыками не представлялось возможным. Единственным способом помочь им было предоставление им убежища на территории России. В марте 1805 года главнокомандующий отправил подобное предложение духовным лидерам айсоров — патриарху Петру и епископу Иоанну^[368].

Цицианов считал также возможным использовать активность католических миссионеров, просивших вернуть две ранее принадлежавшие им церкви. Главнокомандующий «затруднился» передать здания, в которых уже обосновались православные священники, в руки прежних владельцев, но предложил компенсацию в виде земельных участков и суммы, достаточной для строительства новых костелов. По мнению Цицианова, следовало «позволить им проповедовать и обращение в христианскую веру сопредельных Грузии магометан и некоторых идолопоклоннических поколений, в чем без сомнения, яко люди ученейшие и примерного поведения, миссионеры сии окажут более успехов, нежели российские и грузинские проповедники, к подвигу сему неприлежные и у горских народов доселе немного успевшие»^[369]. Внимание к католическим пастырям со стороны Цицианова объяснялось еще и тем, что он видел в них инструмент влияния на довольно многочисленную группу армян — приверженцев Римской церкви. Кроме того, в составе войск, расквартированных в Закавказье, было около тысячи католиков.

*

Но не только «два первенствующие сословия» Грузии являлись предметом особого внимания Цицианова. Генерал прекрасно понимал, что

требуется завоевать симпатии всего населения края или по крайней мере избежать недовольства. Сделать же это оказалось непросто. Александр I и правительственные круги России были явно смущены тем, что многие в Грузии оказались недовольны действиями коронной администрации. Не случайно во всеподданнейшем рапорте от 9 февраля 1803 года Цицианов указывал, что успокоение населения он считает своей первейшей задачей. Не ставя под сомнение общее согласие грузин с присоединением края к России, главнокомандующий акцентировал внимание на том, что «главное неудовольствие грузинского народа устремляется на гражданское здешнее правительство, которого частные злоупотребления некоторых чиновников, от послабления власти происшедшие, подали к тому повод». Жалобы на действия русских чиновников посыпались уже по дороге в Тифлис. Выяснилось, что администрация ведет себя совершенно бесцеремонно: имели место избиения дворян. Двух князей вели пешком 50 верст с веревкой на шее как уголовных преступников. У вдовы царевича Вахтанга армейский майор «увез» девушку-воспитанницу. Антироссийские настроения объединили даже политических противников, которые придерживались того мнения, что русские войска вскоре покинут Закавказье. Цицианову пришлось лично объявлять осетинам во время проезда по Дарьяльскому ущелью, что «никогда не было еще примера, чтобы россияне вышли из той земли, которая названа Российской губернией»^[370].

Увеличение численности войск сразу же обострило вопрос их размещения. Казарм в Тифлисе, разумеется, не существовало, а постой, обычное решение такой проблемы в российских губерниях, затруднялся целым рядом обстоятельств. Подполковник Чернов рапортовал главнокомандующему в феврале 1803 года, что «...по обычаям здешним никто не смеет входить во внутренние покои, а равно и хозяева о числе покоев своего дома ни под каким видом истинно не объявляют и нередко сопротивляются бранью и даже угрозами...»^[371]. В предписании, данном тифлисскому коменданту князю Саакадзе 3 марта 1803 года, Цицианов указывал, что его первейшей обязанностью должна стать «защита обывателей от военнотружущих и вообще от всех квартирующих в городе российской нации людей». Такая защита настоятельно требовалась, так как, по словам самого генерала, «в баню ходят солдаты без всякого порядка, бесчинствуют пьяные, точат топоры на камнях в банях и тем лишают хозяев тех выгод, кои к их собственности принадлежат». Для того чтобы прекратить подобные безобразия, был отдан приказ трем владельцам бань

выделить по одному дню в неделю для помывки исключительно солдат, которым запрещалось посещать эти заведения в другое время. Кроме того, в баню военные должны были ходить под присмотром унтер-офицера, а к самому владельцу на постой ставили «на залог одного из добрых солдат». Поскольку постой был одним из самых острых моментов в отношениях населения и армии, Цицианов указал в предписании: «Собрать купцов и со всякого двора по человеку и объявить им от меня, что без войска в городе быть нельзя, и войскам нужны квартиры, и на улице жить нельзя; ныне же, т. е. при мне, по пристрастию постой ставить не будут, и богатый купец, как и бедный, должен равно нести городскую тягость, и первейший князь, имея дом в городе, не изъежется от постоя; а буде избежать и избавиться того хотят, то к будущей осени должно построить казармы на 2 батальона, кои по примерному положению будут стоить 15 000 рублей, а потому чтоб сделали раскладку и могут по сделании постановления вносить деньги; кто же внесет оные, тому тотчас будет дан билет, чтобы постоя не ставить». Коменданту вменялось в обязанность «терпеливо выслушивать просьбы, справедливо разбирать ссоры и убеждать к миру; при разбирательстве в небольших драках наказания определять употреблением в публичные работы, но чтобы более трехдневной работы никогда не назначать»^[372].

Как уже говорилось, православные грузины не составляли в Грузии абсолютного большинства. Поэтому для укрепления стабильности следовало наладить отношения с другими тамошними народами и конфессиями. Прежде всего это касалось мусульман, проживавших в так называемых «татарских провинциях» в долине Куры. Их спокойствие было особенно важным, поскольку они являлись главными поставщиками провианта и, кроме того, располагались на коммуникациях между Тифлисом и армиями, действовавшими в Восточном Закавказье. Это понимали даже в Петербурге. Александр I счел нужным посоветовать не наказывать жестоко мусульман, живших в Казахской провинции Грузии, за измену во время нашествия Баба-хана, «дабы в противном случае излишней строгостью не ожесточить тем более народа и не возродить в нем чувствований, для правительства нашего неблагоприятных...»^[373]. Цицианов не упускал из виду средства морального поощрения мусульман, приравнивая их к нравам и обычаям края. 23 ноября 1805 года он писал графу Кочубею о наградах местным жителям: «...я не нахожу, чем бы приличнее можно было их наградить, привлекая и других к соревнованию, как серебряным пером на шапку с таковым же бантом с надписью на банте за усердие и верность или за храбрость, смотря по роду их заслуги, а иных

и золотыми за важное какое-либо дело. Награждение же их медалями вместо того, чтобы возбудить в них чувство благодарности, более их огорчит, как они и сами мне о том относились, ибо медали потеряли здесь свою цену через раздачу оных покойным гр. Пушкиным (А.А. Мусиным-Пушкиным. -- В.Л.) даже своим людям, которые при нем служили, не говоря уже о множестве армян, их получавших; а перо по обычаям азиатским... в весьма большом находится уважении у татар...»^[374]

До установления русского владычества местные правители обладали всей полнотой власти и действовали по своему разумению и прихотям. Обращение в «вышестоящие инстанции» было вещью практически не осуществимой. С появлением российской администрации ситуация изменилась, и население увидело в главнокомандующем «отца родного», на которого и обрушило поток жалоб и прошений. В этой связи 20 сентября 1803 года Цицианов послал следующее предписание агаларам Казахской провинции: «Не приступая к ответу на прошение ваше, ко мне чрез Неби-агу доставленное, должен вам предписать, чтобы вы всегда таковые подавали моураву вашему действительному статскому советнику кн. Гарсевану Чавчавадзе, а тот должен мне представлять, ибо моурав над вами есть начальник, а мимо начальника подчиненным подавать не следует. Вы, будучи подданными Его императорского величества, должны Его законоположениям и повиноваться; мне же самому со всеми народами, Грузию населяющими, переписываться и времени бы не достало». Цицианов не упускал ни одной возможности для усиления позиций России в Азербайджане. Он со всей серьезностью отнесся к письму супруги шушинского Ибрагим-хана Джевахир-ханум (грузинки по национальности, дочери князя Евгения Абашидзе, захваченной в плен во время набега), в котором она советовала главнокомандующему направить послание ее супругу с предложением принять российское подданство. Когда же такое письмо было ханом получено, Джевахир-ханум уговорила мужа согласиться с предложением Цицианова^[375].

Выстраивание новой системы отношений происходило не без труда: когда Цицианов привел к присяге волновавшихся казахских «татар», один из их старшин, Али-ага, «много старался в уверении прочих агаларов, чтобы они поверили и возвратились в свои жилища». За это главнокомандующий назначил его векилем (управляющим), дал 400 рублей жалованья, «приказав при сем майору Тарасову все дела вести через него, дабы ему дать больше доверенности от черни». Но получивший власть Али-ага стал распоряжаться общественными суммами как своими

собственными, замучил единоверцев штрафами, которые опять же клал в свой карман. Более того, Али-ага стал саботировать выполнение распоряжений Цицианова о поимке дагестанцев, продолжавших разорять восточные уезды Грузии. Предписание главнокомандующего от 23 июня 1805 года свидетельствует, что его терпению приходил конец: «Нимало я не сомневаюсь в твоей верности к присяге данной. Но слабость твоей команды, потворство тем, кои дурно делают, и наказание изменникам только в том состоит по-твоему, чтобы их выгнать, нимало не стараясь изловить. Вы все, избалованные слабостью царей с персидскими душами, ни во что не считаете изменить — вот что меня сокрушает. Ты верен, но тебя могут принудить быть неверным, как прошлого года, ибо тебе тяжелее ковер потерять, нежели изменить; если бы ты имел верную и русскую душу, хотя с магометанской религией, как бы тебе, будучи векилем, не переловить беглецов, когда они возле вашего ущелья Дилижанского живут на Кара-Булаке? Не можешь ли то ты сделать? Кто тебя послушает, и можешь ли ты правительству предать изменника? Предписываю тебе со всеми казахами (жителями провинции Казах, или Казак. — В. Л.) идти на Цалку и там ловить лезгин, объявляя, что я за каждого лезгина буду платить по 50 р. серебром»^[376].

После того как Гянджинское ханство превратилось в Елисаветпольский округ, тамошнее мусульманское духовенство лишилось самого важного источника доходов — платы за судопроизводство, поскольку с момента присоединения края к России это стало прерогативой коронной власти. Муллам остались только семейные дела и дела по разделу имущества по обычному праву. Правительство утвердило «штат» священнослужителей и установило им фиксированное жалованье за счет местных ресурсов; на поддержание мечетей предписывалось выплачивать по 50 копеек в год с каждого «дыма»^[377]. Это можно расценить как попытку привлечения на свою сторону влиятельного мусульманского духовенства, но одновременно и как способ лишения мулл и кадиев финансовой самостоятельности. В пользу последнего свидетельствует отказ Цицианова вернуть земли, конфискованные у ряда мусульманских священнослужителей вскоре после присоединения Грузии к России. Было объявлено, что всякое духовное лицо, замеченное в антиправительственной деятельности, будет сослано в Сибирь, а в случае его побега туда же будет отправлена его семья. Впрочем, Александр I счел необходимым смягчить наказание: домочадцы «изменника» всё же освобождались от ссылки^[378]. Действуя через влиятельных агаларов, Цицианов добился возвращения в

состав Грузии без выстрела богатой хлебом и потому стратегически важной Шурагельской провинции. Он заключил договор с местным правителем Будаг-султаном, за которым в обмен на небольшую дань сохранялась вся полнота власти (за исключением вынесения смертных приговоров)^[379].

После присоединения Восточной Грузии под власть российского императора оказались тысячи армян, составлявших большую часть городского населения Закавказья. Все они были проникнуты верой не просто в освобождение от ига иноверцев, но и в возрождение Великой Армении, память о которой жила в их сердцах. Поражение византийской армии в битве с турками-сельджуками при Мазанкерте (1071 год) привело к тому, что христианские государства на пространстве между Черным и Каспийским морями оказались на пути неудержимых полчищ кочевников. В 1373 году жители края подверглись страшному нашествию орд Тимура. Эти события имели катастрофические последствия для армянского народа; они привели к утрате государственности, безмерным людским и материальным потерям и длительной изоляции от остального христианского мира. На рубеже XV—XVI веков Армения стала полем сражения двух могучих мусульманских держав — Османской империи и Ирана. Ситуация усугублялась тем, что турки и персы принадлежали к разным ветвям ислама (сунниты и шииты), представители которых относились друг к другу с еще большей враждебностью, чем к иноверцам. Даже когда эти державы официально состояли в мирных отношениях, население не чувствовало себя в безопасности, так как отряды местных владык, фактически неподконтрольных ни султану, ни шаху, постоянно совершали набеги на сопредельные территории. Уровень экономической эксплуатации превышал все мыслимые границы, завоеватели демонстрировали нетерпимость к культуре армянского народа. Поскольку фискальный аппарат обоих государств работал неэффективно, турецкие гарнизоны не получали вовремя жалованье и попросту грабили мирных обывателей. Уничтожались исторические памятники, библиотеки, гонениям подвергалась церковь. Поощрялось заселение исконно армянских территорий мусульманами, а сами армяне насильно водворялись на другие земли. Депортации и вынужденная миграция привели к тому, что множество армян оказалось вне своей исторической родины. Рассеянные по всему миру, они сохранили осознание своего национального и культурного единства во многом благодаря сохранению веры своих отцов. Именно Армянская церковь стала организацией, заместившей собой разрушенное государство, а духовенство — сословием, скреплявшим нацию, лишенную возможности иметь иную элиту (армянская феодальная

аристократия была уничтожена завоевателями).

Кавказские христиане могли надеяться лишь на помощь России, которая раньше других христианских государств начала «реконкисту». Если в XVI столетии Европа еще отчаянно сопротивлялась нашествию османов, то Россия начала стратегическое наступление на восток, покорив Казанское и Астраханское ханства. Внимание Запада в XVII—XIX веках фокусировалось на решении так называемого «Восточного вопроса», связанного с изгнанием турок с Балкан и последующим политическим обустройством этого региона. Прагматичные западные правители не видели в закавказских христианах достаточно сильных союзников и понимали ограниченность своих возможностей в оказании им прямой помощи из-за их географической удаленности. Немалое значение имело и то обстоятельство, что в Париже, Вене, Лондоне и Берлине уже в конце XVIII века осознали: Кавказ становится зоной влияния России. Более того, в освободительном движении армян зачастую видели «руку России», которая тянется к Средиземному морю и Персидскому заливу. В 1799 году влиятельные представители армянской элиты мелики Джимшид Варандинский и Фридон Гулистанский обратились к Павлу I, прося принять в подданство Карабахское ханство или прислать войско, под защитой которого армяне могли бы уйти из мусульманских владений. При этом все расходы на такую военную экспедицию они соглашались принять на себя. Если же и такой вариант по какой-то причине не нравился Петербургу, то мелики просили повелеть грузинскому царю передать армянам для поселения земли, на которых они ранее проживали^[380].

Цицианов писал Александру I весной 1803 года: «Армяне, населяющие большую часть Азербиджанских провинций, по единому христианству и по уверенности их в торговом промысле под защитой российского правительства, питают, для собственного блага, основательную к нам преданность и желание видеть скорейшее и благоуспешное водворение в сих странах российского владычества и взывают ко мне ежедневно о поспешении экспедицией на Эривань. Из всего сего явствует, что могущества русского оружия трепетать должны единые неправедные и бесчеловечные власти ханов персидских и корыстолюбивые сообщники насильственного их правления. Ибо многие поколения, даже магометанского исповедания, а паче татарские, ищут позволения и удобного случая переселиться в пределы грузинские»^[381].

Российская администрация должна была лавировать между желанием возвысить армянскую элиту разного рода знаками (награждением

почетным оружием и т. д.) и опасениями раздражить этим грузинских князей (о чем рапортовал императору Цицианов 20 января 1804 года)^[382]. Хотя армяне не грозили бунтом, Цицианов прилагал усилия для того, чтобы заручиться их поддержкой, прекрасно понимая роль этого народа в жизни края. «Турки, персияне и даже сами грузины не любят армян, но не могут обойтись без их посредства. Все те должности, где нужны люди знающие, оборотливые, терпеливые и деятельные, заняты армянами, которые умеют по дальновидности действовать в свою пользу, показывая наружно вид, что исполняют предназначения своих владетелей», — писал в 1834 году хорошо знакомый с Кавказом автор^[383].

На многие проблемы Кавказа Россия той поры смотрела глазами армян. В окружении Г. Потемкина заметную роль играл Иосиф Аргутинский, который служил «по части дипломатической азиатского кабинета, чему знание им восточных языков, положение земель азиатских, знание обстоятельств, а также природные дарования его немало способствовали»^[384]. Этот представитель древнего армянского княжеского рода оказался весьма полезен при подготовке похода П. Зубова в 1796 году «как тамошний уроженец, имевший множество там родственников и знакомых». При Павле I доверие со стороны покойной императрицы и ее фаворитов само по себе являлось достаточно веским поводом для опалы. Требовались ловкость и немалое везение, чтобы удержать позиции «в верхах». У Иосифа того и другого оказалось предостаточно. Сначала он «посвятил» императору перевод на русский язык армянской литургии, показывая удобство «соединения» армянской веры с греческой; потом решил доказать свое кровное родство с Романовыми, причем так, чтобы капризный царь оказался доволен. Иосиф представил сведения о том, что «Артакеркс» на сирском языке и «Аргута» по-армянски означают «долгорукий». Получалось, что Павел I, по женской линии имевший в роду Долгоруких, и Аргутинский — дальняя родня. Поэтому, когда стал решаться вопрос о кандидатуре нового патриарха Великой Армении, у царя не возникло сомнений, кого выдвинуть на этот пост. Но патриарх Великой Армении являлся духовным и политическим лидером всего народа, а потому Персия и Турция не могли остаться равнодушными к тому, что во главе Армянской церкви оказался ставленник русского царя. Немало недругов оказалось у Аргутинского-Долгорукого и в среде армянской элиты, где на патриаршем престоле видели других людей. В начале 1801 года Иосиф приехал в Тифлис, где после службы в соборной армянской церкви пригласил местную знать на торжественную трапезу. Как пишет в

своих записках С.А. Тучков, «во время обеда вдруг он так занемог, что принужден был выйти из-за стола и чрез пять дней скончался». Что ж, специалистам по ядам в политической борьбе всегда находилась работа.

Следующим патриархом по согласию Турции, Персии и России избрали архиепископа Давида, но затем Александр I (по договоренности со Стамбулом) утвердил на этом посту архиепископа Даниила, а его предшественника объявил «лжепатриархом». Персидский шах, во владениях которого находилась резиденция патриархов Эчмиадзин, с этим не согласился. Даниил, чтобы привлечь на свою сторону побольше соплеменников, приехал в пограничный с Персией город Каре, где местный паша за хороший куш выдал его персам. Давид приказал обрить своего соперника наголо, остричь ему бороду и заставил работать у себя на кухне. Во всей этой истории переплелись борьба за власть различных кланов в армянском духовенстве и интриги российских, турецких и персидских властей разного уровня. Как пишет тот же Тучков, «князь Цицианов был весьма рад, что все сии обстоятельства дают ему повод к началу войны с Персией. И потому стал он делать приготовления к осаде города Ганджи (Гянджи. — В. Л.)». Здесь мемуарист неправильно расставляет акценты. Действительно, ханство, граничившее с Грузией с востока, оценивалось главнокомандующим как особо ценная военная добыча. Но история с армянскими патриархами давала и другой повод к конфликту с Персией. Наибольшую активность проявил хан Эриванский, что и понятно: на его землях располагался Эчмиадзин — резиденция главы Армянской церкви. Это он арестовал патриарха Даниила. Весной 1803 года Цицианов в жесткой форме потребовал освобождения патриарха и признания за ним полномочий духовного вождя всех армян. Магомет-хан Эриванский выполнил только первое требование, а на второе ответил письмом, «наполненным надменностью». Главнокомандующий дал понять своему корреспонденту, что его спасает только снег на горных дорогах, препятствующий появлению русских полков под Эриванью. Хан испугался и перестал мешать Даниилу исполнять свою духовную и политическую миссию.

Весной 1804 года эриванский хан Магомет, опасаясь восстания армян при приближении русских войск, приказал согнать 20 тысяч жителей в Карсский пашалык. Однако на реке Ахурян армяне взялись за оружие и пробились на территорию, подконтрольную России. В том же году Григор Маначарян возглавил партизанский отряд, составленный из армянской молодежи Шамшадильской и Казахской провинций. Эта часть действовала настолько успешно, что ее командир был награжден орденом^[385]. Когда 17

июля персидские войска подошли к Елисаветполю (Гяндже), то мусульманское население переметнулось на их сторону, «производя по крепости непрерывную стрельбу». Армянское же население большой близлежащей деревни Калискянд, наоборот, поголовно бежало под защиту городских стен и русского гарнизона. 19 июля часть гарнизона под командованием майора Кочнева совершила успешную вылазку, в которой участвовало и армянское ополчение в количестве трехсот человек. В своем докладе Александру I от 23 июля 1805 года Цицианов отметил и храбрость шестидесяти карабахских армян-дружинников^[386]. Поскольку психологическое воздействие на противника играло важную роль, особенно на «впечатлительном» Востоке, распространение соответствующих слухов приносило ощутимую пользу.

Примечательно, что А.П. Ермолов позднее предписывал Н.Н. Муравьеву оповещать население о разгроме персидской армии через армян-торговцев, так как именно базары служили главными пунктами обмена новостями^[387]. Вряд ли Ермолов был «изобретателем» такого приема информационной войны. Приходилось Цицианову выступать и покровителем Армянской церкви, которая порой терпела притеснения от православного грузинского духовенства. В местечке Марткопи по распоряжению архиерея Руствели был разрушен армянский храм, причем сделано это было прямо во время богослужения, так что «едва служащий священник мог успеть выйти». Через некоторое время тот же архиерей прервал службу в другой армянской церкви. По этому поводу главнокомандующий писал воинствующему пастырю: «...Долг ваш требует быть примером другим терпением и кротостью во всяких случаях, паче в делах, касающихся до церкви, хотя и не одинакового вероисповедания, но христианской, которой вы оказали великое небрежение и посрамление... Советую вам допустить непременно армян марткопских до отправления богослужений, толико для христианина нужных, и тем паче, что во всей Всероссийской империи терпимость различных вер существует. Да и здесь, когда татарам позволено в их мечетях отправлять их богослужение, то как вы могли воспретить оное народу, исповедующему в единого с нами Христа, или забыли слова Спасителя в Евангелии, к 70 апостолам изъясненные?»^[388]

Вхождение какой-либо территории в состав России одновременно означало отделение этой же территории от того мира, к которому она ранее принадлежала, по крайней мере значительное ослабление и изменение связей с ним. Никакой царский манифест не мог в одночасье «выдернуть» Грузию из того Закавказья, в котором она пребывала до 1801 года. Поэтому одной из важнейших задач Цицианова стало пресечение существовавших ранее связей между новоприобретенными владениями и соседями. Дело оказалось не из простых, прежде всего из-за некоторых особенностей политической культуры Турции и Персии.

Приграничные паши и ханы являлись на подвластных им территориях неограниченными владыками, по своей прихоти распоряжавшимися имуществом и жизнями людей, поскольку их слово было первым и последним в решении административных, военных, хозяйственных и судебных дел. Они должны были выставлять вооруженные контингент по требованию султана или шаха, вносить в государственную казну сумму, назначенную верховным правителем, и неустанно демонстрировать свою преданность ему. Отношения между Тифлисом и Петербургом строились на совершенно иных основаниях, нежели отношения между Стамбулом и Ахалцыхом или Карсом, но местные сатрапы далеко не всегда понимали эту разницу. На Кавказе обращение к русской администрации с предложением вступить в подданство или заключить союз практически всегда являлось попыткой использовать военную мощь могучего северного соседа для решения собственных задач. Приглашение из-за рубежа военного контингента считалось чем-то обыденным. Объясняется это скудным выбором покровителей: если одна группировка искала опору в Стамбуле или Тегеране, то другая — в Петербурге. Внешнеполитическая ориентация владельцев и горских обществ нередко менялась, что создавало дополнительные трудности в действиях дипломатов.

В начале своего правления Цицианов полагал возможным вести сложную и тонкую дипломатическую игру с местными владельцами. Это отчасти объяснялось трезвой оценкой собственных военных возможностей и откровенным нежеланием Александра I развязывать войну в Закавказье на фоне тогдашних европейских осложнений. Так, в представлении Цицианова графу Воронцову от 8 января 1803 года намечен сложный, если не сказать хитроумный план действий по установлению контроля над Дербентом. Правитель этого города Ших-Али-хан просил прислать войско для защиты от ширванского хана, который враждовал с соседом из-за богатой Сальянской провинции. Цицианов решил использовать благоприятный момент, «чтобы низвергнуть последнего и привести в

ничтожество первого». Дополнительную сложность делу придавало то, что Ших-Али-хан всеми силами способствовал возведению своего родственника Касим-хана на шемахинский престол. В результате, получив доходы от сальянских рыбных промыслов, покончив с соперничеством ширванцев и руководя, по сути, правителем Шемахи, дербентский хан становился самой влиятельной фигурой в регионе, что совершенно не соответствовало российским интересам. Цицианов намеревался «препятствовать его честолюбивым предприятиям под предлогом вспоможения и при первом удобном случае занять Дербент нашим гарнизоном». Главнокомандующий знал, что в Петербурге морщатся при чтении донесений, в которых встречаются высказывания, расходящиеся с представлениями высших лиц о правилах в отношениях с людьми. Поэтому он продолжил свой рапорт предупреждением о том, что «правила кротости и человеколюбия неместны будут в отношениях моих с хищными, коварными и вероломными народами, которые предлежать будут в пути моем к усмирению или обласканию; напротив того я не предвижу полезнейшего для нас средства, как содержать их тогда и теперь во враждах междоусобных и даже иногда возжигать оные, дабы тем удобнее отвлекать внимание их от наших движений. Сие правило не новое, и вашему сиятельству лучше известно, сколь часто оно в политике сливается с пользой государственной».

В Каракайтаге местный правитель (уцмий) избирался, в силу чего честолюбцы имели неплохие шансы захвата власти в случае формирования широкого круга своих сторонников. В 1803 году шла борьба между правившим Рустем-ханом и его двоюродным братом Рази, в ходе которой оба обращались за помощью к России. Цицианов считал невозможным встать на сторону претендента, поскольку Рустем-хан был признан законным правителем. В то же время, поскольку Рази был влиятельным человеком в Дагестане, главнокомандующий считал полезным назначить ему жалованье, «доколе он в точности будет выполнять прописанные в постановлении статьи о кораблекрушении». Напомним, что жители Каракайтага нередко грабили суда, выброшенные на берег штормом. Ситуацию в другой области Дагестана Цицианов обрисовал следующим образом: «Кади Табасаранский просил о прибавке жалования к 15 000 рублям, получаемым уже за мнимое его подданство; но поелику проситель умер, а сын его — молодой человек, которого свойства неизвестны, то писано было к нему, что в ожидании не только знаков, но и опытов его верноподданнической обязанности, прибавка к жалованию и самое жалование до времени отсрочивается... Табасаранские владельцы Сохраб-

бек, Маасум-бек и Магмут-бек просили о включении их вместе с прочими в подданство и милосердие Его императорского величества; хотя по имению и по личности они малозначащи, но в уважении близкого их родства с кадием Табасаранским в сходственность сделанного уже им обещания, полагаю я назначить каждому из них по 450 р[ублей] серебром]»^[389].

Кроме планов, составленных с разной степенью учета реальностей, деятельность главнокомандующего определялась «наследием», доставшимся ему от предшественников. Так, еще в 1802 году была предпринята попытка создать союз дагестанских владетелей. Цицианов скептически относился к перспективе объединения правителей, каждый из которых отличался правовым нигилизмом. Сообщая графу Воронцову о собрании посланцев ханов и горских владетелей в Георгиевске, Цицианов счел нужным добавить: «...интересы всех дагестанских ханов, противоположные друг другу, от твердости постановляемого ныне между ними дружеского союза дают причину сомневаться»^[390]. Переговоры о заключении этого альянса велись еще Кноррингом, но уже в присутствии Цицианова 26 декабря 1802 года «доверенные особы персидских ханов и горских владельцев» поставили свои подписи под договором. Отсутствовал только бакинский хан, который почему-то отправил своего представителя в Астрахань, и за ним пришлось посылать эстафету. Согласно первой статье ханы Талышинский, Дербентский, Кубинский, Тарковский, владетели Буйнакский и Дагестанский, уцмий Каракайтагский, кадий Табасаранский должны были оставаться «...навсегда непоколебимыми в верноподданнической обязанности их Е. И.В. и покровительству и защите всех их одной Высочайшей державой Е.И. В., оставляя отныне впредь все бывшие до сего между ними вражды, несогласия, ссоры и неприязненные поступки...». Уже одна эта статья грозила жизнеспособности договора, поскольку противоречила интересам многочисленных горских правителей, претендовавших на лидерские позиции. Вторая статья регулировала правила разрешения споров: сначала все проблемы должны были разрешаться по «обычным» для Восточного Кавказа правилам, а если договоренности достичь не удавалось, приглашался посредник из числа участников договора. Если же и на этот раз переговоры заходили в тупик, окончательное и обязательное для всех решение принимал российский император. Фактически такая схема ставила владетелей в зависимость от Петербурга, так как трудно было предположить, что вечно враждующие ханы смогут найти общий язык. Третьей статьей правители обязывались выступать единым фронтом в случае угрозы со стороны Персии. Статья

четвертая прекращала междоусобицы: ханы клялись строго-настрога запретить своим подданным совершать набеги на сопредельные земли. Более того, они намеревались использовать всё свое влияние на вольные общества, чтобы и последние оставили хищничество, отказались от захвата добычи, от наемничества и от оказания помощи «союзникам», не вошедшим в число подписавших договор. Это был абсолютно невыполнимый пункт, поскольку набеги совершались не по причине «испорченности нравов», как полагали многие в Петербурге, а потому, что они составляли одну из важнейших частей образа жизни кавказского общества. Три статьи (5—7) посвящались охране жизни и имущества купцов, плававших вдоль побережья. Запрещалось грабить суда, потерпевшие кораблекрушение, устанавливалась плата за спасенный груз. Восьмая статья ограждала купцов от произвольных таможенных сборов: устанавливался тариф по нормам, принятым в Бакинском порту. Ущерб, нанесенный сухопутным караванам, обязывался возмещать владелец, на территории которого произошел инцидент (статья 9-я). Все участники союза договаривались о покровительстве купцов (статья 10-я). Согласно статье 11-й, все восприемники престолов должны были утверждаться императором. Нарушитель условий договора наказывался также императором, а потерпевшие не могли сами мстить обидчику, а должны были подать жалобу «через пограничного здешнего начальника»^[391]. Дух и буква договора свидетельствуют о том, что он являлся порождением российских бюрократов, совершенно не знакомых с реалиями Кавказа или не желавших эти реалии признавать.

Скепсис Цицианова в отношении прочности союза дагестанских владетелей основывался на его собственном опыте. 3 октября 1802 года Ахмед-хан Аварский подписал договор в четырех пунктах о принятии российского подданства. Прежде всего этот могущественный горский владетель обязывался прекратить междоусобицы, решать возникающие споры мирно, через посредников, а в самых сложных случаях просить императора принять окончательное решение. Аварский хан обязывался выставить войско в случае внешней угрозы, сообщать союзным ханам о ее появлении; обещал запретить своим подданным «чинить какие-либо шалости, грабительства и обиды против подданных союзных ханов» и отвращать от этого других, «союзных же ханов ни в чем не оскорблять и тот постыдный свой промысел навсегда оставить...». Горский владетель обязывался строго следить за тем, чтобы его подданные не совершали набегов на Грузию. Гарантировалась безопасность купеческих караванов, следовавших через Аварское ханство, а в случае их погрома —

немедленная компенсация убытков и строгое наказание виновных. Все эти условия должны были соблюдаться и последующими правителями^[392]. Материальным поощрением для соблюдения этих условий было годовое жалованье в размере пяти тысяч рублей. Поначалу Ахмед-хан вел себя в соответствии с договором и даже сообщал в Тифлис о слухах, которые доходили до него по поводу планов персидского Баба-хана^[393]. Но уже осенью следующего, 1803 года аварцы совершили набег на Кахетию и даже атаковали отряд генерал-майора Гулякова. В ответ Цицианов приказал не выплачивать Ахмед-хану положенное жалованье, не удовлетворяясь его ссылками на невозможность контролировать поведение своевольных соплеменников. Более того, главнокомандующий требовал наказать в присутствии русского представителя всех участников набеге и выдать организатора — Александр-бека, близкого родственника самого хана. В письме от 3 ноября 1803 года отказ в выплате жалованья объяснялся просто: потакал ли правитель участникам набегов, не справился ли с вольнолюбивыми горцами, в любом случае условия договора с аварской стороны выполнены не были^[394]. Ахмед-хан еще раз попытался оправдаться тем, что участники боя с Гуляковым — его «ослушники», за поступки которых он не может нести ответственность; уверял Цицианова, что в отрядах, сражавшихся на Алазани, не было ни одного его подданного, и потому считал несправедливым задержку с выплатой жалованья. Более того, в письме Цицианову от 4 декабря 1803 года он попросил главнокомандующего, чтобы тот приказал тушинам (грузинским горцам) платить аварцам дань (шесть ослов и шесть быков), которой они были обложены еще в «дороссийские» времена, причем подкрепил свою просьбу угрозой нападения на тушинов, если скот не будет передан вовремя. Князь ответил раздраженно: «...Весьма я удивлен требованием вашим, чтобы тушинцы, подвластные России, составляя часть Грузии и в границах ее жительствоующие, платили бы требуемые вами 6 катеров (ослов. — *В.Л.*) и столько же быков... Как вы могли вздумать, чтоб подданный Его императорского величества, всемилостивейшего государя моего и вашего, который высочайше вам дарует жалование, вам платил дань? Есть ли тут здравый рассудок? А что вы угрожаете, что буде я их к тому не принужу, сами с ними управитесь, то милости прошу прислать с войском и испытать силы российской, так как ваш родственник Аликсанд уже испытал, тогда увидим, каких катеров вы получите. Впрочем, желая вам всех благ, пребуду к вам доброжелательный...»^[395] Ахмед-хан еще несколько раз пытался объяснить Цицианову, что у него нет реальной возможности принудить

«отложившихся» горцев выполнять условия договора. В ответных посланиях главнокомандующий выражал свои сомнения в искренности партнеров. Он выдвинул следующие условия выплаты жалованья: аварский владетель должен был дать в аманаты своего брата Хасан-бека и ежегодно платить дань ослами (12 голов), «не для того больше, как бы по обычаю, существующему во всей Азии, показать тем зависимость от Всероссийской империи»^[396].

В 1803 году, вскоре после своего прибытия на Кавказ, Цицианов оказался увлечен идеей бескровного присоединения Ахалцыхского пашалыка, поскольку правивший там паша решил сменить подданство. Однако «ахалцыхская инициатива» вызвала откровенное недовольство в Петербурге. На фоне политических осложнений в Европе там боялись создать откровенный «казус белли» (повод для войны) для Стамбула. Поэтому 12 сентября 1803 года Цицианов поспешил успокоить канцлера Воронцова: «Предписание вашего сиятельства от 4-го прошедшего августа месяца имел я честь сего сентября в 6-й день получить и как убедительные причины, в нем ясно изложенные, так и открытие в полном свете системы нашей против Порты Оттоманской, коим вашему сиятельству угодно было меня почтить, налагает на меня обязанность изгладить даже из памяти моей сие мое желание, казавшееся мне согласным с блаженством здешнего края. Нужным только почитаю почтеннейшее представить вашему сиятельству во извинение моих повторений об оном то, что я, не известен будучи о соотношениях нашего двора с Портой и о таковых же других дворов с нею, дал свободу стремлению усердия моего к пользам службы Его императорского величества...» Через месяц главнокомандующий сообщил Воронцову о практических шагах по выполнению высочайших предписаний: «По дошедшим ко мне слухам и наконец из письма, присланного ко мне через нарочного из Ахалцыха от Селим-аги Химшиева, удостоверился я, что бывший Ахалцыхский Реджеб-паша уже сменен и на место его султан удостоил Селим-агу Химшиева в достоинство паши Ахалцыхского с чином 3-бунчужного паши. Я приветствовал его по случаю сему приличным образом и для вящего утверждения дружественного и соседственного нашего союза отправил я к нему и к первейшим ахалцыхским чиновникам подарки»^[397].

Действия Цицианова на дипломатическом поприще получили одобрение со стороны канцлера Воронцова и самого императора: «Весьма хорошо поступили, что приветствием и подарками обласкали нового Ахалцыхского пашу и главнейших тамошних чиновников. Не бесполезно

будет и впредь употреблять средства, дабы удерживать их в доброхотстве к нам. Из того можно надеяться, что сей новый паша будет воздерживать лезгинцев от нападения на Грузию, по крайней мере не будет им в том потворствовать по примеру того, как это желали его предместники»^[398].

Цицианов прекрасно разбирался в том, что принято теперь называть политической культурой, применительно к Кавказу. Он знал, как следует вести дела с соседями, которые в большинстве своем являлись мастерами интриги, и не стеснялся применять методы, от которых в Петербурге некоторые воротили нос. Однако для местной политической кухни угрозы компромата как средство достижения цели воспринимались как вполне допустимое действие. 29 октября 1805 года Цицианов писал генерал-майору П.Д. Несветаеву: «...С Карсским пашой ведите переписку на армянском языке, а не на турецком. Между прочим от себя дайте ему знать, что князь, видя столь большую перемену в его характере и поведении, намерен какое-то письмо, за 3 года назад им писанное, представить в Диван и которое может его погубить — о чем де я за секрет вас уведомляю, прибавив к тому, что князь не приказал для того отдавать скота, взятого у карсских жителей, что он, т. е. паша, не выдал от него требуемых людей и скота памбакских, им удерживаемых. Впрочем, если ваше превосходительство надеетесь, что возвращением скота можно будет склонить его к пропуску провианта, то я позволяю оный ему отдать...»^[399] Речь шла о том, чтобы правителя сопредельной провинции заставить отказаться от запрещения провозить зерно в Грузию.

Знал Цицианов и о том, какое огромное значение имеют в Закавказье личные и родственные связи. Поэтому он старался использовать для посредничества людей, которые имели доверенность у его партнеров по переговорам. Так, для переговоров с Ибрагим-ханом Шушинским он послал грузинского дворянина Нинию Джараева, который был в дружеских отношениях с этим владельцем. Это ханство имело большое значение для укрепления позиций России в Закавказье. Оно прикрывало с востока Гянджу (ставшую на время русским Елисаветполем) и само могло служить удобным плацдармом для движения в Дагестан и Азербайджан. Особую ценность представляла сама крепость Шуша — настоящее орлиное гнездо, расположенное на неприступных утесах. Будучи в руках противника, она становилась настоящей занозой для российских войск, и напротив: если бы на ней развевался российский флаг, то она могла служить одним из оплотов имперской власти в этом регионе. Переход Шуши под российский скипетр выглядел в 1804 году вполне возможным: во второе нашествие Ага-

Магомет-хана в 1797 году эти земли обезлюдели: большинство армянских семей бежали в Шемахинское и Шекинское ханства, а также в Грузию.

Цицианов пытался объяснить царю местную политическую кухню в рапорте от 26 марта 1803 года: «Вражда есть пища и упражнение горских народов. Видя силу русского оружия, в Кавказе водворенного, они прибегают к нам, прося друг против друга помощи, и таким образом сами ходатайствуют о собственной своей гибели. Не смея одобрить пред человеколюбивым сердцем Вашего императорского величества сию систему завоевания, должен сказать, что она необходима в настоящих обстоятельствах...»^[400] В ответ на беспокойство Александра I по поводу того, что захват Баку может поколебать доверие к России со стороны других кавказских владетелей, Цицианов писал: «Поелику ни один народ не превосходит персиян в хитрости и в свойственном им коварстве, то смею утвердительно сказать, что никакие предосторожности в поступках не могут удостоверить их в благовидности наших предприятий... Если некоторые азербиджанские ханы оказывали дружелюбие и склонность к Российскому покровительству, то в чистосердечии их с основательностью ручаться невозможно, да и большие есть причины думать, что они сие делали от страха, а не от усердия. Страх и корысть суть две господствующие пружины, коими управляются дела в Персии, где права народные, вкупе с правилами человечества и правосудия, не восприняли еще своего начала, и потому я заключаю, что страх, наносимый ханам персидским победоносным оружием Вашего императорского величества, яко уже существующий, не может вредить нашим намерениям, поелику почитаю я оный для них необходимым...»^[401]

В отношении на имя Чарторыйского от 26 сентября 1805 года Цицианов вспоминал «известный всей Грузии» ответ джарских лезгин генералу Кноррингу, предложившему им принять российское подданство: «Покажи нам свою силу, тогда и покоримся». Когда грузинский царевич Александр в 1804 году стал уверять Баба-хана в том, что отсутствие русских войск открыло дорогу на Тифлис, персидский правитель поставил под сомнение его слова, ссылаясь на поведение текинского и карабахского ханов: если бы русских войск на границе Грузии не было, они не торопились бы принять российское подданство. Цицианов полагал, что еще не менее трех десятилетий «страх, строгость, справедливость и бескорыстие должны быть свойствами и правилами здешнего народоправления; в течение сего времени стараться вводить кротчайшие нравы и любовь к ближнему, а потому и к общему благу, но не иными

какими способами, как щедрыми наградами тех, кто что-нибудь сделает к общей пользе». Князь называл ничтожной эффективностью «задабривания» закавказских владык подарками, пенсионами и разного рода льготами, как это было прежде. Торговцы продолжали страдать от разбойников, продолжалась охота за людьми, которых продавали на невольничьих базарах в Дагестане. Ших-Али-хан Дербентский, всячески обласканный Павлом I, активно плел антироссийские интриги, помогал Баба-хану и т. д. Жесткие же меры Цицианова по отношению к участникам набегов привели к тому, что цена на пленных грузин выросла в три раза, а это говорило об их эффективности. Главнокомандующий писал о том, что «беспошлинный провоз товаров с посланцами рождал в ханах частые предложения посылать оных, а затем всякие злоупотребления, явный и бесполезный ущерб казне, наилучше сказать вредный, потому что он укоренял владельцев в обмане и заключении, что Россия на обман тот поддается».

По мнению Цицианова, в Закавказье трудно было делать долгосрочные политические прогнозы: «...по сим непрерывно смутным обстоятельствам Персии и не перемежающейся войне ханства не остаются в одинаковом положении как относительно своего богатства, так изделий и естественных произрастаний и тем паче, что нередко тысячи земледельческих и мастеровых восхищаются от своего отечества навеки без возврата, хотя бы и хотели возвратиться». В качестве примера приводилась история фактического уничтожения в считанные месяцы знаменитого карабахского коневодства, формировавшегося многими десятилетиями. Средства, собранные в виде налогов, Цицианов предлагал «употребить в облегчение жителей тех владений на какие либо хозяйственные строения, на водопроводы, на поливание полей без взыскания потом за оные пошлин с пользующихся ими, как здесь вообще введено; в неурожайные годы покупать семена на засев, но никогда не помогать им деньгами, для того, что хан, узнав, в состоянии и червонец отнять у своего татарина или армянина и сверх того, также в действительном разорении или несчастье, каковое может случиться от войны, как и ныне Баба-хан стравил и сжег часть хлеба в Карабаге, отчего чернь восчувствует облегчение и выводы от российского подданства происходящие».

Война и дипломатия — родные сестры. В конце июля 1805 года А.А. Чарторыйский сообщил Цицианову, что по достоверным сведениям в Персию в скором времени должны прибыть два эмиссара Наполеона Бонапарта — Жобер и Ромье в сопровождении русского или армянского переводчика. В российском Министерстве иностранных дел не было сомнений, что эти люди везут с собой значительные денежные суммы для

подкупа высших должностных лиц Персии с целью активизации боевых действий в Закавказье. Глава российского внешнеполитического ведомства предоставлял Цицианову поступать по собственному усмотрению, полагаясь на опыт и знание региона, но не удержался от следующих рекомендаций: «Мысль об открытии негоциации (переговоров о мире. — В.Л.) весьма справедливо названа вами рановременной и могущей некоторым образом оказать наше бессилие. Но если бы ваше сиятельство нашли способного человека к отправлению в Тегеран в виде эмиссара, кажется, что при расторопности посылаемого сие могло бы послужить, по крайней мере, на сей раз к уменьшению влияния французских эмиссаров. Отправленный от вас доверенный человек, без всяких письменных видов, мог бы со своей стороны внушить приближенным к Баба-хану о честолюбии Бонапарта, о покушениях его на Египет, о замыслах его на Азию и даже распусть слух, что Россия не имеет отвращения признать Баба-хана шахом, если он пришлет посольство с предложением о мире. Успех или неудача таковой посылки не налагает на начальство никакой официальной обязанности и кончится одними денежными издержками...»^[402]

Для поимки французского эмиссара Цицианов сделал следующее предписание генералу Несветаеву 16 октября 1805 года: «Сейчас получил я новое подтверждение от министра нашего в Константинополе Итальянского, что действительно французский эмиссар Жобер, отправясь из Константинополя в Париж, не явился на границе, а вместо того, остановясь в Варне, переделался там в длинное турецкое платье и тайно отправился оттол на лодке к Синопу или другой такой удобной пристани. Я же мало надеюсь на Джафар-Кули-хана (одного из союзных России азербайджанских правителей. — В. Л.), чтобы он мог его поймать, ибо он сам трус и люди его тоже трусы, и для того надо принять свои меры, а именно: выберите, ваше превосходительство, несколько человек верных, во всем надежных и хорошо вооруженных армян, и их под видом купцов, так как они здесь всегда ездят с оружием, отправьте проехать по дороге до самого Баязета и в других местах, где только можно ожидать, что сей француз проедет и везде о нем скрытно разведать; только армяне по глупости своей будут искать его во французском платье и чалме, которую перед ними не скинет и не покажет своих волос, — следовательно, им должно о сем хорошо растолковать. Между прочим, уверьте их от имени моего, что если они его поймают и привезут ко мне, то им будет дано за то 2000 руб. с[еребром]»^[403].

Ситуация с французским путешественником разрешилась сама собой, как следует из отношения Цицианова к Чарторыйскому от 28 ноября 1805 года: «...Получил я радостное известие от шефа Саратовского мушкетерского полка генерал-майора Несветаева, что французский эмиссар генерал Жобер разбит баязетским Махмуд-пашой и потерял весь свой экипаж и бумаги, оставшиеся у того паши, при сем случае и сам действительно убит, по отобранным достовернейшим известиям, о чем спеша вашему сиятельству сообщить, долгом считаю присоединить, что за отыскание сих писем обещал я большие деньги, до 300 р. с. тому, кто... доставит их ко мне»^[404].

В 1805 году Александр I был весьма встревожен происками французов, направленными на то, чтобы подтолкнуть Турцию к войне с Россией. В этой связи в сентябре того же года Цицианов получил специальное «высочайшее соизволение» приложить все усилия, дабы избежать создания на кавказской границе с Портой какого-либо напряжения, могущего стать причиной или поводом для разрыва отношений между двумя державами. С этой целью предписывалось установить по возможности добрососедские отношения с главами Ахалцыхского, Карсского и Трапезундского пашалыков. Общение с этими представителями турецкой администрации требовало особых навыков восточной дипломатии и прочной нервной системы, чтобы не выходить из себя, в десятый или двадцатый раз выслушивая вместо внятного «да» или «нет» цветистые пространные послания, из которых далеко не всегда было ясно, читал ли вообще корреспондент письмо, на которое отвечает. Кроме того, паши не особенно старались выполнять условия договоренностей, и не всегда это происходило от их легкомыслия или природного коварства. Дагестанцы, например, традиционно использовали Ахалцыхский пашалык как плацдарм для набегов на Грузию, укрытие после таковых и место продажи пленников. По российско-турецким соглашениям приграничные территории никак не могли служить подобным целям, но у паши были ограниченные возможности следовать соглашениям, поскольку лезгины представляли серьезную силу, а в самом пашалыке жило немало людей, заинтересованных в набеге и работоторговле. Следует помнить о том, что войска, которыми располагали паши на восточных рубежах Османской империи, состояли не из этнических турок, а из ополчений, составляемых тамошними племенными вождями, интересы которых нарушать было опасно. Не было особых резонов ссориться с дагестанцами у глав местной администрации еще и потому, что горцы традиционно составляли охрану паши, силу, позволявшую ему держать в узде весьма своевольное

население края. Реджиб-пашу, прибывшего в Ахалцых почти одновременно с тем, как Цицианов прибыл в Тифлис, вообще впустили в собственную резиденцию только после того, как он заключил с обывателями особое соглашение. Время от времени Цицианов терял терпение и обращался за помощью в Министерство иностранных дел, что ясно видно из его письма послу России в Стамбуле действительному статскому советнику Итальянскому от 5 октября 1805 года: «Поведение соседних с Грузией пашей, превышающее всю возможность терпения, поставляет меня еще раз обратиться к вашему превосходительству с моей просьбой и просить вас, милостивый государь мой, как можно настоять от Порты, дабы она воздержала их от таковых нимало не сообразных с правилами мирного союза поступков. В последнем моем к вашему превосходительству отношении я имел честь упомянуть, что Ахалцыхский паша держит у себя лезгин и торгует нашими пленными, ими похищаемыми из Грузии, и в подтверждение того долгом считаю уведомить ваше превосходительство, что недавно наш отряд разбил одну из таковых лезгинских партий, укрывающуюся близ селений, в Карталии лежащих, и отбил у них пятерых грузинцев, ими полоненных, а троих при перепалке они успели поколоть. Сих-то лезгинцев ахалцыхские жители снабжали провиантом, приезжая в место их укрывательства для покупки пленных, и наш отряд во время преследования сей лезгинской партии поймал трех ахалцыхских турков, ехавших для покупки пленных, которые в том признались и содержатся под караулом, доколе выполнят свое обещание дать в выкуп за себя 4 наших пленных солдат и одного полоненного грузинца, у их родственников находящихся. Теперь же получил я рапорт, что ахалцыхский Селим-паша принял наших татар 62 двора, бежавших из Карабагской Так-лы и укрывает их в с. Архане, Чилдирской провинции, не возвращая к нам. Почему, не входя с ним о сем в переписку, по уверенности, что он не выполнит моего требования, довожу до сведения вашего превосходительства и прошу не оставить, как надеюсь, что вы будете иметь по сему предмету конференцию с министерством Порты, требовать возвращения сих татар, а равно, чтобы беглых из России подданных ни под каким видом не смели здешние паши принимать. Если же бы Порта отказалась от сего удовлетворения, то в таком случае я принужден буду испросить Высочайшего Его императорского величества соизволения сделать репрезаль (экспедицию. — В. Л.), и тогда не только сих татар, но всех прежде захваченных грузинцев и других христиан, коих в Ахалцыхе до 600 дворов, освободив, переведу в Грузию...»^[405]

Немалые дипломатические таланты требовались и для того, чтобы

выдержать нужную линию в отношениях с пограничными турецкими пашами в связи с возникавшими у них идеями обретения политической независимости и даже перемены подданства. В 1805 году трапезундский Таяр-паша прислал к российскому резиденту в Мингрелии Литвинову доверенного человека, через которого передал предложение «ввести в подданство России весь восточный край Черного моря от Анапы и всю Анатолию»^[406]. Цицианов не без оснований воспринял это как провокацию, поскольку в обстановке обострения межгосударственных отношений интрига такого масштаба становилась хорошим поводом к войне. Главнокомандующий предложил высокопоставленному турку доказать свою готовность служить России поимкой французского резидента, который не мог миновать его владений на пути в Персию. Он предписал Литвинову соблюдать осторожность:

«Сообщение с ним (Таяр-пашой. — В.Л.) сколь не скромно было бы учреждено, но нельзя, чтоб не навлекало подозрения и вместе с тем неудовольствия Порты, если не совсем прекратить с ним сношения, то по крайней мере взять за правило вести с ним переписку по общему в Азии правилу, т. е. продолжая в письме ни чего не значащую материя, упоминать, что посланный донесет изустно...»

В отношении к Чарторыйскому от 29 октября 1805 года Цицианов указал, «...что дабы не допустить Баба-хана соединиться с турецкими пашами ко вреду России, то не иначе сие может быть, как если паши, соседние с Грузией, будут видеть и уверяться, что сила войск российских может совершенно защитить их владения; без того же ничем нельзя их от соединения с Персией отклонить, ибо сколько мне по местным познаниям и по положению дел известно, то все здешние паши держатся в большом страхе от Персии, и когда приезжает к ним оттоль ничего не значащий посланный, то они не знают, как его принимать, ниже смеют отказать какие бы то ни было требования...»^[407]. Поддерживать же добрые отношения с соседями оказалось совсем непросто. В феврале 1804 года Селим-паша потребовал вернуть 480 овец, якобы похищенных у ахалцыхских жителей «грузинскими татарами». Цицианов приказал отыскать виновных, но заметил, что возвращать будут только тот скот, кража которого доказана, добавив при этом: «Когда я буду выполнять претензии ваших подвластных без следствий, основываясь только на их словах, то скоро весь скот, имеющийся в Грузии, перейдет в руки ваших подчиненных...» В апреле того же года российский главнокомандующий вынужден был отправить своему турецкому коллеге письмо следующего содержания: «...Внезапно и

без всякого ожидания известился я вчерашнего числа, что 9 человек лезгинцев, пришед в Атенскую хеобу, взяли в плен двух человек, которые пасли там скот. Нужным нахожу сказать в. пр., что после толикокранных уверений ваших не мог бы и не должен ожидать я таковых последствий, доколе же вы будете уверять словами, а делом вредить Грузии? Посылаю письмо сие с дворянином Тариелом Глурджидзе, которого людей покровительствуемые вами лезгинцы увлекли, и требую, чтобы в. пр., отыскав тех двух пленников, возвратили ему, уверен будучи при том, что вы примете все меры к прекращению впредь могущих от лезгинских подобных шалостей...»^[408]

Одной из причин пограничных конфликтов было изменение соотношения сил, которое осознали далеко не все турецкие обыватели. До того как Грузия стала частью Российской империи, курды, номинально находившиеся под властью султана, нередко пасли свой скот на землях соседей, не особо заботясь о том, согласны те или нет. Но после того, как грузины увидели, что их безопасность оберегают русские солдаты, они стали требовать с курдов плату за пользование пастбищами. Когда же вместо денег кочевники обнажили оружие, то хозяева угодий не побоялись вступить с ними в схватку и одного турецкого подданного убили. Цицианов ясно дал понять: «...Кто не в состоянии стоять против силы, тому и брать нечего, а ныне Грузия, блаженствуя под всеильной русской державой, уверяю вас, что сабалахо (арендную плату. — В.Л.) брать будет и всякий куртинец, пасший без платы помещику травы, будет трактован яко неприятель...»^[409]

Позиции Цицианова в его борьбе против «хищничества» подданных султана на российской территории сильно ослаблялись тем, что имеретинцев, мингрелов и гурийцев тоже нельзя было считать «смирными овечками». Нет оснований не верить Селим-паше Ахалцыхскому, который пенял на поведение жителей Западной Грузии в сентябре 1804 года: четыре человека, поехавшие в гости к родственникам по ту сторону границы, оказались в плену и удерживались подданными князя Гуриели; слуги князя Кикнадзе угнали 10 аджарских лошадей и двух быков. Потерпевшие собрались было отомстить обидчикам, но паша, указывая на необходимость соблюдения мира на границе, строго запретил ответный набег. Имеретинцев вдохновило такое развитие событий, и вскоре они захватили у соседей уже 600 овец и 200 коров. Может быть, размер кражи был несколько преувеличен, но сам факт выглядит вполне правдоподобным. Селим-паша откровенно предупредил Цицианова: «...Аджарские жители

такие неукротимые, что не потерпят сего, сделают взаимный вред, и после не прогневайтесь и не пеняйте на нас, ибо как мы стоим твердо на условия нашем, так же им должно быть»^[410]. Затруднялись действия Цицианова и двурушнической политикой имеретинского царя Соломона. На протест Цицианова по поводу пропуска через Ахалцых людей, отправленных мятежным царевичем Александром и персидским шахом, паша указал на наличие у эмиссаров официальных писем Баба-хана, что придавало им статус дипломатов дружественного Порте государства, а этот статус предполагал их неприкосновенность. Далее в письме Селим-паши содержится издевка: он высказывает недоумение, почему Цицианов обращается к нему, а не к подданному России царю Имеретии, к которому и направлялись люди, чей проезд так не понравился русскому генералу.

В отношениях с Карсским пашалыком были еще большие сложности. Султан разгневался на Шериф-пашу Ахалцыхского и лишил его должности, поставив на его место Селим-пашу. Шериф-паша укрылся во владениях эриванского шаха и стал вместе с ним готовить нападение на Каре и Ахалцых. Мамед-паша Карсский указал на то, что Эривань, по его мнению, является российской территорией, поскольку ранее была покорена царем Ираклием и вместе с Грузией автоматически перешла под власть Александра I. На этом основании Мамед-паша считал обязанностью русской стороны наказать человека, который своими действиями ставит под удар мирные отношения между Петербургом и Стамбулом. Это был хороший ход с его стороны. Он мог легко «загрести жар чужими руками», в данном случае — руками русских солдат избавиться от угрозы нападения на восточные владения Порты. Для Цицианова добрые отношения с турками были также очень важны, поскольку появлялась возможность снабжать войска при походе на Эривань хлебом и фуражом^[411]. Однако Цицианов понимал, что правительство не затруднится в случае необходимости выставить его главным виновником обострения отношений с Турцией и объявить его действия несанкционированными. Победителей, вопреки известной пословице, очень даже судят, во всяком случае тогда, когда их победы мешают вышестоящим персонам решать их проблемы. Поэтому главнокомандующий, не оставлявший замыслов раздвинуть границы империи за счет закавказских владений Порты, решил подстраховаться и 10 апреля 1803 года послал графу Воронцову следующее представление: «Имея счастье препроводить к вашему сиятельству рапорт на Высочайшее имя Его императорского величества, долгом поставляю почтеннейше донести, что обстоятельства преданности к нам Карсского

паши и склонности его искать Высочайшего Его императорского величества покровительства, буде дальнейшие его предначертания не ограничиваются единым приобретением Грузии, сколько я понимаю, кажется заслуживают уважения. Впрочем, зная неудобства, сопряженные с расширением в Азии российских пределов со стороны Порты Оттоманской, ныне нашей союзницы, тем паче имею нужду в решительных для поведения моего наставлениях, что подобные сему случаи и искательства открываются и от других побережных Черного моря владельцев, под покровительством Порты пребывающих; вследствие чего осмеливаюсь покорнейше просить ваше сиятельство для будущего руководства моего снабдить меня милостивыми вашими предписаниями, дабы я против воли моей не погрешил или недостатком деятельности или преступлением пределов Высочайше данной мне власти, по встречающимся внешним моим сношениям»^[412].

Привязанность Мамед-паши к России в этот момент объяснялась прежде всего его страхом перед эриванским ханом, собравшим сильное войско и готовившимся напасть на Карсскую область. Во всех регионах мира, где военная добыча являлась стимулом жизненной активности заметной по численности части населения, наблюдалось явление, которое в природе можно уподобить лесному пожару. В этом стихийном бедствии летящие по ветру искры создают новые очаги возгорания, а пламя, поглощая всё более и более деревьев, становится всё мощнее и мощнее. Воинственные элементы (индивидуумы, группировки, племена и т. д.), узнав о том, что где-то неподалеку они могут реализовать свой боевой потенциал, мгновенно мобилизуются и принимают участие в конфликте. Слух о походе эриванцев на Каре вдохновил взяться за оружие дели-башей из провинции Эрзерум, на разгром которых Мамед-паше пришлось бросить двухтысячное ополчение. Когда же пришло известие, что против него собирается идти Келб-Али-хан, могущественный предводитель закавказских курдов, карсский паша впал в панику, что следует из его послания Цицианову от 27 мая 1803 года: «Льщу себя надеждой, что не оставите милостивого вашего покровительства и не лишите благодетельствовать, избавя нас от вероломных гонителей наших, и не допустите нас погибнуть от рук неверных. Жизнь наша зависит от вспомоществования вашего...» Российский главнокомандующий отвечал, что он, конечно, не оставит своего соседа с глазу на глаз с безжалостным противником, однако помощь может прийти только в том случае, если сами турки окажут врагам серьезное сопротивление, а не будут отсиживаться за спинами союзников, как это случалось. Так, в мае 1803 года, когда русско-турецкий отряд

встретился с персидским войском, османы ударились в бегство, бросив на произвол судьбы казачью полусотню, которая была частью перебитая, частью пленена вместе со своим командиром. Другой причиной недовольствия Цицианова было то, что карсский паша не запер своими силами горные проходы, через которые Шериф-паша сумел пройти в Ахалцых, разорив там несколько деревень. Русские же войска, поднятые по ложной тревоге, ждали врага в других местах, понапрасну неся потери от тяжелых переходов и необорудованных стоянок^[413].

Помощь своим турецким соседям в отражении персидских набегов Цицианов попытался использовать для достижения собственных целей, правда, без особого успеха. В письме Мамед-паше от 6 июля 1804 года он в ответ на поздравления по поводу взятия Гянджи русскими войсками заметил, что это восхищение победами «...не вполне чистосердечно, ибо известно мне, что некоторые из бежавших грузинских князей, как то кн. Адам Бебуров и другие, ушли во владения ваши и там укрываются, а долг ваш был, в знак усердия к всемилостивейшему моему государю императору, немедленно схватить их, доставить ко мне за караулом, чего я по крайней мере ожидаю теперь от дружбы вашего превосходительства, равно как и того, что вы для собственной пользы вашей постараетесь доказать опыт усердия вашего, прислать ко мне царевичей грузинских, буде они из Имеретии проберутся во владения ваши...»^[414]. Мамед-паша поспешил уверить Цицианова, что никаких беглецов на своей территории он не укрывает, чем вызвал вспышку гнева генерала, твердо знавшего о месте их пребывания. Еще больше распалился главнокомандующий, когда карсский правитель передал ему через своих посланников о получении фирмана Баба-хана, в котором тот сообщал о будто бы случившемся разгроме русских под Эриванью и грозил наказанием за сотрудничество с «гяурами». Прибывшие в Тифлис турецкие чиновники не без основания были приняты как лазутчики, что следует из письма Цицианова Мамед-паше от 12 августа 1804 года: «Баба-хан пишет вам сказки для того, что знает он, что вы их любите, а я и переуверять не хочу; пусть он скажет вам, что всех русских перебил, пусть скажет, что в том числе и меня, и я мертвый пишу. Я знаю только то, что поступок ваш против персиян известен будет в Царьграде и что Баба-хан не поможет вам в том, что неприятелей всех России покровительствуете. Более прошу ко мне шпионов не присылать, а то они весьма будут наказаны, а Баба-хану верьте как хотите»^[415].

Турецкие паши укрывали беглых князей и беков по нескольким

причинам. Во-первых, это была часть политической культуры пограничья феодальной поры, причем не только в Закавказье; во-вторых, временные иммигранты были не безответными овечками, а людьми с большим или меньшим влиянием, поэтому просто схватить их и передать, как пойманный скот, в руки властей сопредельной территории было не так просто. Наконец, в-третьих, обстановка быстро менялась, друзья в одночасье становились врагами и наоборот. Действовать решительно и быстро в таких условиях было просто неосмотрительно. Двойственная политика Мамед-паши в данном случае объяснялась еще и тем, что укрывательством беглых князей он зарабатывал очки в глазах грозного Баба-хана. Все это, а также многое другое приходилось учитывать П.Д. Цицианову в его деятельности на посту главнокомандующего. Здесь требовались точная, поистине ювелирная работа и глубокое знание и понимание всех особенностей Кавказа.

Собственные подчиненные доставляли главнокомандующему никак не меньше хлопот, чем своенравные грузинские дворяне и коварные правители сопредельных территорий. Как уже говорилось, Александр I решил назначить Цицианова в связи с крайне неуспешной деятельностью его предшественников — Кнорринга и Коваленского. В то же время, из соображений сохранения преемственности в управлении Грузией, царь дал понять Цицианову, что не приветствует немедленное удаление Коваленского из Тифлиса, хотя и предоставил генералу окончательное решение этого вопроса. Тем не менее князь решительно и без обиняков объявил Коваленскому о невозможности его дальнейшей службы в Грузии и написал «предложение», содержащее указания на многочисленные его упущения. Судя по тональности и слогу представления министру внутренних дел Кочубею от 10 февраля 1803 года, Цицианов пришел в настоящее бешенство после посещения присутственных мест в Тифлисе. Оказалось, что Коваленский крайне редко появлялся на рабочем месте и правил краем «из домашней канцелярии». В двух экспедициях (исполнительной и казенной) царили такие же порядки, несколько лучше дела шли в экспедициях уголовной и гражданской^[416]. Коваленский не согласился уйти без лишнего шума и подал рапорт об увольнении, в котором пенял Цицианову на его грубость. Особенно поразило действительного статского советника то, что генерал устроил ему разнос «при открытых дверях», в присутствии многих грузинских дворян и других посетителей, вследствие чего у Коваленского «усилились болезненные припадки по поводу поражения чувствительности неожиданным и кажется не-заслуживаемым приемом». В ответ генерал заявил: «Ваш рапорт,

испрашивающий увольнения, и не нужен был; нежной чувствительности вашей поражение, буде было непритворное, то, по крайней мере, было следствием той нечувствительности, которую вы полагали в здешних князьях, когда оскорбляли их поведением своим и тем заставили возненавидеть правление до такой степени, что я нашел страшное колебание умов против Российского правления; двери же я отворять приказываю по собранию князей ко мне ежедневно и при них работаю для того, чтоб они на меня так же не жаловались, как на ваше превосходительство, что по 5 дней вас не видали, и что нередко ожидающимся вашего лицезрения царевичам отказывали вы под предлогом тем, что времени нет их принять»^[417]. Ковалевский продолжал сопротивляться. Он организовал отправку в Петербург жалоб на Цицианова со стороны отставного майора Гудимы и исправника Переславцева. Их бумаги в столице нашли неосновательными, а самих кляузников выдали новому главнокомандующему, разрешив даже предать их суду, если их поступки окажутся для того достаточными^[418].

Надо сказать, что Кавказская губерния управлялась ничтожным по теперешним меркам штатом, да и расходы на административные нужды выглядят неправдоподобно малыми. «Верхушку» представляли губернатор и два его советника в чине 6-го класса. Им казна в совокупности отпускала 4200 рублей в год. Палата уголовных и гражданских дел ведала вопросами, сущность которых видна из их названий. Председатель каждой палаты, его советник и четыре заседателя от купечества и дворян обходились государству в 2160 рублей. Казенную палату, ведавшую финансами, возглавлял вице-губернатор. Он и семеро его подчиненных (советник, казначей, ассессор 8-го класса и четыре присяжных «из отставных гвардии или армии унтер-офицеров») получали жалованья 3120 рублей. Семь человек состояло в ведении губернского прокурора, что обходилось российскому налогоплательщику в 2720 рублей. Кроме того, казна отпускала 8500 рублей на жалованье канцелярских служащих (писари, сторожа, протоколисты, архивариусы и пр.), предков тех, кого на рубеже XX—XXI веков стали называть офисным планктоном. Поскольку годовое жалованье таких людей составляло около 10 рублей в год, легко подсчитать, что их общая численность достигала 80—90 человек. В Совестном суде числилось шесть заседателей и один чиновник (1520 рублей), во Врачебной управе — инспектор, оператор (хирург), акушер, старшая и младшая повивальные бабки, писарь (две тысячи рублей). В пяти уездных городах городничие назначались из отставных военных чином 8-го

класса с окладом в 500 рублей в год. Каждый уездный суд имел по два чиновника, четырех заседателей (суммарное жалованье 1120 рублей), каждое уездное казначейство — одного казначея и четырех присяжных. Дворянской опекой занимались пять чиновников (500 рублей), в Нижнем земском суде числилось шесть чиновников и заседателей (970 рублей). На 29 медицинских чиновников и землемеров, работавших по всей губернии, полагалось еще 4695 рублей. Во всех этих канцеляриях (кроме губернского правления), судя по отпущенному на них жалованью (две тысячи рублей), служили еще около 150 мелких, не имевших классного чина людей. Таким образом, весь край управлялся чиновничьей «ротой» неполного состава — менее ста человек, в помощь которым было прикомандировано 220—250 писарей, протоколистов и прочей канцелярской «мелюзги». Обходилось гражданское управление Кавказской губернией в 52 795 рублей в год, вместе с бумагой, сургучом и чернилами. При губернском правлении состояла выполнявшая караульные и полицейские функции воинская команда из трех офицеров, десяти унтеров, 116 рядовых и трех нестроевых, а в каждом из четырех уездов — такая же команда численностью в 34 человека (офицер, четыре унтера, 28 солдат и один барабанщик). Эта воинская сила обходилась казне в 5789 рублей 92 копейки с четвертью в год^[419]. Таким образом, по гражданской части Кавказ обходился России тогда в сумму, не дотягивающую до 60 тысяч рублей. Одновременно только на провиант и фураж войскам, расквартированным в Закавказье, была отпущена в 1806 году 841 тысяча рублей серебром^[420]. И это без жалованья, расходов на госпитали, обмундирование, снаряжение и боеприпасы!

Во всеподданнейшем рапорте от 13 февраля 1803 года Цицианов предложил следующие меры по совершенствованию управления краем. Первым шагом (самым простым) было соединение уголовной и гражданской экспедиций «для избежания излишних казенных расходов». Далее предлагалось «возвысить некоторым образом и привести в уважение начальство уездное». Для этого округом должны были руководить чиновники не ниже 7-го или 6-го класса (полковники), причем особенно желательны были на этих постах отставные военные, «поелику здесь военное ремесло в великом уважении». Путь к внедрению новых форм управления Цицианов обозначил следующим образом: «Предмет предлагаемой мной перемены состоит в том, чтобы стеснить все члены правления и приблизить их к средоточию власти таким образом, что по наружности правление останется в том же виде, а в самом существе

получит больше деятельности». Он полагал, что «...окружные начальники, имея над уездами своими, так сказать, власть полномочную, постепенно станут внушать дворянству и обывателям к себе уважение, и когда дела потекут обычным порядком, тогда удобно будет положить сим начальникам известные пределы или вовсе их уничтожить. А между тем расширение власти, основанной на правосудии, долженствует неминуемо *произвести самые благотворные для грузинского народа действия, приучая оный к порядку и повиновению* (курсив наш. — В. Л.) вместо того, что прежде, трепеща за личность и собственность свою, невинный и преступник укрывались от гнева сильных через постыдные коварства и подаяния»^[421]. Цицианов разрешил подавать заявления на родном языке и без строгого соблюдения формулировок, отменил все формальности судопроизводства (за исключением апелляционных сроков), поскольку все эти гарантии правильности дела, по его мнению, «представляются здесь загадками, кои выводят жителей из терпения и вместо благодарности производят единый ропот»^[422]. Введение российских процессуальных норм судопроизводства, изменение системы наказаний за преступления не могли не вызвать недоумения и даже возмущения в народе. Прежние законы предусматривали широкое применение денежных компенсаций, недопустимых по российским понятиям. Грузины никак не могли взять в толк — как можно приговаривать виновного к битью кнутом и ссылке в Сибирь, если потерпевший и подсудимый договорились о возмещении ущерба! Совсем непонятным было и возбуждение уголовного преследования без жалобы потерпевшего. Народ в Закавказье привык повиноваться не закону, а лицу, слово которого и считалось законом^[423].

Александр I утвердил распоряжения Цицианова указом от 13 мая 1805 года, отказав только в учреждении института окружных начальников. По мнению царя, на эту должность пришлось бы назначать отставных штаб-офицеров с невысоким окладом, что роняло престиж коронной власти. Но жизнь показала, что главнокомандующий был прав, предлагая поставить во главе местного управления людей с военной жилкой, способных принимать скорые решения и добиваться их исполнения. Необходимо было приучать местное население к тому, что не следует по каждому вопросу обращаться «на самый верх» и заваливать тифлисские канцелярии ворохом бумаг, резолюции на которые вполне могло наложить и уездное начальство. Ломка этой грузинской управленческой традиции началась еще до приезда Цицианова на Кавказ. 12 сентября 1801 года Александр I решительно пресек попытки грузинской знати обращаться к нему напрямую, минуя

главнокомандующего. Специальным указом император повелел все бумаги передавать через генерала Кнорринга^[424].

Впрочем, представление о юридическом хаосе, складывавшееся благодаря описаниям некоторых российских чиновников, следует считать явно преувеличенным. В Грузии действовал кодекс Вахтанга VI, представлявший собой систематизированный свод народных обычаев, который «дополнялся и развивался толкованиями судебной или житейской практики и оставлял значительный простор судейскому усмотрению»^[425]. Принимая это во внимание, Цицианов докладывал о необходимости составить записку из законов по уголовным делам и перевести ее на персидский язык, со слогом, «сближенным азиатскому способу мысли», раздать владетелям, принявшим российское подданство. Главнокомандующий имел «в виду через сие открыть ханам персидским те наказания, коим подвергаются они через свойственное им вероломство в данной присяге»^[426].

Новая система управления распространялась исключительно на Картли-Кахетию. На всех остальных присоединенных территориях сохранялась вся полнота власти их прежних восточных владетелей «в делах внутренних». Тому было три причины. Во-первых, Петербург просто не располагал в Закавказье достаточными административными ресурсами, чтобы заменить местных ханов. На всем протяжении имперской истории России в правительственных кругах слышались сетования на отсутствие дельных управленцев. Желающих ехать в столь удаленный край оказывалось немного, а среди прибывших нередко встречались люди, совершенно неспособные к работе. Во-вторых, содержание администрации было очень дорогим и не только поглощало все доходы от контролируемых территорий, но и требовало ежегодных солидных финансовых вливаний из государственной казны. Если сборщиком налогов был свой сатрап, то и все недовольство населения обращалось на него. Когда же деньги собирал русский, то все обиды адресовались ему и представляемой им администрации. В-третьих, всякое «трение» между представителями разных культур чревато тем, что сначала появится «дым», а затем, если не обратить внимания на очаг, и «открытое пламя». Правительство соблюдало разумную осторожность, не торопясь «уравнивать» фискальную и административную систему Закавказья с остальной территорией страны. Тем более что немалое число деятелей, по праву стяжавших славу на военном, гражданском и прочих поприщах, имели изъяны в области морали и даже криминальные наклонности. Так, генерал Н.И. Евдокимов,

выслужившийся из нижних чинов и получивший за победы на Кавказе графский титул, до такой степени был беззастенчив в обращении с казенными суммами, что его прямой начальник князь А.И. Барятинский даже не пытался это отрицать, оправдывая генеральские хищения военными успехами. Нередко административные и полководческие ошибки коренились в искренних заблуждениях исполнителей. Правда, в случае с Коваленским трудно найти оправдания его действиям на посту главного российского представителя в Закавказье. «Во всех его донесениях, письмах, проектах и соображениях не видно никакой государственной идеи, никакого понятия о служении какому-нибудь отвлеченному принципу: все интересы России отступают для него на задний план, как только задевается мелочное самолюбие или корыстолюбие этого кляузного чиновника» — такую характеристику дал ему историк Берже^[427]. Опытный бюрократ попытался организовать сопротивление, используя канцелярский инструментарий — отписки, проволочки, встречные жалобы и другие формы саботажа. Однако Цицианов действовал решительно и быстро не только на военном, но и на административном поприще, не давая противнику опомниться. Несмотря на поддержку сильных фигур (в числе которых был и Г.Р. Державин), Коваленский 15 августа 1803 года был отдан под суд.

Беспорядок в делах, переданных Цицианову, разумеется, не был неким «продуктом» административного творчества Коваленского и Кнорринга. Они и сами столкнулись с отсутствием сведений, необходимых для организации управления краем. Во всеподданнейшем рапорте от 25 мая 1802 года Кнорринг писал: «Ни один из чиновников грузинских, долговременно находившихся у царей при делах, не преподал мне верного сведения о названиях, числе селений, наций народов, в них обитающих, и принадлежности их казне, церквам, к уделам членов царственного грузинского дома и помещикам, тем менее о числе дымов или семейств, сколько-нибудь близкого к истине... Все подушные и поземельные сборы в Грузии почти не имели основательного постановления и требовались по единому произволению царя, который, пользуясь правом отнимать избытки у кого хотел из подданных, не помышлял повинности граждан уравнивать по способам их промышленности»^[428]. Наведение порядка в сфере местного управления затруднялось тем, что вступало в прямое противоречие с интересами дворянских родов, из поколения в поколение занимавших административные посты в уездах и фактически бесконтрольно взимавших с населения налоги. Кахетинские князья прямо

писали об этом Коваленскому, объясняя неприемлемость назначения на государственные должности людей по выбору правительства: «Наше пропитание только в том и состоит, что по должности мы получаем доход, и буде сего лишимся, то нам ничего не остается как только погибнуть и умереть, так как мы содержать себя не можем»^[429]. Трезво оценивавший ситуацию генерал Лазарев сообщал Кноррингу о принципе разделения грузинской элиты на противников и сторонников присоединения к России: «Князья, которые имеют свои деревни и живут одними доходами, не имея в виду никаких грабительств, остаются, по-видимому, приверженцами к новой (российской. — В. Л.) власти, а те, которые всегда имели в предмете своем одно непомерное грабительство их единоземцев и тем наживались — держатся стороны царевичей. Но все они важного сделать не могут, кроме привода сюда ничего не значащих соседственных войск»^[430].

В целом Цицианова следует отнести к числу тех имперских чиновников, которые составляли партию «регионалистов», то есть противников унификации системы управления, суда, фиска и социальной организации. В апреле 1804 года он с большой настороженностью отнесся к просьбе тифлисских обывателей о собрании депутатов от различных групп для обсуждения важнейших вопросов городской жизни. Он разрешил такое собрание, но только в «одноразовом» порядке, считая местное население еще не готовым к формированию магистрата^[431].

Обычной административной практикой дореволюционной России были командировки доверенных лиц императора (генерал-адъютантов или флигель-адъютантов) для сбора информации о происходящем на местах. Это были своего рода негласные ревизоры, как правило, доставлявшие сведения о разного рода злоупотреблениях. Иногда такие функции исполнялись по поручению глав ведомств. Так, коллежский асессор Соколов, составивший описание «художеств» действительного статского советника Коваленского, был чиновником Министерства иностранных дел, которое попыталось разобраться в потоке взаимных обвинений правителя Грузии и генерала Лазарева. Наличие таких «корреспондентов» не только создавало неуютную обстановку главным начальникам, но и стимулировало формирование разных группировок, которые старались использовать «альтернативный канал связи» с Петербургом для интриг и кулуарной борьбы. Цицианов прежде всего потребовал полного доверия и удаления всякого рода правительственных корреспондентов^[432].

Для повышения эффективности управления Цицианов предлагал предоставить главноуправляющему Грузией такие же полномочия

относительно присутственных мест, какие имели губернаторы. Дело в том, что губернские ведомственные конторы имели, как теперь принято говорить, двойное подчинение. Им приходилось выполнять распоряжения губернатора, действуя при этом в нормативных рамках, сформированных профильным министерством. Чтобы дела не тормозились из-за административно-правовых нестыковок, все распоряжения первого лица в губернии выполнялись незамедлительно и неукоснительно, а если его действия расходились с буквой закона, то отправлялся соответствующий рапорт министру внутренних дел^[433].

Желающих служить в далеком крае было немного, и чиновники, едущие в Закавказье, по царскому указу от 5 декабря 1801 года получали «не в зачет» треть годового жалованья. Но этой льготы оказалось недостаточно. По представлению князя Цицианова указом Александра I от 19 декабря 1803 года сразу по прибытии в Закавказье служащий получал повышение в чине, но для «закрепления» в нем обязывался прослужить не менее года. Прослуживший четыре года получал следующий чин при отставке или при переводе «в Россию». Для тех, кто более четырех лет оставался на этой имперской окраине, сроки выслуги следующих чинов уменьшались вдвое^[434] (аналогичные льготы имели те, кто соглашался на переезд в Иркутскую губернию). Министр внутренних дел подобрал Цицианову дельного помощника — статского советника Литвинова, который стал правой рукой главнокомандующего. Другим ближайшим помощником должен был стать генерал Волконский, бывший заместителем по гражданской части (военными делами он занимался только тогда, когда сам Цицианов покидал Грузию)^[435].

Для характеристики состояния административной системы тогдашней Грузии лучше всего подходит слово, обозначающее заведение, для которого порядок, субординация и образцовое ведение планово-отчетной документации, мягко говоря, нехарактерны. У французов, подаривших нам это слово, *bordel* также означает беспорядок. Сразу же по прибытии Цицианова в Тифлис обнаружилось, что нет сведений о расходе 10 тысяч рублей — бумаги о движении этой суммы исчезли, причем имелись свидетельства, что бумаг этих вообще не составлялось. Как закупался и как расходовался провиант на 15 тысяч рублей, тоже никто не мог ясно объяснить. Когда Цицианов поинтересовался о размере доходов от откупов и об использовании этого ресурса, его опять ждало разочарование: сколько откупа приносили и на что пошла эта часть казенных денег, никто не ведал. Чиновники в других регионах России тоже не проявляли равнодушия, когда

мимо их рта проносили казенный пирог, но там почти всегда хищения с большей или меньшей старательностью прикрывались документацией. Бумага в сочетании с чернилами в умелых руках могла превратиться в разящий меч и волшебную броню, непроницаемый туман или яркий прожектор, указатель пути или непролазную топь, в которой безнадежно увязал самый страстный и неутомимый искатель правды. Казенные деньги на Кавказе делились между служащими не поровну и даже «не в пропорции чина». Тогдашнему «офисному планктону» звонкой монеты иногда вообще не доставалось: Коваленский выдавал им жалованье сукном, которое приходилось продавать на базаре с убытком^[436]. По прибытии на новое место службы Цицианов обнаружил: казна Грузии находится в крайне плачевном состоянии и нет никаких надежд хотя бы на самообеспечение края. Ситуация усугублялась тем, что из-за нерасторопности финансового ведомства на несколько месяцев задерживалось жалованье местным чиновникам. О ходе дел красноречиво свидетельствует состояние уголовной экспедиции: чиновники вообще не появлялись на службе, поскольку из-за невыплаты жалованья голодали и не имели приличной одежды и обуви. В самой канцелярии не было сторожа, помещение не убиралось и не отапливалось несколько месяцев. Даже сам главнокомандующий фактически не имел средств для такого неотложного мероприятия, как отправка царской фамилии в Россию. Накопившиеся огромные недоимки не являлись резервом из-за обнищания населения, и потому наиболее рациональным ходом было их списание. Кроме того, многие подати, почти полностью оседавшие в карманах сборщиков, настоятельно требовали упразднения^[437].

Как известно, в дореволюционной России военные (в том числе и отставные) являлись важнейшим резервом для пополнения кадров гражданской администрации. Кроме того, управленческая практика предполагала наличие некоторого количества офицеров «для поручений», то есть для выполнения заданий слишком разнообразных, чтобы можно было дать их должности более определенное название. Во внутренних губерниях и тем более в обеих столицах подыскать человека на эту должность не составляло труда, а вот в Грузии каждый поручик и майор был на счету и людей «доверенных и расторопных» (а какими еще могли быть офицеры!?) выделить страдавшие некомплектom полки не могли. Поэтому во всеподданнейшем рапорте от 27 апреля 1803 года Цицианов просил «отрядить в Грузию несколько штаб-офицеров для определения оных на убылые места по мере открывающихся вакансий и для других по

службе непредвидимых употреблений...»^[438]. Действия Цицианова получили поддержку в правительственных кругах. По крайней мере, о том пишет в своем письме от 9 мая 1803 года граф Воронцов: «С удовольствием удостоверяю вас, что оных (успехов Цицианова. — В.Л.) цену чувствуют здесь в полной мере и отдают должную справедливость дарованиям и деятельности вашей которых употребление столь выгодный дало оборот делам того края с самого в оный вашего прибытия. Здесь весьма пекутся о доставлении в руки ваши нужных пособий для успешнейшего окончания всего преднамеренного...»^[439]

Деятельность Цицианова на посту главнокомандующего затруднялась тем обстоятельством, что ему пришлось столкнуться с явлением, хорошо известным всем исследователям истории империй. Чиновники «титულიной нации», а также их коллеги, нанятые из местного населения, злоупотребляли своим служебным положением с размахом, неприемлемым и осуждаемым во внутренних губерниях. На рубеже 1860—1870-х годов М.Е. Салтыков-Щедрин опубликовал очерки «Господа ташкентцы». Это название стало нарицательным; оно связывалось в сознании тогдашнего читателя с многочисленными газетными статьями, обличавшими обитателей канцелярий на окраинах империи в беззастенчивом присвоении казенных сумм и самоуправстве. Вопиющие злоупотребления чиновников во второй половине XIX столетия становились достоянием гласности благодаря телеграфу, покончившему с информационной изоляцией Кавказа, Сибири и Туркестана, и благодаря либеральным журналистам, которые, легко обходя цензурные запреты, «выносили сор из избы». В начале XIX столетия Тифлис от Петербурга находился слишком далеко, обычно курьер из столицы добирался до места назначения целый месяц. Никаких корреспондентов, способных представить «альтернативную» картину той, что рисовалась руками писцов в разного рода деловых бумагах, в те времена не существовало. «Весь персонал тогдашних губернских и уездных учреждений состоял... из людей несомненно честных и вполне благонамеренных, но таких, которые никогда не домогались аттестата зрелости и потому, несмотря на свое официальное значение, сохраняли за собой право невменяемости», — писал сведущий мемуарист о тифлисских бюрократах 1840-х годов^[440]. В начале XIX столетия ситуация была еще более тяжелой. Простор для злоупотреблений на Кавказе открывало уже то обстоятельство, что начальником казенной палаты (ведавшей движением государственных средств) назначили коллежского асессора Коваленского — родного брата правителя Грузии!^[441] Высшие чиновники беззастенчиво

грабили казну, наживая целые состояния, а низшие предавались беспробудному пьянству, из-за чего их приходилось ночью держать под караулом, а днем — под присмотром специального служителя^[442]. Никаких отчетов за 1801—1805 годы от комиссионеров, орудовавших на территории Грузии, правительственным чиновникам так и не удалось получить, несмотря на неоднократные напоминания^[443]. А ведь эти люди закупали провиант и фураж, через них происходила оплата за различные работы и т. д. О степени кадрового голода, который испытывал Цицианов, говорит тот факт, что в его распоряжении не имелось ни одного «европейского» специалиста в области строительства. За возведением и ремонтом всех казенных объектов в Тифлисе поручили наблюдать единственному дипломированному землемеру, умевшему обращаться с геодезическими приборами, делать соответствующие расчеты и чертежи. В некоторых рапортах Цицианова слышится отчаяние. 29 августа 1805 года он писал Кочубею: «...Не могу без стеснения сердца донести вашей светлости, что генеральный недостаток в чиновниках и даже по штату положенных лишает меня способов отправлять служение мое по долгу звания моего...»^[444] Еще большее огорчение Цицианову доставляли случаи, когда дельный чиновник, приглашенный по его выбору на службу в Грузию, не выдерживал искуса легкого обогащения. Таким оказался, например, статский советник Тарасов. Имея безупречный послужной список и самые хорошие рекомендации, он, при раздаче казенной собственности на откуп, отдал лучший сад собственной жене, а остальная доходная недвижимость оказалась в руках его доверенных людей. При этом Тарасов, нимало не смущаясь, заявил Цицианову, что его супруга и подчиненные честно выиграли аукцион. Этот ловкий делец нашел еще одну золотую жилу: пользуясь тем, что чиновники-грузины неважно знали русский язык, он оформлял разного рода липовые отчеты. Когда Цицианов предложил ему покинуть Грузию, Тарасов решил без боя не сдаваться и направил «наверх» несколько рапортов, рисующих главнокомандующего в самом неприглядном свете (точное содержание этих рапортов неизвестно). Цицианов счел их оскорбительными, объясняя всё низким происхождением опального статского советника: «...но все сие оскорбление, званию моему причиненное, поис-шедшему из подлейших обер-офицерских детей в высшие чины чиновнику простил бы я, ибо сколь состояние людей по происхождению своему не сближает их по естеству их, но воспитание, требующее издержек, делает в людях разного состояния оттенку». Более всего Цицианова задело то, что Тарасов подстрекал к написанию кляуз 13

чиновников-грузин. Во всеподданнейшем рапорте от 28 ноября 1805 года главнокомандующий фактически поставил вопрос ребром: или немедленное удаление Тарасова, или его, главнокомандующего, отставка. Разумеется, царь выбрал Цицианова и нашел для Тарасова другое место службы^[445].

Весной 1803 года Цицианов распорядился, чтобы городничий Георгиевска разобрался в тяжбе купца Т. Белоусова с откупщиком Гордениным, который всячески увиливал от явки в суд, обоснованно опасаясь присуждения огромной выплаты истцу. Главнокомандующий писал: «По отъезде моем поручил я вашему высокоблагородию защитить бедного против богатого, который силой своих денег кривит душами подлых судей. Я прислан Государем в здешний край для истребления злоупотреблений и прислан потому, что имею счастье быть известен Его величеству со стороны гонителя криводушников; я вам велел защищать Белоусова от откупщика Горденина, а вы до сих пор ничего не сделали и к третейскому суду, предписанному статьей контракта, или постановлением высшего начальства, его не принудили: он отлыгался больным, стряпчий же написал, что то была ложь, а вы молчите и (не смею сказать) потворствуете. Итак, повторяя о прежнем моем приказании, должен вам сказать, что я, несмотря ни на что, ни же на покровителей, умею принудить к выполнению моих повелений, а паче если Горденин уедет из города, не разобравшись во всей бескорыстной истине»^[446].

При оценке действий властей всех уровней самая трудная задача состоит в том, чтобы определить, насколько адекватно эти действия воспринимаются теми, к кому они были обращены. В феврале 1803 года Грузия забурлила под влиянием слухов о том, что вслед за царевичами Давидом и Вахтангом будут высланы в Россию еще несколько княжеских фамилий. Цицианов посчитал необходимым выпустить специальное «обвещание», в котором говорилось, что никто не будет наказан без суда. Однако в самом документе ничего не было сказано о принципиальном отказе от высылки. Зато имелись такие слова: «...да страшатся праведного гнева законов враги человечества, нарушители покоя, ложные доносители, корыстолюбивые стяжатели и постыдные клеветники, лично между собой враждующие и ввергнувшие свое отечество в бездну зол и несчастий...»^[447] Многие представители грузинской знати могли принять эти слова на свой счет, по крайней мере в том, что касалось нарушения покоя и междоусобиц.

После года службы в Закавказье Цицианов пришел к неутешительному

выводу: «Вникая в нравы грузинского народа, усматриваю я из частных опытов, что всякое образованное правление до времени останется в Грузии без действия. Природа, определившая азиатские народы к неограниченной единоличной власти, оставила здесь неизгладимую печать свою. Против необузданности и упорства нужны способы решительные и сильные. Кротость российского правления почитают они за слабость и разными пронырствами укрываясь от гонения законов, хвастают ненаказанностью порока» (всеподданнейший рапорт от 13 февраля 1804 года)^[448].

Уровень самостоятельности главы администрации такой далекой имперской окраины, как Закавказье, во многом определялся особенностями управленческой технологии «дотелеграфного» и тем более «дотелефонного» периода. Столица и региональный центр не имели средств быстрой связи. Информация двигалась со скоростью конного курьера. В знаменитом гоголевском «Ревизоре» зрители обычно игнорируют этот едва ли не определяющий технологический фактор, забывая, что спустя всего несколько десятилетий после премьеры пьесы всякого рода фокусы «а-ля Хлестаков» оказывались практически невозможными. Любой городничий без всяких усилий «по прямому» проводу в считанные минуты мог выяснить: какой такой чиновник «инкогнито» с особыми поручениями прибыл из Петербурга. Но, разумеется, подобные ситуации были чем-то исключительным. Гораздо большее значение имело то, что руководители местной администрации должны были принимать важные решения без консультаций с высшими должностными лицами государства. Так, в одном из своих посланий на высочайшее имя Цицианов указывал на то, что резолюции на свои рапорты он получал спустя два месяца, «а дела здешние не терпят отлагательства»^[449]. Понимая это, в рескрипте от 7 марта 1803 года царь фактически развязал руки Цицианову: «...чтобы вы отнюдь не затрудняли себя ожиданием на всякое дело отсель предписания, но чтоб распоряжались в оных как наилучше для пользы службы моей признаете, донося только мне всякий раз о распоряжениях ваших»^[450].

*

Согласно духу и букве манифеста 12 сентября 1801 года о присоединении Грузии, все подати новых подданных обращались «в их пользу»: расходовались на восстановление всего разрушенного в ходе

вражеских нашествий и на содержание администрации. Все суммы находились в полном распоряжении главнокомандующего, который отчитывался о расходах императору и государственному казначею. Непосредственно управление финансовыми делами возлагалось на Экспедицию для дел казенных и экономических, которая входила в состав Верховного грузинского правительства. Во главе экспедиции стоял русский чиновник, но все четыре составлявших ее советника были грузинскими князьями.

«Беспорядок» — подходящее, хотя и мягкое определение того, что творилось в местной системе сбора налогов, расходов и отчетности. Если в отношении собственно грузинских земель проглядывали хоть какие-то общие контуры, то размеры сумм, получаемых от покоренных ханств, движение этих сумм — всё находилось в полном бюрократическом тумане. Еще в 1811 году министр финансов Гурьев переписывался с тогдашним главнокомандующим Торماسовым о необходимости составления ясной росписи доходов от закавказских владений^[451]. Проведенная в 1829—1831 годах сенатская ревизия выявила колоссальные потери казны от нерационального расходования средств, бесхозяйственности и прямых хищений. За 25 лет бесследно исчезло более миллиона рублей серебром — колоссальная сумма по тем временам. Проблема «равновесия» доходов и расходов стала наследственной для всех «главноначальствующих» на Кавказе. Но только во второй половине XIX века нашелся человек, который смог откровенно заявить, что в ближайшее время решения этой проблемы не предвидится: «...Закавказский край поставлен в совершенно исключительные обстоятельства, ...здесь хотя и не предстоит борьбы с политическим прошедшим, как в Польше, и нет такого необозримого пространства для творчества административного, как в Сибири, но есть не менее, а во многих отношениях более трудная задача пересоздания страны, в которой и природа, и тысячелетние предания, и религиозный антагонизм противопоставляют просвещению и слиянию с общим составом Империи преграды своей замкнутостью, своими предрассудками, своим фанатизмом... Впредь до времени неразумно было бы смотреть на Закавказский край как на источник доходов...»^[452] Этот человек — родной брат императора Александра II, великий князь Михаил Николаевич. Родственнику можно...

Еще главнокомандующему К.Ф. Кноррингу предписывалось установить численность податного населения, выявить форму, сроки и размеры платежей. Кроме того, перед ним была поставлена задача

преобразовать натуральные сборы денежными. Такой переход в регионах с высоким уровнем натуральности хозяйства был чрезвычайно болезненным, поскольку на рынке появлялся продавец, вынужденный соглашаться на предлагаемую цену, хоть втрое ниже реальной. Но крестьянину некуда было деваться — он за бесценок отдавал плоды своего труда алчным перекупщикам, как только приближался срок платежа. Свою долю старались урвать и ростовщики, пользовавшиеся безвыходным положением населения. В результате налоговое бремя, и без того нелегкое, еще сильнее давило земледельца. Поэтому правительство соглашалось некоторое время сохранять прежнюю систему податей и повинностей, но поручало местным властям заботиться о приумножении доходов казны «елико можно без отягощения и стеснения народного, способом ободрения и распространения в земле торговли, ремесел, земледелия и скотоводства»^[453]. Если в 1801 году совокупные доходы Грузии составили 60 тысяч рублей и в целом покрывали потребности управления краем, то после введения новой административной системы в 1802 году только на содержание государственных служащих требовалось 80 тысяч рублей. На развитие хозяйства и строительство не оставалось, разумеется, ни копейки.

В рескрипте Цицианову от 8 сентября 1802 года Александр I указал: «При установлении в сем крае настоящего образа правления я имел личное от генерала Кнорринга удостоверение, что Грузия себя собственными доходами содержать может. Но доселе о количестве доходов сих ничего от него не доставлено, а между тем издержки по разным предметам, день ото дня умножаясь, возросли уже до весьма нарочитой суммы, и хотя устроение сего народа соделалось предметом общего попечения правительства, но я никак не желал бы, чтобы тяжесть управления его пала единственно на Россию; с другой стороны, некоторые члены царского дома приносят жалобы, что они оставлены без приличных им способов содержания, определить же сии способы, доколе не будут известны уделы их владений, — нет возможности. Из сего заключите вы, ко-лико нужно иметь о том как наискорее подробные сведения, дабы можно было часть сию привести в надлежащее устройство и порядок. Я буду ожидать от вас исполнения сего как одной из первых ваших обязанностей»^[454].

Чтобы понять, на какие налоговые поступления коронная администрация может рассчитывать, при Кнорринге началась основательная ревизия налоговой системы Грузии. Она не могла пройти быстро, поскольку схемы натуральных повинностей (выполнение различных работ), а также платежей натурой и деньгами оказались

чрезвычайно запутанными. Имел место и откровенный саботаж: чиновники, как русские, так и грузинские, были заинтересованы в сохранении прежнего положения вещей, ибо четкая фиксация налогооблагаемой собственности лишала их возможности пользоваться служебным положением в собственных интересах. Исследование выявило колоссальный объем недоимок — более половины установленных поступлений, причем состояние хозяйства делало любые попытки эти недоимки как-то «выколотить» совершенно безнадежными. По самым оптимистичным расчетам Цицианова (1803 год), в ближайшем обозримом будущем Грузия могла принести доход в размере 100 тысяч рублей, и то только в том случае, если «восстановится внутреннее во всех частях спокойствие и устройство». Чуть позже коллежский ассессор Лофицкий представил будущее закавказского бюджета в более радужных тонах. Он предлагал сначала расходовать ежегодно по 300 тысяч рублей на восстановление и развитие хозяйства, уменьшив при этом налоговое бремя. Для достижения процветания края на таких условиях требовалось пять лет, после чего казна стала бы получать по миллиону рублей в год. Однако для подобных экспериментов время было самое неподходящее: войны в Европе, продолжавшаяся война с Персией, столкновение с Турцией минимизировали ресурсы казны, которые могли быть направлены на нужды Закавказья. Главное же заключалось в том, что в Петербурге видели, как отпущенные ранее суммы исчезали без видимой отдачи. Да и ожидаемые «спокойствие и устройство» никак не проглядывали даже на горизонте. Выбирая между лояльностью населения (немыслимой без финансовых «ослаблений») и уменьшением казенных издержек (немыслимых без взыскания всех податей и недоимок по ним в полном объеме), правительство склонилось к мысли о том, что «тишина» в такой нелегкой политической ситуации гораздо важнее.

Несмотря на то что пополнение казны заботило и самого Цицианова, он проявлял некоторые колебания в вопросе о дани, возлагаемой на те ханства, которые стали вассалами России (в 1805 году — Карабахское и Шекинское). В письме товарищу министра иностранных дел А. Чарторыйскому главнокомандующий предлагал освободить присоединенные территории от дани, под предлогом того, что они нанесут «урон той доверенности, которую всеми мерами должно стараться приобретать российскому начальству... Азиатские народы, толкуя цель предприятий нашего двора в самую неприятную сторону., полагают, что в российских завоеваниях участвует некоторым образом и корыстолюбие»^[455]. Главнокомандующий, судя по его высказываниям и

действиям, решился на предложение, способное вызвать сильное неудовольствие царя. Александр I оказался и обманутым, и обманувшимся в своих намерениях избежать отягощения государственного бюджета при расширении пределов своих владений за Кавказским хребтом. Но, как уже говорилось, Цицианов не робел не только в ратном деле, но и в канцелярских битвах. Он в полной мере использовал свой имидж откровенного генерала, готового «рубить правду-матку» в глаза вышестоящему лицу, включая самого царя. Главнокомандующий понимал: его собственные уверения и приходящие из Петербурга заявления в том, что Россия в Закавказье добивается только умиротворения и безопасности, находятся в явном противоречии с требованиями дани, пусть даже и символической. Главное же, по нашему мнению, заключалось в том, что местные владельцы платили крайне «неисправно», используя цветистое восточное красноречие для объяснения причин задержки платежей. Главнокомандующий оказывался в крайне сложном положении: угрозы и силовые действия означали, что предыдущие рапорты о покорности не вполне соответствуют действительности, да и применение силы во многих случаях выглядело рискованным предприятием. Принятие же ханских отговорок роняло престиж русской власти, поскольку в глазах местного населения такое поведение выглядело несомненным признаком слабости. Но царь через Чарторыйского передал пожелание не освобождать новых подданных от дани, рассматривая ее «в виде необходимо нужного политического обуздания и яко залог подданства их, отрицаясь от всего того, что могло бы клониться к отягощению сих народов». Такого подхода, по мнению Александра I, следовало придерживаться и в дальнейшем при расширении границ империи в этом регионе. Монарх предписывал придавать дани «политический» характер, чтобы доказывать, что «могущество Российской империи не имеет в виду столь малых способов для приращения своих доходов». Как этот лозунг претворять на практике, ни сам царь, ни Чарторыйский не указывали. Фактически представители Министерства иностранных дел противились попыткам Цицианова найти новые источники финансирования деятельности администрации. Они считали, что более важным является «привлечение преданности азиатских народов к российскому правительству». «Сравнение прежнего существования их с нынешним и насильственного правления ханов с кротким и бескорыстным правлением российским долженствует неминуемо обратиться в пользу нашу и произвести во времени весьма выгодное для России влияние», — писал А. Чарторыйский Цицианову 11 июля 1805 года^[456]. Здесь мы вновь видим пропасть между столичным

теоретизированием и местной практикой управления. Именно налоги являлись сферой, через которую коронная власть могла оказывать влияние на внутреннюю жизнь присоединенных территорий, поскольку судебная и административная власть практически без всяких «ущемлений» осталась в руках ханов. Уклоняясь от участия в фиске, русское правительство упускало из своих рук важные и последние рычаги реального воздействия на правителей. Нехватка денег останавливала всякие попытки создать управленческий аппарат, альтернативный тому, который существовал «при старом режиме». Население Карабахского, Шекинского и прочих ханств, оказавшихся в орбите российского влияния, в очень малой степени почувствовало разницу в методах управления. Круг замкнулся: нет новых поступлений в казну — нет новых порядков, которые бы сделали русскую власть привлекательной как для туземной элиты, так и для простого народа.

Цицианов предложил получать дань с Карабахского ханства в виде лошадей знаменитой местной породы для императорской конюшни, а с Шекинского ханства и джарских лезгин — шелком и коврами. В том случае, если это окажется неудобным или тягостным для населения, дань следовало перевести в денежную форму (30 тысяч рублей с Карабахского и 35 тысяч — с Шекинского ханства), причем половину суммы владельцы могли использовать на потребности местного населения (ирригационные работы, строительство и т. д.). Но правительство уже понимало «образ персидского правления», догадывалось, что ни копейки из вышеназванных сумм подданные не увидят. Поэтому допускался следующий вариант: хан собирал подать, снижая ее на сумму, которая взималась в пользу российского казначейства. Попросту говоря, правительство отказывалось получать доходы от присоединенных территорий, чтобы недовольство налоговым гнетом не было обращено на Россию.

Окончательно установили следующий размер дани: Карабах и Ширван — по 8 тысяч червонцев, Шекинское ханство — 7 тысяч. После покорения Бакинского и Дербентского ханств доходы с них были предоставлены в распоряжение главнокомандующего. Такая практика была закреплена указом от 16 ноября 1806 года, который поручал обращать все получаемые доходы от закавказских провинций на пользу народов, там проживающих. Политика сохранения местной системы налогов, отказа от «выкачивания» ресурсов была одновременно и разумной, и вынужденной. Правительство демонстрировало уважение к традициям и обычаям, что помогало сохранять спокойствие в крае, где очень многие подозрительно и даже враждебно относились к России. Но по большому счету альтернативой такой толерантности не было: кто мог в сжатые сроки произвести

коренную ломку системы налогообложения? Никто. Какими были бы последствия такого переворота? Ужасными. Поскольку античность традиционно рассматривалась как мерило добра и зла, авторы изданного в 1836 году «Обозрения российских владений за Кавказом» сравнивали политику Рима и России в отношении к покоренным народам: «Монтескью (Монтескье. — В.Л.) в числе причин, возвеличивших империю Римскую, полагал то, что римляне оставляли у побежденных народов неприкосновенной религию со всеми обрядами; но русские простирают такую политику гораздо далее: система финансов, к которой народ приучен веками, остается неизменной, улучшается исподволь, несмотря на безобразное ее состояние. Они в приобретенном народе видят своих собратьев и довольствуются тем, что дает им гостеприимство, не приступая вдруг к решительным переменам, которые со временем объединят обоюдные выгоды для России и для края»^[457].

И в дальнейшем, несмотря на острую потребность в денежных средствах и постоянную обеспокоенность правительства дефицитным бюджетом Закавказья, Петербург еще долго не решался на радикальную податную реформу. Только к началу 1830-х годов было собрано достаточно сведений о финансовом состоянии края, числе податного населения, уровне его доходов и занятиях. Так называемые камеральные описания выявили чрезвычайную сложность системы налогообложения, что само по себе создавало благоприятную почву для разного рода злоупотреблений. В некоторых уездах существовало два десятка натуральных и денежных податей, на откуп еще с «царских» времен было отдано буквально все — вплоть до должностей полицмейстера. За «наведение порядка» ратовал главнокомандующий на Кавказе И.Ф. Паскевич, получивший поддержку со стороны министра финансов Канкрин, однако никаких перемен не последовало. В 1830-е годы сенатор П.В. Ган, подготовивший целый комплекс реформ для Кавказа, предложил ввести в крае систему, очень похожую на ту, которая действовала в Пруссии. Конечно, было бы очень полезно для процветания края учредить в Тифлисе коммерческий банк и биржу, ввести российскую систему мер и весов, унифицировать монетные системы и сделать еще очень многое для экономики Грузии. После долгих прений правительство начало в 1844 году проводить преобразования, «...не имея четкого представления о территории, о земельных и социальных отношениях в крае, в том числе о сущности взаимоотношений между крестьянами и помещиками, при отсутствии межевания земель, а также эффективно работающей администрации»^[458].

В последней трети XIX столетия были распространены представления о том, что богатый Кавказ живет за счет бедной России. Чиновник, которому в 1883 году министр финансов Н.Х. Бунге поручил представить «соображения о всех экономических и финансовых вопросах Закавказского края, могущих принести государству пользу», сделал следующий вывод из своего исследования: «Несравненно богатейшие жители Закавказского края по сравнению с какой-нибудь Новгородской или Псковской губерниями, где жители едят хлеб с мякиной, платят вчетверо меньше, и в то же время голодный мужик северных губерний обязывается платить за богатых жителей Закавказья все не покрываемые местными доходами потребности по смете главного управления, не считая военной»^[459]. Строго говоря, вопрос об «уравнительности» податей был вопросом справедливости, а не вопросом «стоимости» Кавказа для империи. В 1881 году дефицит местного бюджета составлял солидную сумму в полмиллиона рублей. Однако эта «прореха» выглядела просто смешной на фоне чистого расхода на военные нужды Кавказского корпуса, составлявшего на тот момент более 30 миллионов рублей. И ни копейки в эту бездну от закавказских налогоплательщиков не капнуло!

Выражение «закладка фундамента» считается банальным, но оттого не менее выразительным. В нашем случае от него просто невозможно отказаться, характеризуя усилия Цицианова в области государственного строительства в Закавказье. В канцелярских битвах, как и на поле брани, под его начальством было очень мало «штыков и сабель». И если в боях и походах вокруг него сплотились опытные и надежные соратники, то в гражданских учреждениях края главнокомандующий не ощущал нужной поддержки и опоры. Тем не менее за сорок месяцев пребывания на Кавказе он успел сделать столько, сколько многие его преемники не смогли за гораздо более длительный срок.

Слово «главнокомандующий» в современном его значении рисует образ человека, занимающего высший пост в военной иерархии, которому выпала доля принимать окончательные решения на театре боевых действий. Но пост, доставшийся Павлу Дмитриевичу Цицианову, хотя и был напрямую связан с его военным опытом, образованием и воспитанием, предполагал гораздо более широкую сферу деятельности. Поскольку главнокомандующий становился глазами Петербурга на Кавказе, на основе его рапортов в столице формировалось более или менее адекватное представление о происходящем на этой имперской окраине. Он по-новому организовывал административное пространство Закавказья, прокладывал дороги, решал вопросы экономические, занимался развитием земледелия,

животноводства, промышленности и ремесел, считал своей прямой обязанностью содействовать улучшению продуктивности и урожайности, внедрять новые приемы земледелия. Чувство превосходства, свойственное носителю европейских ценностей, позволяло ему считать своей миссией и воспитание местных жителей, привитие им «правильных понятий», постепенное преобразование их в «европейцев», «правильных» подданных Российской империи. С петровских времен модернизация по западным образцам, или, как еще ее называют, вестернизация, проводилась при сильном нажиме государства, использовавшего весь свой административный потенциал для преодоления активного и пассивного сопротивления нововведениям со стороны общества, неохотно менявшего привычные жизненные стандарты. Поэтому для России было характерно именно «командование» — внедрение новшеств директивными методами, с широким использованием различных механизмов принуждения (от экономического и социального стимулирования до откровенно репрессивных мер по отношению к ослушникам). К началу XIX столетия в менталитете россиян прочно закрепилось положение о том, что государству буквально до всего есть дело. Поэтому сегодняшнего читателя Полного собрания законов Российской империи не должно смущать то, что царская подпись стоит под документами, мелочно регламентирующими самые разные сферы деятельности. Особое поле для командования раскрывалось там, где очень многое казалось «особенно неправильным», то есть на национальных окраинах.

Как уже говорилось, Петербург был крайне озабочен тем, чтобы расширение границ империи не сопровождалось увеличением нагрузки на казну. Достигнуть же этого можно было только с помощью повышения благосостояния населения, способного платить налоги и выполнять повинности, а также при условии развития торговли, пополняющей доходы государства за счет таможенных сборов. Именно поэтому с первых дней своего пребывания в Грузии Цицианов уделял большое внимание экономическому развитию Закавказья, развитию образования, здравоохранения и транспорта.

Цицианов играл двойную роль в экономическом развитии Кавказа. Прежде всего наведением порядка в налогообложении, пресечением произвола дворян и царских чиновников, защитой населения от грабежей и насилий он создал условия для спокойной жизни крестьян и ремесленников. Теперь они могли реализовать свой производственный потенциал, не опасаясь того, что всё, ими созданное, отберет горский наездник или собственный князь. Кроме того, если даже в самой

Великороссии единственным европейцем являлось правительство (по выражению А.С. Пушкина), то что же говорить о Грузии, которую в те времена безоговорочно считали Азией? Здесь высший представитель коронной власти просто обязан был «проливать свет» буквально во всех областях, в том числе, разумеется, и в сфере материального производства. Образцами служили европейские правила, стандарты, приемы и т. д. При этом забывалось, что особенности туземной технологии (смоленской, нижегородской, эстонской, грузинской, узбекской и т. д.), воспринимаемые как «отсталость» или даже «дикость», в подавляющем большинстве случаев отражали местные социокультурные реальности, тесно связанные с природно-климатическими условиями. Пример: начиная с петровских времен, посулами премий и угрозой каторги волжских корабелов заставляли строить барки на стапелях по европейским лекалам, с прочным корпусом и заостренным килем. Но русские речные суда изготовлялись «топорно» и «плоскодонно», часто в расчете на один рейс, не из-за скудоумия их создателей, а потому, что их устройство в наибольшей степени соответствовало гидрологическому режиму местных водоемов. Степняки-коневоды не торопились обзаводиться статными скакунами с испанской или английской кровью не потому, что не признавали их резвость и красоту, а потому, что сами эти красавцы и их потомство с трудом выживали в первую же суровую «резкоконтинентальную» зиму. Кавказские и среднеазиатские селяне также жили и трудились, применяясь к требованиям тамошнего климата и почвы. Разумеется, Европа обогатила практически все сферы производства, но нельзя отрицать того, что в оценке неевропейского быта европейские авторы часто бывали пристрастны и несправедливы. Между прочим, голландские гидростроители оконфузились при устройстве в 1708 году Вышневолоцкой водной системы, сделав всё по тогдашнему последнему слову техники. Валдайская возвышенность — не Фламандская низменность, и то, что годится для последней, зачастую плохо функционирует в первой.

*

Игнорирование местных особенностей стало важной причиной затруднений на пути развития горнодобывающей и металлургической промышленности Закавказья. Ее состояние на рубеже XVIII—XIX веков достаточно объективно представлено в докладе Аполлоса Аполлосовича Мусина-Пушкина — тайного советника и первого члена Бергколлегии.

Опытный чиновник и предприниматель писал: «Рудный промысел в Грузии находился доселе в руках партикулярных (частных. — В. Л.), как потому, что Цари Грузинские не в состоянии были употребить достаточных капиталов на первые заведения по обширному рудному производству нужных, так и потому, что не имели знающих горное дело людей, которые могли бы управлять избыточным промыслом сим на правилах, горными науками преподаваемых; встречающиеся в горах малой Армении благородные металлы, толь избыточно повсюду показывающиеся, привлекли, однако же, вскоре соседственных греков, тем же промыслом в Анатолии питавшихся, испытать счастье свое в Грузии, к чему и были особенно поощряемы царем Ираклием, который с ними положил условия, выгодные для себя, дозволяющие однако же сим промышленникам получать некоторую долю от проплавляемых ими металлов; от сего при заводах Ахтальском в Дамбулате и в Алвертском медеплавильном заводе поселились многие семьи греческих выходцев из Анатолии, из коих на весьма несовершенных правилах каждая особенно и занималась добычей и проплавкой руд, платя за употребление печей положенные цены и получая напротив за привозимые в Тифлис металлы, за исключением золота, условленную плату; таковым распоряжением заводчиков определялось количество семейств, на заводах живущих, от чего многие хозяйственные выгоды при общем горном производстве терялись уже из виду; наконец неверность и медленность в платежах со стороны Царя за привозимые греками металлы отохотила большую часть их от продолжения промысла своего; разорение Ахтальского завода Омар-ханом Аварским довершило упадок в Грузии серебряного рудопроизводства, так что при весьма избыточных рудах едва видел я в бытность мою на сих заводах небольшую проплавку в Ахтале серебряных руд, да и то, как думаю, сделана была с намерением, чтобы удостоверить меня, что выплавка металла сего в Грузии еще существует или, по крайней мере, возобновляется; из восьмисот греческих семей, во времена царя Ираклия при Ахтальском и Домбувском заводах поселившихся, едва при первом остаются еще 50, да и те в самом беднейшем и расстроенном состоянии». Более успешно действовал Алвертский медеплавильный завод, также отданный на откуп, но уже не грекам, а армянским купцам, которые платили царю 12 тысяч рублей, а получали около 60 тысяч, при таком же невысоком техническом уровне производства.

В целом картина выглядела правдивой, хотя Мусин-Пушкин был более чем заинтересован в том, чтобы очернить своих конкурентов-греков. Он жаждал монополии на закавказские недра. Еще в 1799 году купцы из города

Кизляра Демьянов и Попов подали прошение на откуп грузинских рудников на восемь лет за взнос 600 тысяч рублей. Но Мусин-Пушкин, полагая, что «ожидаемые прибыли для казны далеко превосходят эту сумму», упросил Павла I послать его самого в Грузию. Как проводилась геологическая разведка, остается тайной, но доклад по ее результатам был самый что ни есть радужный. Главный вывод: горное дело находится в упадке, но это следствие нерационального производства. При правильной постановке дела и незначительных инвестициях богатейшие руды позволят выплавлять много серебра, свинца и меди^[460]. Поскольку события 1799—1800 годов показали, что не следует ожидать от грузинских ополчений защиты заводов от набегов горцев, Мусин-Пушкин испрашивал разрешение на создание подвижного горного корпуса, «одетого и вооруженного подобно горским здешним народам, т. е. гребенским казакам; таковой корпус мог бы в мирные времена усугубить работы горные, в военные же — и к собственной обороне обезопасить как грузинские заводы, так и те, которые могли бы в прочих краях Кавказских гор учредиться»^[461].

Впоследствии граф заинтриговал правительство известием о возможности наладить в Грузии производство золота. Дело в том, что в «дороссийский» период при плавке руды, содержащей благородные металлы, все полученное золото принадлежало казне, и потому промышленники не стремились использовать руды с его высоким содержанием. Да и сами месторождения были редки и недостаточны для промышленной разработки. Чтобы как-то избежать конфуза, Мусин-Пушкин послал экспедицию во главе с обер-пробирером Карпинским в долину реки Акстафы и сообщил о найденных там золотых россыпях. Однако более основательные исследования показали, что и это — выдача желаемого за действительное^[462]. Автор первого труда по истории горного дела на Кавказе писал по этому поводу: «Граф Мусин-Пушкин, известный своим просвещенным патриотизмом, увлекся пылким воображением и, будучи под влиянием сильной охоты завести и укоренить здесь горное дело, долженствующее доставить такую славу и пользу России, при самом начале впал в обман и чистосердечно увидал в здешнем крае новое Эльдorado; донесения его были баснословны в самом опасном отношении — в отношении цифр... Он верил в то, что писал, и ходил верою, а не ведением»^[463].

Энтузиазм Мусина-Пушкина заразил Цицианова. Генерал полностью доверял предпринимателю, поддержал все его начинания и просьбы. Например, с помощью главнокомандующего Мусин-Пушкин выхлопотал

повышение жалованья горному мастеру Адаму, чтобы тот мог продолжать свои геологические изыскания в Закавказье. На интересе русских властей к полезным ископаемым многие поспешили погреть руки, сообщая о наличии таковых в разных точках края и пытаясь при этом получить «вспомоществование» от казны, привилегии и т. п. Правда, Цицианова поймать на эту удочку было нельзя, как мы видим из его письма тифлисскому купцу Мананову от 16 октября 1805 года: «Донесение твое касательно открытия руд на землях Хевсурских и Пшавских я получил и одобряю предприятие твое, но только не могу дать уверениям твоим о изяществе руд полной веры, поелику ты науке сей не учился... а статья может, что такова она по одним армянским изворотам и сведениям, сообщенным тебе от такого же армянина, каков сам. Впрочем, если твердо на себя надеешься и знаешь распознавать свойства руд, то предписываю туда немедленно отправиться и сколь возможно быть при производстве дела сего скромным; когда же исполнишь все сие с успехом для казны, т. е. обещанное тобою привезешь довольное количество руды для испытаний, а от того произойдет польза для казны, то не останешься без награждения»^[464]. Мананов доставил руду, которая оказалась хорошего качества, но у главнокомандующего возникли сомнения: не является ли это трюкачеством. Поэтому он отложил выплату награды до того времени, когда правдивость купца проверит специальная экспедиция.

При этом главнокомандующий предупредил, что в случае обмана купец познакомится со шпицрутенами^[465]. Для развития местного металлургического производства Цицианов предложил самое простое и надежное средство российских чиновников — запрещение ввозить конкурирующую иностранную продукцию, в данном случае — турецкую медь. Резон был простой: потребители никуда не денутся — будут покупать отечественную, пусть даже некачественную и дорогую^[466].

Восстановление заводов и налаживание производства шло с большим скрипом. Греки тормозили внедрение более передовых средств переработки руды, придерживаясь традиционных приемов. Большое значение имело и то, что горное начальство пыталось обращаться со свободными мастерами так же, как с крепостными на уральских или сибирских заводах. Не решаясь на активное сопротивление, греки выбрали саботаж как средство борьбы^[467]. Без них обойтись было трудно — других знатоков геологии в распоряжении местного начальства не имелось. Цицианов настойчиво писал в столицу о присылке иностранных специалистов. Первый из них, англичанин Уокер, умер сразу по приезде в Тифлис, а инженеры Максвин и

Паульсон прибыли в Закавказье только весной 1805 года. Они отправились в Мингрелию, правительница которой Нина Даддани по просьбе Цицианова обещала обеспечить безопасность исследователей. Главнокомандующий счел необходимым также уверить княгиню и местную знать, что в их интересах содействовать поиску полезных ископаемых, поскольку десятую часть дохода от горного дела получал владелец земли, на которой они добывались. Рапорт английского инженера Макс вина от 13 августа 1805 года вполне можно назвать ушатом холодной воды на головы тех, кто грезил найти в Западной Грузии некое минеральное Эльдorado. Геологи отыскивали три месторождения меди, но низкое содержание ее в породе и множество примесей исключали промышленное производство. В горах Сванетии обнаружили богатейшие залежи свинца, но возможность их разработки фактически исключалась тем, что сам рудник был отрезан от внешнего мира на девять месяцев (!) глубокими снегами, передвигаться можно было только по пешеходным тропам, подвергаясь опасности схода лавин. Все это дополнялось отсутствием леса и угрозой нападения со стороны местных жителей, крайне недружелюбно встретивших пришельцев^[468]. Представить же гордого свана чернорабочим на шахте нельзя было даже в бреду.

Вообще дефицит леса и нехватка рабочей силы являлись главной проблемой грузинских горных заводов. Основным топливом в металлургической промышленности и в металлообработке до середины XIX века были древесина и древесный уголь. Для производства 1 килограмма чистой меди в зависимости от сорта руды требовалось от 20 до 120 килограммов угля, для выплавки 1 килограмма чугуна полагалось 4 килограмма угля, для выковки 1 килограмма железа — еще 4—6 килограммов. Для получения 1 килограмма угля требовалось пережечь примерно 3 кубометра дров в зависимости от породы дерева. Таким образом, изготовление одной пушки самого распространенного в начале XIX века 12-фунтового калибра требовало 27 тысяч кубических метров дров. Кроме того, значительное количество древесины расходовалось для устройства шахтных креплений, для отопления производственных и жилых помещений, для промышленного строительства. Учитывая неизбежные потери при заготовке и транспортировке топлива, можно с уверенностью говорить, что даже не очень крупный завод стремительно опустошал окрестности и через 20—30 лет работы радикально изменял ландшафт, причем происходили замена пород деревьев и соответствующие изменения в остальной флоре и фауне, изменения в гидрологическом режиме местных

водоемов^[469]. Во многих же районах Закавказья леса не хватало даже для бытовых нужд, ибо огромное количество древесины ежедневно сжигалось для приготовления пищи. Тифлис испытывал хронический дефицит дров, в связи с чем 17 декабря 1802 года Цицианов обратился к графу Мусину-Пушкину с просьбой прислать «рудознатцев» для поиска каменноугольных копей в окрестностях города.

В «доцициановский» период металлургические заводы получали древесный уголь от крестьян ближайших округов, обязанных специальными указами царей Ираклия II и Георгия XII поставлять 50 лошадиных вьюков топлива. Поскольку крестьяне под различными предложениями уклонялись от выполнения этой разорительной повинности, было принято решение о разделении труда: одни селяне заготавливали лес, другие выжигали из него уголь, а третьи везли уголь на завод. Но и эта схема не принесла успеха. Власти пришли к выводу, что единственным выходом из положения является введение «приписки» рабочей силы к каждому горному заводу, как это уже в течение века практиковалось в России. На медеплавильных заводах в Дорийском округе металлурги-греки занимались собственно плавильным производством. По своей малочисленности и профессиональным традициям они не могли и не желали заниматься черной работой (заготовкой топлива, уборкой шлака, строительством и т. д.). Заставить выполнять эту работу местных крестьян также не удалось. Собственно говоря, пугать и заманивать было некого: население разбежалось после горских набегов. 2 октября Александр I согласился с предложением заселить Дорийский уезд греками и армянами, эмигрировавшими из Персии и Турции, при условии выполнения ими вспомогательных работ на заводах. В совместном всеподданнейшем докладе в 1804 году Цицианов и Мусин-Пушкин сообщили о введении системы поголовной приписки к заводам жителей Дорийского округа, вся власть в котором фактически передавалась в руки заводского управления. Крестьяне, приписанные к заводу, освобождались от всех прочих повинностей, включая воинскую. Их могли призвать в ополчение только в том случае, если враг угрожал непосредственно Лори и его окрестностям. Разрешалось также приписывать к заводу отставных солдат по их желанию. Главный расчет был на армян, выходцев из Персии. Офицеры, ведавшие приграничными территориями, получили предписание содействовать переходу на российскую сторону полутора тысячам армянских семейств^[470].

В России одним из источников рабочей силы для горных заводов

являлись каторжники. По представлению Цицианова 1 мая 1803 года царь повелел преступников, приговоренных к битью кнутом и ссылке в Сибирь, наказывать шпицрутенами и отправлять на местные предприятия^[471]. Но кроме чернорабочих для производства металла требовались специалисты. Поэтому еще 19 ноября 1801 года Александр I издал указ «Об учреждении горного производства в Грузии», предусматривавший набор нужного числа мастеровых на сибирских заводах для предприятий, находившихся в ведении Мусина-Пушкина. Кроме того, на Кавказ направлялись шесть «мастеров-кузнецов для научения местных жителей изготовлению железа в кричных горнах». Устройство канцелярии поручалось командированным пяти чиновникам из Бергколлегии. На неотложные нужды кавказских горняков выделялось 12 тысяч рублей^[472].

Одной из причин, толкавших главнокомандующих на Кавказе к развитию в этом крае горного дела, являлась потребность в боеприпасах, доставка которых из России обходилась казне очень дорого. Цицианов постоянно следил за ходом работ по этой части. В ноябре 1805 года в письме чиновнику горного ведомства Борзунову он торопил того с производством опытов по литью ядер, бомб и гранат, чтобы получить точные данные как о качестве изделий, так и о себестоимости производства боеприпасов^[473]. Цицианов писал Борзунову: «Обработка чугуна в Елисаветполе столько меня занимает, что я вам изобразить не могу, и для того желал бы, чтобы снова возможно скорее сделать пробу, именно о свойстве и полезности руды сей уведомить... По испытании же выработанного чугуна и по получении как ядер, бомб и гранат с исчислением издержек, считая на один пуд, узнаете от меня о степени пользы для казны произойти могущей, которая, как надеюсь, будет наизытнейшего и достойного уважения от начальства»^[474]. Борзунов послал в Елисаветпольский округ мастера Вяткина, который исследовал тамошние рудники и пришел к неутешительному выводу: для промышленного металлургического производства нет никаких условий. Руды оказались бедные, леса для выжигания угля мало, найти работников крайне трудно. Кроме того, местное железо содержало много примесей меди, что снижало его качество. Вяткин все это откровенно изложил в своих рапортах, добавив, что только острейший дефицит металла и чудовищная дороговизна доставки ядер, бомб и картечи из России заставили его согласиться на устройство экспериментальной домны. Мастер указал, что изготовление елисаветпольскими ремесленниками высококачественных ружейных стволов из местного железа — не аргумент,

поскольку для этого производились операции, практически неприменимые в заводских условиях^[475].

Мусин-Пушкин умер в апреле 1805 года. Вслед за ним окончил свой земной путь и горный инженер Копылов, образованный и разумный соратник Цицианова во всех начинаниях, требовавших технических знаний. Из людей с европейским горным образованием остался только горный инженер Борзунов, человек, по отзывам современников, «жестокий и малоспособный». От непривычного климата и дармового вина умерло больше половины русских мастеровых, приехавших с Урала для развития производства. Как писал историк С.С. Эсадзе, «несчастье подчиненных и неуспехи действия заводов удвоились бы бесспорно, если бы... Цицианов не взял экспедицию сию в непосредственное свое ведение»^[476]. Однако сам главнокомандующий, чрезвычайно занятый войной с персами, трезво оценивал свою роль в разрешении такого сложного вопроса. Это видно из его письма князю Безбородко: «...Необходимо прислать сюда старшего и беспристрастного человека, для личного и местного обозрения и рассмотрения, как способности выделки здешних руд, так и пользы государственной, от того быть имеющей, ибо я в деле сем не знаю, знаю только то, что много десятков тысяч из астраханской казенной палаты отпущено и отпустить должно, а не продано и на десять тысяч. Слышал также от горного начальства офицеров, что чинаровый уголь не способен к большой печи и к большой расплавке столько, сколько дубовый, а потому удостоверительно и долгу звания моего и присяги сделать заключение осмеливаюсь, что покойный граф Мусин-Пушкин при первом обозрении рудников не видал лесов, а после закрывал стыд своего невежества. Впрочем, прозорливость вашего сиятельства и присланный чиновник, знающий и беспристрастный, откроют всю истину»^[477].

После смерти графа Мусина-Пушкина, которому в области горного дела Цицианов, по всей видимости, безгранично доверял, перед главнокомандующим открылась следующая картина: заводы рабочей силой и топливом не обеспечены, металлурги-греки и администрация предприятий соревнуются в сочинении жалоб друг на друга, огромные деньги потрачены, а полученная медь — столь низкого качества (не ковкая), что ее никто не покупает. В связи с этим князь 10 июля 1805 года обратился к министру финансов Васильеву, в ведении которого находились медные и серебряные рудники, с просьбой прислать компетентного и «доверенного» чиновника для того, чтобы разобраться во всей этой запутанной истории.

Финансовые итоги просто обескураживали: расходы казны только в

звонкой монете Цицианов оценил в 48 484 рубля. За продажу выплавленной меди получили 3065 рублей, начеканено медной же монеты на 1182 рубля. Убыток составил 43 237 рублей^[478]. Горный инженер А.Б. Иваницкий, хорошо знавший ситуацию в Закавказье, писал о причинах неуспеха Мусина-Пушкина и Цицианова: «Горный промысел водворяется там, где порядок гражданский уже достаточно устроен, где население мирно, война окончена и, наконец, где есть избыток капиталов, нуждающихся в выгодном помещении... Были тогда капиталисты на Кавказе, но капитал находил лишь одно выгодное помещение — казенные поставки для армии вина, хлеба и комиссариатских запасов (обмундирования. — В.Л.). Все вращалось на этом, и ни одна промышленность не принималась и не приносила ничего кроме разорения, кроме разве духанов, т. е. мелочной продажи водки и вина... Таким образом, вмешательство правительства в развитие здешнего горного промысла было вмешательство искусственное и не принесло никаких полезных результатов...»^[479]

Скромные результаты в развитии металлургии в Грузии никоим образом не бросают тень на деятельность Цицианова в области экономики. Историческое повествование по ряду причин строится таким образом, что неудачи затушевываются, если, конечно, автор исследования не старается специально представить своего героя в мрачных тонах. В коллективном историческом сознании, например, деятельность Петра Великого представляется вереницей достижений в разных областях. На самом же деле в первой четверти XVIII столетия в обстановке радикальных перемен было сделано множество ошибок, начато строительство множества объектов, потрачено на них немало людских жизней и денег, а потом — брошено на много-много лет или даже навсегда.

В нашем распоряжении нет документов, которые могли бы с большей подробностью осветить попытки главнокомандующего реанимировать горное дело в Грузии, поставить его на более высокий организационный и технологический уровень. Судя по всему, пришлось временно вернуться «на круги своя». 14 февраля 1806 года Александр I наложил резолюцию «быть по сему» на докладе министра финансов графа Васильева, согласно которому в соответствии с предложениями Цицианова медный завод в Лори передавался на выгодных для казны условиях грекам на 10—15 лет. Казенные же мастерские «обращались» на выплавку чугуна и производство боеприпасов. Также по «настоянию» главнокомандующего на Кавказ был командирован опытный специалист берг-гауптман 6-го класса

Логинов, зарекомендовавший себя на Пермских заводах как опытный руководитель и специалист в области металлургии^[480].

Вся история горной промышленности Кавказа первой половины XIX столетия наполнена конфликтами между частными предпринимателями и офицерами горного ведомства, в котором царили военные порядки. Эта ситуация дает еще один повод говорить о незаурядности личности Цицианова. Будучи всю свою жизнь человеком служащим, он сохранил непредвзятый взгляд на вещи. Присяга не стала для него шорами, загораживающими реальность. Это видно в истории с греками-металлургами, затеявшими борьбу с чиновниками горного ведомства. Главнокомандующий прекрасно понимал все уловки заводчиков, но видел и рациональные зерна в их суждениях, не вставая безоговорочно на сторону Бергколлегии^[481].

*

Если металлургическая промышленность на Кавказе была в «детском» состоянии, то текстильная вообще отсутствовала. Все потребности местного населения удовлетворялись ремесленниками и купцами, привозившими шелковые и хлопчатобумажные материи с «востока». В сочетании с трудностями доставки грузов из России это привело к тому, что солдаты и офицеры русских полков обносились до крайности. Полковник Ф.Ф. Бартоломей, инспектировавший войска Кавказского корпуса в 1826 году, написал в своем отчете: «...Люди не выправлены, не обучены, и только мундиры, изредка надеваемые (ходят здесь большей частью в разорванных шинелях, бурках, архалуках, в черкесских шапках и проч.), заставляют иногда догадываться, что это должны быть солдаты»^[482]. Обращаем внимание читателя, что минула уже четверть века с момента присоединения Грузии, но интендантство не могло обеспечить служащих там исправной одеждой. В самом же начале XIX века солдаты и офицеры на этой имперской окраине ходили в отрепьях, что, по мнению князя Цицианова, не только снижало боеспособность, но и роняло достоинство власти. Генерал Лазарев конфиденциально сообщал начальству 11 марта 1802 года: «...Как бы полк ни был выучен и выправлен, но, имея мундиры все в заплатках, как цирюльничьи кисы, а некоторые пощеголеватее егери, хотя и сделали для себя по достатку мундиры, другие же половину оных, а третьи одни рукава, отчего и выходит, что дыр нет, но весьма на них

скверно смотреть. Шляпы похожи на блины, а не на тот вид, который должны иметь; половина в сумах и с ружьями, другая же со штуцерами и подсумками — пестрота довольно обезображивающая фронт»^[483].

Решить проблему можно было двумя путями: устройством надежной связи с Россией или организацией производства мундирных вещей на месте. Первое оказывалось решительно не по силам: выдержать проезд по Военно-Грузинской дороге из Владикавказа в Тифлис колесный экипаж в то время не мог. Оставалось второе. К тому же развитие промышленности с петровских времен считалось одной из первейших задач правительства. Цицианов предложил устроить в Тифлисе суконную и кожевенную фабрики. Эти предприятия должны были изготавливать из местного сырья сукно для мундиров и шинелей, материал для шитья сапог, портупей, седел и упряжи. Мастеров и образцы машин предполагалось «выписать» из России. Нательное белье солдаты шили из льняного полотна, которого на Кавказе не было. Поэтому провели эксперимент: раздали нижним чинам рубашки из хлопчатобумажной ткани. «...Но князь Цицианов сомневался в том, чтобы этот холст мог быть введен в употребление, потому что солдат, не привычный к бумажному холсту, должен был чувствовать в нем большую разницу с льняным, и особенно потому, что при употреблении этого холста испарение тела бывает гораздо сильнее».

Однако создать в Закавказье некий обособленный и самодостаточный остров было невозможно. Наряду с организацией местной промышленности следовало улучшать связь с «внутренними губерниями». Главный Кавказский хребет представлял собой барьер, воздвигнутый природой между Грузией и Россией. Его можно было обойти с востока или преодолеть по ущельям и перевалам, труднопроходимым летом и практически недоступным зимой. Восточный путь протяженностью около тысячи километров лежал от Кизляра вдоль берега Каспийского моря или по его водам до Баку и оттуда по долине Куры к Тифлису. Дороги вдоль черноморского побережья до второй половины XIX века вообще не существовало. Можно было доплыть на корабле от Керчи до Поти (около 500 километров), а затем до столицы Грузии проехать через Кутаис еще 300 километров. Восточный путь предполагал полный контроль над Азербайджаном и равнинной частью Дагестана, западный — над Имеретией, Гурией и Мингрелией. Кроме того, плавание по Черному морю с октября по май было затруднено из-за штормов и отсутствия безопасных бухт на всем черноморском побережье от Новороссийска до турецкой границы. Третий путь, протяженностью чуть более 200 километров, лежал по ущелью, которое пробил в горах Терек, а затем через перевал Крестовый

шел по долине Арагвы — притока Куры. Он и стал, несмотря на все свои трудности, главной трассой, связывавшей Закавказье с Россией, получив впоследствии название Военно-Грузинской дороги. Одну из главных опасностей представляли обвалы. В 1808 и 1817 годах огромные массы снега, льда и камней надолго прекрывали движение по этой дороге. В 1832 году у подножия Казбека ущелье было завалено льдом на протяжении двух верст. Перед этой плотиной стометровой высоты образовалось озеро. Два года путники вынуждены были двигаться по такому временному леднику.

История дороги — история постоянных улучшений и борьбы с природой. В 1799 году отряд Лазарева прошел по ней за 36 дней, продвигаясь со средней скоростью 6 верст в сутки. В Дарьяльском ущелье приходилось неоднократно перебираться с одного берега на другой по ненадежным мостикам. Для того чтобы обеспечить проход войск из Владикавказа в Тифлис в 1796 году, на дорогу сначала отправили батальон пехоты, который разобрал завалы и построил 27 мостов через Терек. Потребовался целый месяц напряженной работы, для того чтобы можно было доставлять повозки без их разборки на части^[484]. Возле Владикавказа начиналась горная дорога, которую до второй половины XIX века правильнее было называть тропой. Некоторые участки были непроходимы даже для вьючных лошадей, и приходилось нанимать грузинских и осетинских носильщиков, нередко вымогавших у путников непомерную плату или даже без всяких церемоний расходившихся с поклажей по домам. За проход по своей территории, за постройку и починку мостов, за расчистку дороги, за предоставление лошадей и носильщиков, за провиант и фураж, за дрова и предоставляемый кров, за мнимую и действительную охрану от разбойников — за всё путники должны были платить втридорога. Плата взималась холстом, единицей являлась «рубашка» (шесть локтей ткани). В Кизляре даже устроили специальный склад, куда привозили холст из Нижнего Новгорода. Все ехавшие в Грузию «по казенной надобности» получали необходимое количество этой местной валюты. Имеются сведения, что по местным обычаям каждый кусок делился поровну между старшинами, в результате чего одежда горцев в этом районе была сшита из множества отдельных лоскутков^[485].

Еще в 1802 году горный инженер Копылов получил распоряжение Цицианова составить проект реконструкции Военно-Грузинской дороги, который включал бы в себя как технические решения, так и организационные меры. В июне 1803 года на столе перед главнокомандующим лежал рапорт этого опытного инженера,

потратившего немало времени на тщательный осмотр трассы будущего пути, прочно связывавшего Россию с Грузией. Копылов обосновал необходимость возведения нескольких мостов, указал на ошибки при производстве предыдущих работ и на возможные технические сложности строительства. Кроме того, он заявил о необходимости изменить организацию всего дела. Во-первых, следовало сформировать коллектив постоянных работников, имевших прочные навыки мостостроения и прокладки дорог в горных условиях. До тех пор собирались из местных жителей и солдат отдельные «команды», состав которых менялся, из-за чего инженерам приходилось большую часть времени тратить на обучение новичков. Во-вторых, надо было изменить правила найма: нежелание осетин вербоваться в рабочие команды и непомерно высокая плата, которую они запрашивали, объяснялись тем, что старшины, выступавшие в роли посредников, присваивали себе значительную часть общего заработка. Копылов уверял Цицианова, что при расчете с каждым работником стоимость рабочей силы резко снизится и в ней уже не будет недостатка.

Усовершенствование дороги резко повышало ее безопасность не только потому, что снижался риск свернуть шею на крутом спуске или сорваться в бушующий Терек с хлипкого моста. Новый путь предусматривал уничтожение более двух десятков переправ с одного берега на другой, поскольку теперь движение осуществлялось не постоянными скачками от одного «проезжего» места к другому, а по достаточно протяженным участкам, претендующим на звание шоссе. Мосты были излюбленными местами разбойничьих засад, их охрана оказывалась трудным делом. Сокращение числа переправ позволяло создавать при них сильные посты, а не символические пикеты, нередко становившиеся жертвами горских набегов. Зимой 1802/03 года Цицианов лично осмотрел дорогу от Моздока до Тифлиса через Дарьяльское ущелье и пришел к заключению, что «приведение дороги сей в такое положение, чтобы войска, артиллерия и доставление нужных снарядов имели сообщение с Грузией без великих трудов и казенного убытка, не менее может стоить как 200 000 рублей. Несмотря на столь знатную сумму для сбережения казны Его императорского величества и для государственной пользы существование сего пути сопряжено с необходимостью, ибо за одно доставление из Моздока в Грузию по комиссариатской части для здешних войск амуниции и снарядов для артиллерии издерживаемо бывает ежегодно до 50 000 рублей; следовательно в 10 лет составит 500 000 рублей. Из коих, обратив половину на устройство дороги, издержанная сумма в непродолжительном времени с пользой очистится, не упоминая о дальновидных пользах

торговли, долженствующих неминуемо в дальнейшем доставить России при свободном сообщении с Персией нарочитое приращение»^[486]. Князь решил улучшить дорогу через Дарьяльское ущелье путем «исправления» наиболее опасных и труднопроходимых участков, а также строительства укреплений, ограждавших путников от нападений горцев. Император идею одобрил, но денег для ее воплощения не дал, ссылаясь на тяжелые тучи, затянувшие политический горизонт в Европе. Отверг он и предложение назвать трассу Владикавказ—Тифлис «Александровым путем». Скупость Петербурга не обескуражила князя. Несмотря на дефицит средств, в самом узком и самом важном участке Дарьяльского ущелья, селении Ларе, было основано укрепление. Прежнему владельцу этих земель, осетинскому старшине Дударову, были предоставлены угодья в других районах, определены пожизненная ежегодная пенсия в 350 рублей и чин капитана армии. Кроме того, используя местные ресурсы, Цицианов сумел проложить дорогу длиной более 100 километров от крепости Сурам до Кутаиса. Эта дорога вскоре приобрела очень большое военно-стратегическое значение.

Однако во второй половине 1803-го — начале 1804 года в Петербурге поняли, что не следует экономить на единственном пути, связывающем Россию с Грузией. Осенью 1803 года многие важнейшие пункты дороги вообще остались без охраны, поскольку эпидемия буквально опустошила селения осетин в Тагаурском ущелье и некому было встать на пути чеченцев и ингушей, сделавших грабеж караванов своим основным занятием. Это обстоятельство стало еще одним поводом обращения Цицианова к Александру I с просьбой ускорить выделение средств на строительные работы. Царь незамедлительно указал министру финансов ассигновать требуемые суммы^[487].

19 апреля 1804 года Александр I одобрил предложения Цицианова «Об устройении в Грузии удобнейшего и безопасного дорожного сообщения». Он повелел ассигновать ежегодно по 6 тысяч рублей в течение пяти лет и составить подробный план дорожной сети в Закавказье^[488].

Хотя в 1811 году Военно-Грузинская дорога была передана в ведение Главного управления путей сообщения, ее жизненно важное значение для Отдельного Кавказского корпуса заставляло командование уделять ей особое внимание. Любые попытки горцев нарушить связь с Россией жестоко пресекались. Расположение трассы во многом объясняет тот факт, что столь много усилий было затрачено на первоочередное «замирение» народов, живших на территориях, к этой дороге примыкающих, —

кабардинцев, осетин и ингушей. Даже в начале 1830-х годов на участке между Ларсом и Коби не везде могли разъехаться две повозки. Поэтому движение караванов было организовано так, чтобы они не встречались в пути. Ощущался дефицит в помещениях для проезжающих, а те, которые имелись, поражали своей теснотой, неопрятностью и сыростью. Всякого рода услуги и продукты на дороге стоили немислимо дорого. Несмотря на постоянные улучшения трассы, падения в пропасть и ушибы от камней, сорвавшихся со скал, считались печальной неизбежностью^[489]. Только в 1837 году дорогу привели в относительный порядок, и по ней без особых приключений проследовал из Тифлиса во Владикавказ император Николай I. Еще сорок лет спустя военный корреспондент Г. К. Градовский проехал здесь на Кавказский фронт «в карете на лежачих рессорах, удобно влекомой крупной рысью спокойно бегущих лошадей»^[490].

Но не только горные теснины были тяжким испытанием для путников, ехавших из России в Грузию. В степных и предгорных районах между Кавказской линией и донскими станицами зимние вьюги заставляли экипажи останавливаться где попало и ждать улучшения погоды, поскольку дороги не были никак промаркированы. 24 апреля 1803 года Цицианов предписал ставропольскому земскому исправнику Бабину установить по обеим сторонам дороги сплетенные из лозы туры или насыпать через каждые 500 метров двухметровые холмики и посадить на них тополя^[491]. О состоянии путей сообщения в Грузии красноречиво говорит тот факт, что даже Тифлис во время паводков на Куре оказывался отрезанным от внешнего мира из-за отсутствия мостов через реку. Ежегодно на переправах гибли люди, которых уносило бурными потоками. Цицианов приказал построить мост для обеспечения беспрепятственного сообщения административного центра Закавказья со всеми частями подведомственной ему территории.

Разъезжая по губернии, Цицианов убедился, что местные власти не особенно радуют о качестве путей сообщения. Судя по эмоциональности его предписания тифлисскому капитан-исправнику Серебрякову от 25 октября 1804 года, главнокомандующий испытал все «прелести» тамошних коммуникаций на себе: его экипаж тонул в канавах, увязал в распаханных местах, цеплялся за сучья деревьев из-за крайней узости дороги. Следствием этого стали «Генеральные правила о дорогах». Крестьяне обязывались до и после сезона полевых работ проложить между городами трассы шириной 16 метров, а между селами — 4 метра. В лесу устраивалась просека шириной не менее 8 метров и выравнивалось

полотно шириной 4 метра. Строго запрещалось запахивать дороги и устраивать водоводные каналы без устройства через них мостов^[492]. Готовясь к войне с Персией, Цицианов приказал в феврале 1804 года провести усовершенствование дороги на Гянджу и построить мосты через имевшиеся там речки и ручьи, «дабы в случае движения войск и артиллерии обоз не был принужден изнуряться»^[493]. Рубку леса, лишавшую горцев возможности скрытно подбираться к русским колоннам, устраивать засады в местах, неудобных для регулярных войск, традиционно считают изобретением генерала Ермолова. Это не так. Еще в 1804 году Цицианов предписал очистить от леса Тагаурское ущелье, чтобы лишить горцев возможности безнаказанно «шалить» на подступах к Военно-Грузинской дороге^[494]. Таким образом, нашего героя смело можно назвать родоначальником системного дорожного строительства в Закавказье.

Не остались без внимания Цицианова и водные пути, и прежде всего трасса Астрахань—Баку. Многочисленные отмели и подводные камни в сочетании с примитивнейшими приемами навигации являлись причиной частых аварий торговых судов. Ситуация усугублялась тем, что жители прибрежных дагестанских аулов считали корабли, потерпевшие крушение, своей законной добычей, а местные правители не особенно противились этому. Так, например, в ноябре 1802 года неподалеку от Дербента, напротив владений уцмья Каракайтагского, село на мель судно астраханского купца. Команда добралась до порта на шлюпке, прихватив с собой наиболее ценные товары. Ших-Али Дербентский обещал беспрепятственно отпустить моряков вместе со всем их добром; уцмий также пообещал сдать «судно в целостности и все, что за грабежом еще осталось в судне, как то железные полосы и судовые припасы». Но когда хозяин судна приехал на место, то увидел, как несколько сотен дагестанцев рубили корпус и растаскивали железные детали. Более того, они напали на купца, и только резвость коней, полученных от хана, спасла незадачливого морехода и его охрану от грабежа, а возможно, и от смерти. Жалоба на местных жителей ни к чему не привела. Ших-Али-хан заявил, что отдаст товары только после того, как накажут каракайтагцев. Только после настоятельных требований русской стороны дербентцы вернули часть удерживаемого добра^[495].

Поскольку перспективы отучить прибрежных жителей Дагестана от грабежа судов, севших на мель, были довольно призрачными, Цицианов во всеподданнейшем рапорте от 8 января 1803 года предложил решить проблему уменьшением крушений и повышением культуры мореплавания:

«...Тому виной бывают всегда не знающие мореходной науки лоцмана, кои за то и не наказываемы бывают или весьма снисходительно; а как на западном берегу Каспийское море до Низабаской пристани изобилует мелями и подводными камнями, то малейшее упущение в осторожности или самое незнание лоцмана подвергает судно кораблекрушению или мели, и потому, во отвращение столь чувствительного преткновения нашей торговли, не угодно ли будет Вашему императорскому величеству повелеть на первый раз снабжать все купеческие корабли учеными штурманами из Астраханского порта, а на будущее время повелеть при Морском кадетском корпусе отделить некоторое число штурманских учеников, на содержание и усовершенствование коих астраханское купечество может назначить потребные суммы из городских доходов»^[496]. Через неделю в письме Чарторыйскому главнокомандующий сообщал, что одной из главных причин большого количества крушений было отсутствие навыков «правильного» судовождения. Без компаса, без умения определять местоположение в открытом море шкиперы жались к берегу и разбивали свои суда. «...Приняв во уважение привычку к климату, привязанность к месту рождения, образу жизни и воспитания, — писал Цицианов, — кажется мне, что заведение в самой Астрахани штурманского училища, которое бы могло со временем снабжать и Таганрогский порт искусными шкиперами, было бы еще вернейшим средством для твердого образования купеческого мореходства, ибо все упомянутые неудобства исчезнут, коль скоро мореплавание посредством искусства сделается смелее...»^[497]

Цицианов понимал, что многие распоряжения, исходящие из столицы, имеют в своей основе недостаточную или недостоверную информацию о ситуации на Кавказе, и потому руководствовался в их исполнении не «буквой», а «смыслом». Так, в конце 1802 года правительство в Петербурге забило тревогу в связи с известиями о том, что в нарушение договора об исключительном праве России иметь на Каспии военные суда восточные владыки построили корабли, способные нести серьезную артиллерию. В Тифлис полетели распоряжения как можно скорее разыскать их и уничтожить. Цицианов, будучи опытным администратором, знал, что стремительное и бездумное выполнение предписаний, исходящих из столицы, — не самый лучший образ действия. Чтобы военные в служебном рвении не перетопили всё, что плавает по Каспию, он «нашел нужным заметить» командующему Каспийской флотилией генерал-майору Жохову, «что для избежания всякого недоразумения, важнейшее обстоятельство состоит в удостоверении его о величине, строении и вооружении

персидских судов». Ханам Бакинскому, Энзелинскому и Тальшинскому, которым принадлежали корабли, так напугавшие российское правительство, Цицианов отправил «настоятельные требования» не выпускать их в плавание, «под опасением неминуемого ареста оных». Поскольку в разряд запрещенных чуть было не попали традиционные суда — «киржимы», главнокомандующий написал в столицу: «...я полагаю полезнейшим свободное мореплавание киржимов оставить до времени, то есть доколе Баку не убудет в руках наших и доколе собственные наши купеческие суда не умножатся до такого количества, что в персидских транспортных судах нужды не будет»^[498].

Во время пребывания Цицианова на посту главнокомандующего поднимался и вопрос о колонизации новых владений. Сразу следует сказать, что этот вопрос не был порожден земельным голодом во внутренних губерниях России. Всего с 1713 по 1804 год пришлые российские землевладельцы стали на Кавказе собственниками 623 тысяч десятин — площади, для этого региона совершенно ничтожной. Местных жителей выселяли из родных аулов не для того, чтобы передать их поля и луга русским, а для того, чтобы удалить как «бесполезных для колонизации края и... вредных для его спокойствия». Главной целью привлечения на Кавказ «русского элемента» было возложение на него обязанности оберегать границу «от враждебных соседних покушений»^[499]. Даже в начале XX века крестьяне считали Сибирь более привлекательным местом^[500]. Кавказ стал местом ссылки сектантов, бродяг и прочих асоциальных элементов. Почему же военное начальство так радело о появлении в этом крае русских поселений? Здесь четко видны ведомственные интересы. Во-первых, таким образом надеялись решить болезненный вопрос о снабжении войск провиантом и фуражом и обеспечении армии помещениями на основе постоянной повинности. Во-вторых, полагали, что со временем можно будет перейти к комплектованию хотя бы гарнизонных частей местными уроженцами и тем самым покончить с огромной смертностью среди новобранцев, что традиционно объяснялось непривычным климатом^[501].

При выборе потенциальных колонистов взгляды властей нередко обращались к черноморским (кубанским) казакам. Министр иностранных дел Чарторыйский писал Цицианову: «Черноморские казаки, живущие на берегах одного моря, искусные в рыбном промысле, к войне способные и приобвыкшие уже к полуденному климату, при первом взгляде обращают на себя внимание. Утвердительно сказать можно, что один полк

черноморских казаков, прежде командированный сюда на службу и потом оставленный для населения, доставил бы тому краю двоякую пользу: воинское обеспечение и нужное движение первым земледельческим трудам, которые со временем могут оставить важную для России отрасль полученной торговли». Дело сначала затормозилось, поскольку на пустующих землях не оказалось мест, удобных для поселения. Когда для полка всё же нашли участок на реке Ингури, дополнительным препятствием стало опасение, что казаки, вместо того чтобы бороться с работорговлей, активно в нее включатся^[502].

Одной из существенных проблем армейского хозяйства в Закавказье оказалась доставка казенных грузов и прежде всего развозка муки по гарнизонам. Основным транспортным средством являлись вьючные волы, передвигавшиеся медленно, бравшие мало груза и служившие одновременно тяглом во время полевых работ. Кроме того, постоянно возникали разного рода «недоразумения» с погонщиками, которые крайне неохотно брались за перевозки, мешавшие их земледельческим занятиям. В этой связи Цицианов в ноябре 1805 года обратился к Александру I с предложением поселить в Закавказье 400 украинцев на условиях выполнения ими подводной повинности^[503]. Впрочем, как показали дальнейшие события, колонизация Кавказа оказалась делом крайне трудным и в конечном итоге — несбыточным.

*

Цицианов стоял и у истоков светского образования в Грузии. В начале XIX столетия в Картли-Кахетии не имелось светских учебных заведений и вообще образованность ограничивалась умением читать и писать на родном языке. Судопроизводство имело словесную форму, а широкое применение именных печатей фактически исключало потребность в подписании документов. Главным достоинством представителей благородного сословия согласно традициям военно-феодального общества была ратная доблесть, а не ученость. Поэтому даже среди придворных и «первейших» князей неграмотность не считалась чем-то зазорным. В Имеретии, Гурии и Мингрелии грамотных людей было еще меньше. Когда писарь царя Соломона отправился навестить своих родственников в Тифлис, глава Имеретии не нашел в своем окружении человека, который смог бы ответить на послание Цицианова. Во всем Закавказье

единственный (!) человек грамотно переводил с грузинского языка на русский и обратно — полковой священник А. Петриев. Этого уникального и незаменимого специалиста сначала держал при себе Кнорринг, а потом Цицианов^[504]. О знании же европейских языков вообще говорить не приходилось.

Культурными центрами образования в Восточной и Западной Грузии были монастыри, где хранились древние рукописи, существовали библиотеки, переписывались церковно-служебные книги и произведения светской литературы на грузинском языке. При монастырях существовали школы, но почти все обучающиеся в них принадлежали к духовному сословию. Среди священнослужителей и даже среди мирян встречались знатоки греческого языка и латыни, но в целом светское образование в конце XVIII века фактически отсутствовало.

К началу XIX столетия отечественное чиновничество уже основательно поднаторело в строительстве потемкинских деревень и выдаче желаемого начальством за действительное. В отношении министру народного просвещения графу П.В. Завадовскому от 28 декабря 1802 года Цицианов, основываясь на материалах, доставшихся ему по наследству, сообщал, что еще в сентябре того года открыто «...для обучения благородного грузинского юношества училище в двух классах, из коих в первом предположено обучать детей чтению и письму российского и грузинского языков и первым правилам арифметики, начала геометрии, географии, рисовального искусства, и наставлять должностям человека и гражданина». 45 учеников передали на попечение трех преподавателей. Два чиновника обучали на русском, а священник Кавказского гренадерского полка — на грузинском языке. Цицианов просил министра обеспечить школу «...учителями к высшим классам способными и потребными ученикам книгами». Главнокомандующий акцентировал внимание правительства на том, что без распространения грамотности вообще и без обучения русскому языку в особенности грядут огромные трудности в системе судопроизводства, где дела велись на русском языке. Однако по прибытии в Тифлис он не обнаружил ни учеников, ни учителей, ни самого училища. Судя по документам, для «изображения деятельности на ниве просвещения» предшественники Цицианова собрали какое-то число грузинских подростков, сняли помещение, определили в учителя чиновников из местных канцелярий и отпрапортовали об открытии учебного заведения, забыв о его существовании на следующий день. Школа, будучи оставленной без финансовых средств и без административной поддержки, «растаяла» сама по себе, а неудачу начальство привычно объяснило

«дикостью нравов здешнего народа». Так что это заведение не только не принесло пользы, но скорее дискредитировало образование в глазах грузинского общества.

Цицианову, по существу, пришлось заново создавать училище. Во всеподданнейшем донесении от 27 июня 1803 года новый начальник края предложил направить на нужды местного просвещения дань, наложенную на джарских лезгин, в размере 10 тысяч рублей. Цицианов писал: «Необходимая нужда в российском языке в той земле, где на оном отправляется судопроизводство; недостаток в переводчиках и крайнее невежество здешнего дворянства даже до того, что большая часть оного не знает природного своего языка по правилам, побудили меня приступить деятельным образом к преподаванию способов относительно введения в Грузию первых лучей просвещения, буде не вообще народного, то хотя здешнего дворянства, дабы по крайней мере поколение, в отроческих летах ныне пребывающее, вкусило блаженство, Российским правительством для оного уготовляемое...» К этому донесению приложен «Проект о просвещении Грузинского дворянства и об учреждении училища в Тифлисе». Первые три набора составляли 25 учеников, а затем их число предполагалось удвоить. Штат составляли два учителя, преподававших на грузинском языке, и два — на русском, а также два сторожа. Особая сумма выделялась на строительство здания для училища и на аренду помещений, пока оно не будет построено. Важным пунктом программы являлась ежегодная командировка восьми юношей на обучение в Московский университетский пансион за казенный счет. Своей властью Цицианов распорядился также передать училищу типографию, правильнее сказать — материалы для ее устройства, которые остались после того, как это заведение было разгромлено в 1795 году Ага-Магомет-ханом.

Донесение Цицианова Завадовскому от того же числа фактически повторяло послание Александру I, но было дополнено очень ценной информацией о том, каким личным делом было для главнокомандующего развитие просвещения среди грузин. Будучи сам высокообразованным человеком, князь тяжело переживал, что его родной народ не имеет возможности приобщиться к богатствам мировой культуры. То, что Цицианов назначил директором училища своего личного переводчика А. Петриева, означало величайшую жертву с его стороны^[505]. Министерство народного просвещения, получив соответствующие указания от императора, одобрило все действия главнокомандующего по устройству училища и сообщило, что высылает в Тифлис не по 30 экземпляров всех необходимых учебных пособий (как он просил), а по 100. Император

Александр I своим указом от 25 июля 1803 года поддержал усилия Цицианова по развитию образования в Грузии, выделялись средства для учреждения училища в Тифлисе. Сначала здесь учились 25 учеников, а затем численность увеличилась вдвое. Главным попечителем училища назначался главноуправляющий Грузией^[506].

Внимание Цицианова привлек профессор философии и теологии Мартини, «родом венгерец». Страсть к путешествиям занесла его в Мингрелию, где его наняли на год учить сына тамошнего владетельного князя. Гонораром доверчивому иностранцу стала грамота на владение двенадцатью крестьянскими дворами, но в реальности он никак не мог получить их. Мартини обратился за помощью к русскому представителю, действительному статскому советнику Литвинову, и тот посоветовал ему оставить мечты стать местным помещиком, поскольку практика работорговли грозила профессору не только полным разорением, но и вероятностью самому оказаться на восточном невольничьем рынке с веревкой на шее. Мартини, проживший год в Западном Закавказье, счел доводы Литвинова убедительными и согласился стать преподавателем в Тифлисе. Он был знатоком латыни, очень полезной, с точки зрения Цицианова, потому, что этот язык «для возбуждения в отроке военных склонностей весьма способен...»^[507]. Генерал знал, о чем говорил: как мы помним, рассказы Плутарха о подвигах античных военачальников на него самого произвели сильнейшее впечатление.

Поскольку идея образования в России не отделялась от идеи «государственной пользы», среди книг, переведенных на грузинский язык, имелось немало специальных, к чтению которых местные жители оказались не готовы. 10 марта Цицианов сообщил министру внутренних дел князю Кочубею, что «Русская полевая фортификация», по его мнению, «...едва через 5 лет может быть здесь читаема, потому что довольная часть князей читать по-грузински не умеет, да если бы и умели, то понимать не могут технических терминов фортификации, как то профиль, берма, бруствер и прочее, кои в ней без толкования значения переведены». В донесении Завадовскому от 31 мая 1804 года Цицианов сообщал о том, что в Москву на обучение грузинские недоросли будут направляться только после того, как они в достаточной степени на месте освоят русский язык. Кроме того, он настаивал на увеличении численности учеников до 60 человек и на включении в этот контингент десяти 15-летних поповичей, грамотно писавших на родном языке, — для подготовки их в качестве преподавателей училищ, которые предполагалось открыть впоследствии в

Телави и Гори. 21 мая училище в Тифлисе было торжественно открыто. Празднество было несколько подпорчено речью учителя Гуляева, в которой имели место «обидные изречения для новоприобретенной земли». Кроме того, уже в первые дни выяснилось, что Гуляев «не обещает успехов, не имея дара заставить учеников уважать себя». Главнокомандующий попросил министра заменить незадачливого педагога студентом Букринским «с произведением его в чин по примеру прежде присланных учителей»^[508].

И в дальнейшем, несмотря на занятость, Цицианов не упускал Тифлисское училище из своего поля зрения. 25 июня 1805 года он писал директору Петриеву, что тот опрометчиво стал обучать детей священнослужителей немецкому языку, «как будто готовя их к светским званиям, как многие, к несчастью нашей церкви, попы изучаются наукам не к назиданию сердец, но к гордости познаниям своим и лезут в светские звания, помышляют о приобретении наружных украшений в наградах». В письме от того же числа профессору Мартини он прямо заявил: «...по общему же всех мнению немецкий язык попу греческого исповедания не нужен». Заметим, что в письме генерала нет характерного для дворян того времени пренебрежения к церковникам; напротив, он демонстрирует заботу о духовенстве и священнослужителях, которые готовятся стать «пастырями словесного стада, а не светскими чинами, как многие попы, яко недостойные своего сана, лезут, обрываются, падают и разбивают о камень соблазна душу свою»^[509].

Летом 1805 года князь Чарторыйский обратился к Цицианову с просьбой найти на Кавказе переводчиков с персидского и грузинского языков, чтобы «они могли переводить без всякой за ними поправки». Главнокомандующий ответил, что имеется только один человек, отвечающий подобным требованиям, и тот — его личный переводчик. Что же касается подготовки переводчиков с персидского и арабского, то Цицианов собирался «назначить» для этого нескольких «наиострейших» учеников Тифлисского училища, чтобы через три года иметь специалистов такого рода. Имелось еще одно затруднение: в Астраханской школе восточных языков учились только солдатские дети, служба эта считалась непрестижной, и потому «благородных людей дети по крайней мере на сие посрамительное дело покуситься не могут». 14 апреля 1803 года Александр I с подачи Цицианова повелел прислать в Москву 12 грузинских юношей для обучения в пансионе при Московском университете. Предполагалось, что они должны будут получить высшее медицинское образование. Однако

реализации этого помешал страх родителей отправлять своих чад в далекий северный город.

Заслуги Цицианова как основателя светского образования в Закавказье особо заметны на фоне того, что следующие шаги в этой области были сделаны более четверти века спустя. В 1830 году Тифлисское училище преобразовали в гимназию, учредили при ней Благородный пансион, открыли в Телави, Гори и Кутаиси уездные училища^[510]. О том, что дело народного просвещения было поставлено Цициановым на прочную основу, свидетельствует переписка его преемника Гудовича и министра Завадовского. Успехи в изучении русского языка оказались столь велики, что возникла необходимость в введении курса «нравственных наук», математики и рисования. В следующем же учебном году планировалось начать преподавание географии и истории. Служащие тифлисских учреждений князь Бебутов, Сараджев, Чубинов и Амвросов подготовили к печати «перевод Грузинской истории». В списках учащихся кроме детей грузинских дворян — сыновья шекинского и элисуйского ханов^[511].

*

С именем Цицианова связаны и шаги по развитию системы здравоохранения на Кавказе. Свою деятельность в этом направлении он начал с того, что приказал проводить поголовное оспопрививание в калмыцкой степи. Кроме сохранения жизни тысячам кочевников, это мероприятие имело колоссальное значение в борьбе с эпидемиями на всем пространстве от Черного моря до Каспия. Дело в том, что гурты калмыцкого скота ежегодно пригонялись в различные районы края, и вместе с погонщиками распространялась зараза^[512].

До начала XVIII столетия корабли из дальних стран заходили в те порты, которые выбирал кормчий, исходя из интересов владельца груза и погодных условий. Чума, буквально опустошившая Марсель в 1720 и 1721 годах, коренным образом изменила правила мореплавания. Сначала во Франции, а затем и в других странах ввели систему карантинных заведений. В России карантинные правила и учреждения появились при Павле I. Уже в самом начале своей деятельности в Закавказье Цицианову пришлось познакомиться со страшной гостьей — чумой, регулярно посещавшей Грузию и Южный Дагестан вместе с

торговцами и паломниками из Персии и Турции. Поэтому всеподданнейшим рапортом он ходатайствовал об устройстве четырех карантинных застав: в Сураме — на границе с Имеретией, в Цалке — на турецкой границе, в Караклисе и Шамшадильской провинции — на путях, по которым шли караваны из Персии^[513]. Указом Александра I от 23 октября 1803 года во всех предложенных Цициановым пунктах были устроены таможи. При этом таможня, существовавшая ранее в Моздоке, упразднялась. Это рассматривалось Цициановым как шаг в направлении умиротворения воинственных племен Северного Кавказа: «Новые выгоды, имеющие открыться горцам в беспошлинной торговле простыми и малозначущими их изделиями, возрождая в них склонность к промышленности, в продолжении времени сделаются вернейшим средством к обузданию дикости их обычаев и к смягчению нравов через частое сообщение с Кавказской линией...»^[514] Следующим шагом стало уничтожение внутренних таможен — средневекового пережитка, характерного для примитивных фискальных систем. Александр I посчитал эти меры разумными и 23 октября 1803 года подписал соответствующий указ^[515].

Поскольку гигиена и борьба с эпидемиями были связаны теснейшим образом, три пункта предписания тифлисскому коменданту касались санитарного режима. Он должен был следить за тем, чтобы «на улицы никто никакой нечистоты или стервы не кидал, и против чьего дома найдется, велеть тому вычистить; приискать за городом место для заведения бойни и по одобрению моему заявить, чтобы в городе никакой скотины не бить, а битую уже привозить в лавку и всегда чистым полотном покрывать, растолковав им, что от битья скотины в городе делается смрад и вредный для людей запах; покрывать же, чтобы не пылилось мясо и не безобразно было видеть — что все это делается для сбережения здоровья жителей, что здоровье дороже денег, а потому и жалеть последнего для первого глупо». Главнокомандующий приказал также перенести за город кожевенные заводы, «которые не могут быть терпимы в городе от скверного запаха». В целях пожарной безопасности все лавки должны были закрываться не позднее семи часов вечера с обязательным погашением печей и осветительных приборов в них. Чтобы злоумышленники не могли использовать яд, «мышьяк и другие вредные зелья», разрешалось продавать только в одной лавке «надежнейшего купца, которому без порук не продавать, и за всякое несчастье имеет он отвечать, буде докажется, что он продавал неизвестным или не имеющим поручительство людям ядовитые

растения или составы, могущие по неведению и неосторожности быть причиной гибельных следствий и даже самой смерти»^[516].

Нельзя сказать, что в начале XIX века в Санкт-Петербурге или Москве уровень медицинского обслуживания принципиально отличался от того, что было на Кавказе. С хворями боролись народными средствами, при травмах помогали костоправы, справлявшиеся иногда с довольно серьезными повреждениями. Только узкая европеизированная прослойка «высшего света» прибегала к услугам докторов-иностранцев, пользовавшихся большим авторитетом, бравших немалые деньги, но чудес не совершавших. Но была одна область, где передовые позиции европейцев были бесспорными. Речь идет о борьбе с эпидемиями, которые почти ежегодно собирали свою страшную жатву. До изобретения вакцин, антибиотиков и средств дезинфекции карантинные меры оставались единственным эффективным способом борьбы с заразой. Меры эти обычно сводились к ограничению передвижений населения, которое воспринимало их как «стеснение» и неизбежное зло. Состоятельные горожане предпочитали летом выбираться на свежий воздух, поскольку именно миазмы, неизбежные в неблагоустроенных и тесных городах, считались виновниками или по крайней мере важнейшими союзниками чумы, тифа и холеры. На Кавказе при первых признаках массового заболевания все, кто мог, бежали из очага заразы, а те, кто не мог бежать, молились, болели и хоронили усопших. При этом рациональность, скорость и жесткость карантинных мер являлись мерилom достоинств наместников, генерал-губернаторов и других лиц, облеченных большой властью.

В 1802 году по Тифлису прокатился слух о чуме, не такой уж и редкой гостье в Закавказье. Современник так описывал эту болезнь: «Свирепствовавшая в Грузии чума разделялась на три степени, которые все начинались горячкою с ознобом по временам. Первая, не столь опасная, состояла в бобонах, или опухолях, появившихся под мышками и в пахах. Если больной имеет довольно силы к перенесению воспаления, причиняемого нарывом, и ежели оный дозреет и прорвется, то больной по большей части выздоравливал. Медики помогали этому пластырями, припарками и разрезыванием, так что больных только половина умирала, 2-я состояла из карбункулов, или небольших чирьев, появлявшихся в разных местах на теле. Хотя употребляли и на оные разные пластыри, но из десяти человек умирало по семи и более. 3-я, от которой ни один не выздоравливал, состояла в появлении по всему телу мелких черных и красных пятен. Степень прилипчивости не можно было определить: иные смело обращались с больными, и ничего к ним не приставало; другие же,

напротив, заражались почти без прикосновения»^[517].

Невозможность действовать в экстремальных условиях нашествия моровой язвы, когда нет должной спаянности «в команде», послужила для Цицианова поводом для удаления из края оппозиционных ему чиновников. Сейчас трудно сказать, проявил ли Цицианов себя мастером интриги, добиваясь этого, или на то были объективные причины. Он фактически в ультимативной форме потребовал удалить из края прежнего правителя Грузии Коваленского, ссылаясь на то, что невозможно принимать важнейшие решения на основе сведений диаметрально противоположного характера. Коваленский в глазах императора был представлен виновным в недостоверной информации и пассивности при борьбе с эпидемией. 26 января 1803 года Александр I своим рескриптом «обнадежил» Цицианова в его борьбе с фрондирующими или даже оппонирующими подчиненными: «...Зная усердие ваше к службе, совершенно полагаюсь на вас в принятии мер к прекращению заразы и сбережению вверенных вам войск и обывателей тамошнего края, уверен будучи, что ничто вами по сему предмету упущено не будет. Касательно же нерапортования вам правителем Грузии о таком важном обстоятельстве, то известите меня, каковое может он принести оправдание таковому упущению»^[518].

По свидетельству Тучкова (который, напомним, сильно недолюбливал главнокомандующего!), Цицианов, дабы не выпустить заразу за пределы города, приказал закрыть ворота, но «допустил послабления» для некоторых своих родственников, тайно выбравшихся в свои поместья. Известия об этом взбудоражили народ, который не позволил выехать из Тифлиса грузинскому патриарху Антонию. Не испугали жителей города ни усиленные караулы, ни пушки, заряженные картечью и поставленные на перекрестках главных улиц, ни арест депутатов, требовавших разрешения уезжать в «здоровую» местность. Когда Цицианов увидел, что одной решительностью моровое поветрие не одолеть, он согласился организовать частичную эвакуацию горожан при условии соблюдения всех карантинных предосторожностей.

Рапорты самого князя рисуют иную картину, которая выглядит более правдоподобной: «Ежегодно свирепствующие здесь болезни распространяются наиболее от необузданности народа, к порядку и неповиновению не привыкшего до такой степени, что никакая полиция с ним управиться не может. Несмотря на строжайшие предписания городской полиции не допускать в город и не выпускать из оногo без билетов (пропусков. — В.Л.), здешнее духовенство первое подает пример, оставляя

церкви, запирая оные и убегая скрытно из города. И когда я о сем обстоятельстве сообщил католикоу Антонию, дабы он, духовной властью своей, воспретил такое неустройство, приводящее народ в большое колебание, то вместо ожидаемого от него следствия получил словесно и письменно настоятельную просьбу выпустить его самого из города. Сколько ни стараюсь ему внушить неблагопристойность и соблазн такого поступка в то время, когда нужны для народа примеры твердости, архипастырскому сану его приличные, дабы вывести обывателей из заблуждения, но не вижу никакого успеха; и, наконец, был вынужден буду согласиться на его просьбу, ибо малодушное его здесь присутствие более рассеивает страха, нежели упования в народе»^[519]. Депутаты были арестованы на сутки «для примера строгости», которая помогла смягчить ситуацию. В тех домах, где имелись заболевшие, проводилась дезинфекция традиционными способами: окуривание дымом, проветривание. Для большей эффективности последней процедуры с домов даже снимали кровлю. Безжалостно сжигались вещи умерших. Этим занимались специальные команды из солдат местного гарнизона.

Народная медицина тысячами видимых и невидимых нитей связана с бытовым укладом, религиозными, этическими и эстетическими нормами. Поэтому появление на поле здравоохранения чужаков с их необычными снадобьями и приемами вызывало у местных жителей по меньшей мере настороженность. Доктору приходилось в своей практике вступать в близкий контакт с пациентом, осматривать его, ощупывать и расспрашивать, что только усугубляло ситуацию. Российское дворянство восприняло немца-лекаря и немца-аптекаря как некую данность, освященную к тому же волей Великого Петра. Простой же народ относился к ним с подозрением, которое во время эпидемий перерастало в ненависть с трагическими последствиями. В 1830 году несколько медиков-иностранцев были зверски умерщвлены толпой, которая видела в них распространителей холеры. На Кавказе сами «русские» (включая в это число и остзейцев) оказались в положении этих самых немцев. 19 февраля 1803 года Цицианов писал Александру I: «Недостаток медицинских чинов здесь и недоверие здешних жителей к российским лекарям обязывают меня, в отвращение толь гибельных для человечества предубеждениями зараженных правил, всеподданнейше представить Вашему императорскому величеству, не благоволено ли будет повелеть — выбрав желающих армян, а может быть таковые найдутся из бедных грузинских дворян, отправить детей своих для обучения медицинской науки в Императорском Московском университете, на казенном иждивении числом до 12

человек...» Через два месяца Александр I утвердил это предложение^[520].

Быстрота принятия решений не означала бездумное выполнение указаний, исходящих «сверху». В тех случаях, когда главнокомандующий видел ограниченность своих знаний о предмете, он не стеснялся наводить нужные справки. На письмо из Коллегии иностранных дел о необходимости следить за тем, чтобы прививали населению коровью оспу, а не оспу обыкновенную, Цицианов ответил следующим посланием: «... Несколько сот лет как бабки по деревням в Грузии прививают оспу, только не коровью, а обыкновенную, и при том болезнь сия не производит никаких худых последствий. За всем тем не оставлю я обещанием внушить о пользе сей коровьей оспы... но не смею отвечать за успех, потому что азиатский народ с большой трудностью приемлет и самополезнейшие введения, кольми паче относящиеся к их здоровью...»^[521]

Лечение водами в первой половине XIX столетия считалось одним из наиболее действенных средств практически при всех болезнях. К моменту вступления Цицианова в должность главнокомандующего минеральные воды в районе нынешнего Кисловодска уже приобрели большую популярность в России. Однако использование источников осложнялось отсутствием помещений для временного пребывания приезжих и для водных процедур, а также постоянной угрозой нападения горцев. По предложению и по плану князя весной 1803 года началось строительство укрепления, получившего название Кисловодского и ставшего основанием будущего всемирно известного курорта.

Цицианов проявлял быстроту и решительность буквально во всех сферах своей деятельности. Разного рода согласования и рассмотрения вызывали у него глубокое отвращение. Когда встал вопрос о месте для аптекарского огорода, где выращивались бы лекарственные растения, оказалось, что подходящие для этого земельные участки стоят очень дорого. Цицианов решил проблему одним махом — распорядился отдать аптекарям сад, принадлежавший ранее царице Марии и после ее депортации в Россию оказавшийся в ведении казны. 5 мая 1805 года Александр I утвердил доклад министра внутренних дел, согласно которому были выделены средства для устройства в Тифлисе аптеки и аптечного огорода, а также решен вопрос о повышенном жалованье для служителей.

Сколько-нибудь эффективное управление немислимо без отлаженной почты. 15 апреля 1803 года Цицианов приказал разбить на участки дороги, ведущие из Тифлиса в Душет, Телави, Сигнах и Гори. Жители сел, находящихся в оконечностях каждой «дистанции», обязывались в виде

земской повинности доставлять казенные пакеты на следующую станцию. Таковые пересылки допускались не более двух раз в неделю «кроме не терпящих времени случаев». Главным же было установление надежной связи с Россией. Под руководством Цицианова был разработан проект «Временной почтовой конторы в Тифлисе», который в виде доклада главного директора почт поступил на рассмотрение императора. 13 июня 1805 года Александр I утвердил своей подписью этот документ. На устройство почтовой конторы в Тифлисе и наем персонала (почтмейстер, его помощник, переводчик и сторожа) требовалось 2600 рублей, на строительство зданий почтамта и десяти станций — 13 500 рублей. Поскольку доставка посылок и пакетов от Моздока до Тифлиса (258 километров) была сопряжена со значительными трудностями, за этот участок взималась двойная оплата, а далее по России действовал уже общегосударственный тариф. Курьерам, проезжавшим по этой трассе, полагалось выдавать прогонные деньги по 4 копейки за версту, что составляло в оба конца 20 рублей 64 копейки^[522].

Еще Петр Великий надеялся переориентировать хотя бы часть товарного потока, идущего по линии Европа—Азия, на Волжско-Каспийский маршрут. Но идея такого транзита была утопичной, так как при самых благоприятных обстоятельствах груз, отправленный из Дербента вверх по Волге, не мог добраться до Петербурга за одну навигацию. После присоединения Грузии эта идея вновь стала обсуждаться, поскольку рисовалась перспектива соединения «прямым путем» Каспийского и Черного морей. В таком случае восточные товары проходили бы через российские таможни, принося значительную прибыль казне. Часть грузов могла попадать во внутренние губернии по Дону, являвшемуся важной водной артерией того времени. В политическом и карьерном плане Цицианову было бы очень выгодно проявить себя горячим поклонником столь грандиозного проекта. Под «стройку века» можно было получить огромные суммы, тратить их фактически бесконтрольно, а неудачу (другого варианта просто не было) списать на неожиданно вскрывшиеся трудности природного, политического или военного характера. Но наш герой сразу заявил о химеричности подобных замыслов. 31 августа 1803 года он писал графу Румянцеву: «Соединение торговли каспийской с черноморской сколь ни желательно, но я полагаю таковое соединение полезным более для утверждения в здешнем крае российского владычества посредством неприкосновенности сих естественных пределов, нежели для действительного соединения каспийской торговли с черноморской, о коей многие европейские промышленные народы, прежде открытия нового пути

в Ост-Индию, прилагали неусыпное старание и даже имели некоторый успех. Ныне же, когда главнейшая и богатейшая отрасль персидской торговли проходит через Бас-сору, находясь в руках англичан, равно как и индийская, я смею сказать, что за исключением каких-либо непредвидимых приключений нет возможности сию торговлю совратить с настоящего пути... Доставка к пристани Поти товаров персидских, состоящих большей частью в шелке-сырце и в хлопчатой бумаге, трудными путями в горах проложенными, не может производиться с пользой торгующих, тем паче и по той еще причине, что сии же самые товары в большом изобилии и легчайшим путем идут из Леванта в черноморские наши порты...»^[523]

Нападения персов, горцев, междоусобицы стали причиной того, что крестьяне не чувствовали себя в безопасности и тысячами бежали в города, образуя там прослойку мелких торговцев или перебиваясь случайными заработками. Эти нищие и беспокойные горожане были всегда готовы к мятежу, в их среде вербовалось пополнение для воровских и бандитских шаек. Кроме того, они способствовали формированию целой системы перекупки практически всех товаров, что заметно повышало цены и парализовало сбор налогов с торговли, повышало налоговую нагрузку на «солидных» предпринимателей. Наконец, городская беднота застраивала город целыми кварталами убогих лачуг — рассадников заразы и преступности. Цицианов приказал всем крестьянам вернуться в родные деревни в течение двух месяцев, а помещикам — забрать своих беглых крепостных. Торговцев обязали доказать свою экономическую состоятельность и составить списки с указанием занятия и капитала. Для борьбы с повышением цен было предписано расправляться с перекупщиками. Предпринимались меры против хаотичной застройки: возведение новых зданий и ремонт старых разрешались только с согласия городских властей. При этом следовало стремиться к тому, чтобы улицы становились шире и прямее^[524]. Но восточный властитель (а именно такую роль играл Цицианов) завоевывает почтение не только справедливой, по местным меркам, суровостью, но и милостью. Несмотря на свое желание очистить Тифлис и уездные центры от скопившихся в них люмпенов, главнокомандующий 23 ноября 1804 года предписал исполнительной экспедиции приостановить высылку крестьян из городов в уезды до весны, поскольку «теперь выполнять оное было бы бесчеловечно»^[525].

Внимание Цицианова к хлебопашеству объяснялось прежде всего тем, что армия нуждалась в продовольствии. В 1802 году считалось невозможным вводить в Грузию более трех пехотных полков, поскольку

большее количество солдат край просто не мог прокормить. Новый главнокомандующий сумел мобилизовать небогатые ресурсы края, так что пришедшие через Главный хребет восемь полков не испытывали крайней нужды в провианте. Кроме того, места расквартирования батальонов и хлебородные районы часто не совпадали, а перевозка хлеба затруднялась плохими дорогами и отсутствием эффективных транспортных средств. Организация же подводной повинности по российским образцам не представлялась возможной по целому ряду обстоятельств. Наличие запасов хлеба, возможность заготовки провианта в различных районах Закавказья облегчали ведение военных действий, развязывали руки командованию, буквально привязанному к складам и дорогам, по которым могли пройти обозы. Цицианов неоднократно обращался к старшинам-борчалинцам с внушениями, «чтобы сеяли пшеницу и ячмень в большом количестве, дабы избыток оного могли продавать в казну для продовольствия войск», но «они не только для продажи, но и собственно на содержание себя не имеют, а покупают оный в Карталинии». В октябре 1805 года он отправил им предписание, предупреждая, что в случае отказа сеять хлеб они лишатся возможности закупать его где-либо, «поелику они живут на землях не для того, чтобы оставлять их необработанными»^[526].

Одним из ярких и традиционных проявлений реформаторства в России всегда было внедрение новых сельскохозяйственных культур. Цицианова особо занимал вопрос о возможности выращивания «китайского суходольного пшена» (гаоляна). Семена этого высокоурожайного и засухоустойчивого растения весной 1805 года были розданы уездным капитан-исправникам для проведения опытов, и главнокомандующий внимательно следил за выполнением своих поручений. Глава администрации Горийского уезда Крушков 16 октября того же года получил его предписание следующего содержания: «На рапорт ваш от 6 сентября о том, что присланное мною для пробы суходольное пшено, вами посеянное на земле не наводняемой, не принесло никакого плода и все пропало, а которая наводнялась в неделю три раза, принесло настоящий плод, ответственю: что вы отнюдь не должны были отступить от правил мною о посевах его предписанных, хотя бы оное все пропало, и делать по своим прихотям, что я заметил из многих дел, вам поручаемых, кои вы весьма слабо исполняете и ничего в точности, так что не можете быть исправником; а потому предписываю впредь выполнять то, о чем вам предписано, не выдумывая от себя ничего, иначе же будете отрешены от должности. Не сидеть в Гори с почтенной супругой, чаще ездить по уезду и самому выбирать хорошую землю под то пшено, ибо в Сигнахском уезде,

где жарче, без глупого вашего наводнения в три раза дало»^[527]. В декабре 1805 года Цицианов торопил инспектора по шелководству по Кавказской губернии титулярного советника Вешнякова прислать «семена» (яйца) «итальянского» тутового шелкопряда. Он даже готов был для ускорения дела заплатить за них из собственного кармана, поскольку ему очень хотелось развести новую породу насекомых, дававших нить высокого качества. 10 января 1806 года Цицианов отправил кавказскому губернатору Гильденшольду предписание о присылке показательного образца плуга: «Так как земледелие в Грузии находится в крайнем невежестве, то к улучшению оно вызывает меня долг звания моего; а потому предлагаю вашему превосходительству на счет мой купить плуг, который употребляют в Георгиевском уезде и вообще на линии для наиглубочайшей запашки, и оный вместе с казенным крестьянином, сведущим об употреблении его, который мог бы надлежащим образом оный снарядить, прислать в апреле месяце с рекрутской партией в Грузию. Сему крестьянину производиться будет плата с отбытия его из Моздока, а через 2 месяца возвращен будет обратно на его жительство и будет щедро за труды его награжден, что ему и объявить при отправлении»^[528].

Денежное обращение суть кровеносная система экономического организма. Цицианов прекрасно понимал это. Одной из проблем русского правительства в Закавказье на рубеже XVIII—XIX веков был низкий курс русского серебряного рубля и золотого червонца. Объяснялось это недоверием к новым платежным единицам со стороны консервативного местного общества, а также естественным желанием меняться на вынужденной конвертации российских денег. Кроме того, есть подозрение в том, что на низком курсе рубля хорошо грели руки чиновники. Схема была незатейливая и безопасная. Из Петербурга высылались некая казенная сумма на некие казенные нужды, из расчета, к примеру, 1 рубль = 1 абазу. Расчет строился на показаниях купцов и рапортах чиновников о «прошлых опытах». Но на местном финансовом рынке за рубль не давали целого абазы, а только девять десятых или даже четыре пятых такового. В результате требовалась дополнительная казенная сумма, а вот ее действительная судьба — вечный секрет. Проверка финансовых махинаций в наши дни — вещь трудная, а в те времена — просто невозможная. Еще при Кнорринге по инициативе А.А. Мусина-Пушкина Александр I издал указы 26 августа и 21 октября 1802 года об устройстве в Тифлисе монетного двора, об отправке туда мастеров и необходимого оборудования^[529]. Главной задачей нового предприятия стала чеканка

мелкой медной монеты, которая, по замыслу правительства, должна была заполнить рынок и поднять курс русских денег. Однако ожидаемого успеха не наблюдалось, и Цицианов в 1804 году предложил закрыть местный монетный двор.

Вопрос о курсе золота, серебра и меди интересовал главнокомандующего по двум причинам. Во-первых, невыгодный обмен русских денежных единиц создавал постоянные затруднения для военных и гражданских чиновников при исполнении ими своих служебных обязанностей; во-вторых, существовавшая система способствовала оттоку серебра и особенно золота за границу, что негативно сказывалось на грузинской экономике и вело к накоплению средств потенциальными противниками — персами и турками^[530]. Для упорядочения денежного обращения в крае Цицианов запретил экспорт через турецкую и персидскую границу серебра в любом виде, а также использование в качестве средства платежа изделий из серебра, не имеющих специального клейма местного монетного двора^[531].

При новом главнокомандующем были изменены правила сбора податей. До 1803 года казенные крестьяне платили их натурой — зерном, вином, медом, домашним скотом и т. д. Раскладка, сам процесс сбора, доставка, хранение и учет были чрезвычайно сложным делом. По высочайшему повелению налог обращался в денежную форму, причем размер его определялся по так называемым средним справочным ценам. В тех случаях, когда доставка зерна оказывалась удобной, сохранялись платежи хлебом, но сбор меда, вина, скота и т. д. полностью отменялся. Чтобы оградить селян от произвола чиновников, устанавливался фиксированный объем налогов с каждой деревни, которая становилась основной податной единицей взамен двора, как это было ранее. Также устанавливалась круговая порука крестьян и уменьшались недоимки. Для того чтобы привлечь на свою сторону дворян, многие из которых недоверчиво и даже враждебно относились к новой власти, Цицианов 21 марта 1803 года предписал исправникам оказывать содействие помещикам в сборе налогов с подвластных им крестьян «и в случае упорства сих последних, назначать военные экзекуции»^[532].

Петр Великий, как известно, для реализации своих великих идей не гнушался собственными руками ковать, плотничать, рвать зубы, чертить проекты кораблей и зданий, писать законы и служебные инструкции. В условиях дефицита административных ресурсов, при пассивном и активном сопротивлении новшествам, которое оказывали практически все

слои населения, высший представитель коронной власти на окраинах империи вынужден был уподобляться легендарному царю-реформатору. И это не являлось нечаянной или намеренной пародией на великого человека. Напротив, здесь со всей полнотой проявлялась практика модернизации пороссийски, когда единственным сторонником преобразований являлось правительство, а вся остальная страна с большей или меньшей покорностью выполняла волю монарха. Главнокомандующий читал рапорты об опытах по производству шелка, определял порядок действий чиновника, присланного для наблюдения за изготовлением шелка-сырца, обращался к управляющему Александровскими прядильно-ткацкими фабриками с предложением наладить промышленное производство ниток в Грузии, чтобы вывозить в Россию не сырье, дающее немало отходов, а готовую продукцию. Не укрылось от Цицианова, что местные жители использовали лен только для производства масла, собирая для этого семена и оставляя на полях стебли, из которых получают волокно. Изготовление на месте льняного холста избавляло казну от дорогостоящих поставок этих тканей из России, решало проблему с обмундированием. Главнокомандующий приказал найти в частях солдат и казаков, знающих способы обработки льна, и использовать их в качестве инструкторов для местного населения. 22 августа 1805 года он потребовал, чтобы каждый крестьянин в Грузии хотя бы одну меру площади засеял этой технической культурой. Примечательно, что в бумагах о распространении льноводства нет ни слова о возможных выгодах самих крестьян; самый используемый глагол — «принудить». Распоряжение горийскому капитан-исправнику Крушкову о присылке саженцев сопровождалось подробным «Наставлением о пересадке деревьев»: «1) вырывать деревья каштановые толщиной в руку; 2) заметить на дереве ту сторону, которая на полдень крестом, назнача оный ножечком; 3) больших и толстых кореньев не беречь, а беречь тонкие, которые по самым концом дерева; 4) обернуть коренья сеном или навозом, увязать чем-нибудь; 5) везти не в мороз и не в солнечный день по берегу; 6) числом до 10 деревьев таких потребно; 7) выбирать деревья хорошие, а не диких каштанов, а тех, что едят»^[533].

Вся многотрудная и многогранная деятельность Цицианова разворачивалась на фоне того, что на столе у Александра I уже весной 1804 года лежал рапорт с его прошением об отставке. Доброе отношение императора, как известно, имело двойное действие. Человек, как тогда говорили, «в ходу» приобретал вес в обществе и в правительственных кругах вне прямой зависимости от своего официального поста. В то же время он становился конкурентом для других претендентов на эту позицию

и объектом для нападков со стороны тех, кто не рассчитывал занять его место, но просто по характеру своему болезненно переживал любой чужой успех. Ф.В. Ростопчин, хорошо знавший придворные нравы, писал Цицианову 25 марта 1803 года: «Ко мне пишут, что Государь весьма часто говорит с удовольствием о тебе и находит особую приятность в твоих донесениях. Дай Бог, чтобы похвалы сии не вооружили тех, коих не хвалят; а у нас из того и бьются, и дерутся»^[534]. Два месяца спустя Ростопчин уже тревожился: «...граф Валериан Зубов в большом ходу, и Державин совершенно ему предан; а как Коваленский — тварь первого, то не удивляйся, что он в Петербурге сильно поддержан»^[535]. Несмотря на мощь правительственной группировки, на которую опирался Цицианов, его противникам удалось в середине 1803 года поколебать уверенность Александра I в решении по поводу назначения нового главнокомандующего на Кавказе. В августе—сентябре 1803 года в Москве и Петербурге открыто заговорили о возможной отставке Цицианова. Даже назывался преемник — князь генерал Дмитрий Михайлович Волконский. Ф.В. Ростопчин, знаток придворной «кухни», сетовал по этому поводу: «Горько, что стечение многих обстоятельств довело Государя до того, что он не властен в своем хорошем, ни в дурном расположении к людям. Он окружен людьми, кои меньше всего о нем думают». Ростопчин даже приготовил в своем доме комнаты для друга, который вот-вот вернется с Кавказа^[536].

В России в административной практике в большом ходу были разного рода «косвенные действия», по наличию которых понимающие люди безошибочно предсказывали приближающуюся отставку или назначение, царскую (министерскую) милость или немилость. В силу особенностей военного хозяйства наибольшие упущения по службе наблюдались в кавалерийских полках, в них же были самыми большими «ножницы» между уставными и неуставными схемами материального обеспечения. Любая проверка этих частей давала основания для кадровых решений: от почетной отставки начальников до суда с различными последствиями. Поэтому отставку генерала Ф.П. Уварова на Кавказскую линию для инспектирования тамошней конницы не без оснований расценили в обеих столицах как еще один верный знак подготовки к смещению главнокомандующего. Но противники Цицианова явно недооценили того, что августейшее недовольство было мимолетным «эмоциональным всплеском» нервного императора. Хотя Александр I и унаследовал многое от своего капризного батюшки, но все же не с такой расточительностью расшвыривался способными государственными деятелями. Кроме того, как

уже говорилось, наш герой пользовался заслуженной поддержкой со стороны очень влиятельных фигур. Известно, что А.Р. Воронцов писал Ф.В. Ростопчину осенью 1803 года: «Друг ваш князь Цицианов совершает чудеса в Грузии, и здесь им очень довольны. Дела Грузинские, с тех пор как ему поручены, приняли совсем другой вид»^[537]. Но противники не успокаивались, о чем Ростопчин писал Цицианову 20 января 1804 года: «Кнорринг с немцами и русские чрезвычайно завистливые порочат твое управление Грузией. *Как завести чуму? Зачем идти на войну? Как на всех жаловаться?* Но к твоему счастью, время стоит ветреное и слова разносит»^[538]. Ситуация коренным образом изменилась, когда пришло известие о взятии Гянджи (об этом речь пойдет ниже). Всем недругам и завистникам князя пришлось на время прикусить языки. Однако вскоре они опять получили пищу для сплетен. После разгрома отряда Гулякова лезгинами, по словам того же Ростопчина, по Москве поползли «всякие глупые разглашения на счет побитых полков в Грузии, молодого Воронцова, ограбленного горцами, раненого и потом умершего в пропасти среди гор»^[539]. Новая волна сплетен поднялась осенью 1804 года, что объяснялось прежде всего тем, что восставшие горцы блокировали Военно-Грузинскую дорогу, не пропуская почту и даже воинские части. В результате, по словам Ростопчина, о кавказских делах в России «ничего не было слышно кроме того, что о князе Цицианове известия нет, сообщения все перерваны, полк казачий в горах перерезан, он разбит шахом самим, Имеретия взбунтовала, полки, в Грузию идущие, не могут пройти и стоят в Кизляре... Москву ты знаешь. Все В[олконские] и вся их родня до 5-го колена завопили о своем уроде-заике, и сей мерзавец писал к отцу своему, соединяющему глупость русскую с иноземною, что о тебе нет никакого известия. Кнорринг в переписке с ослом Г. и бестией К., жертвуя мерзкой зависти, делался русским и сожалел о гибели христоробивого воинства. Наконец, слава Богу, о тебе пекущемся! Завистливые прикусят языки, трусы станут хвалить, немцы курить, а друзья твои радоваться сердцем и душой. Даже и лошади тебе благодарны будут, что их мучить не так станут, развозя сплетни и печальные известия»^[540]. (Лошадей автор письма вспомнил не случайно, поскольку был большим знатоком коневодства. Почти в каждом послании Ростопчин извещает своего друга о делах на конюшне, просит прислать породистых жеребцов и кобыл и сообщает о том, какой результат получился.)

Примечательно, что Ростопчин называет Цицианова русским и противопоставляет немцам. Следует сразу сказать, что подобные схемы

имели в основном спекулятивный характер. Одним из ближайших друзей главнокомандующего был служивший в Сенате тайный советник Федор Иванович Эн-гель — лютеранин и настоящий остзеец. Упомянутый недруг Цицианова генерал Волконский проявил себя храбрым и распорядительным офицером. Однако, как это часто бывало, отличный капитан превращался в посредственного полковника, а затем — в никудышного генерала. С князем произошло именно это. Так что характеристика, данная ему Ф.В. Ростопчиным, выглядит справедливой: «Он — человек весьма умом ограниченный, самолюбивый и глупогордый, скучен и тяжел так, что всякая чугунная гиря пред ним — пух, при том довольно интриговат и затейлив»^[541].

Судя по переписке влиятельных и потому хорошо осведомленных людей, в 1804 году вопрос об отставке Цицианова действительно стоял на повестке дня. Министр народного просвещения П.Д. Завадовский интересовался состоянием здоровья генерала и даже сообщал о том, что тому подыскивают замену: «Мне сказывали, что при затруднении избрать преемника князю Цицианову предлагали графа И.В. Гудовича, токмо еще на то не решились. Не знаю, захотел ли бы он в нынешнем вещей положении свою свободную шею всунуть в ярем, но по опытности и своим способностям лучше его никто не утвердил бы тамошний пост; но, к несчастью, не можем освободиться от предубеждений, порожденных интригами. Посему начальство падает на бесталанных, обходя способных»^[542]. Однако на стороне Цицианова по-прежнему было благоволение Александра I. 29 августа 1804 года Кочубей сообщал С.Р. Воронцову о том, что император постоянно с одобрением отзывается о Цицианове: «Невозможно лучше исполнять его обязанности, и если задуматься о том, что он делает, то он делает очень много, принимая во внимание ничтожное число войск, находящихся в его распоряжении»^[543]. В начале 1805 года Завадовского опять занимал вопрос о судьбе Цицианова: «Князь очень болен, да кем же его заменить? Не станет хорошего начальника, волны в том краю поднимутся...»^[544] Сам Цицианов тоже понимал, что заменить его очень трудно, о чем свидетельствуют его слова в письме В.Н. Зиновьеву от 29 января 1805 года: «Как бы я ни болен был, мне должно остаться здесь на некоторое время, по тому уважению, которое Бог помог мне приобрести от соседей, и Баба-хан, по разнесшемуся слуху, что я умер, в Тегеране стрелял викторию, и 3 дня был иллюминирован город, и объявлено было народу о моей смерти. О сем известии и письменно и словесно уведомляют отовсюду...»^[545] И в дальнейшем в «обществе»

неоднократно отмечали особое благоволение Александра I к Цицианову и одновременно не прекращали говорить о возможности его перемещения на новую должность. Так, в письме от 12 января 1805 года Ростопчин рассуждал о последствиях приезда генерала в столицу: «...Я восхищаюсь мыслью, что ты будешь близок к престолу, и рад, что Государь в тебе покажет, что он призывает достоинство и любит истины язык. Но, как истинный твой друг, не скрою, что предвижу в новом ожидающем тебя положении тьму несносных огорчений. Ты состав придворной машины верно разумеешь, но не был сам в ней пружиной; и я боюсь, что, не успев сделать Отечеству пользы, наживешь непримиримых злодеев и делами и языком... Но верь моей опытности, что наука презирать людей тяжела для чувствительного человека»^[546].

По мнению А.Р. Воронцова, царь желал видеть героя Кавказа среди генералов, командующих войсками на европейском театре военных действий. Это более чем вероятно. Вспомним, что Александр I в 1810 году отозвал из Грузии А.П. Торماسова, в 1811 году — Ф.О. Паулуччи, а в 1831 году Николай I не счел возможным обойтись без И.Ф. Паскевича при подавлении Польского восстания. В 1805 году наиболее вероятным было назначение в Тифлис знаменитого герцога Э.О. Ришелье, служившего тогда губернатором в Одессе. Однако тот отказался «от начальства в Грузии, отговариваясь незнанием того края, обычаев и войны»^[547]. Разговоры об отставке Цицианова упорно продолжались, несмотря на то, что ни для кого не было секретом, что генералу покровительствуют А.А. Чарторыйский и В.П. Кочубей^[548]. Остаться на службе Цицианова уговаривали и братья Воронцовы. Летом 1805 года генерал просил их узнать о намерениях царя^[549]. Он писал 17 июня 1805 года М.С. Воронцову: «Пожалуйста, поискреннее описывай, как меня полощут, и когда Козловский приедет, который, несмотря на хорошее наше расставание, говорят, на линии не оставлял бляеть, как бешеный козел. Бог с ним! Я на него не сержусь. Это его пища, а мое презрение и сожаление о нем же самом. Пожалуйста, все новости пиши и узнай, коли можешь, отпустят ли меня домой. Ей-Богу пора! Виноват ли я, что меня некем сменить?»^[550] При этом имеются свидетельства, что Цицианов не поступался принципами, дабы удержаться на должности главнокомандующего. Так, он отказал весьма влиятельному М.М. Сперанскому пристроить на службу некую недостойную персону, им рекомендуемую^[551].

Осенью 1805 года, судя по письмам Ростопчина, Цицианов еще более укрепился в намерении выйти в отставку. Его старый друг старался

отговорить его от такого шага: «Скромность совсем не у места с твоей стороны. Пройди всех, употребленных в делах, и найдешь, исключая двух или трех, что они или неопытные молодые люди, или старые бестии, коих ни гнев государев, ни презрение людское, ни напасть Отечества из службы не выгонят по той причине, что от ней наживно». 15 декабря 1805 года, извещая о поражении при Аустерлице и повторяя свою просьбу не уходить в отставку, Ростопчин прибавил: «Подумай и, ради Бога, останься до времени: пора открыть глаза и употреблять русских душой и сердцем; а ты — из первых». В начале 1806 года Цицианов получил пожелание поскорее взять Баку: «Забыв случившееся с французами, подумаешь, что у нас всё по-старому и везде успех»^[552]. Своеобразным противоядием враждебным слухам была активность князя Дмитрия Егоровича Цицианова, который со свойственной ему энергией, остроумием и знаниями московского общества распространял «контрверсии» происходящего на Кавказе^[553].

Прошение об увольнении главнокомандующий подал еще в марте 1804 года, объясняя его таким образом: «...человек, к концу своему сближающийся, не может иметь ни пылкости, ни той деятельности, которую требует польза службы при совершении столь обширного плана, высочайше мне порученного. Сия-то мысль о недостатках моих, соединенных с телесными изнеможениями, удручающими осень дней моих, заставляя меня опасаться, чтоб не сделать какого-либо упущения к пользе службы Его императорского величества относящегося, заставила меня просить об увольнении от оной...»^[554] Сразу скажем, что с «пылкостью» у главнокомандующего все обстояло благополучно до последних часов его жизни; то же самое можно утверждать и относительно его «деятельности», то есть в данном случае «энергии». Во время службы на Кавказе Цицианов действительно несколько раз тяжело болел, но все же говорить о нем как о немощем старике никак нельзя. По нашему мнению, за всем этим кроется некая интрига, разгадать которую спустя два столетия на основе имеющихся документов практически невозможно. Поэтому позволительны только обоснованные предположения.

То, что рапорт Цицианова об отставке лежал на столе у императора, не вызывает сомнений, равно как и то, что главнокомандующий на Кавказе время от времени напоминал о том, что готов покинуть свой пост. Имеются достоверные сведения, что рассматривались кандидатуры преемника. Однако решительного шага император так и не сделал. Можно предположить, что рапорт был хорошо продуманным ходом, позволявшим в случае очередного недовольства Александра I уйти «по прошению».

Нельзя исключать и того, что Цицианов своим чутким слухом улавливал грохот будущей великой войны в Европе и не желал оказаться вдали от сражений, которые неминуемо должны были войти в историю. Кроме того, мог Цицианов оценить и грандиозность предстоящих дел на Кавказе, сопоставить это со своими реальными административными и военными ресурсами и прийти к выводу о том, что его ждет неминуемая неудача, поскольку адекватной поддержки из Петербурга он в ближайшие годы не получит. Наконец, есть и самый простой вариант: генерал действительно измучился и физически, и морально. Рассматривая все указанные объяснения его рапорта об отставке, нельзя не увидеть, что они в принципе не противоречат друг другу и могут быть приняты как по отдельности, в различных комбинациях, так и все в совокупности.

Глава четвертая.

ЦИЦИАНОВ И ГОРЦЫ

...Усмирение горцев, освоение их с гражданственностью и обращение сих буйных народов из вечных врагов нашему отечеству в мирных и трудолюбивых подданных есть предмет, достойный внимания просвещенного и благодетельного правительства нашего...

Пл. Зубов

В ведении Павла Дмитриевича Цицианова были дела не только «закавказские», но и «северокавказские». Он ведал отношениями с Черкесией, Кабардой, Осетией, Чечней и Дагестаном; в его подчинении находилась и Кавказская линия — система укреплений, протянувшаяся от Азовского до Каспийского моря вдоль Кубани и Терека, обозначавшая рубеж владений Российской империи в этом регионе. В силу этих обстоятельств ему приходилось руководить боевыми действиями против горцев Северного Кавказа. Всякое продвижение на пути «обустройства» Грузии в умах государственных деятелей России было сопряжено с необходимостью покончить с нападениями на ее пограничные области. «... Набеги и буйство горцев были главнейшей причиной, не позволившей России приобрести обширные выгоды, какие могут ей доставить богатейшие страны Закавказских ее владений; а посему всякий согласится, что усмирение горцев, освоение их с гражданственностью и обращение сих буйных народов из вечных врагов нашему отечеству в мирных и трудолюбивых подданных есть предмет, достойный внимания просвещенного и благодетельного правительства нашего»^[555]. Под этими словами П. Зубова, автора «Картины Кавказского края», опубликованной в 1834 году, могли бы поставить свою подпись все, кто хоть что-то знал о регионе.

К началу XIX века Россия приобрела большой и неоднозначный опыт контактов с воинственным населением Северного Кавказа. В отечественной историографии закрепилось представление о том, что регулярные столкновения с жившими там народами начались при Алексее Петровиче

Ермолове, то есть после 1817 года. В свою очередь, это дало повод считать его назначение началом Кавказской войны. Но хроника событий дает совсем иную картину. На Тереке казаки рубились с кумыками еще в XVI—XVII веках. Эти стычки, порой весьма кровавые, не выходят за рамки обычной жизни так называемого фронта — зоны сосуществования двух различных культур. Однако погромы, учиненные в Дагестане войсками Петра Великого во время Персидского похода 1722—1723 годов, и другие военные операции на Северном Кавказе в XVIII столетии уже не имели принципиальных отличий от времен ермоловских. Так, например, в 1728 и 1729 годах войска в Дагестане дважды разоряли аулы в верховьях реки Самур в наказание за нападения тамошних жителей на территории, вошедшие в состав Российской империи после Персидского похода Петра Великого^[556]. В 1775 году в плену у горцев умер известный ученый С.Г. Гмелин. За это по личному распоряжению Екатерины II были опустошены владения кайтагского уцмья в Дагестане. В отечественной историографии тезис о добровольном вхождении народов в состав России подкреплялся сведениями о договорах, которые заключались представителями различных племен с царскими чиновниками. При этом, разумеется, умалчивалось о том, что эти договоры часто по-разному понимались обеими сторонами и часто не выполнялись. Обычно горцы считали себя равноправными союзниками, а русские генералы видели в них новых подданных, обязанных безропотно выполнять их распоряжения.

В Бахчисарае и Стамбуле считали Западный Кавказ собственностью крымского хана и, соответственно, покровительствовавшего ему турецкого султана. Сами жители этого региона придерживались иного мнения. Итальянский путешественник К. Главани писал в конце XVII века: «Адыгея ни от кого не зависит и состоит под покровительством крымского хана, насколько сама признает это для себя удобным; в случае предъявления им каких-либо чрезвычайных требований отвергает их без стеснения»^[557]. На медали, выбитой в честь присоединения Крыма в 1783 году, изображена еще и Тамань, которую Россия приобретала как преемница прав бахчисарайских владык. Но самих-то жителей этого края такие юридические основания изменения их статуса не устраивали. Позднее, в 1829 году, один из русских военачальников объяснял черкесскому князю, что по Адрианопольскому договору султан уступал царю все Черноморское побережье Кавказа, и по этой причине князь становился российским подданным. Горец от души рассмеялся и заявил, что дарит генералу птицу, пролетающую в тот момент над ними.

Язвительный намек был ясен: адыги не считали никого вправе распоряжаться их судьбами. То, что в нескольких пунктах на побережье Черного и Азовского морей располагались турецкие гарнизоны, не означало контроля над внутренними районами, влияние комендантов турецких крепостей не распространялось далее крепостных стен.

Историю русско-северокавказских отношений нельзя рассматривать как череду конфликтов. До начала 1770-х годов кабардинцы являлись стратегическими союзниками русских, поскольку у них имелся общий враг — крымские татары. Однако недовольство развитием Кавказской линии (особенно основанием крепости Моздок в 1763 году) привело к целой серии выступлений местной знати, поддержанной значительной частью простых общинников (1774, 1778, 1779, 1785, 1794, 1795, 1804, 1810, 1822 и 1825 годы). Весной 1779 года кабардинцы совершили несколько набегов на русские поселения, а летом осадили Марьинскую и Павловскую крепости. 29 сентября того же года произошло сражение на реке Малке, в котором кабардинское ополчение было разбито^[558].

К моменту прибытия Цицианова на Кавказ Кабарду никак нельзя было считать замиренной, хотя наметился явный перелом в отношениях с ней, поскольку имперские власти сумели заинтересовать в сотрудничестве влиятельные силы внутри самого кабардинского общества. В 1770 году был заключен договор с несколькими «обществами» Восточной Осетии на следующих условиях: русские оказывали осетинам военную помощь, оплачивали часть расходов по строительству мостов в долине Терека, а осетины содержали в исправности дорогу и помогали проходящим командам и курьерам преодолевать возникающие затруднения (снежные завалы, последствия наводнений и т. п.). Несмотря на достигнутые договоренности, «шалости» осетин на дороге продолжались, что вызывало ответные карательные операции. Так, в год подписания указанного соглашения в Дарьяльском ущелье осетины разоружили и ограбили русский отряд, шедший из Тифлиса в Моздок. Генералу Тотлебену для беспрепятственного прохода в Грузию пришлось пойти на беспрецедентный шаг: он арестовал в Моздоке всех осетинских старшин и освободил их только после того, как последний солдат миновал опасные теснины. На Кубани, или, как обычно указывали в официальных документах, на Правом фланге Кавказской линии, боевые действия фактически не затухали с 1711 года. «Закубанцы» (так называли горцев этого региона) совершали набеги на русские поселения, правительственные войска отвечали на это карательными экспедициями, в большинстве своем «безадресными», что только подливало масла в огонь. Сравнительное

затишье сменялось вспышками боевой активности. В 1778 году коноводы гусарского эскадрона не предприняли должных мер предосторожности на пастбище, и кабардинцы стали угонять табун. Кавалеристы бросились в погоню, но попали в засаду и были безжалостно перебиты^[559]. В 1783 году войска под командованием А.В. Суворова с особой даже по местным меркам жестокостью разорили ногайские кочевья на Кубани. В 1786 году в окрестностях городка Александрова черкесы захватили около 180 пленников и большое количество скота, затем разгромили пост Безопасный, убив пять и пленив 23 солдата. В ноябре того же года недалеко от Черкаска три казачьих полка на марше оказались застигнутыми врасплох и разбиты наголову. Командовавший ими полковник Греков попал в плен^[560]. В 1789 и 1791 годах корпуса генерала Ю.Б. Бибикова и генерала И.В. Гудовича при движении к турецкой крепости Анапа подвергались постоянным нападениям черкесов.

В течение всего XVIII века копились и взаимные счеты чеченцев с русскими. В 1732 году в засаду попал отряд полковника Коха, незадолго до того сжегший несколько аулов. В 1758 году Военная коллегия приказала для устрашения разорить приграничные чеченские аулы, однако набеги продолжались, равно как и карательные экспедиции. Особенно кровопролитными были кампании 1769 и 1783 годов. В 1781 году в Кизляре, а затем в ауле Чечен состоялись переговоры полковника А.М. Куроедова с представителями многих чеченских обществ, завершившиеся подписанием договора из одиннадцати пунктов, суть которых — предоставление чеченцам права селиться на равнине в обмен на прекращение набегов и принятие в качестве «управителей» кумыцких и кабардинских князей. Но уже в следующем году аул Атаги отказался сотрудничать с русскими властями, которые решили его «наказать», не принимая во внимание солидарность чеченцев перед лицом внешней угрозы. Отряд под командованием полковника Кека разорил «непокорные» аулы, что вызвало настоящий взрыв практически всей Чечни. Изгнаны были не только «навязанные» князья, но и те люди, которых пригласили сами чеченцы с целью обуздать анархию (представители аварской, кумыцкой и кабардинской знати)^[561]. Результатом карательной экспедиции П.С. Потемкина в Чечню стали разрушение нескольких аулов и большие жертвы среди населения^[562]. В 1785 году при попытке захватить шейха Мансура, который объявил русским священную войну, чеченцы истребили в лесном бою отряд полковника Ю. Пьери в составе четырех батальонов.

Повторяем, нет никакой возможности провести границу между

вооруженными столкновениями горцев и русских в 1722—1817 годах и теми, которые происходили в более позднее время. Поэтому есть все основания считать Персидский поход Петра Великого началом того эпохального явления, которое назвали впоследствии «Кавказской войной». К началу XIX столетия, когда главнокомандующим стал Цицианов, все племена Северного Кавказа, имевшие опыт общения с русскими, рассматривали их как незваных гостей и накопили большой или меньший заряд неприязни к ним. Многие роды готовы были мстить за смерть родичей и другие обиды.

Несмотря на то что к 1802 году Россия уже почти столетие воевала с горцами, в Петербурге все еще не сложилось представление о политике по отношению к ним. Кроме того, ситуация радикально менялась при необходимости защиты Грузии и обеспечения бесперебойной связи между Закавказьем и Россией. 16 января 1800 года Кнорринг отрапортовал Павлу I об очередном «умиротворении» чеченцев. В ответ на угрозу разорить их земли жители нескольких аулов обещали прекратить набеги, возмещать ущерб от действий ослушников в двойном размере, а самих их выдавать российским властям. Они даже поклялись на Коране не пропускать через свои земли другие отряды. «Таким образом, все сии чеченские народы, простирающиеся до 10 000 человек, защищаться оружием могущие, введены в совершенное полезное для здешнего края обуздание и паче тем ощутительнейше, что ими не только преграждается путь многим тысячам горских народов, доселе партиями Кавказский кордон злодеяниями беспокоивавшим, но сии последние по примеру чеченцев ищут уже через нарочно посланных своих ко мне помилований в прежних своих дерзостях и получения таковых те же кондиций, каковы даны чеченцам».

Здесь следует отметить одно важное обстоятельство, не утратившее значения и в дальнейшем. Горцы часто шли на переговоры и заключали «вечные» соглашения, не имея намерений эти соглашения выполнять. Зачем они это делали? Во-первых, такие переговоры и клятвы предоставляли важную передышку или даже прощение прежних «шалостей». Во-вторых, это могли быть ходы в политической жизни горского общества. Дело в том, что не только русские использовали национальные формирования в своих целях, но и горцы руками русских солдат сводили счеты со своими недругами: вольное общество или владетель, заключивший соглашение о подданстве, рассчитывал на покровительство своего могучего патрона. Наконец, переговоры и заключения договоров сопровождались угощениями и подарками. Это тоже нельзя сбрасывать со счетов.

Спустя два года тот же Кнорринг объяснял Александру I причины отсутствия мира на Кавказской линии: «Народ здешнего края, границе здешней противоположный, есть совершенно хищный, и что добрые им советы, ласки и наставления не в силах никак удержать его в добронравии и спокойствии, а тем более еще отвратить его от воровства и грабительств, да и внутри линии здешней жительствующие в большом количестве разных родов народы не меньше почти требуют за собой наблюдения, как и самые заграничные жители». Вывод: надо усиливать войска^[563]. В Петербурге многие всерьез полагали: горцы «бунтуют» по причине того, что им никто не объяснял: грабить путников и убивать их — нехорошо. Князь А.А. Чарторыйский писал Цицианову 1 августа 1804 года: «...здесь думали мы отправить туда человека, который бы влиянием своим в сих горцах и связями, по родству и долговременному там пребыванию снисканными, мог бы все привести в устройство; для сего способнее не находили как отставного генерала Горича, который сам вызвался взять таковое трудное на себя поручение, однако к отправлению его не решились»^[564]. И правильно сделали! Судя по всему, речь идет об Иване Петровиче Гориче, происходившем, как было указано в официальных бумагах, «из кавказских горцев». Это был боевой генерал, накопивший большой опыт в ходе Русско-турецких войн 1768—1774 и 1787—1791 годов. Правительство неоднократно пыталось использовать местных уроженцев для проведения своей политики на Северном Кавказе. Знаток этого края, один из соратников А.П. Ермолова, начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса (1816—1829) генерал А.А. Вельяминов писал по поводу этих попыток превратить Кавказско-горский эскадрон царского конвоя в своеобразный рассадник администраторов: «Всякий горец, как бы ни был он уважаем в своем народе, теряет это уважение и доверенность, как скоро начнет действовать согласно видам нашего правительства... Это, однако, не означает, что бесполезно было бы брать в конвой горцев, многие из них, по возвращении, могут, по крайней мере, быть употребляемы как тайные агенты»^[565].

Одним из важных источников сведений о горцах Северного Кавказа были записки полковника Бурнашева. По его собственному признанию, он своими глазами почти ничего не видел, а руководствовался «объяснениями наилучших людей». Эти-то анонимные информаторы (скорее всего, кабардинские князья) и объяснили представителю коронной администрации, что кабардинцы — «главнейшие между народами от Каспия до Черного моря... Кабардинцы между всеми горскими народами

кроме дагестанцев имеют преимущество; все прочие рода, как то кумыки, чеченцы, карабулаки, аксанцы, андисцы, асетинцы, абазинцы и беслиненцы и прочие, не только подражают оным во нравах во всех обычаях, но отчасти от них зависели и платили им дань». Далее следуют евроцентричные пассажи о нравах этих народов: «...Нравы их совершенно испорчены, ибо междоусобное несогласие застарело и вкоренилось так далеко, что и звание правды им почти чуждо... Весь предмет их жизни состоит только в грабительстве; первое правило всякого владельца есть отнять или украсть все, что в глаза может представиться... Глас общего совета есть положение вместо законов служащее, но сохранение сих установлений никогда не бывает прочным... легкомыслие делает их клятвopеступниками»^[566]. В полном соответствии с уже сложившейся традицией восхищения «благородными дикарями» Бурнашев сравнивает нравы кабардинцев с нравами древних спартанцев, с симпатией пишет о их воинской доблести. «Обязательным» элементом описания Северного Кавказа является упоминание о следах христианства, которое когда-то исповедовало местное население^[567].

Только в 1840-е годы правительство осознало, наконец, какой могучей силой сопротивления обладают горцы. В начале же XIX столетия этого, судя по всему, никто не понимал. В ноябре 1800 года граф Ф.В. Ростопчин сообщал генералу Кноррингу о намерении Павла I направить в Грузию три пехотных полка и один драгунский: «Тогда же уймутся и своевольство горцев, и беспокойство владельцев берегов Каспийского моря»^[568]. Еще ранее А.В. Суворов писал: «По собственному моему в бытность на Кубани и поныне испытанию, не примечено народов, явно против России вооружившихся, кроме некоторого весьма незначительного числа разбойников, коим по их промыслу все равно, ограбить российского ль, турка, татарина или кого из собственных своих сообывателей»^[569]. Опытнейший военачальник тоже ошибался. Действительно, в те времена среди народов Кавказа не было и быть не могло политического или идеологического национализма и питаемой им вражды. Отсутствие политических институтов в европейском понимании этого слова не позволяло сформироваться и сохраняться каким-то прочным политическим установкам, а сравнительная краткость и малая интенсивность контактов не позволяли закрепиться антирусским тезисам с помощью фольклорной традиции. Более того, русские, появившиеся на Кубани и Тереке, находились вне традиционных целей набеговой системы. Они были, образно говоря, новое блюдо, которое там не сразу распробовали. Но

дальнейшие события показали, что на Северном Кавказе проявилось известное правило: «сила действия равна силе противодействия», — по мере возрастания военной активности России нарастало и сопротивление горцев.

Поручика А.С. Пишчевича, ехавшего в 1787 году из Владикавказа в Тифлис, поначалу позабавило пренебрежительное отношение горского князя Ахмета к грозным предписаниям генерала П.С. Потемкина, командовавшего тогда Кавказской линией. Но потом офицер понял, «что он точно мог смело игнорировать пышного начальника. Что бы ему сделал Потемкин со всей своей силой, у Кавказа стоящей, ежели б пошел против него: Ахмет, навьючив нищенское свое имущество на скотов, пошел бы далее в пропасти и, нашед новые норы, поселился бы. Такому подвижному имению никакая сила не страшна»^[570]. Записки свои Пишчевич стал сочинять после перехода на гражданскую службу в 1796 году (умер он в 1820 году). В любом случае этот человек еще до начала масштабных боевых действий в Чечне и Дагестане понял чрезвычайно малую эффективность европейской стратегии «сокрушения» в условиях Кавказа. Один из ярких сторонников колонизации Кавказа в 1830-е годы, автор «Картины Кавказского края», также пришел к выводу о невозможности решить проблему набегов с помощью карательных экспедиций: «Несмотря на беспрестанные усилия и пожертвования к усмирению горцев и обеспечению Кавказской линии от их нападений, вооруженной рукой сего достигнуть невозможно»^[571]. Он полагал, что жители Чечни и Дагестана сопротивляются столь упорно потому, что «опасаются подвергнуться полной зависимости России... не имеют понятия о выгодах просвещенного и благодетельного правления; ибо в настоящем своем положении думают ошибочно, что пользуются независимостью, которую потерять пуще всего страшатся». Решить проблему можно только путем распространения христианства и разложения горского социума внедрением «роскоши», которая приведет к их умиротворению^[572].

В письме А.Р. Воронцова от 6 февраля 1804 года читаем: «...Так как истребление их (дагестанцев. — *В.Л.*) для спокойствия Грузии и около нее весьма желательно, то не полезно б ли было пленных из них, кроме тех, кои употребляются на обмен наших, чтоб при получении их после сражения не только близ Грузии не оставлять, ниже на Кавказской линии, так как сущих разбойников отсылать в Сибирь, где и употреблены бы быть они могли в заводских работах, о чем и собратья их, известясь, может, и опасались бы не жить в покое... О чеченцах также желательно бы было знать, так как о

роде весьма беспокойном для стороны Кавказской линии, — не нужно ли и какой способ имеется об усмирении или также истреблении их?»^[573] В представлении одного из первых лиц государства, человека весьма образованного, дагестанцы и чеченцы — сравнительно небольшие группы бандитов, которых можно просто-напросто перебить, в том случае если они не устроят ссылки в далекую Сибирь. В Петербурге не могли себе представить, что речь идет о целых народах, «истребить» которые невозможно. Разумеется, канцлер и в уме не держал действия, которые сегодня назвали бы геноцидом.

Цицианов решил «просветить» своих высокопоставленных коллег. 10 марта 1804 года он написал Чарторыйскому относительно возможности ссылки в Сибирь пленных горцев: «...Не могу не изложить перед вашим сиятельством затруднений, встретиться могущих при приведении в действие оногo предначертания. Первое: редко азиатцы, а тем паче лезгинцы отдаются в плен живыми и за первую обязанность почитают, не оставляя раненых в руках христиан, увозить их. Второе: военная осторожность их, превышающая таковые других азиатских народов, и мастера выбирать местоположения выгодные не допускают наши войска делать на них нечаянные нападения, без коих плен никогда чувствительным быть не может, доказательством чему служит и то, что храбростью и искусством равных себе мало имевший, покойный генерал-майор Гуляков в пяти одержанных победах не мог сделать и 50 человек плена, кроме Белоканского дела, и то грузинской конницей, привыкшей добычу пленных почитать своей, хотя их я и отучил под Ганджой. И так, по мнению моему, когда плен помощью Божьей будет восходить до 200 человек, то в Сибирь их отправлять есть полезно, лишь бы там они большим числом вместе не были. Ко всему сему должно прибавить, что умножение казачьих полков здесь необходимо. Относительно чеченцев... имею честь сообщить, что осторожность наших войск, на кордонной страже стоящих, частые от нас набеги военной рукой на их равнины (кои не могут представлять столько опасности) летом для отнятия способа жать хлеб, стравливая его, а зимой и осенью для захвата скота без выкупа суть самовернейшие средства к усмирению сих разбойников, от оплошности наших войск новую храбрость и новую дерзость приобретающих, к стыду войска российского. К сему потребен подо мной начальник на линии — больше военный, нежели мирной, и штаб-офицеры, не по одному списочному показанию оными чинами называющиеся и не деяниями службу свою считающие, а летами, кои провели в службе, не отличаясь ничем, не имея к тому пылкого желанья и не ища к тому случая. Все славные войска в Европе, как вашему

сиятельству известно, стали на чреду славы своей только тогда, когда отличие и военные дарования, а не старшинство возвышало их в чинах и доставляло тем случай отличиться вящще и вящще к пользе службы»^[574]. Как мы видим, Цицианов выдвинул план, который и был реализован впоследствии, — всяческое «стеснение» горцев, подрыв их благосостояния, бдительность войск на линии. Другими словами, речь шла о стратегии, впоследствии получившей название «правильной осады».

Сведущий иностранный дипломат в 1844 году так определил одну из причин составления неисполнимых планов боевых операций на Кавказе: «...Проект имперского правительства достаточно наглядно свидетельствует, до какой степени ошибаются в Санкт-Петербурге относительно характера этой войны и в сущности тех трудностей, которые она представляет. Это неведение есть факт настолько малоправдоподобный с первого взгляда, что нуждается в объяснении. Я уже отмечал некоторые черты шарлатанства военных руководителей. Это — эффектные сцены некоей комедии, которая разыгрывается в течение многих лет и которая, по всей видимости, еще будет разыгрываться долгое время на Кавказе. Доклады, в которых неудачи и ошибки скрываются, а самые скромные успехи превращаются в разительные успехи, передаются военным командованием различных корпусов в генштаб Тифлиса, все это делает трудным контроль, впрочем, в Тифлисе довольно предрасположены принять версию, предназначенную быть хорошо встреченной в Санкт-Петербурге. Благоклонности добиваются и даруют ее только этой ценой. Это постоянное подделывание фактов портит их смысл до такой степени, что делает невозможным их уточнение, оно, в конечном счете, перестает быть подозреваемо; лекарство, которое подает малопрстойную мысль прикрыть эти неудачи... В Санкт-Петербурге учрежден Закавказский комитет под председательством наследника великого князя. Доля самостоятельности, представленная шефу армейского корпуса на Кавказе, сокращена. Именно внутри этого комитета, к совещаниям в котором часто присоединяется император, решаются все вопросы как относительно гражданской администрации, так и военных операций. Все эти решения носят более или менее тот же характер незнания страны, что делает их почти неприменимыми»^[575].

Конфликт России с горскими племенами разгорался не по умыслу каких-то конкретных лиц, заинтересованных в кровопролитии. Обе стороны имели столь несхожие представления о «правилах игры», что мирное сосуществование становилось практически невозможным. Кавказская война достойна названия войны взаимного непонимания. В XVIII столетии в соприкосновение вошли две военные структуры, имевшие совершенно различные знаковые системы: русская армия как европеизированная машина устрашения и разрушения, с одной стороны, и горцы как военная организация, соответствующая эпохе военной демократии или становления феодализма, — с другой. Одним из частых поводов для проведения карательных операций было «предоставление пристанища» участникам набегов на русские села и укрепления. В рапортах командиров отрядов причиной уничтожения деревни называлось то, что она «...служила только приютом для разбойников»^[576]. Но традиционные правила гостеприимства не позволяли отказать в крове путникам. Получалось, что для исполнения приказаний русских начальников горцы должны были отказаться от одного из краеугольных камней своего быта.

Очень важной составляющей войны на Кавказе стала внутренняя логика конфликта, которую, опять же, каждая сторона понимала по-своему. Россия втянулась в вековую междоусобицу племен и кланов, в которой, зачастую и не ведая о том, становилась союзником одной из конфликтующих сторон и врагом другой. Защищаемые русскими войсками «мирные» нередко подвергались нападению «немирных» за предшествующие «обиды», которые они нанесли соседям, чувствуя за своей спиной поддержку русских штыков. Безопасность «замиренных» пограничных аулов обеспечивалась только покорением их агрессивных соседей, которые, в свою очередь, после принятия российского подданства также имели все основания просить о защите. Русское командование, как мы помним, потребовало от джаро-белаканских лезгин не участвовать в набегах и не пропускать через свою территорию «разбойничьи шайки» из Дагестана. Но если первое требование теоретически являлось выполнимым, то следование второму пункту означало для джарцев острый конфликт с соплеменниками.

Появление вооруженных чужестранцев всегда и везде возбуждало местное население. В среде, принявшей европейскую политическую культуру, конфликт не был неизбежным, так как решение о его начале принималось «наверху». Но на Северном Кавказе появление вооруженного иноплеменника само по себе было поводом к войне. В огромном числе

случаев решительно невозможно установить, чей выстрел, чье неприязненное действие дало старт многолетнему противостоянию: обе стороны с полным осознанием собственной правоты возлагали всю вину на своих противников, не отдавая себе отчета в том, что и те и другие изначально позиционировали себя как «враги» и что война есть не более чем следствие такого позиционирования.

В XVIII — первой половине XIX века наряду с сельским хозяйством и ремеслом на Северном Кавказе и в ряде районов Закавказья сложилась «целая отрасль материального производства — военное дело, или индустрия набега, по своей доходности превосходящая другие формы хозяйственной деятельности», причем этот род деятельности считался более почетным, чем все остальные^[577]. Это явление, именуемое в российских документах как «хищничество», «наездничество» или «разбой», производило на всех, кто с ним сталкивался, столь сильное впечатление, что оно стало выдаваться едва ли не за основное занятие горцев. «Хищничество для черкеса представляет единственное средство сделать себе состояние, вес и доброе имя. Воровство у черкесов... было неразлучно с хищничеством и разбоем», — писал автор «официальной» истории кубанского казачества^[578]. Для некоторых «обществ» грабеж ближних и дальних соседей действительно стал главным занятием. На Кавказе существовало несколько центров работорговли, поскольку именно пленники — молодые женщины, дети и работоспособные мужчины — были наиболее ходовым товаром. Только в 1754 году на Кахетию было совершено из Дагестана 43 набега, в ходе которых погибли, получили увечья или попали в плен около 350 человек^[579]. Широкие масштабы принимал и отгон скота. Агрессивность местной феодальной знати во многом объяснялась тем, что князьям и ханам в условиях высокой ценности воинской доблести только военные успехи гарантировали сохранение достигнутого положения. Экстенсивное сельское хозяйство, отсутствие вотчинного административного аппарата затрудняли содержание вооруженных слуг (дружины). Поддержание военного потенциала оказывалось возможным только с помощью использования ресурсов соседей, то есть путем набега и получения военной добычи. Однако представление о том, что горцы жили в основном грабежом, не соответствует действительности. Война и в самом деле была едва ли не единственным занятием местной знати, ее окружения (дружины), а также немногочисленной группы людей, которые в силу различных причин не могли или не хотели заниматься производительным трудом. В иных

социокультурных условиях из последней категории рекрутировались уголовные преступники, но при военной демократии и институте кровной мести воровство и разбой «среди своих» были невозможны. Воинственность — не следствие некой природной агрессивности северокавказских этносов, а особая форма проявления внутренних процессов, протекавших в горском обществе. Набеги позволяли выносить возникавшие внутренние противоречия за пределы самой общины, рода, союза обществ, разрешать эти противоречия за счет соседей^[580]. Тезис о набеге как основном занятии населения не согласуется с неоспоримыми свидетельствами развитого земледелия, скотоводства и ремесла на Северном Кавказе. Если горского князя кормил его кинжал, то как объяснить отразившиеся в источниках сведения о стремлении местной знати эксплуатировать свободных общинников-соплеменников? Наконец, тезис о набеге как средстве существования не выдерживает проверки простыми расчетами: половозрастная структура общества той поры позволяла быть участником дальнего похода одному жителю из каждого десятка. Чтобы обеспечить остальных продовольствием, каждый воин должен был ежегодно привозить несколько центнеров зерна в год и пригонять целое стадо. Можно было, конечно, захватывать иные ценности, эквивалентные по стоимости указанным продовольственным запасам. Но расчет на подобную добычу также был призрачным, поскольку натуральное хозяйство исключало накопление значительной денежной массы. Имущество даже десятка ограбленных домов не могло сделать разбойника состоятельным человеком. Следует принимать во внимание и то обстоятельство, что вокруг жили не безответные инвалиды, а такие же воинственные и жаждущие ратной славы люди.

В выборе способов «умиротворения» горцев правительство постоянно колебалось между мирными средствами и «вооруженной рукой». О мягком обращении с кавказскими народами неоднократно говорили и Екатерина II, и Павел I. Александр I, выступая за «человеколюбивое» отношение к горцам, тем не менее считал необходимым «наказывать» их за нападения на войска, следующие из России на Кавказ «...для прекращения впредь подобного». На царя сильное впечатление произвел рапорт генерал-майора А. Мейера от 18 октября 1803 года, содержащий описание пяти эпизодов «шалостей» горцев: обстрелы русских постов и отрядов, убийство отставного подполковника, ехавшего из Тифлиса в Ставрополь, угон табуна лошадей, принадлежавшего полку донских казаков^[581]. В дальнейшем царь несколько раз гневался на своих генералов за чрезмерно жесткие, по его

мнению, действия в отношении мирного населения. В силу особенностей своего характера, а еще в большей степени для поддержки своего имиджа человеколюбца Александр I нервно относился к известиям о кровавых сражениях, даже если таковые расширяли пределы его владений. Он прислал Цицианову после взятия Гянджи рескрипт следующего содержания: «...Похваляя меры кротости, которые вы предпочтительно употребить желали, не менее одобряю строгое средство, вынужденное упорством Джават-хана. Российским воинам, всегда побеждать приобывшим, неприлично было бы уступать надменности азиатской, и пример таковой, возгордя прочих владельцев той страны, предназначенных в подданство Империи, представил бы конечно впоследствии трудности в совершении плана, вам в руководство данного. А потому, признав необходимость жестокой меры приступа, остается мне только воздать должную похвалу храбрости войск, в действии том подвизавшихся, и радоваться, что человеколюбие обуздало запальчивость, с таковым подвигом нераздельно сопряженную... Случившееся с Ганжой и порученное генерал-майору Гулякову наказание Джарской провинции за вероломство ее покажут достаточно народам страны сей, чего они ожидать имеют и от милосердия Россиян, и от прещения их за несоблюдение доброй веры и невыполнение обещанного...»^[582]

Подобно тому как Александр I метался от конституционализма к самовластию, он то взывал к милосердию на Кавказе и «выговаривал» военачальникам, допуская неоправданные, по его мнению, жестокости, то требовал сурового наказания, как будто не понимая, что за этим стоят разорение жилищ, кровь и ненависть. Так, 11 апреля 1801 года он разрешил Кноррингу за нападение кабардинцев на осетин и разорение церкви «какой заблагорассудится сделать им репрезаль». Однако спустя полтора месяца (28 мая) посоветовал своему представителю на Кавказе «как можно меньше мешаться в дела горских народов, покуда не касаться будут границы нашей, ибо сии народы находятся больше в вассальстве нашем, нежели в подданстве». Такое же колебание наблюдалось и позднее. В 1810 году в письме главнокомандующему император указывал на то, что спокойствия на Кавказской линии следует добиваться не разорением аулов и убийством их жителей, а «ласковым и дружелюбным обхождением с горскими народами». При этом в пример ставились отношения с «киргизцами» на Сибирской линии, где главную роль играло «доброе соседство русских и расположение пограничного начальства к мирной жизни». Александр I назвал прискорбным событием поход отряда Эристова за Кубань, во время которого было убито 115 черкесов, в том числе 31 женщина. «...

Экспедицию сию нахожу не только не заслуживающей благоволения моего, но весьма напротив неприятной по чувствам моим... Тогда только заслужат начальники на линии благоволение мое, когда будут стараться снискивать дружество горских народов ласковым обхождением, спокойным с ними соседством и когда выведут из употребления поиски и вторжения, убийства и грабежи без малейшей для государства пользы...»^[583] Однако миролюбивое настроение правительства улетучилось после того, как горцы в том же 1810 году разгромили несколько постов и уничтожили высланные «на перехват» группы казаков. Потери черноморцев составили убитыми 144 человека; в их числе был полковник Тиховский. 21 января 1810 года Александр I разрешил «наказать» горцев проведением карательной экспедиции. В рейд отправился отряд генерала Булгакова общей численностью более пяти с половиной тысяч человек; были разорены несколько десятков деревень^[584]. Но когда Булгакова представили к награждению орденом Святого Александра Невского, царь отказался подписывать указ об этом из-за слухов, что тот «в средствах по усмирению мятежников употреблением непомерных мер жесткости и бесчеловечия перешел границы своей обязанности...»^[585].

Поскольку военная составляющая стала основой контактов россиян с народами Северного Кавказа, слова о воинственности последних заняли ключевое положение в большинстве описаний края: «Горцы выше всего на свете ставят неустрашимость и даже дерзкую отчаянную храбрость... Народ сей (чеченцы. — В.Л.) отличается от всех горских племен особенным стремлением к разбоям и хищничеству, алчностью к грабежу и убийствам, коварством, воинственным духом, смелостью, решительностью, свирепством, бесстрашием и необузданной наглостью»^[586].

О том, как решить горскую проблему, задумывался и видный государственный деятель первой половины XIX века адмирал Николай Семенович Мордвинов, автор многих законопроектов и программ. Плодом его раздумий стал документ, известный как «Мнение адмирала Мордвинова о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей». Адмирал полагал, что племена, живущие в природной крепости, «останутся навсегда и вечно в независимости, доколе сохранят свои нравы, обычаи, доколе довольны будут дарами одной природы и вне домов своих находить будут всё, что умеренным и обыкновенно при диком состоянии малочисленным желанием удовлетворяет несбыточно». Мордвинов не воевал на Кавказе, но, будучи человеком образованным и умным, предрек огромные трудности при

решении проблемы исключительно военными средствами: «...Таковых народов оружием покорить невозможно; вечная вражда приседит на границе их и часто успевает в грабежах и разорениях, когда менее она ожидаема. Число войск, великие воинские снаряды и превосходство в военном искусстве не оградят с безопасностью от временных их нападений. Часто будут они удачны, всегда будут вредны соседственным мирным селениям. Необходимость потребует содержать великое число войск, истощевать великие сокровища денег, иметь повсюду воинские отряды, испытывать в людях великий ущерб от беспрестанного бдения, от беспрестанных переходов, от недостаточеств различных, от всего, что здравью человеческому вредно: от зноя солнца, от ветра, от дождя, от испарений влажной земли. И все таковые усилия едва доставят спокойствие ограждаемым воинскою стражею селениям».

Мордвинов был человеком высокого полета. Он мыслил масштабно, выражаясь современным языком — геополитически: «Россия должна иметь иные виды; не единую временную токмо безопасность и ограждение соседних своих нив и пастбищ. Пред нею лежат Персия и Индия. К оным проложить должно дороги и соделать их отверстыми и безопасными во внутренность России. Европа устарела и требует мало от избытков наших; Азия юная, необразованная, теснее соединиться может с Россиею: и все, что изящное в превосходстве просвещения и труде заключается, послужит к увеличению могущества России над сею пространнейшею и важнейшею частью света. Нашему рукоделию, промышленности и торговле предлежат богатейшие истоки на юге, нежели на севере. Каспийское и Черное моря прилежат к плодороднейшим пределам России, согреваемым теплейшими лучами солнца и по селам и градам долговременнее и успешнее в году могущим заниматься работами». Далее Мордвинов формулирует программу культурной экспансии — более медленной, но более пригодной для присоединения Кавказа, а главное, для закрепления там своих позиций: «Должно увеличить число вещей, им (горцам. — *В.Л.*) потребных, должно возродить в них новые желания, новые нужды, новые привычки, должно ознакомить их с нашими услаждениями, нашими увеселениями и умягчить суровую нравственность их нашим роскошеством, сблизить их к нам понятиями, вкусами, нуждами и требованиями от нас домашней утвари, одежды и всяких прихотливых изделий. Тогда не токмо сдружимся с ними на границах их, но достигнем до ущелий сокровеннейших их гор, куда ядра и штыки наши достигнуть никогда не возмогут и коими токмо вечную вражду питать возможно».

Во все времена животрепещущие вопросы подталкивали к

письменному столу множество людей, создававших проекты различной степени детализации. В XVIII — начале XIX века «прожектерство», то есть сочинение программных документов, стало одним из заметных социокультурных явлений. В ряде стран подобного рода творчество являлось едва ли не обязательным признаком принадлежности к элите. Значительная, если не основная часть проектов была очевидной «маниловщиной», никак не соотносившейся с реальностью. Мордвинов же предлагал вполне реальные меры сближения с горцами. Поскольку наибольшую потребность местные жители имел в соли и железе, он считал необходимым предоставить главнокомандующему на Кавказе своеобразную монополию на эти предметы (организация торговли, подарки, эмбарго и пр.): «...сим способом главнокомандующий возможен соделаться благотворителем жителей горных». Далее адмирал выдвинул идею использовать местные обычаи для установления добрососедских отношений, причем идею по-своему революционную: пришельцы должны были вести себя в рамках местных традиций гостеприимства и обмена дарами! Главнокомандующему и всем чиновникам, к которым обращались местные жители, предлагалось обзавестись специальными помещениями — «кунацкими», «снабженными всем, что для горского жителя может быть приятным, покойным и увеселительным». «Подарки должны быть того рода, кои приучить их могут более к нашим обычаям и к новым нуждам, дабы таковые подарки, размножаясь употреблением внутри их земли, приучили их к покупке таковых же впредь». На все это предполагалось отпускать в распоряжение кавказского начальства около 100 тысяч рублей серебром в год. Дополнительными мерами могли бы стать «школы для воспитания молодых князей и детей старшин народных», «празднества, кои могли бы разными увеселениями привлекать на оные горских жителей», а также формирование «гвардейского кавказского отряда». Все это, по мнению Мордвинова, позволило бы «умиротворить» горцев и пресечь турецкое влияние на них. Являясь одним из основателей Вольного экономического общества, автор знал, что никакая писательская страсть и никакая красота и стройность слога в таких документах (да и во многих других тоже) не могут соперничать с убедительностью цифр, показывающих финансовую пользу или таковой же ущерб. Поэтому он завершил эту часть программы следующим предложением: «Издерживая, как здесь предполагается, по сту тысяч рублей, сберегутся миллионы рублей, издерживаемые ежегодно на содержание великого числа войск для единого сохранения границы, без приобретения в доход и единого рубля в пользу империи». Мордвинов прекрасно понимал, что Кавказ — дверь в

Азию. Поэтому его программа рассматривала и первые шаги, направленные на продвижение России в Закаспийской области. Предлагалось основать колонию на берегу Красноводского залива, что давало средство влияния на туркменские племена и на Хиву. Чтобы не пугать местное население, адмирал советовал придать колонии вид торговой фактории, без видимых признаков военного форпоста. Он полагал, что туземцы «...в последствии времени приучатся к владычеству, принадлежащему всегда просвещеннейшему народу над диким. Успех сей достоверен, когда никакой с нашей стороны поступок не возмутит их доверие к миролюбивым нашим видам и когда взаимные токмо выгоды строго соединять нас будут. Сия золотая стезя в Азию лежит донныне бесполезно для России, паче же увлекает золото наше из России дальним медленным и опасным ходом торговли нашей с Азиею».

Хотя это сочинение датировано 1816 годом, его можно считать современным периоду управления Цицианова. Подавляющее большинство пунктов плана Мордвинова вполне годилось для составления долгосрочных программ переустройства Кавказа, но главной проблемой являлось нетерпеливое желание властей всех уровней поскорее добиться видимых результатов.

В августе 1804 года на стол главнокомандующего лег документ, заслуживающий определения «прелюбопытнейший», — «Записка о беспорядках на Кавказской линии и о способах прекратить оные». За время, которое Россия потратила на утверждение своего господства на пространстве между Черным и Каспийским морями, таких сочинений появлялось немало. Однако все они составлялись людьми, родившимися и выросшими в России. Это же было написано кабардинцем, полковником Измаил-беем Атажуковым.

Начинается записка частью «констатирующей», где говорится о том, что горские народы препятствуют своими воинственными действиями сообщению России с Грузией, разоряют ее восточные районы, совершают набеги на казачьи станицы по Кубани и Тереку. Все племена делились по своему подданству на три группы — «российские» (кабардинцы и осетины), «турецкие» (народы Западного Кавказа) и «никому не подвластные» (Чечня и Дагестан). Следующую часть можно назвать программной, и мы ее приводим целиком:

«Усмирить силой сих горских жителей никогда возможности не будет. Примеры многих горских народов, кои силой нигде покорены не были, довольным тому руководством служить могут. Но если бы из сих племен первенствующие были бы в наших видах, то влиянием и силой своей они

могли бы много иметь действия на усмирение других. С некоторой достоверностью полагать можно, что первенство сие имеют кабардинцы. Они уже считаются подданными России, но надобно еще более их к ней привязать, соделав им приятным наше над ними начальство. Думать надобно, что политика России с горскими жителями состояла до сей поры в том, чтобы содержать их между собой в некотором несогласии, дабы мужественный сей народ не мог единомыслием усилиться и соделаться нам опасным. Здесь не место исследовать, до какой степени такое правило с хорошей моралью может быть согласно. Обстоятельства переменялись, и то, что могло быть нужно, когда мы ничего не имели по ту сторону гор, ныне сделалось вредным. При настоящем положении дел, кажется не можно отвергнуть, что уже внутренние сих народов раздоры терпимы быть не могут и что должно привести их в повиновение добровольным покорением. Каким образом пресечь против нас неудовольствия: вот в чем состоит предмет изыскания».

Обращает на себя внимание то, что автор записки однозначно позиционирует себя на российской стороне, употребляя местоимения «мы», «нас». Мы видим хороший литературный язык, превосходящий по стилю тексты, созданные русскими чиновниками. Если это писал сам Исмаил-бей Атажуков, то перед нами яркий пример глубокого проникновения русской культуры в горское общество.

В описании населения Северного Кавказа довольно изящно представлено главенствующее положение кабардинцев: «Жители Кавказских гор, делясь на множество разных народов и племен, находятся под разными управлениями. Из них происходящие от двух братьев Чер и Кес, вышедших из Аравии от княжеского рода, Курейши называемого, составляют корень нынешних черкес». Но кабардинский полковник усвоил значение не только древности рода, но и древности службы, роль культа Петра Великого и весомость любой ссылки на причастность к его деяниям: «Кабардинцы считают себя под покровительством России со времени царя Ивана Васильевича и имеют предание в знак верности и услуг, оказанных им российским государям. Между прочими таковыми были князья Мисост Атажуков и Кылчук Жамбулатов. Из находившихся при них черкесских дворян некоторые отличались при взятии Петром Великим Азова, а когда сей великой государь предпринял походы Персидские, то при нем также были черкесские князья Бекович и Аслан-бек из Жамбулатовой фамилии».

Далее излагалась история возникновения и развития российско-кабардинского конфликта. До устройства Кавказской линии в предгорьях будто бы царило полное спокойствие, даже капканы, расставленные

русскими на лисиц, оставались в неприкосновенности, а дерзнувших достать из них пойманного зверя наказывали сами горцы, пасшие свои стада на бескрайних лугах. Аркадию разрушили «находящиеся около Кубани народы», которые, «быв поощряемы с турецкой стороны, наводили беспокойствия». Снимая с кабардинцев всякую ответственность за происходящее, Атажуков уточняет: «Сии беспокойствия причиняли татары разных племен, кочующие между Кубанью и Тереком». Для отражения их нападений в 1770 году были переселены 850 казачьих семей с Волги и Дона. «Сие новое ополчение стало притеснять без разбора как тех, кто причиняли беспокойствия, так и кабардинцев, которые, потеряв чрез то отрезанные у них земли, ощутили в прокормлении стад своих большую нужду. Чрез линию пропускать их не стали без билетов, которые, как легко статья может, раздавались не без злоупотреблений. Кабардинцы, не подавши таким притеснениям поводу, но потеряв сим образом свою собственность, доведены до крайности искать способов удовлетворения. Сим начались все беспокойствия от них на линии, кои немало подкреплены были и беспорядками собственных наших казаков, которые у них отняли скот и целые табуны. Подвластные им народы осетинцы и абазинцы, видя их занятыми Россией, воспользовались случаем отбыть от их власти и они, прервав узы, соединявшие их с ними, пустились во все беспорядки».

Далее Атажуков обосновал необходимость сохранить традиционную социальную систему кабардинцев: доминирующее положение занимают князья, которым подчиняются дворяне, делящиеся на три разряда, а «народ находится в совершенном узничестве дворян и князей». Покушение на эти устои крайне рискованно: «Черкесы, как и все народы, у коих законы основаны на обычаях и преданиях, из рода в род переходящих, отменно привязаны к своим коренным постановлениям. Они с трудом потерпят какую-либо в них перемену; да и вероятно, что местоположение, ими занимаемое, коим охраняется их вольность, немало действует на дух, их независимость знаменующий». Одной из важнейших причин внутрикабардинских междоусобиц названа опрометчивая практика приглашения русских военачальников в качестве третейских судей в спорах между князьями. Генералы, «не внемля нужде делать суждения сообразные их (кабардинцев — В. Л.) обычаям, часто их нарушали и поддерживали свои суждения военной рукой». Таким образом, кабардинцы были недовольны захватом их сельскохозяйственных угодий, взглядом на них как на неприятелей, приемом беглых князей и простолюдинов, вмешательством во внутренние дела, применением российских форм судопроизводства и, наконец, покровительством племенам, которые ранее были подвластны

кабардинцам.

Атажукров предлагал учредить в Георгиевске «высшее судилище», которому бы подчинялись все суды в Кабарде, после чего вывести из аулов чиновников и приданных им казаков. Право предлагалось сохранить традиционное, но взыскание по приговорам производить «по строгости российских законов». Смысл витиеватой фразы о положении абазинцев и осетин сводился к тому, что этим народам следовало вернуться под покровительство кабардинской знати. Земли отторгнутые надлежало вернуть, за исключением тех, которые оказались заняты станицами. Всякого рода стеснения в прогоне скота должны быть отменены, а все бежавшие ранее крестьяне — возвращены своим бывшим владельцам^[587].

Судя по всему, Цицианов внимательно прочитал записку Атажукрова, которая в целом ряде пунктов совпадала с его представлениями о мерах по наведению порядка в центре Кавказской линии. В донесении Кочубею от 28 февраля 1805 года он дал комментарии к записке, выразив согласие с целым рядом ее положений. Однако взрыв генеральского гнева вызвало утверждение полковника-кабардинца о том, что набеги горцев объясняются их стеснением русскими поселенцами. Главнокомандующий считал иначе: причиной набегов он называл подстрекательство турок и персов. Цицианов добавил также, что хищничество и нападение мелких партий изжить в ближайшем будущем не представляется возможным, «ибо баранта, или репрезаль, не что иное, как подпора введенному у них искони обычаю между собой». О самом полковнике Измаил-бее Атажукрове Цицианов отозвался весьма резко. Поскольку за свои контакты с русскими он потерял всякое уважение со стороны сородичей, пребывание его на Кавказской линии становилось делом более вредным, чем полезным. Цицианов предлагал отправить полковника с глаз долой в Петербург — командиром гвардейского Кабардинского эскадрона.

В начальный период пребывания на Кавказе Цицианов, по-видимому, еще не вполне понимал, как ему предстоит действовать и с кем иметь дело. Однако уже через несколько месяцев его представления о методах умиротворения горцев заметно изменились. Это видно из его всеподданнейшего доклада от 23 марта 1804 года, в котором излагаются способы покорения Кабарды.

Прежде всего главнокомандующий считал необходимым сформировать внутри кабардинского общества прорусскую партию, опираясь на которую можно было успешнее проводить политику «согласно видам правительства». Он недоумевал, почему тамошний пристав за три года службы не сделал такого важного шага. Цицианов считал, что при

управлении горцами следовало проявлять строгость, справедливость и бескорыстие. К сожалению, у значительного числа российских деятелей на Кавказе хватало сил только на первое. Далее генерал писал: «...Слово *пристав* в азиатском народе никакого почтения и уважения к себе не привлекает, поелику все азиатцы приобькли почитать силу, следовательно и особу ее во власти имеющую и оное означающую. А потому слово *начальник*, по мнению моему, предпочтительнее *пристава*, так как и название *Кабардинская область* вместо *кабардинского народа* есть необходимо потому, что сие последнее название само собой напоминает им, что оный есть как будто отдельное тело от Российской империи, хотя сия цель должна состоять в том, чтобы в грядущие времена кабардинский народ мало помалу, оставя хищность свою и лютость, обратился в полезный для империи народ, подобно казанским татарам. За сим следует главная система, доселе ничего твердого и к улучшению нрава их произвести не могущая, состоящая в том, чтоб уздени или нижняя степень народа сего была в несогласии с князьями, родами их кичащимися, тем паче что, держа их в беспрестанной между сими двумя состояниями войне, а потому способствуя делаться воинами, мы тем подливаем масло на огонь, могущий погаснуть; но обещает ли таковая непримиримая распря, нами тщательно подстрекаемая, общее когда-либо спокойствие, предаю правосудному и прозорливому Вашего императорского величества благоусмотрению. Буде же в противоречие сему казалось бы то, что они прежде были жесточе и опаснее, нежели ныне, то сего ни к чему иному отнести не можно, как к тому, что сила и бдительность по временам сильнее или слабее вздерживала их как плотина, всякий год подновляемая, удерживает стремление воды и определяет ей одну дорогу в спуск, а роскошь и желание прибытка, провидя в нем способы к лучшей жизни, совершенно их ослабили. Со всем тем удостоверительно смею донести Вашему императорскому величеству, что при всяком выборе в родовые суды употребляемы были батальоны и пушки вместо предводителей выборов, реляциями украшаемых. Сие же не отчего больше происходило и происходит как от того, что зло в корне его было не повреждаемо, а еще менее истребляемо и о перемене воспитания юношей, основанного на хищничестве, не было помышляемо, хотя оно состоит в том, сколько всем известно, что младенец знатнейшего дома родившийся, отдаваясь на воспитание узденю или подданному князя, не возвращается в дом свой, доколе возмужав, не отгонит искусно табуна или не увлечет христианина в плен. Сих-то ради причин, взяв главными предметами: 1) перемену воспитания, 2) введение в Кабарду роскоши, 3) сближение оной с

российскими нравами, покровительствуя наружно их веру и умножая случай к сообщению с россиянами, по мнению моему, нужно, сделав начальником Кабардинской области генерал-майора, поелику они все имеют военные чины и не имеют никакого уважения к статским, предпочитая войну и силу всему, и чин сей для того, что из них есть имеющие полковничьи чины, чрез него стараться всеми мерами наклонять их разными прелестями отдавать детей своих в училища, нарочно быть заведенными в Георгиевске и в Екатеринограде, где ничему больше не обучать, как российскому и татарскому языкам, а потом, под видом усовершенствования наук, отсылать княжеских домов детей в кадетские корпуса, отколь расписывать в полки, отделенные от Кавказской линии; таковые школы завести для узденей или дворян кабардинских, но в полки выпускать с понижением чинов против княжеских детей, дабы не оскорбить сих при начале сего благотворного действия. В Екатеринограде, в Георгиевске и в Константиногорске не только съестные припасы, как они и ныне продают, но и всякие домашние произведения, лишь бы были их собственные, позволить ввозить и продавать беспошлинно; таможня от того мало потерпит, но во взаимность империя получит в последующие времена ощутительную пользу, а именно: ремесла умножатся в Кабардинской области, кочующая жизнь истребится, деньги появятся обильно в оной, а наконец накопление богатства и сбережение его укротит их в хищничествах и исправит нравы, тем паче, что в непросвещенном народе, кому терять нечего, тот храбрость свою почитает единым средством приобретения лучшей жизни. Необходимо нужным признаю в Георгиевске и Константиногорске построить казенным коштом мечети и позволить, имея муллу, отправлять служение, особливо в торговые дни, ибо всякий народ, привязанный к вере, питает в душе своей почтение к тому, кто покровительствует оную».

Кроме того, Цицианов предложил набрать из кабардинцев Кабардинский гвардейский эскадрон, «который не может стоить более 30 т. р., т. е. по 100 р. всаднику или рядовому жалования, считая провиант в оном числе 15 т. и другие 15 т. на их обмундирование во все по их обычаю, но одним цветом, со сменою через три года: то при отличии, коим они должны почитать сию службу, произойдет у них вкус к лучшей жизни, познают роскошь столицы, поражены будут позорищем великолепия и богатства и в три года пребывания в Петербурге научатся по-русски. Князьям же дорога откроется к службе, и сим средством, по мнению моему, сблизятся они с благонравием и предпочтут спокойную жизнь жизни разбойников»^[588].

В другом, более позднем документе главнокомандующий признавал, что «доныне система состояла в обуздании лютой кабардинцев «поддерживанием узденей в неповиновении их князьям» и «пенсионах» от правительства, «явно производимых». «Рассматривая со вниманием сии два способа, — писал он, — нашел я их более ко вреду, нежели к пользе цели служащими, ибо первым, содера узденей против их князей во вражде, нечувствительно Россия вселяла в них военный дух и заставляла их по необходимости делаться год от году военными людьми, нежели спокойными обывателями, следовательно не обещавшими оставить свои дикие и пагубные привычки; а второй способ, производя в не получающих к получающим пенсии зависть, неминуемо возрождал в первых к последним презрение и неуважение, считая их предателями собратий». Помимо прочего, Цицианов полагал, что введение родовых судов являлось одной из главных причин недовольства кабардинцев, но он исходил из того, что можно «приучить» их к этому юридическому институту. Генерал соглашался только на уступку в виде расширения полномочий мулл, кадиев и ахундов в решении маловажных дел, и то при предоставлении отчетов о решениях верховному пограничному суду^[589].

В Петербурге внимательно прислушивались к пожеланиям главнокомандующего, раз за разом проявлявшего свою компетентность. Полковника Дельпоццо произвели в генерал-майоры и назначили начальником над Большой и Малой Кабардой, упразднив неуважаемую и непонятную горцам должность *пристава*. В своем первом рапорте в новой должности генерал Дельпоццо сообщил, что кабардинцы с недоверием относятся к России, хотя известие о его назначении их начальником восприняли, по крайней мере внешне, очень благожелательно. Он предложил согласиться на формирование выборных судебных органов на кабардинских условиях, поскольку в них не будет засилья мусульманского духовенства, а сами суды будут пользоваться должным авторитетом у населения. Дельпоццо предложил предоставить кабардинцам пустующие пастбища в районе крепости Кисловодской, но не уступать им в просьбах ее упразднить, так как этот форт мешал им «лучший способ производить с закубанцами воровскую свою коммуникацию»^[590].

Понравилась Александру I и идея создания Кабардинского гвардейского эскадрона, поскольку уже в это время император рассматривал гвардию как часть символического комплекса империи. Александр полагал разумным использовать службу в регулярной части для того, чтобы «доставить способы обитателям Большой Кабарды обращаться

поколикую возможно с россиянами, удобнее сблизить их к просвещению и укротить дикость их нравов и врожденную склонность к наездам и хищничеству». Военный министр С. Вязмитинов письмом от 6 августа 1804 года просил Цицианова для осуществления практических шагов по формированию эскадрона, согласно императорской воле, дать ответ на ряд вопросов о способах обеспечения денежным и вещевым довольствием, порядке вербовки рядового и командного состава, выборе командира, условиях службы и т. д.^[591] Впрочем, гвардейская часть, составленная из кавказских уроженцев, будет создана только в царствование Николая I — лейб-гвардии Кавказско-горский эскадрон Собственного Его императорского величества конвоя.

Проекты умиротворения и обустройства совмещали в себе рациональные и адекватные оценки с фантастическими предположениями. Так, автор уже упоминавшейся «Картины Кавказского края» ставил под сомнение возможность быстрого покорения горцев силой оружия. Главной причиной их стойкости он называл не их «фанатизм» или особые природные условия Кавказа, а то, что у них нет ответственной политической власти и потому имеющиеся у России военные ресурсы оказываются непригодными для этой цели. Эти вполне здравые суждения сопровождалось евроцентричными пассажами: «...они опасаются подвергнуться полной зависимости России только потому, что не имеют понятия о выгодах просвещенного и благодетельного правления; ибо в настоящем своем положении думают ошибочно, что пользуются независимостью, которую потерять пуще всего страшатся». Далее предлагалось «приучить» горцев к торговле и распространить среди них христианство^[592].

Исторические источники позволяют уверенно говорить, что Цицианов, в отличие от большинства, если не от всех последующих главнокомандующих, пытался понять причины конфликтов с горцами. Его канцелярия была буквально завалена жалобами купцов-армян на разбойников, лишивших их имущества, и встречными жалобами горцев. Это заставило Цицианова внимательно изучить вопрос. Выяснилось, что торговцев в горах действительно грабили все, кому не лень. Одновременно был установлен неоспоримый факт: имело место значительное завышение потерпевшими суммы ущерба, следствием чего «правительство излишние делает взыскания с кабардинцев и других народов, отвращая тем их от привязанности к правлению (русскому. — В. Л.)». Другими словами, ограбленные на рубль претендовали на компенсацию в размере червонца,

будучи в полной уверенности, что власти встанут на сторону «обиженного христианина». Кроме того, рискованная «выездная» торговля армян, по мнению главнокомандующего, «...удаляет закубанцев и кабардинцев от сообщений их с россиянами, ибо им (горцам. — В. Л.) нет никакой нужды приезжать в города для закупки необходимых для них вещей; имея же армян, они выписывают через них и излишне им платимое вознаграждают хищничествами свои пошлины»^[593]. Чтобы покончить с этим явлением, Цицианов предписал учредить «татарские рынки» при крепостях и одновременно запретил армянам ездить торговать в горские аулы.

Главнокомандующий хорошо понимал, что следует искать способы снижения напряженности в районах соприкосновения русских и кабардинцев, не довольствуясь карательными операциями, которые только озлобляли горцев. 9 мая 1805 года кавказский губернатор Гильденшольд получил от него следующее предписание: «...Желая восстановить тишину и спокойствие на Линии и видя то, что кабардинцы привычкой к хищничеству разрушают оные, сколько и наши непомерные требования при малейшей потере, вящее их озлобляют против нас, побуждают их к мести за несправедливые наши взыскания, и для того нужным нахожу предписать вашему превосходительству об обнародовании по вверенной вам губернии следующих правил: 1) Кой час сделано будет из деревни или с поля похищение, то хозяин обще со старостой, ни минуты не медля, извещает о том ближайший пост военный и капитан-исправника; являясь опять обще с десятским на другой или на третий день в управу земской полиции, в присутствии перед зеркалом, при бытности старосты имеет приведен быть к присяге в том, что о потере показанное справедливо. 2) За сим капитан-исправник сделает повальный обыск, также имеет исследовать, не от своей ли неосторожности, оплошности или нерадения постигло его несчастье, ибо таковые от удовлетворения изъемяются, и для того то нижеследующими пунктами объясняются меры осторожности, против коих поступивший удовлетворения не получает...»

И вновь мы видим, что главнокомандующий, поставленный радеть о российских интересах, включает в последние интересы не только русского, христианского населения края, но и мусульман, которые у большинства администраторов той поры априори находились «в подозрении». Цицианов прекрасно понимал, что станичник, потерявший «по пьяному делу» лошадь или пропивший арендованную воловью упряжку, мог легко сочинить правдоподобную историю о нападении горцев. Более того, обвинение «некрещеных» соседей в угоне скота могло стать простым способом пополнения собственных отар и табунов. Далее главнокомандующий

требовал от поселян соблюдения вполне доступных им мер предосторожности. Надо было отказаться от «псковско-рязанских» привычек, формировать так называемое фронтирное поведение, снижавшее вероятность стычек, поскольку исчезала провоцирующая беспечность станичников. Было предписано на все полевые работы выходить большими группами, вооруженными огнестрельным и холодным оружием (косами, насаженными как копья). Деревни следовало обносить рвом и валом, по верху которого устанавливался частокол (палисад). В тех местах, где древесина была дефицитной, на валу приказывали сажать колючий кустарник. «При въезде и выезде деревни иметь мосты на рву и ворота, которые на ночь заставлять и иметь караул»; «...каждому хозяину иметь по 3 злейших собаки, буде больше не может, которые на день привязывать, а на ночь спускать». Контроль над исполнением всех этих распоряжений возлагался лично на капитан-исправников^[594]. На реке Малке при ее впадении в Терек предприимчивый отставной штабс-капитан Шеншин взял на откуп единственный мост, за проход через который брал непомерную плату. Это «...было источником жалоб кабардинцев во взимании непомерного числа овец за прогон оных и тогда, когда вся цель состоит в приласкании сего народа и во внушении ему бескорыстия с нашей стороны». Цицианов приказал построить «казенный» мост, проход через который становился бесплатным. Расходы на ремонт сооружения разделили поровну на горцев и на обывателей города Екатеринограда^[595].

Цицианов, нетерпимо относившийся к двурушникам, был очень внимателен к тем представителям местной элиты, которые способствовали сближению туземного населения и коронной власти. Во всеподданнейшем докладе от 9 февраля 1803 года, сообщая о приостановке выплаты жалованья тем кабардинским князьям, которые были замечены в «шалостях», он ходатайствовал о награждении капитанским чином поручика князя Канчокина, научившегося не только говорить, но и писать по-русски, а также сделавшего свой дом недалеко от Моздока местом отдыха и получения помощи для многих путешественников, едущих в Грузию и обратно^[596].

Одной из проблем «обустройства» Кавказа являлся взгляд на него с «петербургской колокольни». Правители России, их министры и просто влиятельные персоны имели скудные и зачастую превратные представления о регионе. Это обстоятельство следует постоянно держать в уме при оценке деятельности тех, кто непосредственно решал имперские вопросы на этой имперской окраине. Даже самый самостоятельный

чиновник не мог игнорировать присланные из столицы «предначертания», сочиненные в большинстве случаев на основе абстрактных идей без малейшей связи с реальностью. Жить своим умом в России всегда было заманчиво, но рискованно. Слепо следовать указаниям сверху, особенно на значительном удалении от Санкт-Петербурга, тоже не годилось. Во-первых, тогдашние средства связи не позволяли оперативно обмениваться информацией. Курьер иногда тратил более двух недель на путь от берегов Невы до берегов Куры. К этому сроку следует добавить время, необходимое на раздумья властей, на работу писарей, облакающих эти раздумья в форму официальных документов. Даты в переписке Цицианова с Александром I и министрами свидетельствуют о том, что каждый цикл «рапорт — приказ» длился около двух месяцев. Ни о каких расспросах, уточнениях и разъяснениях в этих условиях не могло быть и речи. Во-вторых, неукоснительное исполнение царской воли вовсе не было гарантией защиты от царского же гнева в случае неудачи. Как известно, увольнение подчиненного — одна из самых распространенных форм огорчения начальства собственными промахами. Тем не менее ситуация в Закавказье иногда развивалась так стремительно, что местным чиновникам приходилось своей властью приостанавливать действие царских распоряжений. Так, в конце 1802 года из Петербурга привезли пакет со знаками ордена Святого Александра Невского для правителя Мингрелии князя Дадиани, который к тому моменту, потерпев поражение от соединенного войска имеретов, абхазов и сванов, бежал в турецкую крепость Поти^[597]. Не оставалось ничего иного, как поддержать награду в Тифлисе до «прояснения» обстановки на Западном Кавказе.

Когда правительство России рассматривало вопрос о присоединении Грузии, оно полагало, что овладение Закавказьем поможет «обуздать» горцев как с помощью военных экспедиций с южного направления, так и экономической блокадой. Кроме того, владение Грузией должно было способствовать развитию торговли с Востоком, а также давало возможность атаковать Турцию в Анатолии^[598]. Таким образом, кроме покровительства христианам Закавказья, Александр I видел две сугубо прагматические причины расширения России за счет Картли-Кахетии. Первая, «военная», состояла в создании удобного плацдарма для удара по беспокойным горцам и Османской империи; вторая, «экономическая», сулила приток денежных средств, обогащение казны за счет развития восточной торговли и обеспечение страны собственными «колониальными» товарами. Справедливости ради следует сказать, что эти

взгляды разделяли многие тогдашние россияне, решавшиеся доверить бумаге свои мысли о Кавказе. Спустя три десятилетия после присоединения Грузии столичная публика получила книгу под названием «Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях». Автор ее, П. Зубов, утверждал, что Кавказ при условии умиротворения и рачительного хозяйствования может стать настоящим раем, местом массового производства шелка, высококачественных вин, хлопка, цитрусовых, сахара, табака и тому подобных товаров. В результате, по его мнению, «многие десятки миллионов, ныне выпускаемые за границу, останутся внутри государства; правительство, равно как и частные лица, получают значительные доходы, и Россия сделается совершенно независимой от влияния коммерческих видов иностранных государств»^[599]. Однако, несмотря на успехи в развитии сельского хозяйства края (но это уже конец XIX — начало XX века!), Кавказ так и не смог хотя бы отчасти заменить импорт виноградного вина, хлопка, шелка, натуральных красителей, табака и пр. Авторы, превозносившие богатство этого региона, в большинстве своем считали местных жителей не способными в полной мере пользоваться щедротами природы. «Народы, населяющие Закавказский край, близки к патриархальной простоте, но с сим направлением характера соединяют скрытность, хитрость и недоверчивость — несчастные последствия тяжкого ига, жесточайшего деспотизма, десятки веков оный угнетавшего. Физически расположенные к недеятельности, они ленивы до крайности; не способны к глубокомысленным соображениям, недальновидны, горизонт их понятий крайне ограничен; и от них никогда нельзя ожидать важного шага для преобразования и улучшения Кавказа» — так автор упомянутой выше книги подводит фундамент под последующее утверждение о необходимости колонизации Грузии и Азербайджана за счет избыточного населения русских деревень^[600]. Здесь автор выдвинул обычный тезис европейцев, оправдывавших колониальную экспансию. В XVIII—XIX веках превосходство западных ценностей на самом Западе не подвергалось ни малейшему сомнению, и их носители получали право эти самые ценности нести куда угодно, сметая на своем пути любые препятствия. Справедливости ради, следует отметить, что подобные идеи не всегда служили маскировкой банальной жадности. Многие европейцы шли на Восток, убивали там и умирали сами, будучи искренне уверенными, что губят и гибнут во имя прогресса и справедливости.

В описаниях Кавказа, которые составлялись по заданию правительства, также сквозило чувство превосходства. Командовавший русскими батальонами в Тифлисе полковник Бурнашев в 1780-е годы такими видел грузин: «Положение земли гористое, что делает тамошних жителей, как и везде в горах, людьми более суровыми; по всегдашней связи и обращению их с персиянами, переняли они их обычаи, и хотя многие одарены достаточно естественной способностью разума, но не заботятся однако о воспитании и просвещении детей своих, а потому и не предвидящи, лживые, не постоянны и корыстолюбивы, многие из благородных лично храбры, деяние великих, отличающих дарования, не видно, не имеют привязанности и к ближним своим родственникам, жизнь и пища суровая, обхождения между собой мало, публичных увеселений нет, кроме конского ристания два раза в год и часто палатного боя; обычай свой и жизнь почитают превосходными, к европейским приметно их отвращение, и при всей своей бедности глупо горды»^[601]. Спустя три десятилетия после присоединения Грузии к России один из авторитетных авторов уверял читателей: «Почитая войну единственным занятием, их достойным, грузины вообще не прилежали к наукам, торговле и другим мирным занятиям. Они привыкли повелевать и все им нужное приобретать острием меча. От сих наклонностей грузины вообще вспыльчивы, надменны, страстны до чинов и отличий, и всему более предпочитают наружный блеск, тщеславны до высочайшей степени, но зато великодушны и некорыстолюбивы... Из грузин можно составить отличное войско, но сделать из них трудолюбивых граждан, стремящихся к усовершенствованию важных отраслей народного богатства, совершенно невозможно... Они презирают всех, которые занимаются чем-либо другим кроме ремесла воина; ревнивы до высочайшей степени, страстны к женскому полу, честны, твердо держат данное слово, набожны, но не суеверны и не фанатики, одним словом, отличаются от армян всеми теми качествами, которыми отличается воин от торговца»^[602]. Широкое распространение получило представление о врожденной свирепости жителей гор, о их природной и неискоренимой страсти к грабежам и убийствам. Один из главных идеологов декабризма, Павел Иванович Пестель, писал в своем программном документе «Русская правда» по поводу обустройства южных окраин империи: «...Кавказские народы... разные веры исповедуют, на разных языках говорят, многообразные обычаи и образ управления имеют и в одной только склонности к буйству и грабительству между собой сходными оказываются. Беспрестанные

междоусобия еще более ожесточают свирепый и хищный их нрав и прекращаются только тогда, когда общая страсть к набегам их на время соединяет для усиленного на русских нападения...» Он предлагал тем, кто покорится, дать «российское правление и устройство» (читай — уравнивать их во всем с остальными подданными), а тех, кто будет в том упорствовать, насильно переселить «во внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям». Оказавшись в таком состоянии, горцы, по мнению Пестеля, через несколько десятилетий «растворятся» в массе славянского населения.

В отечественной историографии и коллективном историческом мнении главным двигателем европейской экспансии в Новое время традиционно считается алчность: колониальные империи создавались для эксплуатации местных природных ресурсов и населения, для сбыта собственных товаров. Причиной движения России на Кавказ проще всего было бы назвать стремление к захвату земли, если бы не одно обстоятельство: наличие огромных неосвоенных территорий в Поволжье, Сибири, Новороссии. Миллионы десятин плодородной степи и лесостепи ждали пахаря, которому там, в отличие от Кавказа, не надо было опасаться гибели или плена. Да и климат далеко не везде был подходящим для уроженцев Псковщины или Рязанщины. В письме Александру II от 10 января 1863 года наместник А.И. Барятинский по степени важности поставил колонизацию на последнее, шестое место в перечне «краеугольных камней для счастья и процветания» Кавказа после воспитания женщин, уничтожения влияния шариата, восстановления христианства, устройства путей сообщения и орошения^[603]. О «водворении» на Кавказе русского населения постоянно мечтало Военное министерство, надеявшееся со временем перейти к комплектованию гарнизонов местными уроженцами, которые бы не умирали, как мухи, от туземных лихорадок. Казачьи станицы продвигались в глубину предгорий и гор вовсе не потому, что терцам и кубанцам не хватало земли к северу от их станиц. Эти военизированные селения железным обручем должны были сжать горцев, покончить с их вольностью, под которой прежде всего понималась склонность к набегам.

Кавказ стал третьим горным районом, куда ступила нога русского человека. Уже известные к тому времени Урал и Алтай оказались кладями различных ископаемых. Логично было предположить, что за Кубанью также крылись в недрах неисчислимы сокровища. Россия, производя в избытке железо, испытывала нехватку цветных, драгоценных металлов, а также качественной соли. Те, кто искал союза с Россией, с

разной степенью успеха пытались разыграть эту карту: рассказывали о залежах серебряных и свинцовых руд в своих горах, о соли, добываемой в озерах Северного Дагестана^[604]. Обнадеживающие сведения в 1780-е годы о богатстве кавказских недр поступали и от русских путешественников: «Руд золотых и серебряных довольно, особенно много медных в горах, разделяющих Грузию от Эривани...»^[605] Но оказалось, что край действительно изобилует только нефтью и марганцем, однако в доиндустриальную эпоху экономическая ценность такого сырья была ничтожной. Тем не менее уверенность в баснословном богатстве Закавказья была так велика, что военачальники, командовавшие войсками во время похода 1722—1723 годов, получили приказание заняться сбором налогов уже по мере продвижения. При этом намеревались даже взыскивать «шахские» недоимки «за те лета, которые они не посылали, а делили между себя». Шкура еще не убитого медведя оценивалась очень тщательно. Генералу М.А. Матюшкину предписывалось досконально изучить местную практику сбора податей: «...сколько было в доброе время и сколько ныне, и что шаху, и что по карманам»^[606]. Но только на рубеже XIX—XX столетий доход от Кавказа сравнялся с расходами и завоеванные с таким трудом области перестали быть «черной дырой» отечественной экономики.

Разумеется, огромные средства уходили на содержание войск, на создание инфраструктуры, позволявшей контролировать этот стратегически важный район; существовала значительная ценовая диспропорция, из-за которой сельскохозяйственные регионы оказывались в невыгодном экономическом положении, но все это не меняло сути проблемы: Россия потратила сотни тысяч человеческих жизней и миллионы рублей, чтобы владеть территорией, которая не обогащала, а истощала государственную казну.

Религиозную историю Кавказа обычно трактовали следующим образом: в Закавказье существовали мощные христианские государства, павшие под ударами язычников и мусульман. Ряд народов Северного Кавказа в той или иной форме также исповедовали христианство, но затем были насильственно переведены в иную веру. При этом отпадение от христианства рассматривалось как деградация; возвращение же креста на земли, которые он ранее осеял, было одним из лозунгов движения России на Кавказ^[607]. Впрочем, важно отметить: лозунг был, но активного миссионерства, сколько-нибудь заметных попыток потеснить ислам не наблюдалось.

Однако использовать Грузию в качестве базы для походов на непокорных горцев не получилось, поскольку движение через перевалы даже в летнее время было сопряжено с невероятными трудностями. Кроме того, оказалось, что чеченцы, осетины и дагестанцы едят свой хлеб, а не тот, который выращен в грузинских долинах, поэтому блокада горных аулов теряла всякий смысл. Нельзя назвать удачными и попытки «подпалить» Турцию со стороны Кавказа, как это намеревалась сделать Екатерина II. При взгляде на географическую карту план императрицы выглядел заманчивым, но на практике ситуация оказалась не такой радужной: нет сведений, что в 1806—1812 годах или позднее Стамбул перебросил из Болгарии в Армению хотя бы один батальон. Военные действия русских на Кавказе начинались не очень успешно, хотя и заканчивались на мажорной ноте: Анатолийская армия султана терпела поражение, русские войска брали ключевые крепости, а при заключении мирных договоров захваченные территории становились козырными картами в руках отечественных дипломатов. Россия не могла постоянно держать на турецкой границе значительные контингенты, которые буквально таяли в губительном для русских солдат климате. Поэтому при угрозе столкновения с Портой в Закавказье в срочном порядке войска перебрасывались, а после прекращения боевых действий их возвращали в Россию. То, что Грузия не может обеспечить продовольствием даже несколько батальонов, стало крайне неприятным сюрпризом для Петербурга. Дело в том, что южные земли с их короткой и мягкой зимой и долгим жарким летом представлялись краем, где все дары земли произрастают в изобилии. Это подтверждали и те, кому специально поручали изучать этот край. Уже упоминавшийся полковник Бурнашев писал о состоянии Грузии в 1780-е годы: «Хлеба достаточно, особенно в Казахах и Шамшадиллах, отменной доброты и свойства; пшеница сорочинского (риса. — *В.Л.*) изобильно; также проса, ячменя и кукурузы; ржи и овса вовсе нет; хлопчатой бумаги достаточно; льна немного, сеют только на семена для масла; шелку весьма много, только посредственной доброты»^[608].

Как уже говорилось, Цицианов оказался в исторической тени Ермолова. Этому баловню коллективной исторической памяти не без оснований приписывается формирование, так сказать, комплексного взгляда на способ покорения Кавказа. Однако при этом оставляется без внимания то обстоятельство, что свои планы Ермолов строил на основании опыта, уже приобретенного предшественниками. Один из сотрудников администрации Цицианова, коллежский асессор Лофицкий, изложил

основы политики по отношению к горцам. Для их умиротворения предлагались самые жесткие меры: 1) нанесение «чувствительных» ударов, чтобы они поняли наказуемость нарушения клятвы о верноподданности; 2) выселение чеченцев и ингушей «на пустопорожние земли» на равнине или даже их уничтожение; 3) разоружение остальных горцев и установление над ними строгого надзора; 4) предложение джарским лезгинам сначала переселиться внутрь России, а если они на то не согласятся, то принуждение к тому оружием и заселение их земель русскими колонистами^[609]. Эти принципы (превентивные и карательные экспедиции, выселение из труднодоступных ущелий на «плоскость», разоружение населения и колонизация) в различных вариациях потом будут присутствовать в планах всех преемников Цицианова на посту главнокомандующего, включая А.И. Барятинского, отрапортовавшего Александру II в 1859 году о пленении Шамиля и покорении Кавказа. О депортации непокорных во «внутренние губернии» говорилось в программных документах декабристов («Русская правда» П.И. Пестеля) и в проекте Д.И. Милютина — будущего военного министра, назначенного в 1852 году начальником штаба Отдельного Кавказского округа. Забегая вперед скажем, что эффективность военных мер оказалась недостаточной, чтобы в короткие сроки подавить сопротивление непокорных племен. Выселение в районы, где природные условия не препятствовали действиям регулярных войск, также во многих случаях оказывалось проблематичным. Попытки разоружения горцев порождали новые выступления, поскольку запрещение носить кинжал, иметь шашку и ружье противоречило местным представлениям о социальном статусе мужчины. Совершенно невыполнимыми были планы заселения края выходцами из России или другими христианами (армянами, греками). Русским войскам уже приходилось сражаться с горцами в Закавказье. Но в 1784 и 1800 годах это были по сути оборонительные операции, нацеленные на защиту восточных районов Грузии от набегов. Включение царства Багратидов в состав империи радикально изменило ситуацию: пришло время установления контроля над источниками «беспокойства». Первыми это почувствовали лезгины, жившие на южных склонах Большого Кавказского хребта, в Джаро-Белоканском районе, называвшемся так по двум самым большим селениям — Джары и Белоканы. Эти выходцы из Дагестана селились в Кахетии уже в XVI веке с согласия грузинских царей, поскольку новые подданные поставляли лед для царских резиденций, а составленные из них отряды являлись важной частью грузинского войска. Постепенно их влияние и независимость усилились до такой степени, что в 1714 году царю

пришлось платить им дань. В 1722 году они разорили Тифлис. В целом джарцы ориентировались на Персию, но пресекали попытки шахов превратить их в своих подданных. Более того, они регулярно совершали набеги на северные провинции шахских владений, в 1710 году разгромили Шемаху и Ширван^[610]. Любопытно, что в XVII—XVIII веках горцы неоднократно находили союзников в лице грузинских крестьян, которым собственные князья казались худшими врагами. Формально независимые от джарцев правители Элисуйского и Шекинского ханств беспрекословно подчинялись решениям народного собрания горцев^[611].

Можно говорить о том, что с северо-востока угроза Грузии не была велика, несмотря на огромный суммарный военный потенциал Ингушетии, Чечни и Дагестана. Горы дробили Северо-Восточный Кавказ на множество частей, ставили практически непреодолимые препятствия на пути «собрания» земель. Это усугублялось чрезвычайной пестротой этнической карты, особенно в Дагестане. Эти же горы служили и неприступной крепостью для воинственных пришельцев — ни монголы, ни арабы, ни турки, ни персы не смогли покорить Северный Кавказ. Историческая память всех племен хранила сведения, часто полумифического характера, о славных победах предков. Жители Южного Дагестана, например, были преисполнены гордостью по поводу разгрома в 1734 году армии иранского правителя Надир-шаха, попытавшегося установить свой контроль над этим краем в середине XVIII века^[612]. Повелитель Персии послал для наказания ослушников огромное войско под командованием своего брата, но оно было полностью перебито в районе Белокан. Как писал один из современников события, «с тех пор Азия стала считать лезгин непобедимыми и недоступными для наказания». Ратная слава — солидный моральный капитал, приносящий вполне материальные дивиденды. Представление о собственном всемогуществе утраивает силы воина. В Европе позднего Средневековья такое реноме имели швейцарцы, а после Тридцатилетней войны — шведы. Дагестанцы нанимались на службу едва ли не ко всем местным владыкам, причем во многих случаях найм превращался в дань: завербованные горцы беззастенчиво грабили своих хозяев. В Тифлисе они бесчинствовали так, что горожане стали устраивать специальные узенькие и низенькие калитки, в которые едва мог протиснуться один человек, и уж никак невозможно было ввести лошадь. Это был способ избавиться от постояльца-наемника^[613]. В грузинском языке появились понятия «лакоба» и «оссоба», означавшие особый уклад жизни в условиях постоянной угрозы разорения соответственно

дагестанцами или осетинами. В Джаро-Белоканской области охота за людьми с целью выкупа или продажи в рабство превратилась в главный источник доходов и отличалась высоким уровнем организации^[614]. По мнению грузинских царей и унаследовавших это мнение русских властей, джарцы и белоканцы являлись подданными Багратидов. Но сами лезгины такое мнение явно не разделяли. Размещение в Алазанской долине русских гарнизонов не принесло ожидаемого облегчения жизни тамошним крестьянам: горцы не собирались в крупные отряды, уклонялись от боев с регулярными войсками. Они просачивались мелкими группами, растворялись в гуще садов и виноградников, неожиданно нападали на селения, грабили, захватывали пленных и опять исчезали. Пехота пыталась их преследовать, но только изматывалась в бесплодной погоне. Мусин-Пушкин, хорошо осведомленный о состоянии дел, писал своему знакомому в 1801 году: «Войска здешние в непрерывном движении, и поистине сказать можно, что в Кавказском гренадерском полку под Тифлисом и Егерском генерал-майора Лазарева едва проходит не только неделя, но один день, чтобы не гонялись разными отрядами за таковыми неприятелями, редко однако ж с успехом, ибо возможно ли пехоте догнать конницу, на персидских лошадях воющую?» Цицианов решил попробовать тактику, испытанную русскими в борьбе с крымскими татарами, — устраивать засечные линии. Однако условия Кахетии сильно отличались от районов, прилегавших к Оке. Здесь не было девственных лесов, где с помощью особой техники рубки деревьев создавались действительно непроходимые дебри. Не случайно засеки здесь предлагалось делать всего двухметровой ширины и усиливать их линиями волчьих ям. Справедливости ради, следует сказать, что в некоторых случаях нападения горцев были спровоцированы самими грузинами. Осенью 1801 года жители кахетинского села Гавази убили лезгин, ехавших с товарами в Белоканы. В связи с этим генерал Лазарев получил предписание сделать «по всей Грузии подтверждение, чтобы неприятелей обезоруженных уже отнюдь не предавали смерти, не представляя таковых к начальству», ибо «...жизнью их большая приобретется польза грузинам, нежели варварским лишением живота таких людей, у коих отмщение существует в непреложных обычаях»^[615].

Еще в начале 1801 года джарцы в ответ на требование заключить договор и отказаться от набегов на Кахетию прислали письмо, которое можно расценить как предложение оставить их в покое. Они заявили, что готовы дать клятву, добавив при этом: «...но только боимся, что после мира

не будем в состоянии исполнять его условия, согласно обещанию и присяге...» Одной из главных проблем они называли отсутствие у них правителя, чье повеление является обязательным к исполнению для всех без исключения: «Мир заключается обыкновенно между равными сторонами, а падишаху может быть равным только падишах. Вот наше объяснение вам»^[616]. Слова не расходились с делом. Набеги на земли Кахетии не прекращались. В августе 1801 года подполковник Солениус доложил Лазареву о том, что он во главе отряда, состоявшего из роты солдат и 250 конных грузин при одном орудии, имел столкновение в долине Алазани с лезгинами, в результате чего противник понес существенные потери (200 убитых и 7 пленных)^[617]. Но даже такие успехи не меняли в целом ситуацию. У Цицианова оставался один выход: занять главные селения — Джары и Белоканы, продиктовать мирные условия с позиции силы. Но сколько ее было, этой силы?

Осенью 1802 года, согласно рапорту генерал-майора Лазарева, три гренадерских и один егерский полк были распределены по 36 населенным пунктам. Семь рот находились в Тифлисе, две в Гори, еще семь компактно размещались в Шамшадильской и Помбакской провинциях. Остальные 32 роты стояли отдельно на расстоянии от 6 до 35 верст друг от друга^[618]. Такое распределение войск служило двум целям — контролю над населением вновь присоединенных провинций и обороне их от нападений извне. Дробление полков на мелкие гарнизоны в районах с христианским населением объяснялось еще и стремлением облегчить снабжение их провиантом и фуражом. В провинциях с преобладающим мусульманским населением (Шамшадиль и Помбак) риск уничтожения солдат в случае внезапного восстания был значительно больше. В 1804 году воинский контингент в Закавказье пополнился еще двумя пехотными и одним егерским полком, но все части, находившиеся в распоряжении Цицианова, являлись полноценными боевыми единицами только по названию. Рапорт о состоянии нижних чинов в полках, расквартированных в Грузии в декабре 1804 года (Кавказский гренадерский, Кабардинский, Тифлисский, Севастопольский, Саратовский мушкетерский, 9, 15, 17-й егерские), свидетельствует об огромном некомплекте личного состава, высокой заболеваемости, большом числе малообученных рекрутов. Во всех этих частях числился 7961 унтер-офицер и рядовой, из которых 1571 (почти каждый пятый!) находился в лазаретах. Некомплект нижних чинов составлял 4937 человек. Из числа здоровых каждый шестой являлся необстрелянным и неопытным рекрутом^[619]. И эта ситуация

принципиально не изменялась, что следует учитывать, когда речь пойдет об операциях против персов в 1804—1806 годах. Согласно всеподданнейшему рапорту Цицианова от 16 апреля 1805 года, некомплект частей составил 2554 человека. Еще 667 солдат лежали в госпиталях^[620]. Особые трудности Цицианов испытывал в связи с острым недостатком обученных артиллеристов. По этой причине в 1804 году он был даже вынужден отказать Мусину-Пушкину в присылке двух орудий для усиления защиты Дорийских заводов от налетов разбойничьих шаек^[621].

Сил у Цицианова было действительно немного, но части, которые шли в бой под его командой, уже к началу XIX столетия имели право называться легендарными. 17-й егерский полк, вынесший на своих плечах все тяготы Персидской войны 1804—1813 годов, был учрежден еще в 1642 году, когда русские монархи стали копировать европейские образцы в организации армии. Первыми боями для этой части стали схватки с татарами и поляками на Украине в 1654—1667 годах, затем полк прошел испытание на прочность в стычках с янычарами в Чигиринских походах 1677 и 1678 годов. К царствованию Петра Великого полк назывался Бутырским по месту своего расквартирования, а его командиром был известный Патрик Гордон. Бутырцы штурмовали Азов в 1695 и 1696 годах, сражались со шведами под Нотебургом, Ниеншанцем, Нарвой, Гродно, испытали радость великой победы при Полтаве, познали горечь поражения в Прутском походе 1711 года, прошагали в ходе Северной войны 1700—1721 годов сотни верст по Северной Германии и Дании. Далее в боевом списке полка — победы в Русско-турецких войнах (Бахчисарай — 1736 год, Ставучаны — 1739-й, Хотин — 1769-й, Ларга и Кагул — 1770-й, Браилов — 1770-й) и Семилетней войне (Гросс-Егерсдорф — 1757-й, Цорндорф — 1758-й). Опыт боевых действий против татар и турок показал, что обычные пехотные части испытывали проблемы в боях с подвижным противником. Поэтому для операций на Кубани против черкесов и ногайцев решили создать особое войсковое соединение — Кубанский егерский корпус. Он имел организацию и снаряжение, адаптированные к местным условиям, а его основой стали части, закаленные в боях. В их число попал и Бутырский полк. Его расформировали, а всех офицеров и солдат зачислили в 1-й и 2-й батальоны Кубанского егерского корпуса. В 1798 году батальоны свели в один егерский полк генерала Лазарева, в 1801 году переименовали в 17-й егерский, в 1816-м — в 7-й карабинерный, а в 1827 году — в Эриванский карабинерный полк. В 1802 году из 70 офицеров егерских частей на Кавказе только 15 не имели боевого опыта, причем почти все участники

войн набирались его в стычках с горцами.

Русские войска в Закавказье страдали от лихорадки, которая сильно ослабляла организм, так что даже после формального выздоровления человек долго был неспособен совершать тяжелые марши, вести строительные работы и т. д.^[622] Это приводило нижние чины в депрессивное состояние. «Войска, находящиеся в Мингрелии и Имеретии, подвержены ужасным лихорадкам, происходящим от сырости климата. Болотистые места, в коих живут они, и летом сильные жары причиною большой смертности. В некоторых местах, как, например, Редут-Кале, на постах Рионском, а наиболее на Челодидском умирает почти всегда половина, а на других третья часть людей в год. По сей причине в войсках, там стоящих, уничтожен почти всякий дух... Солдаты почитают себя здесь несчастными жертвами, как бы обреченными на погибель, и ищут спасения, перебегая в Поти к туркам...» — писал в своем рапорте посланный с инспекцией на Западный Кавказ гвардейский полковник^[623]. Он же сообщал о том, что в здешних местах крайне трудно запастись провиантом, поскольку зерно и мука в амбарах стремительно уничтожаются насекомыми. Санитарные потери (от болезней и разного рода лишений) значительно превышали боевые^[624]. Чтобы хоть как-то уменьшить чудовищную смертность в Кавказском корпусе, в одной из записок об «обустройстве края» предлагалось пополнять тамошние полки не рекрутами, а солдатами, уже послужившими в армии в российских губерниях и адаптировавшимися к армейскому быту^[625].

Войска Грузинского (с 1819 года — Отдельного Кавказского) корпуса были оторваны от основных баз снабжения и потому испытывали острую нужду буквально во всем, в том числе и в обмундировании. Отряд, освободивший в 1804 году от осады восставших осетин укрепление Ларе (на Военно-Грузинской дороге), был потрясен видом тамошнего гарнизона. Солдаты все как один оказались босыми, без головных уборов, в шинелях, надетых на голое тело. Оказалось, что они сначала от недостатка провианта целую неделю питались одним щавелем, а потом, окончательно оголодав, променяли на хлеб всю одежду и снаряжение, оставив ружья, шинели и патронные сумки^[626].

Одной из главнейших проблем русской армии на Кавказе было недостаточное количество конницы, которая позволяла бы на равных вести маневренную войну как с горцами, так и с ополчениями закавказских ханов. Регулярная кавалерия в горах совершенно не годилась. Лихие гусары и уланы, напористые кирасиры и драгуны могли мериться силами с

такими же конниками в польских, французских или шведских мундирах. С теми же, кто освоил технику езды почти одновременно с навыками ходьбы, соревноваться в конном бою было совершенно безнадежно. Поэтому единственной регулярной кавалерийской частью, «прижившейся» на Кавказе, стал 44-й Нижегородский драгунский полк, который наравне с Куринским, Кабардинским, Апшеронским, Тифлисским пехотными полками составил своеобразную местную гвардию. Нижегородцы, подобно названным полкам, усвоили особые «туземные» приемы войны, значительно отличавшиеся от того, что было прописано в уставах.

Еще в распоряжении русского командования имелись полки черноморских (кубанских), донских и линейных (терских) казаков. Последние считались лучшей конницей на Северном Кавказе. Они представляли собой своеобразный местный субэтнос, сформировавшийся на реке Терек (отсюда и название) в течение XVII—XVIII веков за счет выходцев из различных регионов и представителей разных национальностей и конфессий. В этом этническом «котле» переплавились беглые крестьяне, староверы, искавшие убежища от официальной церкви, вольные казаки, создавшие на Тереке поселения, подобные тем, которые существовали на Дону и Днепре. Население станиц постоянно пополнялось бродягами всех мастей» Здесь укрывались беглецы с другого берега пограничной реки — преступники, бывшие рабы, абреки, мятежные князья^[627]. Немалое число среди них составляли лица с асоциальным поведением, изгнанные из своих аулов.

Характерные для староверов религиозное воодушевление и сплоченность проявлялись в боевых действиях фанатичной отвагой отдельных бойцов и спаянностью сотен. Казаки-линейцы копировали горцев в быту, в общественном укладе и в боевых приемах. До середины 1830-х годов они имели обыкновение отрезать убитым противникам головы или кисти рук и привозить в станицы в качестве самых почетных трофеев^[628]. «Линейные казаки образуют прекраснейшее войско на Кавказе и являются грозой восточных горцев. Не уступая им в дикости, жестокости, варварстве и смелости, они превосходят их военной организацией, имеют лучшее оружие и лошадей», — писал поляк Т. Лапинский, прибывший на Кавказ драться с русскими^[629]. Командование считало необходимым наличие хотя бы одной сотни «линейцев», если предстояло трудное дело^[630]. В начале XIX столетия насчитывалось около двух с половиной тысяч терских казаков, пригодных для так называемой внешней службы, предусматривавшей не патрулирование окрестностей родной станицы, а

участие в дальних походах. Поскольку главной их задачей являлось отражение набегов чеченцев и дагестанцев, для экспедиций в Закавказье ежегодно выделялось не более трех—пяти сотен.

Основу конных частей русской армии на Кавказе в начале XIX века составляли полки донских казаков, но их эффективность была ниже, чем у линейцев. По словам одного сведущего мемуариста, сын тихого Дона «с его чрезмерно длинной пикой, привыкший блуждать взором далеко по бесконечным степям своей страны на степном коне, не привыкшем к лесным и горным тропам, не может быть полезен между высокими горами, лесами и кустами. Он служит только посмешищем для друзей и врагов и употребляется больше для сторожевых постов на равнинах, поддержания связи, сопровождения путешественников, транспорта и арестантов и различных малоопасных экзекуций. Для этой последней службы он незаменим»^[631]. На боеспособности донских сотен негативно сказывалась их ротация (полки на Кавказе заменялись каждые четыре года в полном составе). Новички до приобретения навыков боевых действий в специфических условиях этого края действовали неэффективно, несли большие потери, а ветераны по возможности избегали риска, рассчитывая вернуться живыми к своим семьям^[632]. Для казаков, пришедших с Дона, Кавказ был совершенно чужим, непонятным миром, чего нельзя сказать о жителях кубанских и терских станиц. Если резюмировать замечания мемуаристов—участников войны, донских казаков нельзя было упрекнуть в недостатке храбрости, но из-за малой приспособленности к местным условиям они уступали терцам и кубанцам^[633].

Кубанское (Черноморское) казачье войско, сыгравшее важную роль в Кавказской войне, в «цициановский» период находилось еще в процессе становления. Первые переселенцы с Украины прибыли на Таманский полуостров в конце правления Екатерины II, когда потребовалось найти людские ресурсы для военной колонизации участка границы от Азовского моря до Владикавказа. Тысячи украинских казаков и сотни казаков запорожских обосновались на Северном Кавказе, прошли тяжелый процесс адаптации к местным военным и природным особенностям. Тогдашняя малочисленность кубанцев, а также их удаленность от Восточного Закавказья исключали их из числа действующих лиц сцен, которые разыгрывались там в 1803—1806 годах.

Таким образом, в руках Цицианова имелась довольно скромная военная сила, равная одной-единственной полноценной дивизии. Еще более скромно русский контингент в Закавказье выглядел на фоне тех

задач, которые ему приходилось решать: защита Грузии и подвластных ханств от нападений извне, поддержка в них «внутреннего спокойствия», по мере возможности расширение пределов империи присоединением новых земель, действия против войск султана и шаха в случае возникновения войны с Турцией или Персией. Скупость правительства, с какой оно отправляло пополнения на Кавказ, объяснялась тремя обстоятельствами. Во-первых, в начале XIX столетия все силы империи были брошены на борьбу с наполеоновской Францией. Во-вторых, не было полностью оценено значение Кавказского фронта в Русско-турецких войнах. В-третьих, Петербург еще не осознал масштабность задач, стоящих перед русским командованием в этом регионе. Были сделаны неправильные выводы из уроков предыдущих операций, когда русские войска без особых усилий проходили от Кизляра до Баку и далее и двух-трех батальонов при двух-трех пушках оказывалось достаточно, чтобы взять верх над многочисленными местными ополчениями. Теперь же нужны были не смелые экспедиции и славные виктории, а установление контроля над обширными территориями и оборона протяженных границ. А эти задачи требовали куда как больших сил, чем те, которыми располагал Цицианов.

Не оставалось ничего иного, как обратить внимание на местные ресурсы, тем более что к началу XIX столетия в Российской империи был накоплен значительный опыт использования национальных формирований. Обеспечение безопасности приграничных районов без помощи местного населения оказалось невозможным потому, что для противодействия небольшим группам нападавших требовалась целая сеть дозоров. Создавать же такую сеть из солдат было невозможно из-за их малочисленности. Более рациональной выглядела следующая схема: местные милиционеры выставляли пикеты, следили за обстановкой и при появлении противника давали знать русскому гарнизону. При этом организация дозорной службы должна была соответствовать новой ситуации на Лезгинской линии. Однако не все жители Алазанской долины это понимали. Жители Сигнахской провинции заявили, что будут составлять караулы по традиционным правилам. Цицианов поручил местному начальнику объяснить строптивым старшинам, что «сие делается для их же пользы, подтверждая при том, что за ослушность их будут наказаны и принуждены к тому силой», ибо он «не для подражания прежним временам здесь поставлен»^[634].

В 1794 году в «Гласе патриота на взятие Варшавы» И.И. Дмитриев писал, обращаясь к Екатерине II:

Речешь, и двинется полсвета.
Различны образ и язык,
Тавридец, чтитель Магомета,
Поклонник идолов калмык,
Башкирец с острыми стрелами,
С булатной саблею черкес
Ударят с шумом вслед за нами
И прах поднимут до небес^[635].

Если калмыцкая и башкирская конница действительно участвовала в операциях российской армии в XVII—XVIII веках, то роль крымских татар или горцев была скромнее. Во время Семилетней войны в 1756 году правительство предложило «вызвать» горцев на службу с выдачей щедрого «подъемного жалования», но «охотников», как тогда называли добровольцев, на Кавказе не нашлось. В 1760 году была предпринята вторая попытка пополнить армию за счет местных ресурсов. Удалось уговорить небольшое число ногайцев, которые вместе с причисленными к ним терскими казаками дошли до Дона, где получили известие о кончине императрицы Елизаветы Петровны и приказ вернуться домой^[636]. И в дальнейшем использование воинских контингентов, составленных из уроженцев Кавказа, вне этого региона имело эпизодический характер. Конно-мусульманский полк, укомплектованный в основном азербайджанцами, участвовал в Венгерском походе 1849 года, несколько полков горцев (около двух тысяч человек) воевали в Болгарии в 1877—1878 годах, конная бригада из Дагестана сражалась в Маньчжурии в 1904—1905 годах, наконец, в Первой мировой войне отличилась знаменитая «Дикая дивизия».

На самом Кавказе использование местных военных ресурсов для решения имперских задач приняло гораздо более широкие масштабы. В рескрипте от 12 сентября 1801 года Кноррингу об обустройстве Грузии Александр I позволил «обращать на дерзновенных (горцев. — В.Л.) репрезалии... и захватами у самих участников набегов вознаграждать претерпения подданных земли Грузинской, понесенные от сих неукротимых народов. Но желательно весьма, чтобы поселяне, на границах Грузии обитающие, и другие, к тому способнейшие, могли быть поставлены на такую же ногу, как линейные кавказские казаки. Изыскивая пристойные меры устроить по времени в Грузии из обитателей ее земскую милицию, вы можете теперь же их к тому предуготовлять, приказывая

преследовать злодеев, на свободу их и даже на самую жизнь покушающихся...»^[637]. Документы свидетельствуют об участии туземных формирований в операциях российских войск на Лезгинской линии и в районе Военно-Грузинской дороги в 1804 году^[638]. Идея «оказачить» местное население была очень живучей. В 1806 году один из чиновников, долгое время служивших на Кавказе, предложил сформировать из татар, тушинцев, пшавов, хевсур «как из людей в Грузии наиболее к военным действиям охотных и способных, конный регулярный полк по примеру Чугуевских казаков. Для народов сих весьма достаточно поощрения к тому освобождением от платежа податей и другие облегчения в гражданских повинностях. Польза же ощутительнейшая быть может от полка, из наций тех составленного, как в рассуждении содержания границ по Алазани, так и самых действий с лезгинцами. Начальство над сим полком вверить российскому чиновнику, а офицерский корпус составить из российского и грузинского дворянства и из старшинских детей татар оных. Известно уже по опытам, сколько честь и слава драгоценны для служащих в нем; а потому ласкаться можно, что служение таковое сблизит нации сии к одинаковым желанием и взаимной любви»^[639]. Однако практических шагов по созданию какого-то закавказского казачества сделано не было.

Во время Персидского похода Петра Великого 1722—1723 годов в составе российского экспедиционного корпуса действовали грузинский и армянский «шквadroны» (эскадроны). В мае 1725 года по приказу русского командования отряд, состоявший из грузин, армян и казаков, разорил персидскую крепость Лашемадан, разгромив отряд, пытавшийся тому воспрепятствовать^[640]. В 1732 году национальные формирования стали официально именоваться грузинской и армянской «ротами», причисленными к Низовому корпусу, а их численность составила 416 человек^[641]. Однако к 1762 году армяно-грузинский эскадрон совсем «усох» — рядовых осталось в нем всего пять человек, и грузинский царевич Александр, назначенный командиром этих частей, указал, что даже караул при знаменах «...содержать некем»^[642].

Другим вариантом использования местных ресурсов было возрождение и укрепление традиционной военной организации Грузии. 17 февраля 1803 года князь Орбелиани представил Цицианову план обороны Грузии от горских набегов, учитывавший многолетний опыт населения и боевые возможности русских войск. Указывалось, что можно использовать традиционную форму военной организации. В нашем распоряжении не имеется свидетельств о том, как реагировало правительство на этот план,

но его молчаливое «отвержение» можно объяснить обоснованным опасением того, что возрожденное грузинское войско окажется орудием противников России.

Для офицера, привыкшего к порядку и дисциплине регулярной армии, местные формирования представляли тяжелое зрелище. По словам Н.Н. Муравьева, писавшего уже в «ермоловское» время, осетинские отряды «по беспорядкам ими произведенным, неповиновению и грабительству оказались более обременительными, чем полезными, и были отправлены обратно в горы... Дворяне и князья, которые скрывали в деревнях и замках свои фамильные ненависти, открывали их в сем случае (при сборе ополчения. — В.Л.) в полной мере... Не могу лучше изобразить ополчение сие, как сравнив его с понятиями, которые мы имеем о крестоносцах. Множество дворян, или людей, называющихся таковыми или помогающихся достоинств сих, с прислугою своей, всякий вооружен как лучше кто умел, совершенное безначалие или неповиновение к начальству своему, родовые вражды, пьянство, но при всем при том непомерное желание сразиться с неприятелем, вспоминая о подвигах своих предков, бесконечные обозы с вином, но без хлеба...» Храбрость грузинских князей при отсутствии всякой управляемости привела к тому, что во время первого же боя курдская конница сумела заманить их в засаду. Потери и последующее бездействие деморализовали ополчение, которое занялось грабежами, а потом разбрелось по домам^[643].

Но, несмотря на все недостатки местных ополчений, без них трудно представить походы правительственных войск в первой половине XIX столетия. Во-первых, критику их со стороны русских офицеров-мемуаристов следует признать не вполне объективной. Действительно, само слово «дисциплина» было явно не применимо к горской и грузинской милиции. Действительно, свой путь она «маркировала» грабежами и насилиями. Но в специфических условиях горной войны с подвижным, инициативным противником отважные грузинские дворяне выглядели совсем не плохо. Документы свидетельствуют о большой пользе туземных формирований в операциях российских войск на Лезгинской линии и в районе Военно-Грузинской дороги в 1804 году^[644]. Отряд милиции численностью около шестидесяти человек участвовал в подавлении восстания 1804 года в Ананурском уезде. Особо отличились в «укрощении смутьянов» князь Зураб Орбелиани, князь Иосиф Меликов, князь Орбелиани (генерал-майор), Параман Берзнишвили и другие грузинские дворяне^[645].

В ряде случаев сами горцы по своей инициативе принимали на себя функции защитников границы. Беки Алдарбековы из Северного Дагестана, в феврале 1804 года вынужденные бежать из родных мест в результате поражения в междоусобице, обратились с прошением к Цицианову разрешить им поселиться возле Шелкозаводской крепости с условием «... отвечать за все то, что в нашу там бытность сделано будет вредного ближайшим казачьим станицам, и выполнять все приказания»^[646].

Таким образом, использование традиционной военной организации оказалось неизбежным делом. Когда в 1804 году Цицианов двинулся на умирение горцев, перекрывших Военно-Грузинскую дорогу, в Тифлисе остались только одна рота егерей и несколько десятков гренадеров, набравшихся сил после ран и болезней. Этого вполне хватало для караулов. Но вдруг пришло известие о приближении 60-тысячного персидского войска во главе с царевичем Александром. Положение облегчалось тем, что имелись большие запасы провианта, оружия и боеприпасов, а городские фортификационные сооружения представляли собой серьезную преграду для противника. Поскольку в 1804 году тифлисцы не чувствовали себя одинокими перед лицом грозного противника, они быстро организовали ополчение. Вот как это увидел генерал С.А. Тучков: «Жители города Тифлиса состоят по большей части из купцов и ремесленников, не говоря уже о хлебниках, мясниках, садовниках и прочих разной промышленности людей, необходимых в больших городах. Все они любят оружие, умеют им действовать и почитают щегольством иметь по возможности хорошее... Для обороны мы разделили начальство над городом на части и, по совету моему, приказано было всем жителям, по пробитии вечерней зари, выходить с оружием на площадь. Там комендант рассчитывал их на сотни и десятки и приказывал каждому отделению занимать назначенное ему место на городской стене. Не считая пеших передовых постов и конных разъездов, все должны были всю ночь находиться на стенах. Женщины приносили им ужин, а они проводили всю ночь в разговорах, музыке и песнях. По пробитии утренней зари оставались одни караулы, по очереди наряжаемые. Прочие же жители возвращались в свои дома, где отдыхали до 10 часов утра. После чего открывались лавки, начинались торговля и ремесла и продолжались до вечера. Таким образом, в течение нескольких дней продолжалась вся воинская осторожность без особенного отягощения для жителей»^[647]. Этот опыт вспомнили через полвека. В апреле 1855 года, когда возникла реальная угроза вторжения в Грузию турецко-англо-французского корпуса, было собрано тифлисское

ополчение, состоявшее из шести дружин общей численностью около пяти тысяч человек. Части формировались по городским кварталам, с учетом цеховой принадлежности ратников^[648].

Однако персидские войска до Тифлиса так и не дошли. Они двигались через Борчалинскую провинцию, населенную татарами (азербайджанцами), которые обещали им всяческое содействие и в том числе обеспечение провиантом. Но из-за неурожая борчалинцы не сумели поставить нужное количество хлеба. Царевич Александр расценил это как измену и приказал казнить нескольких знатных людей. Это был крайне опрометчивый шаг с его стороны. Ответом на жестокость стало коварство: местные жители уговорили персов продолжать поход через ущелья, населенные армянами, у которых будто бы зерна имелось вдоволь. Но когда шахская конница втянулась в горные теснины, борчалинцы напали на нее и безжалостно истребили. Самому царевичу Александру с небольшим отрядом едва-едва удалось выскользнуть из западни.

Цицианов понимал важность использования местных военных ресурсов для решения имперских задач. 9 ноября 1805 года он писал Ибрагим-хану Карабахскому: «Так как я с Ширванским Мустафа-ханом не могу дойти до желаемого конца переговоров, то может быть потребно будет ему показать Российскую силу, и для того прошу ваше превосходительство приготовить хотя до 1000 человек конницы для присоединения к отряду, имеющему быть мною предводимому, и приготовить так, чтобы по присылке от меня письменного уведомления она могла тотчас выступить в поход и соединиться со мной; только нужно иметь воинов хорошо вооруженных, а не для грабежа мужиков, кои только в тягость послужат при сражении. Нужно также, чтобы не Ханлар-ага ими командовал, ибо молодой человек без опыта, хотя с храбростью, не может пользы принести при сражении, а он может быть под командой его превосходительства Мехти-аги. Провианта иметь на месяц и таковым же снабдить майора Лисаневича, долженствующего по крайней мере с 150 егерей и двумя пушками соединиться со мной...»^[649] Необходимость использования местных ополчений объяснялась еще и тем, что правительство не могло мобилизовать население путем введения рекрутчины — тогдашней формы воинской повинности в России. И христиане, и мусульмане Закавказья панически боялись надевать серую солдатскую шинель и начинали бунтовать при первых намеках на это. В 1804 году Цицианову пришлось даже отказаться от упорядочения при наборе в милицию: унификация численности дружин, установление медицинских и возрастных норм,

составление списков и т. д. поставили Грузию на грань всеобщего восстания^[650].

В распоряжении Цицианова было гораздо меньше регулярных войск, чем у его преемников на посту главнокомандующего в Грузии. Но гораздо важнее то обстоятельство, что сами эти войска только начали процесс своего превращения в Кавказский корпус — уникальное явление отечественной военной культуры. «...Кавказская война не есть война обыкновенная; Кавказское войско не есть войско, делающее кампанию. Это скорее воинственный народ, создаваемый Россией и противопоставляемый воинственным народам Кавказа для защиты России...» — писал князь Д. Святополк-Мирский, много лет воевавший с горцами^[651]. Полки, действовавшие на турецкой и персидской границе, на Кубани, в Чечне и Дагестане, не просто осваивали особые приемы боя, необходимые для противостояния инициативному и маневренному противнику. Они вбирали в себя воинственный дух Кавказа, перенимали обычаи и нравы местного населения. Десятилетиями участвуя в одних и тех же операциях, они соперничали буквально во всем. Это соперничество становилось одной из главных мотиваций для солдат и офицеров. Если накануне в бою отличался, например, Куринский полк, то на следующий день все чины Кабардинского или Тифлисского полка проявляли чудеса храбрости, чтобы «не поддаться»^[652]. «...Соревнование между полками было огромное, даже между частями одного и того же полка, доходившее иногда до неприязненных отношений. Часто слышны были попреки одной части другой в том, что тогда-то 10, 15 лет назад не поддержали вовремя товарищей. Все эти предания, традиции боевых подвигов как частей, так и отдельных личностей передавались солдатам от старых служивых», — писал в своих мемуарах один из участников Кавказской войны^[653].

Представление о своем полку как о «местном племени» настолько глубоко проникло в сознание солдат, что чины полков, воевавших здесь с «ермоловских» времен, называли себя «кавказцами», а части, пришедшие на пополнение корпуса в 1840-е годы, именовали «российскими», причем последнее выражение имело откровенно презрительный оттенок. «Кавказцы» даже не считали своим долгом выручать «российских», когда те попадали в трудное положение. При этом спасение «частей-побратимов», называвшихся по местному обычаю кунаками, считалось святым делом^[654]. Такая взаимная неприязнь частей одной армии очень показательна. Люди с общим языком, религией, присягой и подданством считали это второстепенным, выдвигая на первый план в

самоидентификации принадлежность к полку. Этот процесс формирования особого духа Отдельного Кавказского корпуса заметен уже при Цицианове. Основную информацию о такого рода явлениях историк обычно черпает из воспоминаний, которые в отношении событий начала XIX столетия довольно скудны. Но и официальные документы позволяют судить о многом. То, что во время штурма Гянджи егеря не пощадили лезгин, не тронув остальных пленных, свидетельствует о своего рода «приватизации» войны, которая невозможна без соответствующих сдвигов в самоидентификации. Превратить вчерашнего мирного пахаря в инициативного и умелого солдата было непросто. Русское крестьянство было демилитаризованной средой, с полным отсутствием навыков владения огнестрельным или холодным оружием и воинских традиций. Во время народных гуляний высшим проявлением воинского духа была драка на кулаках, «стенка на стенку». Ни тебе джигитовки, ни фехтования, ни стрельбы. Примечательно, что один горец, бежавший домой из северной ссылки, уговаривал своих соплеменников продолжать сопротивление — по его верным сведениям, у царя «кончались солдаты»: на всем пути от Архангельска до Ставрополя беглец видел одних только мужиков с сохами.

Что же за люди воевали за славу российскую, кто раздвигал границы империи? Ответ на это дают, например, сведения о составе батальонов Эриванского полка. В 1803 году 1-м батальоном командовал подполковник Федор Мейендорф, немец-лютеранин из Лифляндии, не имевший на родине никакой недвижимости. Заместитель его, «подполковник на премьер-майорской вакансии» Каспер Рациус, был земляком и единоверцем своего начальника. Командир имел дворянские корни, а заместитель — сын чиновника. Из послужного списка премьер-майора Андриана Куприна мы узнаем, что этот офицер происходил из дворян, но поместья не имел. Из шести капитанов — ротных командиров — только у одного имелись крепостные — 60 душ, да к тому же не его собственные, а принадлежащие отцу. Еще один «людишек» не имел, а четверо — даже не имели на то права, поскольку были «из солдатских детей». Из девяти поручиков дворянами являлись шестеро, причем ни у одного из них не было собственности, да и их родителей-помещиков богачами назвать нельзя. В среднем за каждым числилось 37 крепостных (для установки «масштаба» напомним, что у «гоголевской» помещицы Настасьи Петровны Коробочки, которую никак нельзя назвать слишком богатой, имелось около 80 крепостных). Еще беднее оказались подпоручики — их наследство составляло менее 15 душ на одного. В батальоне состояло 42 унтера, претендовавших на выслугу обер-офицерского чина. 29 из них были

потомственными дворянами, но, во-первых, из этого числа каждый пятый — безземельный, а остальные имели в среднем по 16 душ крепостных. Еще семеро именовались солдатскими, а четверо — обер-офицерскими детьми^[655]. Последнее означало, что их отцы начали службу нижними чинами, а личное дворянство получили за ратные заслуги.

Генерал Цицианов пытался повысить эффективность действий против горцев различными мерами. Он, в частности, запретил командирам частей рапортовать о невозможности настигнуть противника. Ущерб от действий горцев главнокомандующий предложил возмещать за счет начальников, в зоне ответственности которых произошел прорыв кордонной линии. Так, стоимость казенного табуна, угнанного черкесами в 1802 году, он приказал удержать из жалованья командира Волгского казачьего полка майора Лучкина^[656]. В своих приказах по корпусу Цицианов обрушился на офицеров Казанского мушкетерского полка, которые, вместо того чтобы научиться эффективно действовать против горцев, в совершенстве овладели мастерством писать пространные реляции. Из жалованья подполковника Астафьева было приказано вычесть стоимость 1700 патронов, выпущенных казанцами «в белый свет как в копеечку» во время налета чеченцев, которые буквально из-под стен Владикавказа угнали большой табун^[657]. Полкам на Кавказе приходилось отказываться от многих уставных положений, выработанных в войнах «европейского» типа. После объявления тревоги, например, осенью 1802 года Севастопольский мушкетерский полк, расположенный на Лезгинской линии, занялся, «как положено», проверкой наличия солдат. Продолжительность этой процедуры оказалась достаточной для того, чтобы горцы угнали весь полковой скот^[658].

Шефу 17-го егерского полка полковнику Карягину по поводу частого бегства арестантов Цицианов писал: «Все сие заставляет меня быть в полной уверенности, что ни офицеры, ни солдаты не читают артикула воинского устава о важности караулов и часовых. Ненаказанность за столь величайшее преступление довершает расслабление, и для того предписываю вашему благородию приказать читать оные перед ротами каждые праздничные и воскресные дни и заставлять не только солдат оные слушать, но и чтобы все офицеры были при оном; а после офицеров молодых и неосмысленных ребят, коих у вас довольно, испытывать, — знают ли и помнят ли читаемое. Ибо если ваше благородие не будете помышлять о том, что офицеру знать надлежит, то офицеры будут причиной вашего несчастья по службе, которую вы так давно продолжаете

с честью»^[659]. Цицианов терпеть не мог пустословия. 27 августа 1805 года он писал Лисаневичу: «Я и прежде знал, что поход ваш окончится не к славе русского оружия, что кончится реляцией и извещением об уходе вашего неприятеля. Какая же польза от вашего похода? Бедные солдаты! Сколько им мучений от сих пустых походов! Да и дождутся того, что их не будут бояться карабагские жители, как Баба-хана, ушедши в горы, и об них будут думать, что они боятся гор, не ведая, что сие произошло от лишней осторожности начальника»^[660]. А его письмо тому же Лисаневичу от 9 января 1806 года выглядит совсем грозно: «Если ваше высокоблагородие не изловите Мирзу-бека и Фези-бека силой или деньгами, то не избежите военного суда, коему я вас предаю, по власти мне дарованной»^[661].

Полковник Карягин просил Цицианова прислать медика для выявления причин высокого уровня заболеваемости штаб-квартиры полка в селении Мигры. Ответ Цицианова был жестким: «Представляю собственному вашему усмотрению: 1-е) не вы ли виноваты, что все лето солдаты употребляли колодезную воду, которая признана медицинскими чинами вредной, и что сакли протекают во время дождя; 2-е) не на вашем ли единственно ответе, что нечистоты в крепости повсеместно; 3-е) кто иной отвечать должен, что больные лежат на полу без постелей и положенного одеяния, и, наконец, 4-е) ужели вы лишены способов запастись для больных дров?»^[662] Весной 1804 года у того же Карягина буквально из-под носа горцы угнали всех полковых лошадей. По тексту письма Цицианова от 13 мая 1804 года можно заключить, что генерал с трудом подбирает выражения: «...с крайним неудовольствием читал, что вверенные вашему полку казенные, офицерские артельные и партикулярные также артиллерийские и казачьи лошади угнаны лезгинами, не только из-под форпостов (ежели были они, как вы пишете), но из-под стен форштадтских и из рук, почти прикрывавших табун. И тогда, когда их было не более 20 человек, а вы имели в команде 130 казаков. После такого происшествия имею я причину опасаться, что вас самих изнутри крепости злодеи увлекут. Повторяю — вас увлекут, получив не один же раз успех над вами к стыду вашему и ваших подчиненных. Репрессалию сделать вам позволяю, но с тем, чтобы она с верностью (на успех) устроена была и чтобы больше не осрамиться. Осторожность военная, распоряжения войск, повиновение подчиненных должны быть основаниями сего предприятия, и чтобы не было несчастья какого от своевольного поступка какого ни есть поручика или капитана, а еще менее, чтобы не было погони, какие вы уже два раза строили, по 60 верст гнали и не догнали. При всем том лошадиного табуна

не дадут, а прочим скотом скоро ли вознаградится потеря 300 лошадей?» Прошло время, генерал поостыл и уже писал о досадном происшествии в «конструктивном» плане: «Если бы перед сим табун полковой из форштадта выходил с военной осторожностью, т. е. с передовым разъездом, и после объезда города патрулями, а не так, как в Твери, с одними извозчиками (пастухами. — В.Л.), то он не был бы отбит»^[663]. От дисциплинарного наказания, а быть может, и от суда оплошавшего полковника спасло только его личное мужество, неоднократно проявленное в боях. На Кавказе военные заслуги являлись своего рода индульгенцией. Прапорщик Навагинского пехотного полка Нямятов «начудил» по меньшей мере на лишение чинов и дворянства: в пьяном виде бросил караул, следствием чего стал угон скота горцами; сам приехал во Владикавказ, где катался на извозчике в сопровождении шарманщика. Финальный аккорд — скандал в квартире полкового командира «с произнесением ругательств, относившихся к полковому командиру и бывшим у него на вечере офицерам». Суд учел, что Нямятов совершил все эти деяния «не по злобе или обдуманному плану, а в нетрезвом виде до самозабвения». Главным же оправданием стала храбрость, известная всему гарнизону. Офицера продержали под арестом шесть месяцев, перевели в другую часть и лишили полугодового жалованья^[664].

От взора Цицианова не ускользали никакие мелочи армейского быта. В одном из приказов он опять же выговаривал своему любимцу Карягину: «Удивляюсь безмерно вашей беспечности, с какою командуете вы полком. Я нашел здесь на солдатах вверенного вам полка шинели в лоскутьях, и в одной подкладке в локте солдаты стоят на часах в холод. Буде вы будете опираться на сроки, то я велю нарядить следствие, а между тем предписываю вашему благородию на 15 человек на препровождаемом списке означенных через неделю были непременно построены новые во отвращение всеподданнейшего моего о том Государю императору донесения»^[665]. Одним из приемов при дезертирстве был уход из строя под предлогом естественных надобностей. Солдат удалялся в укромное место, а потом скрывался в неизвестном направлении. Цицианов напомнил командиру, рапортуящему о побегах, что следует при «справляющих нужду» солдатах оставлять надежного унтер-офицера^[666].

Строго взыскивая за промахи, Цицианов одновременно проявлял внимание к своим сослуживцам, стремился, чтобы его подчиненные не чувствовали себя обойденными наградами. Так, в рапорте на высочайшее имя от 5 августа 1805 года главнокомандующий ходатайствовал о

выражении всем участникам похода к Араксу царского благоволения. Он просил также о награждении майора 7-го артиллерийского полка Вреде орденом Святой Анны 2-й степени. Этот штаб-офицер действительно обеспечил быстрый марш отряда Цицианова на помощь Карягину. Дело в том, что батарея, пришедшая из Тифлиса, имела не конные, а воловы упряжки! Ни о каком скором продвижении речи быть не могло. Вреде же сумел за два дня найти нужное количество пригодных лошадей. Отмечая расторопность артиллеристов и их огромный вклад в достижение победы над персидскими войсками, главнокомандующий обратил внимание на явную обделенность наградами представителей этого рода войск. По этому поводу Цицианов писал императору: «...Когда во всех полках, в здешнем краю находящихся, производство в обер-офицерских чинах весьма скорое, то 7-го артиллерийского полка поручик Харламов, отличный по своей храбрости и во всех случаях с ожидаемым успехом употребляемый, уже 11-й год служит в одном чине, да и сверх его еще 3 офицера старше его в оном же полку, находятся по 11 лет в одних чинах, хотя теперь можно сказать утвердительно, что теперь и во всей армии едва ли кто-нибудь остается 10 лет в одном чине без производства; а потому самая справедливость без всякого пристрастия налагает на меня обязанность, прибегнув к неизреченному Вашего императорского величества милосердию, всеподданнейше испрашивать сказанному поручику Харламову, как отлично храброму офицеру и мною замеченному с хорошей стороны, повышения чином...» В том же рапорте князь отмечал подвиги подпоручика Нарвского драгунского полка Донцова, погибшего, «с мужеством защищая от многочисленного неприятеля вверенный ему для препровождения транспорт», и прапорщика того же полка Платковского [667].

Цицианов понимал, что для успешных действий в зимних условиях уставное обмундирование решительно не годилось. Он приказал для отряда, который двинется зимой через перевалы на Эривань, «...запасти войлоков, чтобы сделать коты или кенги сверх сапог, и велеть полушубки расширить и подлиннее коли можно сделать, дабы можно было сверх кафтана надеть полушубок и им закрыть ляжки, а сверх шинель, а сверх тесак и суму...» [668].

Печальный опыт с переводом 15-го егерского и Севастопольского полков из Крыма прямо в район интенсивных боевых действий показал, что необходим процесс адаптации войск к местным условиям. Поэтому Цицианов предлагал сначала размещать новоприбывшие войска на

Кавказской линии, тем более что там снабжение продовольствием и фуражом оказывалось гораздо более легким делом, чем в Закавказье, а затем, по мере надобности, эти уже адаптированные к местным условиям части переводить в Грузию, замещая полки, предназначенные для боевых операций и размещения в «новопокоренных» крепостях^[669].

На пространстве между Черным и Каспийским морями враг мог появиться неожиданно. Поэтому здесь царила атмосфера постоянной тревоги. Боевые действия, как правило, развивались по одному и тому же сценарию: стремительные налеты горцев с изнурительной и почти всегда безуспешной погоней. Вот картина одного из «типичных» боев на реке Алазань. Около трехсот лезгин напали на 20 солдат, возвращавшихся с лесозаготовок. Солдаты успели укрыться в каменной башне и продержались до подхода подкрепления — двух рот с пушкой, при появлении которых противник отступил. После боя один из офицеров поскакал впереди части к месту расквартирования, но по дороге был перехвачен горцами и изрублен^[670].

Солдатам и офицерам приходилось учиться не только лазать по кавказским кручам, но и налаживать отношения с союзниками, действительными и мнимыми. «Мирный» князь Рослаббек Мисостов, имевший чин полковника русской службы и числившийся в списках лейб-гвардии Казачьего полка, сообщил о сборе больших сил горцев и посоветовал русскому отряду перейти на другую сторону Кубани. Во время переправы с плота сорвалась пушка. Чтобы поднять ее со дна, были отправлены сотня казаков и взвод егерей, а остальной отряд двинулся дальше, поскольку Мисостов пообещал обеспечить безопасность «спасателей». Когда же солдаты и казаки занялись работой, кубанцы набросились на них и перебили. Майор Пирогов попросил помиловать его, но Рослаббек велел ему раздеться, после чего уздени Рослаббека изрубили офицера на куски. Спаслось только 12 солдат, сумевших справиться с течением бурной реки^[671]. Свой поступок князь объяснил тем, что от руки русского солдата пал его племянник, проходивший курс обучения «наездничеству», или, попросту говоря, грабежу. Вообще с коварством приходилось иметь дело на каждом шагу. Провиант даже от союзников приходилось принимать в зерне, поскольку «мнимые друзья» нередко примешивали в муку размолотые ядовитые зерна хлопчатника, что приводило к отравлениям^[672].

Понятия «коварство» и «военная хитрость» нередко являлись на Кавказе синонимами. Генерал Глазенап решил запугать кабардинцев видом

большого отряда, явившись на переговоры во главе нескольких пехотных батальонов при артиллерии. Для этого ему пришлось ослабить гарнизоны почти по всей линии. Горцы две недели переливали из пустого в порожнее, а тем временем их «немирные» собратья, пользуясь удобным случаем, хозяйничали на «русской» стороне Кубани. Только когда до генерала, наконец, дошло, что его оставили в дураках, он приказал разорить несколько аулов и тут же добился согласия кабардинцев на все условия^[673].

Само по себе отступление при непосредственном соприкосновении с противником являлось очень опасным маневром, особенно во времена линейного строя. Перестроение из походного порядка в боевой требовало значительного времени, а колонна, застигнутая на марше, не имела шансов на отражение атаки даже гораздо меньшего по численности противника. Отступление же в форме каре, цепи или «колонны к атаке» происходило крайне медленно, не могло продолжаться долго и оказывалось совершенно невозможным в ночных условиях, в лесу и на пересеченной местности. Даже арьергард не являлся в такой обстановке надежным средством защиты основных сил. Самыми действенными приемами были штыковой удар пехоты и движение конницы сомкнутым строем. Но при отступлении всей армии вектор атаки арьергарда оказывался противоположным направлению движения основных сил. Батальоны и эскадроны, оставленные в качестве заслона, были крайне скованны в своих действиях, поскольку рисковали попасть в окружение. Более того, их стремление дать решительный отпор нападающему противнику могло привести к образованию разрыва между арьергардом и остальной армией, куда легко вклинивались вражеские войска. Эту проблему отчасти можно было решить только с помощью плотного ружейного огня, державшего врага на почтительном расстоянии, но в начале XIX века это было еще невозможно. Именно этим во многом объясняется феномен «навязывания» сражения: как только одна армия оказывалась в непосредственной близости от другой, ей очень непросто было отказаться от лобового столкновения.

Наличие пушек и опыт решительных штыковых атак во многих случаях нейтрализовались особенностями местности. Дороги в горах обычно тянулись или по дну ущелья, или по одному из склонов. Пехота, попав под огонь стрелков, засевших на противоположном склоне, не имела возможности отогнать их штыковым ударом. Орудия в таких случаях было трудно развернуть жерлом к противнику, поскольку для того требовалась более или менее ровная площадка шириной в три-четыре метра. Кроме того, в горах противник моментально укрывался в так называемых мертвых зонах, куда ни ядра, ни картечь попасть не могли. Проблемой являлась и

доставка боеприпасов, поскольку один пушечный заряд весил около шести килограммов. Однако, несмотря на то что таскать орудия по горам было делом непростым, солдаты не роптали и шли на любые жертвы, чтобы их сохранить. Картечные залпы позволяли останавливать стремительные атаки противника, давать достойный ответ дальнобойным винтовкам горцев, засевших в завалах и других укреплениях. В европейской войне канонирам нечасто приходилось вступать в рукопашную схватку, поскольку внезапные нападения на батареи являлись исключением из правил. На Кавказе часто не пехота прикрывала пушки, а канониры картечными выстрелами в упор сдерживали противника, наседавшего на колонну. «Сколько было примеров... что артиллеристы, брошенные оробевшим прикрытием, банниками и пальниками отбивали атаки горцев и отстаивали свою позицию до конца, честно умирая у своих орудий, хотя могли бы на своих лошадях опередить бросившую их пехоту. Порывшись хорошенько в истории кавказской пехоты, нетрудно отыскать моменты, щекотливые для нее»^[674]. По мнению Цицианова, наиболее удобным артиллерийским орудием для действия в горных условиях был трехфунтовый единорог, который при снятии колес могли переносить четыре человека^[675].

Дальние походы затруднялись состоянием дорог. На подъемах пушки и обозные фуры выматывали солдат. Впрочем, на спусках они тоже требовали немалых усилий, поскольку надо было их «одерживать» во избежание падения в пропасть. После дождей многие участки дороги превращались в непролазные топи, поскольку вода смывала с окрестных склонов мелкие частицы почвы и «складировала» их на дне долин. В период паводков ручьи и речушки становились мощными потоками, форсирование которых было очень непростым делом. Враждебность населения и даже его уклонение от сотрудничества усиливали воздействие неблагоприятных природных условий. «Жители, на которых лежала обязанность оберегать переправы и содержать на них перевозчиков, исполняли кое-как свои обязанности, пока войска находились вблизи. Вслед за удалением их они сами разбегались и уносили сверх того канаты, доски и всё железо, находившееся на паромах, — вспоминал один из офицеров. — Строить на каждой переправе посты и занимать их командами было бы затруднительно и дробило бы войска, а оставлять по несколько человек для присмотра за туземными перевозчиками было опасно»^[676]. Проведение организованных боевых операций чрезвычайно затруднялось ограниченными коммуникативными возможностями: «Войска, вообще имея трудные между собой сообщения, не в состоянии

были производить движений быстрых, соединяться скоро... Движение тягостей, следовательно продовольствия, никогда не определяется верным расчетом. Сверх того, в летние три месяца по причине чрезвычайных и несносных жаров, понуждающих самих природных жителей удалиться в горы, во всех по положению низменных местах переходы войск совершенно невозможны», — писал Ермолов^[677].

Жесткая муштра солдат, обычно определяемая как жестокость, вовсе не была таковой. Воспитание настоящего солдата включало в себя доведение боевых навыков до автоматизма. Перестроения были важнейшим элементом военной технологии, поэтому им придавалось такое большое значение. В Кавказской войне требовался принципиально иной автоматизм, непригодный в европейской войне. Вместе с навыками «кавказского» метода войны солдаты воспринимали и местные обычаи, в частности грабеж занятых аулов. Во многом это объяснялось недостатками снабжения: интендантская система практически отсутствовала, а разного рода компенсирующие механизмы (солдатская артель, полковое хозяйство) в условиях Кавказа работали слабо. Заразительно действовал на войска корпуса и пример местных милиций. Так, во время похода генерала Гулякова на Белоканы «не было возможности воздержать храбрых грузин, воспаляемых мщением за семидесятилетние претерпеваемые от лезгинов грабительства, от древнего азиатского обычая превращать селения в развалины и предавать все мечу и огню»^[678].

Все элементы военного дела народов Северного Кавказа являлись частью их быта, определялись географическими условиями края, его экономическим и социальным укладом. Адыги, дагестанцы и чеченцы по сути не обучались владению оружием и тактике, как это делали их европейские противники, они вырастали в среде, где эти навыки являлись столь же естественными, как умение оседлать коня, построить жилище, засеять поле и убрать урожай. Поэтому в родных горах и лесах они сразу получали преимущество над солдатами, в обучении которых немалую роль играли искусственные тактические схемы, порожденные магией цифр и геометрических фигур. Военная организация горцев Северного Кавказа была малоуязвима для европейского силового воздействия, поскольку обладала неисчерпаемыми ресурсами регенерации. Высокая психологическая устойчивость воина-горца объяснялась также тем, что он мерил своего противника собственными мерками. Кавказские народы не могли осознать в полной мере мощи своего противника и потому не боялись его. Для джигитов затерянного в горах аула одна из величайших

военных машин в мире выглядела только небольшой группой людей в шинелях, которые не сильны в единоборстве и берут верх только за счет своей сплоченности и упорства.

В среде горцев сочетание института кровной мести и сильных родовых связей породило такое явление, как абречество: выделение из горского социума индивидов, которые по разным причинам оказывались вне традиционной системы общепринятых отношений. В большинстве своем это были изгнанники или просто люди, не способные ужиться в традиционном обществе с его довольно жестким социальным контролем. Этим людям не сдерживали в их действиях интересы общин, старавшихся без крайней нужды не вступать во враждебные отношения с другими общинами; сами они оказывались вне защиты своих сородичей. Этим, а также выработавшейся за время абречества привычкой нарушать все законы объясняется их исключительная агрессивность, которая, будучи помноженной на изощренные боевые навыки, делала этих людей самыми опасными противниками.

«Горцы пользуются длинным ружьем с албанским прикладом, которое они носят через плечо в шерстяном чехле или завернутым в барсучью шкуру; пользуются они и саблей с рукоятью из серебра, слоновой кости или простой кости, без эфеса, снабженной, как нож, ножнами, которые, украшенные галунами, сделаны из нескольких кусков разноцветного сафьяна — у богачей, с медными ножнами — у простого люда, — писал один из этнографов-иностранцев. — Эту саблю (шашку) также носят через плечо на ремнях, имеющих серебряные украшения. К узкому ремню на поясе они прикрепляют кинжал, нож, огниво, маленький кожаный мешочек с пулями, другой мешочек — с кремнями и другой мелочью, коробочку с салом или маслом, чтобы чистить оружие; маленький рог с мелким порохом они вешают на веревке себе на шею и бережно хранят в кармане, пришитом на груди ниже кармана для патронов. Они содержат оружие очень чистым, даже если не пользуются им, так как, постоянно чистя и натирая его костным мозгом, они тем самым предохраняют его от ржавчины... Шомпол их ружья — из твердой древесины с железным наконечником — они заворачивают в тряпицу, которой чистят ружье после каждого выстрела. Они точно рассчитывают заряд в соответствии с качеством пороха, сыплют его, то есть порох, не заворачивая; порох прижимается в ружье пулей, соответствующе диаметру ствола, в котором пулю удерживают два выступа, пересекающиеся снаружи. Жители Кавказа никогда не снимают кинжал и носят его даже у себя дома. Кинжал — излюбленное оружие этих народов... Также иногда горцы носят пистолет,

помещая его за поясом на спине. Черкесы, кабардинцы, так же как и богатые лезгины, носят кроме ружья и пистолета кольчугу, небольшой шлем, железные наладонники и нарукавные повязки. Когда они выезжают верхом на торжества или в гости, то князья берут также свой лук и колчан со стрелами. Их кольчуги обычно очень дорогие; и говорят, что среди них есть настолько искусно сделанные, что для испытания их ладят на теленка и стреляют по нему из пистолета, заряженного пулями, в результате чего животное испытывает только легкий толчок. Во время военных действий они надевают под эту кольчугу ватную одежду, благодаря упругости которой пули отскакивают еще лучше... Горцы изготовляют оружие сами, а кубачинские оружейники — наиболее известны. Так как кремень встречается у них в горах редко, они покупают его у русских. А порох большинство горцев делают собственноручно. Седло у горцев маленькое и узкое, но очень удобное, когда к нему привыкнешь; оно сделано так, чтобы никогда не причинять боль лошади, ибо оно не касается ни ее позвоночника, ни загривка (холки). Поверх деревянного седла кладут несколько круглых кожаных подушек с галунами; стремяна у них плоские и узкие, а употребление шпор им совершенно неизвестно»^[679].

*

В январе 1803 года в Тифлис пришло известие о том, что весной готовится массированный набег белоканцев под предводительством беглого царевича Александра на Кахетию. Сообщалось о том, что грузинские дворяне бежали в его стан и к ним намереваются присоединиться джарцы, а также джигиты из районов, отделенных от Кахетии Главным Кавказским хребтом. В то же время из не менее надежных источников поступила информация о готовности некоторых родов подчиниться коронной власти и даже выдать царевича Александра. Выяснить действительные намерения беспокойных соседей главнокомандующий решил довольно оригинальным способом: он приказал генерал-майору Гулякову распустить слух о готовящемся походе русских войск на Джары и Белоканы. Цицианов предполагал, что встревоженные лезгины обратятся с вопросом о причинах неприязненных действий и тогда Гуляков потребует от них выдать царевича Александра. Цицианов был настолько уверен в подобном развитии событий, что даже составил подробное предписание: куда и как конвоировать важного пленника^[680].

Однако лезгины не стали действовать по составленному им сценарию. Поэтому Цицианов отправил за реку Алазань корпус генерала Гулякова, чтобы тот на месте изучил обстановку, подыскал удобные места для возможного размещения фортов, которые стали бы опорными пунктами в этом беспокойном регионе. В качестве «программы максимум» рассматривалось склонение местных жителей к согласию на размещение гарнизонов в аулах Белоканы и Джары и выдаче «мятежного» Александра. В инструкции главнокомандующего говорилось о необходимости соблюдать осторожность и по возможности не провоцировать лезгин на открытое столкновение: «Буде вы встретите большие затруднения, влекущие за собой большую потерю, то не отваживаясь на какой-либо штурм, действие пушек над городом может быть успешнее всего, и хотя российские войска не обыхли отступать, но должность военного начальника обеспечить тыл свой, дабы не быть отрезанну; впрочем, от успеха сего дела зависит слава оружия Его императорского величества, с нею вместе и ваша собственная, сопровождается наградой, а для здешнего края спокойствие, польза и богатство. Сверх того всемерно воздержать грузинцев от грабительства деревень, а нашим строго воспретить, поелику оная провинция назначается к подданству Российскому, а по той причине лучше иметь не разоренную, нежели ограбленную, и чтобы оным не ожесточить жителей». Контроль над Джаро-Белоканской областью мог заметно улучшить военную ситуацию на границах Грузии, ибо не только ее восточная часть, Кахетия, защищалась от нападения беспокойных соседей, но и более безопасной становилась жизнь в южных уездах. Дело в том, что горцы Дагестана пользовались этой территорией для своих рейдов на турецкую территорию, в район Ахалцыха и Ахалкалаки, откуда они совершали набеги на густонаселенные и богатые грузинские села. Если бы дорога через Джары оказалась для них закрытой, им пришлось бы совершать более трудный и длинный путь через Карабахское ханство.

Лезгины узнали об экспедиции, и когда отряд Гулякова (1500 пехотинцев, 200 казаков, 8 орудий, 500 человек конной и 4000 человек пешей грузинской милиции) подошел к броду Урдо на Алазани, на противоположном берегу было сооружено земляное укрепление. Не желая форсировать реку под огнем, Гуляков по совету местных дворян переправился в другом месте. На подступах к Белоканам лезгины устроили засеку, но штыковой удар Кабардинского полка — ставшего впоследствии своеобразным спецназом Отдельного Кавказского корпуса — заставил их отступить. Наступление русского отряда было таким стремительным, что горцы не сумели организовать оборону самого селения Белоканы, которое

подверглось полному разгрому грузинской милиции. Гуляков даже не пытался остановить грабеж: во-первых, трудно было удержать от мести людей, которые десятилетиями страдали от набегов горцев, а во-вторых, для охраны селения было необходимо войти в лабиринт его улочек, где терялись многие преимущества русского штыка. Такой маневр в непосредственной близости от десятитысячного лезгинского ополчения был очень опасен. Поэтому регулярные войска заняли позиции на возвышенности возле Белокан, откуда взирали на все происходящее.

Узнав об успешном начале операции, Цицианов приказал потребовать от лезгин присяги на подданство, выплаты дани и выдачи царевича Александра. Эти требования смягчались обещанием не вмешиваться «в их образ правления» и амнистией мятежному царевичу. Нухинский Мамед-Хасан-хан под впечатлением разгрома белоканцев предложил сыграть роль посредника в мирных переговорах. В ответ он получил письмо, которое можно рассматривать как послание главнокомандующего всем владельцам Северного Кавказа. 21 марта 1803 года Цицианов поставил свою подпись под следующими словами: «Не входя в дела предместника моего, который, за слабое управление и защищение Грузии, отозван в Россию, скажу вам о себе, что я прислан сюда... дабы царство грузинское, присоединенное к обширным областям Российской империи, поставить не только в безопасность, но и в надлежащее уважение от соседственных народов и владельцев... Небезызвестно вашему высокостепенству, что Джары и Белаканы, издревле принадлежавшие царству грузинскому в течение 80-ти лет, не преставали делать набеги, хищничества и разорения здешним жителям. Поэтому и положил я за правило... *или усмирить, или истребить их с лица земли...* Дабы пощадить бесполезное пролитие крови человеческой, согласен я дать Белаканам и Джарам мир и тишину... на нижеследующих условиях, которые без малейшего отлагательства должны быть приведены в исполнение. Если же в течение нескольких дней не воспоследует на сие ожидаемого успеха, то дал я предписание войску делать, что надлежит... Но в заключение сего объявить я должен, что всемогущий и Великий Государь мой Император указать соизволил: союзным, преданным, приязненным соседям оказывать благоволение, защиту и покровительство, а врагов истреблять силою непобедимого российского оружия»^[681].

Цицианов ясно представлял невысокую эффективность карательных экспедиций. В приказе генералу Гулякову от 12 марта 1803 года он писал по этому поводу: «Не воспользоваться же сею победой (разгромом Белокан. —В. Л.) походило бы на лезгинское впадение (набег. — В. Л.), ибо ваше

превосходительство согласитесь без сомнения со мною, что слава оружия состоит в том, чтобы взятое не отдавать и побежденным предписать законы. Сие впадение нужно было для обеспечения границы, и буде мы там твердой ноги не поставим, то они там отдохнут и славные деяния вашего отряда не будут иметь желаемого следствия»^[682]. Нухинский хан явился с большим войском, намереваясь помочь джарцам, но поспешно ретировался, не принимая боя. Это окончательно надломило упорство лезгин, и они согласились платить ежегодно дань шелком (220 пудов), выдать аманатов, не помогать дагестанцам и царевичу Александру, не стеснять грузин «в свободном отправлении христианской веры». Одновременно русские отказались от идеи размещения гарнизонов в Белоканах, довольствуясь строительством форта у стратегически важного брода Урдо. Гуляков без боя занял селение Джары, где он «употребил всю строгость военной дисциплины для воздержания грузинского войска от грабительства». Далее он сделал еще один миролюбивый жест — отвел войска на берег Алазани. Цицианов приказал построить дополнительно два укрепления в долине этой реки — в урочищах Царские Колодцы и Карагач. Выбор места оказался правильным — до конца имперского периода в этих пунктах располагались штаб-квартиры полков.

Император Александр I в рескрипте князю Цицианову от 18 мая 1803 года писал: «Удовольствие мое за возвращение сей древней собственности царства грузинского ныне оружием Российским, паки к оному присоединенной, тем для меня приятнее вам изъявить, что благоразумным распоряжением вашим учинено сие завоевание с столь малой с нашей стороны потерей и предупреждена гибель людей и разорение их селений. Я надеюсь, что грузинские войска будут впредь воздерживаться от свирепства, овладевшего ими при взятии Белакан, и что научатся они от Россиян, новых их соотчичей, поражая воюющего неприятеля, миловать его по покорении»^[683]. Ни царь, ни князь Цицианов не знали тогда, что в скором времени не местная милиция воспримет милосердные правила поведения, а регулярные войска сделают разорение горских аулов главным видом боевых операций, не воздерживаясь при этом от «свирепства».

Экспедиция в Джаро-Белоканскую область произвела сильное впечатление на соседей. В «Актах Кавказской Археографической комиссии» напечатано письмо влиятельного дагестанского владетеля Сурхай-хана к генерал-майору Орбелиани (без даты, около 1803 года), в котором Сурхай-хан «на равных» разговаривает с представителем коронной власти: «Русский император, вероятно, вам приказал сражаться с

джарцами, водвориться в их землях и соорудить на них укрепления, но я объявляю вам, что Джар не разнствует с моим владением; я готов принести за джарцев жизнь и имущество; я прибыл сюда потому только, что не признаю их подданными вашего падишаха. Если вы желаете себе спокойствия, то выведите своих солдат из этого владения на ту сторону Алазани, тогда между нами не будет столкновений, иначе я покоя не дам вашим людям в этой стране. В моих словах заключается собственная ваша польза»^[684]. Этот документ — яркое свидетельство «принципа домино» в развитии того, что назвали Кавказской войной: покорение одной области обостряло отношения с соседними владельцами и ставило вопрос уже о их умиротворении.

После формального включения земель джарских лезгин в состав Российской империи в полный рост встал вопрос о судьбе ингелойцев, этнических грузин, вынужденных принять ислам и являвшихся фактически бесправными арендаторами на землях, ранее им принадлежавших. Пока позиции коронной власти на этой территории не полностью утвердились, правительство не торопилось с решением этого вопроса, поскольку не желало тем самым толкать лезгин в лагерь противников. Только в 1830 году согласно статье 7-й «Правил для управления Джарской и Белоканской областью», утвержденных главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом И.Ф. Паскевичем, ингелойцы были избавлены от произвола мусульманских владельцев. Достигалось это четким определением размеров податей, разрешением личного освобождения и переселения в Грузию с оставлением недвижимости прежним владельцам. Арендатор мог также выплатить десятилетнюю сумму, после чего освобождался от всякой зависимости от бывшего владельца. Один из пунктов указанных «Правил» гласил: «В заключенном в 1806 году с джарцами мирном трактате, по 9-му пункту, они, между прочим, обязались Али-абадские грузинские деревни (Ингелой) оставить свободными в отправлении христианской веры и в богослужении не чинить никакого препятствия, но против того джарцы, притесняя поработанных ими грузинских крестьян в свободном отправлении христианской религии, воспретили им строить церкви и даже принимать к себе христианских проповедников, по каковым утеснениям ингелойцы, быв прежде христианами, мало-помалу впали в заблуждение мухаммеданства, — а потому учредить между ними свободное отправление веры и богослужения христианской религии и вызвать ныне же, по сношению с экзархом Грузии, достаточное число священников, как для отправления обрядов богослужения, так и для обращения желающих в православную веру, и к сему оказывать со стороны правительства

всевозможное средство и покровительство».

Условия договора с джарскими лезгинами были нацелены прежде всего на обеспечение безопасности восточных рубежей Грузии — отказ от помощи горцам, готовящим набеги, и прекращение контактов с мятежным царевичем Александром. Кроме того, предполагался обмен пленными (в ходе которого лезгины обязывались выкупить у чеченцев полковника Дельпоццо). Взамен российская сторона освобождала 60—100 пленных джарцев^[685]. Всего присягу приняли 27 вольных селений (5330 дымов) и 34 зависимых селения (3000 дымов)^[686]. По мнению русского командования, в 1803 году в этих селениях проживало 90 тысяч человек, тогда как сами горцы называли цифру, более чем вдвое меньшую — 40 тысяч. Какой из них верить — сказать невозможно: местные чиновники в большинстве случаев старались данные завысить, чтобы преувеличить значимость территориальных приращений и увеличить подати; туземцы же всеми способами эти данные преуменьшали, дабы эти самые подати уменьшить.

23 мая 1803 года Александр I подписал «благодарственный» рескрипт по поводу присоединения Джарской области, который не мог дойти из Петербурга до Тифлиса ранее середины июня. Однако «замирить» надолго этот район не удалось. Уже в мае 1803 года отряд горцев перебил рабочую бригаду, занимавшуюся расчисткой дороги, и прикрывавший ее взвод. Погоня, как и следовало ожидать, не дала результатов. 12 июня 1803 года возле местечка Кварели горцы перебили роту 9-го егерского полка под командованием капитана Секерина. Эта часть выдвинулась к границе, чтобы пресечь попытку отряда лезгин совершить набег на кахетинские села. Однако сведения о противнике оказались недостоверными. Секерин встретил не мелкую шайку, собиравшуюся грабить соседей, а несколько сотен воинов. Еще не зная об этом, капитан растянул свое малочисленное войско в стрелковую цепь, которая не смогла устоять перед напором превосходящего противника^[687]. После того как пули сразили офицеров, нижние чины «смутились» и были порублены противником, многократно превосходившим их по численности. Преследование, организованное генерал-майором Орбелиановым (Орбели), оказалось бесплодным. При расследовании обстоятельств этих событий обнаружилось, что сами джарские лезгины в набеге не участвовали, но пропустили через свои земли отряд из другого района Дагестана, хотя по условиям заключенного с ними договора не должны были этого делать. Эта трагедия стала последней каплей. К тому времени выяснилось: вместо представителей знатных семей в заложники-аманаты были отданы люди без роду и племени, которых

горцы не торопились выкупать.

Цицианов был вне себя от гнева, о чем свидетельствует его послание джарцам от 23 июля 1803 года: «Неверный народ! Бесстыдные люди! Долго ли вы будете от меня требовать невозможного? И желаете невыполнением одной из статей постановления, прося и беспокоя меня... Неужто думаете вы затем в подданство Великого нашего Государя Императора приняты, чтоб не держать слова данного? Вы должны выкупать ясырей и до сих пор не выкупаете, всё откладываете и еще смеете просить увольнения от оного! Неужто вы забыли, что вы 80 лет бедную Грузию разоряли и брали то, что хотели, а не по 100 рублей. Короче сказать, вы если через месяц не выкупите, то увидите, что я сделаю и с ясырями, и с вами. Я презираю дагестанских мулл, которые за вас российских подданных ходатайствуют, и оставаться будут без моего ответа, как и сей просивший за вас. Кто силу в руках имеет, тот со слабыми не торгуется, а повелевает им»^[688].

То ли это послание не дошло до адресата, то ли горцы не поняли, что князь действительно сердится, — они не только не покаялись, но и совершили новый набег и угнали лошадей казачьего полка. Цицианов понимал, что карательная экспедиция была очень некстати в период подготовки похода на Гянджу, и потому попытался добиться покорности не мечом, а пером. В следующем послании он потребовал от джарцев не только вернуть похищенное и не пропускать впредь через свои земли дагестанцев, но и выплатить дань: «...Еще раз повторяю, чтоб опомнились, доколе я меча не вынул, и тогда говорю, что вы не возвратитесь более в землю, где родились, где предки ваши погребены, где сродники ваши вас воспитывали; не увидите вы домов своих, которые были спокойной вашей жизни убежищем». Ответ носил издевательский характер: ссылаясь на бедность, горцы отказались платить дань натурой (шелком) или деньгами. Тогда князь отправил третье, последнее письмо — своего рода шедевр военно-литературного жанра: «...Вижу, вы не чувствуете моей жалости к пролитию вашей крови реками и к лишению вас домов ваших и имения; ждите время, соберите всех дагестанцев и готовьтесь перемерзнуть в снегу между гор, буде стоять (обороняться. — *В.Л.*) устрашитесь. Не обманете вы меня другой раз, истреблю вас с лица земли, и не увидите вы своих селений; пойду с пламенем по вашему обычаю, и хотя русские не привыкли жечь, но спалю все то, что не займу войсками, и водворюсь навеки в вашей земле... Знайте, что, писав письмо к вам неблагодарным, кровь моя кипит, как вода в котле, члены все дрожат от ярости. Не генерала я к вам пошлю с войсками, а сам пойду, землю вашей области покрою кровью вашей, и она покраснеет, но вы яко зайцы уйдете в ущелья, и там я вас достану, и буде не

от меча, то от стужи поколеете. Дагестанцы же, которых вы составили зимовать, будут свидетелями тому и также помрут; вы хлеб увезли в ущелье, но со смертью своей его есть будете...»^[689]

Жители Джаро-Белоканской области даже не думали платить установленную дань и не только не препятствовали отрядам дагестанцев совершать рейды в Кахетию, но и сами с энтузиазмом в этих рейдах участвовали. Когда же в начале зимы 1803/04 года пришло известие, что джарцы приютили у себя большое «скопище» дагестанцев, которое намеревалось грабить Восточную Грузию, не дожидаясь, как обычно, освобождения перевалов от снега, Цицианов приказал генерал-майору Гулякову «наказать» горцев. Экспедиция в составе семи батальонов пехоты, грузинской милиции при десяти орудиях подошла к Алазани и в районе урочища Пейкаро наткнулась на лагерь противника. Сурхай-хан, командовавший горцами, надеялся на прочность своей позиции: с одной стороны лагерь был прикрыт густым лесом, с другой — излучиной реки. Однако артиллерия картечными выстрелами через реку, а пехота штыковыми ударами заставили горцев отступить к реке. Поскольку ближайший брод в районе урочища Урдо был заперт Александровским редутом, горцам пришлось при отступлении переправляться вплавь. После дождей уровень воды поднялся, и многие всадники утонули. Согласно рапорту, урон неприятеля превысил 300 человек, потери русских составили 11 солдат убитыми и ранеными.

В ночь на 10 января 1804 года русские войска перешли Алазань у Александровского редута и двинулись к селу Джары. Лезгины попытались остановить их, но вновь были разбиты. Само село было оставлено жителями. Однако когда русские войска, преследуя отступавших лезгин, вошли в ущелье, произошла «конфузия», которую граф М.С. Воронцов так описал в письме Цицианову от 15 января 1804 года: «Василий Семенович (Гуляков. — *В. Л.*), водим будучи одной храбростью, пустился со всем отрядом в такое неприступное место, что ежели бы оно было нам и знакомо, никак нельзя было в оное войти. Он по обыкновению своему опередил всех и шел вперед, не открыв места (не проведя разведку. — *В.Л.*), без фланкеров и без всего. Одни грузины были еще дальше впереди, и это была его главная ошибка, ибо лезгины только что бросились с саблями на грузин, они все побежали назад и кинулись на нас; место не позволяло никак выстроиться, так что и нас сначала было опрокинули. Василия Семеновича убили у первого орудия; я возле него был, и со мною то же бы случилось, ежели бы бежавшая грузинская толпа вместе с неприятелем не столкнула с прекрутого яра, откуда я летел и разбился бы до смерти, ежели

б не случилось упасть на других, которые до меня той же толпой были столкнуты. Как можно скорее я влез опять наверх и нашел, что наши опять стали собираться и в скором времени лезгин оттуда сбили. Как князь Дмитрий Захарович (генерал-майор Д.З. Орбелиани. — *В. Л.*), так и Алексей Алексеевич (полковник А.А. Леонтьев. — *В.Л.*) всё возможное примером и просьбами делали, чтобы солдаты не унывали. Идти вперед невозможно было, ретироваться назад тоже казалось невозможно, однако же с большим трудом отошли, не оставя ничего позади нас. Урон наш еще не известен, но убитых и раненых есть по крайней мере до 300 и много офицеров. Вчера и третьего дня все отсоветовали Василию Семеновичу туда идти; он сам почти признавал невозможность и говорил, что только хотел открыть место, но как открывать место со всем отрядом, не оставляя никакого резерва на случай несчастья? Бог знает, как мы оттуда вышли, никто из нас не думал пережить этот день. Теперь мы пришли на место лагеря и находимся в совершенной безопасности. Грузины обескуражены, наши жалеют о смерти генерала, но ничего не боятся. Их, говорят, более 7000, но на чистом месте, так как мы стоим, и 200 000 не боимся. Р. S. Снарядов, а паче патронов у нас очень мало, провианту не более как на 9 дней; отступать же не хочется, да и стыдно»^[690].

Потери лезгин были тоже велики, и потому уже на следующий день в русский лагерь прибыли представители нескольких аулов, прося помилования и соглашаясь дать присягу на верность. Цицианов понимал, что после неудачи экспедиции Гулякова трудно рассчитывать на что-то большее, и, отправив владетелям Джаро-Белоканской области несколько грозных посланий, не стал проводить новых карательных операций.

После разгрома отряда Гулякова ситуация пришла в шаткое равновесие, которое разрушилось благодаря внутренним разногласиям в среде горцев. Ряд вольных обществ (Тальское, Муханское и Джинихское) тяготились доминированием джарцев и при появлении войск под командованием генерала Орбелиани согласились возобновить присягу. То же самое поторопился сделать и Элисуйский Сурхай-хан. Вынимая саблю из ножен, он рассчитывал на прибыльный набег в Грузию, а не на длительную и разорительную войну. Быстро оценили происходящее наиболее влиятельные родовые старшины — кевхи, опасавшиеся за свое имущество. Поэтому Орбелиани удалось восстановить подданство джаро-белоканских лезгин без кровопролития на условиях отсрочки выплаты дани — 220 пудов шелка-сырца, которые джарцы под всякими предлогами поставлять отказывались. О том, что умиротворение лезгин — дело далеко еще не решенное, говорит и предписание, данное Цициановым генерал-

майору Портнягину от 8 ноября 1805 года: «...К крайнему соболезнованию моему получаю я донесения о делаемых хищническими лезгинскими партиями грабительствах и смертоубийствах под самым почти Тифлисом, как то: 2-го июня в 11 часу пополудни отбито из табуна 14 лошадей и пасшему оный человеку, причиняя много ран, отрубили руку; 7-го июля в 5 верстах от Авлабара из остановившихся на ночлег грузин с 18 подводами убили 10, да в плен взяли 20 человек, ограбив при том 4500 р. денег и 25 пар волов, а августа 18-го числа близ Гартискара найдены два убитых грузина, где тогда же переправившаяся через р. Арагву лезгинская партия, напав на следовавшие из Карталинии 6 арб, из числа бывших при них людей одного убили, а двух увлекли в плен. Вследствие чего предлагаю вашему превосходительству с получением сего тотчас для усиления Гартискарского поста откомандировать 2 роты Кавказского гренадерского полка, которые имеют пробывать там в лагерях до 1-го ноября. Во всю мою бытность в Тифлисе ни один лезгин не смел на Гартискарском посту показаться, когда была принимаема следуемая осторожность»^[691]. В том же 1805 году джарские лезгины заменили лояльного России хана другим, используя благовидный предлог: задержку с выплатой причитавшегося с него взноса, что привело якобы к просрочке общего платежа. В Тифлисе это известие было встречено с большой тревогой, так как новый хан представлялся способным объединить силы горцев. Поэтому в 1806 году была направлена новая экспедиция, при появлении которой джарцы заявили о своей готовности выполнять обещания, но как только войска ушли, о своих обещаниях сразу забыли^[692].

Генерал И.В. Гудович, назначенный после гибели Цицианова на его место, решил доказать свое превосходство над покойным «действительным» и притом бескровным (как это любил император Александр I) покорением джарских лезгин. Несмотря на все ранее достигнутые договоренности, жители этого региона и не думали отказываться от набегов на Кахетию и тем более препятствовать другим дагестанцам совершать такие походы. Посланный для их «наказания» отряд под командованием генерала Орбелиани сумел запереть горское ополчение в одном из ущелий осенью 1806 года. Поскольку время для рейда в Грузию уже прошло, а правительственные силы были достаточно велики, джарцы охотно заявили о своем раскаянии и готовности вернуться под власть России. Гудович поторопился сообщить об этом сомнительном успехе в столицу 3 декабря 1806 года: «Лезгинцы, которых атака стоила покойному кн. Цицианову 1 генерала и более 600 человек других чинов,

убитых и в пропасть попадавших, одним маневром и движением с разных сторон отрядов без потерян и одного человека, будучи заперты, пришли в робость и покоряются»^[693]. В ответ 23 января 1807 года из Петербурга полетел царский рескрипт, в котором говорилось: «Усмирение народа столь неукротимого чрез кроткие средства я признаю за успех весьма важный, поколику оный представляет собой образ поведения с пользами государственными наиболее сходственный, а потому изъявляю Вам через сие особенную мою признательность». Однако уже в мае 1807 года главнокомандующий был вынужден послать джарцам письмо с угрозами: они твердо выполняли обещание не нападать лишь когда делать это было трудно по причине непогоды, но как только появился подножный корм, а деревья оделись листвою, скрывавшей передвижения, опять занялись охотой на кахетинцев, на их скот и прочее имущество. О своем «конфузе» Гудович царю сообщить постеснялся^[694]. Окончательно контроль над этим регионом был установлен только в 1863 году, после подавления очередного восстания.

*

Следующими почувствовали на себе железную руку Цицианова осетины. Несмотря на договоренности с их старшинами о защите караванов, следующих по Военно-Грузинской дороге, они не прекращали грабежи и вымогательства. В начале 1802 года терпение русских властей иссякло, и они решили, если не помогут увещевания, принять «меры строгости». В марте были посланы три роты пехоты и сотня казаков, которые, не доводя дело до кровопролития, добились выражения покорности^[695]. Однако уже в июне того же года пришлось воевать с тагаурским старшиной Ахметом Дударуко, который ограбил один конвой и вынудил откупиться за 200 рублей другой, не сумевший в ущелье оказать сопротивления горцам. При появлении карательной экспедиции Дударуко со своими соратниками заперся в башнях, но гренадеры разорили его деревню, потеряв четырех человек убитыми и ранеными. После этого беспокойный старшина согласился принять присягу^[696]. Сообщая Кочубею о «шалостях» осетин, Цицианов писал 31 октября 1803 года, что он ждет «праздного времени, чтобы их посетить и военною рукою запретить им притеснять торговлю»^[697]. Выделение конвоев для купеческих караванов изнуряло немногочисленные гарнизоны на Военно-Грузинской дороге, но

отправлять грузы без вооруженной охраны означало дарить их горцам, продолжавшим промышлять разбоем на этой трассе. 3 ноября 1803 года Цицианов обратился к министру внутренних дел Кочубею с предложением ежегодно формировать четыре больших каравана, следующих из России в Закавказье, — 1 и 15 мая, 15 сентября и 1 октября. В этом случае местное командование могло отправить для охраны значительные силы^[698].

Не имея возможности для операций в горах, русское командование попыталось решить проблему переговорами и подарками. Но видя уступчивость русских властей и ободренные известиями о вероятности войны с Персией, осетины стали постепенно повышать плату за услуги и пошлины за провоз грузов, в том числе и казенных, через их территорию. Более того, в 1804 году они разгромили следовавшую в Грузию рекрутскую партию и конвоировавший ее полк донских казаков. Из 77 рекрут 26 пропали без вести, 12 были тяжело ранены («изувечены»); из 449 казаков 146 были убиты или пленены^[699]. Осетинский старшина Дударуко вновь взялся за старое и в июне 1804 года фактически перекрыл движение по Военно-Грузинской дороге. Даже транспорт с порохом, нужный как воздух в условиях войны с персами, застрял во Владикавказе. Терпеть далее было нельзя, и Цицианов лично отправился «наказывать» горцев, нападавших на караваны. 26 октября 1804 года главнокомандующий послал приказ «всем тагаурским старшинам и народу»: «Вы видели, как поступлено с Дударуко за его дерзости и за то, что он вас вводил в несчастье; таковой точно участи и вы ожидайте, буде с получения сего не исполните то, что написано ниже. Не Кноррингово теперь время; не стану я с вами договоры делать; у кого есть штыки, тому денег платить не следует. Клянусь Богом, в которого верую, что камня на камне у вас не оставлю и не генерала пришлю, а сам приду с войском». Осетины должны были немедленно вернуть все вещи ограбленных путников, снизить пошлину до 30 копеек с пешего и 70 копеек с конного путешественника, установить твердую таксу за перевозку товаров на участке от Ларса до Казбека (2 рубля за вьючную лошадь и 1 рубль за верховую), беспошлинно пропускать казенные грузы. Взамен им обещали бесплатно отпускать соль и не препятствовать в закупках зерна^[700].

Сочетанием переговоров и силовых мер Цицианову удалось добиться нормализации обстановки на Военно-Грузинской дороге. Он действительно был «грозой» горцев. Об этом свидетельствует курьезный факт: чтобы поднять боевой дух повстанцев, их предводители осенью 1804 года нашли убитого солдата, похожего на главнокомандующего, облачили его в нечто

похожее на генеральский мундир и «воодушевляли» соратников видом поверженного врага. Против такого приема информационной войны генерал нашел простое и действенное средство: он пригласил представителей волнующихся аулов приехать и убедиться в собственном здравии^[701]. В противостоянии с горцами Цицианов намеревался сначала действовать уговорами, а если таковые не помогут, то: «1) все башни сломать, 2) из всякой деревни дать аманата на своем содержании из лучших домов, и за всякую проказу доказанную посылать аманатов в Россию в солдаты или на заводы...»^[702].

В начале 1805 года Цицианову вновь пришлось лично руководить боевыми действиями войск. Это видно из его письма В.Н. Зиновьеву от 29 января 1805 года: «Я был в осетинских горах с отрядом и вел там целый месяц войну, по необыкновению нашего войска к сего рода войне; но Бог милосердный без заслуг моих и тут мне показал свою благость и помог поселить страх в сих народах, разорявших несколько веков Карталинию, помог пройти к таким лесам, что, назад шедши, сам себе не верил и без Его святой помощи никогда бы пройти не мог»^[703]. Горцы принесли повинную, но до их полного замирения было еще очень далеко.

«Извлечение из писем, полученных с Кавказской линии в июне—августе 1804 года», опубликованное во втором томе «Актов Кавказской Археографической комиссии», рисует картину непрекращающихся столкновений с горцами. Кабардинцы вырезали три поста на реке Малке, у Кислых вод и недалеко от Моздока. Погибло около девяноста человек рядовых казаков и офицеров. 9 октября 1805 года чеченцы недалеко от Владикавказа захватили армейский «порционный» скот и убили нескольких нижних чинов^[704]. Не унимались и жители высокогорных районов Грузии, издавна считавшие имущество соотечественников, живущих в долинах, своей законной добычей. Хевсуры, имевшие реноме самых храбрых воинов, в ответ на угрозу из Тифлиса сами сделали воинственное заявление. 24 мая 1803 года душетский капитан-исправник поручик Старосветский прислал Цицианову следующий рапорт: «Жители селений, при Арагве лежащих, жаловались мне, что пшавы и хевсуры угоняют у них лошадей, скот, овец и ограбляют людей, и из селения Аго, Хевечри, Верди и Кавкава, вымыслив, что им следует за кровь дедов их от селения Жинваль, присылали к нацвалу, чтобы прислать плату, а буде прислано не будет, то всё селение они разорят, против чего из селения отозвались, что они не знают, следует ли им платить за кровь дедов их, и теперь российские подданные, и надеются, что россиянами не попущены будут на

истребление и разорение; но оные хевсуры выхвалялись, что тех кровью, у которых у одеяния обрезаны полы и на заде разрезано, подкрасят довольно Арагву»^[705].

Не затихали бои и на Кубани. Вот типичные «кавказские будни» начала XIX столетия: «7 апреля 1804 года кабардинцы наехали днем к посту Есентуцкому, находившемуся на половине дороги от Константиногорска к Кисловодскому укреплению. Сначала в малом числе вступили они в перестрелку со сторожевыми казаками Донского полковника Кошкина полка, которых тогда было 8 человек при офицере; потом неприятелей собралось из разных мест до ста человек. Казаки, видя превосходное их число, спешась, из-за лошадей отражали их. Кабардинцы же, увидев приближающихся казаков на помощь из других притонов, тотчас обратились в бегство; их преследовали, но бесполезно — догнать никак не могли. При этой перестрелке убито 2, ранено 4; со стороны неприятеля убито 2, ранено несколько. Через три дня 1 мая партия чеченцев, состоявшая из 20 человек, утром очень рано отогнала рогатый скот и табуны лошадиные на противной стороне реки Терека от деревни князя Бековича. Известясь об этом, Моздокский комендант полковник Протопопов послал в погоню 70 человек Кубанского казачьего полка при офицере. Они в довольно большом расстоянии догнали врагов и отбили весь рогатый скот, ведя с ними перестрелку. При этом были ранены три, с противной же стороны убито 4, ранено несколько. В ночи с 10 на 11-е того же месяца трое кабардинца, подкравшись к пикету, стоявшему за рекой Малкой, сделали выстрел по часовому. Донского Кутейникова полка урядник Щепакин, находившийся на том посту, с 10-ю вооруженными казаками пустился преследовать неприятеля, и, гнавшись около 20 верст, неожиданно на реке наткнулся на партию кабардинцев, составлявшую около ста человек, которые тотчас отрезали казаков и открыли стрельбу. Урядник, сколько ни защищался, но видя превосходное их число, нашелся принужденным отъехать и, спешась, засел в лесу и тем спасся от большой потери. При этом убито казаков 2, а у неприятелей — 1»^[706].

В хронике Кавказской войны период Цицианова занимает скромное место — всего три с половиной года из полуторавекового противостояния мощнейшей империи и конгломерата вольных обществ и феодальных политических структур. Не выглядит значительным и география походов против горцев, которые совершались под его руководством. Однако значимость события, как известно, далеко не всегда определяется временем и пространством. Цицианов по-новому стал разговаривать с местными

владыками и горскими старшинами. До него русские приходили и уходили, не отличаясь в этом смысле от завоевателей, которых не раз видели тамошние горы. Теперь русские пришли и остались. Мало того, они стали требовать от местных жителей соблюдения новых правил, многие из которых никак не вязались с основами их представлений о мировом устройстве. Это было начало нового этапа присоединения Кавказа, процесса, сыгравшего огромную роль в изменении политической карты Черноморского и Каспийского регионов.

Глава пятая.

ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА

*Победоносные российские орлы парят над башнями
Ганджи...*

П.Д. Цицианов

Если о неизбежности некоторых войн упорно спорили их участники и современники, оставляя этот спор в наследство историкам, то относительно неотвратимости вооруженного столкновения России и Персии в начале XIX столетия никаких сомнений не возникало ни в царствование Александра I, ни впоследствии. Включение Грузии в состав Российской империи коренным образом меняло политическую обстановку на Кавказе, причем в значительной степени это происходило за счет ущемления интересов Ирана. В Тегеране знали о военном могуществе северного соседа, но, как уже говорилось, шах и его окружение полагали, что присоединение Грузии — одно из тех «пришествий», которые уже случались в прошлом с последующим восстановлением «статус-кво». При всей удаленности персидской столицы от столиц европейских в ней имели представление о ситуации в Старом Свете и не без оснований полагали: у императора Александра I нет солдат для Закавказья, они нужны ему на западных границах. Шах не сомневался, что окончательное утверждение России в Грузии приведет к ослаблению и в конечном счете к потере персидского влияния в Дагестане, Армении и Азербайджане. Это же, в свою очередь, приведет к нежелательным последствиям в отношениях с Турецкой империей, будет стимулировать активность восточных врагов Ирана — афганцев и туркмен. Таким образом, вторжение персидских войск в Грузию являлось только делом времени. Но даже если бы по каким-то причинам этого в самом начале XIX столетия и не произошло, то войну начала бы Россия. Как мы помним, Эриванское и Гянджинское ханства считались «утраченной» частью государства Багратидов и потому подлежащими возврату добровольно или силой оружия. В 1803 году о таком подходе к историческому наследию Грузии Россия заявила «покорением» Джаро-Белоканской области, некогда подчинявшейся Тифлису. В Петербурге также не оставляли мысли установить контроль над прибрежными районами

Дагестана и Азербайджана для обеспечения безопасности восточной торговли, тогда как в Тегеране считали Кубинское, Шемахинское, Тальшское, Бакинское и Дербентское ханства «своими». Военные головы на основании имеющегося опыта и тогдашних стратегических представлений вынашивали планы установления южной российской границы по действительно удобному рубежу, который образовывали река Араке и Тальшские горы. Любой из этих причин было достаточно, чтобы началась война.

Первым изменение геополитической ситуации на себе испытал Джавад-хан Гянджинский. Рапорт действительного статского советника Коваленского Цицианову от 17 декабря 1802 года выглядит как список поводов для открытого столкновения с этим владельцем: переманивание жителей из Грузии, контакты с врагами России, финансовая помощь мятежному царевичу Александру, претензии на Шурагельскую провинцию, попустительство тем, кто грабит российских подданных. Вдобавок ко всему, Джавад-хан запрашивал немисливо высокую пошлину за пропуск через свою территорию караванов с соленой рыбой, «дерзко» отвечал на послания представителей России^[707]. Через долину Куры лежал кратчайший путь от персидской границы вглубь Грузии. Коннице требовалось всего три перехода, чтобы оказаться у стен Тифлиса. При этом два из них шахская армия совершала по землям, населенным мусульманами, верность которых было трудно прогнозировать. «Обуздание» джаро-белоканских лезгин позволяло усилить экспедиционный корпус за счет войск, выведенных из долины реки Алазань, где стало поспокойнее. Подготовительным шагом к войне можно считать поход русского отряда в провинцию Самух, чтобы «привести ее в повиновение» подобно Джаро-Белоканской области и найти наиболее удобные места для форсирования реки Куры. Еще в феврале 1803 года Цицианов получил известие о том, что Джавад-хан Гянджинский, несмотря на свои дружеские письма и даже заявления о желании принять российское подданство, готовится к войне — собирает войска и припасы и заключил союз с Ибрагим-ханом Шушинским. Не исключалось создание антироссийского союза под эгидой персидского шаха. Чтобы отвлечь последнего, Цицианов приказал шефу Астраханского гарнизонного полка Завалишину совершить «диверсию» в район Астрабада и Баку. Подготовка флотилии маскировалась намерением наказать каракайтагского хана (уцмия) за разграбление российского торгового судна. Для дезориентации Ших-Али-хана Дербентского распространили слух о готовности Александра I возвести его родственника Касим-хана на престол в Шемахе.

Общий план кампании 1803 года у Цицианова был такой: совершить «поиски» в направлении Гянджи и Эривани и занять Баку, благо к тому склонялся сам правитель этого ханства. «По устройству переправы через Куру, — писал Цицианов, — я сам пойду из Шамшадиля, во-первых, к Гандже, дабы не оставить позади себя неприятеля, ибо ганджинский хан Джевад помирился с шушинским ханом Ибрагимом и получил от него две пушки в подарок. Из Гянджи пойду через Шамшадильскую провинцию прямым ходом к Эривани, отстоящей от оною на 70 верст. Когда засим подоспеет время занять Баку, то у меня за оставлением двух гарнизонов в Гяндже и Эривани не будет и двух комплектных батальонов». Поэтому главнокомандующий просил прислать подкрепления^[708]. Примечательно, что о занятии Гянджи и Эривани Цицианов писал как о свершившемся событии.

Однако сразу приступить к расширению границ империи Цицианов не мог по нескольким причинам. Во-первых, в его распоряжении было мало войск. Во-вторых, создается впечатление, что генерал еще питал иллюзии по поводу возможности склонить владетелей Закавказья к принятию российского подданства дипломатическими мерами. В-третьих, внутренняя обстановка в Грузии требовала мер по административному обустройству края и подавлению оппозиции. Наконец, на главнокомандующего «давили» полученные им высочайшие инструкции, согласно которым всякого рода приращения территории допускались только при условии отсутствия опасности дипломатических и тем более военных осложнений с соседями. Гораздо больше сил, чем предполагалось, пришлось затратить и на умиротворение джаро-белоканских лезгин. Во всех этих делах и хлопотах прошел 1803 год. Приближалась зима — не лучшее время для ведения войны, но Цицианов медлил с выступлением на Гянджу не только из-за необходимости отвести угрозу массированного набега горцев на Кахетию. Он ждал прибытия подкреплений, однако, когда они явились, его постигло жестокое разочарование, которое главнокомандующий излил в письме государственному канцлеру от 17 ноября 1803 года: «Пришедшего полка Севастопольского шеф мне объявил, что его полк никогда свиста пуль не слыхивал, что ходить не умеют, и на 15-ти верстах устают и падают. Солдаты 20 лет не сходили с места, а что важнее, так то, что в полку недостает 600 человек, кроме больных, и ожидать укомплектования оных не могу, потому, что когда полк сей послан из Крымской инспекции (территориальная организация, ведавшая снабжением и комплектованием войск. — *В.Л.*), то инспектор отказал назначенных военной коллегией ему дать рекрут; мои же (рекруты, назначенные на Кавказ. — *В.Л.*) тогда уже

розданы были по полкам по назначению военной коллегии. Когда же так бывало, чтобы частные начальники против военной коллегии распорядились смелее поступать? Время уходит; в фураже недостаток, и начальники полков страшную требуют цену, а отказать я не могу для того, что запасу провиантского не сделали. После всех сих неустойств могу ли я полезен быть, оставаясь в службе, подвергая всякий день мою репутацию бесславию и не от своей вины, а от подчиненных?!»^[709] Из всего Севастопольского полка в поход отправились только два некомплектных батальона. 15-й егерский полк вообще оказался в таком состоянии, что его решили оставить на месте. Тем временем полковник Карягин доносил о настроениях в Гяндже: «Джават-хан хочет непременно с нами драться. Жители, армяне и татары, к бою приступать не хотят и намерены просить о пощаде. В город собраны жители со своими семействами из всех деревень; все татары находятся в самом городе, а армяне вокруг крепости. Особенных войск в городе не имеется, таковые в числе 7 тысяч составлены из жителей. Кроме бывших трех орудий приготовлено еще пять новых, и все они расставлены по башням».

Собрав все имевшиеся в наличии силы, Цицианов двинулся на Гянджу. 20 ноября 1803 года его корпус (шесть пехотных батальонов, три эскадрона драгун, два полка донских казаков, милиция, составленная из «татар» Борчалинского, Казахского, Демурчасальского и Шамшадильского уездов) выступил из Тифлиса. Первый переход был всего в восемь с половиной верст до деревни Суганлук. Небольшое расстояние, пройденное в самом начале марша, объяснялось тем, что, несмотря на все приготовления и распоряжения, что-то забывали, кто-то задерживался по каким-то причинам. Происходила своеобразная притирка участников похода. Потребовалась даже дневка, чтобы все привести в порядок. Зато потом пошли резвее и 22 ноября остановились возле селения Демурчасалы, оставив за собой 24 версты. Здесь к Цицианову присоединился отряд татарской (азербайджанской) конницы. 23 ноября прошли 19 верст и встали лагерем у деревни Шиколы, хотя, судя по карте, дважды переправлялись через речушки и несколько раз — через овраги. Необходимость просушить одежду задержала выход 24 ноября, из-за чего продвинулись к намеченной цели всего 7 верст. 25 ноября перешли реку Акстафа и сразу встали лагерем, одолев еще 16 верст трудных горных дорог. Следующий бивак устроили на берегу речки Таузы 25 ноября. Цицианов торопится: несмотря на трудности пути и непогоду, войска, втянувшиеся в ритм похода, играючи преодолели 25 верст. Здесь отряд пополнился «казахскими и борчалинскими татарами», а 27 ноября подошли «татары шамшадильские».

Во время боевых действий легкая и иррегулярная кавалерия составляла своеобразную завесу между собственными войсками и противником, как во время движения, так и на биваках. Примечательно, что Цицианов на стоянках всегда выдвигал национальные мусульманские формирования в сторону наибольшей угрозы, причем между русской пехотой и «татарами» обязательно стояли казаки. 29 ноября при стоянке на Шамхоре милицию вообще поставили на другом берегу реки^[710].

Наконец 29 ноября корпус Цицианова перешел границу Гянджинского ханства. Если во времена легендарные происходили поединки между героями-полководцами, то в данном случае борьба за крепость началась с письменной дуэли Цицианова и Джавад-хана. Российский главнокомандующий объяснил причины своего появления во главе войска: а) Гянджа принадлежит по праву России, поскольку ранее она составляла часть грузинского царства, ныне входящего в состав империи Романовых; б) в 1797 году город уже был занят русскими; в) тифлисские купцы, ограбленные подданными Джавад-хана, не получили компенсации. В случае безоговорочной капитуляции обещалось «неограниченное милосердие». Заканчивалось письмо грозным пассажем: «Буде сего не желаете, то ждите несчастного жребия, коему подпали некогда Измаил, Очаков, Варшава и многие другие города. Буде завтра в полдень не получу я ответа, то брань возгорится, понесу под Ганжу огонь и меч, чему вы будете свидетель, и узнаете, умею ли я держать слово»^[711]. Ответ был выдержан в том же стиле: Джавад-хан писал, что это Грузия когда-то была под властью его предков, тогда как Гянджа никогда Грузии не принадлежала. Подданным России шесть лет назад он стал по принуждению и потому не считает себя связанным какой-либо присягой. На угрозы генерала хан ответил угрозами; заканчивалось письмо тоже красиво: «Ты предсказываешь мне несчастье, если я не приму твоего предложения; но я полагаю, что несчастье преследует самого тебя, которое завлекло тебя из Петербурга сюда»^[712]. Понятно, что после такой переписки для Цицианова взятие крепости стало делом не только государственным, но и глубоко личным.

Когда войска подошли к Гяндже, выяснилось, что укрепления окружены обширными садами, проход через которые потребовал значительных усилий и заметных потерь (70 убитых и 30 раненых). До начала осады пришлось провести рекогносцировку: точных сведений о расположении укреплений не имелось. Разного рода карты и планы составлялись офицерами квартирмейстерской части, но отправлялись в

Петербург для копирования, причем на самом театре военных действий не оставалось ни одного экземпляра. Цицианов писал в одном из рапортов по этому поводу: «Карты отсылаются в депо, как будто бы они там нужнее, чем генералу, который тут действует»^[713]. Разведка переросла в серьезный бой. Обращает на себя внимание высокий процент убитых. Единственное объяснение тому — при крайнем ожесточении сторон у раненых было мало шансов на выживание.

После установления полной блокады города и интенсивной бомбардировки русское командование возобновило переговоры. Новое письмо к Джавад-хану выглядело заметно мягче, но содержало требование дать определенный ответ в течение суток. Вместо извещения о сдаче парламентар принес ответ правителя Гянджи, в котором тот требовал уважительного к себе отношения: «Завтра день субботний, празднуемый жидами. Человека к вам не отправлю. Послезавтра, в воскресенье, отправлю к вам одного человека; ежели вы хорошо будете предлагать, я тоже взаимно хорошо буду отвечать». Цицианов вновь пригрозил штурмом, но Джавад-хан тянул время, соглашаясь вести переговоры через доверенное лицо. Они еще два раза обменивались посланиями. В последнем Цицианов пообещал после взятия города предать хана позорной смерти, а тот ответил, что погибнет, защищая стены. Видя, что угрозы на правителя Гянджи не действуют, князь переменял тон и выдвинул следующие условия: немедленная сдача крепости, присяга на подданство, дань размером 20 тысяч рублей в год, снабжение провиантом войск в Шамшадильском уезде, отказ от притязаний на этот уезд, выдача сына в аманаты. При соблюдении этих условий хан и его потомки оставались правителями в своих владениях. Однако и это предложение было отвергнуто. Одной из причин упорства Джавад-хана было бедственное положение русских войск: недостаток продовольствия и фуража, холод и болезни рано или поздно должны были вынудить их снять осаду. Но Цицианов не уходил восвояси не только потому, что это был бы «неслыханный для непобедимых российских войск стыд». Многочисленные перебежчики сообщали ему, что город держится из последних сил: хотя муки запасли достаточно, не хватало дров для выпечки хлеба и отопления жилых помещений. Водоводы были забиты мертвыми телами; жители или умирали от жажды, или пили тухлую воду и умирали от кровавого поноса.

Тем не менее «пересидеть» гянджинцев русское командование не надеялось — собственные силы были на исходе. Поэтому в ночь на 3 января 1804 года был назначен штурм. При разработке диспозиции Цицианов проявил себя опытным и дальновидным военачальником.

Прежде всего он убрал из боевых порядков мусульманскую милицию, опасаясь, что в темноте она может перевернуться на сторону противника и наделать много бед. Войска были разделены на две колонны. Первую, под командой генерал-майора Портнягина, составили Кавказский гренадерский и Севастопольский полки. Они должны были прорываться в город через брешь, образовавшуюся после бомбардировки. Колонну из двух спешенных эскадронов нарвских драгун и двух батальонов 17-го егерского полка вел полковник Карягин. Всем солдатам было приказано щадить женщин и детей, запрещалось грабить дома до конца боя. Кроме того, для отвлечения внимания защитников две небольшие группы должны были имитировать приступ. Эти «фальшивые» атаки егерских команд под командой поручиков Никшича и Егулова помогли оттянуть значительные силы противника от места основного боя.

Сначала дело шло успешно — под покровом темноты атакующим удалось незамеченными подойти к самой стене, но тут защитники крепости стали кидать так называемые «подсветы» — пропитанные нефтью зажженные бурки, расстреливая тех, кто карабкался по лестницам. Несмотря на это, солдаты 17-го егерского полка сумели взобраться на стену и захватили две башни. При взятии одной из них Джавад-хан погиб в рукопашной схватке, защищая орудие, — он исполнил свое обещание. Прорваться сквозь брешь в стене не удалось — там скопилось множество защитников. Тогда Портнягин приказал приставить лестницы и по ним взбираться на стены. Первая попытка не удалась, но когда русские егеря своими меткими выстрелами загнали персов в укрытие, несколько солдат вместе с Портнягиным оказались наверху. Вскоре защитники опомнились и стали выбивать всех, кто появлялся на стене. Так погиб поручик Кейт, пуля сразила наповал майора Бартенева. Только подполковник Симанович сумел уцелеть под свинцовым дождем и выручить Портнягина, который с трудом отбивался отседавших врагов. Тем временем вторая колонна сломила сопротивление защитников главной башни и подняла на ней русское знамя. Другую башню захватили егеря под командой полковника Лисаневича.

Они попытались открыть ворота изнутри, но персы предусмотрительно завалили двери громадными каменными глыбами. Пришлось вводить подкрепления по лестницам, уже установленным в разных местах. Через час вся стена и башни на ней оказались заняты русскими. Но дело еще не было кончено: выходы из башен были очень узкими, и спуститься в город с восьмиметровой стены оказалось невозможно, тем более что снизу велась интенсивная стрельба. Тогда солдаты перетащили через стены лестницы и по ним обрушились на

головы защитников Гянджи. Здесь сопротивление прекратилось, благодаря чему военнопленные и мирные жители избежали расправы. Но в одном месте резни избежать не удалось. Около пятисот человек заперлись в мечети, еще не зная о том, что победители проявляют неслыханную в их краях милость к побежденным. Все бы закончилось миром, но кто-то сообщил солдатам, что в мечети засели горцы, причастные к уничтожению роты егерей под командой капитана Секерина весной 1803 года. Как было сказано в официальном рапорте, «одно название лезгин было сигналом смерти всех бывших в мечети». Это стало одним из первых проявлений того феномена, который мы выше уже назвали «приватизацией войны» и который стал одной из особенностей боевых действий на Северном Кавказе вплоть до второй половины XIX столетия. «Приватизация войны» выражалась в специфическом поведении солдат и офицеров, в высоком уровне личной и корпоративной мотивации. Приказ командования сохранял значение побуждающего импульса, но терял роль абсолютной доминанты, а часто явно отходил на задний план. Подобно тому как отдельные туземные роды и племена имели «традиционных» врагов, у полков Кавказского корпуса, долгие годы воевавших с одними и теми же противниками, месть за убитых товарищей становилась главной движущей силой. При столкновении с «незнакомым» неприятелем солдаты исполняли присягу, степень их жестокости определялась горячкой боя. При встрече же с врагами «заклятыми» ситуация была иной — раненых добивали, пленных не брали. За жестокое избиение егерей в районе Кварели своими жизнями платили сотни горцев во всех случаях, когда солдаты по какой-то причине считали, что их противники — «те самые ироды». Не обошлось без эксцессов и в других местах. Участвовавшие в штурме грузины-милиционеры припомнили гянджинцам, что именно те вместе с эриванцами зверствовали в Тифлисе в 1795 году. Грузинский царевич Давид, современник событий, писал о разорении Гянджи: «...Так как грузины имели злобу на жителей оного, то князь Цицианов не мог воспрепятствовать оным грабить и разорять город, где большая часть жителей мужского полка побита, а женского взята в плен, а сам хан умерщвлен»^[714].

Несмотря на обещание предать всё мечу и огню в случае сопротивления, Цицианов на удивление мягко обошелся с побежденными, всячески демонстрируя милосердие. Он приказал дать приют ханскому семейству, отпустил вдову хана к родственникам в Нухинское ханство. Стоит сказать, что гянджинцы, благополучно пережившие штурм 1803 года, четверть века спустя отплатили русским совсем по-другому. В начале

следующей войны с Персией, 1826—1829 годов, население города подняло мятеж и вырезало роту, которая замешкалась и не смогла вовремя соединиться с основными силами.

Сразу после взятия крепости Цицианов отправил всеподданнейший рапорт Александру I: «Поздравляю с Новым годом и с новою победой! Победоносные российские орлы парят над башнями Ганджи, а главная мечеть обращена в храм истинному Богу. Целый месяц держали мы крепость сию в самой крепкой осаде. У осажденных не было ни воды, ни дров: пять раз требовал сдачи города: угрожал, убеждал, обещал высочайшим именем милосердного моего государя оставить хана владельцем и данником России; но ничто не могло превозмочь упорства и буйства Джават-хана Ганджийского. Кроме штурма мне ничего не оставалось делать. Высокомерие хана, позднее время года, умножение больных и недостаток фуража, а выше всех бедствий неслыханный для русских войск стыд — отступить от крепости, не взяв ее, поставили меня в необходимость прибегнуть к единственной и кровавой мере взять крепость приступом! Он совершен с помощью Всевышнего, оружие российское благословляющего сегодня 4 января на рассвете с невероятным успехом и малым уроном, в полтора часа времени. Крепость Ганжинская взята. Наши солдаты дрались как львы. Джават-хан и сын его Гуссейн пали жертвами его упорства. Но к чести солдат, ни одна из 8600 женщин, свезенных жестоким ханом в залог верности их мужей, и ни один младенец не погибли. Человеколюбие и повиновение моему приказанию доселе при штурмах неслыханные. Остальные два сына ханских в самом начале штурма перелезли через стену и скрылись. Такая оплошность с нашей стороны произошла от малочисленной при моем корпусе конницы. Татарская же, кроме грабежа, не способна ни к какой верной службе. Ханские сыновья пробрались к самухскому владельцу Шерим-Беку, зависимому от Ганжи. Я их требую вместе с подданством его России. Местное положение Ганжинской крепости повелевает всем Адрибейжаном (Азербайджаном. — *В. Л.*). Вот почему сие завоевание первой важности для России. Что касается до меня, то я еще не пришел в себя от трудов ужасной картины кровопролитного боя, радости и славы. Счастливый штурм сей есть доказательство морального превосходства русских над персиянами и того духа уверенности в победе, который питать и воспламенять в солдатах считаю я первой своей целью»^[715].

Взятие Ганджи было победным дебютом царствования Александра I. Его войска взяли одну из азиатских твердынь! Это потом он собьется со счета, принимая ключи капитулировавших крепостей в Финляндии,

Молдавии, Польше, Германии и Франции; это потом его будут называть победителем самого Наполеона. Очень важным было также то, что полки под руководством Цицианова сумели выполнить установку императора на демонстрацию покоряемым народам его «безмерного человеколюбия». Александр I любил войну и победы, но желал избегать при этом крови, людских страданий, разрушений и всего прочего, что травмировало его впечатлительную натуру. Поэтому все понимавшие подтекст официальных бумаг особо отметили содержащиеся в реляции слова о гуманном поведении победителей. Не ускользнуло это и от внимания Ф.В. Ростопчина, одобрявшего включение в рапорт слов о том, что «... милосердие государя проложило след и в сердца разъяренных солдат»^[716]. Цицианов представил красочный рапорт о штурме и о многочисленных подвигах всех в нем участвовавших. Сильным ходом было переименование города в Елисаветполь — в честь супруги императора Елизаветы Федоровны. Царь наградил главнокомандующего орденом Святого Александра Невского, щедро раздал чины и ордена офицерам, а каждому нижнему чину досталось по рублю. Последнее вызвало у князя неоднозначную реакцию. Прочитав «в издаваемых ежедневно Высочайших приказах» о том, что «войска, бывшие в один день при разводе (параде. — В.Л.) в Петербурге, за исправность получили также по рублю на человека», Цицианов «имел дерзость представить императору просьбу, чтоб позволено было нижним чинам, бывшим при штурме Ганжи, на полученных ими рублях сделать скважины и на каких-нибудь ленточках носить их на мундирах в знак отличия от полученных другими за развод. Сей поступок его, — пишет С.А. Тучков, — остался без ответа»^[717]. Однако прошение Цицианова не прошло даром. По распоряжению Александра I была изготовлена серебряная медаль с царским вензелем на одной стороне и надписью на другой: «За труды и храбрость при взятии Ганжи 3 января 1804 года».

Видя, какое ошеломляющее впечатление на Закавказье произвело покорение Гянджи, Цицианов весной 1804 года предпринял попытку присоединить Нахичеванское ханство. 5 мая он предложил правившему там Келб-Али-хану следующие условия перехода под власть российского императора: выслать скрывавшегося в ханстве армянского «лжепатриарха» Давида и провозгласить патриархом Даниила, допустить гарнизон в крепость Нахичевань и согласиться на выплату 80 тысяч дани в год. Взамен Келб-Али-хан и его наследники признавались полноценными правителями, теряя лишь возможность выносить смертные приговоры. Российская

сторона обязывалась охранять Нахичевань от посягательств извне и приложить все усилия для выкупа семьи хана, находящейся в руках персов. Заканчивалось письмо главнокомандующего следующими словами: «... Скорей солнце оборотится назад, в Каспийском море не будет воды, нежели мой поход отменится. Разница только та, что или приду как брат спасать брата, или как враг — наказать дерзающего противиться велению Государя государей, подобно Джавад-хану Гянджинскому»^[718]. Однако Келб-Алихан тянул с ответом, надеясь получить максимальную выгоду от обострившегося противостояния России и Персии. Он оценивал — кто дороже купит его верность.

Захват Гянджи Персия посчитала не просто поводом к войне, а ее действительным началом. До того как раздались первые выстрелы, стороны обменялись грозными посланиями. Первый визирь шаха Мирза Шефиг в своем письме сначала обходился исключительно миролюбивыми выражениями, высказывая недоумение, почему русские, до того находившиеся в добрых отношениях с персами, вдруг стали проявлять враждебность. Он даже предложил срочно провести переговоры, «...дабы сей огонь, возгоревшийся между сиими державами, утушить». Далее текст письма показывает, что человек, диктовавший его, постепенно распалялся и сыпал словами, которые никак не способствовали примирению. «Вы сии притязания (на Гянджу, Эривань, Джарскую область и т. д. — В. Л.)... единственно берете от Ираклиевых детей, коих, несправедливо хитростью уловя, обманули и Тифлисом овладели. Оное никак в здравый рассудок принять невозможно, ибо существующий в Персии таковой великий государь может ли равнодушно смотреть, что один зависимый от него безрассудно обманулся, и чрез его недоумение уступить то, что ему, государю персидскому, принадлежит? Потому землю, персидскому шаху принадлежащую, очистите без всяких отговорок, и одного верного человека к наследнику нашему отправьте для трактования с грузинским царевичем, который при нем, наследнике, находится, и по повелению нашего государя с ним окончите. Дружеский мой вашему сиятельству совет в том состоит, чтобы вы соблюли целость войска своего и к союзу преклонились, дабы между Россией и Персией не было кровопролитного происшествия»^[719].

Как мы уже видели, даже смиренные послания вызывали гнев Цицианова. Это же письмо Мирзы Шефига породило очередной шедевр княжеского красноречия: «Письмо ваше... такого несоответственного слога, что ни достояниям Богом вознесенной Империи, ни моему званию, ни благоденствию и воспитанию, отделяющему человека от бессловесной

твари, недостойно иного ответа как мечом и пламенем начертанного... буде же вы блага Персии желая, опомнитесь и помыслите, что тем, кои привыкли побеждать во всех краях света, не могут быть страшны ни пустовеликие угрозы, ни войска персидские, многочисленные наподобие морского песка и воюющие перьями, а не мечом...»^[720]

Справедливо полагая, что после обмена такими посланиями примирение невозможно, Цицианов стал готовиться к наступлению. Намерение атаковать армию, в десять раз превосходящую русскую по численности, не объясняется одной лишь пылкостью его натуры. Генерал действительно был горяч, но в данном случае в его планах господствовал трезвый, холодный расчет. Персы могли ворваться в Грузию через четыре горных прохода. Кроме того, главнокомандующему необходимо было усилить гарнизон Елисаветполя, запиравшего пятый путь в Грузию через долину Куры. Разделить имевшиеся силы на пять частей было бы полным безрассудством, тем более что ни один из этих отрядов не мог прийти, в случае надобности, на помощь другому из-за трудностей передвижения по горной местности. «Угадать» направление главного удара тоже не представлялось возможным: противник, имевший многочисленную и подвижную конницу, мог легко изменить маршрут. Оставался единственный вариант: собрать имевшиеся силы в один кулак и наносить противнику сокрушительные удары по своему выбору. Наступательная стратегия соответствовала как внутривосточной ситуации, так и особенностям персидской армии. «Дать персиянам ступить только шаг в пределы Российского владения значило бы ободрить всех сообщников Баба-хана и Александрацаревича к единодушным и решительным действиям, что непременно бы случилось при оборонительной войне»^[721]. Войска шаха имели все особенности так называемых нерегулярных войск: быстрое воодушевление в случае удачного развития событий, столь же быстрая деморализация после неудач, завидная стойкость при обороне крепостей и отсутствие желания драться «до конца» в полевых сражениях. Главнейший стимул армии такого типа — стремление к военной добыче. Другими словами, персидское войско было неудержимо, когда его посылали разорять беззащитные села и города, но когда на его пути вставало другое войско, удаль некогда грозных всадников заметно убывала. По словам историка Н.Дубровина, «солдаты, привыкшие к бунтам и грабежам, восставали против всякой власти, которая могла их устрашать опасностью лишиться незаконной жатвы»^[722]. Так, в бою под Тифлисом Ага-Магомет-хану пришлось даже поставить туркмен позади персов, с

приказом рубить отступающих. Ударной частью армии шаха стал батальон, сформированный из... российских дезертиров. Поэтому предоставление персам возможности действовать по их инициативе означало отдавать им все преимущества. И наоборот, каждый эффективный удар мог оказаться для армии шаха последним.

Войска российские были намного боеспособнее, но их ослабляли болезни. Нельзя сказать, что командование игнорировало проблему сохранения здоровья военнослужащих. Еще Петр Великий приказал в 1722 году: «...большое предостережение иметь от фруктов ради их множества; также от соленого, не токмо от рыбы, но и от мяса, а ветчину употреблять только для навару, а так не есть; ибо и от жиру довольно жажды будет; фрукты лучше не есть вовсе; но понеже того учинить трудно, того ради, хотя и есть, но мало; особливо же остерегаться от дынь, слив, шелковицы и винограду, от которых тотчас кровавый понос и другие смертные болезни припасть могут. Маркитантам запрещается фрукты, рыбу и соленое мясо продавать под наказанием и вечной работой на галерах. Смотреть, дабы никто от 9 часу поутру и до 5 часов пополудни без шляп не ходил и не сидел, где кровли нет; также, чтоб в день не под кровлей не спали и на голой земле не спали же; но подстилали бы траву или камыш или иное что сыщется, толстотою не менее 5 дюймов, а что толще, то лучше. Не гораздо много воды пить; не в полную сыть, а наипаче на марше. Сие все чинить офицерам для образа солдатам, и солдат держать в сем правиле; а кто сие преступит, тот лишен будет чина своего или и вящще наказан будет, яко преступник указа...»^[723] Однако природа Кавказа брала свое, и брала людскими жизнями. Зараза не разбирала, с кем имеет дело — генерал ли это или рядовой солдатик. Цицианов писал Чарторыйскому о своем здоровье во время июльского похода 1805 года, жалуясь то на лихорадку трехдневную, то на четырехдневную, то на «понос от худых в Карабаге вод»: «...из Шамхора привезли меня полумертвым со спазмами в желудке, да и теперь не более недели как лихорадка меня оставила, — в чем, буде нужно, к стыду звания моего, свидетельствуюсь всеми медицинскими чинами и всеми войсками, здесь находившимися, кои видели меня на переходах в день лихорадки, что я принужден был каждые 3 версты слезать с лошади и ложиться на землю, пока пароксизм кончится, и после привала догонять колонну»^[724]. Выражая признательность за поздравления по поводу выздоровления, главнокомандующий довольно ясно выразил неудовольствие, что в Петербурге узнавали о его болезнях от неизвестных ему корреспондентов.

После Гянджи наступила очередь Эривани. Это ханство грузинские цари также считали «своим», что являлось основанием для его присоединения к России как законной собственности Багратидов. Кроме того, на территории ханства находился Эчмиадзин — резиденция армянского патриарха. Таким образом, присоединение Эривани многократно усиливало влияние на армянское население Закавказья. Наконец, такое «округление границы» позволяло создать удобный плацдарм для последующего наступления на территорию Турции и Персии.

Повода для начала военных действий искать не требовалось. Магомет-хан Эриванский и Киал-Бали-хан Нахичеванский, узнав о судьбе Джавад-хана Гянджинского, собирали ополчения, вели активную переписку с шахом. Не прекращались и «шалости» эриванцев на грузинских рубежах — угон скота, грабёж торгового каравана на приграничной территории и т. д. Промедление с выступлением объяснялось острой нехваткой войск. В начале 1804 года в распоряжении Цицианова имелись следующие силы: 9-й егерский полк, расположенный в центре Карталинии (две роты занимали городок Цхинвал для удержания в повиновении тамошних осетин); Тифлисский мушкетерский полк, охранявший границу со стороны Ахалцыха и удерживавший от возможных возмущений мусульман Бамбакской и сопредельной с ней провинций; 17-й егерский полк, составлявший гарнизон Елисаветполя и обеспечивавший спокойствие «новоприобретенной» провинции; Севастопольский мушкетерский полк, стоявший в Тифлисе и по границам Грузии; 15-й егерский полк и два батальона Кабардинского мушкетерского полка, составлявшие Лезгинскую оборонительную линию по течению реки Алазань. В поход на Эривань, таким образом, можно было направить: три батальона Кавказского гренадерского полка, два батальона 9-го егерского полка, два батальона Тифлисского мушкетерского полка, три батальона Саратовского мушкетерского полка. В результате набиралось 3400 строевых пехотинцев. С кавалерией дело обстояло еще хуже: в четырех эскадронах Нарвского драгунского полка насчитывалось всего 400 всадников. К ним добавлялось 320 линейных (терских) казаков. В экспедиции согласилось принять участие грузинское ополчение общей численностью около трехсот человек.

Трудно было предположить, что остальные владетели Восточного Кавказа станут равнодушно наблюдать за тем, как Российская империя присоединяет еще одну территорию в их регионе. Неизбежным в этой ситуации являлось выступление одного или нескольких ханов в поддержку Магомет-хана Эриванского. Чтобы этого избежать, Цицианов приказал провести несколько отвлекающих операций на Каспийском побережье. 20

января 1804 года он дал секретное предписание командующему над Астраханским портом и Каспийской флотилией капитану 1-го ранга Певцову подготовить к 1 апреля транспорты для полка пехоты и восьми полевых орудий. Для артиллерийской поддержки с моря предписывалось снарядить фрегат или бомбардирское судно, становившееся флагманом эскадры, а также две бригаантины. Через месяц Певцов прислал подозрительно многословный ответ, объясняя, что к началу апреля могут быть готовы немногие суда, а другие — лишь к маю и июню^[725]. В официальных отчетах негативные сведения следовало как минимум удваивать, а вот сведения положительные — делить на два. Объясняется это стремлением чиновников различных ведомств, в том числе и морского, скрыть недостатки и, напротив, в самом радужном свете выставить достоинства. Результат: моряки оказались готовыми только к середине лета и не смогли выполнить главную задачу — высадить на южном побережье десант, способный оттянуть на себя значительные силы персов. Боеготовность даже Балтийского и Черноморского флотов находилась в те годы на крайне низком уровне. В морском ведомстве (как и во всех прочих) хищения государственной собственности велись в различных формах и различных размерах: высшие чины получали большие взятки от подрядчиков, служащие среднего звена не упускали своей доли в процессе расхищения казенного имущества, а рядовые пользовались тем, что плохо лежало в прямом и переносном смысле этого слова. По свидетельствам одного из мемуаристов начала XIX века, кражи в портах нередко оказывались более похожими на разбои, поскольку вывозившие казенное добро дерзали вступать в открытые схватки с караульными^[726]. Служба на Каспии вообще считалась ссылкой, а порядки, царившие в Астраханском адмиралтействе, потрясали даже людей, привыкших к любым беспорядкам. Упадок Каспийской флотилии во многом объяснялся особенностями самого театра военных действий. Азербайджанский и дагестанский берега изобиловали отмелями, камнями, из-за чего корабли не могли подойти близко к урезу воды. Дальнобойность пушек того времени была такова, что об артиллерийской поддержке с моря говорить не приходилось. На всем западном побережье имелись только две более или менее удобные гавани — Баку и Дербент. Основные стратегические пункты Северного Кавказа и Закавказья, главные транспортные пути находились вдали от берега, и это была еще одна причина слабого влияния флота на развитие событий.

Не дождавшись выхода флота из Астрахани, русские войска в мае 1804 года стали сосредоточиваться в Саганлуке, в восьми верстах от Тифлиса.

Всего удалось собрать для похода 4500 штыков и сабель при двенадцати орудиях. Эриванский хан понимал, что оказался между молотом и наковальней. Поэтому он попытался избежать войны и направил в Тифлис специального посланника с уведомлением о том, что шах собирает войска и приказывает эриванцам присоединиться к нему. Это послание вполне можно было принять как угрозу, поскольку в нем обильно цитировался приказ шаха с обидными для россиян выражениями. Цицианов именно так это и расценил, ответив запиской «для памяти», где изложил условия, на которых Эриванское ханство могло войти в состав России. «Я никогда не лгал, — грозно напоминал он своему адресату, — и в целый год пребывания моего здесь, кажется, доказал, что вывезу царскую фамилию, разорившую Грузию междоусобной войной, и вывез; сказал, что покорю Джарскую провинцию, и покорил; сказал, что Ганджу возьму, и взял; сказал, что введу в Российское подданство Мингрелию, и ввел. Говорю, что то же сделаю с Имеретией, и сделаю. Говорю, что поставлю патриарха Даниила на патриарший престол, и поставлю, а Давыду обещаемый всесильным и великим моим Государем пенсион доставлю, и доставлю. Говорю, что Эривань заставлю платить дань, и заставлю... Я не словами стращаю, а штыками действую и делами доказываю. Я войска, мною командуемые, не называю по-персидски бесчисленностью звезд, но когда приду с ними в Бамбаки (пограничный пункт. — В.Л.), то никакого условия не приму и то же сделаю, что с Ганджой...»^[727] Избежать такой беды Магомет-хан мог только немедленным утверждением Даниила патриархом и отправкой Давида в Тифлис. Этот шаг означал бы его готовность принять российские условия.

Хан направил Цицианову еще одно письмо, объявив, что готов вести переговоры о подданстве. Ответ был выдержан в жестких, но не оскорбительных выражениях: хану гарантировались сохранение престола и защита от внешних врагов. В обмен — присяга на подданство, 80 тысяч рублей дани в год, размещение русского гарнизона в Эривани. Доказательством же действительности намерений должно было стать немедленное утверждение Даниила армянским патриархом. Закончил же письмо Цицианов своеобразной ритуальной фразой: «Вот мои последние слова, вот вам дорога благая, буде не по ней пойдете, не я буду виноват вашей гибели»^[728]. Надеясь на положительный ответ, главнокомандующий произвел перегруппировку войск. Войска под руководством генерал-майора Леонтьева должны были войти на территорию Эриванского и Нахичеванского ханств, дабы убедить их

правителей в том, что Россия не оставит их без защиты. Главная же задача заключалась в том, чтобы оградить Эчмиадзин после водворения там законного патриарха Даниила от возможного нападения персов. Прагматизма Цицианову было не занимать. Несмотря на грозные слова и ультимативный тон посланий, он находил возможным продолжать переговоры до последней минуты. Когда уже начали греметь выстрелы, он согласился ответить на очередное письмо Магомет-хана Эриванского, не снижая при этом градус своей гневной риторики: «...Божусь вам живым Богом, коего исповедую, что вашему высокостепенству нет другой дороги к спасению, как по приближении моему к крепости встретить меня, вынести ключи мне и предаться священной воле всемилостивейшего и великого моего Государя Императора... Не могу умолчать перед вашим высокостепенством, что уже персидской политике и вывертам не время. Или милости и пощады просите, или ждите жребия Джават-хана Ганжинского, чего бы я вам не желал, но если поупорствуете один день, то я покажу, что я даром или бесполезно с непобедимыми войсками ходить не умею»^[729]. На Кавказе военные резоны всегда находились в переплетении с резонами политическими. Это проявлялось как на уровне стратегии, так и на планах конкретных боевых операций.

От армян-лазутчиков удалось получить достоверную информацию как о численности неприятельских войск, так и о военных планах. Главные силы персов (около 40 тысяч человек) под командованием царевича Александра намеревались изгнать русских из Гянджи. Двухтысячное эриванское ополчение тем временем совершало диверсию в Бамбакскую провинцию, надеясь «возмутить» тамошних мусульман и отвлечь войска, двигавшиеся из Тифлиса. Магомет-хан укреплял Эривань, собирал провиант и боеприпасы. Во главе персидской армии стоял наследный принц Аббас-Мирза (1782—1833). В 1805 году шах назначил его правителем Азербайджана. Аббас отличался личной храбростью, страстно желал прослыть великим полководцем, но талантами военачальника природа его обделила. Чтобы исключить попытки армян перейти на сторону противника, он приказал от каждой семьи взять заложника, которого ждала неминуемая смерть в случае измены. Из пределов Персии летели письма, адресованные влиятельным людям, с призывом перейти на сторону шаха и обещаниями невиданных ранее милостей. Цицианов распорядился организовать перехват посланий, но в целом не проявлял по этому поводу никакой нервозности, поскольку, по его мнению, «...все князья значащие и доверенность всенародную имеющие, состояли в

непоколебимой приверженности к российскому правлению»^[730].

Обошлось без формального объявления войны. По свидетельству генерала Тучкова, это вызвало некоторые затруднения: «Полк мой был послан вперед. Князь Цицианов не придал оному не только части кавалерии, но даже несколько казаков, невзирая на то, что я составлял авангард его корпуса. Никаких положительных приказаний я не получал, даже и в случае встречи с персиянами, что могло поставить меня в большое затруднение. Явного разрыва с ними и никакого объявления о войне с сей державой не было. Все его приказания заключались в том, чтобы, дойдя с моим полком до соединения реки Арпачая с Зангою, ожидать прибытия главных сил»^[731]. Кавказский гренадерский полк отправили вперед занять провинцию Шурагель и по пути соединиться с Тифлисским полком, шедшим из Лори и Бамбака. 10 июня произошла первая стычка с персами, которая переросла в серьезное столкновение, закончившееся захватом персидского лагеря у Гюмри. 12 июня туда подтянулись главные силы: Кавказский гренадерский и Саратовский пехотный полки в полном составе, два батальона Тифлисского полка, шесть рот 9-го егерского полка, Нарвский драгунский полк, 450 терских и донских казаков при двенадцати орудиях.

Стратегическая обстановка требовала от Цицианова наступательных действий. 19 июня 1804 года он форсированным маршем подошел к Эчмиадзину, взятие которого рассматривалось как первый этап «покорения» Эриванского ханства. Последний переход составил 44 версты по раскаленному каменистому плоскогорью. Войска настолько устали, что, согласно рапорту, к месту стоянки «не более как по 60-ти человек прибыло в каждом батальоне со знаменами со своими, а прочие лежали по дороге и едва к полуночи собрались; обозы же иные пришли и на другой день»^[732]. Такая спешка в непосредственной близости от противника могла дорого обойтись русским, но главнокомандующий торопился занять священный центр, что сразу давало ему большие преимущества в переговорах с восточными владетелями и оказывало огромное влияние на армян. Однако заночевать в монастыре русским не удалось: авангард был встречен пальбой засевавших в нем персов, а бросать в атаку измученных переходом солдат не было никакой возможности. Основные события развернулись на следующий день, 20 июня, когда произошло первое крупное столкновение русских и персидских войск.

Картину боевых действий можно представить по рапортам и мемуарам, а также по планам, которые во многих случаях являются

настоящими художественными произведениями. Руки штабных офицеров аккуратнейшими тонкими линиями выводили траектории движения частей, указывали их расположение в разные фазы боя. Разными цветами раскрашивались прямоугольнички и квадратики с номерами полков и батальонов, пехота отличалась от кавалерии специальными значками. Цветами обозначались водоемы, строения, растительность, горы, складки местности и т. д. Эти аккуратные и стройные планы можно расценивать как альтернативу хаосу сражения: четко очерченные геометрические фигуры показывали группы грязных и оборванных солдат, а пунктирные или штриховые линии — метания конных масс, часто не единожды стремительно налетавших на противника и столь же стремительно откатывавшихся назад. Земляные укрепления, зачастую представлявшие собой насыпи с креплением из подручных предметов (хворост, детали разломанных строений и обозных повозок), выглядели на этих рисунках правильными многоугольниками. Окопы на планах смотрелись аккуратными зигзагами, тогда как в жизни нередко это были залитые водой канавы или осыпавшиеся ямы. Именно так выглядит «План сражению, бывшему при армянском монастыре Эчмиадзине между войсками Российско-Императорскими, предводительствуемыми господином генералом от инфантерии князем Цициановым, и персидским, предводительствуемыми шахским сыном Аббас-Мирзою. Июня 20-го 1804 года». Персидские войска, разделенные на семь колонн, на плане показаны продолговатыми кляксами с округлыми краями, тогда как российские войска и казаки отмечены ровными прямоугольниками. Так, вероятно, проявилась разница между регулярными и организованными русскими войсками и иррегулярными и «беспорядочными» персидскими.

Русские войска (два батальонных каре) встали между собственно Эчмиадзином и монастырем Шогикат линией длиной чуть более 400 метров, между ними расположилась конница. Еще три каре прикрывали вагенбург ^[733]. В изложении самого Цицианова события в районе Эчмиадзинского монастыря выглядели следующим образом. Сразу после прибытия русский корпус был атакован персами (около 18 тысяч человек). Первые налеты конницы стали серьезным испытанием для солдат, многие из которых не имели боевого опыта. Однако дружные залпы и щетина штыков сделали свое дело: противник откатился и два дня держался в буквальном смысле слова на расстоянии пушечного выстрела от русских позиций. Персы даже начали отступать за реку Араке, но воспрянули духом после подхода многочисленного ополчения эриванского хана. Цицианов усилил защиту обоза, а с остальным отрядом, «составленным из 4 каре,

двинулся к персидскому лагерю, в противоположной стороне Эривани стоявшему. Во время же следования... с войсками чрез труднейшие ущелья и чрезвычайно гористые места, защищаемые множеством персиян... встречен был ружейным огнем и стрельбой из фальконетов». Несмотря на это, егеря, «составлявшие авангардное каре, со всех мест сбили неприятеля. Наконец, достигнув высокой скалистой горы и затруднительной по крутизне своей и излучинами лежащей на ней дороги, куда собрались почти все Баба-хановы войска, командуемый полковником Козловским батальон гренадер штурмовал гору, и Козловский, не взирая на 50-саженную высоту ее, покрытую камнями и крутыми утесами, первый взлетел на оную». Персидская армия потеряла всякую способность к сопротивлению и бросилась в бегство, оставляя в руках победителей множество трофеев. На этот раз добычу составило всё, что находилось в персидском лагере, — огромные запасы провианта, несколько десятков верблюдов, сто пудов пороха. При этом русские потеряли всего одного убитым и 37 ранеными. Противник был так устрешен, что не оказал серьезного сопротивления при обороне предместий Эриванской крепости, которые попали в руки русских без больших потерь^[734]. А вот как этот же бой описан в воспоминаниях генерала С.А. Тучкова: «Лишь только персияне приметили мое движение, как, оставив свой лагерь, заняли лежащие на пути моем высоты. Потом, бросивши их с великой поспешностью, окружили меня со всех сторон. Но скорое построение из колонн двух каре в положение перекрестных выстрелов, и картечных, и ружейных, очень скоро их опрокинуло. Они отступали, собирались, нападали, ретировались и так водили меня с места на место до самого вечера. Я не имел конницы и потому не мог их преследовать. Одни только пушки заставляли их часто отступить»^[735].

Сопоставление различных материалов позволяет восстановить следующую картину событий: в первый день сражения при Эчмиадзине русские войска были разделены на две части. Первая, предназначавшаяся для штурма монастыря, состояла из двух гренадерских батальонов и егерского полка. Командовал ею сам Цицианов. Вторая часть, из трех пехотных батальонов и полка драгун, под начальством генерала Тучкова заняла позицию, позволявшую прикрыть штурмовую группу от удара многочисленной персидской конницы. Но атака противника оказалась столь мощной, что русскому корпусу пришлось соединить свои силы ценой оставления без защиты собственного лагеря. Впрочем, Тучкову удалось вовремя отправить отряд, изгнавший персов из вагенбурга. На следующий

день сражение продолжилось. «...Персияне атаквали нас со всех сторон... Мы стали неподвижно в каре, имея внутри оною слабую нашу конницу. Они перестреливались с нами на дальнем расстоянии, так что едва их ружейные пули могли достигать к нам почти без вреда. Артиллерия наша редко имела случай действовать, потому что они сгущенными толпами старались не приближаться на пушечный выстрел, а продолжали перестрелку, рассыпавшись. Одна их конная артиллерия (если только так можно назвать фальконеты, возимые на верблюдах) иногда нам вредила. Легкой или заменяющей конную артиллерию у персиян являются продолженные фальконеты, по большей части железные, от 1 до 2 фунтов калибра, из которых стреляют они свинцовыми ядрами. На седле верблюда передняя лука сделана из весьма толстого дерева, укрепленного со всех сторон железом. Посредине ее находится скважина, в которую вставляется железный стержень, раздвоенный вверху, и пушка утверждена запорами своими посредине оною так, как обыкновенно утверждают фальконеты на корабельных бортах. Ее можно оборачивать во все стороны, возвышать и опускать дуло. При каждом седле утверждено маленькое красное знамя, по сторонам кожаные сумы с зарядами, а на седле канонир, имеющий в руках пальник и прочую принадлежность. Они обыкновенно по несколько десятков следуют один за другим в один ряд, довольно скоро занимают назначенные им места. Когда остановятся, то канониры дергают своих верблюдов за особые шнуры, при уздах прикрепленные, отчего все верблюды ложатся на землю, подогнув ноги под брюхо. Тогда канониры с них сходят, ложатся за верблюдами, заряжают свои пушки и действуют. Сии животные довольно стойко выдерживают пушечные ядра, так что если убьют одного верблюда, другой, находящийся подле него, остается неподвижным. Но гранаты весьма их пугают, и нередко случалось, что от одной удачно выпущенной гранаты целая такая батарея рассеивалась по всему полю, оставя своих канониров на месте»^[736].

Сражение у Эчмиадзина походило на многие другие схватки неевропейских полчищ с европейскими войсками XVIII — первой половины XIX века. Регулярная пехота выстраивалась в каре и отражала яростные атаки конницы или нестройных толп пеших воинов. При этом кавалерия, практически всегда немногочисленная и уступающая в индивидуальном ратном мастерстве, фактически укрывалась между рядами солдат. Наибольшие потери нападавшие несли от залпов пушек, стоявших либо в интервалах между каре, либо на углах этих построений. После нескольких неудачных атак под воздействием вида массы убитых и раненых неевропейские ополчения постепенно теряли кураж, а затем

бежали, бросая снаряжение и артиллерию.

Поражение персов у Эчмиадзина можно было бы довести до полного их разгрома, но для этого требовалась многочисленная конница, а ее-то у Цицианова и не было. Поэтому разбитый противник без помех покинул поле боя, но на всякий случай убрался подальше — на целый дневной переход — и двое суток не показывался на горизонте. Затем, осмелев, персы приблизились и сделали простой, но эффективный в условиях знойного лета ход: отвели воду из ручья, протекавшего через русский лагерь. Однако они не учли, что строевых навыков у русских достаточно не только для того, чтобы четким квадратом стоять на месте, но и для того, чтобы двигаться. Построившись в каре и оцетинившись штыками, отряд прошагал до ближайшей речки, наполнил бурдюки, котлы и фляги водой и вернулся на место прежнего расположения. Неудачей закончилась и попытка персов овладеть холмом недалеко от лагеря, поскольку Цицианов заблаговременно поставил там укрепление (пригодились его фортификационные знания).

Несмотря на победу, Цицианов не стал штурмовать монастырь, опасаясь значительных потерь и не желая ослаблять корпус, направлявшийся на Эривань. И оказался прав: 30 июня в русский лагерь явился армянский монах и сообщил, что персы покинули монастырь, который тут же был занят двумя ротами пехоты. В последующие дни движение войск сопровождалось стычками с персами, а сам Цицианов продолжал переписку с Магомет-ханом, который под разными предлогами пытался избежать ввода русских войск в его столицу. Хан писал: «Мы ничего у вас не просим, кроме убежища от мщения шаха. Что до наших заслуг, то мы со всею охотой готовы служить вам и, ежели вам угодно, без всякого медления примем в крепости ваши войска, для коих только опасен здешний жаркий климат, ибо и герои не могут противиться природе. Между прочим, за нужное почитаю уведомить вас, что шах непременно будет сюда с гораздо большим числом войска, тогда-то мы понесем последние бедствия, а вы с многочисленным войском, расположенным в таком месте, может быть, не в состоянии будете отразить силы силой»^[737]. Успех у Эчмиадзина сказался на тоне и лексике Цицианова: если в предыдущем письме он проявил корректность, то в послании от 3 июля 1804 года предложил своему корреспонденту выбор: «...при женоподобном персидском войске оставаться или быть уверенным, что вы во всю жизнь вашу и с глазами, с ушами и с носом пребудете»^[738].

Тем временем устрешенный Аббас-Мирза ушел за Араке. 2 июля

Цицианов без помех стал обкладывать Эриванскую крепость. Она представляла собой два соединенных четырехугольника с башнями по углам, причем стены были двойными и перед каждой имелся ров, заполненный водой. Штурмующие должны были запастись двойным комплектом лестниц, поскольку первая стена была ниже второй, а взбираться на невысокую стену по высоким лестницам не очень удобно. С одной стороны крепость примыкала к реке, так что недостатка воды осажденные не испытывали. Когда первые ядра ударили в городские стены, хан выслал парламентаров, сообщив о готовности сдать крепость и попросив три дня на подготовку «кондиций» капитуляции. Однако в условленный срок никто с ключами от городских ворот не явился. Тогда Цицианов напомнил о своем присутствии коротким, но интенсивным обстрелом города. Тут же прибыли парламентары и объявили, что хан готов подписать мир на русских условиях, но боится «буйной черни» и просит еще два дня, чтобы ее успокоить. Главнокомандующий согласился потерпеть. Но и через два дня он не дождался капитуляции и снова отдал приказ о бомбардировке. Представители хана вновь не замедлили прибыть и объяснили, что все было готово к сдаче, но духовенство выступило против соглашения с гяурами, и потому хану нужно еще два дня, чтобы подкупить наиболее влиятельных мулл. Цицианов рассвирепел и дал два часа, пообещав после этого взять город приступом, перебить всех защитников и казнить хана за его коварство. Здесь князь явно блефовал: выяснилось, что боеприпасов и провианта мало, а полевая артиллерия не в состоянии нанести серьезный ущерб древним, но очень прочным укреплениям Эривани. Вскоре стали ясны причины, по которым хан тянул время: на подмогу шло многочисленное войско во главе с самим Бабаханом.

При осаде Эривани была выбрана следующая схема расположения войск. Конница, батальон Кавказского гренадерского полка и штаб Цицианова расположились с северной стороны в районе городского базара и караван-сарая. Этим участком командовал полковник Симанович. Влево от него позиции занял батальон Саратовского полка во главе с генерал-майором Портнягиным, героем штурма Гянджи. С восточной стороны подступы к Эривани (Кашгарское предместье) закрывали два батальона гренадер генерала Тучкова и Тифлисский полк генерала Леонтьева. С южной стороны сплошное заграждение устроить из-за недостатка войск не представлялось возможным, и потому здесь возвели редут на полторы роты. Командовал укреплением майор Саратовского пехотного полка Нольде. Поскольку Аббас-Мирза встал на реке Гарничай, между редутом

Нольде и лагерем Тифлисского полка возвели на Мухалнетском бугре еще небольшой редант на 40 человек. Чтобы противник не мог просочиться через сады, окружавшие город, в них расположили 9-й егерский полк полковника Цехановского.

14 июля 1804 года Баба-хан прямо с марша без раздумий атаковал войска Цицианова. Русские попали в клещи: с одной стороны наступала шахская конница, с другой — совершил вылазку эриванский гарнизон, воодушевленный долгожданным «сикурсом». Персы напали ночью, чтобы уменьшить эффективность действий регулярных войск. Отчасти их расчет оправдался, темнота помешала наладить связь между отдельными частями осадного корпуса. В самом тяжелом положении оказался отряд майора Нольде. 56 солдат и офицеров в течение нескольких часов отбивали атаки трехтысячного войска. Сам brave майор и его подчиненные — штабс-капитан Цыренев, поручики Кофтырев и Кубовский, прапорщик Рагер — «ободряли» солдат и сами вступали в рукопашные схватки с персами. Оборона этого редута представляет одну из героических страниц в истории российского оружия, подобно флешам Багратиона и курганной батарее Раевского. Так же отважно дрались защитники Мухалнетского реданта, несмотря на гибель своего командира поручика Мигданова. В критическую минуту сказался опыт полковника Цехановского. В кромешной темноте ситуацию можно было оценить только по звукам боя: размеренные пушечные выстрелы и дружные залпы ружей означали, что пехота без суеты отбивает натиск, а пушкарки картечью охлаждают горячность врага; беспорядочная ружейная трескотня была уже тревожным сигналом: противник напирал, и солдаты палили, не дожидаясь команды; если же стрельба вдруг резко умолкала, бывалые солдаты крестились: началась резня, когда возиться с заряданием уже не хватало времени. Именно это услышал Цехановский и повел своих егерей на выручку. Подойдя в темноте с тыла к наседавшим персам, он приказал ударить в штыки и кричать «ура» как можно громче. Опасаясь окружения и не ведая, что русских всего несколько десятков, противник бросился в бегство. В трудное положение попал и отряд Леонтьева. Сдерживая натиск персидской конницы, он «прислонился» к скале, но на нее вскарабкались вражеские стрелки и в считанные минуты уложили наповал восьмерых офицеров и 120 солдат. Чтобы очистить гору, был послан отряд поручика Лабынцева, известного впоследствии кавказского генерала. Он выгнал неприятельских стрелков, но понес такие потери, что не удержал позиции. Вторую попытку доверили прапорщику с «говорящей» фамилией Выскребенцев. Он действительно выскреб сарбазов из расщелин, где те укрывались, и спас свою часть от

неминуемой гибели. Но патроны и вода кончались, а отойти от скалы Леонтьев не мог, так как в этом случае он подставил бы фланги и тыл под удар многочисленной кавалерии. Наконец раздались звуки барабанов — на подмогу пришел батальон саратовцев во главе с капитаном Кушелевым.

Сражение под Эриванью заметно отличалось от предыдущих схваток с персами. Присутствие самого Баба-хана придало войскам невиданную раннее стойкость, ставшую для русских неприятным сюрпризом. Дважды складывалась критическая ситуация, когда бой шел буквально в нескольких шагах от склада припасов, накануне доставленных из Грузии. Если бы персам удалось поджечь зарядные ящики и фуры с порохом, осаду пришлось бы снять уже на следующий день. И все же русским удалось разгромить противника. Потери составили убитыми и ранеными 13 офицеров и 166 солдат; вражеских же тел на поле боя с рассветом подобрали более тысячи. За эту победу Цицианов получил орден Святого Владимира 1-й степени, хотя сам он мечтал о Георгии 2-й степени, том самом ордене, который получил Гудович в 1791 году за взятие Анапы.

Разгром персов позволил сделать осаду Эриванской крепости более «строгой». Гарнизон сначала вел себя сдержанно, беспокоя осаждавших только дальними и потому безвредными выстрелами, а также отдельными попытками выбраться за цепь русских постов или, наоборот, пробраться в крепость, пользуясь пышной зеленью садов и кромешной темнотой южных ночей. Шансы пройти незамеченными были невелики, поскольку кроме армейских постов окрестности Эривани патрулировали конные пикеты из отряда союзного России Джафар-Кули-хана. В полевом сражении от этих всадников было мало проку, но для караульной службы, а также для всякого рода «партизанщины» они были просто незаменимы. Некоторым из лазутчиков подобные попытки стоили жизни, поскольку солдаты не особенно старались брать пленных, опасаясь удара кинжала, которым персы умело владели. Время от времени тревогу устраивали армяне-перебежчики, доставлявшие сведения о положении в Эривани. Порой неподалеку от лагеря появлялись неприятельские отряды, однако активных действий они не предпринимали, ограничиваясь наблюдением за происходящим. Магомет-хан либо надеялся закончить дело миром, либо тянул время. По-прежнему с завидной регулярностью он отправлял посланников к Цицианову; их переписка продолжалась до сентября 1804 года. Однако хан всячески уклонялся от принятия присяги, ссылаясь теперь на то, что его семья находилась в заложниках у персов. Русский главнокомандующий предложил эриванскому владыке захватить отряд шахских войск, с тем чтобы обменять знатных пленников на его родню.

Чтобы сэкономить скудные запасы провианта, 20 июля команда фуражиров (27 повозок) отправилась в окрестности Эчмиадзинского монастыря — накосить созревшую пшеницу. Тем временем солдаты резали кустарник и плели туры — огромные корзины, которые затем наполнялись землей и служили защитой для артиллеристов на осадных батареях (или, как их тогда называли, бреш-батареях). В ночь на 23 июля туры установили на правом фланге. Бесшумно это сделать, разумеется, не удалось; персы открыли шквальный ружейный огонь, но спасительная темнота уберегла русских солдат от больших потерь: только один сапер был ранен.

Цицианов понимал, что Баба-хан не будет сидеть сложа руки и ждать, когда противник возьмет Эривань. И действительно, в тот же день пришло известие, что основные силы противника, располагавшиеся до того времени на значительном удалении, в районе селения Шарури, передвинулись ближе, к реке Гарничай. На рассвете появились отряды персов. В лагере были приняты меры на случай внезапного нападения, которое, по слухам, готовилось ночью. Поскольку неприятельских лазутчиков постоянно ловили, Баба-хан пошел на хитрость: 24 июля в лагерь приехал туркмен, якобы с «поклоном» от своих старшин. Его, однако, заподозрили в «шпионстве» и посадили под арест. Тем временем противник постепенно накапливал силы вблизи крепости. На берегу речушки Карабулах три сотни персидских всадников, проехав неспешно вдоль позиций, стремительно атаковали казачьи пикеты. Станичники не сплеховали и встретили нападавших дружными залпами. Те отхлынули, но при этом сумели угнать 35 лошадей, которых спешенные казаки укрыли от полуденного зноя в овраге.

Разведка донесла, что сын Баба-хана расположился лагерем на значительном удалении от основных сил. Цицианов загорелся идеей нанести противнику неожиданный ночной удар. Поскольку персы считали себя нападающей стороной, они не выставляли караулов: опасаться атаки, по их мнению, должны были русские, многократно уступавшие им в численности. Цицианов решил рискнуть: для пополнения отряда, направлявшегося в ночной рейд, пришлось полностью обнажить левый фланг осадной линии. Чтобы обеспечить себя от неожиданной вылазки, на ключевую позицию на Тифлисской дороге был выдвинут пехотный батальон. «Осажденные, пользуясь оным снятием, выпускали лошадей из крепости на корм и во многом числе выезжали туда, где происходило сражение, и вновь въезжали свободно, чему препятствовать мы не могли по малолюдству своему», — писал по этому поводу мемуарист, участник похода.

С наступлением темноты 570 солдат, 100 драгун, 30 казаков и 100 конных грузинских милиционеров при шести орудиях двинулись в поход под командой генерал-майора Портнягина. Вместе с ними выступила и сотня всадников Джафар-Кули-хана Хойского. Несмотря на всю тщательность подготовки, операция своей цели не достигла. Застать противника врасплох не удалось: к лагерю персов русские подошли уже на рассвете. Сын шаха не принял боя и, поспешно сняв палатки, бежал на соединение с отцом, который также ускоренным маршем шел к нему на помощь. Отойдя на приличное расстояние, противник занял господствующие высоты и стал ждать атаки. По некоторым данным, операция сорвалась из-за всадников Джафар-Кули-хана, которые не сумели или не захотели соблюдать тишину во время марша и переполошили своим гиканьем часовых в персидском лагере. Как бы то ни было, Портнягину пришлось возвращаться к Эривани, отбивая атаки многочисленных конных отрядов. Как писал участник похода, «каре, ретируясь через целый день, отстреливаясь то орудиями, то высылаемыми фланкерами, поражало нападавших так, что урон их безошибочно можно положить до 800 человек. С нашей стороны двое убито и 60 ранено». На следующий день, на рассвете, полагая, что русские отдыхают после трудного похода и утратили бдительность, персы совершили вылазку на батарею, охраняемую ротой егерей капитана Фирсова. Однако расчет на внезапность не оправдался, нападавших прогнали «с уроном». 26 июля отличился генерал-майор Леонтьев: окруженный противником в 20 верстах от Эривани, он сумел без потерь провести в лагерь обоз из 260 вьючных лошадей с провиантом.

Не добившись успеха с помощью лазутчиков, персы решили нащупать слабые места в осадной линии с помощью «разведки боем». В ночь с 30 на 31 июля их отряды неоднократно выступали из городских ворот, но без особого успеха. Днем же 31 июля «подошла персидская сила и, приближаясь до садов, протянулась по высотам; по показаниям вышедших — с намерением напасть, но, убоясь, ничего не предпринимала, а во 2-м часу, когда удалилась, то человек до 200 учинили вылазку на бастион майора Монтрезора, но прогнаны с уроном их убитыми 5 человек». В августе картина событий принципиально не изменилась: персы проверяли бдительность караульных вылазками небольших отрядов и посылкой отдельных шпионов. С внешней стороны осадной линии противник развлекался тем, что подъезжал на ружейный выстрел и наудачу палил по пикетам. Поскольку жена Джафар-Кули-хана, воевавшего на стороне русских, находилась заложницей в Эривани, Магомет-хан позволял знатной пленнице обмениваться с мужем посланиями. Русская сторона сначала

озадачилась сердечностью противника, но вскоре подоплека действий хана стала ясна. Вот что писал капитан Сымонович в своем дневнике: «10-го вышел из крепости персиянин под видом присланного к Джафар-Кули-хану от его жены, но при допросе сознался, что цель его выхода предположена Келб-ханом и Мамад-ханом (Магомет-ханом. — В. Л.) на тот конец, чтобы рассеять между нами разные слухи к устрашению нашему; который по допросе и отпущен в крепость».

Скучная осада оказалась не по душе грузинской милиции. Не годились грузинские князья и для караульной службы, которую они считали ниже своего достоинства. В итоге Цицианов отпустил ополченцев по домам, однако закончилось это печально. «С 7-го на 8-е отправились в Тифлис грузинские князья с дворянами и своими людьми, всего до 150 человек, которые, отъехав не более 30 верст, разбиты неприятельской партией и полонены, кроме нескольких, спасшихся бегством и давших о том знать», — записал в своем дневнике тот же капитан Сымонович.

А вот положение осажденных быстро ухудшалось. Свидетельством тому стали участвовавшие попытки жителей Эривани вырваться за кольцо блокады. 10 августа, «ночью часу в третьем, вышла из крепости партия персиян до 200 пеших и до 100 конных, и несколько с ними арб, которая нашими секретными пикетами по сильной перестрелке обращена, исключая несколько конных, прорвавшихся мимо казачьего пикета, при каком случае ранен один гренадер; с их стороны найден убитым один персиянин и две лошади. Урон же должен быть неприятельский чувствителен, полагая тем паче, что по нем и из пушки сделан выстрел картечью; но достоверно узнать нельзя из-за обычая их не оставлять тела убитых и раненых...». В городе начались болезни. Дело дошло до того, что Магомет-хан просил прислать лекаря для своего захворавшего сына, но в ответ получил приглашение сдаться и уже на правах почетного пленника пользоваться всеми медицинскими ресурсами русского войска. 12 августа храбрый капитан Фирсов сумел благополучно доставить в лагерь вьюки с солью и двух племянников Джафар-Кули-хана, на которых персы устроили облаву. Они намеревались захватить мальчиков в плен, а затем шантажировать дядю, вынуждая его отказаться от союза с русскими. 13 августа противник вновь проверил бдительность русских патрулей. Вот как это было: «Персидское войско тысячах в семи под начальством самого Баба-хана показалось от Гар-ничая с утра и, приближась к облежанию, разделилось на пять колонн и заняло высоты, где остановась, другие показывали намерения атаковать нас, и партии весьма близко подъезжали к верхним садам, но скоро удалились. Со всем тем им удалось угнать 55

подъемных лошадей Саратовского полка, коих пасли фурлейты в садах, к внешней стороне оных без прикрытия, и предались все сну. При том некоторые фурлейты и денщики по легкомыслию и мнимому удалству удалились версты за 4 за фуражом, а более за фруктами без всякого вооружения. Сии, будучи рассеяны по садам, тогда увидели неприятельскую партию, когда были окружены и потому некоторые спаслись бегством. 1 рядовой убит, 2 рядовых и 2 фурлейта Саратовского полка без вести пропали; 1 денщик Нарвского драгунского полка и 2 казака захвачены персиянами. Между тем из крепости производилась пушечная пальба бомбами и ядрами по нашим. Это при всяком появлении неприятельских партий производилось. Наконец в первом часу ударила вылазка из крепости в 300 человек на батальон полковника Козловского, которая, по трех выстрелах картечью от него и двух ядрами от егерей также и по перестрелке ружейной, побежала назад, потеряв человек 15 убитых. Причем ранен офицер один и три гренадера, а часу во втором неприятель удалился: до 300 человек пошло к Канагиру, а прочие к Гарничаю».

После этой операции осажденные заметно приуныли, а побег из крепости участились. Вся вторая половина августа прошла в перестрелках, в попытках персов в одиночку и небольшими группами выбраться из крепости. Русские испытывали недостаток в провианте; правда, до некоторой степени он смягчался походами групп фуражиров в Эчмиадзин, откуда привозили накошенный хлеб. 22 августа посланный с этой целью отряд майора Левицкого при возвращении в лагерь попал в окружение, но успел занять неприступную позицию. На выручку ему отправился отряд майора Майонова с приданной ему пушкой. Несмотря на яростные атаки персов, оба отряда не только благополучно вернулись с ничтожными потерями, но и сумели доставить значительную часть запасенного провианта. Как ни странно, персы не сумели организовать действенную блокаду русского лагеря, несмотря на огромное превосходство в силах и в особенности в кавалерии. Отряды, посылаемые Цициановым, без особых проблем добирались до Эчмиадзина и доставляли столь необходимые жизненные припасы. В середине августа выяснилось, что в Эривани запасы муки почти закончились, но имеется значительное количество зерна. Тогда Цицианов решил отвести воду от канала, который приводил в движение колеса шести городских мельниц. Ход оказался очень удачным. Как записал у себя в дневнике Сымонович 27 августа 1804 года, «в полдень выходили из крепости человек до 50-ти, чтобы отведенную нами от мельницы воду опять привести по-прежнему, но по перестрелке прогнаны без успеха. Ночью также покушались, но не допущены ружейными выстрелами».

Понеся значительные потери в открытом бою, Баба-хан решил одолеть Цицианова измором, отрезав его от Грузии. Ситуация становилась критической: хлеба не хватало — солдаты получали только четверть рациона. Пшеница, которую ранее косили солдаты, была сожжена персами на корню. Иссякли запасы водки и уксуса — средств, которые использовались для профилактики кишечных заболеваний. Чтобы не допустить появления дизентерии, русские солдаты из кислых и недозрелых плодов варили особый квас. Кроме того, они сушили листья полевого хрена, делали из них отвар, смешивали с фруктовым квасом и ставили для брожения; «через два дня получался весьма острый и крепкий напиток, укрепляющий желудок»^[739].

Для доставки в лагерь необходимого провианта в крепость Караклис, где были собраны припасы, отправился отряд подполковника Монтрезора. Из всех полков отобрали сто лучших солдат, каждому выдали по сотне патронов. При поддержке трех легких пушек и грузинских милиционеров под командованием генерал-майора И. Орбелиани они должны были совершить быстрый ночной марш. Однако противник узнал об этом предприятии и окружил отряд превосходящими силами. Все предложения о сдаче Монтрезор и Орбелиани отвергли и отбивались несколько дней. Только после того, как кончились боеприпасы, а солдаты стали падать от усталости и жажды, персам удалось одержать победу. В живых осталось всего несколько человек. На месте гибели Монтрезора недалеко от села Сарали Эриванской губернии в 1805 году был установлен каменный памятник, эпитафию на котором, по преданию, написал сам Цицианов. Однако в 1827 году сильнейшее землетрясение разрушило монумент, и в 1840 году возвели новый пятиметровый обелиск. За его сохранностью поручили следить расквартированному неподалеку 15-му гренадерскому Тифлисскому полку^[740].

Монтрезор ранее успешно служил комендантом в Караклисе — важном пункте на пути между Эриванью и Тифлисом. Чтобы разом развеять у местных мусульман мысли о возможности мятежа, он посадил под арест двух авторитетных старейшин. Но толкового офицера заменили никуда не годным — майором Саратовского полка Ходжаевым. Последний некогда служил в гвардии сержантом, был в Персидском походе 1796 года «за переводчика», а затем исключен «по случаю неявки в полк». Обычно под такой формулировкой скрывалось элементарное дезертирство. Ираклий II «принял его в мнимую свою артиллерию капитаном, каковые чины он и кизлярским армянам раздавал за две головы сахара». Поскольку по

условиям принятия Грузии в состав России все сословия сохраняли свои права и привилегии, Ходжаев стал капитаном уже русской службы, «...и как оказалось, что он не только артиллерийскую науку, но и арифметику не знает, то и написан в гарнизон, а через год пожалован чином по введенному закону по одному в полку производить в майоры». Новый комендант допустил грубейшую ошибку, освободив знатных арестантов. Не опасаясь за жизнь заложников, «татары» подняли мятеж и напали на отряд Монтрезора. Автор, описавший эту историю, посчитал нужным завершить свое повествование так: «При рассказах о сем деле я никогда не могу равнодушно слышать, что предание, сохраняя память о подвиге отряда Монтрезора, передает потомству только его имя, не упоминая о храбрых его сподвижниках. Если б было возможно, я хотел бы сделать известным даже всех простых воинов, участвовавших в сем деле. Чувства заставили меня выставить исчисленные здесь имена». Однако списки солдат не сохранились. Известно, что участь своего начальника разделили прапорщики Чирец и Верещага, поручик Ладыкин^[741].

Известие о гибели отряда Монтрезора сделало положение корпуса Цицианова критическим. Четыре тысячи голодных солдат, имевших провианта всего на три дня и ограниченный запас патронов, оказались фактически зажаты между шеститысячным гарнизоном Эривани и шестидесятитысячным войском Баба-хана. На собранном военном совете князь попытался «продавить» решение о продолжении осады, мотивируя это распоряжением Александра I непременно овладеть крепостью. Однако генерал Тучков предложил отступить, собрать достаточно сил и вернуться с большими шансами на успех. Его поддержали другие военачальники, видевшие бесперспективность дальнейшей осады.

Отход русских войск осложнялся тем, что им надо было пройти обширное предместье Эривани — лабиринт узких и кривых улочек, где легко было устроить засаду. Цицианов помнил, какую резню устроили лезгины егерям генерала Гулякова в Белоканах, и принял все необходимые меры предосторожности. Он приказал выставить 80 постов, которые обеспечивали безопасный отвод войск и обозов. Кроме того, передвижение пушек, людей и повозок производилось таким образом, чтобы у персов создавалось впечатление о том, что русские готовятся к штурму. Баба-хан так опасался наступления противника, что, даже обнаружив его отход от стен Эривани, стал готовиться к отражению атаки: снял лагерь и расположил свои войска на высотах вдоль реки Залги. Когда же он выяснил действительные намерения Цицианова, было уже поздно — русские полки смогли двигаться по ровной местности, где они, построившись в каре,

легко отбивали налеты персидской конницы. Главную проблему теперь представляло почти полное отсутствие продовольствия. Даже генерал Тучков в последние дни осады был вынужден питаться исключительно травой, напоминавшей по вкусу спаржу. Хотя Цицианов приказал избавиться от всех лишних повозок, их оказалось около 500 единиц. Прикрыть такую вереницу наличным числом людей было невозможно. «Сие заставило главнокомандующего прибегнуть к необыкновенному способу: узнав, что дорога идет степью, он велел построиться обозу в 30 рядов и окружить оный карем, коего передние и задние фасы для облегчения солдат шли вдвоенными взводами, а по отбою составляли обыкновенным порядком фронт. Хотя марш сей от ломки обоза продолжался около 10 часов, однако ж каре достигло до назначенного места безвредно и не потеряв ни одного человека»^[742].

Уже у самой грузинской границы произошел следующий эпизод. Генерал Тучков со своими грендерами шел по долине, заросшей высокой и сухой травой, и нисколько не встревожился, увидев, что несколько всадников заехали с наветренной стороны. Когда же противник поджег траву, ситуация стала очень опасной. «Густой дым и пламя со всех сторон нас окружали, а треск от горящей травы совершенно заглушал неприятельские выстрелы, так что мы не иначе могли узнать о его приближении, как по пулям, прилетающим к нам сквозь дым без всякого звука. Трудно было сделать какое-нибудь распоряжение. Треск от травы заглушал командные слова, причем дым препятствовал произношению оных. К тому же для всех распоряжений имел я при себе только полковника Симановича и одного адъютанта, прочие же офицеры, не считая умерших, были тяжело больны и отправлены по другой дороге в Грузию. В сей крайности, желая по крайней мере увидеть, близко ли находится неприятель, бросился я верхом налево и приметил, что не более как в пятидесяти шагах от нас находится довольно пространство степи, на котором трава уже совершенно сгорела и погасла. Итак не осталось мне ничего больше к спасению, как, пренебрегши всю опасность огня, велеть моим грендерам приподнять патронные сумы как можно выше и поспешнее бежать сквозь дым и пламя на примеченное мною обгорелое место. Больше всего страшили меня ящики с зарядами, но и те счастливо туда достигли. Тут устроясь в боевой порядок, начал я действовать против неприятеля и ожидал, когда вся трава на предлежащем мне пути сгорит... Сражение окончилось только несколькими ранеными с моей стороны»^[743]. Персы в течение девяти дней преследовали отступающую русскую армию,

пока она не достигла пограничной крепости Караклис. Девять дней арьергард не знал ни минуты покоя, отбивая картечными залпами налеты конницы. После возвращения 17-го егерского полка из-под Эривани в нем осталось всего 400 человек солдат и шесть офицеров^[744]. Описание ситуации под Эриванью в письме М.С. Воронцова Арсеньеву от 30 сентября 1804 года принципиально не отличается от официальных рапортов: «Беспрестанные драки ничего бы не значили, хотя и потеряли мы в оных довольно людей; но подцели нас больше недостаток в провианте, страшная жара и особливо болезни, которые до того простирались, что более шести недель половина корпуса лежала, а другая половина более походила на тень человеческую, нежели на настоящих воинов. И в этом-то состоянии, имея менее 200 под ружьем и расположенные на семи верстах кругом неприятельского города, в котором было до шести тысяч гарнизону, а вокруг нас персидская армия до 45 000, мы дрались почти каждый день и всегда побеждали, так что, когда уже совсем не стало ни хлеба, ни способов доставления оного, мы по сей причине принуждены были снять блокаду. Персияне не смели почти беспокоить наше отступление, хотя оно было и труднейшее. Обозу весьма много, а лошадей почти не было: всех драгунских и казачьих отдали под артиллерию и под полки (полковые обозы. — В. Л.), а со всем тем больше везли на руках. К сему прибавить надо страшное число больных, так что в одном полку третьей части не было налицо, а офицеров еще меньше здоровых, по препорции, нежели солдат. В пример тебе скажу, что в двух батальонах Кавказского полка командовали в одном поручик, в другом подпоручик, в третьем — подполковник; ни капитана, никого из помощников не было... Но персияне так напуганы русскими штыками, что хотя и приходили каждый день с нами драться, но не так жарко, чтобы помешать нашему походу, а больше все строили беспрестанно батареи из Фальконетов и стреляли, но фланкерами нашими всегда были сбиты... В один день они нас потревожили серьезно следующим образом. Ветер был сильный, нам в тыл, а трава по степи весьма сухая от больших жаров. Они ее зажгли, так что обоз был в крайней опасности, и особливо находящиеся сзади зарядные и патронные ящики. В самое то время они сделали со всех сторон сильное нападение. Тут было очень жутко. Однако, хотя и с большим трудом, успели огонь потушить плащами и мешками и пр., а персиян отбить штыками»^[745].

Несмотря на свое подавляющее численное превосходство, персы ничего не смогли сделать с русским корпусом. Однако тут появился новый

враг — жажда. Русские генералы неосмотрительно выбрали позицию, не имевшую прямых выходов к воде, и на третий день, когда ее запасы иссякли, солдаты перестали слушать команды и самовольно двинулись к ручью. Генерал Тучков вовремя заметил эту перемену в настроении войск. Он сформировал отряд, направил его на захват источников и сумел восстановить порядок. Уставший противник прекратил атаки, но и русские оценили настойчивость персов, а также опасность недостатка воды. Корпус Цицианова отступал, используя тактическое построение, многократно испытанное в войнах с турками. Пехота образовывала огромный прямоугольник, внутри которого помещался обоз, а на углах — артиллерия. Многочисленная и маневренная конница противника роилась вокруг, но ничего не могла сделать. Недостатком такого образа действий была малая скорость передвижения из-за задержек, связанных с частой поломкой обозных телег. Чтобы вновь жажда не стала союзником врага, войско расположилось в укрепленном лагере на берегу реки Залга. На следующий день Цицианов разделил свои полки на несколько батальонных каре и, переправившись через Залгу, двинулся на персов, занявших позиции на вершине горы. Персы отступили. Русские потеряли ранеными двух офицеров и 16 солдат и убитыми трех солдат. За десять дней отступления умерли пять офицеров и 140 нижних чинов.

Одной из причин отступления Цицианова, несмотря на разгром персов у Эчмиадзина, стали проблемы в самой Грузии: необходимость восстановления сообщения с Россией по Военно-Грузинской дороге, внутренние мятежи. «Надлежало б быть в Тифлисе другому князю Цицианову, чтоб действовать внутри границ соответственно внешним предприятиям, — писал один из первых историков Русско-персидской войны 1804—1813 годов П. Санковский. — По незнанию края и духа народов, как живущих в Грузии, так и окружающих сию страну, допущены были ошибки, которые имели неблагоприятные последствия. Важнейшие неосторожности состояли в действиях, которые распространяли уныние между своими и поощряли дерзость противников. Нет, может быть, края, где бы молва неслась так быстро и пускала бы столь многообразные отрасли, как Закавказский. Кажется, что природа, которая, наполнив здешнюю землю горами и ущельями, дала ей свойство вторить один звук в тысячах различных раскатах, сообщила в то же время подобную способность и ее жителям — быстро разносить и повторять в тысячах видов один и тот же слух»^[746].

Царь на известие о снятии осады с Эривани ответил милостивым рескриптом от 8 ноября 1804 года, в котором признавал, что Цицианов

действительно был вынужден это сделать: «...Я совершенно с вами согласен, что Эривань необходимо должен уже теперь быть покорен, считая, что чем скорее цель сия достигнута будет, тем большее впечатление произведет она в персиянах и других тамошних народах, кои, по легковерию своему, могли в случайной удаче сей находить важные успехи, а потому и представляю я совершенно на усмотрение ваше избрать время и средства к предприятию новой против Эривани экспедиции...»^[747]

«Спросите кого угодно за Кавказом о предприятии князя Цицианова против Эривани, и вам будут отвечать неопределительно как о малоизвестном и даже малозначущем событии, — писал П. Санковский. — Отчего же такое невнимание к знаменитым победам, одержанным в сем достопамятном походе, к славному отступлению генерала Портнягина и к подвигам сынов России, отличившихся в сей экспедиции многими частными примерами, достойными Истории? Потому что Эривань не была взята. Таким образом видит происшествия неразборчивая толпа современников; не будучи в состоянии исследовать причины, она судит о делах по одному только счастливому окончанию; но не с той точки зрения глядит на происшествия глаз просвещенного наблюдателя. Беда для историка, если, увлеченный мнением толпы, он опрометчиво дерзнет основывать на оном свои суждения, но счастлив, если, сравнивая действия с причинами, ему удастся представить потомству события в настоящем их виде и если, озаряя светом критики деяния, по своевольству судьбы покрывающиеся мраком несправедливого забвения, он может хотя несколько содействовать к умножению славы своих соотечественников. Я говорю соотечественников, ибо не вполне верю существованию Историка Космополита. Без сомнения я убежден в том, что, рассматривая события, он должен быть одушевлен одной чистейшей истиной, но никогда не поверю, чтоб он мог равнодушно упоминать о добродетелях своих единоплеменцев и чтобы кровь его не кипела при описании какого-нибудь подвига соплеменных ему людей»^[748].

*

В числе главных проблем Цицианова в кампании 1804 года была проблема царевича Александра, который, несмотря на поражение от передового отряда русских войск, оставался в опасной близости от Грузии. При движении русского корпуса к Эривани мятежный царевич оказывался

в тылу, имея «под рукой татарские дистанции, коих жителей мог по произволу направлять к возмутительным действиям»^[749]. 9 июня генерал Тучков получил известие, что неподалеку находится около семи тысяч армянских семейств, пытавшихся переселиться в Грузию. Эти люди оказались в страшной опасности: персидская конница была послана для того, чтобы вернуть беглецов или перебить их до единого человека, дабы другим христианам неповадно было эмигрировать в российские пределы. Быстрый рейд русских войск позволил спасти беженцев. Однако приближение огромного персидского войска обеспокоило коменданта крепости Елисаветполь (Гянджи) полковника Карягина, у которого имелось в наличии всего 582 солдата. Два неполных батальона могли успешно отбиваться в чистом поле от иррегулярной конницы, но оборонять городские укрепления протяженностью более 1800 метров таким числом солдат было решительно невозможно. Только в начале мая 1804 года прибыло подкрепление — батальон Севастопольского полка, после чего солдаты Карягина воспрянули духом. Для того чтобы исключить мятеж внутри города, из него выслали большое количество «ненадежных» жителей.

Впереди авангарда персидской армии летели «фирманы» Баба-хана, направленные различным владельцам и старшинам вольных обществ. Они пугали малодушных, испытывали нестойких и воодушевляли враждебно настроенных к России. Митрополит Иоанн Бодбели 18 апреля 1804 года получил одно из таких посланий: «Государь (шах. — *В.Л.*) весьма разгневался и двинул такие войска, что они увлекают с собой горы и доли. Его державство говорит, что, дескать, мои славные войска должны идти до Кизляра и Моздока. Не слыхано и не видано такого колеблющего землю войска, — уверяю вас клятвой. Я думаю, что всю Грузинскую землю они взроют на 9 аршин. Теперь все зависит от того, какое мужество окажете. Для того я вам докладываю, что за Багратионов вы много мучений перенесли от русских и теперь постарайтесь показать перед славным государем вашу верность, чтобы воспринять взаимно милость по мере трудов... Постарайтесь и потрудитесь, чтобы искра Грузии не погасла. Клянусь Богом, если все тамошние, приверженные русским и изменившие Багратионам, пойдут сюда навстречу, то ни в чем не должны сомневаться — напротив, получают большую милость. Насчет находящихся в вашей стороне царевичей не сомневайтесь. Шах своеручно опоясал Александра мечом, и перстень ему велел сделать, и Грузию ему же пожаловал. Поверьте этому и вы, и народ — всё это точно и истинно».

Не забыл Баба-хан и о населении самой Грузии: «Известно, что Грузия

составляет часть иранских владений. По оплошности Грузинских царей, заблужденные русские уже начали помышлять утвердиться в этой стране. Александр-мирза и Теймураз-мирза прибыли к нашему двору. Наша высочайшая воля состоялась в оказании покровительства этим царевичам и отторжении Грузии от проклятых русских. А потому ныне, удостоя их высочества монарших милостей, командировали их к наследнику нашему Аббас-Мирзе, которого отрядили в Грузию с 50 000 армией и всеми снарядами и приготовлениями. Царевичи будут находиться при нем и служить в его отряде. Мы же сами... снимемся из столицы и направимся в Грузию и Кизляр. По милости Божьей те страны будут очищены от гяуров русских и истреблены мечами победоносных воинов, и царевичи будут утверждены в Грузии. А потому вы должны собрать свои ополчения и быть в готовности, чтобы по прибытии нашей армии в те страны содействовать ей в истреблении русских своим самоотвержением и заслугами и сделать себя достойными наших монарших милостей и благоволения»^[750].

Для более ясного понимания ситуации следует учитывать политическую культуру Грузии того времени. В глазах тамошнего населения все происходящее являлось одной из форм династических неурядиц: персидские владыки изгоняли с престола одних правителей Карталинии и заменяли их другими. Практически каждое наследование грузинской короны сопровождалось конфликтом в правящей фамилии. Слово «навечно» в документах о вхождении Грузии в состав Российской империи было не более чем заявлением о серьезности намерений Петербурга, а также обычным словом из лексикона дипломатов. Немало подобных документов, действие которых на самом деле продолжалось не более нескольких лет, лежит в архивах. В глазах многих грузин ситуация выглядела следующим образом: ориентированная на Россию часть национальной элиты одолела другую, ориентированную на Персию. Призванные на защиту победителей русские коварно выслали царскую семью и прибрали к рукам всю власть в крае. При этом в Персии находился царевич Александр, имевший неоспоримые, по местным меркам, права на престол. К тому же после разгрома Тифлиса персами прошло всего восемь лет, еще не стали взрослыми дети, осиротевшие во время нашествия Ага-Магомет-хана. Этот ужасный даже по азиатским меркам злодей «наказывал» Грузию за «ослушание», за попытки уйти из-под его власти. Подготовка обороны Тифлиса и перенесение вещей и бумаг из дома главнокомандующего в крепость были восприняты как признак скорого приступа персов и разгрома русских под Эриванью. Паника имела тяжелые последствия и на основном фронте борьбы с персами. «Беспорядки,

произошедшие в сию эпоху панического страха, заставили пренебречь главный предмет: поддержание сообщения с действующими войсками и снабжение оных продовольствием», — писал П. Санковский^[751].

Персидское командование понимало значение Военно-Грузинской дороги для войск, находившихся в Грузии. Поэтому в Осетию и Кабарду полетели послания, склонявшие горцев на сторону Тегерана. Вот одно из них: «...Во внимание к тому, что вы в настоящем году оказали блистательные заслуги нашей державе и, сражаясь с гяурами русскими, разорили им пути прохода — мы повелели освободить 10 человек из вашего племени, попавшихся в этом году в плен нашим войскам и содержавшихся в Тегеране, и отправить их на родину. Да послужит эта милость доказательством нашей к вам благосклонности. После наступления навруза наш высочайший лагерь снимется из столицы с 100 000 армией, 200 пушек, мортир, Фальконетов и снарядов и необходимыми приготовлениями и двинется на Грузию, Кизляр и ту сторону. По Божьей милости в настоящем году гяурам суждено испытать от нас такое истребление, чтобы от них не оставалось и следов в тех местах. Будучи обнадежены нашей милостью, не переставайте продолжать неутомимые ваши сопротивления русским; старайтесь пуще прежнего ломать мосты и портить их дороги, так чтобы никому из них не представлялось пути к спасению. Одним словом, не допускайте их утвердиться в тех местах». Подобные послания с фантастическими рассказами о разгроме русских войск под Эриванью и о численности армии шаха рассылались и в другие места^[752]. Баба-хан оценил как боевые возможности российских войск, так и важную роль волнений и мятежей в Закавказье и на Кавказской линии для отвлечения на них и без того скромных сил, находившихся в распоряжении Цицианова. Этим во многом объясняется та активность, которую персы проявили в рассылке прокламаций и эмиссаров по всему региону. Только верный России шамхал Тарковский перехватил 36 «возмутительных писем», адресованных князьям и народам Северного Кавказа.

Боевые действия «на персидском» фронте осложнялись внутренними неурядицами. Во-первых, продолжались разного рода волнения, большей частью инициированные царевичами Александром, Парнаозом и Иулоном. Хотя непосредственной угрозы российскому правлению они не представляли, но держали местную коронную власть в напряжении, заставляли при каждой военной акции задумываться о безопасности тыла. Во-вторых, несмотря на разгром джаро-белоканских лезгин и формирование оборонительной линии в долине реки Алазань, набеги

продолжались, некоторые отряды горцев доходили до окрестностей Тифлиса. Все это было крайне неприятно для правительства, так как противоречило заверениям о том, что пребывание под российским скипетром обеспечивает жителям Грузии полную безопасность. Третьим пунктом напряженности стал осетинский участок дороги, проходившей по долине Терека. Тагаурцы напали на купеческий караван, не подчинились требованию Цицианова вернуть награбленное, за что лишились права въезжать в Грузию и в Моздок. Ответом на это стало общее восстание тагаурцев. Для их «обуздания» был отправлен отряд под командованием полковника князя Эристова, который получил предписание не церемониться с мятежниками: «жестокостью оружия колоть, рубить, жечь их селения, словом, при вступлении в их жилища и с ними в дело должно истребить мысль о пощаде, как к злодеям варварам»^[753]. Одновременно с угрозами Эристову предписывалось вести с осетинами переговоры, обещая им жалованье в размере 1650 рублей серебром в год и уравнивание их старшин «в достоинстве» с казачьими офицерами. Однако тагаурцы объявили, что закрывают для русских всякое движение через свои земли и ждут к себе царевичей Иулونا и Парнаоза. Дорожная повинность, которую выполняли осетины в районе Военно-Грузинской дороги, очень тяжелая сама по себе, становилась невыносимой из-за злоупотреблений местных начальников. Систематически задерживалась заработная плата, капитан-исправники жестоко обращались с рабочими. По приказу одного из них для устрашения солдаты запрягли в сани двух женщин и погоняли их кнутами. Ответ был предсказуемым: разъяренные родственники этих двух несчастных забили представителя власти лопатами. Это убийство стало сигналом к массовому восстанию: дорога на протяжении нескольких километров была завалена камнями и деревьями, казачий пост в Кайшапуре (17 человек) вырезан, убиты или ограблены все, кому не повезло в тот момент оказаться в центре событий. Нельзя не согласиться с мнением историка Н. Дубровина: «Самовластие земской полиции, необдуманные и несообразные с духом и характером народа распоряжения были поводом к восстанию горских племен, подвластных Грузии, и волнению в целой стране»^[754].

На развитие событий негативно повлияли и ошибки правителя в Грузии по гражданской части генерал-лейтенанта Д.М. Волконского, который не сумел сразу по прибытии на новое место службы весной 1803 года усвоить адекватные приемы обращения с тамошним населением. Цицианов писал по этому поводу министру внутренних дел Кочубею 14

сентября 1804 года: «По рапортам генерал-лейтенанта Волконского не вижу не только уменьшения волнования тиулетинцев, но вящие их дерзости, кои ни к чему иному приписать не могу, как тому, что сказанный генерал, вверяясь доносам и советам грузинских князей, не те меры и не тех людей употребляет, как и каких следовало бы. И все сие происходит от незнания их характера национального, который клонится к легковерию и легкомыслию, ни князей, кои попечением царя Ираклия привыкли друг против друга враждовать и на сем основывать все свои шаги и все свои доносы»^[755]. Волконский решил «купить» пшавов и хевсуров, отправив им 1000 рублей под обещание не участвовать в восстании, однако это было расценено как слабость власти; пшавы и хевсуры стали активно помогать осетинам. Царевичи Александр, Иулон и Парнаоз разъезжали по аулам, призывая всех взяться за оружие и изгнать русских. Чтобы ободрить своих союзников, царевичи сообщали о движении к ним на помощь огромного персидского войска. Подстрекая горцев к восстанию, они продолжали подрывную деятельность как на востоке, так и на западе Грузии, сплачивая вокруг себя всех князей Имеретии и Кахетии, которые были недовольны российскими властями. Неизвестно, как бы развернулись события, но в тот момент отличился до того никому не известный майор Рейх, комендант города Гори. 24 июня 1804 года он врасплох напал на лагерь царевичей в районе урочища Шагорбели. Парнаоз сумел укрыться в лесу, а Иулону взяли в плен и посадили в каземат «под строгим присмотром». Однако этот успех только замедлил распространение восстания.

В июле 1804 года в районе укрепления Степанцминде стали собираться отряды осетин (тиулетинцев), требовавших от майора Казбека, тамошнего владельца, выдать им русских рабочих и гарнизон укрепления, деньги, там хранившиеся, а также присоединиться к ним. Последнее требование объяснялось огромным влиянием майора на хевсуров, которых тиулетинцы побаивались. Когда Казбек отверг их требования, осетины сумели добиться нейтралитета хевсуров, пообещав им половину будущей добычи. Комендант укрепления полковник Дренякин и майор Казбек, видя подавляющее преимущество противника, стали вести переговоры, которые закончились тем, что повстанцам досталось все, что имелось в Степанцминде, включая одежду солдат и офицеров. Горцы оставили им только то, что прикрывает наготу. Всех русских увели в плен и в ближайшие дни обменяли, назначив крупные выкупные суммы. Следующим крупным успехом повстанцев стал разгром полка донских казаков, шедшего в Закавказье с большой партией рекрутов. По непонятной

причине эта часть пустилась в путь, хотя во Владикавказе уже знали, что вся трасса Военно-Грузинской дороги находится вне контроля правительственных сил. Осетины захватили всех лошадей, всех рекрутов и половину казаков. 26 июля в районе селения Ананур Волконский с батальоном пехоты и полутора тысячами милиции под командованием князя Эристова имел стычку с горцами, после чего разорил несколько аулов, надеясь тем самым устроить население края. Эффект оказался обратным — погром вызвал волнение даже в тех местах, где ранее было спокойно. Волконскому не оставалось ничего другого, как вернуться в Тифлис. Майор Мела, занимавший укрепленный Ломисский пост с батальоном Севастопольского мушкетерского полка, дрогнул, увидев многотысячное ополчение горцев, и оставил пост, бросив артиллерию и обоз. Ему удалось почти без потерь соединиться с главными силами. После этого разорению подверглись имения князей Эристовых, которым мстили за их верность России и участие их ополченцев в операциях против осетин.

11 июня 1804 года генерал-майор Талызин атаковал позиции повстанцев и после двухчасового боя взял штурмом завалы, устроенные на дороге к селению Ананур, потеряв четырех человек убитыми и 13 ранеными. Вместе с рапортом о ходе боя Цицианов получил записку из одиннадцати пунктов о причинах недовольства населения, подписанную старшинами и сельскими священниками. Этот документ многое объясняет: «...1) в нестерпимый для человека холод заставили нас сгребать страшный снег и расчищать дорогу; 2) на этой же, нами сделанной дороге образовалась от дождей грязь; нас заставили срубить хворост и бросать в эту грязь; в настланном таким образом хворосте завязла нога казачьей лошади, и за это стали бить нас плетью и убили двух человек... 3) пошел снег, и занесло нами же сделанную дорогу; для расчистки ее нас согнали в такую пору, когда падал завал (сходила лавина. — *В. Л.*), не устраняя от верной смерти. Завал тронулся и чуть не задавил нас... 4) пришли 80 солдат и 12 конных казаков; на их продовольствие требовалось в день — на солдат 10 шт. скота, на казаков — 2; кур, сыру и масла кто сосчитает? 5) на лошадях и быках от перевоза тяжестей не осталось и кожи, а платы нам не давали; раз только выдали по рублю. И это мы стерпели; 6) двух женщин запрягли в ярмо и привязали сани, а солдаты сзади подгоняли женщин плетями... 9) обещали нам с клятвой тарханство на 7 лет (освобождение от налогов. — *В. Л.*), но и одного года не подождали; в нынешнем году вместо положенных овец, баранов, масла и проч. взяли с нас деньгами за два года, что было не под силу нам, и так как мы нигде не могли достать, то заставили взять серебро из наших церквей... 11) было приказано, чтобы в

тех местах, где стояли казаки, ячмень и сено покупались ими за деньги, и чапаров (курьеров. — В.Л.) они должны были снабжать своими же лошадьми; но ячмень и сено брали у нас без платы, а лошадей без прогонов, да и курьера отправляли на наших же лошадях». Заканчивалась записка такими словами: «Мы все до единого остановились на том, что если никакая другая напасть не постигнет нас, дабы избавить от нестерпимой горести, то зажечь своими руками наши дома, жен и детей вогнать туда и самим броситься и так сгореть»^[756]. Были и другие причины возмущения, среди которых «первенствовал» слух о введении рекрутчины. Боевые действия продолжались до глубокой осени 1804 года, наибольшую стойкость проявили мтиулетинцы и тагаурцы. 9 августа им удалось разгромить отряд численностью 60 человек. Только 29 октября всеподданнейшим докладом Цицианов смог отрапортовать о том, что все основные очаги возмущения погашены.

Развитие событий не на шутку обеспокоило правительство. Командующий Кавказской линией генерал Глазенап, проявлявший в тот момент необъяснимое спокойствие, получил категорическое распоряжение Александра I восстановить движение по Военно-Грузинской дороге. Для этого было приказано направить один драгунский и два казачьих полка с артиллерией. Для пополнения войск, уже находившихся в Закавказье, назначили значительную партию рекрут. Кроме того, из Крыма в Мингрелию направились морем пехотный полк и две артиллерийские батареи^[757]. Одной из главных причин волнений был слух о том, что Цицианов потерпел сокрушительное поражение под Эриванью. Этому верили все и расходились только во мнении: убит он или взят в плен. Когда же князь вдруг вернулся в Тифлис живой, здоровый и по-прежнему грозный, восстания стали прекращаться как по волшебству. Так что главнокомандующий имел все основания писать Александру I: «Держаю надеяться, что с помощью Божьей все будет приведено в свой прежний порядок и тишину, лишь бы мои помощники своими новыми и самовластными распоряжениями не расстраивали того, что мне Бог помогает устраивать, и следовали бы плану моего поведения, коему я всегда готов дать отчет и который основан на некоторых познаниях о нации, приобретенных с младенчества моего, еще в доме отца моего»^[758].

Генерал Глазенап встрепнулся после сердитого «окрика» из столицы и направил для освобождения Военно-Грузинской дороги отряд под командой генерал-майора П.Д. Несветаева — Казанский пехотный полк, два полка донских казаков и 500 рекрут. Несмотря на огромную

численность своих приверженцев, царевич Парнаоз не сумел организовать сопротивления и потерпел полное поражение. Он пытался бежать в Хевсуретию, но тамошние жители, еще недавно охотно участвовавшие в мятеже, отказали ему в убежище. 31 октября 1804 года Цицианов рапортовал императору: «...одна из гидр, раздирающих Грузию междоусобной войной и вовлекающая бессмысленный народ в несчастья, поймана и заключена в благородную неволю, а именно царевич Парнаоз. Сие счастливое приобретение тем важнее, что научит и царевича Александра не посещать Грузию, а еще меньше столь долго оставаться в оной и набирать партию из неблагодарных князей»^[759]. В апреле 1805 года Иулон и Парнаоз вместе с семьями были высланы в Россию: первый — в Тулу, второй — в Воронеж. Для того чтобы убедить царевича Теймураза вернуться из Персии, попытались использовать его жену. Трогательное послание несчастной женщины, оказавшейся жертвой политической борьбы, осталось без ответа. «...Три года с половиной как я в разлуке с вами; всякое удовольствие вы превратили мне в горесть. Для меня был труден даже и один час разлуки; как же мне не дивиться тому, что я еще жива и могу беседовать с вами. Но я одушевляю себя еще тем, что надеюсь на ваше боголюбие, по коему вы не расторгнете той благодати и благословения свыше, которым мы соединены, и не изгладите из своего сердца любви ко мне. Если на этот счет проникнет в мой ум сомнение, то я не позволю себе жить, и уверена, что напоследок будете каяться и сожалеть. Умоляю тебя, государь мой, слава моя. Вспомни, во-первых, радость и любовь, а во-вторых, — пламя горести, возожженное во мне, и ради вашего милого сердца, когда дойдет до вас письмо губернатора, человека правдивого и искренно пишущего, покоритесь ему. Довольно с меня столь продолжительной печали и разлуки с вашей светлостью»^[760].

Как правило, после подавления любого восстания следует период расправы с наиболее активными участниками. Но Цицианов и его окружение посчитали репрессии бессмысленными и даже несправедливыми, принимая во внимание политическую культуру края. Всего арестовали 70 «зачинщиков», продержали их в крепости до весны 1806 года, после чего Александр I их всех помиловал. Сделано это было на основании доклада правителя Грузии Литвинова, объяснявшего необходимость снисходительного подхода к тем, кто участвовал в волнениях. «...Угнетение грузинского народа соседними владениями... правление царей учинило нетвердым для них и малонадежным для подданных, — говорилось в докладе. — Сверх того власть, постепенно

разрушавшаяся раздроблением в разные руки, отвлекла здешних жителей от уважения единства власти. При малейшем неудовольствии присягу и верность меняли без всякого стыда, поставляя сие спасительным средством... Из сего положения обстоятельств видно, что самодержавие и безначалие были совокупны в одном правлении, то можно ли иметь надежду, чтобы народ сей, следуя положительным правилам, мог хранить верность к новому государю, когда поставлял ни за что изменить своему природному? Присоединить к сему должно обстоятельства того времени: бунт тиулетинцев и других горских народов, совершенное прекращение сообщения с Россией, возмутительные грамоты Баба-хана; не только сомнительное положение, но достоверно разглашенное истребление главнокомандующего и всех войск под Эриванью; наконец, прибытие царевича Парнаоза в Грузию — достаточны были отклонить сих не утвержденных еще подданных от стороны Россиян и заставить их стараться на будущее время снискать в царевичах себе и семейству своему подпору. Из сих соображений явствует, что жители Грузии, не только в отношении против Российского Государя, но даже против отечества своего по одинаковым преступлениям равно с российскими ответу подлежать не могут; претерпенное же ими несколько лет заключение в крепости довольно уже виновных омыло от преступлений, а невинных усмирило на будущее время»^[761].

Несмотря на отступление от Эривани, значительные потери и тяжелое впечатление от уничтожения отряда майора Монтрезора, общая стратегическая обстановка зимой 1804/05 года выглядела весьма обнадеживающей. Междоусобица в Нахичеванском ханстве позволила, приняв сторону одного из враждующих братьев, без особых усилий включить это владение в состав империи. Аналогичная ситуация сложилась и в Шекинском ханстве. Изгнанный мятежными родственниками Селимхан обещал дать присягу на подданство и даже построить русскую крепость на своей земле, если ему помогут вернуть былую власть. Возвращение пленных и получение компенсации за расходы по предыдущей кампании Цицианов намеревался обеспечить военно-морской «диверсией»: Каспийская флотилия должна была появиться в районе порта Энзели и потребовать контрибуции и освобождения российских подданных. Взятие, а тем более удержание Баку виделось главнокомандующему делом проблематичным. Поэтому он намеревался после бомбардировки города «для устрашения» занять гарнизоном укрепление Урус-кале, расположенное на господствующей высоте над городом и пристанью. После всех этих изменений политической карты

шемахинскому хану пришлось бы тоже согласиться на переход под российский скипетр. Присоединение к России всех этих территорий ставило эриванского хана в безвыходное положение, и ему пришлось бы покориться.

В начале 1805 года шах отправил войско под командованием Абдул-Фет-аги на Карабах, чтобы заставить тамошнего хана отказаться от переговоров о принятии российского подданства. Восемидесятилетний Ибрагим-хан оказался неплохим полководцем и наголову разбил персов. Однако он понимал, что устоять перед следующим нашествием без помощи русских войск ему не удастся. Несмотря на противодействие своего окружения, правитель Карабаха 21 февраля поставил подпись под договором, согласно которому «отказывался навсегда от всякого вассальства и зависимости от Персии или иной державы и признавал над собой одну только власть русского императора». Он обязывался отказаться от прямых сношений с правителями сопредельных государств, сообщая главнокомандующему содержание всех важнейших писем, от них полученных. Дань определялась в размере 8 тысяч червонцев в год. Взамен хан получал гарантии сохранения целостности своих владений и передачи власти по наследству. Хан сохранял также всю полноту судебной власти и распоряжение доходами. В Шуше располагался гарнизон численностью 500 человек с артиллерией для защиты Карабаха от внешней угрозы. 20 мая 1805 года присягу на российское подданство принял Селим-хан Шекинский, у которого, так же как и у Ибрагим-хана Карабахского, фактически не было выбора. О том, что покровительство России выражается в военной помощи, Селим-хан убедился сразу же: отряд под командованием майора Якимова разбил ширванское ополчение. Шекинское ханство стало частью Российской империи на тех же условиях, что и Карабах, с той лишь разницей, что ежегодная дань составила 7 тысяч червонцев. Присоединение Шекинского и Карабахского ханств было очень выгодно как с военно-стратегической, так и с коммерческой точки зрения. Создавался плацдарм для возможного похода на Джаро-Белоканскую область с юго-восточного направления. Река Кура в районе селения Джават (Карабахское ханство) была судоходной, что позволяло доставлять грузы водой из Астрахани до этого места, откуда уже караванами через Елисаветполь и Шушу везти их в Грузию. 25 октября 1805 года примеру карабахцев и текинцев последовал Будах-хан Шурагельский, обязавшийся вносить ежегодно две тысячи червонцев дани. В том же 1805 году многие жители Закавказья стали переселяться на территории, контролируемые русскими властями, поскольку сразу оценили всю разницу пребывания под

властью шаха и императора. Даже айсоры из Арзрумского ханства прислали своих депутатов с просьбой выделить войско для охраны их во время перехода через границу в количестве четырех тысяч семейств. В кампании 1805 года Цицианов столкнулся с проблемой юридического оформления собственных завоеваний. Мы уже упоминали об этом феномене, когда присоединение одной территории требовало установления контроля над территорией соседней. Причины для походов на Гянджу, Эривань, Джаро-Белоканскую область, на осетин и хевсур были ясны и понятны: все эти земли либо являлись ранее собственностью Грузии, либо были источником угрозы для нее. Однако логика войны завела русские отряды в Ширванское ханство, Багратидам никогда не принадлежавшее и к набегам не причастное. Правовое сознание главнокомандующего заставило его 27 декабря 1805 года написать откровенное письмо князю Чарторыйскому: «Три года ведя здесь войну секретно, так как нет на сие ни высочайшего манифеста, ни повеления мне, я остаюсь в недоумении, какие объявлять причины при подобных приобретениях новых владений к Всероссийской империи; наибольшее же я затрудняюсь в сем при издании к народам обещаний, как то и теперь случилось, что я, не имея никакого по сему предмету наставления, по вступлении моем в Ширванское владение, признавши за нужное изготовить прежде обещание к ширванским народам, на таковой случай, если бы нашелся в необходимости действовать с Мустафа-ханом военной рукой, принужден был поставить в оном главной причиной то, что Его императорское величество, желая доставить блаженство соседней Грузии, Высочайше мне дозволил принимать высокостепенных ханов, добровольно чрез меня ищущих вступать во Всероссийское подданство и покровительство. Для большего же усмотрения поставленных мною причин долгом считаю представить при сем список с того обещания и покорнейше прошу не оставить меня своим на сие разрешением»^[762].

Весной 1805 года стало ясно: персы не собираются мириться с результатами предшествующей кампании. Цицианов писал об этом М.С. Воронцову 17 июня: «Нынешнее лето еще хуже. Они (персы. — *В.Л.*) лезут на два пункта, а у меня более тысячи человек нечего поставить, да в Бомбаках у Несветаева столько же. Бог один у меня помощник, как ты знаешь короче всех. Полки не укомплектованы; многие без лошадей. Авось не сломят от ворот Адербежанских (то есть Карабаг), которые мы захватили...»^[763] Планы оказались нарушенными уже потому, что выход в море флотилии с десантом, который должен был отвлечь персов на защиту

южного побережья Каспия, по различным причинам задержался, и шахское войско двинулось к переходам через пограничную с Россией реку Араке. Майор Д.Т. Лисаневич с шестью ротами егерей, тридцатью казаками и тремя орудиями должен был остановить десятитысячное войско Пир-Кули-хана на этом рубеже, но персы успели до его появления форсировать Араке. Тогда Цицианов предписал полковнику Карягину и майору Лисаневичу с имевшимися у них силами совершить «нечаянное» нападение на персидские войска, прижать их к реке и уничтожить. Этот план также выполнить не удалось. 11 июля Лисаневич разбил неприятельский отряд, но был вынужден отступить в Шушу по просьбе тамошнего хана, опасавшегося мятежа своих подданных.

Первым под удар персов попало Карабахское ханство. Цицианов так характеризовал обстановку в рапорте от 1 июля 1805 года: «В продолжение всеподданнейшего донесения моего Вашему императорскому величеству от 17 июня о движениях Баба-хана сердаря, и что он с передовыми своими войсками отправил сына своего Аббас-Мирзу на Карабагское владение, имею счастье донести... что майор Лисаневич с 300 егерей 17-го егерского полка, находящийся в Карабаге для защищения в силе трактата сего владения, хотя с отрядом своим и выступил к Худа-Аферинскому мосту для воспрепятствования неприятелю к переправе через Араке, но так как в июне месяце на всех здешних реках уже открываются броды, то он, не могши малый свой отряд раздробить на части, не мог также и удержать персидскую конницу в разных местах переправиться на сю сторону. Тогда же при столь малом числе пехоты, имея у себя не более 200 человек карабагской конницы и убеждаемый настоятельными просьбами Ибрагим-хана Карабагского возвратиться в Шушу, избрал лучшим средством занять оную гарнизоном, тем паче, что карабагские жители оной, обольщенные Баба-хановыми обещаниями, держат его сторону, но, имея в крепости гарнизон, теперь остаются в молчании. Между тем персидские войска вступили во внутрь карабагских границ, опустошая карабагские поля, почему убедительные просьбы Ибрагим-хана усилить войска для защищения его народа от крайнего разорения, а еще более известие от майора Лисаневича, что и Баба-ханов сын уже выступил, заставили меня послать туда полковника Карягина с 4-мя ротами егерей и 100 человеками Тифлисского мушкетерского полка, с тем, чтобы он, усиля себя частью из тушинского гарнизона, остановил движение неприятеля, легко могшего ворваться в самую Елисаветпольскую округу, прилежавшую к Карабагу, и нанести здешним жителям большой вред. Но он, не поспев одним только маршем до Шушинской крепости, был окружен персидскими войсками,

умноженными потом приходом самого Баба-ханова сына, и отрезанный от Шушинской крепости, так что ему невозможно оттоль подать никакой помощи, с 24-го числа доселе остается в атаке от неприятеля. Я же, при отправлении его, считая, что 2 батальона Тифлисского мушкетерского полка, весьма малосильные числом людей, укомплектовав требуемые мною с линии рекрутами и, по рапорту генерал-лейтенанта Глазенапа, взятыми им из полков прошлогоднего набора, коих полагал уже обученными, вслед за ним и сам туда выступлю, нашел большое затруднение в том, что пришедшие по отбытии полковника Карягина рекруты многие не только не умеют еще стрелять, но и не совсем одеты. А потому я принужден теперь ожидать прихода 6 рот 9-го егерского полка из Карталинии, по предписанию моему сюда следующих, и одного батальона Севастопольского мушкетерского полка, в Тифлисе расположенного, который предписал я заменить батальоном Кавказского гренадерского полка, стоявшего на случай подкрепления Памбакского поста выше Садахлу, так как пункт тот, по рапорту мне Саратовского мушкетерского полка шефа генерал-майора Несветаева, не требует большого усиления, ибо теперь открылось, что вся персидская сила обращена на Карабаг. И с сими-то войсками, коль скоро оные придут в Елисаветполь, тотчас пойду сам на выручку Карягина; в нем же я уверен, что он, посевев под ружьем и не раз оказав опыты отличной храбрости, устоит против персидской силы и не отдастся, лишь бы провианту у него достало»^[764].

Итак, инициатива оказалась в руках противника, а отдельные русские отряды не всегда успешно взаимодействовали. 26 июня в предписании Лисаневичу Цицианов выразил свое возмущение тем, что тот не пришел на помощь Карягину, принявшему неравный бой у Аскарана^[765]. На ситуацию заметное влияние оказало то, что ряд правителей отказался от выполнения своих союзнических обязанностей. Конница Ибрагим-хана Карабахского не пришла на помощь русским войскам, оказавшимся в сложном положении возле крепости Шуша. Мустафа-хан Ширванский не желал прямо участвовать в войне с Россией, но боялся персов и рассчитывал на то, что последние оценят любую помощь в борьбе с сильным северным соседом. В то же время он старался руками шаха отодвинуть русские войска подальше от своих владений. Этим и объясняется то, что он обманул Баба-хана, известив о прибытии в Баку торговых русских судов, тогда как это был отряд военных кораблей с десантом, направлявшийся к южному побережью Каспия для «диверсии». Расчет был прост: не опасаясь за свои владения, шах отправит войска за Араке. Обман же легко выдавался за ошибку: хан

во флоте не служил и мог принять военный фрегат за купеческий бриг. Кроме того, Мустафа-хан ложно извещал персидское командование об отсутствии в Тифлисе сильного гарнизона и вообще каких-то серьезных резервов.

Русские не смогли удержать персов на обмелевшем Араксе. 11 июня передовые части Аббас-Мирзы атаковали отряд Лисаневича. Как говорилось в рапорте, «атака персиян была столь стремительна, что в запальчивости они выдержали наш артиллерийский огонь, но, подойдя на ружейный выстрел, смешались и начали отступать». После нескольких неудачных, хотя и смелых попыток смять русскую пехоту персы утратили боевой пыл и стали беспорядочно отступать, преследуемые казаками и сотней карабахской конницы, которой командовал сын Ибрагим-хана^[766]. Однако разгрому подвергся только неприятельский авангард, главные же силы Аббас-Мирзы надвигались как туча, и Лисаневич благоразумно решил укрыться в крепости Шуша. В результате полковник Карягин 21 июня 1805 года остался один на один со всем персидским войском. Четыреста человек против тридцати тысяч, один против семидесяти пяти. Опытный командир знал, что самым страшным врагом летом является жажда, и потому, построившись в каре, проложил себе дорогу к речке Оскорань, на берегу которой расположился в укрепленном лагере. Поначалу настроение у солдат было неплохое — подавляющее численное превосходство персов их не пугало. Они видели, как лихо действует на поле боя карабахская конница, и с часу на час ждали помощи союзников. Они также были уверены, что при первом известии о их нелегком положении явится Лисаневич со своими егерями. Однако минуло три дня, а никакой подмоги не приходило. Оказалось, что сын Ибрагим-хана Абдул-Фет-ага уже изменил своему отцу, и его конница стоит в одном строю с персами. Сам Лисаневич тоже оказался в фактической осаде: не только подавляющее большинство мусульманского населения Шуши заняло враждебную русским позицию, но и почти все многочисленное ханское семейство убеждало своего главу поднять мятеж. Фактически один Магомет-хан сохранил верность данной присяге. Разделить свой и без того небольшой отряд на две части Лисаневич опасался, отправить все силы на выручку Карягина было еще более рискованно, поскольку в таком случае переход карабахцев на сторону противника становился делом решенным. В результате в тылу у русских войск оказывалась практически неприступная вражеская крепость, а сами они в чистом поле встречались с огромным персидским войском с минимальными шансами уцелеть. Цицианов пытался приободрить Лисаневича и побудить его к большей активности:

«Не удивляюсь я тому, что Ибрагим-хан Карабагский не дает содействия своей конницей, но весьма странно мне, что вы остаетесь прикованный к крепости, в то время как полковник Карягин находится в опасности»^[767]. Но все без результата.

Будь под командой Аббас-Мирзы более боеспособные войска, он вполне мог бы вписать свое имя в военную историю. Но в его распоряжении имелись только недисциплинированные, плохо обученные и нестойкие в случае неудач отряды. Он решил отрезать русских от ручья — единственного в том месте источника воды, и для этого на ближайших высотах приказал устроить фальконетные батареи. Если бы их заняли солдаты, имевшие хоть какое-то понятие о порядке караульной службы, положение Карягина могло стать безнадежным: в знойные дни без воды самый храбрый солдат терял способность не то что сражаться, но даже двигаться. Однако с наступлением темноты персы не удосужились выставить пикеты. Отряд под командованием поручика Клюкина и подпоручика князя Туманова сделал смелую вылазку, в ходе которой сумел не только набрать воды во все имевшиеся фляги, бочки и бурдюки, но также разогнать гарнизон укреплений и утопить в болоте фальконеты из-за невозможности взять их с собой. Но повторить такой рейд уже не представлялось возможным — персы вновь устроили батареи и усилили их охрану.

Покинуть вагенбург Карягин также не решался, опасаясь неприятельской кавалерии. Главная же проблема состояла в большом количестве раненых, для перевозки которых не хватало лошадей. Почти все они были перебиты ядрами, градом сыпавшимися на русские позиции. 27 июня персы применили нехитрый, но действенный прием: сменяя одну часть другой, они атаковали непрерывно в течение всего светового дня, рассчитывая на то, что егеря упадут от изнеможения. Физические силы защитников лагеря не иссякли, но 16-часовой штурм надломил волю поручика Лисенко, и он сдался с 36 нижними чинами. Еще 20 человек, не надеясь устоять при следующем приступе, перебежали к противнику после боя. Это было настолько позорное событие в истории русской армии, что отечественные военные историки впоследствии отказывали поручику Лисенко в русском происхождении и считали его «французским шпионом»^[768]. Но этот «шпион» с молодых лет служил в армейской пехоте и отличился при штурме Гянджи. В представлении Лисенко к ордену Святой Анны 3-й степени говорилось: «Находясь при колонне, генералу Портнягину вверенной, и, найдя удобный проход, препровождая оную, и

при сем случае при штурме Ганжинской крепости кидался во все опасности и повергал сопротивляющихся неприятелей, чему был означенный генерал-майор свидетель». Дальнейшая судьба Лисенко неизвестна, но можно предполагать, что он оказался в составе особого батальона персидской армии, состоявшего из дезертиров и пленных. Около половины этой части (около тысячи штыков к 1828 году) состояло из поляков, а вторая половина — из этнических русских, принявших ислам^[769]. Батальон сформировал беглый вахмистр Нижегородского драгунского полка Семен Яковлевич Маклинцев, дослужившийся у шаха до чина генерал-лейтенанта и известный как Самсон-хан. Дезертиры, принявшие ислам, безжалостно подавляли мятежи, «составляли надежду военачальников на штурмах и делах решительных». В декабре 1838 года по настоянию Николая I большая часть их получила прощение и вернулась на родину. Наибы Наумов, Лютенко, Матвеев и Монгольский, султан Степанов, бек-заде Лисецкий, Кондратьев и Сурменко, векиль-баши Иконников привели в Россию 597 бывших российских солдат вместе с их 206 женами и 281 ребенком. Около ста человек отказались идти в Россию^[770]. Одного кавказского беглого фейерверкера судьба занесла в Среднюю Азию. Не рассчитывая на помилование за убийство офицера, он перебрался в Персию, а затем в Хиву. Там он нашел пушки отряда князя Бековича-Черкасского, уничтоженного хивинцами в 1717 году. Артиллерия позволила хану Алла-Кулу взять верх в войне с Бухарой, вследствие чего Сергей-Ага стал одним из самых влиятельных людей в этом среднеазиатском государстве^[771]. Есть все основания предполагать, что именно русские дезертиры, воевавшие в рядах персидской армии, сумели убедить ослабевших духом солдат изменить присяге. По другим данным, Лисенко служил инструктором персидских войск в Нахичевани.

О сложности ситуации свидетельствует рапорт Карягина Цицианову от 27 июня 1805 года. «Дабы не подвергнуть совершенной и очевидной гибели остаток отряда и спасти людей и пушки», полковник «предпринял твердое решение пробиться с отважностью сквозь многочисленного неприятеля, окружавшего со всех сторон; исполняю сие, — доносил Карягин, — в намерении занять на Шах-Булаке крепость, и как в отряде остается весьма мало патронов и артиллерийских зарядов, а также невозможно взять более трехдневного провианта, потому что все оставшиеся неубитыми казенные артельные и офицерские лошади употреблены под своз артиллерии и раненых людей, то смею убедительнейше просить о скорой присылке всего, а особенно провианта, а

также и лекаря с медикаментами, в коем я и все раненые имеют великую нужду. Что же случится при отступлении и занятии Шах-Булакской крепости, донести не замедлю вместе с подробным рапортом о сражении с Аббас-Мирзою»^[772]. Цицианов писал своему подчиненному 1 июля 1805 года: «...Сколь ни тревожно и ужасно мне известие, от вас в рапортах ваших 26-го и 27-го июня и письме сегодня только полученное, но в отчаянии неслыханном прошу вас подкрепить солдат уговорами. Я бы, конечно, по первым известиям о вашей опасности полетел бы на выручку вас, но не дождавшись из Тифлиса, с кем выйти — вы знаете, а потому подвергнусь тому же жребию, как ваш отряд, как и вы подвержены от торопливого майора Лисаневича, который в угодность Ибрагим-хану требовал помощи. Ожидаемые же войска из Тифлиса опять бы подверглись равной участи и так раздельно бы все пострадали. Лекарство посылаю; провианту без войска могу ли послать — сами знаете. И так остается вам терпеть и послать к мерзкому Ибрагим-хану, чтоб выслал провианту, а в крепости Аскаранской стоять можете и дожидаться меня. Прошу Бога подкрепить вас и от ран послать излечение. Присланный сказывал, что всех пленных отдают за мертвые тела; неужто вы того не сделаете? Если чудесами Божьими как-нибудь вы получите облегчение от участи вашей, для меня страшной, постарайтесь меня успокоить, для того, что мое прискорбие превышает всякое воображение. Жаль, что вы с собой не могли взять от прежнего вашего вагенбурга больше хлеба; он-то меня страшит, а с ним теперь по местоположению вашему 100 Баба-ханов ничего бы не сделали. Видно, моя судьба такая, чтоб от своих страдать, т. е. что ваш поход точно по тревожным Лисаневича и торопливым донесениям»^[773]. Пока Карягин пробивался из окружения, Цицианов пытался двинуть к нему на помощь подкрепления из ближайших крепостей. Он писал Лисаневичу: «Доколе ваше высокоблагородие будете сидеть там, ничего не делая и не помышляя о выполнении повелений. Не в угодность ли Ибрагим-хану вы не доносите о его вероломстве и сношениях с Абу-Фетхом (мятежным сыном карабахского хана. — *В.Л.*). Хотите, чтобы и будущим летом они наделали мерзостей, половина ханства отложилась бы, я жертвовал бы людьми, а вы писали реляции, что Абу-Фетх ушел. Объявите хану, чтобы он перестал покровительствовать, хотя бы то были и его родные братья. Ваше высокоблагородие упускаете свою должность и не знаете, в чем она состоит, вовсе не следите за партией, враждебной России, не доставляете полных сведений о событиях в Карабаге. Что Ибрагим трус и слаб, я то знаю, то, что ваше высокоблагородие не ведаете своей должности, то и я

знаю, вы сидите там и политикуете...»^[774]

После предательства Лисенко под командой Карягина и его помощника майора П.С. Котляревского, ставшего впоследствии знаменитым на всю Россию, оставалось всего 100 здоровых солдат и 170 солдат раненых. Патроны и пушечные заряды кончились. Было принято решение пробиваться к своим, и началась военная операция, достойная стать сюжетом для приключенческого романа. Зная нравы персов, Котляревский предложил уйти ночью, пользуясь беспечностью неприятеля. Он посоветовал не уничтожать оставляемое имущество, а нарочно бросить его на виду для привлечения внимания врага. Расчет оказался верным: охраны персы не выставили, а когда обнаружили отсутствие противника, почти все бросились грабить лагерь, так что преследование оказалось запоздалым и слабым. Отступающий русский отряд дошел до небольшой крепости Шах-Булах, занятой к тому времени персидским гарнизоном. Все решил единственный пушечный выстрел: удачно пущенное ядро выбило ворота, куда кинулись егеря, которым было нечего терять. Персы, потрясенные их боевым порывом, предпочли спастись бегством. Шах-Булах представлял собой практически неприступный замок, в нем имелись колодец с хорошей водой, большие запасы пороха и свинца, но в нем не оказалось никакого продовольствия. Поскольку русский отряд испытывал нехватку провианта еще в период «сидения» в лагере у реки Оскорань, голодные солдаты вконец обессилели и едва передвигали ноги. Ни о каком новом броске по горам не могло быть и речи. Персы, рассчитывая взять Шах-Булах измором и опасаясь вылазки, расставили свои караулы на значительном удалении от его стен. Этим воспользовались армяне, сочувствовавшие своим единоверцам. Под покровом темноты они доставили осажденным хлеб. Вот как рассказывал об этом армянин Иоганес: «Бедственное положение гарнизона возбудило во мне решимость идти в селение Ксанеты, отстоящее от Шах-Булаха верстах в 20-ти, где находился мой дом и где я надеялся найти хлеба. Ночью, вышедши из Шах-Булаха, я благополучно дошел до своего села. В селении жителей не было, кроме отца и брата. Сего последнего я послал в Елисаветполь дать знать князю Цицианову о положении нашего отряда, а сам принялся с отцом молотить пшеницу и к ночи напек 40 больших хлебов, набрал чесноку и других овощей и к рассвету все это принес в Шах-Булах. Карягин и Котляревский разделили этот скудный запас между солдатами, взяв себе порцию, равную с ними. Удачный опыт в доставке мною провианта побудил начальника послать со мною в следующую ночь одного офицера и 50 человек солдат с двумя лошадьми, дабы запастись большим количеством

провианта. Мы вышли из крепости ночью, прокрались мимо осаждающих, не быв ими примеченными, но уже в некотором отдалении от лагеря персидского встретили неприятельский объезд, который весь истребили, а к рассвету достигли благополучно села Ксанеты, где отец мой мелик Арутян уже смолот остальную муку, из которой напекли хлеб, накормили солдат, а остальное количество, положив в мешки, отправили в крепость Джирмуню, в которой находились ханские армяне. В Джирмуне я купил у армян за 60 червонцев 12 штук рогатого скота и в окрестностях селения отыскал несколько вина, фруктов, кислого молока, овощей и два котла, все это, навьючив на быков, привел в крепость. Персияне не прежде нас заметили, как тогда, когда мы были уже у ворот Шах-Булаха»^[775].

После двух недель бесплодной осады Аббас-Мирза предложил Котляревскому и Карягину перейти к нему на службу, дав четыре дня на размышление. На очередной призыв сдаться Карягин ответил согласием при условии получения соответствующего разрешения от вышестоящего командования. Так удалось в очередной раз усыпить бдительность противника и выиграть еще три дня. 5 июля армянин-лазутчик доставил Цицианову письмо Карягина, написанное латинскими буквами: «Смею доложить вашему сиятельству — поспешайте сюда. Баба-хан непременно будет в Аскарань в понедельник и намерен, оставя для атаки Лисаневича и моего отряда войско, с тридцатью тысячами идти к Елисаветполю, что верно известно из фирмана его к сыну. Мой отряд от провианта в крайности совершенной; четыре дня употребляли траву, а теперь, когда у села, в лесу и везде пикеты персидские, едят лошадей. Аббас-Мирза с войсками расположен недалеко от крепости и почитает мой отряд своим, надеясь и полагая, что скоро сдадимся. Я же стараюсь не допустить его до формальной осады тем только, что тогда смогу ему на все отвечать, когда получу от вас повеление. И если ваше сиятельство не поспешите, то отряд может погибнуть не от сдачи, к коей не приступлю до последней капли крови, но от крайности в провианте, о котором сколько ни писал Лисаневичу и к Ибрагим-хану, но ничего не получил. Еще доношу, что ганжинцы каждый день пишут к Аббас-Мирзе, что у вас войск не более 600 человек и что вы с ними выступить никуда не смеете. Аббас-Мирза выделил 3 тысячи персиян к Елисаветполю. Мне отсюда шагу сделать нельзя, потому что несколько лошадей раненых издохло, а некоторые уже употреблены в пищу; люди же все ослабевши, и, словом, я неподвижен»^[776].

Но русские не стали ждать конца назначенного срока, когда их будут

сторожить особенно строго. В ночь на 8 июля они вышли из Шах-Булаха и двинулись в направлении другой маленькой крепости, Мухрат. Чтобы ввести противника в заблуждение, несколько солдат осталось в крепости, продолжая обычную переключку караульных, и только когда отряд отошел на безопасное расстояние, присоединились к своим товарищам. Во время этого ночного марша разыгралась драматическая сцена: на пути оказалась глубокая промоина, через которую невозможно было перевезти пушки. Бросить орудия солдаты не могли по двум причинам: во-первых, оставление врагу такого трофея всегда считалось делом, порочащим воинскую честь. Во-вторых, что в данном случае было важнее, только картечными залпами горстка измученных солдат могла отбивать налеты многочисленной вражеской конницы. Изготовить переправу было не из чего: путь пролегал по безлесной каменистой пустыне. Тогда четыре солдата добровольно согласились составить мост из собственных тел: двое из них в ходе этой операции погибли, а двое остались в живых. Рядовой Эриванского полка Гаврила Сидоров, которому сорвавшееся с камня колесо раздробило висок, был навсегда занесен в списки воинской части. Этот подвиг стал одним из символов жертвенности русского солдата. Картина «Живой мост», посвященная солдатам-героям, украсила Зимний дворец, а ее копии — Военный музей в Тифлисе и офицерское собрание Эриванского полка^[777]. 21 октября 1902 года в городе Манглисе перед полковой церковью Эриванского полка был открыт памятник, посвященный героям этого похода. Солидный обелиск окружала ограда из вкопанных в землю чугунных пушек, соединенных цепью. Дополнительным украшением служили четыре пирамиды из ядер. На передней грани постамента были высечены несколько надписей и помещен краткий рассказ о памятном событии; на оборотной — слова самого Сидорова: «Что, ребята, стоять и задумываться? Стоя города не возьмешь. Кто молодец — сюда, ко мне! Прощайте, братцы, не поминайте лихом и молитесь за меня грешного».

К вечеру стало ясно, что отряд, обремененный большим числом раненых, не может оторваться от преследователей, которые наступали, что называется, на пятки. От окружения и полного истребления русских спасали только обычная для противника неразбериха и гористая местность, затруднявшая действия конницы. Однако после селения Ксанеты начиналась равнина, где шансы Карягина прорваться к своим стремительно катились к нулю. Об оставлении раненых не могло быть и речи, их ждала мучительная смерть. Был сделан неожиданный маневр — всех раненых и больных отправили вперед под начальством Котляревского (у которого была прострелена нога), а все здоровые выставили заслон. Персы узнали об

этом разделении только после попытки захватить Мухрат до подхода отряда Карягина. Они были так озадачены запертыми воротами и залпами со стен городка, что не сумели помешать храброму полковнику соединиться с товарищами. Теперь настроение у них было бодрое: высокие и прочные стены, запасы продовольствия и боеприпасов, родник внутри крепости позволяли держаться в ней до скончания века. Но ждать долго не пришлось. Уже 12 июля подошел корпус Цицианова. Отряду Карягина были отданы все возможные в полевых условиях воинские почести. Сам полковник получил в награду золотую шпагу, а армянин Иоганес — чин прапорщика, золотую медаль и 200 рублей пожизненной пенсии.

Героизм отряда Карягина спас тысячи жизней мирных жителей, поскольку огромная армия персов была скована в своих действиях и не могла, как она делала обычно, разорять дотла села и города. Главной же заслугой героев Шах-Булаха стало то, что Цицианов получил необходимое время для сбора войск и движения навстречу главным силам противника. Всего удалось набрать 2200 человек пехоты и 100 казаков при десяти орудиях. Им предстояло сразиться с сорокатысячной армией Баба-хана. Достигнув берега реки Тертеры в 60 верстах от Елисаветполя, русский корпус оказался фактически в окружении, поскольку большой отряд персов перерезал дорогу, ведущую в Грузию. Это грозило тем, что прекращался подвоз продовольствия, без которого активные действия были невозможны: фактическое отсутствие конницы лишало русских возможности обеспечивать себя путем реквизиций у местного населения.

14 июля 1805 года русская конница, несмотря на свою малочисленность, преподала хороший урок противнику. Согласно «Дневной записке похода» отряда Цицианова, картина складывалась следующим образом: «...По приходе к большой реке Тертере замечена была на противном берегу конная неприятельская партия, посланная для выжигания корму. Как же на сей стороне невыгодное местоположение и совершенное неимение корму для лошадей не позволяло остановиться тут лагерем, а на другой не так еще усилился пожар, то Донской казачий Сидорова полк и линейные казаки под командой Гребенского войска есаула Фролова 2-го, который по болезни полковника Сидорова всеми казаками командовал, посланы были для утушения пожара. По переправе их неприятель оставил возвышения. В то время пехота, артиллерия и тяжелый обоз начали переправляться через реку, а казаки занялись утушением пожара. Между тем есаул Фролов заметил 3 персиян, запускающих новый пожар, к которым для изловления бросаясь с 25 линейными казаками, вдруг встречен был большой, до 2000 неприятельской партией, показавшейся из-

за дымом и которая по скрытой балке спешила пробраться к нашей переправе. При сем случае с нашей стороны убито Сидорова полка казаков 10, без вести пропало 4, да ранено 4; линейных же убито 2, а с неприятельской стороны 9 убитых. Потеря сия с нашей стороны при таком малолюдстве сколь не ощутительная, но взяв превосходство неприятельской конницы, тогда как пехота наша не могла действовать, и то, что при переправе через реку, простирающуюся на $\frac{1}{4}$ версты, быструю и разделенную на множество рукавов, неприятель мог бы нанести нам величайший вред, должен почестъ сию немаловажную стычку весьма для нашего отряда счастливой и отдать справедливость неустрашимости есаула Фролова, донского Сидорова полка урядника Талалаева и Гребенского войска пятидесятника Киткина, которые под командой его подавали казакам пример храброму отражению неприятеля, тотчас по переправе пехоты совсем удалившегося»^[778]. Отважного есаула Цицианов представил к награждению золотой медалью на георгиевской ленте, а унтеров — к производству в обер-офицерский казачий чин хорунжего.

17 июля персидское войско блокировало Елисаветполь. Речь не шла о немедленном штурме или его подготовке, поскольку никаких «бреш-батарей» не строилось. Аббас-Мирза избрал тактику, более соответствующую его возможностям. Конные и пешие отряды заняли все дороги, ведущие к городу, препятствуя подвозу припасов и подходу подкреплений. Вылазки гарнизона тоже оказались проблемным делом из-за подавляющего численного превосходства противника. Ситуация усугублялась тем, что под воздействием слухов об отступлении русских (формально знаменитый марш Карягина именно таковым и являлся) вышли из повиновения жители «татарских дистанций», отрезавшие от Тифлиса войска, расположенные в Карабахском и Гянджинском ханствах. Из Дагестана приходили известия, что тамошние владельцы решили не упускать благоприятной возможности для массированного набега на Кахетию, и в приграничных районах собрались уже многотысячные отряды. Большую угрозу представляли настроения карабахцев, на которых действовали слухи, распространявшиеся эмиссарами Баба-хана. Самым «удачным» оказался слух о том, что Цицианов не собирается оборонять их земли и намерен переселить всех в Грузию. В русских в один день стали видеть недругов. Однако настроение быстро переменялось, когда пришло известие, что Баба-хан, не принимая боя, стал поспешно отступать за Араке. Через три дня после начала осады Елисаветполя смелая вылазка гарнизона под командованием майора Кочнева «смутила» персов, и Аббас-Мирза отошел от города. Потерпев неудачу, его войско соединилось с

отрадами Пир-Кули-хана и грузинских царевичей Александра и Теймураза. Цицианов с главными силами находился в сотнях верст на юго-востоке, преследуя Баба-хана, и путь на Тифлис был открыт. Положение спас обоз. 23 июля Аббас-Мирза обнаружил, что в 50 верстах от Елисаветполя движется большой транспорт с провиантом, который прикрывали всего 300 пехотинцев. Такую богатую и легкую добычу упускать было нельзя. Однако конвой оказал неожиданно упорное сопротивление и четверо суток отбивался, несмотря на жесточайший обстрел и нехватку питьевой воды. Единственной силой, которая могла прийти на помощь, был отряд полковника Карягина, вернее то, что от него осталось после беспримерной обороны Шах-Булаха. Несмотря на то что его еще мучили раны, офицер поставил под ружье всех, кого только смог, и бросился на выручку. Его атака была столь неожиданной и стремительной, что Аббас-Мирза не удержал свои войска, и те в панике бежали в направлении Эривани. Это поражение так поразило умы персиян, что они до зимы не предпринимали никаких активных действий. Победа русских привела к полной «смене декораций»: все мятежники как по команде объявили о своей покорности и обещали впредь вести себя разумно, выдали заложников и доставили необходимый провиант. Точно так же поступили и дагестанцы^[779].

В 1805 году была предпринята и «диверсия» силами Каспийской флотилии. Судя по предписанию Цицианова генерал-майору И.И. Завалишину от 17 июня, от этого предприятия ожидалось многое. Появление флота с большим десантом у южного берега Каспия должно было отвлечь значительные силы персов от похода на Грузию, вынудить вернуть пленных грузинских князей, выдать царевичей Александра, Теймураза и Левана, выплатить 1 миллион рублей контрибуции (расходы России на Эриванский поход), отдать 12 пушек, захваченных в Тифлисе Ага-Магомет-ханом в 1795 году. Кроме того, Завалишину предстояло взять Баку. 12 боевых и 11 транспортных судов, имевшие на борту 128 орудий и 1500 человек десанта, 23 июля появились возле персидского порта Зензили. Кроме ядер и пуль в качестве боевого снаряда эскадра везла специальное послание Цицианова Баба-хану. Князь указывал на намерение «восстановить древнюю Иверию в прежнем ее цветущем состоянии», что означало включение в состав Российской империи всех земель, которыми когда-то владели грузинские цари. Напоминал он и о победах русского оружия над персами, несмотря на их многократный численный перевес, и, наконец, перечислял требования, ради которых эта экспедиция и предназначалась. Главнокомандующий даже предложил себя в качестве ходатая перед императором Александром I, войска которого, «...как буйный

вихрь, выворачивающий столетние дубы, не хотевшие преклониться перед ним, оставляют безвредно камыш, нагибающийся до лица земли при его приходе». В случае положительного ответа Завалишин должен был оставить в Реште русского консула и корабль для «покровительства русской торговле». После этого эскадра должна была идти к Баку, овладеть этим городом, разместить гарнизон и до начала осенних штормов вернуться в Астрахань. Если Баба-хан отвергал российские требования, то начальнику экспедиции предписывалось склонить Решт «отложиться» от шаха, поставить во главе этой провинции своего человека и обложить население данью.

Но когда русские корабли подошли к берегу, выяснилось, что их не собираются встречать с распростертыми объятиями: войска и пушки говорили о готовности к упорной обороне.

Тем не менее три галиота двинулись узким каналом, соединявшим гавань Зензили с морем. Прорваться сумел только один из них — головной, поскольку второй сел на мель, а замыкающий повернул обратно, опасаясь той же участи. Однако и одного боевого корабля хватило, чтобы навести ужас на защитников города, которые бросили все укрепления и бежали куда глаза глядят. 1 июля после упорного боя был взят город Пери-Базар, из которого вела прямая дорога в Решт. Там собралось сильное и готовое к войне персидское войско. Это насторожило Завалишина, он приказал соорудить в Пери-Базаре редут и оставить в нем 150 солдат для обеспечения возможного отступления. За вычетом этого резерва, больных и раненых, у него осталось всего 800 штыков, с которыми он и двинулся на Решт. Персы оказали упорное сопротивление; когда русские преодолели только половину пути, закончились патроны. Не оставалось ничего другого, как вернуться в Пери-Базар. Но тут на стороне персов выступили местные болезни. Уже 21 июля больше половины экспедиции страдало поносом и лихорадкой. Почти каждый день в перестрелках и стычках погибали или получали ранения несколько человек. Завалишин понял бесперспективность дальнейшего пребывания в Персии, и 26 июля эскадра двинулась к Баку. Однако и здесь ее ждала полная неудача. Гуссейн-Кулихан тянул время в переговорах, ожидая подхода войск своего союзника Ших-Али-хана Кубинского. У Завалишина не было достаточного числа войск не только для штурма крепости, но и для собственной защиты в случае нападения большой армии неприятеля. Бомбардировка оказалась малоэффективной: ядра полевых и корабельных пушек (осадных не было) не наносили заметного ущерба прочным каменным стенам и домам. Обе имевшиеся мортиры разорвало после нескольких выстрелов. О том, чтобы

выморить Гуссейн-Кули-хана голодом, не могло быть и речи, так как для полной блокады требовалось несколько тысяч человек; в тылу же у русских находились многочисленные отряды дагестанцев и азербайджанцев. 8 сентября эскадра покинула Бакинский рейд.

Уход русского корпуса от Баку вызвал гнев Цицианова. Главнокомандующий писал Завалишину: «С получением знамен, взятых вами у Бакинского хана, я устыдился, а еще сто крат стыднее было мне отправить их к высочайшему двору, ибо одно из них сделано из бахчи — платок, в который товары завертывают; другое — из онучи, которым персияне обертывают ноги вместо чулка, а третье холстинное, лезгинского покроя, но самого низкого. Не могу вам не заметить противоречия, замеченного в ваших рапортах, в которых вы говорите, что полковник Асеев от вас нигде не отставал, а по реляциям вашим вижу, что он везде впереди вас был и все берега занимал. Во всяком случае вам лучше было бы не свозить десанта, тогда бы хан счел, что вы приезжали только его постращать, а войска назначены были против Решта, и сие заключение было бы для нас гораздо полезнее, чем взятие двух пушек и трех знамен храбрейшим из храбрейших Асеевым»^[780]. О том, насколько был разгневан Цицианов, можно судить по другому фрагменту из его письма Завалишину: «Скажу вашему превосходительству, что если бы я не ходил по горнице на костылях от изнурившей меня болезни, то я бы полетел сам на выручку славы русской, и скорее лег бы под стенами Баку, нежели дал бы кичиться Гуссейн-Кули-хану тем, что он отбил русские войска и что они ничего ему не сделали»^[781]. Однако, несмотря на досаду, Цицианов ходатайствовал перед императором о награждении Завалишина орденом Святой Анны 1-й степени с алмазами и особенно расхваливал полковника Асеева^[782]. Хан «...объявил Завалишину, что хотя город этот поручен ему по именному повелению, но если начальник десантных войск действует против него с оружием, то он, со своей стороны, готов содействовать, как верный подданный Его императорского величества и просил уведомить о причинах экспедиции. Завалишин, в ответе своем, изъяснив повеление главнокомандующего, требовал, чтобы Ших-Али-хан, если имеет власть, принудил бы Бакинского хана сдать город, присовокупив к тому, что желает решительного ответа. Ших-Али, не имея возможности продолжать переговоры, отвечал с обыкновенной его хитростью, что сдать крепость и впустить в нее русский гарнизон не может по той причине, что Баку поручен ему по Высочайшему повелению и готов отвечать за то перед Государем. Завалишин, не находя никакой возможности силой заставить

крепость сдаться, объявил письменно Ших-Али, что, не имея повеления почитать его за неприятеля, предоставляет ему оправдываться в этом действии, за которое потребуется от него строгий отчет, и вслед за тем удалился от Баку»^[783].

Более успешно действовала группировка под командованием генерал-майора Петра Даниловича Несветаева. 7 ноября он собрал 500 человек из Саратовского и Кавказского гренадерского полков, прибавил к ним 180 донских казаков и пять орудий, после чего двинулся в направлении персидского укрепления Гечи. Главной задачей рейда было наказание проживавших там курдов за участие в персидском нашествии, а также обеспечение безопасного переселения Джафар-Кули-хана Хойского с подданными на российскую территорию. Неприятель не ожидал увидеть русские войска и не позаботился об отгоне стад. В результате добычей передовых казачьих разъездов стала громадная отара овец численностью более пяти тысяч голов. Как говорилось в рапорте, «пастухи, видя сие, бросились к Гечильскому укреплению и в оном жителям дали о том знать, из коего несколько жителей успели до нашего прибытия выбраться, а часть, оставшаяся в оном, покушалась несколько раз чинить вылазки из крепости с намерением, чтобы, выбежав, присоединиться к прежним выбежавшим и окружавшим отряд, стреляя беспрестанно в оной; но оружием непобедимого Российского войска одни возвращены обратно в крепость, а другие прогнаны с немалым для них уроном». После этого крепость взяли штурмом, выбив ворота и пленив около сотни человек, среди которых оказался дезертир — рядовой Абду-Кирей Надоржин. О судьбе этого солдата (судя по имени, татарина) в рапорте ничего не говорится, но обычная практика в таких случаях была очень сурова: короткий полевой суд с одним-единственным вариантом приговора. Впрочем, до суда дело доходило редко. Чаще пойманного с оружием в руках дезертира, да еще в горячке боя, ждала страшная расправа — его живым кидали в огонь. После суточного отдыха и разорения взятой крепости Несветаев повел свой отряд к селению Амарат, где находилась ставка курдского предводителя. Однако из-за распространения чумы русские отошли к реке Араке. Тем временем Келб-Али-хан сумел собрать более четырех тысяч человек и попытался, используя численное преимущество, разбить отряд Несветаева, в котором оказалось много больных. Выручили артиллеристы, сумевшие меткими выстрелами сдержать наседавшего противника. Тогда персы и курды решили запереть русским путь к отступлению, заняв крепость Молла-Баязет. Однако Несветаев вовремя разгадал замысел Келб-Али-хана и послал роту наиболее боеспособных солдат, чтобы те форсированным,

«суворовским» маршем упредили противника. Упредить врага мушкетеры-саратовцы не смогли, но смогли выбить противника, не ожидавшего, что русские ринутся в атаку без перестроения из походного порядка в боевой. Персы бежали, бросив провиант, фураж и весь обоз. В Молла-Баязете и Гечи подчиненные Несветаева нагнали на неприятелей такого страха, что следующая крепость, Шагриар, оказалась брошенной. Все, на что хватило у ее защитников духу, так это поджечь перед бегством хранившиеся в ней припасы. Брошенной «со всею провизией, фуражом и частью имущества» оказалась и крепость Кала-кахр. Последнюю попытку уничтожить отряд Несветаева персы предприняли на берегу Аракса, пользуясь тем, что к переправе вела единственная дорога по узкому извилистому ущелью. Персы попытались занять господствующие высоты, но русское командование отправило отдельную группу, не давшую врагу это сделать. Более того, окружавшие сами попались в западню, из которой вырвались, потеряв немалое число убитыми и пленными. Тогда персы переправились на другую сторону горной реки и стали следовать параллельным курсом с отрядом Несветаева, постоянно обстреливая его. Отогнать их решительной атакой не давала бурная река, узкая же тропа не позволяла развернуть пушки. Но в одном месте, где обнаружилась просторная поляна, канониры устроили засаду и так «угостили» врага картечью, что преследование разом прекратилось. Наконец русский отряд прибыл в назначенное место. «Во все время учинения репресали... с нашей стороны убитых ни одного нет, а раненых унтер-офицер 1, рядовых 3 и казаков 2 человека. Со дня же разорения Гечиль ноября с 9-го по 21-е число во всем отряде лошади фуражом довольствовались из доставшегося в добычу от неприятеля», — говорилось в донесении Несветаева^[784].

*

Кампания 1805 года развивалась по сценарию, который создавался не в русских штабах. Из-за ситуации в Европе не приходилось рассчитывать на подход значительных пополнений, без которых было трудно не только вести наступательные действия, но и удерживать уже завоеванное. Малочисленность русских частей на Кавказе в начале XIX века заставляла командование только символически обозначать присутствие вооруженной силы империи на присоединенных территориях. В Шекинском ханстве находились 73 солдата и казака, в Ширванском ханстве — 15 нижних чинов при одном унтер-офицере. Их поддерживали соответственно 105 и 125

«конно-вооруженных» местных жителей^[785]. Армия персов имела многочисленную конницу, которая, не представляя серьезной угрозы регулярной русской пехоте, быстро передвигалась и разоряла всё, что ей вздумается, не особенно опасаясь своего грозного, но малоподвижного противника. Фактически русские войска могли обеспечить безопасность только отдельных пунктов, оставляя все остальные земли на произвол судьбы. Это, разумеется, негативно воспринималось новыми подданными.

Цицианов был очень раздражен поведением карабахского хана, который уклонялся от решительной борьбы с персами и стремился защищать свои владения исключительно русскими штыками. Но дело было не в двуличности карабахского владыки, а в том, что такое поведение укладывалось в нормы политической культуры края в ту эпоху. У Ибрагим-хана были все основания считать себя невиновным в глазах персов за присягу Александру I: у него не было другого выбора, поскольку войска шаха не оградили его владения от неверных. Если персидских сарбазов на карабахской земле били русские, претензии к самому хану были неуместны, а вот боевая активность самого карабахского ополчения уже была наказуема. Не будучи уверенным, на чью сторону склонятся весы удачи, Ибрагим-хан выжидал, не делая опасных движений. Цицианов все это понимал, но тем не менее пытался воздействовать на своего союзника словом. Он писал ему 23 июня 1805 года: «...Как же вы хотите, чтобы я сам шел с войсками и дрался бы с персиянами за вас, когда вы не малейшее со своей стороны не содействуете русским войскам... Я же, послав войска для защищения владения вашего, никогда не воображал, чтобы по уходе оных ваши воины сделались женоподобными и чтобы ваше высокостепенство, сидя спокойно, ни в чем для собственной вашей пользы не содействовали...»^[786] Несколькими же днями ранее он специальной прокламацией пытался поднять дух тамошних христиан: «Неужели вы, карабагские армяне, доселе славившиеся своей храбростью, переменились, когда владетельный ваш хан карабагский вступил в вечное подданство Российской империи. Вы ныне храбрее долженствовать бы быть, надеясь на могущество императорских сил, но вы сделались женоподобными и похожими на других армян, занимающихся только торговыми промыслами... Опомнитесь! Воспримите прежнюю свою храбрость, будьте готовы к победам и покажите, что вы и теперь те же храбрые карабагские армяне, как были прежде страхом для персидской конницы»^[787].

Войну с персами Цицианову пришлось вести минимальными средствами. Кроме того, он регулярно получал из Петербурга сигналы о

желательности заключения мира. Война на два фронта являлась чрезмерной нагрузкой на государство. Поскольку Россия вела войну с наполеоновской Францией и к тому же сгущались тучи в русско-турецких отношениях, прекращение военных действий на русско-персидской границе было бы весьма кстати. Как уже говорилось, после 1791 года в европейских столицах стали пристальнее смотреть на активность России в регионах, по понятиям того времени относившихся к Азии. Получалось, что «под шумок» пушечной пальбы в Австрии Александр I прибирал к рукам земли, судьба которых не оставляла равнодушными англичан — его союзников в борьбе с французами. В этом отношении активность Баба-хана была даже на руку российской стороне, не возражавшей после присоединения Гянджи и Карабаха какое-то время «поиграть вторым номером». 17 июня 1805 года Цицианов отправил отношение Чарторыйскому, объясняя невозможность прекращения войны с персами в соответствии с пожеланиями Александра I. «При сем случае я долгом считаю присовокупить, — писал князь, — что по высочайше вверенному мне к выполнению плану Кура и Араке должны положить границу нашу с Персией, но, по мнению моему, как я заключаю, Баба-хан сердарь никогда на то не согласится, ибо, имея в нашей зависимости ханов по сю сторону Аракса, через короткое наше здесь правление и тираническое в Персии натурально привлечен будет к нам весь Азербейджан, коего границы простираются до самого Тавриза и включительно; не поддерживать же прежних наших предприятий, не потеряв большого влияния на ханов здешнего края, невозможно»^[788].

Во всеподданнейшем рапорте от 17 июня 1805 года Цицианов писал: «Сколько ни желал я во исполнение священной воли Вашего императорского величества устраниваться сего лета от воинских действий, но прошлого года, начав войну поневоле для недопущения персидских войск в Грузию, не в моей то власти уже было, ибо, как Вашему императорскому величеству известно, что, начав войну, прекратить оную есть только два способа, то есть миром или доведением неприятеля до невозможности продолжать оную; — первое не может иметь места, потому что мнимый шах не захочет, чтоб его именовали при трактате Баба-ханом сердарем, а последнее не может быть по недостатку сил, следовательно, оставалось мне по верным слухам о движениях Баба-хана распорядиться моими. И сих-то ради причин я стянул войска, могущие оставить ими занимаемые места, в 2 пунктах, то есть к Памбакам и в Елисаветополь, и, благодаря Бога, не ошибся я в выборе тех мест...» «...Долгом ставлю присоединить, — добавлял Цицианов в рапорте, — что отказать мне Карабагскому хану

принятие во Всероссийское подданство для избежания развращения войск в разные пункты не можно было, как потому, что Россия могла бы тем потерять влияние, явно признавая свое бессилие, когда все оные ханы полагают все упование на нашу силу, так и потому, что я тогда бы открыл ворота персиянам через Карабаг к Дагестану и Елисаветполю, что весьма опаснее было»^[789].

Действия Цицианова были оценены высоко. Тем не менее 8 сентября 1805 года князь А.А. Чарторыйский подтвердил, что Александр I по-прежнему твердо придерживается той точки зрения, что «...пользы империи требуют не подвергать храбрости малочисленного войска, в команде вашей состоящего, трудным предприятиям, которые при успехе оных, по настоящему положению дел европейских, не могут входить в общий состав ныне предстоящих видов государственных». При этом царь санкционировал только «те оборонительные действия, которые вынуждаются необходимостью обстоятельств и сопряжены со всегдашними беспокойствами военного кордона». Чарторыйский выражал мнение главы государства по поводу возможности сохранения позиций России на Кавказе теми силами, которые там имелись, поскольку персидские войска доказали свою неспособность брать укрепления, занятые даже незначительными по численности русскими гарнизонами. Правда, противник, пользуясь подавляющим преимуществом в коннице, мог практически безнаказанно разорять территорию, находящуюся под властью России. Лучшим вариантом дальнейших действий глава внешнеполитического ведомства считал склонение персидской стороны к мирным переговорам, которые можно было затягивать и тем самым выигрывать время для того, чтобы дожидаться удобного момента для продолжения активной политики в Закавказье. Заканчивалось послание так: «...Сохранение завоеваний, вами приобретенных, устройство дорог, привлечение ханов персидских к российскому начальству и обеспечение пределов Грузии могут быть достаточными занятиями на сей раз для неутомимой вашей деятельности, которая требует равномерно краткого отдохновения после всех трудов, понесенных вами на пользу службы Его величества»^[790].

В ответном послании Цицианов повторял, что он вовсе не искал войны с Персией, а был вынужден ответить на вызовы агрессивных соседей. Заявляя о неукоснительном выполнении царской воли прекратить боевые действия, он тем не менее сделал ряд замечаний и поставил несколько вопросов, которые демонстрировали если не его несогласие с позицией Петербурга, то по крайней мере сомнения в возможности добиться того,

чего там хотели. Как опытный военный, князь назвал «наизатруднительнейшим» предлагаемый ему вариант «оборонительной» войны при протяженных границах и малочисленности войск. Употребить слово «невозможный» ему, по всей видимости, не позволили только дисциплина и чувство верноподданного.

Цицианов дерзнул поставить перед императором и его ближайшим окружением три крайне неудобных вопроса: «1-е, когда Баба-хан или сын его придут в Карабаг с войском для лишения обывателей пропитания на зиму преданием огню богатых жатв их полей, идти ли мне с войсками по трактату выгонять их из оного ханства или ограничиться оставлением гарнизона в Шуше без подавания ему помощи; хана же провести разными предлогами, советуя ему о терпении, хотя бы он опираться стал на 5-ю статью Высочайше утвержденного трактата? 2-е, буде Баба-хан или сын его, не удовольствуясь вышесказанным, потянутся через Дагестан к Дербенту... воспрещать ли им тот переход, ибо сие последнее не может входить в оборонительную войну? 3-е, буде тот или другой обратится к стороне Эривана, отколь четырьмя дорогами может войти в Грузию, не имеющую ни одной крепости, могущей удержать или остановить успехи впадшего неприятеля, то двинуться ли мне с войском к Эривану или четыре входа защищать, — хотя сие последнее почти невозможным почитать можно?»^[791] Все эти вопросы фактически являлись протестом против требований, совершенно расходившихся со здравым смыслом и представлениями о международных правовых нормах. Как мог, например, в дальнейшем Цицианов говорить о нерушимости обещаний императора, о строгом соблюдении условий договоров, если Россия отказывала в помощи своему союзнику и равнодушно взирала на то, как противник разоряет дома его подданных, обрекая их на голодную смерть? Подобное поведение ставило жирный крест на последующих попытках расширить пределы империи в Закавказье. Владетели увидели бы свое будущее в случае принятия присяги на российское подданство: при конфликте с Персией царские войска будут запираются в крепостях, царские флаги будут развеиваться на башнях как символ принадлежности края России — и в то же время конные толпы будут беспрепятственно опустошать села, убивать и угонять в плен столько людей, сколько им вздумается.

Особое недоумение у Цицианова вызвала фраза Чарторьского о том, что «мы воюем с Баба-ханом, не зная, какое он имеет неудовольствие против русских», и намеки на то, что следует объяснить персидскому правителю отсутствие у него причин вторгаться в российские пределы. С плохо скрываемой усмешкой Цицианов писал: «...И начинающий понимать

персиянин знает неудовольствие Баба-хана против нас, а именно: за то, что мы лишаем Персию того, чем она владела целое столетие; Грузинский царь не мог царствовать без фирмана Персидского; Эривань, Карабаг, Шеки и прочие ханства, хотя по отдаленности и не такое повиновение имели, но всегда в зависимости были. Из сего следует, что кто у другого что отнимает, тот не может ожидать от него равнодушия; но всего сего еще мало для Баба-хана к угрожению падением его власти: имел левый берег Аракса и Куры в нашей зависимости, не должен ли он ожидать, что правого берега азербейджанцы выйдя захотят из-под его тиранической власти? Жертвой сих подозрений прошлой зимы был Карабагский Аббас-Кули-хан, замененный наперсником Баба-хана Пир-Кули-ханом». Правда, свои скрытые возражения генерал смягчил ритуальным уверением в непоколебимом намерении точнейшим образом выполнить все высочайшие предначертания. Показав столичным фантазерам всю нереальность их предположений, Цицианов предложил завершить войну не попыткой каким-то способом «уговорить» Баба-хана сохранить «статус-кво», а решительным ударом. По его мнению, следовало осенью 1805 года занять Баку и присоединить Эриванское и Ширванское ханства. После этого следовало «послать к Баба-хану с объявлением, что Россия дает ему мир, поставя рубежом ее завоеваний Араке и Куру», В дополнении к посланию Цицианов напомнил, что двухлетние боевые операции по существу носили характер оборонительных, поскольку присоединение территорий диктовалось не желанием захвата какого-то жизненного пространства, а созданием безопасности Грузии. Он еще раз заявил о порочности такой манеры ведения боевых действий, при которой население оставалось без защиты. «Такое равнодушие нашего правления к их разорению, как и поверхность персиян, гораздо еще вреднее, потому что они не замедлят отвратить новоприобретенный народ от их ханов и от русских»^[792]. К тому же тотальное разорение подвластных России территорий создавало проблему снабжения войск провиантом и фуражом. А без этого командование не могло вырабатывать стратегические и оперативные решения.

Последним, вероятно, самым сильным и одновременно самым рискованным фрагментом в послании Чарторыйскому являлось упоминание Цицианова о личной к нему неприязни шаха и, как следствие, бесперспективности его роли переговорщика. «Баба-хан, озлобленный мной и считая, что я все сии завоевания и приобретения делаю своевольно, не охотно захочет войти со мной в переговоры, — писал генерал, — и для того отозванием меня отсель можно бы, я думаю, скорей склонить его к

переговорам, и мой преемник, будучи снабжен от Двора полным наставлением относительно переписки, мог бы тотчас по приезде его сюда начать ее с ним приветствием и объявлением о приезде его на мое место».

Что думал на самом деле этот умный и прозорливый человек? Этого мы никогда не узнаем. Остается только гадать и выбирать, какой ответ в большей степени соответствует нашим представлениям о характере генерала.

Может быть, Цицианов после двух лет управления краем оценил всю сложность стоящих перед ним задач и пожелал уйти непобежденным? На его глазах ценой огромных усилий и потерь удалось добиться лишь символической покорности Джарской области — крошечного уголка по меркам края. Генерал с большим военным опытом понял, какая военно-политическая бездна, способная поглотить тысячи и тысячи жизней, разверзлась перед ним. Возможно, Цицианов избрал такое предложение как своеобразную форму ультиматума: если в Петербурге настаивают на немедленных мирных переговорах — пусть присылают другого человека, который не имеет личной вражды с Баба-ханом. Хотя он и понимал, что даже обиженный его строптивостью Александр I вряд ли решится «поменять коней на переправе». А может быть, Цицианов был жестоко обижен открытым признанием того фронта, на котором он сражался и рисковал жизнью, фронтом второстепенным? Он прекрасно понимал, что его не отправят на покой, а дадут важную должность в армии на европейском театре военных действий. Два его преемника на посту командующего Кавказским корпусом — А.П. Торماسов и Ф.О. Паулуччи — в 1810 и 1812 годах были отозваны Александром. Первый возглавил Дунайскую армию, передав ее впоследствии генералу Чичагову; второй был начальником штаба сначала 3-й, а затем 1-й Западной армии. В октябре 1812 года Паулуччи стал рижским военным губернатором и начальником отдельного корпуса.

13 августа 1805 года Цицианов высказал свое мнение Чарторыйскому о том, что, по его мнению, «...глупая война, которую ведет Баба-хан сердарь с нами, менее делает вреда России в здешнем крае, нежели способствует мне к выполнению высочайше вверенного мне плана, ибо... после всякой его кампании, обнаруживающей его бессилие, какой-либо хан тотчас начинает искать покровительства и подданства российского, а именно после прошлогодней Карабагское и Шекинское ханства служат доказательством истины сего заключения. А ныне после краткой сей кампании, оказавшей еще больше ничтожество Баба-хановых сил, и Ширванский хан Мустафа прислал ко мне с извинениями и с просьбой о

принятии в покровительство и подданство, несмотря что в бытность мою в Шушинской крепости я послу его присланное им письмо, не распечатав, кинул в глаза и не принял. Сей коварный хан, обменявшись посланиями со мной нынешней весной и казавшись склонным к вступлению в подданство, кой час появился Баба-хан в Карабаге, то по требованию сего последнего — от страха ли или от приверженности, 500 человек вспомогательного войска, которых, по окончании кампании, персидские войска, ограбя до рубашки, отпустили. Сие последнее поведение с вспомогательными войсками разнеслось по здешнему краю, и я надеюсь не умножать привязанности к Баба-хану. Сколько ни коварен Мустафа-хан, но буде даст мне тех аманатов, которых я требую, тогда, надеюсь, будет нам покорен»^[793].

Не имея возможности помочь делом (то есть прислать подкрепления), Петербург решил поддержать Цицианова словом. 5 сентября 1805 года Чарторыйский сообщил генералу о ходе переговоров с Наполеоном: назревала война, и русские войска двинулись в Европу. «Когда необычайные движения в наших войсках и выступление части оных за границу могут, конечно, подать повод к различным по сему предмету толкованиям, вы руководствовались содержащимися в сем письме сведениями, дабы дать общему мнению надлежащее направление»^[794]. Дело в том, что географические познания местного населения и лиц, владычествующих над ним, были весьма скромными и, что самое главное, опирались на тамошние масштабы. Когда шах имел проблемы на восточной границе своих владений (с афганцами или туркменскими племенами), то его западные соседи — турки, дагестанцы, грузины — сразу приободрились и склонялись к военной активности, поскольку практически все силы Персии оказывались брошенными на важнейший театр боевых действий. Информация о войне с Наполеоном (в том числе и в самых фантастических формах), о марше русских армий в Австрию также могла породить в головах, не отягощенных представлениями о реальном военном потенциале России, мысль о том, что пришло самое удобное время для возвращения ее границ к Тереку и Кубани.

*

3 января 1806 года газета «Московские ведомости» открыла первый номер «Стихами на Новый, 1806 год»:

Россия! Подыми главу свою венчанну,
И Богу в Новый год песнь новую воспой:
Ты новою себя зришь славой осиянну
И снова небесам касаешься главой...
Росс... имя ужасает,
Перс, галл равно перед тобой дрожит
Весь свет его победы знает
И славою его шумит.

Действительно, итоги военных действий против Персии в 1804—1805 годах следует признать вполне успешными. Однако 1806 год начался с неудач. Генерал-майор Завалишин, приблизившись с моря к Баку, потребовал сдачи города, но получил отказ. Тогда он высадился около Шемахи, но сражение с тамошним ополчением окончилось ничем. Решив реабилитировать себя взятием Баку, Завалишин попытался взять его «с налета», но персы, готовясь к встрече незваных гостей, построили несколько береговых батарей. Сильный обстрел стал для генерала неприятным сюрпризом. Понеся чувствительные потери, имея серьезные повреждения кораблей, он был вынужден уйти к острову Сар и оттуда сообщить Цицианову о случившемся. Главнокомандующий рассвирепел и, «произнеся при всех на счет его самые обидные слова, сказал, что он сам пойдет с двумя тысячами войска сухим путем и уверен, что через несколько дней возьмет Баку»^[795].

Все решили, что это сказано в сердцах, под влиянием гнева, поскольку пуститься со столь небольшими силами в поход казалось делом совершенно невыполнимым. На пути к Баку отряду пришлось бы пройти вплотную к землям джарских лезгин, крайне враждебно настроенных по отношению к русским. Вместе со своими дагестанскими соседями они могли в считанные дни собрать ополчение в 20—40 тысяч человек и буквально раздавить корпус Цицианова в горных проходах, неудобных для действия регулярной пехоты. Кроме того, русским войскам надо было пройти через владения шемаханского хана, только что «оконфузившего» генерала Завалишина. Но главнокомандующий успел создать себе образ грозного воителя: дагестанцы воздержались от вмешательства, а шемахинцы встретили его с почестями и просили о покровительстве. Цицианов попытался лично добиться того, что не удалось сделать целой военной группировке.

Но на этот раз военное счастье отвернулось от него.

Газета «Московские ведомости» разнесла по России тяжелую новость: «Марта 20-го дня получено здесь Кавказской инспекции по кавалерии от инспектора генерал-лейтенанта Глазенапа печальное известие о кончине генерала от инфантерии князя Цицианова, убитого вероломным образом под стенами города Баку». Далее сообщалось об обстоятельствах, при которых это произошло:

«В последних рапортах от 27 декабря 1805 года, привезенных сюда майором Растворовским, князь Цицианов доносил о присоединении к Российской державе ханства Ширванского, причем доставил подлинный акт, заключенный им с Мустафой-ханом, извещая, что, снабдив войска потребным продовольствием, отправится под Баку на помощь к генерал-майору Завалишину, который при склонении Гуссейн-Кули-хана Бакинского к мирным переговорам встретил затруднение. И действительно, февраля 2-го дня текущего года отряд генерала от инфантерии Цицианова соединился с отрядом генерал-майора Завалишина. Начались о сдаче крепости переговоры, которые продолжались до 8-го числа. Того же числа поутру войска подвинулись к колодцу, от города в полуверсте отстоящему, после чего старшины Бакинские привезли к князю Цицианову городские ключи, хлеб и соль, кои были им приняты. Между тем сии посланцы представляли князю Цицианову, что хан их сомневается в получении прощения за то, что действовал вооруженной рукой против войск Российских, почему и не дерзает лично поднести сии ключи главнокомандующему, и просили князя Цицианова, чтобы для ободрения хана их он сам приехал к ним навстречу. Князь Цицианов, коего неустранимость известна была персидским и горским народам, не поколебался согласиться на сие коварное предложение; отдал ключи обратно посланцам с тем, чтобы они были поднесены самим ханом. Поехал к городу, взяв с собой только одного подполковника князя Эростова и одного казака, и запретил прочим за собой следовать, говоря, что хан, увидев многочисленную свиту, может испугаться. Не доезжая шагов за сто от ворот городских, встречен он был Гуссейн-Кули-ханом, который поднес ему городские ключи, и в то самое время, когда князь Цицианов принимал оные, позади князя стоявший персиянин выстрелил по нем из ружья, а другой выстрелил в князя Эростова. Князь Цицианов упал с лошади, и в то же время несколько других персиян, бросившись на него с саблями, изрубили и увезли стремительно в город. Таким образом, генерал от инфантерии князь Цицианов, находившийся с 1802 года в Грузии и на Кавказской линии главнокомандующим, заслуживший отличной деятельностью своей и усердием к Отечеству особенное внимание

правительства и присовокупивший во славу русского оружия многие полезные в Персии завоевания к Российской империи, соделался жертвой своей неустрашимости, свойства, наиболее его отличавшего. Сие происшествие произвело здесь чистосердечное сожаление о внезапной потере толико достойного и полезного для службы Отечества чиновника. Государь император, отдавая полную справедливость усердной службе покойного, высочайше указать соизволил оставить фамилии генерала от инфантерии князя Цицианова право пожизненное на аренду, которая была ему пожалована»^[796].

Гибель Цицианова вызвала приостановку в боевых действиях. Осенью 1807 года, после перемирия, длившегося несколько месяцев, война возобновилась. Русские попытались взять крепость Эривань, но эта попытка закончилась полным провалом. Преемник Цицианова на посту главнокомандующего Иван Васильевич Гудович очень не любил своего предшественника и поэтому из кожи вон лез, чтобы «затмить» его. Гудович не удержался от выпада в его адрес даже в прокламации к эриванцам от 4 октября 1808 года: «Жители Эривани! Вы не берите в пример прежней неудачной блокады крепости Эриванской. Тогда были одни обстоятельства, а теперь совсем другие. Тогда предводительствовал войсками кн. Цицианов из молодых генералов, не столь еще опытный в военном искусстве, а теперь я имею счастье командовать победоносными войсками моего великого и всемилостивейшего Государя Императора, водив уже более 30 лет сильные Российские армии»^[797]. Лучшим способом для доказательства собственной состоятельности было взятие Эривани, от стен которой Цицианову пришлось уйти ни с чем. Однако старинная крепость действительно оказалась крепким орешком: ее гарнизон проявил удивительную стойкость. Гудович объяснял свою неудачу отсутствием осадной артиллерии и недостатком сил для действенной блокады крепости. Но отступление от Эривани потребовало оставления и других территорий. 17 ноября 1808 года Гудович «предписал» генерал-майору Небольсину: «... как штурм Эриванской крепости был неудачен, то и решился я оставить здешнюю область, чтобы не довести солдат до изнурения, не могли более держать их при блокаде крепости на оружейный выстрел, хотя и ныне держу крепость в тесной осаде, почему и вам порученный отряд не может держаться в Нахичевани»^[798]. Оправдываясь в своих неудачах, Гудович не упустил случая негативно отозваться о предшественнике. Во всеподданнейшем рапорте от 8 сентября 1807 года он напомнил, что Цицианов даже летом не смог обеспечить свои войска пропитанием, а в

письме канцлеру Румянцеву указал: «Князь Цицианов имел при блокаде Эриванской крепости одного только неприятеля, имея тыл свободный, и тут он, потеряв много людей старых солдат и весь почти обоз, едва мог ретироваться во внутрь Грузии, претерпев под Эриванью недостаток в провианте, в дровах и фураже, где дров совсем нет, а фуража весьма мало»^[799].

После этих неудач русское командование, не располагая достаточными силами для наступления, придерживалось оборонительной стратегии. Персы также готовились к будущим боям и потому ограничивались набегами на пограничные территории. Усилившееся в эти годы лавирование азербайджанских ханов между Россией и Персией, трактуемое русскими генералами как характерное для персиян «двоедушие», коварство, ветренность и т. д., во многих случаях объяснялось трезвым пониманием того, что обе противоборствующие державы не могут обеспечить их безопасность, несмотря на все уверения. «Акты Кавказской Археографической комиссии» содержат записку Мустафы-хана Ширванского, в которой тот пеняет на фактическое невыполнение русской стороной обещаний защитить их от внешней угрозы. Персы разорили земли этого российского подданного и увели около двух тысяч семейств «в свои пределы». В мае 1806 года карабахцы буквально умоляли русское командование спасти их от угрозы разорительного нашествия^[800]. Почувствовав, что со смертью Цицианова «русская рука» ослабла, азербайджанские владетели, соскучившиеся по феодальным распрям, вернулись к прежним своим развлечениям: запылали пограничные селения в Шекинском и Ширванском ханствах, а в Тифлис полетели взаимные кляузы. Попытки представителя коронной власти подполковника Тихановского примирить стороны не увенчались успехом, равно как и «уговоры» самого Гудовича^[801].

Летом 1810 года персидская армия перешла пограничную реку Араке, но была наголову разгромлена отрядом генерала Котляревского, многократно уступавшим ей по численности. Войска под командованием Паулуччи разбили персов у крепости Ахалкалаки, провалом закончился и рейд иранской конницы в долину Куры. Однако это не спасло Карабах и другие земли от разорительных набегов. Неспособность царских генералов защитить Азербайджан от персов, недовольство населения реквизициями, антироссийская пропаганда мусульманского духовенства привели к тому, что некоторые местные правители или открыто перешли на сторону противника, или отказывались содействовать русским властям. Самым

серьезным испытанием стало восстание в Кубинском ханстве в 1810 году. В 1811 году персидские эмиссары и бежавшие в Дагестан азербайджанские ханы сумели привлечь на свою сторону горцев. Многотысячное ополчение, составленное из аварцев, лакцев и табасаранцев, разгромило на реке Самур отряд генерала Гурьева, но затем потерпело поражение у города Куба. В 1812 году русский отряд численностью в 400 человек при поддержке Каспийской флотилии оборонял Гюмушеванскую косу, на которой искали спасения более тысячи семейств из Тальшского ханства. Несмотря на осенние холода, яростные атаки противника и нехватку продовольствия, защитники косы держались до последнего. В октябре 1812 года персидские войска сосредоточились около укрепления Асландуз для вторжения на территорию Азербайджана. Генерал Котляревский собрал имевшиеся в его распоряжении небольшие силы и в двухдневном сражении наголову разбил армию Аббас-Мирзы, а 1 января 1813 года решительным приступом взял крепость Ленкорань^[802]. Эти поражения заставили Персию пойти на подписание Гюлистанского мирного договора, который закреплял за Россией территориальные приобретения в Восточном

Закавказье. Русско-персидская война 1804—1813 годов сделала отношения с вольными обществами и владельцами Дагестана внутрироссийским делом, при всей формальности суверенитета России над этим краем.

Несмотря на столь внушительные результаты, эта война не стала последним столкновением Ирана и России. Персия не желала смириться с потерей своих позиций в Закавказье. Закавказские мусульманские владельцы тяготились данными ими клятвами в верности Александру I и вели переговоры с шахом. Император, желавший дать стране «отдохновение» после Наполеоновских войн, старался не провоцировать Персию. Поэтому «правительство, имея ясные доказательства злодеяний и существования тайных сношений с Персией, в весьма снисходительных выражениях упрекало ханов и напоминало об обязанности руководствоваться лишь правами, им предоставленными»^[803]. При этом Россия тоже считала временными рубежи, определенные Гюлистанским договором. Одно из свидетельств того — демонстративная неторопливость при установлении точной линии границы^[804].

Хотя на самом важном этапе персидской войны 1804—1813 годов главнокомандующим был Цицианов, в коллективном сознании россиян война эта оказалась связана с именем Петра Степановича Котляревского. Он родился в семье сельского священника Харьковской губернии в 1782

году и оказался на военной службе из-за знакомства его отца с подполковником И.П. Лазаревым, который взял бойкого мальчика на свое попечение и воспитание. В четырнадцатилетнем возрасте Котляревский участвовал в Персидском походе, а в семнадцать лет получил первый обер-офицерский чин. Когда Лазарев уже в чине генерал-майора был назначен командующим войсками, отправленными в Тифлис, хорошо образованный и бойко писавший приказы и рапорты бывший попович состоял при нем адъютантом. Однако Котляревский уверенно чувствовал себя не только за письменным столом, но и на поле боя, что и доказал в сражении с войском Омар-хана в 1799 году. После гибели своего начальника он принял роту и вместе с ней участвовал в штурме крепости Гянджа. В 1806 году, уже в чине майора, совершил поход, который сделал его известным в Кавказском корпусе. Четыре роты 17-го егерского полка оказались в окружении большого персидского отряда. После четырехдневного боя Котляревский прорвался сквозь ряды противника и на его глазах захватил небольшое укрепление, а затем повторил дерзкий маневр: под самым носом противника совершил марш-бросок к другой крепости, расположенной на неприступном утесе, захватил ее и дождался в ней долгожданной помощи. За эти подвиги и полученные раны он был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени. 8 июня 1806 года Котляревский сыграл решающую роль в победе над персидскими войсками на реке Араке, а 28 октября 1808 года — у села Карабаба. В 1810 году Котляревский неожиданным штурмом взял приграничное селение Мигры, имевшее большое стратегическое значение и позволявшее контролировать сразу несколько дорог, ведущих вглубь российской территории. Эти и другие отчаянные, но тем не менее успешные действия молодого офицера доставили ему славу удачливого командира, что дорогого стоило в суеверной военной среде. Солдаты и офицеры шли за ним, будучи полностью уверенными в успехе, что удесятеряло их силы. Когда началась Русско-турецкая война 1806—1812 годов, Котляревский одержал несколько побед, среди которых выделялось взятие крепости Ахалкалаки. Он решил задачу почти без потерь: четыре дня и четыре ночи вел батальон по заснеженным и пустынным горам, и турецкий гарнизон, потрясенный внезапным появлением противника, не смог оказать серьезного сопротивления. Этот подвиг принес Котляревскому чин генерал-майора^[805]. Здесь видна цициановская школа: в операциях на востоке численность имеет третьестепенное значение, на первое же место выходят быстрота действий и неожиданность их для противника.

Но не только военному делу обучился Котляревский у своего наставника. Он прекрасно усвоил: словам восточных владык верить нельзя,

они уважают только силу. В 1812 году его отряд прикрывал Карабахское ханство от вторжения персидской армии, командующий которой Аббас-Мирза предложил перемирие с целью выиграть время для нападения на другого союзника русских — талышского хана. Котляревский, выросший на Кавказе, прекрасно понимал эти хитрости, но был связан по рукам и ногам присутствием главнокомандующего Н.Ф. Ртищева, нерешительного по характеру и стремившегося уладить дело миром. Ртищев верил клятвенным, но ничем не стоящим заверениям Аббас-Мирзы и запрещал Котляревскому какие бы то ни было активные действия. Ситуация становилась угрожающей: пассивность русских воспринималась как слабость, карабахцы и талыши уже подумывали о переходе на сторону персов. Но «выручили» восставшие горцы, перекрывшие движение по Военно-Грузинской дороге. Главнокомандующий кинулся восстанавливать связь Грузии с Россией, а ученик Цицианова получил свободу действий. Что он сказал карабахскому владельцу Мехти-Кули-хану, неизвестно, но тот сразу передумал помогать персам. Скорее всего, русский генерал усвоил риторику пылкого грузинского князя и нашел нужные слова для воздействия на ум и душу восточного правителя. Обезопасив свои тылы, Котляревский с отрядом, состоящим из полутора тысяч человек, решил перейти Араке и нанести внезапный удар с тыла по персидскому войску, превосходившему его по численности в 20 раз! Замысел оказался верным: русская пехота подошла к вражеским позициям до того, как Аббас-Мирза опомнился. Однако, бросив обозы и часть артиллерии, персы сумели отступить и расположились в укрепленном лагере у местечка Асландуз. Несмотря на утомление войск, Котляревский не дал врагу передышки и бросил свои батальоны в ночную атаку, что в те времена было большой редкостью. В лагере вспыхнула паника, ни о каком сопротивлении не было и речи. Бойня у Асландуза произвела такое впечатление, что командиры нескольких персидских отрядов, уже вошедших на территорию Азербайджана, сразу вернулись за Араке. Множество беков, намеревавшихся поднять мятеж, не решились взяться за оружие. Гарнизоны небольших персидских укреплений бежали при одном известии, что к ним идет страшный Котляревский. Известие об этой победе было с восторгом встречено в Петербурге и всей России. Надо представлять атмосферу тревожного ожидания осени 1812 года, чтобы понять, какое впечатление произвела новость о разгроме персов. Победитель получил чин генерал-лейтенанта и орден Святого Георгия 3-й степени.

В руках противника оставалось Талышское ханство, и Котляревский отправился туда во главе двухтысячного отряда. Персы сделали ставку на

оборону крепости Ленкорань, комендант которой отверг предложение о сдаче. Бомбардировка не дала ощутимых результатов, так как ядра увязали в глинобитных стенах, не нанося им повреждений. Взять укрепление измором также было невозможно — экспедиционный корпус сам жестоко страдал от холодов и нехватки провианта, подвоз которого морем исключался из-за зимних штормов. В одном из своих приказов Котляревский писал: «...чем скорее идешь на штурм и чем шибче лезешь на лестницы, тем менее урон взять крепость; опытные солдаты сие знают, а не опытные поверят...»^[806] Атака поначалу развивалась не очень удачно: гарнизон отбивался отчаянно, командовавший штурмовой колонной подполковник Ушаков был убит. Котляревский бросился ободрять своих подчиненных и был ранен тремя пулями. Известие об этом разъярило солдат, с удвоенной силой они бросились на стены, захватили стоявшие на ней пушки и стали стрелять из них по защитникам крепости. Это и стало переломным моментом сражения. Одна из трех пуль, попавших в генерала, выбила ему глаз и раздробила лицевые кости. Уровень тогдашней хирургии не позволял делать необходимые восстановительные операции, и генерал оказался обречен на пожизненные мучения^[807]. Он ушел в отпуск по болезни, оказавшийся бессрочным, и жил практически безвыездно в своем имении. В 1826 году, когда разгорелась новая война с Персией, Николай I наградил его чином генерала от инфантерии, прислал ветерану рескрипт с признанием его заслуг и приглашением вернуться на службу. Однако надежд на восстановление здоровья уже не оставалось: рана на лице периодически открывалась, и через нее выходили наружу осколки раздробленных костей. Это те самые «язвы чести», о которых писал поэт. Котляревский не мог даже выходить на улицу в холодную погоду и потому перебрался в Крым, где и скончался 21 октября 1851 года. До последних своих дней он интересовался событиями на Кавказе, состоял в переписке с боевыми товарищами, хлопотал об определении на службу молодых офицеров. Его имя заняло достойное место в пантеоне отечественной военной славы. Вся Россия знала слова поэта Домонтовича:

О Котляревский! Вечной славой
Ты озарил кавказский штык!
Помянем путь его кровавый —
Его полков победный клик...

История Котляревского — пример пристрастности и изменчивости

народной памяти. Генерал принадлежал к числу тех фигур, которые, будучи известными каждому современнику при жизни, уходят в прошлое со своим веком. В следующем поколении таких людей знают только те, для кого они являются частью семейного или корпоративного мифа. С угасанием последнего растворяется в забвении и образ некогда всем известного героя. Безусловно, для утверждения в памяти народа нужны деяния, значение которых неоспоримо. Но сами по себе выдающиеся заслуги перед отечеством вовсе не гарантируют бессмертия. Сама судьба должна проследить за тем, чтобы после кончины личность человека и его подвиги на избранном поприще не потонули в потоке последующих впечатлений. Можно составить длиннейший список исторических «несправедливостей», если понимать под таковыми постепенное посмертное забвение. Котляревский, как, впрочем, и Цицианов, оказался в своеобразной исторической тени, которая образуется по своим законам: люди помнят то, что хотят и что могут помнить.

Не все и не всегда соглашались с этими законами. Котляревский видел, сколь мало Россия знает о происходившем на Кавказе. В Санкт-Петербурге уже были поставлены памятники Кутузову и Барклаю де Толли, Александрийская колонна, Нарвские триумфальные ворота. Триумфальные ворота появились даже в честь победы над восставшими в 1831 году поляками. Надеясь на явную несправедливость к памяти героев Кавказа, Котляревский в письме князю М.С. Воронцову от 13 января 1846 года предложил установить в Тифлисе памятник в виде четырехгранной пирамиды. На лицевой стороне он предлагал следующую надпись: «Российским войскам первой Персидской войны, начавшейся в 1802 году и кончившейся в 1813 году, малым числом принесших много пользы отечеству». На противоположной стороне — «Воздвигнут памятник сей в царствование Императора Николая I. При Главнокомандующем князе Воронцове 18... года ... числа». Две другие стороны обелиска предназначались для имен генералов и названий частей, сражавшихся за Кавказом. В письме М.С. Воронцову от 23 мая 1847 года Котляревский одобрял также идею устройства памятников в Гяндже и Ленкорани. «...Для меня вдвойне было бы приятнее, — писал он, — когда бы на Гянджинском памятнике можно изобразить тот момент, в который Вы взяли меня, раненого, под одну руку, а взявший под другую, егеря моей роты Иван Богатырев, был тут же убит. Эту картину я хочу иметь написанную хорошим живописцем и передать ее в род мой с завещанием хранить и питать благоговейное уважение к имени Воронцова для позднейшего знакомства»^[808]. Памятник появился в 1850 году, но гораздо более

скромный, нежели тот, который задумывал генерал. Оштукатуренный кирпичный пилон был увенчан крестом; на чугунной доске с лицевой стороны имелась надпись: «Близ сего места 2 декабря 1803 г. при занятии садов и форштадта крепости Ганжи, под главным начальством и в присутствии князя Цицианова, ранен был в первый раз пулею в ногу 17-го егерского полка капитан Котляревский». Надпись на доске, закрепленной с тыльной стороны, гласила: «Скромный сей памятник герою Асландуза и Ленкорани соорудил бывший с ним в этом деле гвардии поручик граф Воронцов, впоследствии Главнокомандующий и Наместник Кавказский». Во второй половине XIX века монумент едва не разрушился, но был отреставрирован в 1894 году^[809].

*

В ходе войны с Персией Цицианов неоднократно проявлял себя как жесткий и умелый полководец, заботившийся как о материальном обеспечении подчиненных, так и о их моральном поощрении. «Всякий имевший до него дело с полной доверенностью и утешительными надеждами прибегал к нему в своих нуждах, чистосердечно излагая свое дело; каждый был уверен, что никакое лицепрятие, никакая корысть не могли поколебать великой души его и что одна справедливость, подкрепляемая законами, при его разбирательстве решала всякое дело. Сколько, впрочем, ни быш он строг и взыскателен по службе, но правотою и умом стяжал общую любовь и уважение, которые и донныне в памяти всех, знавших его, сохраняются», — писал П. Зубов^[810]. Другой характеристики трудно было ожидать от автора апологетического сочинения, но она не слишком далека от истинного портрета главнокомандующего. П.Д. Цицианов имеет право на особое место в пантеоне покорителей Кавказа: он единственный из всех главнокомандующих в этом крае, который погиб на своем посту. Да, его смерть не сопровождалась грохотом сражения, его сразила «изменническая» пуля. Многие его предшественники и преемники были лично храбры, слышали свист пуль над своей головой, но все они благополучно дожили до преклонных лет и упокоились в постели, а не на сырой земле. У черногорцев, очень воинственного народа, высшей похвалой мужчине в XVIII столетии была фраза: «Он умер в сапогах», что означало гибель в бою или в походе...

Можно сказать, что Цицианов исповедовал суворовский принцип:

«Каждый солдат должен понимать свой маневр». Он полагал, что подчиненные ему командиры действовали успешнее, если видели всю картину происходящего. В октябре 1805 года генерал-майор П.Д. Несветаев просил у главнокомандующего разрешения на проведение карательной операции против курдов, воевавших на стороне персов. В ответ было отправлено следующее «предписание»: «Пред отправлением к вам нарочного курьера получил я от вас новые бумаги, на которые спешу с сим же дать вам разрешения. Ваше превосходительство имеет уже позволение идти на куртинцев и сделать репрезаль, и я не колебался бы позволить вам и занятие Талыней (село недалеко от Эривани, бывшая персидская крепость. — В.Л.), если б до крайности не беспокоило меня то, что посты в Памбакской и Шурагельской провинции и так уже сильно растянуты; прибавить же к вам войск никак не возможно, потому что я их здесь держу для устрашения Ширванского хана и Баку. Впрочем, если бы тем числом людей, каковое у вас находится, могли изворотиться и уверены в том, что занятие Талыней не обессилит вас, то я на сие согласен, как и на то, чтобы на первый раз Джафар-Кули-хан со своими людьми туда перешел, но с тем однако ж, что после он непременно должен перейти в Лори, ибо нельзя позволить ему водвориться в Талыне. Я не скрою от вашего превосходительства моих намерений, что если бы Баку был взят и Ширванское владение вошло трактатом под Российское подданство, то я сей же зимы с одним Севастопольским полком и 200 егерей — все, что имею у себя под руками, — пойду на Эривань; теперь же может быть нужно будет идти на Баку. И так ваше превосходительство из сих обстоятельств можете видеть, что усилить вас никак не возможно; следовательно, без совершенной уверенности вам не должно ни на что покушаться»^[811].

Следует принимать во внимание, что Цицианов был вынужден использовать крайне ограниченные силы. К его мольбам о присылке подкреплений в Петербурге были глухи. В те времена Кавказ явно не был приоритетным направлением внешней политики России: Министерство иностранных дел, военное и морское ведомства, да и сам император смотрели прежде всего на Запад. Европа готовилась к большой войне, и Александр I видел себя одним из ее главных участников. Каждый солдат был на счету, и отправка сразу двух полков в Азию выглядела неразумным расточительством. Ситуация радикально изменится только спустя десятилетие после гибели Цицианова: после победы над наполеоновской Францией освободившиеся военные ресурсы можно будет использовать в других регионах. Кроме того, великие державы в начале XIX столетия

только начали превращать земной шар в единое поле соперничества, и успешная экспансия за пределами Европы еще не превратилась в нечто равноценное удачным интригам дипломатов в главных столицах этой части света. Цицианов, рискуя вызвать неудовольствие царя своей настойчивостью, решился тем не менее «надавить» на него через графа Воронцова, указав в донесении от 27 апреля 1803 года, что отказ в присылке подкреплений «...впоследствии может представить более затруднений на будущую кампанию, смею сказать, окажет поступок, противоположный достоинству Российской империи, и... без сомнения уронит самым явным противодействием власть начальства моего и для пользы службы нужные знаки моего в сей стране полномочия»^[812]. И здесь говорит вовсе не уязвленное самолюбие честолюбивого генерала. Ситуация действительно была нелепой: богатая и стратегически важнейшая часть Восточного Закавказья готова была сама упасть в руки России, а рук этих по сути не оказывалось... Потеря лица в такой ситуации могла иметь тяжелейшие последствия, поскольку наносила удар по тщательно формируемому имиджу Цицианова — полномочного владыки, обладателя огромной военной силы, человека, подтверждающего каждое свое слово решительными и скорыми действиями. Этот имидж — не радующее отражение в волшебном зеркале, а ресурс, во многих случаях важнейший, иногда едва ли не единственный, которым располагал Цицианов, показавший себя настоящим мастером, даже гением блефа. Этот прием не раз позволял ему выигрывать, имея на руках никудьшные карты. Но на одном блефе выехать было невозможно — требовалось время от времени предъявлять и козыри...

Глава шестая.

ЦИЦИАНОВ И ЗАПАДНАЯ ГРУЗИЯ

...Для предохранения пределов Грузии, от неустройств земли, ввергнутой в раздоры междоусобные, я найдусь в необходимости, под прикрытием войск, ввесть во владения царства имеретинского законного наследника оного...

П.Д. Цицианов

Пост главнокомандующего в Грузии предполагал не только защиту и «обустройство» Карталино-Кахетинского царства, но и дальнейшее распространение границ империи в Закавказье. Включение владений Георгия XII в состав России предопределило судьбу Имеретии, Гурии, Мингрелии, Абхазии, Лечгума, Сванетии, некогда находившихся под властью одного царя. Объяснялось это не только предъявлением прав на наследство Багратионов. Западные княжества служили источником постоянной угрозы, поскольку тамошние князья не собирались отказываться от вооруженных нападений как привычного способа решения конфликтов с соседями. Все владетели Западного Закавказья находились в зависимости от Порты и при каждом конфликте Петербурга и Стамбула автоматически становились союзниками последнего, а их земли служили плацдармом для вторжений в Грузию. Кроме того, через Имеретию, Гурию и Мингрелию можно было проложить путь в закавказские владения России. Войска и грузы доставлялись морем из Крым?, Одессы или Таганрога в район Поти, а затем следовали по суше через Кутаиси до Тифлиса. Наконец, названные государства постоянно раздирали внутренние распри, в ходе которых одна из сторон искала поддержки у северного соседа.

Правитель Имеретии носил гордый царский титул, но имел дворец более чем скромный, вел по сути кочевую жизнь, перебираясь, подобно раннесредневековым европейским владыкам, от одного места стоянки к другому. Местные жители снабжали монарха и его свиту продовольствием. Благодатный климат и плодородные почвы позволяли получать высокие урожаи. Часть зерна продавалась туркам в обмен на соль, железо и другие изделия. Этнографы признавали сильное «азиатское» влияние на культуру

имеретинцев, что выражалось в приниженном положении женщины, массе языческих пережитков. Одновременно отмечалось отсутствие пропасти между дворянством и крестьянством, что смягчало социальные отношения. Это во многом объяснялось тем, что дворяне и духовенство в Имеретии занимали непропорционально большую долю в общей численности населения. На одного феодала приходилось в среднем всего шесть крестьянских дворов, что фактически исключало социально-культурный отрыв тамошней знати от простых землепашцев. Развитие ремесел и торговли сдерживалось опасностью разорения, причем угроза такового в равной мере исходила как от соседей, так и от соплеменников. Несомненный знаток местного края русский резидент Литвинов писал по этому поводу: «Торговля производится тут армянами и евреями... Есть люди, обладающие капиталами, но с большим старанием их скрывают... Бедная наружность торгующими наблюдается ими для того, что всякий князь имеет право присвоить себе навсегда или на время то, что ему понравится, в доме может стоять постоем, вещи отнять без платы, одни жены и дети остаются без прикосновения. Сие разуместь должно об иностранных торгующих, но между подданными царя все божье, царское и княжье»^[813]. Трудолюбивый и предприимчивый народ оказался в бедственном положении из-за внутренних неурядиц и внешних угроз. Войско имеретинское представляло собой типичное феодальное ополчение — храброе, но совершенно незнакомое с дисциплиной.

Таков же был образ жизни и правления князей Дадиани, владевших Мингрелией, — с той только разницей, что это княжество по своим природным условиям значительно уступало Имеретии. Кроме того, мингрельские владыки и отдельные дворяне находились в постоянной вражде с соседями и друг с другом. Поэтому их подданные «были в постоянной бедности и чуть не умирали с голоду от угнетения их собственными владельцами и существовавшей войной между царем Имеретинским и Дадианом Мингрельским. Имеретинские войска, не имея возможности захватывать жителей, уходивших в леса, истребляли весь хлеб на полях, подрубали виноград и возвращались домой с утешением, что довели сих несчастных до отчаяния»^[814]. Торговля пленными представляла главный доход всей местной знати. Суд был скорый и далеко не всегда правый. Правители лично разбирали дело и выносили приговор, большей частью тут же приводившийся в исполнение. При этом казни отличались изуверской жестокостью — вплоть до зарывания приговоренного живьем в негашеную известь. Особый статус имела

область Лечгум площадью около 300 квадратных километров, представлявшая собой в начале XIX века конгломерат из одиннадцати укрепленных замков, каждый из которых принадлежал отдельному князю. Эти мелкие владетели играли на соперничестве Имеретии и Мингрелии, переходя в зависимости от ситуации то на одну, то на другую сторону. Важной составляющей постоянного конфликта в Западном Закавказье была неопределенность границ и политической организации края. Так, царь Имеретии считал Гурию, Мингрелию, Лечгум, Абхазию и Сванетию своими владениями, тогда как правители этих земель держались иного мнения. Но и сами они не контролировали территорию своих княжеств, поскольку многие их строптивные подданные по собственному разумению определяли степень своей подчиненности.

Царь Имеретии Соломон I был храбрым и умелым полководцем. Он добился самостоятельности своего государства (до 1768 года Имеретия находилась в вассальной зависимости от Турции) и не только успешно оборонял границы, но и держал в узде местное дворянство. По свидетельству полковника Бурнашева, царь Соломон «имел горячее желание войти в покровительство Всероссийского престола, единое о России слово производило в нем некое особое чувство и самым последним чинам нашим, приезжающим в Имеретию, он оказывал безмерное уважение». Это высказывание требует комментария, тем более что далее автор записки сообщает о тесных связях имеретинского царя с Сулейман-пашой, главой пограничного пашалыка, который приходился ему приемным отцом. Скорее всего, Соломон, как и многие закавказские владыки, рассчитывал играть на русско-турецком противостоянии. Родственники его бежали в Грузию, где были приняты царем Ираклием II, «как они всегда привыкли принимать под защиту обоюдно бунтующих князей». Один из представителей имеретинской ветви Багратионов, «беглый» царевич Арчил, женился на грузинской царевне, что придало ему особый политический вес. Царь Соломон нашел чем ответить соседу: «... равным образом принял бежавшего из Грузии сына князя Эристова, обвиняемого в бунте против царя Ираклия, и женил на своей дочери»; охотно принимал он «и многих других не доброхотствующих князей, из того следовали с обеих сторон разные неудовольствия». После подавления мятежа князя Эристова у родного деда имеретинской царицы были конфискованы родовые имения, которые тут же передали царевичам, сыновьям Ираклия II.^[815] По мере истощения сил обоих противников военные действия прекратились, хотя взаимное недоверие тлело в душах царей и в конце концов могло привести к большому пожару. Этот пожар не

заставил себя долго ждать. Известно, что даже в «благоустроенных» монархиях передача престола от одного лица другому редко проходила без каких-либо осложнений. В тех же государствах, где в силу местных политических реалий являлись несколько претендентов на корону, смерть монарха сопровождалась различными династическими неурядицами. Так случилось в Имеретии, когда Соломон I окончил свой земной путь. Началась кровавая феодальная междоусобица, в которой смешались старые обиды, личные амбиции, клановые интриги, коварные измены и иностранное вмешательство. Таким образом, к рубежу XVIII—XIX веков Западная Грузия в политическом отношении представляла собой огромный клубок конфликтов — династических, межгосударственных и клановых. Царь Имеретии, претенденты на его престол, мятежные князья, правители Мингрелии и Грузии — все они вели свою игру, разыгрывая турецкую и русскую карты. Справедливости ради следует сказать, что их собственная судьба Россию мало интересовала. Все эти правители были нужны Петербургу исключительно как союзники, и в разрешении споров между ними власти империи стремились только к тому, чтобы их распри не мешали борьбе с турками. Так, имеретинской смутой умело воспользовался правитель Мингрелии Дадиани, давно лелеявший надежду покончить со всякими разговорами о своей зависимости от Имеретии. При храбром и воинственном Соломоне I Дадиани не мог о том и помыслить. Теперь он предложил одному из претендентов на престол военную помощь в обмен на территорию. Землю Дадиани получил, а вспомогательного войска не прислал, чем создал предпосылки для будущего конфликта.

Соломон I не оставил после себя прямых наследников. Поэтому после его смерти в 1782 году престол перешел к малолетнему племяннику Давиду Арчиловичу при регенте Давиде Георгиевиче, который приходился покойному царю двоюродным братом. Временный статус регента его не удовлетворял, и он принялся укреплять свою власть, заставляя всех непокорных и недовольных дворян эмигрировать в Картли-Кахетию и Мингрелию. Командовавший в те времена Кавказской линией П.С. Потемкин направил в Имеретию полковника Бурнашева, сумевшего примирить враждующие группировки на основе следующего компромисса: Давид Георгиевич признавался царем до совершеннолетия Давида Арчиловича. Платой за это стала отправка в Петербург специального посольства с просьбой о принятии Имеретии в российское подданство. Однако Екатерина II проявила осторожность, не решаясь обострять отношения с Турцией. Имеретинцы были щедро одарены, но манифеста о присоединении к России не последовало. Турки решили на всякий случай

сменить правителя в этой земле и направили войско во главе с князем Кайхосро Абашидзе, чтобы тот стал первым лицом в Кутаиси. Потемкин оказал Давиду Георгиевичу финансовую и дипломатическую помощь, но достигнутое затишье оказалось коротким. Когда Давид Арчилович достиг совершеннолетия, князья-эмигранты с помощью Ираклия II и мингрелов добились его коронации с принятием имени Соломона II. Бывший регент Давид Георгиевич не собирался так легко сдавать позиции: он заручился поддержкой ахалцыхского паши и трижды во главе турецких отрядов совершал опустошительные рейды в свою родную страну. Во время последнего похода он попал в плен, но Ираклий II уговорил молодого царя Соломона II простить изменника. Турки еще раз попытались вернуть имеретинский престол своему ставленнику и вновь были разбиты наголову соединенным имеретинско-грузинским ополчением. Давид не уgomонился и затеял переписку с ахалцыхским пашой на предмет возобновления борьбы за корону. Его тайные связи с врагом были обнаружены, и новое прощение ему удалось вымолить лишь ценой представления в заложники сына Константина и жены Анны. Однако жажда власти и мести оказалась сильнее родственных чувств: Давид пожертвовал самыми близкими людьми, вновь бежал в Турцию и вновь дважды приводил турецкие войска в Грузию. Оба похода окончились для него разгромом. Вскоре он заболел оспой и умер. Междоусобица разорила страну. Города и села лежали в развалинах, жители прятались в горах и лесах. Тысячи имеретинцев оказались угнаны в Турцию.

Несмотря на поддержку со стороны Картли-Кахетии во время борьбы за престол и несмотря на то, что по договору 1785 года Соломон II признавал главенствующее положение Ираклия II, он «с пониманием» отнесся к поведению своего ополчения во время нашествия Ага-Магомет-хана в 1795 году. Напомним, что имеретинские дружины, пришедшие для отражения персов, не только уклонились от боя, но и разграбили грузинские земли, через которые возвращались на родину. Смерть Екатерины II и уход корпуса Зубова из Дагестана еще более воодушевили этого владетеля, собиравшегося разрешить давние территориальные споры с восточным соседом. Однако появление в Тифлисе полка Тучкова охладило пыл Соломона II, уже собравшего ополчение для вторжения в Грузию.

Картина присоединения Западного Закавказья в отечественной историографии в большинстве случаев выглядит неясной. Автор основательной истории Имеретии М.А. Сагарадзе ограничился формулировкой, обходящей все острые вопросы: «Последний

имеретинский царь Соломон II, окончательно отчаявшись в возможности спасения родины своими силами, в 1804 году в присутствии главноуправляющего Грузией кн. Цицианова подписал акт о вечном подданстве России, а в 1810 году Имеретия совсем была присоединена к России»^[816]. Как мы увидим далее, Имеретия, так же как и Грузия (Картли-Кахетия), действительно была спасена от внешней угрозы и внутренних раздоров благодаря вхождению в состав империи Романовых. Однако произошло это вопреки воле царя Соломона II и многих имеретинских дворян, чем во многом и объясняется «двухэтапное» принятие подданства — в 1804 и 1810 годах.

Еще в 1802 году Александр I, не желая ссориться с Турцией, с которой в 1798 году был заключен союз на условиях нерушимости существовавших границ, одобрил фактический отказ Кнорринга от принятия Соломона II под покровительство России. «Я нахожу основательным ответ ваш, сделанный царю Имеретинскому, — писал император. — ...Я никак не желаю дать сим поступком Порте Оттоманской повод к притязаниям или остуде (охлаждению к России. — *В.Л.*) и поручаю вам на будущее время держаться сего правила»^[817]. Цицианов, сменивший Кнорринга, получил в мае 1803 года такую же директиву: «...дабы течение Куры и Фаза (Риона. — *В.Л.*) означало порубежную черту владений России, за которую переступать не следует». Но уже в сентябре—октябре того же года последовали одно за другим три послания из столицы, в которых главнокомандующему указывалось не только на возможность, но и на желательность присоединения Имеретии^[818]. Это позволяло установить связь Грузии с Россией по Черному морю, ликвидировать удобный для Турции плацдарм для вторжения в Закавказье, лишить тыла сторонников возрождения независимого царства Багратидов, тем более что именно в Имеретии укрылись царевицы Иулон и Парнаоз.

Повод для вмешательства не заставил себя ждать. Во время очередной вспышки междоусобиц князь Дадияни, терпевший одно поражение за другим от имеретинцев, обратился к Цицианову с просьбой о помощи. При этом он прямо говорил, что в случае отказа будет вынужден искать покровительства Турции. Александр I решил не упускать такой благоприятной возможности и согласился почти на все «просительные пункты» — условия договора. Правитель Мингрелии сохранял наследственные права владетеля, но каждый новый обладатель этого титула утверждался в Петербурге. Ему временно сохранялось право на суд и расправу, включая смертную казнь. Княжеский дом получал долю доходов

от рудников, городов и портовой таможни, обязываясь взамен обеспечить русские войска кровом, провиантом и дровами. Кроме того, в распоряжении русских властей поступали леса, пригодные для кораблестроения. Гарнизоны, размещенные в Мингрелии, должны были служить защитой «от внешних врагов и супостатов и для водворения спокойствия и тишины посреди самих владений».

Решение о принятии Мингрелии под свой скипетр Александр I принял в значительной мере под воздействием рапортов князя Цицианова. 17 марта 1803 года главнокомандующий писал императору: «Пристань Поти, множество строевого корабельного леса, судоходная река Рион, богатые рудники в Мингрелии, находящиеся без употребления, а паче всего утверждение естественных и удобнейших к удержанию пределов наших, от Черного моря до Каспийского, побуждают меня обратить мое внимание на сию разоренную, но плодородную область и вкупе сожалеть о невозвратной утрате оной для России, коль скоро просимое Дадианом покровительство не удостоится милосердного воззрения Вашего императорского величества»^[819]. 4 декабря 1803 года Григорий Дадиани и несколько князей присягнули на подданство в присутствии епископа Цайшедского. Принятие Мингрелии — первого из государств Западного Закавказья — в состав Российской империи объяснялось тем, что в Петербурге сложилось мнение о царе Соломоне как о совершенно ненадежном партнере, против которого, скорее всего, придется «действовать оружием».

Желание перейти в подданство России выражал и правитель Абхазии Келеш-бей. Однако здесь Цицианову предложено было пока что не торопиться. В Петербурге полагали, что лучшей схемой действий в данном случае может быть «крымская»: сначала признание независимости Абхазии как от России, так и от Турции, а затем окончательное присоединение под благовидным предлогом и при благоприятных внешнеполитических обстоятельствах^[820].

Переговоры мингрельского правительства с Петербургом не остались тайной для Соломона II, который понимал: с принятием Мингрелии в состав Российской империи всякие мысли о спорных территориях придется оставить. Сначала он попытался отговорить Дадиани от такого шага, а затем обратился за помощью к турецкому султану. Но в тот момент в Стамбуле не собирались ссориться с Россией. Тогда Соломон отправил своего посла, князя Леонидзе, в российскую столицу. 5 августа 1803 года император ознакомился с условиями, на которых Имеретия могла бы стать частью Российской державы. Фактически это было предложение союза:

Россия обязывалась по первому требованию оказывать военную помощь (численностью в тысячу человек), соглашалась на право царя выбирать себе преемника, содействовала возвращению подданных, бежавших в соседние страны. Соломон подстраховал себя на случай конфликта с главноуправляющим Грузией: особым пунктом он требовал, чтобы доносам «без предварительного с нами объяснения не давать веры». Наконец, в условиях значилось право иметь в Петербурге собственного представителя при высочайшем дворе. Имеретинский царь был хитер: «объяснения» между людьми, разделенными тысячами верст, в те годы оказывались практически невозможными. Главной целью этого пункта было связать по рукам и ногам главнокомандующего на Кавказе. Пока Цицианов в Тифлисе узнает о каком-то действии имеретинского царя, расходящемся с «видами правительства», пока о том будет составлено и послано донесение в Петербург, пока там оформят нужные бумаги, пока фельдъегерь доставит императорское повеление Соломону II дать то самое «объяснение», пока тот его напишет, пока курьер поспеет в Петербург и в столице сопоставят донесение Цицианова и слова царя, пока фельдъегерь домчит через леса, степи и горы правительственное решение в Тифлис, пройдет уйма времени, ситуация изменится, и главноуправляющий будет вынужден новым рапортом запустить новое колесо обмена информацией между Тифлисом, Петербургом и Кутаисом. Другие требования тоже нельзя назвать приемлемыми. Отправка экспедиционного корпуса указанной численности была сопряжена с опасностью умерить солдат голодом: в Петербурге знали, с каким трудом обеспечиваются провиантом войска даже в сравнительно благоустроенной Грузии. Согласие на полную независимость царя в вопросах престолонаследия также не могло устроить Петербург. Наконец, ни о каком содействии в возвращении беглых не могло быть и речи, поскольку это означало бы вмешательство в феодальные распри с самыми тяжкими последствиями.

Для Соломона II наибольшую опасность представлял Константин Давидович, сын его усопшего соперника. Лишить жизни мальчика царь не решился, но зато заключил вероятного претендента на престол в башню, запретив прислуге произносить при нем хоть одно слово. Расчет был прост: ребенок в таких условиях вырос бы немым и потому непригодным для наследования имеретинской короны. Царь решил убить и мать мальчика, вдову Давида Анну, но ей удалось бежать в Грузию, воспользовавшись содействием русского отряда^[821]. Царица приехала в Петербург и упростила Александра I отправить в Имеретию своего специального посланника, чтобы убедить Соломона освободить ее сына, царевича Константина. С

одной стороны, имеретинский царь боялся послушаться императора, с другой — опасался того, что у русского правительства будет наготове кандидат на престол при любых династических осложнениях. Соломон долго изворачивался и, наконец, нашел хитроумный выход из положения: объявил, что по причине своей бездетности усыновляет Константина. Но Цицианов не уступал в проницательности имеретинскому царю. Он тоже проявлял чудеса изобретательности, использовал все свои связи в среде грузинского дворянства, пускал в ход одно из самых действенных орудий — подкуп и, наконец, добился освобождения молодого человека, который десять лет содержался в одиночном каземате в ужасных условиях.

Цицианов не без оснований сомневался, что в Петербурге достаточно ясно понимали, с кем они имеют дело. В письме министру иностранных дел он объяснял, что единственная цель этого искателя российского подданства «состоит наиболее в том, чтобы получить сугубые способы притеснять и разорять владения мингрельского князя Дадиана». «По уважению сих обстоятельств и по легкомыслию царя Соломона Имеретинского, — обращался он к императору, — я полагаю, что и посланец его при высочайшем дворе Вашего императорского величества в видах своих успеха получить не может. Вследствие чего долгом почитаю предварительно донести, что таковые неудачи царя Соломона, в намерениях своих колеблющегося, в управлении слабого и повиновения и доверенности в дворянстве не имеющего, могут удобно произвести в Имеретин возмущение, в азиатском народе столь обычное, и даже покушение на самую жизнь его от партии, ему недоброжелательной. В таковых обстоятельствах для предохранения пределов Грузии, от неурядиц земли ввергнутой в раздоры междоусобные, я найдусь в необходимости, под прикрытием войск, ввести во владения царства имеретинского законного наследника оного, освобожденного царевича Константина, сына царицы Анны. По дошедшим ко мне сведениям, некоторые из первостатейных князей имеретинских, видя непостоянные и бесчеловечные поступки царя Соломона, удалились в свои нагорные имущества, крепостями огражденные, и от повиновения ему уже отказываются». Надо признать, что Цицианов поставил интересы России и Грузии выше правды: сына Давида никак нельзя было назвать «законным наследником» престола. Тем временем ситуация еще более обострилась из-за того, что грузинские князья, выполнявшие роль курьеров между Грузией и Мингрелией, были перехвачены, письма прочитаны, а один из посланников убит после мучительных пыток. Кроме того, уже зная о принятии Мингрелии в подданство России, Соломон II совершил набег на

своего соседа и захватил большое количество пленных. Александр I увидел бесперспективность дальнейших переговоров и отправил имеретинского посланника восвояси.

При всей сложности своей натуры Соломон оказался достаточно прозорливым политиком и адекватно оценивал решимость и способность России установить свой контроль над Закавказьем. Он попытался организовать сопротивление, формируя в меру возможностей единый фронт из всех потенциальных союзников. При этом он всячески демонстрировал свою готовность быть другом России и даже ее подданным. Однако в Петербурге были достаточно осведомлены о его закулисной деятельности. Есть основания полагать, что Александру I происходящее рисовали даже в более мрачном свете, чем это было на самом деле. В своем рескрипте Цицианову от 26 октября 1803 года император указал, что «кротость и увещевание бездейственны будут к обращению на путь правды сего закоснелого в пронырстве владельца и что настало время принять меры осторожности, долженствующие предохранить Грузию от тех неустройств, которые в Имеретии день ото дня усиливаются. Занятие Кутаиса и крепких мест Имеретии, соделавшись таким образом необходимым, имеете вы в избранное для сего удобное время немедленно по получении сего рескрипта моего отрядить в Имеретию столько из состоящего под начальством вашим войска, сколько по усмотрению вашему нужным окажется». Объяснять Соломону II причину введения войск следовало в зависимости от его поведения. Если царь будет просить милости — указать на необходимость предотвращения мятежей в землях, прилегающих к российским владениям. Если же он станет протестовать — прямо назвать это следствием его проступков. В то же время Александр I высказался не только против физического устранения имеретинского правителя, но и против его смещения с престола: «Противопоставлять ему царевича Константина было бы тем более противно доброй вере, что освобождение сего последнего было условное и наложило на нас обязанность не только не подавать ему никакой к царствованию надежды, но даже держать его в отдалении от Имеретии, и я желаю, чтобы царь Соломон и в сем случае от нас научился, сколько принятые однажды обязанности свято и ненарушимо должны быть наблюдаемы». После занятия наиболее важных пунктов Имеретии император приказал ввести войска в Мингрелию, особо подчеркивая необходимость «избегать всяких случаев, которые могли бы подать повод к справедливым со стороны Порты Оттоманской жалобам»^[822].

После получения известия о падении Гянджи и о судьбе Джавад-хана

Соломон II не без оснований стал опасаться, что следующим объектом усилий Цицианова по расширению границ империи окажется именно он. И опять царь угадал. 23 декабря 1803 года канцлер Воронцов писал Цицианову: «Владельца Имеретии в его вероломствах добрыми средствами исправить нельзя, а хорошенько его по-азиатски пострадать, то и будет гладок, в чем мы на вас и полагаемся»^[823].

Когда в Имеретии узнали о перемещениях русских войск возле ее рубежей и об ожидаемом приезде самого главнокомандующего, царь стал посылать в Тифлис своих ходатаев князей. Цицианов умело воспользовался моментом и «раскрыл посланникам всю гибель, которую готовит себе Соломон своим упрямством, и все благополучие и блаженство, которого он может достигнуть обратным поведением и чистосердечным раскаянием»^[824].

В переговорах с Соломоном II был один спорный пункт: имеретинский царь настаивал, чтобы за ним закрепили Лечгум, отвоеванный им у князя Мингрельского. Но поскольку Дадиани уже принял российское подданство, российская сторона на такое требование никак не могла согласиться. В Кутаис отправился с посольством граф М.С. Воронцов, которому было поручено не изменять ни одной буквы в статьях договора, представленного царю. Воронцов должен был непременно вернуться 24 марта с подписанным или неподписанным документом, в противном случае начинались военные действия. Категорический отказ от какого-либо редактирования этого документа объяснялся не столько имперским высокомерием, сколько опытом общения с местными владетелями. Последние неоднократно демонстрировали удивительные способности затягивать переговоры с помощью различных уловок, поправок и тому подобных приемов. Соломон II предлагал присягнуть на подданство, не подписывая никаких договоров, но такой вариант не устраивал российскую сторону. Процесс присоединения Имеретии осложнялся тем, что у Цицианова не было толковых помощников в этой части Закавказья. В письме М.С. Воронцову от 7 ноября 1804 года он сетовал на ошибки своих ближайших сотрудников. Назначенный для переговоров Ковалев при встрече с Соломоном II не проявил должной твердости и даже «проглотил» угрозу со стороны имеретинского царя, заявившего, что его воины умеют драться не хуже осетин, которые в это время доставляли массу неприятностей русским войскам в районе Военно-Грузинской дороги. Этот чиновник, равно как и полномочный представитель в Имеретин Литвинов, думал не о том, как «обустроить» Западное Закавказье, а о том, как

убедительнее представить невозможность там что-либо «исправить»^[825].

При всей своей пылкости Цицианов был человеком трезвомыслящим. Он прекрасно понимал риск движения войск по труднопроходимым горным дорогам от пограничной крепости Сурам до Кутаиса. И войск-то этих у него было немного — всего шесть рот егерей, два батальона grenадер и полсотни казаков. Поэтому он предпринял еще одну попытку присоединить Имеретию к России без применения силы. Он поручил князю Леонидзе, вернувшемуся из безуспешной поездки в Петербург, довести до сведения Соломона II, что тот получает последний шанс сохранить за собой трон. Для этого в Тифлисе через восемь дней должно быть получено известие о согласии царя на все условия, которые содержались в договоре, представленном еще графом Воронцовым. Поскольку позиция самого правителя Имеретии во многом зависела от позиции наиболее влиятельных князей, по отношению к последним главнокомандующий применил обычный принцип «кнута и пряника». С одной стороны, он угрожал всем, кто отговаривает царя от российского подданства, «разлучить навеки со своим отечеством, где родились и возросли»; с другой — сулил деньги. 10 тысяч серебряных рублей, розданных российским эмиссаром окружению имеретинского царя, сделали Соломона гораздо более сговорчивым. Однако даже личное свидание 16 апреля 1804 года не позволило разрешить вопрос о праве Имеретии на Лечгум. Прощаясь с Соломоном, главнокомандующий сказал, что, «к сожалению, видит себя в необходимости иметь с ним уже другого рода свидание, то есть в ратном поле со шпагою в руках»^[826].

Уже на другой день русские войска вступили в Имеретию. В каждом занятом поместье они приводили к присяге местных крестьян и дворян. Видя, что у Цицианова слова действительно не расходятся с делом, Соломон II объявил о своей готовности продолжать переговоры. Поскольку он надеялся все-таки выторговать Лечгум, он просил не приводить в действие статью о судьбе этой провинции до получения специальной резолюции Александра I. Кроме того, он выдвинул новое условие: власть императора не должна была распространяться на Гурию. Забота о судьбе соседнего княжества объяснялась просто: не имея возможности грабить северного соседа, находившегося под покровительством России, правитель Имеретии хотел оставить для своих воинственных князей поле деятельности на юге. Кроме того, он понимал, что в случае включения Гурии в состав империи у него возникнут проблемы с Турцией. Осенью—зимой 1803/04 года Соломону стало известно о просьбах правителей Абхазии и Гурии принять их под российский скипетр. Это был ясный

сигнал: на помощь соседей он рассчитывать не должен. Царь еще немного поизворачивался, но в конце концов вынужден был 25 апреля 1804 года подписать трактат о подданстве России в форме просительных пунктов, в которых ему не было сделано практически никаких уступок с российской стороны. Так, в пункте 12-м он обязывался: «...на владения кн. Дадияна мингрельского никакого притязания не иметь; пленных мингрельских возвратить и взятые крепости очистить». Царевич Константин Давидович мог претендовать на престол только в случае отсутствия других наследников Соломона II, а до его смерти должен был жить в Грузии или России «для получения пристойного его сану воспитания и во избежание развлечения власти имеретинского царя»^[827]. Царь Имеретии по-прежнему настойчиво добивался права прямого общения с императором, без посредничества главнокомандующего на Кавказе. И здесь князь Цицианов проявил неожиданную уступчивость. Объяснялось это тем, что имеретинские дворяне, посылаемые в столицу, превращались в проводников имперских интересов. Самый яркий пример того — Зураб Церетели, служивший посланником еще при дворе Екатерины II в 1787 году. Видимо, Петербург произвел на него сильное впечатление, и этот князь, один из самых влиятельных в Имеретии, стал «расположен к России».

4 июля 1804 года Александр I высочайшей грамотой принял Имеретию в подданство, наконец-то воссоединив Грузию, разделенную другим Александром I — грузинским царем XV века. Однако по непонятным причинам Соломон II не считал этот акт чем-то окончательным. 31 марта 1805 года он прислал в Тифлис «Пункты для узнания мыслей главнокомандующего: можно ли по ним просить Его императорское величество». В ответах Цицианова на все восемь поставленных имеретинским царем вопросов видно плохо скрываемое раздражение. Так, на просьбу, чтобы право наследования имеретинского престола было подтверждено, кроме императорской грамоты, еще и каким-то актом Правительствующего сената, князь написал: «Когда есть уже грамота, подписанная Его императорским величеством, утвержденная государственной печатью, то прилично ли просить о подписке Сената? Кто совет сей подал его высочеству, навлекая справедливый гнев Его императорского величества оказанием неуважения к присланной высочайшей грамоте». Видя, что в Петербурге не торопятся вернуть Лечгум, царь выразил надежду на получение компенсации за утраченные с этой области доходы. Резолюция Цицианова: «Стыдно просить, имея все

доходы царства в своем распоряжении»^[828]. Новое осложнение принесло освобождение царевича Константина, находившегося «под присмотром» до июня 1804 года. На Цицианова подействовало жалобное письмо царицы Анны, просившей дать возможность ее сыну жить в деревне для поправления здоровья после десятилетнего пребывания в каменной башне. Чуть ли не на следующий день после предоставления свободы передвижения Константин бежал в горы и пробрался в Имеретию. Соломон II стал плести хитрую интригу: объявлял, что не знает о местопребывании беглеца, и при этом укорял российскую сторону в несоблюдении обещания не допускать претензий Константина на имеретинский трон при его жизни.

Несмотря на подписание договоров с Соломоном II и князем Дадиани, размещение русских гарнизонов в Имеретии и Мингрелии пришлось отложить, так как стало известно о том, что персидские войска под командованием царевича Александра готовятся к вторжению в Грузию. Поэтому вместо Кавказского гренадерского полка в «новоприобретенные провинции» послали всего 50 солдат в качестве конвоя статского советника Литвинова, который должен был прекратить раздоры между князем Дадиани и царем Соломоном II, сохраняя между ними мир до того времени, как морем из Крыма придут обещанные войска. Задача у русского резидента оказалась не из легких. Обе стороны стали наперебой представлять доказательства своих прав на Лечгум, а поскольку большинство тамошних земель неоднократно переходили из рук в руки, отдать кому-то предпочтение было решительно невозможно. Ситуация усугублялась тем, что по обе стороны границы царила анархия: князья и родственники обоих правителей находились между собой в перманентной ссоре и в зависимости от сиюминутной обстановки признавали своим государем то Соломона II, то князя Дадиани. Междоусобицы сопровождались грабежами и насилиями. Литвинов в одном из рапортов писал, что во время его трехдневного пребывания в городе Одиши «не было получаса свободного, чтобы не приходили отцы, дети и матери изувеченные, без ног, без рук, с выколотыми глазами, просящие возвращения их детей»^[829]. Русский посланник убедился в том, что оба правителя Западной Грузии фактически не имели возможности обуздать своеволие своих дворян. Кроме того, оба всячески избегали установления добрососедских отношений, причем Соломон II демонстрировал чудеса изобретательности, чтобы избежать встречи с князем Дадиани, — то уезжал на рыбалку, то сказывался нездоровым и т. д. Дальнейшие его действия только усиливали подозрения. Сначала он попытался не

допустить два русских транспорта в Рион, обманув их командиров. Далее сообщил князю Волконскому, что Баба-хан прислал ему письмо с советом уклониться от исполнения присяги Александру I, а когда генерал потребовал задержать персидского посла, выяснилось, что тот уже уехал. Имеретинский царь распускал слухи, способствовавшие росту недоверия к Цицианову и устрашению Дадиани. Дело дошло до того, что Литвинов со своей охраной покинул Кутаис, чтобы не оказаться в заложниках в случае открытой измены Соломона. Из Крыма пришло известие, что Белевский пехотный полк готов к отправке, но размещать его было негде: ни имеретинцы, ни мингрелы не приготовили помещений для солдат.

Такое поведение закавказских владык придало дополнительную убедительность суждениям статского советника Литвинова, составившего «Описание Имерети и Мингрелии». Этот чиновник был, безусловно, самым осведомленным из русских деятелей той поры, поскольку находился в самом центре событий. Именно ему пришлось расплести все запутанные нити взаимных интриг царя Соломона и владетельного князя Дадиани в процессе принятия этими правителями российского подданства. Нет сомнений, что общение с ними способствовало развитию в Литвинове мизантропии, наложившей сильный отпечаток на его донесения. Чего стоит только характеристика местных нравов: «Хитры без тонкости и лжецы без нужды. Когда чувствуют поверхность над неприятелем, мстительны до зверства; трусливы до подлости, видя свою слабость. Не стыдятся обещать то, чего на деле исполнить не хотят и не могут; о верности и хранении данного слова понятия не имеют, измены не стыдятся; всякий живет для себя, нет родства, ни дружбы; имеют наружную набожность, но существу закона не следуют и добродетелей, христианством внушаемых, не почитают; от частого сношения с татарами сердца их сделались скопищами всех гнусных пороков и непонятных по образу наших мыслей противоречий. Число людей из сего общего изображения исключить возможное едва заметно»^[830]. Неприязнь Литвинова распространялась даже на климат, хозяйство и растительность края. О главах государств этого региона человек, многократно с ними встречавшийся за столом переговоров, отзывался так: «Царь Имеретинский, так как и князь Мингрельский суть деспоты над своими подданными: они по воле утоляют зверство свое над теми из князей, которые в руки к ним попадают; но страшатся тех, кои по подозрениям запираются в свои замки, где пренебрегают власть царя и всю его силу, защищают себя от нападений и, может быть, вредят самому царю, ибо несправедливость царя и грозящее подобное мщение каждому из князей привлекают тайных и явных

сообщников виновному или невинно гонимому. Пограничные князья, владеющие крепостями, следуют другой системе: они предают себя попеременно власти царя или Дадиани и оттого наиболее уважаемы»^[831].

Надо сказать, что записка Литвинова об Имеретии и Мингрелии вызвала откровенное раздражение Цицианова. Это явствует из его письма М.С. Воронцову: «Вы увидите, что он сердится на то, что в дикой, так сказать, земле и между в дикость обратившимся народом дороги не сделаны, как в Англии, и покойный Дадьян (правитель Мингрелии князь Дадиани. — *В.Л.*) не пьют Алиатико с Шампанским и Мозель с Зельтерской водой. Вот век письма и письменных! Всякий хочет в сочинители влезть, наглостью или искусственно, особливо о такой земле, в которую редко кто поедет поверять его топографическое (о коем он сам говорит, что по большим только дорогам замечал) и политическое описание, о коем сам говорит, что ему никто не хотел правду сказать. Я слова не говорю о том, что правды тут много; да неужто ничего хорошего нет? Мне же не землеписание нужно было, а по требованию нашего министерства сведения, когда пристали, отошли и когда принадлежали. Вот любезные помощники! Да этот из наилучших»^[832].

*

Вскоре после принятия Мингрелии в состав России ситуация еще более осложнилась. Князь Дадиани внезапно скончался, и все говорило о том, что его отравили. Власть в Мингрелии прибрали к рукам его брата, Манучар и Тариел, ненавидевшие Россию; законный же наследник, сын Дадиани Леван, находился заложником (в качестве гаранта за крупную сумму денег) у владетеля Абхазии Келеш-бея. Любые действия с целью нормализации положения в Западном Закавказье требовали особой осторожности, поскольку всякая неловкость здесь грозила обострением отношений с Турцией, а Россия в преддверии решительного столкновения с наполеоновской Францией старалась избежать войны на три фронта (с Персией война уже шла). Тем не менее в тех случаях, когда поведение тамошних владетелей казалось нетерпимым, из Петербурга приходили распоряжения о решительных действиях. К таковым пришлось прибегнуть для освобождения Левана Дадиани. В ответ на требование освободить знатного аманата Келеш-бей предложил обменять его на младшего брата с одновременным погашением части долга. Расчет по кредитам признавался

русскими властями делом справедливым. Однако желание правителя Абхазии получить в аманаты подданного императора вызвало гнев главнокомандующего. Цицианов потребовал немедленного освобождения Левана: «Буде же того не сделаете, или не скоро, то, божусь Богом, в которого верую, что камня на камне не оставлю, внесу огонь и пламень и положу конец дерзостям вашим, о чем уже и приказ дан от меня...»^[833] В подкрепление своих слов он послал в Абхазию генерала Рыкхова с Белевским полком. Келеш-бей получил известие о движении к своим границам сильного русского отряда почти одновременно с письмом турецкого эмиссара, в котором содержался прозрачный намек на то, что Стамбул пока не собирается развязывать войну из-за какого-то мингрельского заложника. Абхазская экспедиция принесла неожиданные плоды. Не имея возможности пополнить запасы провианта и задерживаясь на переправах через многочисленные горные речки, русские войска не смогли освободить Левана Дадиани, но «нечаянно» захватили маленькую крепость Анаклию, считавшуюся турецким владением. Цицианов приказал вернуть крепость владельцам и «извиниться перед начальником турецкого гарнизона», но турки уже эвакуировались в Поты. Тогда попытались отдать Анаклию Келеш-бею, но тот со злорадством отказался, видя, в какое затруднительное положение попали его недруги. Разразился громкий дипломатический скандал, стало попахивать войной с Портой. В Мингрелию приехал специальный эмиссар султана, в присутствии которого русские войска покинули Анаклию и 1 октября 1805 года передали ее представителям абхазского владетеля. Видя настойчивость российской стороны, Келеш-бей отпустил-таки Левана Дадиани, но тот был слишком молод и неопытен для самостоятельного управления Мингрелией. Возникла идея создания регентского совета из матери Левана княгини Нины и нескольких князей, но эта затея не соответствовала реалиям страны. «Здесь нет городов, ниже селений, вмещающих малейшие общества, — писал Цицианову Литвинов 24 ноября 1804 года. — Каждый из князей живет как медведь в берлоге и находится в беспрестанной опасности от нападения своих соседей. Еще более важное препятствие к соединению князей Мингрельских был обычай, по которому всякий из них, живя в своем владении, мало того, что пил и ел на счет своих подданных, но и приезжих гостей обязан был потчивать; следовательно, ежели двое или трое таких гостей, которые всегда сам-десять или сам-двадцать ездят, проживут в деревне, то скоро и хозяин не найдет ни курицы, ни барана. О продаже и покупке съестных припасов здесь понятия не имеют. Введение сего обычая весьма здешним князьям не нравится, ибо опасаются, что

после сами принуждены будут покупать, а денег кроме пленнопродавства добыть способу не имеют»^[834]. Такая система кормления местных феодалов при всей своей внешней простоте была разорительна для крестьянства, поскольку натуральный оброк не фиксировался и князь мог «гостить» до тех пор, пока действительно не съедал последнего цыпленка. В условиях постоянных междоусобиц безопасность знатного лица во многом зависела от численности его свиты. Количеством вооруженных слуг измерялся и престиж. По этим причинам каждый князь стремился к увеличению своего подвижного «двора», не особенно сообразуясь с экономическими возможностями собственной вотчины. Цицианов понимал необходимость радикального изменения системы феодальных повинностей княжества. По его инициативе были учреждены так называемые «непременные доходы» в пользу владетельного дома: проценты от откупов рыбных ловов, от таможенных сборов, от добычи полезных ископаемых. Главный же доход должна была составить фиксированная дань, разложенная по числу домов.

Включение Западной Грузии в состав империи поставило вопрос об устройстве портов на ее побережье. Наиболее подходящими пунктами были Поти, Батуми и Анаклия. Контроль над ними позволял не только беспрепятственно доставлять все необходимое из России, но и пресекать вывоз пленных, охота за которыми опустошала и деморализовывала край. Особенно велико было значение Поти, принадлежавшего тогда Турции. Хотя князь Дадиани обещал обеспечить продовольствием войска, находящиеся на его территории, русское командование предпочло подстраховаться и организовать подвоз провианта морем. Командир Таганрогского гарнизонного батальона закупил необходимое количество муки, но возникла проблема с доставкой ее в Поти из-за картельного сговора греков-судовладельцев. Они заломили цену, равнявшуюся затратам на перевозку груза из Кронштадта вокруг Европы через Средиземное море. Главнокомандующий не пошел на поводу у алчных торговцев и договорился с морским ведомством о том, что необходимые грузы будут доставлены военными транспортом.

В исторической литературе и публицистике действия России в ее среднеазиатских и кавказских владениях нередко сравнивают с действиями Англии в Индии, причем сравнение это зачастую не в пользу Петербурга. Британцы в большинстве случаев сохраняли власть местных владык. Но если в Бухаре и Хиве это удавалось и русским, то на Кавказе подавляющее большинство местных владетелей сами оказывались главным источником

беспокойства коронной власти. Цицианов проявил себя непримиримым борцом с работорговлей, процветавшей в Западной Грузии. Он приказал конфисковать все имения мингрельских дворян, принявших ислам и переселившихся в Поти для большего удобства заниматься «постыдным промыслом». Было всенародно объявлено, что все «изобличенные в торговле людьми, несмотря на звание, род и достоинство, по жестоком телесном наказании будут сосланы в Сибирь на каторжную работу»^[835].

В рапорте от 27 июня 1804 года Цицианов писал: «При занятии Мингрелии я нахожу пристань Поти столь нужной, что почитаю выгоднейшим для России приобретение одного сего пункта, нежели всей Мингрелии, коей зависимость определится зависимостью Поти»^[836]. Предложение захвата Поти вовсе не было безумием, как это позднее пытался представить в своих мемуарах С.А. Тучков. Дело в том, что этот городок находился на дальней окраине Турецкой империи в составе Ахалцыхского пашалыка, глава которого чувствовал себя только в номинальной зависимости от султана. Гарнизон Поти набирался «из бродяг и составляет в прямом виде скопище разбойников, разоряющее грабежами все окружные места, давая при том пристанище у себя и другим скитающимся партиям...»^[837]. Вероятно, Тучков мыслил по-европейски, применяя к Восточной Турции принципы законности и порядка. Цицианов же хорошо понимал специфику края. Принимая во внимание это обстоятельство, Министерство иностранных дел России предлагало постепенно внедриться в город, сделать так, чтобы турки привыкли видеть в русской команде нечто безопасное. Другой вариант заключался в том, чтобы уговорить турецкий гарнизон за мзду покинуть крепость якобы для преследования разбойников. Русские же могли занять Поти как никому не принадлежащую. Имелся еще один вариант — пустую крепость занимали мингрелы и отдавали ее русским. Однако если ранее потийский ага не возражал против разгрузки судов Черноморского флота, то теперь, подстрекаемый Соломоном II, он даже запретил кораблям вставать на рейд и запасаться пресной водой. Чтобы не зависеть от капризов турецкого чиновника, Цицианов поручил найти другой пункт для разгрузки судов. Было решено устроить пристань в устье реки Хопи и соединить ее с Рионом каналом, идущим в обход Поти. Но исполнение этого плана затруднялось болотистой местностью и недостатком рабочих рук. 8 декабря произошла катастрофа: долгожданный транспорт погиб во время шторма со всем грузом провианта и экипажем. И в дальнейшем организация поставок провианта оставалась проблемой для закавказских властей. Россия

добилась разрешения турок пропускать провиант через Фазскую пристань, но это мало изменило ситуацию. Доставка грузов вверх по реке Риони затруднялась нехваткой лодок. Неудобство рейда, открытого ветрам, не позволяло судам на нем задерживаться в ожидании разгрузки. Поэтому все привезенное из России сваливалось под открытым небом на берегу, а разрешения на строительство магазина и устройство при нем воинского караула под всякими предлогами турки не давали.

Принятие Имеретии и Мингрелии в российское подданство сделало еще одно государство этого региона — княжество Гурию — предметом особого внимания Цицианова. Гурию также потрясли междоусобицы. Все началось с того, что ее правитель, Мамия, женился на сестре Соломона II, которая умерла, не родив наследника. Оказавшись исключенным из списка родственников, имеретинский правитель решил присоединить Гурию к своим владениям, но враждовавший с Мамией его брат Георгий выступил против агрессора, после чего захватил власть в княжестве. Его наследник, старший сын Семен, вступил на престол и выделил трем своим братьям, Вахтангу, Левану и Давиду, земли «для кормления». Четвертый брат, Кайхосро, воспитывался при имеретинском архиерее, поскольку намеревался стать священнослужителем. Когда Семен умер, всю власть прибрал к рукам Вахтанг, пользовавшийся поддержкой Соломона II, но вскоре он стал жертвой заговора братьев. После этого заговорщики перессорились, и Гурию охватила анархия, причем командир русского отряда генерал-майор Рыкхов невольно стал участником междоусобицы. Он пригласил к себе в гости князя Левана, а в это время Кайхосро (отказавшийся от духовной карьеры) захватил в заложники семью брата. В конце концов русскому генералу удалось собрать всех враждующих родственников в одном месте и договориться о прекращении войны, приведшей к полному разорению княжества. Примечательно, что гурийцы отвергли предложение пригласить в качестве посредника Соломона II, «яко источника, от которого все их ссоры и междоусобия прежде происходили, и что при сем случае влияние его послужит не к примирению их, но к тайному внушению несогласий и междоусобий, которых они искренно желают избавиться»^[838].

Как это часто бывало на Кавказе, включение в состав России земель тамошних владетелей или вольных обществ сопровождалось «наследованием» конфликтов, в которых эти владетели или общества участвовали. Присоединение Имеретии означало не только улаживание взаимных претензий домов Дадиани и Багратиони на Лечгум и другие спорные земли, но и прекращение столкновений на границе с Турцией. 13

октября 1804 года Цицианов объяснял в письме царю Соломону, что угон скота из турецких владений, ранее бывший обычным делом, теперь представляется совершенно недопустимым. Главнокомандующий посоветовал имеретинскому царю приструнить своих подданных, поскольку в противном случае русские войска не будут иметь оснований для защиты их имущества от нападений. Но были у имеретинского царя еще более серьезные прегрешения. По установившейся традиции мятежные князья находили убежище у соседей. Но российские власти не собирались относиться к этой традиции «с пониманием», тем более что в Имеретии укрылись сыновья Ираклия II, являвшиеся активными участниками антироссийских заговоров и мятежей. 22 октября 1804 года Цицианов прямо заявил в письме к Соломону о его двурушничестве: «Давая всю должную веру словам вашего величества о верноподданнической преданности Его императорского величества, не могу без удивления взирать на то, что все враги России, причиняющие беспокойствия правлению ее возмущениями, находят убежище у вашего величества и покровительствуемы вами: все царевичи, Юлон и Парнаоз, выпущены из Имеретии — первый пойман яко возмутитель, другой ушел как заяц и теперь в Мтиулетах... Семейство сего врага России у вас находится, и вы за караулом не вышлете его в Сурам. Царевич Константин тоже в Имеретии, бежав из Грузии, живет и укрывается; сын царевича Юлона Луарсаб, слышу, скрылся в Рачу и обручен с дочерью первого вашего князя, но до сего мне дела нет. Все сие пред ставя, прошу всех их выдать и выслать под беспечным надзором в Сурам для избежания справедливого гнева Его императорского величества...»^[839]

В переписке с царем Соломоном Цицианов избрал следующую линию поведения: он открыто демонстрировал понимание подоплеки действий правителя Имеретии, указывал ему на нарушения буквы и духа имевшихся договоренностей, предупреждал о возможных последствиях его коварных и необдуманных поступков, при этом используя выражения, не позволявшие обвинять его в невежливости. Примером может послужить его письмо от 12 ноября 1804 года: «Сколь не скрытны дела вашего величества, но мне известно, что царевич Константин прибыл в Имеретию, с вами виделся и пребывает там с согласия вашего. Я не знаю, почто такая тайна; слышу, что вы усыновили; кто же бы вам запретил то сделать торжественно и публично? Государю Императору всеконечно оное было бы приятно, ибо Он не для чего иного вас принял в подданство, как для собственного вашего блага, покровительствуя единоверцам; следовательно, поступая против Его воли, и грешно и вредно будет для вашего величества. Ниже в

письме своем ваше величество писать изволите, что для Лечгума вы вошли в подданство Всероссийское; извольте приказать прочесть пункты и увидите, что оно оставлено до разрешения Его императорского величества; следовательно нетерпение в ожидании Высочайшего разрешения есть недоверенность нимало неприличная от вашего величества при самом начале вашего подданства к наисправедливейшему из государей.

Потом в доказательство своей верности упоминать изволите, "что вы получили стыд во всей Азии для верности к России, ибо привозившего ко мне фирман Баба-хана и посланника дяди моего Александра отправили в Тифлис", — изражение ни с саном вашим, ни с верноподданнической должностью, ни с самим долгом по присяге несогласное и неприличное, как будто стыдно вашему величеству быть для верности России врагом врагу ее и врагу Христа, в коего исповедуете, то есть Баба-хану; что относится до дядей ваших, то и их должны вы признать и почитать врагами России, ибо Александр пять раз воюет против войск всемилостивейшего нашего государя, и Юлон бунтовал народ против Его величества же правления, — следовательно, и оба суть враги России, а вам, яко верноподданному, должно всех врагов России почитать своими врагами, без чего верность на устах, а не на деле походила бы на лезгинскую верность.

Наконец, изволите говорить, что князь Даддани волею Божиею скончался, а по слуху, до меня дошедшему, сей достойнейший муж и верноподданническое усердие России доказавший владетельный князь скончался волею не Божьей, а демонским наваждением, то есть отравлен ядом; я приказал отыскивать виновных, которые без примерного наказания не останутся, буде донесение мне справедливо.

Вот все, что хотел я — не в виде генерала, а на праве родного брата — вашему величеству донести.

За сим донесу вашему величеству, что, усмиряя, наказав и покоряя мтиулетинцев, я приехал в здешнее место то же делать с осетинцами и, несмотря на грязь по колено, на снег и дожди, войско с пушками за мною следует везде карать бунтующих против власти, высочайше учрежденной...

Весьма сожалея, что ни дорога, ни дела мои здешние не позволяют мне сей осени быть в Кутаисе и иметь честь видеться с вашим величеством, отлагаю сие удовольствие до весны; между тем надеюсь, что ваше величество возымели попечение о помещении части полка, пришедшего уже к берегам Мингрелии и ожидающего как другую половину полка, так и артиллерию»^[840].

Не зная контекст этого послания, можно было бы подумать о

противоречивости высказываний генерала: в походе против осетин грязь ему не мешала передвигаться, а для визита в Кутаис стала преградой. Но Цицианов знал, что писал. В первом случае Соломон должен был понять, что при необходимости русские солдаты проникнут в любую труднодоступную точку Кавказа; во втором — главнокомандующий, по сути, обещал ему явиться весной не с малым конвоем, а с внушительным отрядом, который станет большой помехой для политических интриг, направленных вразрез с российской политикой в данном регионе.

Литвинов рапортовал Цицианову 18 ноября 1804 года о том, что Соломон опасается ввода русского батальона в Кутаис до такой степени, что собирается со всем своим семейством удалиться из города. Глава Имеретии соглашался на размещение большого гарнизона только после того, как из России вернется его посольство. Такое условие очень настораживало, поскольку царь явно рассматривал своих «депутатов» как заложников, и их освобождение в связи с окончанием миссии развязывало ему руки^[841].

8 декабря того же года Цицианов получил от Литвинова известие о том, что Соломон отправил письмо турецкому султану через ахалцыхского пашу о принятии его под покровительство Порты. Через два дня на стол главнокомандующему легло донесение ахтиальского архиерея Иоакима, подтверждавшего факт тайных переговоров царя с турками, в том числе и о возможности отправки царевича Константина в Стамбул. Законный наследник имеретинского престола, находящийся в эмиграции, мог стать на многие годы болезненной занозой для русского владычества на Западном Кавказе. И вот письмо Цицианова царю Соломону от 17 декабря 1804 года:

«Почтеннейшее письмо вашего величества от декабря через дворянина Авалова я имел честь получить и радуюсь всемерно, что хотя доставление вам высочайшей милостью наполненной грамоты Его императорского величества всемилостивейшего нашего Государя ваше величество признаете следствием моего к вам доброжелательства, но верьте мне, что если бы вы более мне верили, а менее тем недоброжелательным князьям и лезгинцам, которые вас со мной и Россией ссорят, то нашли бы и увидели, что Российская империя приняла в подданство ваше величество не для своей пользы или выгод, но для собственной вашей и подвластных ваших.

Ваше величество называете мои письма гневными, тогда когда никто их иначе не назовет, как откровенными. Вы сами изволите упоминать в письме, что при свидании со мной требовали от меня отеческих наставлений, то как же при таком лестном для меня названии употреблять лесть подобно неблаговоспитанным изменникам своих изречений; я

христианин не потому только, что при звоне или ударе колокола крещусь, а хочу быть христианином по духу и по плоти, хочу нести крест Спасителя нашего Иисуса Христа среди опасностей и козней дьявольских Лезгинских, Имеретинских и Грузинских; надеюсь при том на благость Божью, что в сих последних двух владениях найдутся люди, которые признают во мне христианскую добродетель и признают, что уста мои не ведают лжи. Вашему величеству угодно, чтоб не токмо батальон, но и рота в Кутаисе не стояли, о чем и писать ко мне изволите. Позвольте мне вас спросить, — когда я по долгу моему всеподданнейше донесу Его императорскому величеству о сем вашего величества желании, то сей милосердный и ангелоподобный великий Государь Император не ясно ли признает ваше недоверие к Его благонамеренному о вас попечению и к Его войску, не оскорбится ли сим вашим желанием, похожим на неблагодарность? Содрогаюсь, воображая себе, что при всем наискреннейшем моем доброжелательстве к вашему величеству увижу навлечение гнева Его императорского величества за оное требование на вас, и для того, клянусь Богом, в Которого исповедую, что я воздержусь еще при сем донести, и тем паче, что от царя подданного к Государю Императору условия, поставленные вашим величеством до возвращения депутатов совсем неприличны; смею приметить здесь и то, что Его императорское величество соизволит счесть следствием вашего недоброжелательства к Российской империи, увидя, что того, которого вы 6 лет в тюрьме содержали, якобы не в силах выслать из Имерети и представить начальству, когда сия мера избрана была по желанию вашему и к вящему спокойствию вашего величества, для отвращения развлечения власти. Итак, должен повторить, что высылкой царевича Константина в Тифлис ваше величество оказать изволите Государю Императору покорность и себе сделаете полезное, ибо рано или поздно сей гость, при жизни вашей в Имерети пребывающий не своим произволом, но научением неблагонамеренным, обратится вашему величеству на пагубу, вместо того, что он бы, удаленный от праздной жизни, приобрел бы добродетели, воспитанием поселяемые.

Позвольте мне с душевным оскорблением и стеснением сердца изъяснить вашему величеству, что я никогда и помыслить не мог бы, что ваше величество поколебались в своей ко мне доверенности тогда, когда я в заклинание Спасителя нашего с мощами на вас бывший крест при моем свидании поцеловал, и если б не дух сокрушенный и смиренный, христианам предписанный, не запрещал мне говорить о правилах моих до веры относящихся, то всеконечно убедил бы я ваше величество согласиться на то, что я обманывать не могу»^[842].

Поскольку слухи об успехах персов охотно принимались имеретинским царем, Цицианов считал важным создавать «информационный» противовес, извещая его о победах русского оружия. 7 августа 1805 года он писал Соломону: «Спешу известить ваше величество, что в начале июля месяца Баба-хан сердарь вступил было в Карабагское владение для разорения и, истоща все хитрости свои на уговаривание Ибрагим-хана преклониться на свою сторону, не успел, ибо гарнизон наш там уже стоял и 300 человек российских солдат удержали крепость невредимой, хотя 30 тысяч оную облегли. Другой же отряд в 400 человек, посланный для усиления гарнизона и за два перехода только дошедши, не достиг, будучи атакован 10 тысячами персиян, хотя и потерпел в убитых и раненых и потерю побитых лошадей, но не потерял пушек и со славою два раза пробился сквозь неприятеля с большим с их стороны уроном, взял штурмом Шах-Булахскую крепость, в которой между многими поколотыми штыками убиты два знатнейшие хана... После чего, отправив сей отряд в Елисаветпольскую крепость, сам с 1500 пошел против Баба-хана; но он, не допу-стя меня до себя еще за 15 агаджей, как заяц бежал со всеми войсками за Араке. Таковой-то страх поселили непобедимые российские войска в персиянах во время бывших прошлого лета с нами военных действий...»^[843]

8 октября 1805 года князь отправил царю Соломону такое письмо: «Если бы на письме вашего величества, мною полученном, не видел я вашей подписи и вашей печати, то никогда бы не поверил, что оно от вас ко мне писано; но видя на нем вашу печать, может быть, приложенную без прочтения письма, к неизъяснимому моему удивлению нахожу его вашим, в коем Литвинова называете новым царем. Как могли ваше величество помыслить только, а не писать ко мне, что Литвинов ищет Имеретинского царства и что он лишил вас уже Лечгумских крепостей? Если ваше величество можете обратить несколько назад свою память, то вы увидите, что разрешение о Лечгуме по силе пунктов зависит единственно от Его императорского величества и право сие не только Литвинову, но и мне, ниже кому-либо из министров не предоставлено. Когда же по просьбе вашего величества и по моему представлению Его императорскому величеству всемилостивейше соизволил на то, чтоб депутаты от вашего величества предстали пред священное Его лицо для доказательства права вашего на Лечгум, а вы доселе того не исполняете, но ниже ответствуете на мое письмо, намерены ли вы их послать или нет, то не значит ли сие величайшее оскорбление Его величества и можно ли только подумать, что Имеретинский царь дерзнул, испросив Высочайшего соизволения,

противиться потом священной воле Государя государей и так оскорблять сильнейшего и могущественнейшего монарха. Сие отдаю на собственный суд ваш и на суд первого вашего любимца князя Соломона Леонидзе, того, который, служа семи царям, всем им изменил; Леонидзе, который при малейшем своем интересе готов всяким жертвовать; Леонидзе, который и мне продавал ваше величество за 15 тысяч и который ввергает вас в ужасную пропасть бедствий. Так говорю я с вашим величеством по откровенности моей, никогда со мною не разлучной. Я знаю, что трусость ваша и злые советы подобных тому же изменнику Леонидзе заставили вас бежать из Кутаиса; знаю и то, что вы в мыслях своих, расстраиваемых советами ваших недоброжелателей, всегда держите, что вас схватят и увезут в Россию; но разве ваше величество забыли, что я в присутствии вашем перед лицом всемогущего Бога, мною исповедуемого и лучше, может быть, многих здешних, как истинный христианин клялся на животворящем кресте со святыми мощами, у вас на груди висящем, что сего не будет, и разве заклинаниям моим, когда я и слова данного в жизнь мою еще не нарушил, вы мне меньше верите, нежели словам изменника?

Оставляя сие, долгом считаю предварить ваше величество, что если и после сего вы тотчас не пошлете депутатов в Тифлис, которых я без замедления отправлю к Высочайшему Его императорского величества двору, то я не виноват буду, когда вы, предпочитая подстрекания злых людей моим истинно дружеским советам, навлечете на себя бедствие...»^[844]

В Петербурге при разработке условий принятия в подданство Имеретии и Мингрелии сначала намеревались превратить их правителей в «наследственных начальствующих лиц», назначить солидное жалованье и одновременно лишить права пользоваться доходами от своих владений. Цицианов нашел такой вариант несвоевременным «по политическим соображениям». Сохранение за Соломоном II и Дадиани Мингрельским большинства их прав позволяло правительству России снять с себя ответственность за все неурядицы и не стать объектом народного недовольства. Кроме того, при таком варианте Западная Грузия не требовала дополнительных расходов казны на администрацию. Министр иностранных дел Кочубей даже прислал Цицианову секретный запрос — нельзя ли по этой схеме переиначить управление Грузией, назначив ее правителем «владельца, влияние которого не распространялось свыше того, которое предоставлено царю Имеретинскому и владельцу Мингрелии». Фактически Цицианову предлагалось выбрать одного из царевичей. По мнению Кочубея, это «поставило, быть может, на более верную ногу все

новые владения, привязав к России грузин, и уничтожило бы беспокойство владельцев, уже подвластных России или могущих ей подчиниться, отняв повод к заключениям, что мы всё присвоить себе желаем»^[845]. Письменной реакции Цицианова на это предложение не обнаружено. Не исключено, что главнокомандующий, подозревая, что в письме Кочубея отражается точка зрения самого императора, уклонился от прямого ответа. Но его отношение к царевичам отчетливо проглядывает во всеподданнейшем рапорте от июня 1804 года по поводу ареста царевича Иулона Ираклиевича: «Сие изловление я почитаю важнее взятия крепости, ибо доколе род сей аспидов пребудет в Грузии, дотоле Грузия не будет наслаждаться тишиной по глупому легковерию нации, а потому должен повторить, что и жен их вывезти из Грузии есть мера необходимая»^[846].

Позиция России в отношении Имеретии и Мингрелии во многом объяснялась недостатком военных сил в Закавказье, которых не хватало даже для защиты ранее сделанных «приращений». Цицианов был просто не в состоянии ни защищать владения Соломона и Дадиани от внешней угрозы, ни удерживать в повиновении их беспокойных подданных. Собственно говоря, Россия была крайне заинтересована не в территории этих двух государств как таковых, а в овладении портами на черноморском побережье и в возможности установления безопасной связи между ними и Тифлисом. На «обустройство» Имеретии Цицианов не имел никаких ресурсов. Доброжелательные и дальновидные современники это понимали. Ф.В. Ростопчин писал ему по этому поводу 12 июня 1804 года: «Теперь остается, покоряя сей край, устроить его частное благоденствие и таким образом, чтобы оное обратилось к общему благу России. Но весьма бы я жалел, если бы сие трудное или, лучше сказать, невозможное дело поручено было тебе. На сие ни ума, ни сил человеческих не достанет и, оконча дело военное в царствование Александра Первого, на гражданское потребен век Петра Великого».

После трагической гибели Цицианова царь Соломон попытался использовать неприязнь Гудовича к предшественнику и в своих посланиях обвинял покойного главнокомандующего в коварстве, заявляя, будто бы тот, несмотря на свои уверения, отдал Лечгум мингрельскому князю^[847]. Вероятно, новый главнокомандующий уже в самом начале своего правления успел проявить себя как противник прежнего. Иначе трудно трактовать смелость князя Соломона Леонидзе в письме Гудовичу от 8 сентября 1806 года, в котором он позволял употреблять, характеризуя действия Цицианова, слова «донос», «лживые клеветы», обвинять

российского генерала в грубом обмане (тот якобы не заплатил ему обещанные 15 тысяч рублей «за труды»). Неудивительно, что грубые выпады в адрес Цицианова сопровождались столь же грубой лестью в адрес Гудовича. 15 сентября 1806 года последний отправил в Санкт-Петербург письмо царя Соломона, в котором покойный главнокомандующий представлен обманщиком, препятствовавшим установлению добрых отношений между Имеретией и Россией. Там же содержался прозрачный намек на то, что крепости Лечгума были отданы мингрелам не бесплатно^[848]. Соломон писал: «Цициановым было подтверждено условие, чтобы часть войска стояла в моем царстве, где я захочу; но он нарушил сие условие, и вопреки нам поставил одну роту в Кутаисе: Я неотступно просил его вывести ее и уступить мне город и дворец мой, но после смерти Цицианова вместо вывода того войска вступили в Кутаис, сам генерал Рыкгоф со всем войском, вопреки мне, отнял у меня город и дворец и в самом дворце моем нижние воинские чины содержат блядей-служанок, которые отняты у моих же князей»^[849]. В Петербурге смутились только известием о безобразиях в царском дворце, остальным же словам Соломона посоветовали не верить. Царь Имеретии предлагал даже фантастическую вещь — «заново» присоединить свое царство к России. Он, вероятно, рассчитывал добиться своего в процессе новых переговоров. 15 сентября 1806 года Соломон писал Гудовичу: «Мы, свободные ныне от обязательств, нам непосильных и им (Цициановым. — В. Л.) нарушенных, с великой охотой желаем, дабы вы вновь обрели сие царство и новым обязательством утвердили нас на веки... Для этого предаю себя с моим царством в руки ваши, как отца благопопечительного, дабы вы прославили ваше имя, доведя до сведения Высочайшего двора порознь все наши мысли...»^[850] Справедливости ради, следует сказать, что Гудович сам вскоре понял, что правитель Имеретии — ненадежный партнер и что продолжение по отношению к нему политики предшественника — самый правильный путь^[851]. В 1809 году было перехвачено письмо Соломона Гуссейн-хану Эриванскому о готовности совместного нападения с персами на Грузию. Царь обещал выставить тридцатитысячное войско и способствовать общему восстанию в Грузии против «проклятых русских». Русский главнокомандующий фигурировал в этом документе как «проклятый Гудович»^[852].

Княжеские распри по-прежнему создавали благоприятную обстановку для вмешательства в дела Имеретии, Гурии и Мингрелии. Княгиня Марина Гуриели, жена Вахтанга Гуриели, свергнутого с престола интригами

Соломона, осенью 1808 года просила прислать войска для «укрощения с братьями мужа моего непрерывной вражды и междоусобий»^[853]. Тем не менее, несмотря на абсолютную уверенность в связях имеретинского и мингрельского владетелей с турками, в Петербурге не торопились с полной ликвидацией их независимости, надеясь решить вопрос путем переговоров.

В 1810 году русские вооруженные силы выбили турок из всех важнейших пунктов черноморского побережья. После этого, накопив достаточно войск, заручившись поддержкой местных союзников, новый главнокомандующий А.П. Тормасов стал действовать решительно. Фактически была объявлена охота на царя Соломона II. Царю был предъявлен ультиматум, а когда тот не приехал в Кутаис с повинной, 22 февраля 1810 года была обнародована прокламация, объявлявшая населению об отрешении Соломона от власти. Большинство князей либо заняли нейтральную позицию, либо выступили на стороне русского командования. Один за другим сдавались считавшиеся неприступными горные замки. В середине марта Соломон сдался и был доставлен в Тифлис, однако в мае он бежал в Турцию, откуда обратился с пылкими воззваниями к народу. Всего за два месяца настроение имеретинцев радикально изменилось, началось массовое восстание, в котором приняли участие как крестьяне, так и дворяне. Регулярные войска не оченьгодились для борьбы с повстанцами, и тут на помощь правительству пришла милиция из Восточной Грузии (тушины, пшавы и хевсурь), всего около тысячи человек, которые буквально опустошали охваченные восстанием районы. Постепенно сопротивление ослабевало, Соломон бежал в Турцию, где и умер в 1815 году, до конца своих дней надеясь вернуть себе трон. Покорение Имеретии обошлось сравнительно малой кровью обеим сторонам. Здесь сказался подавляющий перевес русской армии, ее умелое маневрирование и отсутствие у местного ополчения желания умереть за царя Соломона. Всего погибло около 100 ополченцев, было убито и ранено 23 солдата и 24 мингрельских и лечгумских милиционера. Империя не слишком щедро наградила своих солдат за новое приращение территории: всем 2500 нижним чинам, принимавшим участие в экспедиции, отпустили «не в зачет по паре сапог или за оные по штатной цене деньгами»^[854]. Такое развитие событий дало основание Петербургу считать Имеретию областью, завоеванной силой оружия. При этом Гурия выделялась из Имеретии и включалась в состав Российской империи на правах особого вассального княжества. Это было оплатой той лояльности, которую демонстрировал Мамия Гуриели в отношении Петербурга. Еще 19 июня

1801 года этот правитель заключил договор о принятии российского протектората. В 1821 году Имеретия и Гурия вновь восстали. А.П. Ермолову пришлось приложить огромные усилия для восстановления спокойствия. После смерти князя М. Гуриели в 1826 году автономия княжества была еще более сужена, а после бегства регентши княгини Софии вместе с малолетним князем Давидом в Турцию в 1828 году ликвидирована вовсе. В последующие десятилетия продолжалось «сбирание» грузинских земель. В 1833 году в состав Российской империи номинально вошла «княжеская Сванетия» — владения князей Дадешкелиани, а в 1840 году — «вольная Сванетия». Обе эти территории образовались после распада Грузинского царства в XVI веке и формально принадлежали Имеретии. В 1857 году в Сванетию были введены правительственные войска, а в 1859 году Дадешкелиани были принуждены отказаться от владетельных прав. Очередь Мингрелии настала в 1857 году, когда в княжестве ввели русское управление. В 1867 году была юридически оформлена утрата особого статуса княжества. В 1864 году была ликвидирована автономия Абхазии.

Если так называемые «персидские ханства» были присоединены к России силой оружия или угрозой его применения, а для их закрепления за Россией пришлось вести две трудные и долгие войны с Персией (1804—1813 и 1826—1828 годы), то Имеретия и Мингрелия оказались под российским скипетром практически бескровно. В этом, несомненно, была огромная заслуга князя Павла Дмитриевича Цицианова, проявившего, помимо полководческих, незаурядные дипломатические качества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, результатом нашей работы стали словесный портрет Павла Дмитриевича Цицианова, картина его жизни и деятельности. Фоном для этих «полотен» служит пестрый и временами не очень ясный исторический пейзаж, на котором, безусловно, доминируют кавказские мотивы. Для придания завершенности картине нужна рамка, и для ее изготовления целесообразно воспользоваться известными нам обстоятельствами дальнейшего хода событий. Что из сделанного Цициановым было переиначено сознательно, что не прижилось из-за несоответствия местным реальностям, а что получило развитие, но записано в заслуги более известным потомкам?

Перед правительством России и, соответственно, перед всеми главнокомандующими на Кавказе стояли, по сути, одни и те же задачи. Первой следует назвать административное обустройство края. Под этим понималось приведение системы управления местным населением в такое состояние, чтобы власть могла без особых препятствий осуществлять свои контрольно-распорядительные функции. При этом происходило постоянное борение двух тенденций. С одной стороны, бюрократическая машина стремилась к унификации всего сущего, и в течение XIX столетия мы видим попытки смотреть на Грузию, Дагестан, Азербайджан и Осетию как на одну из губерний. С другой стороны, громадные различия в социокультурной области, в уровне экономического развития требовали учета местных особенностей, отказа от измерения Кавказа мерками, приложимыми к Поволжью или Нечерноземью.

Вторая задача состояла в «умиротворении» Кавказа, то есть в создании условий для прекращения вооруженного сопротивления со стороны кавказских народов. Для решения этой задачи, как уже говорилось, предлагались как мирные, так и военные средства. Применение последних возобладало. В начале XIX века начался новый этап столкновений армии России с горцами — то, что спустя много лет назвали Кавказской войной.

Третьей задачей было «благоустройство» Кавказа — развитие промышленности, сельского хозяйства, градостроения, транспорта, образования, здравоохранения и пр. Правительство придавало решению этой задачи большое значение, поскольку подъем экономики, строительство дорог и повышение грамотности местных жителей облегчали работу управленческого аппарата и благотворно влияли на

готовность горцев, грузин и азербайджанцев смириться с «новым устройством их быта», как принято было называть в официальных документах признание ими (хотя бы внешне) своего подданства Российской империи и согласие (хотя бы и неискреннее) подчиняться установленным законам. Впрочем, на Кавказе решение всех трех задач столь тесно переплеталось, что по отдельности они существовали только на бумаге. Без эффективного управления нельзя было добиться успехов в «благоустройстве», а отсталые технологии и низкие урожаи ограничивали налоговые поступления, необходимые для содержания чиновников и финансирования целевых программ. Неимущие, разуверившиеся в возможности наладить спокойную жизнь, являлись самым «взрывоопасным» элементом, и потому усилия, направленные на развитие хозяйства, уменьшали мобилизационные ресурсы повстанцев. В свою очередь, без решительного «обуздания» тех, кто не прекращал набеги, без ликвидации угрозы нападения и разорения нельзя было рассчитывать на расширение посевов, увеличение поголовья скота и расцвет ремесел. Дороги были нужны для доставки почты, переброски войск и перевозки товаров, то есть для решения всех трех вышеуказанных задач.

Можно сказать, что последователем Цицианова в области «благоустройства» Кавказа, в сфере развития промышленности стал только Михаил Семенович Воронцов, занявший пост главнокомандующего в 1844 году. Все остальные, включая А.П. Ермолова, всю свою энергию расходовали на решение военных вопросов. Историк Н.Дубровин был совершенно прав, указывая в своей книге, что с кончиной Цицианова «все предположения и предприятия его последовали за ним в могилу»^[855]. Не было принято предложение Павла Дмитриевича построить форт в устье реки Куры на Сальянском полуострове, хотя это дало бы возможность контролировать один из важнейших пунктов Закавказья. Фактически заново спустя десятилетия были изобретены стратегические принципы боевых действий против горцев, причем изобретение это было приписано другим деятелям.

Уже говорилось о «вытеснении» Цицианова из исторической памяти. Первые усилия в этом направлении сделал его преемник на посту главнокомандующего в Грузии Иван Васильевич Гудович. Он принадлежал к старинному дворянскому роду польского происхождения, получил хорошее образование в Кёнигсбергском и Лейпцигском университетах. В 18 лет поступил на военную службу инженер-прапорщиком, состоял адъютантом при генерал-фельдцейхмейстере (начальнике артиллерии) графе П.И. Шувалове и генерал-фельдмаршале А.И. Шувалове. Его брат

был любимцем Петра III, и после прихода к власти Екатерины II ему пришлось просидеть три недели под арестом, но потом императрица посчитала возможным не ломать карьеру молодому офицеру и назначила его на пост командира Астраханского пехотного полка. Гудович успешно действовал в Польском походе 1764 года и в войнах с Турцией 1768—1774 и 1787—1791 годов. Части под его командованием отличились под Хотинем, сыграли решающую роль в сражении при Ларге, при взятии Бухареста. В 1785—1789 годах он служил рязанским и тамбовским генерал-губернатором. После начала Русско-турецкой войны 1787—1791 годов Гудович вымолил разрешение вернуться в армию и был «определен» на Кавказ. Здесь он сначала действовал не очень удачно — попытка взять важную в стратегическом отношении крепость Ахалкалаки закончилась неудачей. Но вторая его крупная операция — поход на Анапу — привела к падению этой турецкой крепости, что повлияло на согласие Стамбула заключить мир на условиях, выгодных России. Грудь Гудовича украсил орден Святого Георгия 2-й степени — очень высокая награда. Отправляя войска в Персидский поход в 1796 году, Екатерина II назначила главнокомандующим Валериана Зубова — родного брата своего фаворита Платона Зубова. Поскольку полководческими талантами он не блистал, в помощники ему, как и следовало ожидать, дали настоящих боевых генералов. Одним из них стал П.Д. Цицианов. Гудовича оскорбило то, что предпочли младшего по чину, и, самое главное, то, что ему досталась унизительная роль провиантмейстера. Здесь истоки неприязни Гудовича к Цицианову — неприязни, которая пронизывала всю его позднейшую деятельность на посту главнокомандующего на Кавказе.

Но противостояние этих двух фигур основано не только и не столько на личной неприязни. Наследник «переиначивал» дела предшественника не только по принципу «от противного». Они имели диаметрально противоположные представления о задачах империи на Кавказе, о методах управления приобретенными там владениями, об отношениях с горскими племенами и владельцами. Фактически Гудович дезавуировал систему отношений, созданную Цициановым: он стал щедро одаривать ханов, тщетно надеясь добиться их верности, отказался от политики жестких репрессий за малейшие проявления непокорности, ориентировался на местных феодальных владельцев как на опору имперской власти. Если последнее в долгосрочной перспективе могло принести плоды, то методы оказались абсолютно непригодными, свидетельствующими, что главный российский начальник на Кавказе совершенно не понимал вверенного ему края. Только человек, не способный отказаться от тех идеологических схем,

которые он привез из Германии, мог после нескольких лет службы на Кавказе дать своим подчиненным следующие наставления по обращению с горцами: «...внушайте им всемерно о спокойной их жизни, о домостроительствах, скотоводстве и хлебопашестве, как о таких вещах, от которых их состояние зависит; вперите в мысль их, колико постыдно воровство и разбой...»^[856]

Чтение бумаг, вышедших из-под его пера, наводят на мысль о том, что Гудович не очень ясно представлял себе ситуацию. В 1791 году он предлагал поселить на Кавказской линии 10 тысяч крестьян, которые, не имея опыта жизни в условиях фронта, стали бы жертвами горских набегов. Его попытки мирными методами добиться подчинения горцев, путем увещаний прекратить набеги оказались тем более безрезультатными, что на фоне недавней цициановской жесткости выглядели проявлением слабости. Такая резкая перемена курса объясняется сразу несколькими обстоятельствами. Кризис политики устрашения был очевиден, и новый главнокомандующий попытался найти альтернативу бессмысленному кровопролитию. Покорение Азербайджана и разгром Персии были не таким легким делом, как это поначалу казалось. Малочисленность русских войск в Закавказье не позволяла ставить заслоны на всех путях вторжения турок и персов, а мобилизация ресурсов самого края предполагала лояльное отношение к коронной власти со стороны туземцев.

Два последующих главнокомандующих явно рассматривали Кавказ как временное назначение, что и подтвердилось их отзывом на «западный фронт». Тормасов пытался вести кавказскую политику «по-восточному»: вел долгие и витиеватые переговоры, торговался из-за уступок, плел интриги, натравливал одних владетелей на других, подбивал главу пограничного турецкого пашалыка на мятеж, обещая помощь оружием и деньгами. Когда имеретинский царь Соломон, бежавший в Турцию, сумел поднять восстание в своих владениях, главнокомандующий сам руководил действиями войск, применяя методы, которые впоследствии стали обычными для этой войны. Он разрешил гурийцам и мингрелам грабить имеретинские села. «Над бунтовщиками разрешаю оказать примерную строгость, не взирая ни на какое лицо и не делая им никакой пощады», — говорилось в одном из его приказов^[857]. В 1810 году он распорядился дотла разорить Ахалцыхский пашалык, служивший туркам плацдармом для вторжения в Грузию. Необычные действия русских так потрясли местные власти, а ресурсы края восстанавливались с таким трудом, что война на

этом важнейшем участке фронта фактически прекратилась^[858]. Тормасов считал позволительным лишать жизни своих противников руками наемных убийц. Судя по его переписке с полковником Симановичем, царь Соломон не был отравлен или заколот только потому, что не удалось уговорить на такое дело никого из окружения царя^[859]. Посылая полковника Лисаневича для подавления восстания в Кубинском ханстве, он писал о Ших-Али-хане: «...приложите все тщание, чтобы или достать его в наши руки, или убить, не имея против него ничего священного, а кто сие исполнит, тот получит в награждение тысячу червонцев и чин с жалованием или имение в Кубе, смотря по состоянию человека»^[860]. Постоянно руководя военными операциями, Тормасов не имел возможности заниматься гражданскими делами края. Он терпеливо вел переговоры с имеретинским правителем, но когда выяснилось, что Соломон не в состоянии оказать серьезного сопротивления, главнокомандующий начал действовать умело и решительно, объявив о присоединении Имеретии к России^[861]. Чтобы успокоить население, была введена система управления и судопроизводства, в наибольшей степени соответствовавшая народным обычаям и представлениям.

Его преемник Филипп Осипович Паулуччи родился в 1779 году в аристократической итальянской семье и к 1807 году, когда перешел на русскую службу полковником, успел поносить итальянский и австрийский мундиры. Успешным выполнением ответственного дипломатического поручения — переговорами с сербским вождем Карагеоргием, обеспечившими сближение России и Сербии, — Паулуччи обратил на себя внимание Александра I. Командование войсками во время войны со Швецией в 1808—1809 годах принесло ему чин генерал-майора. В 1810 году он возглавил штаб Грузинского корпуса, а в 1811 году занял пост «главнокомандующего Грузией и войсками, там расположенными». Ситуация была довольно сложной: неурожай поставил Закавказье на грань голодного бунта, турецкие и персидские войска, собранные на границе, намного превышали по численности полки Грузинского корпуса, сильно поредевшие от болезней и боевых потерь. Однако несколько решительных и внезапных ударов по турецким отрядам позволили переломить ситуацию в пользу России. Особую роль здесь сыграл разгром турок у крепости Ахалкалаки 5 сентября 1810 года. В феврале 1812 года Паулуччи сдал дела Н.Ф. Ртищеву, но отказался служить при Тормасове начальником штаба 3-й армии и занял пост Рижского военного губернатора. Он договорился с командиром прусского корпуса генералом Йорком о нейтралитете.

Результаты его управления Прибалтийскими губерниями в 1812—1829 годах, проведение там различных преобразований позволяют считать, что в лице Паулуччи Кавказ мог иметь умелого руководителя, не обделенного ни военными, ни административными способностями.

Несмотря на кратковременность своего начальства на Кавказе, Паулуччи остался в памяти как защитник солдат и сторонник жесткой, но не бессмысленной дисциплины. Он строго пресекал притеснения рекрутов и молодых солдат, извещая о каждом таком случае в приказах по корпусу. Главнокомандующий заметил, что нередко способность войск к быстрым маршам обесценивается долгими и неорганизованными сборами. По его приказу от 8 января 1811 года полки обязывались выходить в поход зимой через 24 часа, а летом — через час после объявления тревоги. Разбросанность частей корпуса заметно повышала роль бумаги в управлении, чем нередко пользовались командиры, склонные к сочинительству победных реляций. Паулуччи был вынужден издать следующий приказ: «В продолжение того времени, в которое имею я честь служить в российской службе, заметил я, что некоторые господа генералы, донося о действиях своих противу неприятеля или о движениях, весьма часто уклоняются от истины и прибавляют то, чего не было, чрез меру, дабы придать себе более блеску в глазах государя и в глазах публики, как и я недавно получил одного г. генерал-майора рапорт, где он пишет о том, чего не сделал, как посторонним образом я после узнал. По сему поводу предупреждаю во вверенном мне корпусе гг. генералов, штаб-и обер-офицеров, дабы всяк, на случай действий с неприятелем, доносил об оных по команде со всею верностью, ибо ежели что откроется несправедливым впоследствии времени, то таковой доноситель обнаружен будет мною пред Его императорским величеством»^[862]. Он принципиально изменил политику по отношению к бежавшим в Турцию или Персию кавказским правителям, которые вербовали по обе стороны границы союзников. Прежде русские власти употребляли огромные усилия, чтобы умиротворить этих деятелей, вернуть на родину, тем самым невольно придавая им имидж влиятельных особ. Паулуччи же считал иначе: «...С самого начала моего приезда в Имеретию старался уверить не только грузин, но и самих неприятелей, что для храбрости русских войск ни имеретинский царь, ни грузинские царевики отнюдь не опасны, и что для могущественной России все равно, где бы они ни находились, и она никогда не обнаружит никакого интереса иметь их в своей власти»^[863]. Паулуччи пытался бороться с пьянством и карточной игрой, которая

процветала в гарнизонах, издал приказ, запрещающий офицерам иметь на содержании женщин. Он делал все возможное для того, чтобы облегчить службу солдатам, и прекратил порочную практику бессмысленных поисков мелких шаек разбойников, которыми был наводнен Кавказ. Он твердо заявил грузинским князьям, что русские войска предназначены для обороны границ империи, а не для выполнения полицейских функций^[864].

Николай Федорович Ртищев был ровесником Цицианова и достойным соперником его в родовитости (он принадлежал к древнему боярскому роду). Ртищев отличился в Русско-шведской войне 1788—1790 годов, занимал ряд должностей в военной администрации, а в 1797 году был отправлен в отставку. Вернувшись на службу в 1806 году, Ртищев воевал с турками на Дунае, а в 1811 году стал главнокомандующим на Кавказе. О его способностях как военачальника говорить трудно, поскольку нет достаточных свидетельств о его личном участии в операциях. Ртищев был последователем «линии Гудовича» в отношениях с горцами, пытался добиться отказа от набегов подарками и уговорами. Его действия сопровождалось рядом «конфузов». Делегация кабардинцев, направленная с ведома Ртищева в Петербург, на самом деле никого не представляла. Он получил заверения нескольких чеченских тейпов о принятии российского подданства, но буквально через несколько дней чеченцы напали на обоз и похитили личные вещи главнокомандующего. В Дагестане скрытые враги России обводили его вокруг пальца, а владельцы, готовые к сотрудничеству, подвергались незаслуженным обидам^[865]. В 1816 году он получил должность сенатора в московском отделении этого учреждения, справедливо заслужившего реноме богадельни для чиновников генеральского ранга.

В 1912 году в Грозном был поставлен памятник А.П. Ермолову с надписью «покорителю Кавказа», хотя «десятилетие» этого генерала (1816—1826) составляет весьма скромный временной отрезок в полуторавековой истории завоевания Кавказа. Сразу оговоримся: у нас нет ни малейшего намерения «развенчать» этого героя: Ермолов — военачальник, строитель Российской империи и просто незаурядная личность — занимает подобающее ему место в национальном пантеоне.

Мы лишь попытаемся объяснить, какие обстоятельства способствовали тому, что имя Ермолова — одного из четырнадцати главнокомандующих на Кавказе за период с 1801 по 1859 год — не оказалось забытым, в отличие от прочих имен. Прежде всего, Ермолов действительно «покорил» Чечню и Дагестан — большинство владельцев и

вольных обществ заявили о своей готовности принести присягу на подданство. О том, что все это временно, что придется вести невероятно долгую и невероятно кровавую войну, тогда не знал никто. Сам Ермолов полагал, что для установления русского правления в горах потребуется всего два года и две пехотные дивизии. При нем войну с горцами называли войной. До того походы против них считались скорее полицейскими, а не военными акциями. Историю завоевания стали писать с чистого листа, и на первой строке значилось — Ермолов. Признание этого генерала победителем позволяло считать Чечню и Дагестан с 1819 года российской территорией, а горцев, вновь взявшихся за оружие, — не воюющей стороной, а бунтующими подданными, нарушившими ранее данную присягу. В народе есть поверье, что «деньги тянутся к деньгам». Насколько это верно, решать экономистам, но историки твердо знают: «слава тянется к славе». Можно привести множество примеров того, как известному (и заслуженно известному!) историческому деятелю приписываются слова и действия других. Ермолов представлен как изобретатель новой стратегии (продвижение внутрь гор с помощью укрепленных линий, массивированная рубка леса и т. д.). Это не вполне соответствует действительности — лес приказывал рубить и Цицианов, но у него в отличие от Ермолова не было в распоряжении тех тысяч «лесорубов с ружьями», которые появились на Кавказе в 1820-е годы. Цицианов устраивал «выдвинутые» форты (то же укрепление возле урочища Урдо на реке Алазани), но ничтожная численность войск, которыми он располагал, не позволяла и думать о применении такой перспективной стратегии. Крупнейшей стратегической ошибкой Ермолова явились его действия по подрыву власти местной знати, в результате чего в 1830—1840-е годы русское правительство оказалось перед лицом военно-демократического общества горцев, аморфного, неконтролируемого и абсолютно неспособного к политическим контактам, по крайней мере в том формате, который был приемлемым для России. Ермолов называл себя преемником Цицианова, также считавшего ханов и беков главными противниками, но покойный князь явно лучше знал край и был более осторожным в своих действиях, хотя и часто неумеренным в словах. Ермолов в нескольких сражениях разгромил ополчения чеченцев и дагестанцев, фактически не имевших опыта боев с регулярными войсками и понесших огромные потери от картечных залпов. Горцы оказались толковыми учениками, и уже преемники Ермолова — Г.В. Розен, А.И. Нейдгардт, Е.А. Головин и М.С. Воронцов — на себе испытали, насколько хорошо они усвоили уроки 1820-х годов.

Правила войны на Северном Кавказе во многом отличались от правил

европейских. Здесь едва ли не единственным типом операции был набег — быстрое вторжение на территорию противника, грабеж и возвращение в исходную точку. Даже нашествия персов, турок, крымских татар были не чем иным, как массированными набегами, поскольку пришельцы не делали попыток обосноваться в горах и не навязывали местным жителям своих норм существования. Изъявление покорности в таких условиях было средством избежать больших человеческих и материальных жертв, поскольку действенных механизмов порабощения и эксплуатации в специфических условиях горного Кавказа не могло существовать в принципе. Присяга в такой ситуации была вариантом перемирия, заключавшегося для выжидания времени, когда ее можно будет без особых проблем нарушить. Походы Ермолова 1817—1819 годов не выходили за рамки того, что Кавказ переживал не единожды, чем во многом и объясняется сравнительно слабое сопротивление чеченцев и дагестанцев. Однако его дальнейшие действия противоречили всем представлениям о войне, которые в силу огромной роли военной составляющей в жизни горского общества являлись едва ли не основой местной картины мироустройства. Русские добились присяги и не ушли! Более того, они стали вмешиваться во внутренние дела горцев, что последние считали совершенно недопустимым. По мере того как население Дагестана и Чечни осознавало весь радикализм перемен, возрастало и сопротивление.

В армии всегда существовал культ «настоящего» генерала, располагавшего неограниченным доверием подчиненных. «Кавказские войска с восторгом узнали о назначении главою их Ермолова, героя Бородина и Кульма, любимца народной молвы, стяжавшего себе громкую славу и качествами опытного и талантливоего вождя, обходимого официальными реляциями, но популярнейшего в войсках, и своей неподкупной честностью, и своей истинно русской душой, и меткими злыми остротами над господствовавшими тогда всюду в России "немцами", народное нерасположение к которым усилилось недавней народной войной 1812 года. Даже в блестящей плеяде деятелей того недавнего прошлого нашей народной и государственной жизни Ермолов принадлежит к числу тех немногих, на которых во все грядущие века с удивленным вниманием и глубоким сочувствием остановится взор всякого русского, кому дорога русская национальная слава», — писал историк Кавказской войны В.А. Потто^[866].

Представление о Ермолове как о покорителе Кавказа во многом родилось в умах кавказских солдат и офицеров, помнивших о тех временах, когда их походы имели видимый конечный результат: горцы терпели одно

поражение за другим и часто при одном появлении русских войск изъявляли покорность. Это было представление о своеобразном «золотом веке». Когда в 1830-е годы такая мощная военная машина, как русская армия, стала буксовать в лесах Чечни и горах Дагестана, начали искать виновных и «назначили» таковыми военачальников, сменивших победоносного Ермолова. Официальная историография, адекватно оценивая статус Ермолова в общественном сознании, сочла полезным представить всячески его возвышаемого Барятинского его «наследником». Соединение этих двух имен можно рассматривать как своеобразный мостик между двумя либеральными «александровскими» эпохами. Все главнокомандующие на Кавказе — от И.Ф. Паскевича до Н.Н. Муравьева-Карсского — были «николаевскими» и расплачивались за то, что находились на службе у «душителя свободы». Жертвой симпатий историков и мемуаристов к «проконсулу» стал не только И.Ф. Паскевич, представляемый как соучастник свержения Ермолова (либеральная историография не могла простить ему участие в суде над декабристами, подавление восстания в Польше 1831 года и поход против восставших венгров в 1849 году), но даже граф И.В. Гудович. Силой своего обаяния, за счет своих действительных талантов и заслуг Ермолов преодолел тот порог, за которым человеку прощаются любые грехи, а неудачи переводятся в разряд успехов. Он «пролонгировал» сладкое чувство победы 1812—1814 годов своими викториями на Кавказе. Он сумел до самой своей кончины, не занимая никаких видных государственных постов, сохранить представление о себе как о человеке значительном, его мнением дорожили, его похвалы жаждали, а порицания боялись. Визиты к Ермолову считались едва ли не обязательными для всех, кто ехал на Кавказ. Отставного «проконсула» навещали А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов, будущий военный министр Д.А. Милютин, десятки офицеров, продолжавших его дело. Имам Шамиль, привезенный в 1860 году после пленения в Москву, нанес свой первый визит Ермолову. После смерти генерала сохранению славы покорителя Кавказа стали служить его мемуарные «Записки», представляющие собой ценнейший исторический источник.

Но именно князя Павла Дмитриевича Цицианова Ермолов называл своим единомышленником, строителем фундамента русского господства на Кавказе. В письме Воронцову 1 июня 1816 года Ермолов писал: «...Грузия, о которой любишь ты всегда говорить, много представляет мне занятий, Со времени кончины князя Цицианова, который всем может стать образцом и которому не было там не только равных, ниже подобных, предместники мои оставили мне много труда. Мне запрещено помышлять о войне, и я

чувствую того справедливость; позволена одна война с мошенниками, которые грабят там без памяти и в отчаяние приводят народы. Вот чего я более всего боюсь»^[867]. Полгода спустя, 29 декабря 1816 года, он сетовал тому же Воронцову, что чиновники в Грузии, к его сожалению, «отдохнули от страха, который вселяла в них строгость славного князя Цицианова, пустились в грабительство и меня возненавидят!». Через две недели он опять вспомнил первого главнокомандующего, будучи сильно недоволен грузинами вообще: «...Этот народ не создан для кроткого правления Александра: для него надобен скипетр железный. Прочие здесь народы гораздо лучше. Они знают свое невежество, не в претензии быть людьми. Их так разумеешь и по мере того терпеливо ожидаешь их образования. Оно только тогда возьмет свое действие, когда в ханствах введено будет российское правительство и истребятся ханы, в пользу которых даны чрезвычайно выгодные трактаты, вначале вырванные у нас необходимостью, в продолжение времени утвержденные здесь слабостью и неспособностью начальствовавших здесь после князя Цицианова, человека единственного! Граф Гудович, *гордейший из всех скотов*, по ненависти к князю Цицианову, вменил себе в долг делать все вопреки его предначертаний, принят беглеца из Персии и сделал ханом Шекинским... Здесь надобно другого князя Цицианова, которому я удивляюсь и которого после смерти почувствовали здесь цену»^[868]. 9 июля 1818 года из лагеря на Сунже, характеризуя обстановку на Северо-Восточном Кавказе, Ермолов пишет своему другу: «Таким образом исчезли все предприятия славного и необыкновенного Цицианова. Злоба и невежество Гудовича изгладили до самых признаков». В письме Воронцову от 20 октября 1818 года мы читаем: «Мне приятно было прочесть и другие книжки, в которых справедливо говорится о славном Цицианове. Поистине после смерти его не было ему подобного. Не знаю, долго ли еще не найдем такого, но за теперешнее время, то есть за себя, скажу перед алтарем чести, что я далеко с ним не сравняюсь. Каждое действие его в здешней земле удивительно; а если взглянуть на малые средства, которыми он распоряжался, многое должно казаться непонятным. Ты лучше других судить можешь, бывши свидетелем дел его. От старика Дельпоццо знаю я, как он любил тебя, и ты все право имеешь хвастать, что служил под начальством сего необыкновенного человека. Меня бесит, что я никого при себе не имею, кто бы мог описать время его здесь начальствования, но думаю, что и материалов для того достаточных не найдется...» 16 ноября Ермолов пишет одному из самых влиятельных людей в окружении Александра I —

дежурному генералу Главного штаба: «Не уподоблюсь слабостью моим предместникам, но если хотя бы немного похож буду на князя Цицианова, то ни здешний край, ни верные подданные Государя нашего ничего не потеряют». В другом его письме тому же адресату читаем: «По несчастью, после славного Цицианова был глупый Гудович, а что еще хуже, непримиримый Цицианова неприятель... Все исчадие здешних царей и владетельных князей одной бешеной собаки не стоит! Много у меня дела, а то бы я принялся за них и припомнил им времена князя Цицианова, которого одна память в трепет приводит».

Столь лестные слова в адрес одного из своих предшественников на посту главнокомандующего на Кавказе не помешали Ермолову занять чрезмерно жесткую позицию по отношению к родственнику Павла Дмитриевича — князю Парсадану Цицианову. Дело, хранящееся в Российском государственном военно-историческом архиве, начинается прошением последнего Ртищеву о награждении его орденом Святого Владимира 4-й степени: «Руководствуемый благодетельными вашими о человечестве попечениями и незабвенною снисходительностью к взыскиющим вашего покровительства, я предпринял смелость беспокоить ваше сиятельство сим всепокорнейшим прошением. По принесенной мною просьбе об исходатайствовании всемилостивейшего вознаграждения услуг моих, засвидетельствованных и одобренных командовавшим в Грузии господином генерал-фельдмаршалом графом Гудовичем, под начальством которого я находился в походах 1807 года против Турков и 1808 года против Персиян, господин управляющий военным министерством князь Горчаков истребовал отношение от начальствовавшего в Грузии генерала от инфантерии Ртищева подробные о моей службе сведения, которые ныне находятся во втором отделении Главного штаба, и я еще не удостоен Монарших милостей. В настоящих обстоятельствах я прибываю под покров вашей благожелательности и, приложив при сем в копии донесение генерала от инфантерии Ртищева об одобрительном засвидетельствовании службы моей, учиненном от господина генерал-фельдмаршала графа Гудовича, всепокорнейше прошу ваше сиятельство осчастливить меня благодетельным вашим предстательством у Его императорского величества исходатайствовать мне Монаршую милость в вознаграждение моей службы в изъясненных походах. Великие благодеяния ваши пребудут вечно запечатленными в усерднейших чувствованиях моего сердца как священный залог вашего правосудия». Ртищев донес управляющему Военным министерством, что, получив отношение от 10 февраля 1818 года с приложением аттестата, данного ему от генерал-фельдмаршала графа

Гудовича, предписал «гражданскому на правах военного» губернатору генерал-майору Симановичу навести необходимые справки. Симанович сообщил следующее: «...В 1808 году по воле генерал-фельдмаршала приглашались... генерал-майором Ахвердовым грузинские князья и дворяне к походу, но кто именно из них был и находился ли в числе оных князь Парсадан Цицианов, по делам не видно, кроме того что генерал-фельдмаршал... в 1807 году от 29 июля из лагеря при реке Арпачае, уведомляя от себя генерал-майора князя Атара Амилахвердова о поражении Турецких войск, находившихся под предводительством сераскира Иссуф-паши, свидетельствовал, что грузинские князья и дворяне, бывшие при главном корпусе войск, отлично храбро сражались с неприятелем, и требовал собрать еще известных ему Амилахвердову в храбрости и усердии князей и дворян и прибыть в главный корпус, но кто именно находился, также неизвестно: по частным же собранным мною сведениям оказалось, что и князь Цицианов в числе прочих был в тех походах и сражениях с неприятелем... Я присовокупляю, что по засвидетельствованию господина генерала-фельдмаршала графа Гудовича и Грузинского католика царевича Антония князь Парсадан Цицианов заслуживает награды орденом Святого Владимира 4-й степени». Если бы Ртищев еще какое-то время пробыл на своем посту, то грузинский князь, скорее всего, получил бы вожделенную награду, тем более что ходатаем о награждении выступил член грузинской царской фамилии: «Грузинский царевич Католикос, свидетельствуя об отличных услугах, трудах и усердии находящегося при нем князя Парсадана Цицианова, содействовавшего к спасению его во время нашествия неприятеля на Москву, испрашивает обращения на него Высокомонаршего благоволения пожалованием ему ордена Святого Владимира 4-й степени». Но этот вопрос «по наследству» достался Ермолову, которому ненавистно было само имя Гудовича и неприятны все, кому граф протезировал. Отсюда содержание и тональность письма Ермолова дежурному генералу Главного штаба А.А. Закревскому: «...Князь Парсадан Цицианов, представивший аттестат господина генерала-фельдмаршала графа Гудовича, свидетельствующий о службе его против турок и персиян, ничего отличного никогда не сделал и потому подобно многим другим не получил награждения. Если ему дать оное, то многие и другие, столь же мало заслуживающие, потребуют такового же. Аттестат был ему выдан во время пребывания генерала-фельдмаршала в Москве, и совсем не удивительно, если он по прошествии уже нескольких лет мог забыть, сколько заслуги князя Парсадана Цицианова были ничтожны, и склонился на просьбу его дать ему

свидетельство. Я могу к сему присоединить, что сей князь Цицианов весьма на худом у меня замечании и не по одному только подозрению. Прошу ваше превосходительство покорнейше собственно для пользы службы не оставить сообщать мне, когда кто из царевичей Грузинских предстательствовать будет о награждении кого из грузин, ибо не один уже раз дознано, что их ходатайство не только неосновательно, но даже причиняет большие запутанности. К тому же время уже грузинам вразумить, что лучший свидетель заслуг их есть начальство, и требовать справедливого за оные воздаяния прямейший путь через власти, на то постановленные. Одни грузины могут двадцать лет отговариваться незнанием узаконенного порядка, и я заметил, что оно всегда сильнее, когда чем-нибудь желают они воспользоваться. В сих случаях прибегают они к царицам и царевичам, и просьбы, предстательства и свидетельства являются во множестве». Словом, в награде было отказано^[869].

В административной практике в порядке вещей было, когда назначенный на должность чиновник всеми способами осуждал деятельность своих предшественников для возвеличивания собственных успехов — как правило, за исключением кого-либо одного из них, чьи деяния уже получили признание. Так, например, А.А. Барятинский не возражал, когда его называли преемником Ермолова, хотя время их правления на Кавказе разделяли «эпохи» пяти других главнокомандующих — Паскевича, Нейдгардта, Розена, Головина и Муравьева. Причем последний пользовался особым недружелюбием мемуаристов, прославлявших Барятинского. В случае с Ермоловым и Цициановым ситуация иная. Между ними, кроме Гудовича, на Кавказе успели проявить себя Торماسов, Паулуччи и Ртищев. И хотя именно последний «сдал дела» герою Отечественной войны 1812 года и своими приемами правления принципиально от Гудовича не отличался, Ермолов его не поминает злым словом. Вообще, последовательно выражаемое восхищение Цициановым и столь же последовательное хуление его недруга Гудовича не вполне соответствуют характеру «проконсула». По нашему мнению, в данном случае мы имеем дело с редким для Ермолова примером действительного одобрения курса Цицианова, который казался ему единственно верным. Судя по всему, Ермолов и в самом деле тщательно изучил опыт его действий.

В еще большей степени наследником Цицианова имел право считать себя Михаил Семенович Воронцов, который впервые приехал на Кавказ в 1803 году 21-летним гвардейским поручиком. Потом были кампании 1805 и 1806—1807 годов. Во время Русско-турецкой войны 1806—1812 годов он

уже показал не только личную храбрость и распорядительность, но и несомненные полководческие дарования. В Бородинском сражении его дивизия защищала Багратионовы флеши и была почти полностью уничтожена: из четырех тысяч солдат и офицеров в строю осталось всего 300 человек. Сам Воронцов был ранен пулей. После выздоровления он участвовал в походах и боях 1813—1814 годов и показал себя умелым администратором, начальствуя над русским оккупационным корпусом во Франции. В 1823 году его назначили бессарабским и новороссийским губернатором. На этом посту он сделал очень многое для экономического развития Юга России. В 1845—1854 годах он служил главнокомандующим на Кавказе. В отличие от целой вереницы своих предшественников — от И.В. Гудовича до Е.А. Головина — он не только воевал, но и прилагал огромные усилия для административного обустройства и экономического развития края.

*

На «жизнь после смерти», равно как и на степень забвения, огромное влияние оказывает то, как сам человек и его деятельность отразились в литературе. Первой печатной работой о погибшем главнокомандующем стала изданная в 1823 году в Москве небольшая брошюра П. Зубова «Жизнь князя Павла Дмитриевича Цицианова», являющая собой панегирик этому государственному деятелю и содержащая краткие биографические сведения на основе его послужного списка. В 1845—1854 годах, когда главнокомандующим на Кавказе был князь Михаил Семенович Воронцов, коммеморация истории «покорения Кавказа» стала частью его политики. Воронцов считал очень важным представить себя не случайным «назначенцем», а преемником Цицианова и Ермолова — двух самых выдающихся людей, руководивших этой имперской окраиной. Поэтому не случайно местный официоз — газета «Кавказ» особо отметила 40-летие со дня гибели Цицианова:

«...День тогда скорбный для Закавказья, священный теперь воспоминанием кончины того, кто кровью своей спаял в одно стройное целое разьединенные, враждующие между собой части прекрасного края и сильной рукой и великим умом преклонил его под сень великой державы русской... В три года — устроив и успокоив Грузию, кровью купил он Джаро-Белоканскую область и Ганджийское ханство; умом добыл княжество Мингрельское и Гурийское, царство Имеретинское, султанство

Шурагельское, ханства Карабахское, Шекинское, Ширванское, наконец, под Бакою (Баку. — В.Л.) запечатлел смертью длинный ряд приобретений, распространивших до Аракса пределы империи. В три года Цицианов создал великое тело — от моря Черного до моря Каспийского, от хребта Кавказского до Куры и Аракса, и нет сомнения, он дал бы ему и великую душу. Если бы смерть не пресекла его кипучую деятельность, то с тем сильным нравственным влиянием на туземцев, с тою их неограниченною доверенностью к себе, какую умел он выиграть у народа, должно было надеяться, что Цицианов в несколько лет устроил бы край и тем избавил бы Россию от многих кровавых жертв, впоследствии принесенных для утверждения благосостояния Кавказа... Сколько усопших героев окружают его гробницу, сколько славных могил украшают страну, сторожимую снеговым Кавказом, и это все ученики Цицианова. А сколько еще в живых, которым завещал он свою мудрость, любовь к правде и презрение всех благ земли, когда дело идет о благоденствии народов и о славе России. Семена, брошенные его высоким умом и доблестной душой, созревали, поддерживали край в продолжение сорока лет и теперь приносят плоды. И кто не последует твоему примеру — жертвовать всем для славы отечества и воли Царя, направленной к благоденствию врученных им от Бога народов? Твоя могила есть залог счастья страны, принявшей в недра свои останки героя, и кто с пламенной любовью к славе и отечеству не придет в сей день к твоему праху воздать благоговейную дань благодарности и удивления»^[870].

Целый ряд публикаций должен был закрепить в сознании читателей газеты образ незаурядного государственного деятеля. 23 февраля было напечатано последнее письмо Цицианова бакинскому хану; 16 марта — воззвание Цицианова, обращенное к джарцам и белоканцам от 3 октября 1803 года; 23 марта — очерк о гибели генерала Гулякова; 27 апреля — «Письмо с дороги находящегося в свите наместника», в котором говорилось о том, как М.С. Воронцов приказал установить памятную доску на доме, где после взятия Гянджи (Елисаветполя) останавливался Цицианов. Книга А. Висковатова «Князь Павел Дмитриевич Цицианов», напечатанная в Тифлисе в 1845 году, — также проявление деятельности М.С. Воронцова по популяризации имен главных деятелей на Кавказе. Это прослеживается и в топонимике края, и в установлении памятных досок и монументов. Основой книги А. Висковатова, вероятно, служили официальные документы — формуляры, рапорты и пр., поскольку все, что не фиксировалось в послужном списке, нашло в этой работе крайне

скудное отражение^[871].

И все же отечественная историография не слишком баловала Цицианова своим вниманием. Хотя все историки давали самую высокую оценку личности и деятельности главнокомандующего, от создания основательного труда, ему посвященного, они почему-то отказывались. П.И. Ковалевский в своем двухтомном сочинении, увидевшем свет в 1915 году, с восхищением писал о П.Д. Цицианове: «Нужно было иметь командующим войсками и управителем края человека умного, честного, преданного России, образцового воина и любящего страну человека. Таким человеком оказался генерал Цицианов. По рождению грузин, по воспитанию и образованию истинный русский патриот, он участвовал уже в Кавказских походах и здесь и в других местах показал себя достойным назначения на данное место. Для него Грузия была часть России, и в России он любил Грузию, а в Грузии — Россию»^[872]. Периоду его управления краем в книге Ковалевского уделено несколько десятков страниц. Гибель Цицианова оценена Ковалевским как большая потеря, имевшая тяжелые последствия для Закавказья: «Смерть славного воина и великого администратора послужила поводом к тому, что все восточные хищники подняли голову, заключили взаимный союз и решили накинуться на Грузию»^[873].

Высокую оценку Цицианову дали и авторы многотомной монографии «Утверждение русского владычества на Кавказе»: «Преданный до обожания юному государю, необычайно умный, энергичный и честный, с блестящим воинским талантом и при том грузин по происхождению, он был здесь как нельзя более на месте и мог вынести на своих плечах всю тяжесть падавшей на него ответственности. К сожалению, он правил только три с половиной года и, занятый непрерывно делами военными и заграничными, не мог сделать много в гражданском управлении Грузией... Некоторая грубость и раздражительность, делавшие его не всегда справедливым, были его недостатками. Они заставили бежать от него нескольких самых способных чиновников, как, например, Буткова и Лофицкого, но при всем том император Александр был совершенно прав, когда при каждом назначении нового главнокомандующего он вспоминал Цицианова, признавая его незаменимым»^[874].

По мнению Н.Ф. Дубровина — пожалуй, самого маститого дореволюционного исследователя истории Кавказа, «...в своих административных распоряжениях князь Павел Дмитриевич становился в положение азиатских владетелей. Каждый из ханов, принявших подданство

России, был в глазах главнокомандующего лицом, ему подвластным. Относительно тех ханов, которые еще сохраняли независимость, князь Цицианов относился как сильный к слабому. Он поступал в этом случае точно так же, как поступали между собой ханы и даже мелкие владельцы... Зная нравы и обычаи окружающих народов, князь Цицианов сообразно тому и держал себя относительно горских владельцев»^[875]. Дубровин акцентировал внимание на манере управления князя, не отмечая того обстоятельства, что не только знание местной политической культуры заставляло его разыгрывать роль восточного владыки. В распоряжении Цицианова имелись крайне скудные административные ресурсы — несколько десятков чиновников, приехавших из России. При этом качество этих самых административных ресурсов оставляло желать лучшего (и в плане образования, и в плане морального уровня). Таким образом, тогдашнему представителю коронной власти просто не оставалось ничего иного, как использовать управленческий аппарат, доставшийся ему от царя Георгия XII. Кроме того, русские оказались первыми, кто принес «европейские понятия» в политическую жизнь региона, где ранее нрав повелителя полностью определял его отношения с соседями и собственными подданными.

В отличие от исторических сочинений, в составе и организации экспозиции Кавказского военно-исторического музея образ этого незаурядного государственного деятеля выглядел не слишком ярко. Прежде всего, посетителям не был представлен портрет главнокомандующего. На стенде, ему посвященном, имелась следующая информация, в которой нашли отражение различные факты его жизни, а также обстоятельства гибели и посмертная судьба останков:

«Князь П.Д. Цицианов происходил из знатной грузинской княжеской фамилии, родился в гор. Москве. Князь Цицианов, ученик Суворова, смелый, решительный и энергичный, 11-го сентября 1802 года был назначен на место генерала Кнорринга главнокомандующим в Грузии; в короткое время своего управления он успел успокоить Грузию и совершенно изменить карту всего края. 3-го января 1804 года после кровопролитного штурма взял Ганжу (ныне гор. Елисаветполь) и, уничтожив Ганжинское ханство, заставил Карабахского, Шекинского и Ширванского ханов добровольно признать над собой русскую власть. При нем Мингрелия и Имеретия также поступили в русское подданство. Упорствовал только Гуссейн-Кули-хан Бакинский, но и тот смирился при появлении русского отряда под стенами Баку. Когда же 8-го февраля 1806 года князь Цицианов с большой свитой приблизился к Гуссейн-Кули-хану

для принятия крепостных ключей, один из ханских слуг убил Цицианова из пистолета. Русские войска, застигнутые неожиданной катастрофой, отступили от крепости. Тело Цицианова осталось в руках неприятеля. Бакинцы отрубили руки и голову и отправили их персидскому шаху. После окончательного покорения Баку останки доблестного вождя перенесены были в Тифлис и ныне покоятся в Сионском соборе, в особой гробнице по правую сторону алтаря. В 1891 году, чтоб сохранить его имя на вечные времена, среди Кавказских войск 156-му Елисаветпольскому полку повелено именоваться Елисаветпольским генерала князя Цицианова полком»^[876].

При этом по какой-то причине Цицианов «понижен» в чине на целых два ранга и назван генерал-майором! Очень показательная ошибка!

Что же касается захоронения князя П.Д. Цицианова в тифлисском Сионском соборе, то сюда останки князя были перенесены 27 ноября 1811 года из маленькой армянской церкви недалеко от Баку. По пути следования траурного кортежа были построены войска, организованы церковные службы. Над склепом установлен памятник работы инженер-подполковника Кондратьева. Вот как он выглядел в начале XX столетия:

«Памятник, прислоненный к стене, изображает собой гроб, поставленный на небольшом пьедестале из местного камня, окрашен масляной коричневой краской и покрыт лаком; пьедестал белый, а цоколь — серого цвета. Единственное украшение надмогильного памятника составляет медный, впрочем, весьма грубой работы, щит, утверченный над гробом и изображающий герб покойного князя. Щит разделен на четыре части; в верхнем ряду наклоненное знамя, по древку которого скачет всадник, и лепестки цветка, по вероятности лилии; в нижнем ряду, с левой стороны, широкая лента, идущая диагональю с латинской буквой на ней S; с правой стороны — рог изобилия. Над щитом княжеская корона, а по сторонам небольшая военная арматура, изображающая пушки, знамена и ядра»^[877].

О победах князя П.Д. Цицианова рассказывали следующие экспонаты «Храма славы», как неофициально называли Тифлисский военно-исторический музей. Прежде всего это девять знамен Гянджинских, в том числе «главное», имевшее изображение меча с двумя концами и принадлежавшее Джавад-хану. Кроме того, имелось знамя, как указано в каталоге, «взятое Тифлисским егерским полком 15 июля 1804 года под Эриванью при отражении персидской армии под предводительством самого Фет-Али-шаха. Знамя пробито в нескольких местах пулями». Там же

хранилось и знамя, «взятое поручиком 9-го егерского полка Саврановым 15 июля 1803 года при нападении персиян на вагенбург во время блокады Эривани князем П.Д. Цициановым». Рядом с этими мемориальными предметами помещался бунчук Гянджинского Джават-хана, «взятый при штурме крепости Гянджи (ныне город Елисаветполь) отрядом князя П.Д. Цицианова 3 января 1804 года». Посетители видели также два железных ключа, взятые при штурме Гянджи, медаль на александровской ленте с надписью: «За труды и храбрость при взятии Гянджи 4 января 1804 года», а также русские бомбы и ядра, найденные в городе Елисаветполе на месте бывшей крепости Гянджи^[878].

Довольно скромно представлено «время Цицианова» в иллюстрированном издании Б.С. Эсадзе «Боевые подвиги российских войск. Альбом картинной галереи Кавказского военно-исторического музея», опубликованном в 1899 году. Портрета самого генерала в экспозиции не оказалось, как, впрочем, портретов еще пяти других главнокомандующих на Кавказе — Г.В. Розена, Е.А. Головина, Н.Ф. Ртищева, Ф.О. Паулуччи, А.И. Нейдгардта. На двенадцати досках, где записаны важнейшие события в истории покорения Кавказа, среди сотни записей только две относятся к времени Цицианова — взятие Гянджи в 1804 году и геройская оборона полковника Карягина у Шах-Булаха. Впрочем, во введении к книге нашему герою уделена целая страница, в то время как остальным главнокомандующим (до Ермолова) — лишь по несколько слов^[879].

При И.Ф. Паскевиче была сделана попытка установить новый монумент Цицианову. Главнокомандующий на Кавказе в 1826—1831 годах писал императору: «В Тифлисе в Сионском соборе находится памятник бывшему главнокомандующему в Грузии генералу от инфантерии Цицианову, воздвигнутый несоответственно заслугам, оказанным им в этом краю». К прошению на высочайшее имя прилагался проект нового, более солидного мемориального сооружения. 1 ноября 1832 года было получено согласие Николая I. Архитектор Штауберг подготовил проект монумента, в 1838 году в Тифлис были доставлены бронзовые литеры для надписей, а также заготовки из яшмы и порфира для самого сооружения. Однако нового памятника не появилось и судьба его неизвестна. Как отклик на инициативу И.Ф. Паскевича установить новый памятник Цицианову можно расценить появление в официозе Военного министерства газете «Русский инвалид» под общим заголовком «Материалы для истории войны с горцами и персиянами» трех публикаций, напоминавших России о заслугах этого

человека. Первая представляла собой рапорт Цицианова от 19 марта 1803 года о боевых действиях против лезгин, а вторая и третья — рапорт генерала В.С. Гулякова о разгроме лезгин при урочище Урдо^[880].

Молчаливым памятником Цицианову является кирпичная колокольня Сионского собора в Тифлисе, не вполне гармонирующая с общим обликом этого величественного здания из природного камня. Ее воздвигли в начале XIX столетия на средства, которые пожертвовали участники похода на Гянджу. В самом этом городе на доме, где останавливался Цицианов, при М.С. Воронцове установили мраморную доску с вызолоченной надписью: «Здесь жил покоритель Гянджи князь Цицианов»^[881]. На месте первой могилы у стен Баку в 1846 году по распоряжению Воронцова посредине Цициановского сквера установили каменный обелиск с двумя ведущими к нему лестницами. На передней стороне стелы — медальон с изображением двух ключей, пистолета и кинжала, что должно было напоминать об обстоятельствах гибели генерала^[882].

В начале XX столетия историческая аргументация заняла важное место в инструментарии политиков. Имя Павла Дмитриевича Цицианова трижды упоминалось в стенах Государственной думы во время двухмесячных прений по так называемому «Кавказскому вопросу» (декабрь 1908 — февраль 1909). Сначала депутат И.И. Гайдаров сослался на то, что этот главнокомандующий на Кавказе называл взятки чиновникам (пешкешу) злом, парализующим нормальную деятельность администрации. Депутат О.Т. Сагателян, доказывая приверженность армян Российскому государству, напомнил о их активном участии в походах на Гянджу и Эривань под командованием генерала Цицианова. Наконец, депутат П.В. Каменский от имени думских центристов выразил сожаление по поводу того, что существовавшая в России система управления «не сумела сгруппировать те элементы, из которых вышли исторические личности, герои русского народа; из которых вышел грузинский князь Багратион, герой 1812 года, грузин князь Цицианов, армянин князь Аргутинский-Долгоруков, памятник которому стоит в Темир-Хан-Шуре за оказанные услуги Русскому государству, князь Бебутов, всем известный Лорис-Меликов, Лазарев, Теркугасов и, наконец, Алиханов-Аварский, бескровно присоединивший Мерв к Русскому государству и павший, разорванный бомбой при исполнении своих обязанностей»^[883].

Примечательно, что с пиететом отзывались о князе Цицианове представители различных политических партий — социал-демократ, трудовик и октябрист.

Нельзя сказать, что Цицианов был недооценен современниками и забыт потомками. Однако то, что он оказался в «исторической тени», — несомненный факт. Свидетельство тому — список сюжетов для батальных картин, заказанных Военным министерством известному художнику-баталисту Ф.А. Рубо для Тифлисского военно-исторического музея — «Храма славы». 17 полотен напоминали о важнейших с официальной точки зрения событиях: «Вступление императора Петра Великого в Тарки 13 июня 1722 года»; «Вступление русских войск в Тифлис 26 ноября 1799 года»; «Штурм Ленкорани генералом Котляревским 31 декабря 1812 года»; «Сражение под Елисаветполем 13 сентября 1826 года»; «Сдача крепости Эривани 1 октября 1827 года»; «Штурм аула Гимры 17 октября 1832 года»; «Взятие Ахульго 22 августа 1839 года»; «Штурм черкесами Михайловского укрепления 22 марта 1840 года»; «Штурм крепости Салты 14 сентября 1847 года»; «Смерть Слепцова 10 декабря 1851 года», «Взятие аула Дарго 6 июля 1845 года»; «Сражение при Курюк-Дара 24 июля 1854 года»; «Переход князя Аргутинского через снежные горы Кавказа»; «Взятие Гуниба и плен Шамиля 25 августа 1859 года»; «Штурм Карса в ночь на 6 ноября 1877 года». Справедливости ради отметим, что такой состав картинной галереи оставлял без «художественного оформления» и те времена, когда главнокомандующими на Кавказе были И.В. Гудович, Ф.О. Паулуччи, А.П. Торماسов, А.В. Головин и даже А.П. Ермолов...

Для советской историографии Цицианов оказался «невостребованной фигурой» по целому ряду обстоятельств. Как известно, до конца 1980-х годов страницы научных трудов вообще были «малолюдными», на них допускали лишь определенное количество персонажей. Даже список «царских» военачальников, «разрешенных» к упоминанию, оказался неприлично коротким для державы, занявшей с помощью оружия шестую часть суши. Для Кавказа считалось достаточным присутствие на страницах исторических работ Ермолова и Шамиля. Процесс включения Грузии в состав Российской империи подавался предельно схематично, с умалчиванием о деталях, бросавших тень на знаменитый тезис о добровольном вхождении народов в состав многонационального Российского государства. Да и Русско-персидская война 1806—1813 годов не стала «окончательной» в решении спора о границе в Закавказье и осталась в исторической тени, подобно ряду других военных конфликтов.

Деятельность и личность П.Д. Цицианова стали предметом научного исследования только в постсоветскую эпоху, когда историки освободились от идеологического давления и стали искать корни Кавказской войны не в тасовании тезисов о ее «национально-освободительном» или

«антифеодальном» характере, а в глубоком анализе обстоятельств присоединения Кавказа к России. Именно тогда и появились на свет ранее «неудобные» подробности и оказались востребованными ранее забытые лица. Цицианов стал одним из главных героев книги Якова Аркадьевича Гордина «Кавказ: Земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в.», в которой сказано новое слово в изучении Кавказской войны. Во многом это объясняется тем, что автор отказывается «исчислять» начало этого военного конфликта от основания крепости Грозная, как это было принято ранее. «Князь Павел Дмитриевич Цицианов — персонаж малоизвестный или вовсе неизвестный даже любителям русской истории, — пишет Я.А. Гордин. — Между тем именно он заложил фундамент того многообразного, жестокого, трагического явления, которое мы называем Кавказской войной. Именно он определил основные черты взаимоотношения России и горских народов на десятилетия вперед, именно он наметил основы и силовой, и мирной политики»^[884]. Гордин попытался разобраться в причинах явной враждебности И.В. Гудовича к П.Д. Цицианову. По его мнению, конфликт между ними зародился в 1796 году, когда второго «приставили» к Валериану Зубову, возглавившему корпус во время Персидского похода. Но прямых свидетельств о их ссоре на этой почве не имеется. К тому же Цицианов присоединился к экспедиционному корпусу, когда главная операция — взятие Дербента — уже завершилась. Более важной причиной неприятия Гудовичем цициановского наследия выглядит диаметрально противоположное во взглядах на принципы «умиротворения» Кавказа. Здесь мы полностью согласны с Гординым, что Гудович «...смотрел на горцев как на порочных российских недорослей, которым недостает правильного понимания — что такое хорошо и что такое плохо», тогда как «...в поведении Цицианова по отношению к горцам, да и грузинам нет и следа "просветительской педагогики" Гудовича»^[885]. Не вызывает сомнений и оценка Гординым цициановского стиля управления Кавказом^[886]. Но даже выделение целой главы для описания деятельности и характеристики этой действительно недооцененной фигуры не отменяет необходимости написания отдельной биографии Павла Дмитриевича Цицианова.

История, как известно, не признает сослагательного наклонения. Но никто не может оспорить то, что П.Д. Цицианов во время кампании 1794 года стал одним из лучших «молодых» генералов России. Тогда вместе с ним получили награды за отличие П. Х. Витгенштейн, А.П. Ермолов, П.И. Багратион, П.П. Коновницын и другие военачальники, прославившиеся в 1812—1814 годах. Можно быть уверенным: если бы Цицианов дожил до

этой великой эпопеи, Александр I наверняка отозвал бы его, как отозвал Торماسова и Паулуччи, и имя кавказского героя оказалось бы вписанным золотыми буквами в историю «одоления Наполеона», а его портрет появился бы на видном месте в Военной галерее Зимнего дворца.

В 1901 году обсуждался проект памятника, посвященного 100-летию присоединения Грузии к России. Автор одной из статей на эту тему обратил внимание читателей на то, что вид этого монумента должен способствовать сближению народов и правдиво и в то же время деликатно рассказывать о событиях минувших дней, дабы «и грузину, и русскому равно было бы любо проходить мимо памятника и указывать на него своим детям»^[887]. Если бы скульпторам пришла в голову идея сделать одной из фигур этого памятника Павла Дмитриевича Цицианова, то этому решению вряд ли нашлись бы противники....Увы, такого монумента нет. Но время постановки его не ушло окончательно. Сейчас трудно сказать, к какому юбилею Манифеста 12 сентября 1801 года он будет воздвигнут и даже то, где он будет стоять. Но в том, что такой памятник великому событию появится, сомневаться не приходится. Будет ли на этом памятнике имя Цицианова, зависит от справедливости создателей монумента, от ясности исторической памяти современников. Пусть они будут справедливее нас! Пусть они помнят творцов общей истории!

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ П.Д. ЦИЦИАНОВА

1754, 8 сентября — Павел Дмитриевич Цицианов родился в Москве, в княжеской грузинской семье.

1761 — внесен в списки лейб-гвардии Преображенского полка.

1765 — опубликовал свое первое сочинение «Экономия жизни человеческой, или Сокращение индейского нравоучения, сочиненное некоторым древним брамином...».

1767 — опубликовал сочинение «Полевой инженер, или Офицер, по случаю нужды строящий полевое укрепление».

1772 — произведен в прапорщики.

1777 — командир егерской роты Преображенского полка.

1778, 7 января — переведен с чином подполковника в Тобольский пехотный полк.

1786, 12 февраля — получил чин полковника и назначен командиром Санкт-Петербургского гренадерского полка.

1787—1792 — участие в Русско-турецкой войне.

1788 — участие в осаде крепости Хотин.

1789 — участие в сражении при реке Сальге и осаде Бендер.

1790 — получил поручение сформировать «новый» Санкт-Петербургский гренадерский полк. Получил чин бригадира.

1793, 2 сентября — получил чин генерал-майора.

1794 — отличился в Польской кампании, получил в награду ордена Святого Владимира 2-й степени, Святого Георгия 3-й степени, золотую саблю с алмазами и надписью «За храбрость», а также 1500 душ крепостных в Минской губернии.

1796 — участие в Персидском походе, назначен комендантом города Баку. 29 ноября — назначен шефом Суздальского мушкетерского полка.

1797, 13 октября — вышел в отставку по состоянию здоровья.

1801 — возвращен на службу, назначен экспедитором в военной части в канцелярию Государственного совета.

15 сентября — произведен в чин генерал-лейтенанта.

1802, 11 сентября — назначен на должность инспектора Кавказской линии и главнокомандующего в Грузии. 2 декабря — прибыл на место службы.

1803, март — «покорение» Джаро-Белоканской области.
4 декабря — принятие в подданство Мингрелии.
1804, январь — взятие крепости Гянджа.
4 февраля — награжден чином генерала от инфантерии.
25 апреля — принятие в подданство Имеретии.
20—21 июня — разгром персидских войск у Эчмиадзина.
22 июля — награжден орденом Святого Александра Невского.
Осень — снятие осады Эривани, возвращение в Грузию.
1805, 21 февраля — принятие в подданство Карабахского ханства.
20 мая — принятие в подданство Шекинского ханства.
25 октября — принятие в подданство Шурагельского ханства.
25 декабря — принятие в подданство Ширванского ханства.
1806, 8 февраля — гибель у стен Баку во время переговоров с Гуссейн-Кули-ханом.
1811, 27 ноября — перенесение праха П.Д. Цицианова из Баку в Тифлис и торжественное погребение его в Сионском соборе.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- А.В. Суворов. Документы. М., 1952.
- Абдул-Латиф-Эфенди. История Шекинских ханов. Баку, 1926.
- Авалов З. Присоединение Грузии к России. СПб., 1901.
- Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Архив Главного управления наместника Кавказского. Т. 1—12. Тифлис, 1868.
- Алиев Б. Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана. XVII — начало XIX в. Кн. 1. Махачкала, 1999.
- Армянское войско в XVIII веке. Из истории армяно-русского военного содружества. Исследование и документы. Ереван, 1968.
- Астольфде Кюстин. Россия в 1839 году. Т. 1. М, 1996.
- Ахметшин Ш. К., Насеров Ш. А. Долг. Отвага. Честь. Страницы истории татарских воинских частей в Российской армии и Императорской гвардии. СПб., 2006.
- Белокуров А.С. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 1. 1578-1613. М., 1889.
- Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999.
- Блиев М.М. Россия и горцы Северного Кавказа на пути к цивилизации. М., 2004.
- Бурнашев С.Н. Новые материалы для жизнеописания и деятельности С.Д. Бурнашева, бывшего в Грузии с 1783 по 1787 год. СПб., 1901.
- Бурнашев Н. Описание горских народов. Курск, 1794.
- Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. 4. 1. СПб., 1869.
- Вейденбаум Е.Г. Кавказские этюды. Тифлис, 1901.
- Величко В.Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку, 1990.
- Вешапели Г. Единство Грузии и русский протекторат. М., 1917.
- Висковатов А.В. Князь Павел Дмитриевич Цицианов. Тифлис, 1845.
- Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 7. Ч. 1. СПб., 1848.
- Волков С.В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 1—2. М., 2009.
- Волконский Н.А. Кавказ в 1787—1799 годах // Кавказский сборник. Т.

15. Тифлис, 1894.

Восстание и война 1794 г. в Литовской провинции. Сб. документов. Минск, 2001.

Габаев Г. Калмыки и татары под знаменами Императора Александра I // Журнал Императорского Российского Военно-Исторического общества. 1913. № 9-10.

Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. XVIII — первая половина XIX в. М., 1967.

Георгиевский трактат. Договор 1783 года о вступлении Восточной Грузии под покровительство России. Тбилиси, 1960.

Гогитидзе М. Грузинский генералитет (1699—1921). Биографический справочник. Киев, 2001.

Гордин Я.А. Кавказ: Земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб., 2000.

Грабовский К.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 9. Тифлис, 1876.

Гржегоржевский И.А. Генерал-лейтенант Клюки-фон-Клюгенау. Очерк военных действий и событий на Кавказе. 1818—1850 // Русская старина. 1874. Т. 11.

Гудович И.В. Записки о службе генерал-фельдмаршала графа И.В. Гудовича, составленные им самим // Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 гг. СПб., 2002.

Депеша французского консула в Тифлисе виконта де Кастильона к министру иностранных дел Гизо. 27 мая 1844 г. // Тарих. 1996. № 2/3.

Де-Пуле М.Ф. Станислав-Август Понятовский в Гродне и Литва в 1794-1797 гг. 2-е изд. СПб., 1871.

Джаро-белоканцы до XIX столетия // Кавказ. 1846. № 3.

Дневник секунд-майора Черниговского карабинерного полка барона Р. фон Каульбарса // Журнал Русского Военно-Исторического общества. 1910. № 1.

Долгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследования и тексты. М., 1972.

Дондуковкорсаков А.М. Мои воспоминания. 1840—1844 // Старина и новизна. Кн. 5. М, 1902.

Дубровин Н.Ф. Алексей Петрович Ермолов на Кавказе // Военный сборник. 1882. № 5.

Дубровин Н.Ф. Георгий XII, последний царь Грузии, и присоединение ее к России. СПб., 1867.

Дубровин Н.Ф. Деятельность Торماسова на Кавказе // Военный сборник. 1877. № 12.

Дубровин Н.Ф. Закавказье от 1803—1806 года. СПб., 1866.

Дубровин Н, Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1-6. СПб., 1906.

Ермолов А.П. Записки. 1818—1825 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000.

Ермолов А.П. Записки артиллерии полковника Ермолова с объяснением по большей части тех случаев, в которых он находился, и военных происшествий того времени // Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. 1. М., 1865.

Жерве К.К. Воспоминания // Исторический вестник. 1898. № 5.

Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка. 1726—1880. Т. 1. СПб., 1881.

Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815-1879. Т. 2. М., 1890.

Зубов П. Жизнь князя Павла Дмитриевича Цицианова. М., 1823.

Зубов Н.Я. Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800 по 1834 год. Т. 1. СПб., 1835.

Ибрагимбейли Х. М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX в. (Из военно-политической истории). М., 1969.

Иоселиани П. Исторический взгляд на состояние Грузии под властью царей-магометан. Тифлис, 1849.

Исмаил-Заде Д.И. И.И. Воронцов-Дашков — администратор, реформатор. СПб., 2008.

Картина Грузии, или Описание политического состояния царств карталинского и кахетинского, сделанное пребывающим при Его высочестве царе Карталинском и Кахетинском Ираклии Теймуразовиче полковником и кавалером Бурнашевым в Тифлисе в 1786 г. Тифлис, 1896.

Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель: в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Ч. 1. СПб., 1834.

Кипиани Д.И. Записки Дмитрия Ивановича Кипиани // Русская старина. Т. 50. 1886.

Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI—XVIII вв.). СПб., 1996.

Ковалевский П.И. Завоевание Кавказа Россией. Исторические очерки. СПб., 1911.

Колониальная политика российского царизма в Азербайджане. Ч. 1. М.; Л., 1936.

Коргуев Н. Русский флот в царствование императора Николая I. СПб., 1896.

Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861—1904. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.

Кортуа Н.М. Русско-грузинские взаимоотношения во второй половине XVIII в. Тбилиси, 1989.

Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен Св. Апостолов до XIX столетия. Сочинение Генерального штаба полковника Ракинта. 1862 Публ. В.А. Захарова / Сборник Русского исторического общества. № 2 (150). М., 2000.

Ланжерон С. Русская армия в год смерти Екатерины // Русская старина. Т. 83. 1895.

Лолиадзе Ш. В. Южная Грузия с середины XVIII в. по 50-е гг. XIX в. Тбилиси, 1973.

Лысков В. И Персидский поход Петра I. 1722—1723. М., 1951.

Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX в. М., 1947.

Махлаюк Н.П. Грузинцы в Закавказье. Боевая летопись 14-го гренадерского Грузинского генерала Котляревского полка. Второе столетие. 1800-1900. Тифлис, 1900.

Мачарадзе В.Г. Георгиевский трактат. Тбилиси, 1983.

Мегрелидзе Ш. В. Закавказье в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Тбилиси, 1972.

Михайловский-Данилевский А.И. Описание турецкой войны. Ч. 2. СПб., 1843.

Муравьев Н.Н. Записки Николая Николаевича Муравьева-Карсского // Русский архив. 1888. № 9.

Нарежный В. Черный год, или Горские князья. М., 1829. Ч. 1—2.

Натиев Д.Н. Памяти генерала князя Цицианова, шефа 156-го пехотного Елисаветпольского полка. СПб., 1910.

Нерсисян М.Г. Отечественная война 1812 года и народы Кавказа. Ереван, 1965.

Новоселов С. Генерал-майор Лев Львович Альбрант // Описание замечательных подвигов, совершенных на Кавказе. СПб., 1858.

Парсамян В.А. История армянского народа. Ереван, 1972.

Петров А.Н. Вторая Турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787-1791. СПб., 1880. Т. 1.

Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривосточного курса и судьбы армии и флота. 1730—1735. СПб.,

2001.

Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой трети XIX в. Внутренний строй и борьба с российским колониальным наступлением. Тифлис, 1934.

Пишчевич С.С. Известия о похождениях Семиона Степанова сына Пишчевича // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. М., 1881. Ч. 4.

Потто В.А. Исторический очерк Кавказских войск от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899.

Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1. СПб., 1897.

Правилова Е.А. Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801—1917. М., 2006.

Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. 4-е изд. Тифлис, 1913.

Санакоев М.П. Из истории боевого содружества русского и осетинского народов (XVIII — начало XX в.). Цхинвали, 1987.

Санковский П. Материалы для истории русских за Кавказом. Экспедиция против Эривани в 1804 году // Тифлисские ведомости. 1831.

Секретная инструкция, данная императором Николаем I полковнику Бартоломею перед отправлением в Персию с резолюцией императора Николая I относительно Грибоедова, и донесение полковника Бартоломея // Русская старина. 1910. Т. 142.

Смит фон Ф. Суворов и падение Польши. Ч. 1. СПб., 1866.

Соллогуб В. Биография генерала Котляревского. Тифлис, 1854.

Торнау Ф. Воспоминания Кавказского офицера // Русский вестник. 1864. № 9.

Тучков С.А. Записки. 1766—1808 // Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 гг. СПб., 2002.

Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 12. Тифлис, 1901.

Хелтуплишвили М.В. Вступление Грузии в состав Российской империи. Кутаиси, 1901.

Цицианов П.Д. Экономия жизни человеческой, или Сокращение индейского нравоучения, сочиненное некоторым древним брамином и обнаруженное чрез одного славного бонза пекинского на китайском языке, с которого в первых на английский, а потом на французский, ныне же на русский переведено лейб-гвардии Преображенского полку бомбардирами князь Егором и Павлом Цициановыми. М., 1765.

Цицианов П.Д. Полевой инженер, или Офицер, по случаю нужды

строящий полевое укрепление. М., 1767.

Цицианов П.Д. Юлия, или Щастливое раскаяние. Примечания исторические. М., 1775.

Чавчавадзе Г. Краткий исторический очерк положения Грузии. 1801—1831 гг. Из записок князя Герсевана Чавчавадзе // Кавказский сборник. Т. 23.

Чиабров Д. Война и грузины. Пг., 1915.

Чичинадзе З. Омусульманение грузин. Тбилиси, 1907.

Шадури В. Первый русский роман о Кавказе. Тбилиси, 1947.

Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. Екатеринодар, 1913.

Энгельгардт Л. К. Записки. М., 1867.

Эсадзе Б.С. Боевые подвиги российских войск. Альбом картинной галереи Кавказского военно-исторического музея. Тифлис, 1899.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

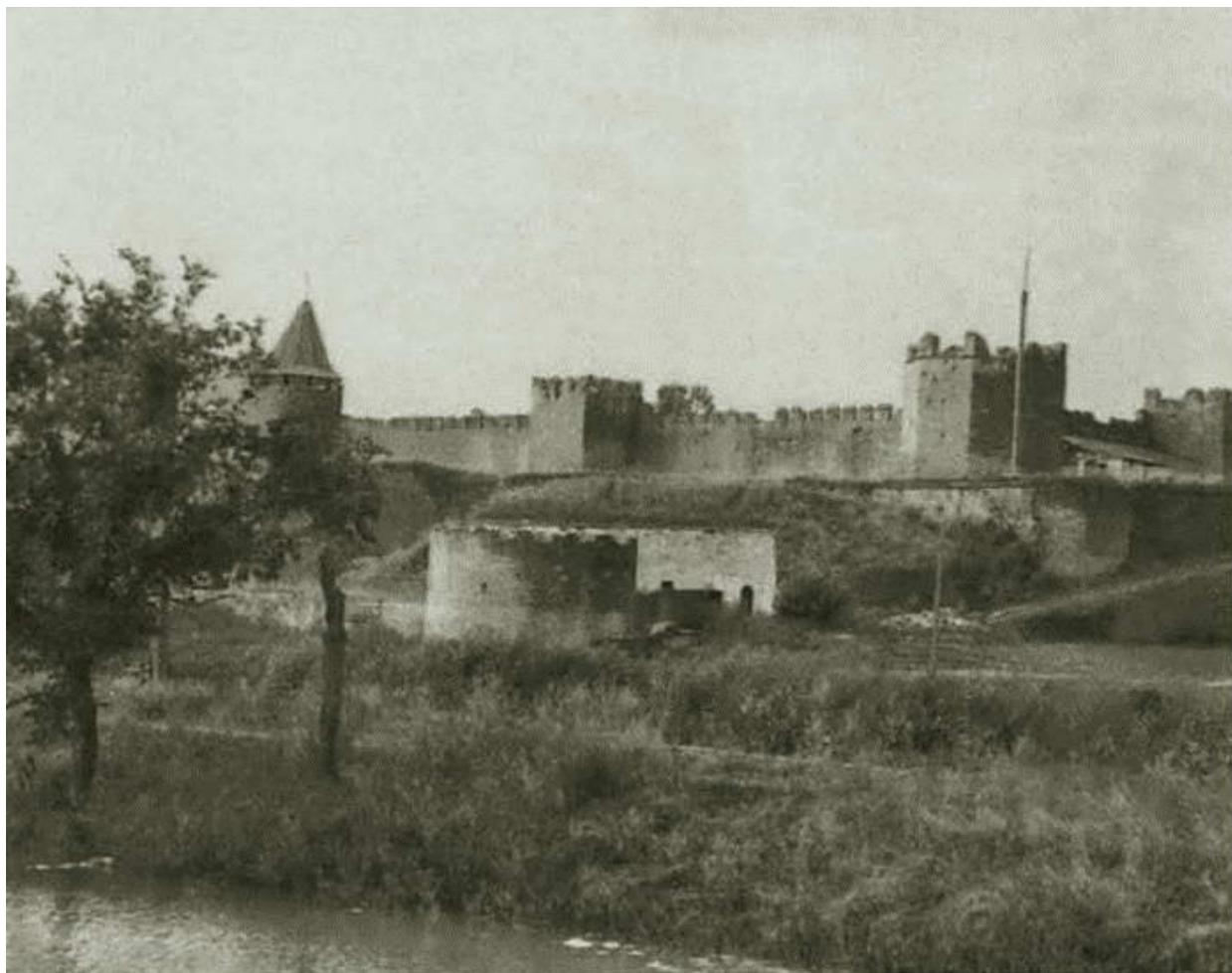
Князь Павел Дмитриевич Цуцанов

Граф Петр Александрович Румянцев

Александр Васильевич Суворов

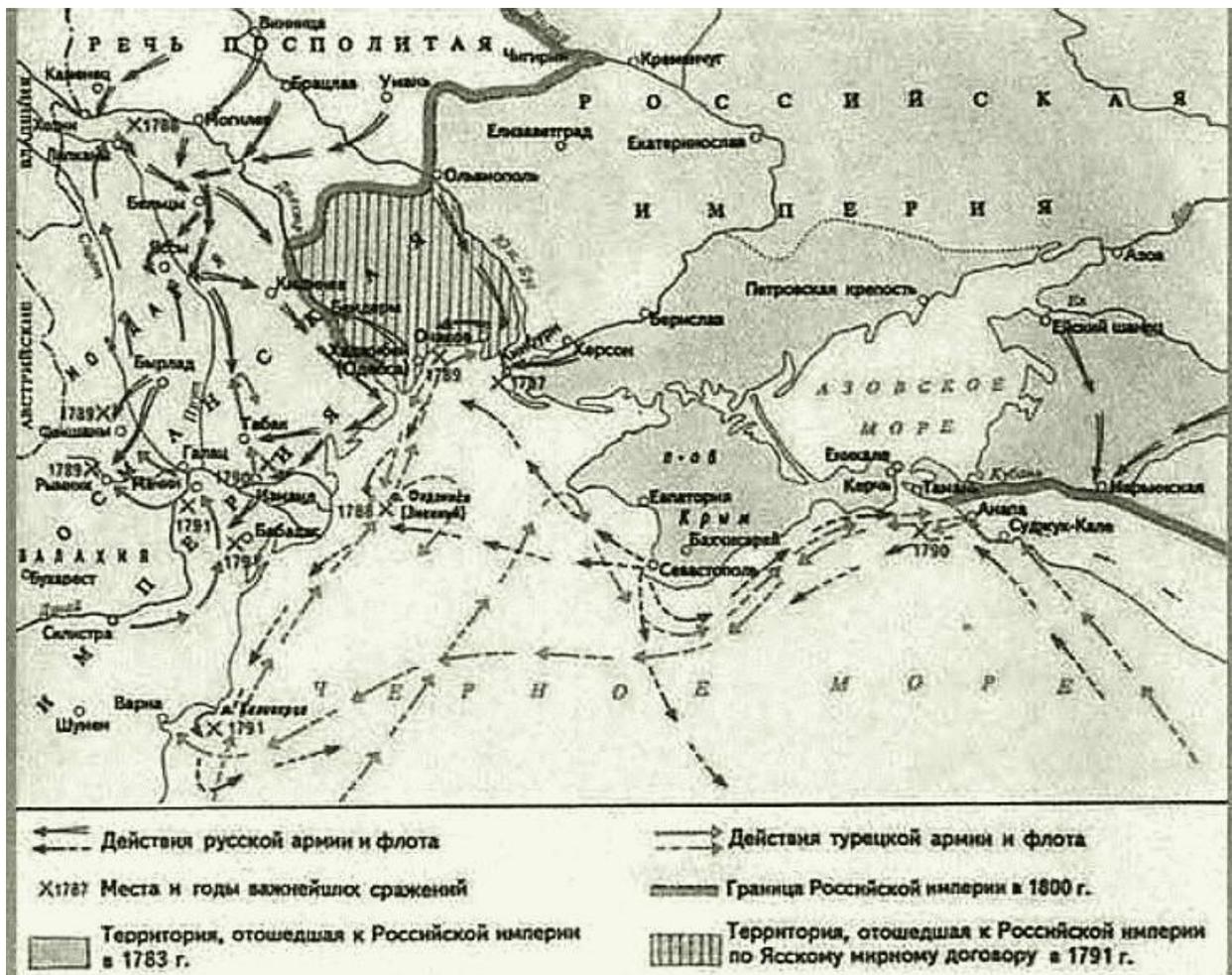
Крепость Бендеры. Современный вид

Князь Николай Васильевич Репин

Граф Иван Петрович Салтыков

Карта Русско-турецкой войны 1787—1791 годов

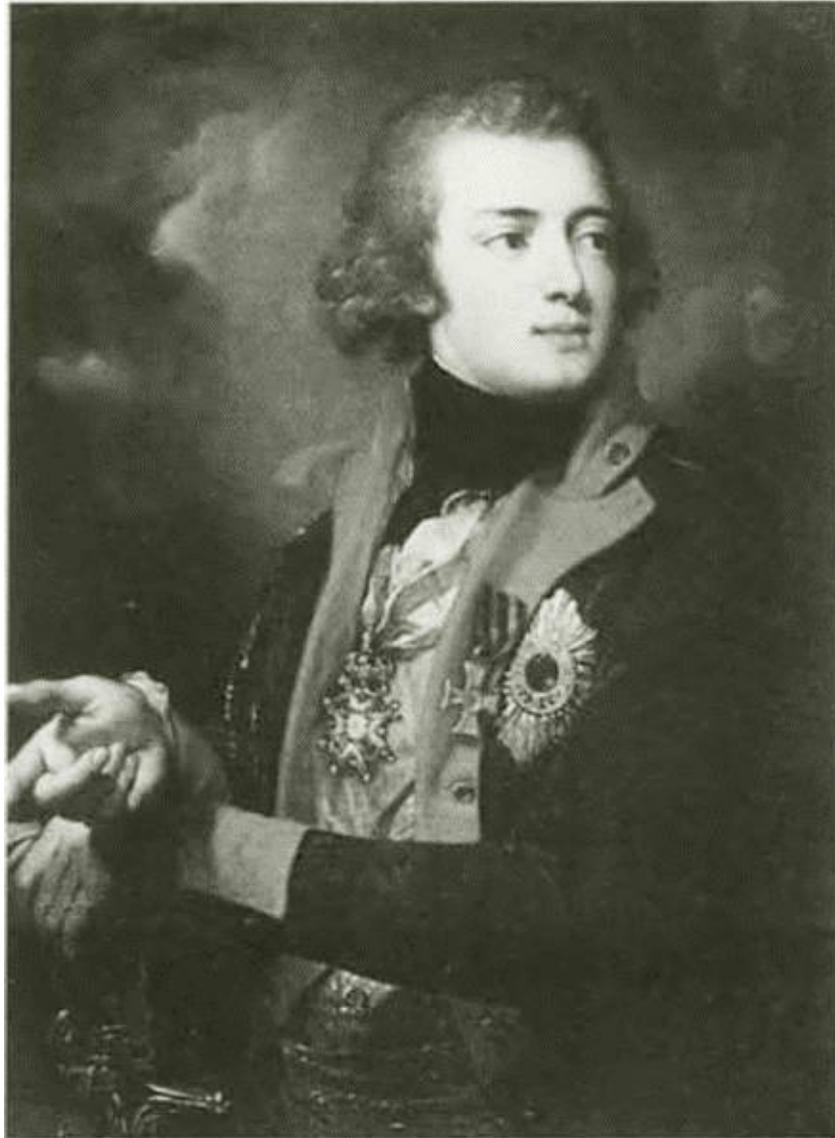
Императрица Екатерина II

Польский король Станислав Август Понятовский

Штурм Варшавского предместья Прага 24 сентября 1794 г.

Валериан Александрович Зубов

Дербент к началу XIX в.

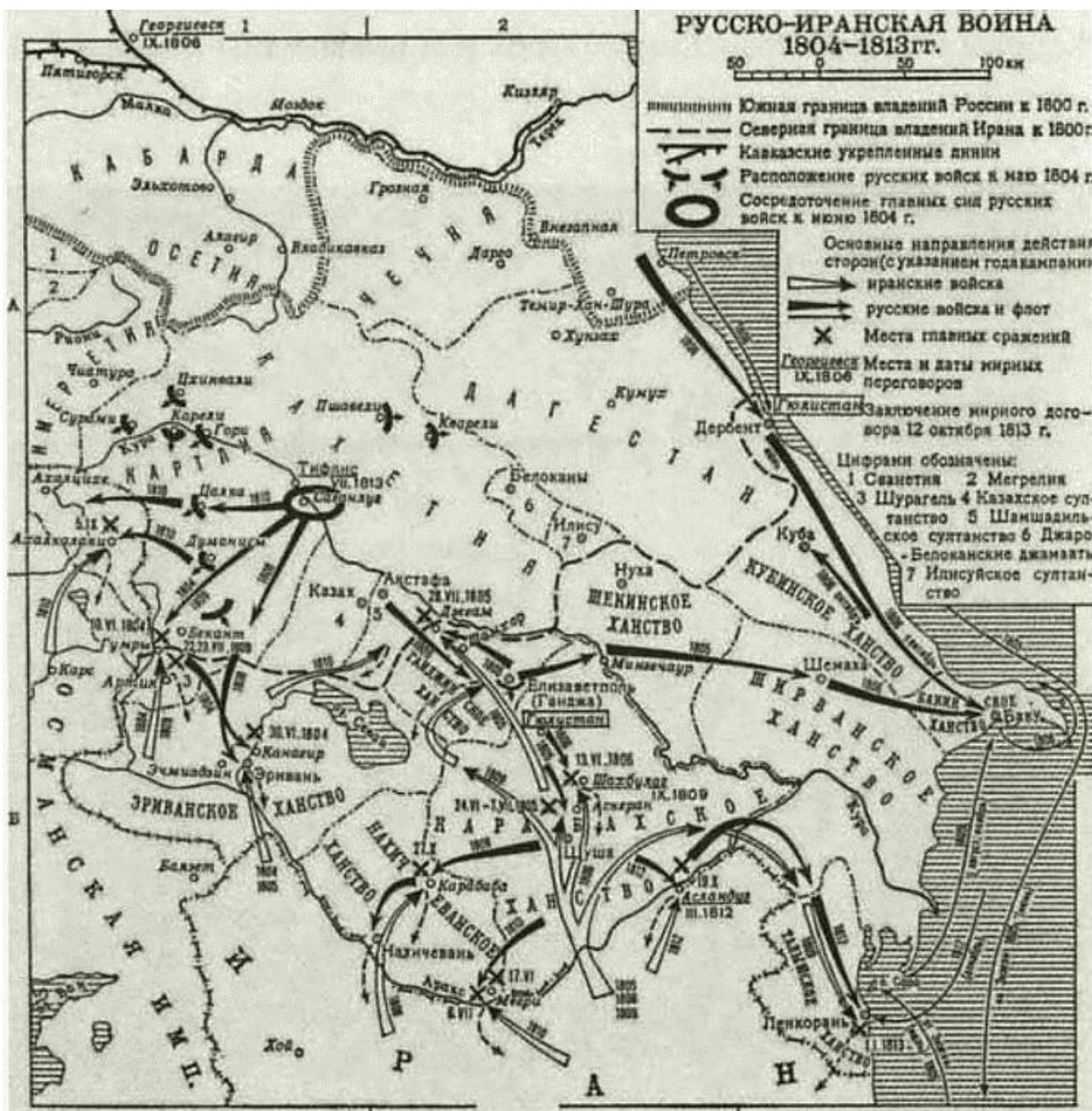
Лезгины

Император Александр I

Медаль за взятке Гянджи 3 января 1804 года. Реверс и аверс

Карта Русско-персидской войны 1804—1813 годов

Адам Ежи Чарторыйский

Князь Виктор Павлович Кочубей

Грузинские типы

Граф Александр Романович Воронцов

Граф Семен Романович Воронцов

Хевсуры

Карл Федорович Кнорринг

Сергей Алексеевич Тучков

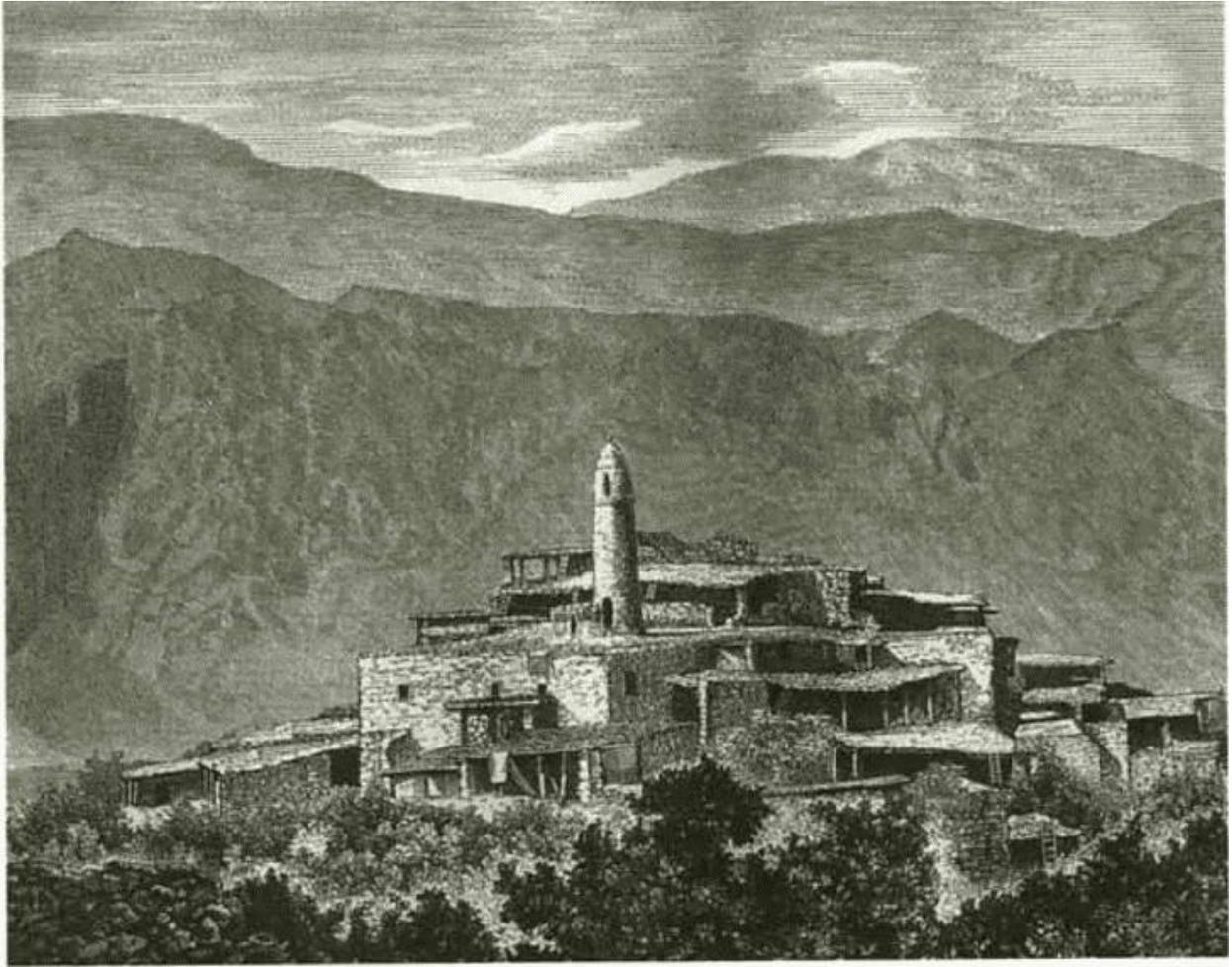
Укрепление Ларс на Военно-Грузинской дороге

Князь Дмитрии Михайлович Волконский

Граф Федор Васильевич Ростопчин

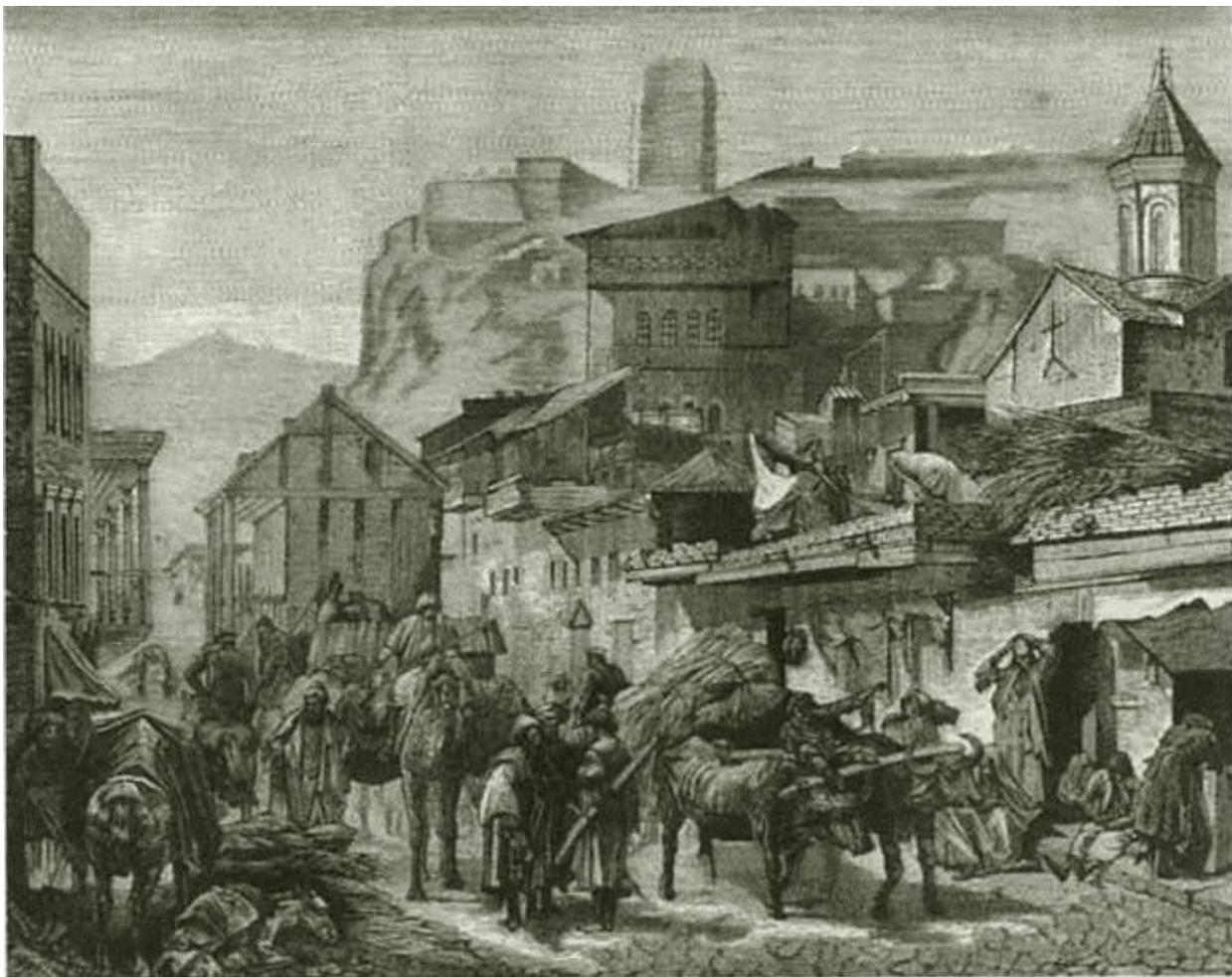
Аул Игали в Дагестане

Граф Михаил Семенович Воронцов

Граф Аполлос Аполлосович Мусин-Пушкин

Улица в Тифлисе

Петр Степанович Котляревский

Граф Ивам Васильевич Гудович

Эчмиадзинский монастырь

Алексей Петрович Ермолов

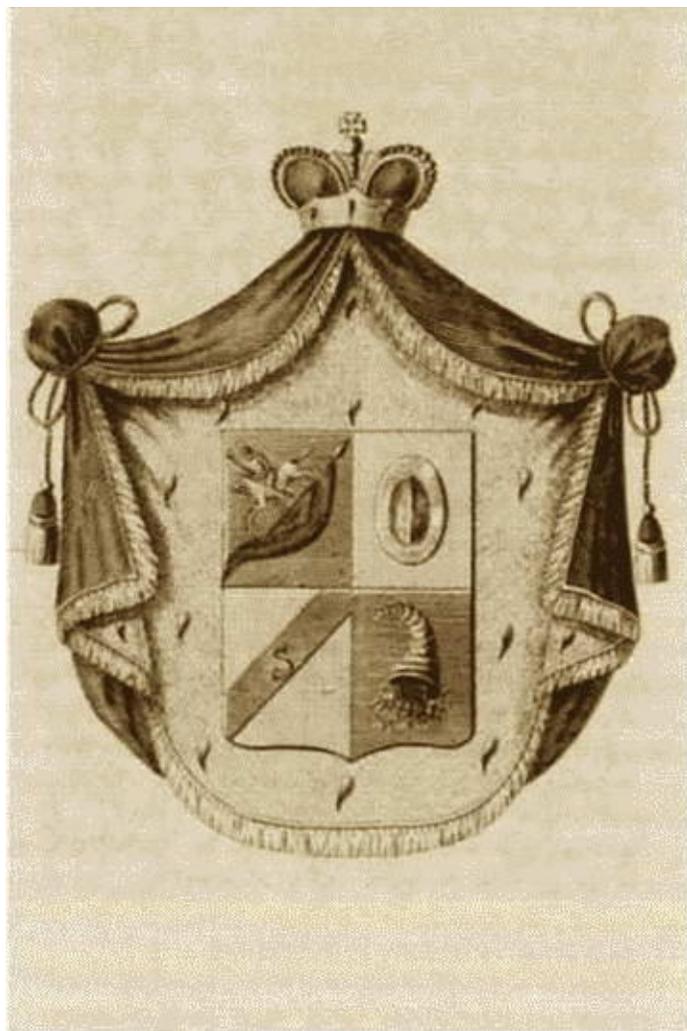
Религиозная церемония шиитов в Шуше

Генерал от инфантерии князь Павел Дмитриевич Цицианов. Внизу: виды города Баку, под стенами которого погиб Цицианов

Князь Михаил Дмитриевич Цицианов

Герб рода князей Цициановых

Медаль в «воздаяние за усердие, оказанное во время экспедиции тайного советника графа Мусина-Пушкина для приискания руд в хребтах Кавказских и Араратских гор»

Офицер и рядовой Воронежского гусарского полка с 1788 по 1796 год

Вахтанг VI царь Картли

Ираклий II, царь Грузии

Тифлис. Г. Г. Гагарин, 1840-е гг.

Дарьяльское ущелье. Н. Г. Чернецов. 1832 г.

Казак с пикой на лошади. А.А Орловский. 1810-е гг.

«Живой мост». Подвиг рядового Гаврилы Сидорова. Ф.А. Руба. 1897 г.

Черноморский и гребенский казаки о 10—20-е годы XIX века

Вид крепости Недреманная. 1804 г.

Георгий XII, последний царь Грузии

Католикос Арсений

Замок Ананури. В начале XIX века здесь располагался русский гарнизон, охранявший Военно-Грузинскую дорогу

Царица Дарья, вдова царя Ираклия II

Царица Мария, вдова царя Георгия XII

Вид Крестовой горы из селения близ Коби. Раскрашенная автолитография М.Ю. Лермонтова, 1837—1838 гг.

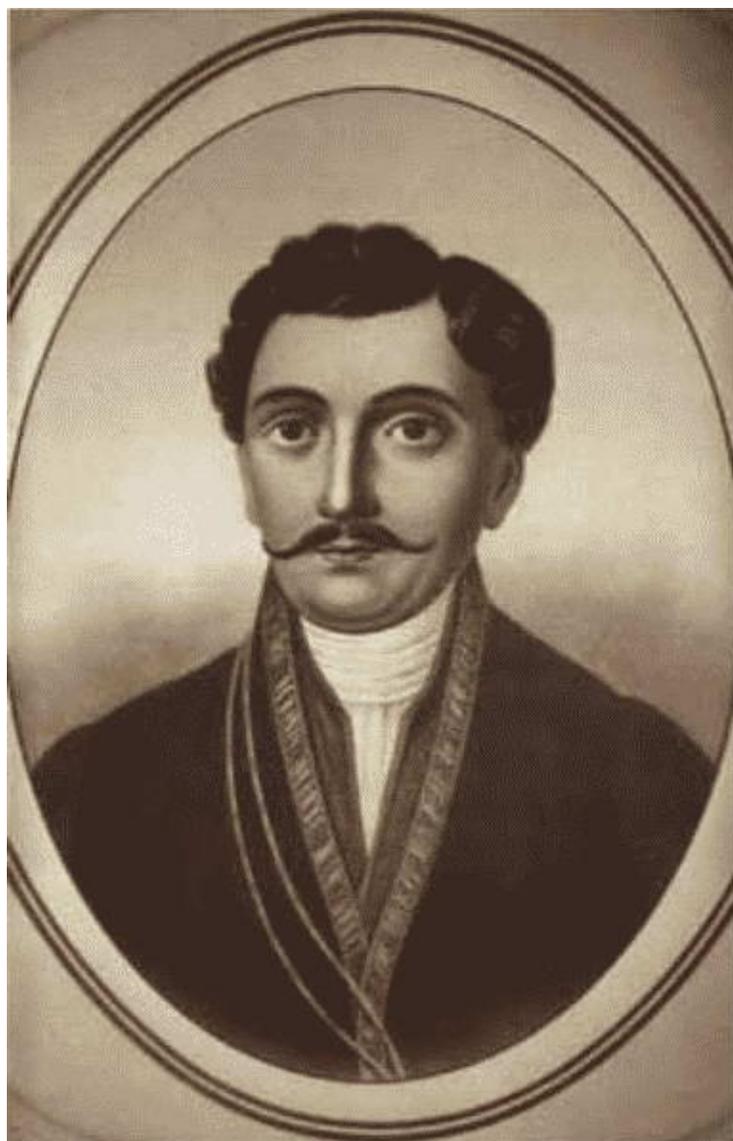
Царевич Давид Георгиевич

Царевич Вахтанг Ираклиевич

Казачи у горной речки. Ф.А. Рубо, 1898 г.

Царевич Парнаоз Ираклиевич

Анна, жена царевича Парнаоза

Погоня. К.И. Филиппов. 1867 г.

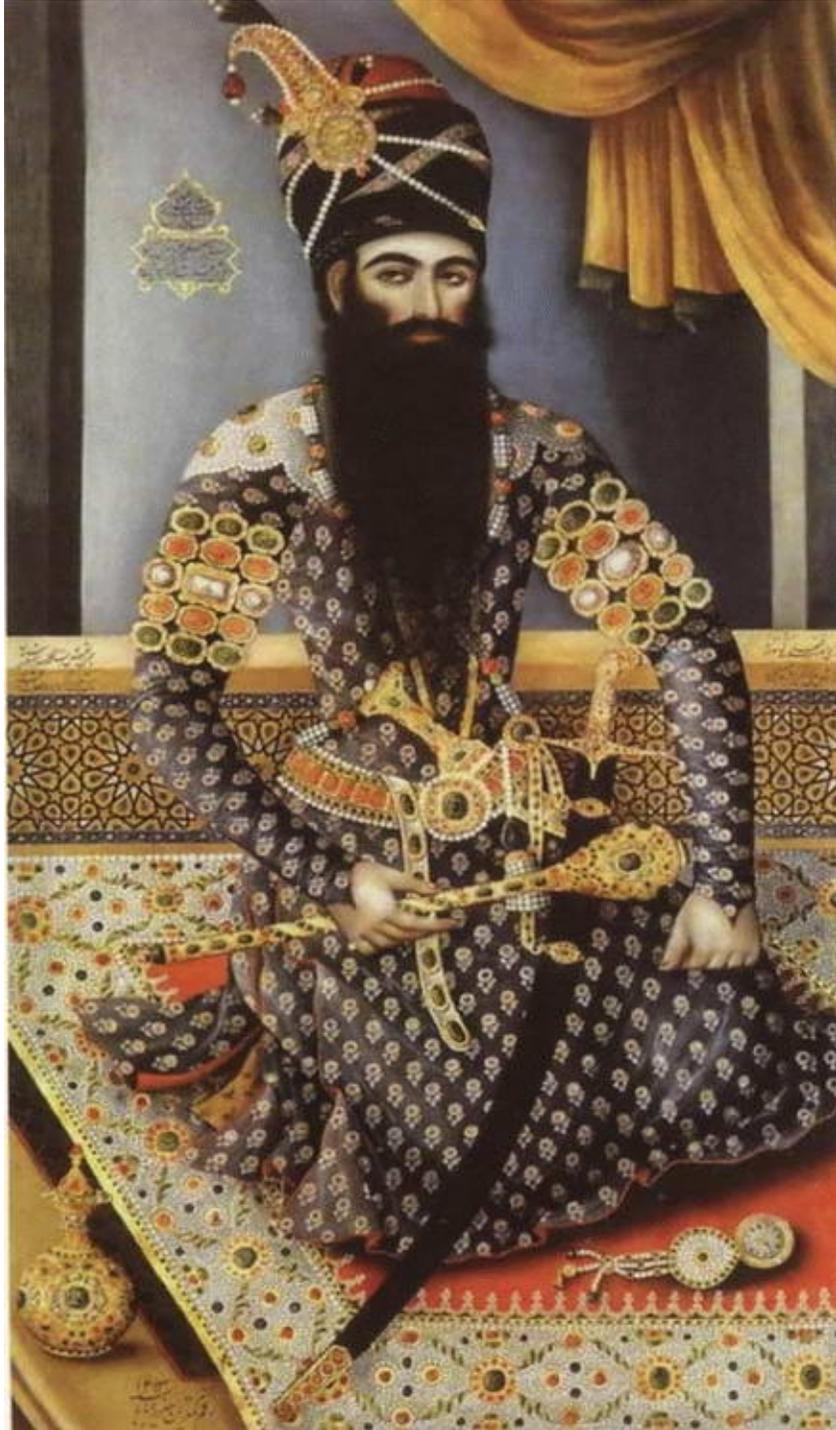
Царевич Баграт Георгиевич

Царевич Теймураз Георгиевич

Горцы в походе. Литография с оригинала Г.Г. Гагарина

Фет-Али-шах, или Баба-хан, правитель Персии

Соломон II, царь Имеретин

Дербентская цитадель

Грузинские милиционеры

Персидская мечеть в Эривани

Убийство князя П.Д. Цицианова. С картины М. Андреева

Цициановский сквер в Баку

notes

Зубов П. Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800 по 1834 год. Т. 1. СПб., 1835. С. VIII-IX (паг. 1-я).

См.: *Гизетти А.Л.* Библиографический указатель о военных действиях русских войск. СПб., 1901; *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1—6. СПб., 1871—1888; *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815—1879. Т. 1—3. М., 1888—1891; *Ковалевский И. И.* Завоевание Кавказа Россией. Исторические очерки. СПб., 1911; *Потто В.А.* Исторический очерк Кавказских войск от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899; *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1. СПб., 1897; *Фадеев Р.А.* 60 лет кавказской войны // Собр. соч. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1889.

Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. 4-е изд. Тифлис, 1913. С. IV.

Фадеев Р.А. Указ. соч. С. 4.

Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка. 1726—1880. Т. 1. СПб., 1881. С. 260.

Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (далее:АКАК). Архив Главного управления наместника Кавказского. Т. 2. Тифлис, 1868. С. III.

Архив князя Воронцова (далее: АКВ). Т. 36. М., 1890. С. 213—214.

Тучков С.А. Записки. 1766—1808 // Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 гг. СПб., 2002. С. 296-297, 306-307.

См. Даргинская трагедия. 1845 год. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2001.

Нарежный В. Черный год, или Горские князья. М., 1829. Ч. 1—2.

Баратов. Нашествие скопищ Шамиля на Кахетию в 1854 г. // Кавказский сборник. 1876. Т. 1; *Белеет К.* Несколько картин из Кавказской войны и нравов горцев. СПб., 1910; *Бенкендорф К.К.* Воспоминания гр. К.К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 г. // Русская старина. 1911. Т. 145; *Волконский Н.А.* Лезгинская экспедиция в Дидойское общество в 1857 г. // Кавказский сборник. Т. 2; *он же.* Окончательное покорение Восточного Кавказа (1859 год) // Кавказский сборник. Т. 4.

Большая советская энциклопедия. М., 1973. Т 11. С. 119.

См. подробнее: *Лапин В.В.* К вопросу о хронологических рамках и типологии Кавказской войны XVIII—XIX вв. // Страницы Российской истории. Проблемы. События. Люди. Сб. статей в честь Бориса Васильевича Ананьина. СПб., 2003. С. 97-98.

Грузинские дворянские акты и родословные росписи. Материалы для истории Грузии. М., 1893. С. V—VI.

Там же. С. 15.

Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 5. 1742—1743. СПб., 1889. С. 36. После окончания корпуса ему, как и ряду других воспитанников Сухопутного корпуса, был произведен экзамен при Академии наук, результаты которого были отражены в специальном аттестате, сохранившемся в архиве академии.

См.: *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1. С. 225; *Материалы для истории Императорской Академии наук.* Т. 5. С. 36-37.

Завещание статского советника князь Дмитрия Павловича Цицианова
детям своим, последуемое эпитафией. СПб., 1786. С. 3—8.

Зубов П. Жизнь князя Павла Дмитриевича Цицианова. М., 1823. С. 5-7.

Вместе с племянником он перевел с французского два сочинения: «Экономия жизни человеческой, или Сокращение индейского нравоучения, сочиненного некоторым древним брамином...» (1765) и «Полевой инженер, или Офицер, по случаю нужды строящий полевое укрепление» (1767).

См.: Настоящий Ревизор, комедия в трех днях или действиях, служащая продолжением комедии Ревизор, сочиненной г. Гоголем. СПб.: Типография Х. Гинце, 1836. 125 с. О принадлежности комедии князю Цицианову сообщает Н.С. Тихонравов (Первое представление «Ревизора» на московской сцене // Русская мысль. 1886. № 5. Отд. XII. С. 97) и др. См. также: *Ахвердян Р. С* Из истории русско-грузинских литературных взаимосвязей. Тбилиси, 1985. С. 77—85.

В последние десятилетия XIX — начале XX века князья Цициановы не занимали на правительственной службе выдающихся мест, которые бы оставили значительный след в истории. Известен князь Паата (Павел) Георгиевич Цицианов, в 1850-е годы служивший дворянским депутатом Горийского уезда. Князь Иосиф Иванович Цицианов служил чуть позднее в канцелярии попечителя Закавказского учебного округа. Наиболее выдающийся представитель рода, служивший в этот период времени, — князь Михаил Ираклиевич Цицианов (1847 — после 1903), полковник, награжденный за боевые отличия в Русско-турецкой войне 1877—1878 годов золотым оружием, орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава 2-й степени, орденом Святого Георгия 4-го класса, Святого Владимира 4-й степени за 25 лет беспорочной службы (1894), затем генерал-майор, командир 156-го Елизаветпольского генерала П.Д. Цицианова пехотного полка (с 1902 года). Сестра П.Д. Цицианова Мария вышла замуж за коллежского асессора князя Д.Е. Багратиона, известного в Грузии поэта (*Висковатов А.В. Князь Па вел Дмитриевич Цицианов. Тифлис, 1845. С. 69*). Трудно сказать почему, но та ветвь генеалогического древа древнего грузинского рода, к которой принадлежал Павел Дмитриевич, захирела. Из всех братьев генерала наследников по мужской линии оставил только Иван Дмитриевич, сыновья которого Дмитрий и Павел также посвятили себя военной службе. Пер вый 20 лет состоял в гвардии и в 1845 году надел гражданский мундир с переименованием в действительного статского советника, а второй покинул столицу в скромном чине штабс-капитана. 10 марта 1851 года в Тифлисский егерский полк поступил рядовым князь Павел Иосифович Цицианов, 29 декабря того же года получивший унтер-офицерские нашивки. Еще два года он носил солдатскую шинель, и 29 сентября 1853 года уже в составе Ширванского полка за отличие в делах с горцами получил обер-офицерский чин прапорщика. Но первая награда нашла его только в 1858 году — орден Святой Анны 4-й степени. В 1862 году он имел чин подпоручика и служил в Апшеронском пехотном полку (Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 395. Оп. 54. Д. 677).

Вписаны Цициановы и в историю революционного движения. Князь Александр Константинович Цицианов (1850—1885), дворянин Тифлисской

губернии, родился в селе Корсли Горийского уезда, окончил Тифлисскую классическую гимназию. Уже в двадцатилетнем возрасте он примкнул к народникам, в 1873 году уехал за границу, где пробыл до начала 1875 года (жил в Цюрихе, Женеве, Париже). Входил в заграничный «кавказский» кружок народников (М.Н. Чикоидзе, И.С. Джабадари и др.), преобразованный в феврале 1875 года во «Всероссийскую социально-революционную организацию». Вернувшись в Россию, А.К. Цицианов выехал на Кавказ для организации «кавказской общины» и перевода своего немалого недвижимого имущества (оцененного в 200 тысяч рублей) в деньги, чтобы внести их затем в революционный фонд. Вскоре был выписан «организацией» в Москву и вошел в число руководителей революционного общества под кличкой «Санчо». Жил в Москве на нелегальном положении под фамилией дворянина Зедгенидзе, принял участие в организации попытки побега Н.А. Морозова из московской тюрьмы. Арестован в Москве в августе 1875 года, при аресте оказал вооруженное сопротивление (впервые в революционном движении). Привлечен к дознанию по делу о противоправительственной пропаганде и предан 30 ноября 1876 года суду особого присутствия Сената по обвинению в составлении «противозаконного сообщества», распространении «преступных сочинений» и покушении на убийство прапорщика Ловягина, производившего обыск при его аресте. Судился с 21 февраля по 14 марта 1877 года (т. н. «процесс 50-ти»), признан виновным и приговорен 14 марта 1877 года к лишению всех прав состояния и каторжным работам на сибирских заводах на 10 лет. В 1883 году его перевели на поселение в городе Киренске Иркутской губернии, где Цицианов тяжело заболел и умер в больнице 13 июля 1885 года.

См.: Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Т. 2. СПб., 1855.

Экономия жизни человеческой или сокращение индейского нравоучения, сочиненное некоторым древним брамином и обнародованное чрез одного славного бонза пекинского на китайском языке, с которого в первых на английский, а потом на французский, ныне же на российский переведено лейб-гвардии Преображенского полку бомбардирами князь Егором и Павлом Цициановыми. М., 1765. С. 12. Паг. 1-я.

Там же. С. 3, 8, 19, 20, 28, 41, 50, 97. Пар. 2-я.

Полевой инженер или офицер по случаю нужды строящий полевое укрепление. С французского языка переведен с надлежащими изъяснениями и дополнениями от князь Егора и Павла Цициановых, лейб-гвардии Преображенского полку от бомбардир-капралов. М., 1767. С. 3.

Там же. С. 9, 37.

Юлия, или Щастливое раскаяние. Примечания исторические. М., 1775.
С. 23.

Зубов П. Жизнь князя Павла Дмитриевича Цицианова. С. 9.

Записки Льва Николаевича Энгельгардта. М., 1867. С. 9.

Там же. С. 60.

Русский архив. 1872. Т. 10. Стб. 2149-2150.

Тамже. Огб.2159.

Первое Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ I),
Т. 10. № 7686.

Ланжерон С. Русская армия в год смерти Екатерины // Русская старина. Т. 83. С. 151-152.

Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф.
1374. Оп. 1. Д. 68. Л. 6 об.

РГИ А.Ф. 1286. Оп. 1. Д. 248. Л. 2; Ф. 1152. Оп. 4. Д. 205. Л. 2 об.; Ф. 869. Оп. 1. Д. 414; ПСЗ I, Мq 3049, Наказ от жителей Чухломы в Екатерининскую комиссию. СПб., 1911. Ст. 10.

Чавчавадзе Г. Краткий исторический очерк положения Грузии. 1801—1831 гг. Из записок князя Герсевана Чавчавадзе // Кавказский сборник. Т. 23. С. 15.

АКА К.Т. 1. Тифлис, 1866. С. 412.

Записки артиллерии полковника Ермолова с объяснением, по большей части тех случаев, в которых он находился, и военных происшествий того времени // Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. 1. М., 1865. С. 81.

Приложения к третьей части Истории лейб-гренадерского Эриванского его величества полка. СПб., 1895. С. 22.

Астольф де Кюстин. Россия в 1839 году. Т. 1. М, 1996. С. 199—200.

Жерве К.К. Воспоминания // Исторический вестник. 1898. № 5. С. 735-736.

Махалюк Я.Я. Грузинцы в Закавказье. Боевая летопись 14-го гренадерского Грузинского генерала Котляревского полка. Второе столетие. 1800—1900. Тифлис, 1900. Приложение XVII.

Записки Николая Николаевича Муравьева-Карсского // Русский архив.
1888. № 9. С. 17.

Волков С.В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 1—2. М, 2009.

Гогитидзе М. Грузинский генералитет (1699—1921). Биографический справочник. Киев, 2001.

ПСЗ I. Т. 15. № 11112.

Чиабров Д. Война и грузины. Пг, 1915. С. 3.

Гогитидзе М. Грузинский генералитет. С. 8—9.

ΠСЗ I. T. 9. N° 8065.

Тучков С.А. Записки. С. 254.

AKA K. T. 2. C. 345—346.

ΠСЗ I. T. 4. N° 2148, 26 J3; T. 9. № 6729; T. 10. № 7663.

Пишчевич С.С. Известия о похождениях Семиона Степанова сына Пишчевича // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. М, 1881. Ч. 4. С. 417.

Военный сборник. 1890. № 9. С. 76. Прил. 1.

Армянское войско в XVIII веке. Из истории армяно-русского военного содружества. Исследование и документы. Ереван, 1968. С. 58—59.

Нерсисян М.Г. Отечественная война 1812 года и народы Кавказа.
Ереван, 1965. С. 176.

Корелин А.Я. Дворянство в пореформенной России. 1861—1904. Состав, численность, корпоративная организация. М, 1979. С. 44.

См.: *Миллер Д.* Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии (Превращение казацкой старшины в дворянство). Киев, 1897.

АКА К. Т. 7. Тифлис. 1878. С. 42-43, 47-48.

Корелин А.Я. Дворянство... С. 48. ПСЗ 1. 1876. Т. 3, прим. к ст. 3, ст. 33. /

Величко В.Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку, 1990. С. 48.

AKA K. T. 7. C. 337-338.

Дубровин Я. Закавказье от 1803—1806 года. СПб., 1866. С. 449.

Там же. С. 450.

AKAK. T.7. C. 336-337

АКА К. т. 6. ч. 1. Тифлис, 1874. С. 524-525; *Санаков М.Я.* Из истории боевого содружества русского и осетинского народов (XVIII — начало XX в.). Цхинвали, 1987. С. 54; *Дубровин Я.* Алексей Петрович Ермолов на Кавказе // Военный сборник. 1882. № 5. С. 8.

Исторический архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 3. Оп. 5/3. Д. 10. Предположения для формирования армянских батальонов. Л. 2—11.

ПСЗ I. Т. 15. № 10983. 20. 08. 1759.

Там же. Т. 25. № 19166, 19167, 19168.

Там же. № 18823. 18. 05. 1799.

Там же. Т. 23. № 18041. 18. 07. 1797.

Там же. Т. 21. № 15846. 06. 10. 1783.

Бородкин М. История Финляндии. Время Николая I. Пг., 1915. С. 78.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 7. Ч. 1. СПб., 1848. С. 29; Ч. 2. СПб., 1850. С. 275-276,281-282; Ч. 3. СПб., 1851. С. 201-203.

Там же. С. 229-230.

Цит. по: *Мегрелидзе Ш. В.* Закавказье в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Тбилиси, 1972. С. 111.

AKAK.T. 7. C. 328.

Величко В. Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. С. 51.

РГВИ А. Ф. 846. Д. 5961. Л. 270.

Самбуева Л. В. Бурятское и эвенкийское казачество на страже отечества (Вторая четверть XVIII — первая половина XIX в.). Улан-Удэ, 2003. С. 76.

Цит. по: *Ибрагимбейли Х. М.* Россия и Азербайджан в первой трети XIX в. (Из военно-политической истории). М., 1969. С. 120—121.

AKAK.T. 11.C.201.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 133.
Л. 1-2.

Дневник секунд-майора Черниговского карабинерного полка барона Р. фон Каульбарса //Журнал Русского Военно-Исторического общества. 1910. № 1.С. 11.

Петров А.Н. Вторая Турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787-1791. СПб., 1880. Т. 1. С. 133-134, 172-173.

РГВИ А. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2727. Л. 120-129.

Записки Льва Николаевича Энгельгардта. С. 141.

Смит фон Ф. Суворов и падение Польши. Ч. 1. СПб., 1866.

А.В. Суворов. Документы. М., 1952. С. 347—348.

Восстание и война 1794 г. в Литовской провинции. Сб. документов.
Минск, 2001. С. 11.

Там же. С. 42.

Закрепившаяся на рубеже XVIII—XIX веков система высших армейских чинов на первый взгляд кажется нелогичной: генерал-лейтенант стоит выше генерал-майора, хотя значения самих «приставок» — прямо противоположные. Есть две версии складывания такой традиции, поскольку официального объяснения не существует. Согласно первой *лейтенант* обозначало *заместитель, помощник* (капитан-лейтенант — как помощник капитана). Таким образом, «генерал-лейтенант» был вторым после «полного генерала». *Майор* же означал *старший*, но это «старшинство» относилось прежде всего к чину бригадира; потому-то генерал-майоры и состояли в 4-м классе Табели о рангах.

Записки Льва Николаевича Энгельгардта. С. 158—159, 163.

Восстание и война 1794 г. в Литовской провинции. С. 41.

Там же. С. 43.

Там же. С. 50.

AK B.T. 32. M, 1886. C. 518-519.

Де-Пуле М.Ф. Станислав-Август Понятовский в Гродне и Литва в 1794-1797 гг. 2-е изд. СПб., 1871. С. 30.

Там же. С. 32.

Там же. С. 33.

Восстание и война 1794 г. в Литовской провинции. С. 57.

Там же. С. 35-37.

Там же. С. 38.

Там же. С. 49.

Там же. С. 73-74.

Записки Льва Николаевича Энгельгардта. С. 163.

Восстание и война 1794 г. в Литовской провинции. С. 46—47.

Там же. С. 106.

Там же. С. 142.

Там же. С. 143-144.

Записки Льва Николаевича Энгельгардта. С. 149.

Восстание и война 1794 г. в Литовской провинции. С. 155.

Там же.

Там же. С. 156-158.

Там же. С. 142.

А.В. Суворов. Документы. М, 1952. С. 383-384.

Там же. С. 428.

Записки Льва Николаевича Энгельгардта. С. 177—178.

Цит. по: *Де-Пуле М.Ф.* Указ. соч. С. 7.

Там же. С. 8-9.

Там же. С. 13.

Там же. С. 24.

Журнал пребывания его величества короля польского Станислава Августа в Гродне 1795—1796 годов, веденный при нем генерал-поручиком Ильей Андреевичем Безбородком. Извлечен из архива Виленского генерал-губернатора М.Ф. Де-Пуле. М., 1870. С. 28.

РГВИ А. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2736. Л. 10-17, 24-27.

Там же. Л. 106.

Записки Льва Николаевича Энгельгардта. С. 6.

Там же. С. 102.

Зубов П. Жизнь князя Павла Дмитриевича Цицианова. С. 18.

AK B. T. 13. M., 1878. C. 354-355.

Записки Льва Николаевича Энгельгардта. М., 1867. С. 182.

AK B.T. 13. M., 1878. C. 309.

Там же. Т. 12. М, 1877. С. 128.

Де-Пуле М, Ф. Указ. соч. С. 26, 27.

Девятнадцатый век. Исторический сборник. Кн. 2. М, 1872. С. 50.

Копия с собственноручного письма кн. Ник. Вас. Репнина к Николаю Сергеев. Ланскому от 30 апреля 1796 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 16. СПб., 1875. С. 246, 554—555.

Там же. С. 433.

Описание областей Адребиджанских... С. 7.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год.
Ч. 2. СПб., 1869. С. 361-362, 364-368.

Там же. С. 368-369.

Там же. С. 369.

История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка.
Ч. 3. СПб., 1892. С. 67.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 2. С. 353—354.

Там же. С. 360-361.

РГВИ А. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2813.

История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка.
Ч. 3. С. 65.

Там же. С. 68.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 2. С. 417.

Там же. С. 410-411.

Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 256.

См.: *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 2. С. 380-428.

Там же. С. 436-437.

История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка.
Ч. 3. С. 71.

Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках... Т. 1. С. 405.

Висковатов А.В. Князь Павел Дмитриевич Цицианов. С. 14—15.

Де-Пуле М.Ф. Указ. соч. С. 35.

Романовский В.Е. Очерки из истории Грузии. Тифлис, 1902. С. 16.

Там же. С. 27-30.

Авалов З. Присоединение Грузии к России. СПб., 1901. С. 31,56, 65-66.

Иоселиани П. Исторический взгляд на состояние Грузии под властью царей-магометан. Тифлис, 1849.

Кишмишев С.И. Последние годы Грузинского царства. Тифлис, 1898.
С. 14-15.

Кикодзе Г. Ираклий Второй. Тбилиси, 1948. С. 29.

Авалов З. Присоединение Грузии к России. С. 38.

Там же. С. 83-84.

Кортуа Н.М. Русско-грузинские взаимоотношения во второй половине XVIII в. Тбилиси, 1989. С. 82.

Картина Грузии, или Описание политического состояния царств карталинского и кахетинского, сделанное пребывающим при Его высочестве царе Карталинском и Кахетинском Ираклии Теймуразовиче полковником и кавалером Бурнашевым в Тифлисе в 1786 г. Тифлис, 1896. С. 8—9.

AKAK.T. 1.C. 186-187.

Романовский В.Е. Очерки из истории Грузии. С. 252.

Кишмишев С.И. Последние годы Грузинского царства. С. 32.

Там же. С. 34.

Там же. С. 46-48, 51.

Романовский В.Е. Очерки из истории Грузии. С. 359.

Авалов З. Присоединение Грузии к России. С. 18.

Кишмишев С.И. Последние годы Грузинского царства. С. 59.

Там же. С. 20-21.

Там же. С. 27-29.

Тамже.С.61,64-65.

Там же. С. 113.

Авалов З. Присоединение Грузии к России. С. 28.

Алиев Б. Г., Умаханов М.- С.К. Историческая география Дагестана. XVII — начало XIX в. Кн. 1. Махачкала, 1999.

4. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 12. Тифлис, 1901. С.

Абдул-Латиф-Эфенди. История Шекинских ханов. Баку, 1926. С. 6—13.

Описание областей Адребиджанских в Персии и их политического состояния, сделанное пребывающим при Его высочестве царе Карталинском и Кахетинском Ираклии Теймуразовиче полковником и кавалером Бурнашевым в Тифлисе в 1786 г. Курск, 1793. С. 4.

Дубровин Н. Закавказье от 1803—1806 года. С. 60—68.

Описание областей Адремиджанских... С. 5—7, 24—25.

Блиев М.М. Россия и горцы Северного Кавказа на пути к цивилизации.
М., 2004. С. 13-16.

Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. XVIII — первая половина XIX в. М, 1967. С. 90.

Блиев М.М. Россия и горцы... С. 30—31.

Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. С. 249.

АКА К. Т. 9. С. 199—200, 143—144; Колониальная политика
российского царизма в Азербайджане. Ч. 1. М.; Л., 1936. С. 85, 156—158.

Белокуров А.С. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 1. 1578-1613. М., 1889. С. 14.

Там же. С. 56.

Там же. С. 61.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 1. С. 17.

Лыцов В.И. Персидский поход Петра I. 1722—1723. М., 1951. С. 149.

ПСЗ I. Т. 7. № 4298. Петербургский договор от 12 сентября 1723 года.

Авалов З. Присоединение Грузии к России. С. 53.

Романовский В.Е. Очерки из истории Грузии. С. 208—209, 216—217.

Пайчадзе Г.Г. Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII в. Тбилиси, 1970. С. 94, 112, 114—115.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 1. С. 141.

Там же. С. 153.

Там же. С. 50.

Цит. по: *Шадури В.* Первый русский роман о Кавказе. Тбилиси, 1947.
С. 9.

Пайчадзе Г.Г. Русско-грузинские политические отношения... С. 258.

Там же. С. 267-268.

Белокуров А.С. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. С. 429.

Авалов З. Присоединение Грузии к России. С. 130.

Пайчадзе Г.Г. Русско-грузинские политические отношения... С. 46.

Там же. С. 278.

Там же. С. 166.

Цит. по: *Кортуа Н.М.* Русско-грузинские взаимоотношения во второй половине XVIII века. С. 119.

Там же. С. 123.

Там же. С. 117.

Вейденбаум Е.Г. Кавказские этюды. Тифлис, 1901. С. 170—192.

Авалов З. Присоединение Грузии к России. С. 109.

Вешапели Г. Единство Грузии и русский протекторат. М., 1917. С. 9.

Цит.: Там же. С. 10.

Там же. С. 10-11.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 2. СПб., 1869.
С. 220.

Киняпина Н. С, Блиев М. М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII — 80-е гг. XIX в. М., 1984. С. 74-75.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 2. С. 235—239.

ПСЗ I. Т. 21. С. 1026.

Пайчадзе Г. Г. Георгиевский трактат... С. 76—77.

Императорский Фарфоровый завод. 1744-1904. СПб., 2003. С. 82.

Цит.: Там же. С. 81.

Авалов З. Присоединение Грузии к России. С. 137—138.

Кишмишев С.И. Последние годы Грузинского царства. С. 82.

Бутков Я.Г. Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 2. С. 187.

Жизнь Александра Пишчевича... С. 67.

Бутков П.Г. Материалы... Ч. 2. С. 158.

Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках... Т. 1. С. 276.

Бутков П.Г. Материалы... Ч. 2. С. 195-196.

Авалов З. Присоединение Грузии к России. С. 149—150.

Бурнашев С.Н. Новые материалы для жизнеописания С.Д. Бурнашева, бывшего в Грузии с 1783 по 1787 год. СПб., 1901. С. 29.

Картина Грузии... С. 20.

Бурнашев С.Я. Новые материалы... С. 31.

Там же. С. 7.

Авалов З. Присоединение Грузии к России. С. 148.

Вешапели Г. Единство Грузии и русский протекторат. С. 31—33.

Дубровин Н. Георгий XII, последний царь Грузии, и присоединение ее к России. СПб., 1867. С. 17, 21—24.

Бутков Я.Г. Материалы... Ч. 2. С. 160—161.

Там же. С. 162-163.

Тучков С.А. Записки... С. 253.

AKAK.T. 1.C. 137-138.

Тучков С.А. Записки... С. 254.

Там же. С. 239-240.

Там же. С. 243-244.

История 13-го лейб-гренатерского Эриванского его величества полка.
Ч. 3. СПб., 1892. С. 98.

250

AKA K. T. I. C. 98.

2. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 1. Тифлис, 1901. С.

AKA K. T. 1.C. 301-304.

Там же. С. 184-185.

Там же. С. 276-294, 305-306.

Романовский В.Е. Очерки из истории Грузии. С. 287.

AKA K. T. 1.C. 153-154.

Там же. С. 317-319, 327, 331.

Там же. С. 255.

Там же. Т. 1. С. 369.

Там же. С. 379.

Цит. по: *Авалов З.* Присоединение Грузии к России. С 252.

AKA K. T. 1.C. 581.

263

Там же. № 79, 12,66.

Там же. № 73.

Там же. С. 164-167.

Там же. С. 168-169.

Сокол К.Г. Монументальные памятники Российской империи. Каталог. М., 2006. С. 197.

AKA K. T. 1.C. 255.

Романовский В.Е. Очерки из истории Грузии. С. 250.

270

AKA K. T. 1.C. 414.

Там же. С. 417.

Там же. С. 418.

Там же. С. ПО.

Там же. С. 180-181.

Авалов З. Присоединение Грузии к России. С. 178.

AKA K. T. 1. c. 142.

Берже А.П. Присоединение Грузии к России // Русская старина. Т. 28. 1880. С. 173.

AKA K. T. 1.No 543.

Берже А.П. Присоединение Грузии к России. С. 176—177.

Дубровин Н. Георгий XII, последний царь Грузии... С. 187.

Жизнь Александра Пишчевича.. С. 55.

Цит. по: *Авалов З.* Присоединение Грузии к России. С. 217.

Берже А.П. Присоединение Грузии к России. С. 376—378.

AKAK.T. 1.C. 412.

Авалов З. Присоединение Грузии к России. С. 236.

Бутков П. Г Материалы... Ч. 2. С. 476—484.

Авалов З. Присоединение Грузии к России. С. IV.

AKAK.T.2.C.5-6.

Давид, царевич Грузинский. Краткая история Грузии. Тифлис, 1893.

AKAK.T. 1.C. 406-407.

Там же. Т. 2. С. 25.

Романовский В.Е. Очерки из истории Грузии. С. 284—286.

AKAK.T. 1.C. 133.

Там же. С. 125.

Там же.

Тучков С.А. Записки. С. 234.

299

AKA K. T. 1.C. 269-270.

Там же. С. 405-407.

301

Там же. С. 408-411.

Тучков С.А. Записки... С. 255.

Авалов З. Присоединение Грузии к России. С. 224—225.

AKAK.T 3. C. 3-4.

Письма князя Павла Дмитриевича Цицианова к Василию Николаевичу Зиновьеву // Русский архив. Т. 10. М., 1872. Стб. 2104, 2108, 2110, 2111,2128,64.

Там же. Стб. 2141.

Там же. Стб. 1273.

Серков А.И. Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 200, 201, 279, 347, 867.

AKB. T. 32. M., 1886. C. 481.

Там же. Т. 40. М, 1889. С. 519-520.

Там же. Т. 36. М, 1890. С. 22.

Там же. С. 29.

Там же. С. 82.

Там же. Т. 32. С. 468.

Там же. С. 475.

Там же. Т. 12. М, 1877. С. 277.

Там же. С. 284.

Там же. Т. 32. С. 479.

Романовский В.Е. Очерки из истории Грузии. С. 301.

320

AKAK. T2. C.9-10.

321

Там же. С. 3.

Там же. С. 4.

323

Там же.

Записка об устройстве участи членов бывших царских домов:
грузинского и имеретинского. Б. м.; б. г. С. 2.

325

ПЧЗ I. № 20386.

Тучков С.А. Записки. С. 262—265.

Там же. С. 270.

Девятнадцатый век. Исторический сборник. Кн. 2. М., 1872. С. 11.

Тучков С.А. Записки. С. 276.

330

AKAK. T.2.C. 1113.

Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках... Т. 1. С. 329.

Дубровин Н. Закавказье... С. 209.

Берже А.П. Присоединение Грузии к России. С. 23.

AKAK. т. 3 с.68.

Там же. С. 10, 103-105.

Там же. Т. 2. С. 1029.

Берже А.П. Присоединение Грузии к России. С. 366.

Дубровин Н. Закавказье... С. 460.

Тучков С.А. Записки. С. 277.

340

AKA K. T. 2. C. 656.

Дубровин Н. Закавказье... С. 462.

Там же. С. 461.

Там же. С. 467.

Там же. С. 469-470.

345

AKA K. T. 2. C. 777.

Дубровин Н. Закавказье... С. 237.

Там же. С. 202.

348

AKA K. T. 2. C. 37.

Там же. С. 38-42.

Там же. С. 550.

Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 12. С. 34.

Там же. С. 42-43.

AKA K. T. 2. C. 47.

Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 12. С. 4.

355

AKA K. T. 2. C. 555-556.

Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 12. С. 5—6.

Записки Дмитрия Ивановича Кипиани // Русская старина. Т. 50 1886.
С. 276.

AKA K. T. 2. C. 549.

Там же. С. 302-303.

Там же. С. 305,333.

361

Там же. С. 337.

Там же. С. 263.

Там же. С. 264.

Там же. С. 267-268.

Там же. С. 268.

Там же. С. 268-269.

Там же. С. 292.

Там же. С. 279-280.

Там же. С. 281.

Там же. С. 17.

Там же. С. 21.

Там же. С. 25-26.

Там же. С. 270.

Там же. С. 570.

Там же. Т. 3. С. 337.

Там же. Т. 2. С. 567.

Дубровин Н. Закавказье... С. 458—459.

AKA K. T. 2. C. 285-286.

Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 12. С. 45.

380

AKA K. T. 1.C. 631.

Дубровин Н. Закавказье... С. 216.

382

AKA K. T. 2. C. 208.

Картина Кавказского края... Ч. 1. С. 149.

Тучков С.А. Записки. С. 280.

Парсамян В.А. История армянского народа. Ереван, 1972. С. 34.

AKA K. T. 2. C. 837, 839.

387

РГИ А.Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 15 об.

AKA K. T. 2. C. 267.

Там же. С. 757-758.

Там же. С. 755.

Там же. С. 1110-1112.

Там же. С. 766.

Там же. С. 767.

Там же. С. 769.

Там же. С. 770-772.

Там же. С. 773.

Там же. С. 895.

Там же. С. 1115.

Там же. С. 629.

Дубровин Н. Закавказье... С. 111.

401

Там же. С. 214-215.

402

AKA K. T. 2. C. 841.

Там же. С. 888.

Там же. С. 891.

Там же. С. 887.

Там же. С. 889.

407

AKA K. T. 3.C. 889.

408

AKA K. T. 2. C. 896.

Там же. С. 896.

Там же. С. 899.

Там же. С. 904-905.

Там же. С. 907.

Там же. С. 908-909.

Там же. С. 911.

Там же. С. 912.

Там же. С. 20.

417

Там же.

Там же. С. 34.

Там же. С. 935-936.

420

AKA K. T. 3.C. 86.

421

AKA K. T. 2. C. 46.

Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 12. С. 47.

Там же. С. 37.

Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 12. С. 12.

426

AKA K. T. 3.C. 8.

Там же. С. 6.

Там же. Т. 1. № 578.

Там же. С. 388. № 495.

430

Там же. № 233.

431

AKA K. T. 2. C. 49.

Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 12. С. 44.,

AKAK. T. 2. C. 46.,

434

ПИС I. № 20067,21087.

435

AKA K. T. 2. C. 36-37.

Там же. С. 24.

Там же. С. 19.

Там же. С. 31.

Там же. С. 32.

Записки Дмитрия Ивановича Кипиани. С. 277.

Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 12. С. 34.

AKA K. T. 5. № 276; T. 3. № 33; T. 4. № 49.

Там же. Т. 3. С. 86.

Там же. Т. 2. С. 57.

445

Там же. С. 58-60.

446

Там же. Т. 1.С. 1047.

Там же. Т. 2. С. 23.

Там же. С. 46.

Там же. С. 19.

Там же. С. 27-28.

Правилова Е.А. Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801—1917. М, 2006. С. 104.

Цит.: Там же. С. 104.

453

AKA K. T. 1.C. 434-435.

Там же. Т. 2. С. 4.

Цит. по: *Правилова Е.А.* Финансы империи. С. 247.

456

AKA K. T. 2.

Цит по: *Правилова Е.А.* Финансы империи. С. 249.

Там же. С. 262.

459

Там же. С. 265.

Эсадзе С.С. Очерк истории горного дела на Кавказе. Деятельность графа Мусина-Пушкина и князя Цицианова при введении горного производства в Грузии. Тифлис, 1903. С. 20—21, 26—27.

461

Там же. С. 27.

Там же. С. 38, 72.

463

Там же. С. 71.

464

AKA K. T. 2. C. 216.

Там же. С. 217.

Эсадзе С.С. Очерк истории горного дела на Кавказе. С. 111.

467

Там же. С. 116-118, 130-131.

AKAK. T.2.C.214-215.

Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX в. М., 1947. С. 306-309.

470

AKA K. T. 2. C. 203, 205.

471

ПСЗ I. № 20742.

472

Там же. № 20055.

473

AKAK. T.2.C.211,217.

Эсадзе С.С. Очерк истории горного дела на Кавказе. С. 148.

Там же. С. 143.

Там же. С. 132.

Там же. С. 140.

Там же. С. 137-139.

Цит.: Там же. С. 134.

AKAK. T 2. C. 219-220.

Эсадзе С.С. Очерк истории горного дела на Кавказе. С. 151—152.

Секретная инструкция, данная императором Николаем I полковнику Бартоломею перед отправлением в Персию с резолюцией императора Николая I относительно Грибоедова, и донесение полковника Бартоломея // Русская старина. 1910. Т. 142.

AKAK. T. 1.C.352.

Дубровин Н. Георгий XII, последний царь Грузии... С. 37.

Вейденбаум Е.Г. Кавказские этюды. С. 162.

486

AKA K. T. 2. C. 223-224.

Там же. С. 228-229.

488

ПС31.МБ 21270.

Картина Кавказского края... С. 181—184.

Градовский Г.К. Война в Малой Азии в 1877 г. СПб., 1878. С. 7.

491

AKA K. T. 2. C. 226.

Там же. С. 231-232.

Там же. С. 229.

Там же.. С. 231.

Там же. С. 756-757.

Там же. С. 790.

Там же. С. 793.

Там же. С. 791.

Волконский Н.А. Кавказ в 1787—1799 годах // Кавказский сборник. Т. 15. Тифлис, 1894. С. 34.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1895. С. 52.

501

Там же. С. 512.

Дубровин Н. Закавказье... С. 451—452.

503

AKA K. T. 2. C. 299-300.

Дубровин Н. Закавказье... С. 448.

505

AKA K. T. 2. C. 195-196.

506

ПІСЗ І. № 20864.

507

AKA K. T. 2. C. 201.

Там же. С. 198-199.

Там же. С. 200.

См.: Развитие учебного дела на Кавказе и в бывшем царстве Грузинском в XIX в. Б. м.; б. г.

511

AKA K. T. 3. C. 25.

Там же. С. 682.

Там же. Т. 2. С. 239-240.

Дубровин Н. Закавказье... С. 131.

515

ПСЗ I. Т. 27.

516

AKA K. T. 2. C. 25-26.

Тучков С.А. Записки. С. 286.

518

AKA K. T. 2. C. 256.

Там же. С. 256-257.

Там же. С. 251-252.

Там же. С. 254.

Там же. С. 233-235.

Там же. С. 241.

Там же. С. 49.

Там же. С. 51.

Там же. С. 570.

Там же. С. 250.

528

Там же.

529

ПІС І. № 20385, 20476.

Эсадзе С.С. Очерк истории горного дела на Кавказе. С. 154—157.

531

AKAK. T.2.C.2И.

Дубровин Н. Закавказье.... С. 131.

533

AKA K. T. 2. C. 247-248.

Деятнадцатый век. Кн. 2. С. 5.

Там же. С. 11.

Там же. С. 24.

537

Там же.

Там же. С. 34.

Там же. С. 40.

Там же. С. 64.

541

Там же. С. 67.

AK B.T. 12. M., 1877. C. 207.

Там же. Т. 14. М., 1879. С. 188.

Там же. Т. 12. С. 297.

Русский архив. Т. 10. Стб. 2171.

Девятнадцатый век. Кн. 2. С. 80.

547

Там же. С. 85.

Там же. С. 86, 43.

AK B.T. 32. C. 489, 474.

AK B.T. 36. C. 27.

Русский архив. Т. 10. С. 1872.

Деятнадцатый век. Кн. 2. С. 89, 104, 108.

Там же. С. 96.

554

AKA K. T. 2. C. 48.

Картина Кавказского края... С. 71.

Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского полка. Т. 1. С. 5, 23-25.

Очерки истории Адыгеи. Т. 1. Майкоп, 1957. С. 127, 290.

Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 9. Тифлис, 1876. С. 154, 156, 158-159.

Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 2. С. 45.

Там же. С. 175.

Блиев М.М. Россия и горцы... С. 90—94.

Там же. С. 98.

AKAK T. 1.C. 716, 741.

Там же. Т. 2. С. 231.

Петин С. Собственный Его императорского величества конвой. Исторический очерк. СПб., 1899. С. 94-95.

Бурнашев К. Описание горских народов. С. 4, 6—7.

567

Там же. С. 11-15.

Дубровин Н. Георгий XII, последний царь Грузии... С. 167.

Суворов А.В. Письма. М., 1986. С. 56.

Жизнь Александра Пишчевича... С. 108.

571

Картина Кавказского края... С. 75.

Там же. С. 75-77.

573

AKA K. T. 2. C. 456.

Там же. С. 761-762.

Депеша французского консула в Тифлисе виконта де Кастильона к министру иностранных дел Гизо. 27 мая 1844 г. // Тарих. 1996. № 2/3. С. 60.

576

РГВИ А. Ф. 846. Д. 6363. Л. 29.

Блиев М.М. Россия и горцы... С. 19.

Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2.
Екатеринодар, 1913. С. 34.

Лолиадзе Ш. В. Южная Грузия с середины XVIII в. по 50-е гг. XIX в. Тбилиси, 1973. С. 16.

Хазанов А.М. «Военная демократия» и эпоха классовообразования // Вопросы истории. 1968. № 12. С. 96.

581

AKA K. T. 2. C. 228-229.

Дубровин Н. Закавказье... С. 238-239.

РГВИ А. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 1129. Л. 2.

584

Там же. Ф. 846. Д. 6186. Л. 119, 124-126.

585

Там же. Д. 6190. Л. 1-3.

Картина Кавказского края... Ч. 3. СПб., 1834. С. 159, 173.

587

AKA K. T. 2. C. 957, 958.

Там же. С. 953.

Там же. С. 959, 960.

590

Там же. С. 962.

591

Там же. С. 956.

592

Картина Кавказского края... Ч. 1. С. 76, 82.

593

AKA K. T. 2. C. 943.

Там же. С. 944—945.

595

Там же. С. 951.

Там же. С. 952.

Там же. Т. 1. С. 579.

Дубровин Н. Георгий XII, последний царь Грузии... С. 157—158.

Картина Кавказского края... Ч. 1. С. 41—42, 56—62.

600

Там же. С. 13.

601

Картина Грузии... С. 4.

602

Картина Кавказского края... Ч. 1. С. 152.

Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский.
Т. 2. С. 416-417.

История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 1967. С. 123—124; *Блиев М.М.* Россия и горцы... С. 74-75.

Картина Грузии... С. 1—2.

Лыцов В.П. Персидский поход Петра I. С. 47—48.

Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен Св. Апостолов до XIX столетия. Сочинение Генерального штаба полковника Ракинга. 1862 Публ. В.А. Захарова / Сборник Русского исторического общества. № 2 (150). М., 2000. С. 15—38.

Картина Грузии... С. 1.

609

AKA K. T. 3. C. 7.

Лыцов В.П. Персидский поход Петра I. С. 103—104.

Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой трети XIX в. Внутренний строй и борьба с российским колониальным наступлением. Тифлис, 1934. С. 14—16.

612

Зубов П. Указ. соч. Т. 2. Ч. 3. С. 51.

Джаро-белоканцы до XIX столетия // Кавказ. 1846. № 3. 19 января.

Петрушевский И.П. Джаро-белоканские вольные общества... С. 17—
20.

615

AKA K. T. 1.C. 653.

Там же. С. 645.

617

AKAK. T. 1.C.651.

Там же. Т. 2. С. 287.

619

Там же. С. 624.

620

Там же. С. 1026.

621

Тамже.С210.

История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка.
Ч. 3. С. 151.

Секретная инструкция, данная императором Николаем I полковнику Бартоломею перед отправлением в Персию... С. 424—426.

Зубов П. Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 125.

625

AKA K. T. 3. C. 7.

Там же. Т. 2. С. 1018.

Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 912;
Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI—XVIII вв.). СПб., 1996. С.
119.

Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. С. 825—826.

Лапинский Т. Горцы Кавказа... С. 41.

630

РГИ А.Ф. 846. Д. 6186. Л. 185.

631

Лапинский Т. Горцы Кавказа... С. 41.

Филипсон Г.И. Воспоминания. С. 273, 332—333.

Волконский К.А. Трехлетие на лезгинской кордонной линии (1847—1849) // Кавказский сборник. Т. 9. С. 266; *К Левый фланг Кавказской линии в 1848 году*//Там же. С. 428; *Юров А.* 1840,1841 и 1842-й годы на Кавказе // Там же. Т. 10. С. 313.

634

AKA K. T. 2. C. 299.

Цит. по: *Шадури В.* Первый русский роман о Кавказе. С. 10.

Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 1. С. 261—262.

637

AKA K. T. 1.C. 435.

638

РГВИ А. Ф. 846. Д. 6166. Ч. 1. Л. 135.

639

АКА К. Т. З. Тифлис, 1869. С. 7.

Армянское войско в XVIII веке... С. 103—105.

641

ПСЗ I. Т. 8. № 6097.

Армянское войско в XVIII веке... С. 361.

Записки Н.Н. Муравьева// Русский архив. 1888. № 8. С. 582, 592-593,597,601.

644

РГВИ А. Ф. 846. Д. 6166. Ч. 1. Л. 135.

645

AKA K. T. 2. C. 316.

646

Там же. С. 937.

Тучков С.А. Записки. С. 333.

648

AKA K. T. 11. C. 205-207.

Там же. Т. 2. С. 671.

Санакоев М.П. Из истории боевого содружества русского и осетинского народов (XVIII — начало XX в.). Цхинвали, 1987. С. 54.

651

АКА К. Т. И.С. 59.

Гейне К. Пшехский отряд... С. 457; *Юров А.* 1840, 1841 и 1842-й годы на Кавказе. С. 101.

Дондуковкорсаков А.М. Мои воспоминания. 1840—1844. С. 58.

654

Там же. С. 52.

Приложения к 3-й части Истории 13-го лейб-грендерского Эриванского его величества полка. СПб., 1895. С. 30—35.

656

РГВИ А. Ф. 846. Д. 6166. Ч. 1. Л. 9.

657

Там же. Л. 17-20.

658

Там же. Л. 23.

История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка.
Ч. 3. С. 135.

660

АКАК. Т.2.МБ 1470.

661

Там же. № 1493.

История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка.
Ч. 3. С. 120.

663

Там же. С. 153.

664

ГАР Ф.Ф. 678. Оп. 1. Д. 386. Л. 162.

История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка.
Ч. 3. С. 179.

666

Там же. С. 179.

667

AKAK. T.2.C.843-844.

Дубровин Н. Закавказье... С. 352.

669

Там же. С. 240.

670

РГВИ А. Ф. 846. Д. 61. Ч. 1. Л. 3-3 об.

671

AKAK. T.2.C. 1019.

История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка.
Ч. 3. С. 221.

673

AKAK. T.2.C. 1019.

Лезгинская экспедиция в 1857 году // Кавказская старина. Т. 2. С. 437.

675

РГВИ А. Ф. 846. Д. 6166. Ч. 1. Л. 3.

*Т. Воспоминания Кавказского офицера // Русский вестник. 1864. № 9.
С. 19.*

Записки А.П. Ермолова 1798-1826. М., 1991. С. 287-288.

678

РГВИ А. Ф. 846. Д. 6166. Ч. 1. Л. 34.

Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 46—47.

680

AKA K. T. 2. C. 682-683.

681

Там же. С. 683.

682

Дубровин Н. Закавказье... С. 95.

683

Там же. С. 101.

684

AKAK. T.2.C774.

685

Там же. С. 686-687.

Петрушевский И. И Джаро-Белоканские вольные общества... С. 23.

Потто В, Л. Кавказская война в отдельных очерках... Т. 1. С. 333.

688

AKAK. T.2.C688.

Там же. С. 690.

690

Там же.

691

Там же. С. 763.

Петрушевский И. И Джаро-Белоканские вольные общества... С. 80—90.

693

AKAK. T.3.C95.

Там же. С. 323-325.

Там же. Т. 1. С. 581-585.

Там же. С. 588.

Там же. Т. 2. С. 232.

Там же. С. 243.

699

РГВИ А. Ф. 846. Д. 6166. Л. 1. С. 131.

700

AKAK. T.2.C555.

701

AK Б.Т. 36. С. 10-11.

702

Там же. С. 11.

Русский архив. 1872. Т. 10. Стб. 2170.

704

РГВИ А. Ф. 846. Д. 6166. Ч. 1. Л. 124.

705

AKA K. T. 2. C. 559.

Кавказцы, или Подвиги и жизнь замечательных людей, действовавших на Кавказе. СПб., 1859. С. 6.

707

AKA K. T. 2. C. 586-587.

История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка.
Ч. 3. С. 207.

Дубровин Н. Закавказье... С. 224.

РГВИ А. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4276. Л. 1—7. Маршрут от города Тифлиса до крепости Ганжи, по которому следовали войска, бывшие в предводительстве господина генерал-лейтенанта и кавалера князя Цицианова 1803 года ноября с 20-го декабря по 2-е число.

АКА К. Т. 2. С. 588-589; *Дубровин Н.* Закавказье... С. 226.

712

AKA K. T. 2. C. 590.

Махлаюк Н.П. Грузинцы в Закавказье. С. 15.

Давиду царевич Грузинский. Краткая история Грузии. С. 61.

Цит. по: *Висковатов А.В.* Князь Павел Дмитриевич Цицианов. С. 32—33.

Деятнадцатый век. Кн. 2. С. 36.

Тучков С.А. Записки. С. 289.

718

AKA K. T. 2. C. 634.

Дубровин Н. Закавказье... С. 306.

720

Там же. С. 307.

Санковский П. Материалы для истории русских за Кавказом. Экспедиция против Эривани в 1804 году // Тифлисские ведомости. 1831. № 2.

Дубровин Н. Георгий XII, последний царь Грузии... С. 9.

Бутков П.Г. Материалы... Ч. 1. С. 144.

724

AKA K. T. 2. C. 851.

Там же. С. 795-796.

Коргуев Н. Русский флот в царствование императора Николая I. СПб., 1896. С. 11.

727

AKA K. T. 2. C. 605.

Дубровин Н. Закавказье... С. 303.

Там же. С. 314.

730

Там же. С. 301.

Махлаюк Н.П. Грузинцы в Закавказье. С. 22.

Дубровин Н. Закавказье... С. 314.

733

РГВИ А. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4282.

734

AKA K. T. 2. C. 809-810.

Тучков С.А. Записки. С. 298.

736

Там же. С. 306.

Дубровин Н. Закавказье... С. 323.

738

Там же.

Тучков С.А. Записки... С. 318.

Сокол К.Г. Монументальные памятники Российской империи. С. 198.

Санковский П. Материалы для истории русских за Кавказом // Тифлисские ведомости. 1831. № 12—14.

742

Там же. № 3.

Тучков С.А. Записки... С. 328.

Там же. С. 330.

745

AK Б.Т. 36. С. 76-77.

Санковский П. Материалы для истории русских за Кавказом // Тифлисские ведомости. 1831. № 12—14.

Дубровин Н. Закавказье... С. 349.

Санковский П. Материалы для истории русских за Кавказом // Тифлисские ведомости. 1831. № 15—17.

749

Там же. № 3.

750

AKA K. T. 2. C. 805.

Санковский П. Материалы для истории русских за Кавказом // Тифлисские ведомости. 1831. № 12—14.

752

AKA K. T. 2. C. 817-821, 823.

Дубровин Н. Закавказье... С. 359.

754

Там же. С. 360.

Там же. С. 361.

756

AKA K. T. 2. C. 311-312.

Дубровин Н. Закавказье... С. 368.

758

Там же. С. 369.

Там же. С. 369-371.

760

AKA K. T. 3. C. 63.

761

Дубровин Н. Закавказье... С. 373.

762

AKA K. T. 2. C. 677.

763

AKB.T. 36.C.27.

764

AKA K. T. 2. C. 835.

Там же. С. 833-834.

История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка.
Ч. 3. С. 223.

Там же. С. 225.

Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках... Т. 1. С. 393.

Гржегоржевский И.А. Генерал-лейтенант Клюки-фон-Клюгенау //
Русская старина. 1874. Т. 11. С. 143.

ОР РН Б.Ф. Ф. IV. Д. 910. Записка о выводе дезертиров наших из Персии. Л. 49 об. — 50; *Новоселов С.* Генерал-майор Лев Львович Альбрант // Описание замечательных подвигов, совершенных на Кавказе. СПб., 1858. С. 8-35.

Захарьин И.Н. Посольство в Хиву // Исторический вестник. 1894. № 11. С. 436-437.

772

AKA K. T. 2. C. 834.

Там же. С. 836.

История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка.
Ч. 3. С. 241.

Там же. С. 231.

Там же. С. 232.

Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. 4-е изд.
Тифлис, 1913. С. 10-12. (Паг. 2-я).

778

AKA K. T. 2. C. 839.

История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка.
Ч. 3. С. 239.

Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках... Т. 1. С. 409.

781

Там же. С. 349.

Там же. С. 413.

Кавказцы, или Подвиги и жизнь замечательных людей, действовавших на Кавказе. С. 18.

784

AKA K. T. 2. C. 630-631.

Там же. С. 86-87.

Дубровин И. Закавказье... С. 422.

Там же. С. 433.

788

AKAK. T. 2. C. 831.

Там же. С. 830.

790

Там же. С. 849-850.

791

Там же. С. 851.

Там же. С. 851-852.

Там же. С. 847.

794

Там же. С. 1036.

Тучков С.А. Записки... С. 337.

796

Московские ведомости. 1806. № 31. 18 апреля.

797

AKA K. T. 3. C. 237.

Там же. С. 250.

Там же. С. 445, 453.

Там же. С. 301-302.

801

Там же. С. 304-305.

Ибрагимбейли Х. М. Россия и Азербайджан... С. 146—147.

Коцебу М.Е. Вторжение персиян в Грузию в 1826 году // Кавказский сборник. Т. 22. Тифлис, 1901. С. 6.

804

Там же. С. 16-17.

Соллогуб В. Биография генерала Котляревского. Тифлис, 1854. С. 11-112.

Там же. С. 142.

Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках... Т. 1. С. 497—500.

Цит. по: *Соллогуб В.* Биография генерала Котляревского. С. 190.

Сокол К.Г. Монументальные памятники Российской империи. С. 197.

Зубов И. Жизнь князя Павла Дмитриевича Цицианова. С. 19.

811

AKA K. T. 2. C. 629.

812

Там же. Т. 1.С.291.

Пицхалашвили А.Г. Имеретия и Гурия в период 1804—1840 гг. С. 17.

Дубровин Н. Закавказье... С. 141.

Картина Грузии... С. 20—24.

Сагарадзе М.А. Культурно-исторический очерк Западной Грузии.
Кутаис, 1909. С. 35.

817

AKA K. T. 1.C. 571.

Пирицхалаишвили А.Г. Указ. соч. С. 29—31.

Дубровин К. Закавказье... С. 147.

820

AKA K. T. 2. C. 1016.

Тучков С.А. Записки. С. 256-257.

Дубровин Н. Закавказье... С. 199—201.

823

Цит. по: *Пицхалаишвили А.Г. Указ. соч. С. 38.*

Дубровин Н. Закавказье... С. 243.

825

AKB.T36. M., 1890.C. 10.

Дубровин Н. Закавказье... С. 249.

827

Там же. С. 253.

828

Там же.

829

Там же. С. 260.

830

AKA K. T. 2. C. 409.

831

Там же.

832

AKB.T. 36. C. 10-11.

Дубровин Н. Закавказье... С. 385.

834

Там же. С. 390.

Там же. С. 458.

Там же. С. 278.

Там же. С. 279.

Там же. С. 403.

839

AKAK. T.2.C405.

Там же. С. 405-406.

841

Там же. С. 417.

Там же. С. 419-420.

843

Там же. С. 440-441.

Там же. С. 445.

845

Там же. С. 51.

846

Там же. № 220.

847

Там же. Т. 3. С. 115, 138.

848

Там же. С. 115,120-124.

849

Там же. С. 125.

Там же. С. 121-122.

851

Там же. С. 135-136.

852

Там же. С. 174.

853

Там же. С. 186.

РГВИ А. Ф. 846. Д. 6166. Ч. 1. Л. 144, 147-148, 219-220.

Дубровин Н. Закавказье... С. 454.

Цит. по: *Гордин Я.А.* Кавказ: Земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб., 2000. С. 87.

Дубровин Н. Деятельность Торماسова на Кавказе // Военный сборник. 1877. № 12. С. 191-192, 196-197.

Там же. С. 33—34.

Там же. С. 201-202.

860

AKAK. T.4.№ 1021.

Дубровин Н. Деятельность Торماسова на Кавказе // Военный сборник. 1877. № 11. С. 5-6, 37-38.

Русская старина. Т. 50. 1886. С. 373-375.

Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках... Т. 1. С. 447.

Там же. С. 448-449.

865

Там же. С. 470, 479.

Потто В.А. Кавказская война. М., 1996. Т. 2. С. 7.

867

AK B.T. 36. C. 158.

Там же. С. 179-180.

869

РГВИ А. Ф. 395. Оп. 641315. Д. 1483. По прошению кн. Цицианова о награждении его орденом Св. Владимира 4-й степени. Л. 10, 19, 20—23.

870

8 февраля 1806 г. — 8 февраля 1846 г. // Кавказ. 1846. № 6. 8 февраля.

871

Висковатов А.В. Князь Павел Дмитриевич Цицианов.

Ковалевский П.И. Завоевание Кавказа Россией. Исторические очерки.
С. 79.

873

Там же. С. 126.

Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 12. С. 44, 50.

Дубровин Н. Закавказье... С. 356—357.

Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. С. 9—10.

Натиев Д.Н. Памяти генерала князя Цицианова, шефа 156-го пехотного Елисаветпольского полка. СПб., 1910. С. 29.

878

Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. С. 192,203.

879

Эсадзе Б.С. Боевые подвиги российских войск. Альбом картинной галереи Кавказского военно-исторического музея. Тифлис, 1899.

880

Русский инвалид. 1832. № 60, 62, 63. 7, 9, 10 марта.

Натиев Д.Н. Памяти генерала князя Цицианова... С. 17.

882

Там же. С. 27-31.

Исмаил-Заде Д.И. И.И. Воронцов-Дашков — администратор, реформатор. СПб., 2008. Приложения. «Кавказский запрос». С. 196,208, 308.

Гордин Я.А. Кавказ: Земля и кровь... С. 56.

Там же. С. 68.

Там же. С. 71-74.

В. Д.К. Русско-грузинский памятник // Кавказский вестник. 1901. № 6.
С. 45.